3 1761 08106853 8

Бюллетени литературы и жизни.

в. 5, no. 20-21

Title transliterated:
Biulleteni literatury i zhizni

AP
50
B54
v.5
NO.20-21

ц. 30 к.

Въ провинціи и на ст. жел. дор. 35 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 20. Іюнь—II. 1914.

(Пятый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Что такое прогрессъ?..... 1141
2. Творчество жизни. (Міросозерцаніе индійскаго поэта Р. Тагора). Проблема своего я.—Проблема зла.—Осуществленіе себя на дѣлѣ.—Осуществленіе себя путемъ любви..... 1147
3. Изъ индійской поэзіи..... 1154
4. „Старая“ и „новая“ мораль. („Завѣты отцовъ“ В. Винниченко)..... 1160
5. Революція, доведенная до абсурда. („Петербургъ“ Андрея Бѣлаго)..... 1171
6. „Не мы судимъ, а насъ судятъ“. („Случай съ предсѣдателемъ“ В. Наконова)..... 1181
7. Лицо героя „нашего“ времени.. 1186
8. Въ заботахъ объ улучшеніи расы. „Лѣсныя“ и открытыя школы.—Электризованныя дѣти.—„Культура молодости“.—Новая форма“брака..... 1188
9. Отзывы о книгахъ 617
10. Новыя книги 638
11. Содержаніе журналовъ..... 647
12. Книги, поступившія въ редакцію. 650

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 10 м.—3 р. 40 к., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р. ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

Перемѣна адреса—20 коп. (Можно марками).

Редакція и контора: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Телеф. 5-02-06.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) Москва, Тверской бульв., 26. Кн. маг. „Трудъ“ С. Скирмунта. 2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція“.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ: новый адресъ редакціи и конторы: Хлѣбный пер., д. 1, кв. 53.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

Комиссіонера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право", Нюренберга, „Законовѣдѣніе", Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зеркала (и. отъ 25 до 50 руб.) и пр. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ". □ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—28

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА

ЛОГОС

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПО ФИЛОСОФІИ КУЛЬТУРЫ.

Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ — 15 янв., 15 марта, 15 сент. и 15 ноября — книгами по 10 листовъ каждая. „Логосъ" издается въ *Спб. Т-вомъ М. О. Вольфъ* при редакціонномъ участіи пр.-доц. *С. І. Гессена* (Спб.), *Э. К. Метнера* (Москва), пр.-доц. *В. Е. Сеземана* (Спб.), *Ѳ. А. Степуна*, *Б. В. Яковенко* (Москва), при ближайшемъ участіи проф. А. Введенскаго, акад. В. Вернадскаго, проф. И. Гревса, проф. Ѳ. Зѣлинскаго (Спб.), пр.-доц. Б. Кистяковскаго (Москва), акад. А. Лаппо-Данилевскаго, Э. Радлова, проф. П. Струве, проф. А. Чупрова (Спб.), а также иностранныхъ редакцій и сотрудниковъ „Логоса". Въ 1914 году будутъ помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи: Проф. Г. Зиммель (Берлинъ). Индивидуальный законъ (очеркъ обоснованія этики). Г. Зиммель. Очеркъ о Рембрандтѣ. Проф. П. Наторпъ (Марбургъ). Философія и психологія. Проф. Г. Риккертъ (Фрейбургъ). О системѣ цѣнностей. С. І. Гессенъ (Спб.). О началахъ этики. Проф. Ѳ. В. Зѣлинскій (Спб.). Харита (идеи благодати въ античной религіи). Г. Лапцъ (Москва). Фихте (къ столѣтію со дня смерти). Проф. Н. О. Лосскій (Спб.). Воспріятіе чужой духовной жизни. В. Е. Сеземанъ (Спб.). Цѣнность ритма (въ связи съ ритмической гимнастикой Далькроза). М. Н. Шварцъ (Спб.). Теорія научнаго знанія. Э. Маха. Б. В. Яковенко (Москва). Путь философскаго познанія. Годовая подписная цѣна „Логоса" съ пересылкой и доставкой въ Россіи — **6 р.**, за границу **7 р.** Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гостиный Дворъ, 18 и 2) Невскій пр., 13, уголъ Морской; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, и 2) Тверская ул., д. 22, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатели: *Т-во М. О. Вольфъ. Спб. и Москва.* Отвѣтственный редакторъ *С. І. Гессенъ.*

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ

ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** МОСКВА, Моховая, д. 26.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Іюнь—II. • № 20.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

Что такое прогрессъ?

[301(01)].

Въ № 3 сборниковъ „Новыя идеи въ соціологіи“*) даются рѣшенія этого вопроса съ соціологической точки зрѣнія.

П. Сорокинъ въ статьѣ „Обзоръ основныхъ проблемъ и теорій прогресса“ пишетъ:

„Проблема прогресса представляетъ собою одну изъ наиболѣе сложныхъ, трудныхъ и неясныхъ научныхъ проблемъ. Принимая различныя названія въ теченіе исторіи—то проблемы добра, то проблемы идеала, то проблемы цѣнности, то проблемы счастья и т. д.—она уже давно привлекла къ себѣ вниманіе человѣческой мысли и давно уже стала предметомъ изслѣдованія. Утопіи и легенды древности, космогоническіе мифы отсталыхъ народовъ, религіозныя и метафизическія построенія, системы морали и утопическія картины „золотого“ вѣка, всѣ эти и подобныя „теоріи“ являются въ значительной степени ничѣмъ инымъ, какъ своеобразными „формулами“ прогресса, рисующими тотъ или иной идеалъ той или иной эпохи. Позже, когда дифференціація наукъ выявилась болѣе рѣзко—проблема прогресса не исчезла, а, наоборотъ, сдѣлалась предметомъ еще болѣе усерднаго изслѣдованія и научной разработки. Нѣтъ почти ни одного болѣе или менѣе крупнаго представителя любой соціальной дисциплины, который бы прямо или косвенно не касался этого вопроса, не ставилъ бы его и не пытался бы разрѣшить. Особенно посчастливилось этому понятію въ области соціологіи. Со времени Кондорсэ и О. Конта сдѣлалось своего рода правиломъ, чтобы каждый соціологъ давалъ свой отвѣтъ на вопросъ: что такое прогрессъ? Многія соціологическія доктрины почти исчерпываются теоріей прогресса.

Но не только въ сферѣ научнаго изслѣдованія соціальныхъ явленій посчастливилось термину прогресса; не менѣе популяренъ онъ и въ области обычной житейской практики. Кто только не говоритъ теперь о прогрессѣ и кто только не ссылается на прогрессъ! Государственный мужъ, посылающій на висѣлицу десятки людей, гражданинъ, протестующій противъ подобныхъ актовъ, защитникъ существующихъ устоевъ и революціонеръ, разрушающій ихъ,—всѣ они въ концѣ-концовъ ссылаются на прогрессъ и оправдываютъ свои дѣйствія „требованіями и интересами прогресса“. Каждый изъ нихъ даетъ свою „формулу“ прогресса и наряжаетъ его по своему собственному вкусу.

При такомъ положеніи дѣла не мудрено, что число „теорій“ прогресса возросло до невѣроятности; не мудрено также, что въ понятіе прогресса вошло такъ много другихъ понятій и первое такъ тѣсно переплелось съ близкими ему понятіями добра, идеала, счастья, лучшаго, цѣнности и т. п.,—что въ концѣ-концовъ терминъ прогресса потерялъ всякія сколько-нибудь точныя очертанія и сколько-нибудь опредѣленное содержаніе.

...Изложенію типичныхъ теорій прогресса должно предшествовать изложеніе типичныхъ пониманій эволюціи, а этой послѣдней—изложеніе типичныхъ рѣшеній проблемы бытія и становленія. Въ противномъ случаѣ трудно очертить, какъ нѣчто цѣльное и самодовлѣющее, любую теорію прогресса, и вмѣсто полной системы можно дать лишь куски и обломки теоріи, представляющіе въ своей совокупности груду хлама, а не законченное построеніе человѣческой мысли.

...Наблюдая окружающій насъ міръ, мы видимъ въ немъ постоянное измѣненіе.

Но съ другой стороны—мы считаемъ, что опредѣленная цѣльная система, несмотря на всѣ измѣненія, остается одной и той же. Дитя превращается въ юношу, юноша въ мужа, мужъ въ старика, но этотъ старикъ и дитя, которое превратилось въ послѣдняго, есть одно и тоже существо. Иначе говоря, само понятіе измѣненія мы можемъ мыслить лишь при наличности въ этомъ измѣняющемся чего-то не-

*) Изд. „Образованіе“. Москва. 1914 г. 80 к.

измѣннаго. Безъ этого неизмѣннаго мы не можемъ говорить, что разсматриваемая нами вещь „измѣнилась“.

То, что мы называемъ „Россіей“, теперь представляетъ, несомнѣнно, совершенно иное въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ была „Россія“ 500 лѣтъ тому назадъ. „За 500 лѣтъ, говоримъ мы, Россія измѣнилась“. Но также несомнѣнно, что, говоря объ этомъ измѣненіи „Россіи“, мы въ тоже время мыслимъ въ измѣняющемся нѣчто неизмѣнное, что и даетъ намъ право Россію 500 лѣтъ тому назадъ и современную Россію мыслить, какъ нѣчто единое.

Эта же неразрывность идеи измѣненія и неизмѣннаго дана была и въ прошломъ, и въ частности, въ мірѣ древней Греціи. И тамъ уже передъ мыслью всталъ этотъ дуализмъ „пребывающаго“ и „бывающаго“, неизмѣннаго и вѣчно-текущаго или Бытія и Становленія. Возникшій дуализмъ долженъ былъ быть такъ или иначе рѣшенъ, очевидное противорѣчіе должно было быть такъ или иначе удалено. И вотъ для достиженія этой задачи мысль Греціи изыскиваетъ два совершенно различныхъ исхода, которые затѣмъ съ извѣстными измѣненіями красной нитью проходятъ черезъ всю исторію человѣческой мысли.

Первый способъ уничтоженія противорѣчія заключается въ утвержденіи: существуетъ только неизмѣнное, само въ себѣ пребывающее Единое Бытіе. Всякая множественность и различіе, всякое измѣненіе, исчезновеніе и бываніе—это нѣчто кажущееся, нѣчто несуществующее, это одна видимость.

...Второй путь былъ діаметрально противоположенъ. Онъ гласилъ: все течетъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго, все непрерывно измѣняется, первоначаломъ является движеніе, вѣчное становленіе, оно сущность самаго Бытія.

Всякое пребываніе, всякая неизмѣнность есть лишь простая видимость. Нѣтъ дѣйствительно существующихъ вещей, но каждая только бываетъ и изчезаетъ въ вѣчномъ процессѣ мірового движенія.

...Вся дальнѣйшая исторія мысли въ данномъ отношеніи и представляетъ не что иное, какъ рядъ попытокъ заполнить пропасть между „пребываніемъ“ и „бываніемъ“ или примирить такъ или иначе антиномію вѣчной измѣняемости и неизмѣнности.

Примѣрами могутъ служить рядъ теорій, какъ метафизическихъ, такъ и „позитивныхъ“, какъ въ древности, такъ и теперь.

...Первый элементъ (*„то, что измѣняется“*) принималъ на протяженіи исторіи различные виды и получалъ различныя названія: онъ назывался: то водой, (Фалесъ), то огнемъ (Гераклитъ), то матеріей (матеріализмъ), то энергіей (энергетизмъ), то волей (Шопенгауэръ), то логосомъ (Гегель), то духомъ (спиритуализмъ) и т. д. Вся исторія „онтологіи“ и онтологическихъ системъ съ этой точки зрѣнія можетъ служить рядомъ примѣровъ различныхъ конструкцій понятія эволюціи въ зависимости отъ ея перваго элемента—(„пребыванія“). Какъ бы различны ни были между собой указанныя онтологическія системы, всѣ онѣ имѣютъ ту общую черту, что, объявляя то или иное „сущностью“ вещей, онѣ volens-nolens должны мыслить эту сущность равной самой себѣ при всѣхъ ея измѣненіяхъ, вызывающихъ пестроту и разнообразіе эмпирическаго міра.

...Каковы формы измѣненія этой единой, остающейся равной самой себѣ „сущности“? Какія стадіи проходитъ „то, что измѣняется“? Какія формы принимаетъ въ процессѣ выявленія это измѣняющееся начало? Безконечна или же конечна цѣпь тѣхъ эмпирическихъ формъ, въ которыя облекается „то, что измѣняется“?

Въ исторіи человѣческой мысли на эти вопросы, и въ частности на послѣдній изъ указанныхъ вопросовъ, даны два основные отвѣта:

Одинъ изъ нихъ гласитъ: рядъ формъ, принимаемыхъ въ процессѣ измѣненія тѣмъ началомъ, которое измѣняется, ограниченъ и конеченъ. Исчерпавъ всѣ формы, измѣняющееся начало снова принимаетъ свою первую форму, затѣмъ снова вторую, третью; дойдя до послѣдней, оно снова переходитъ къ первой формѣ и т. д. Говоря коротко, отвѣтъ этотъ приводитъ къ циклической теоріи измѣненія или эволюціи.

Историческимъ примѣромъ, близкимъ къ этому типу концепта эволюціи, является знаменитая теорія круговорота или теорія циклической эволюціи, виднѣйшими формами которой могутъ служить теоріи Екклезіаста, Вико, Ницше, Лебона и Бланки. Никакая изъ этихъ теорій не отрицаетъ измѣненія, но считаетъ, что какъ обще-міровая эволюція, такъ въ частности и соціальная эволюція представляютъ „шагъ на мѣстѣ“, вѣчное круговращеніе и вѣчное повтореніе одного и того же ряда измѣненій, начиная съ перваго и кончая послѣднимъ членомъ ряда. Когда достигнута послѣдняя стадія, снова начинается стадія первая и т. д.

„Родъ проходитъ и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во вѣки. Восходитъ солнце и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ“, читаемъ мы въ Екклези-

астѣ. „Что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ „смотри вотъ это новое“, но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“. (Екклезіастъ, гл. 1, ст. 4—10).

...Но возможенъ на поставленный вопросъ и иной отвѣтъ, гласящій: число формъ, которыя можетъ принимать измѣняющееся начало, не конечно, а безконечно. Каждая послѣдующая форма есть форма sui generis, не похожая на всѣ предыдущія и не повторяющаяся въ будущемъ. Каждая форма, въ которую облекается „то, что измѣняется“,—единственна.

...Въ этомъ случаѣ уже не всякое измѣненіе, или не всякое движеніе будетъ эволюціей, а только тотъ процессъ и то измѣненіе, которое не повторяется во времени, которое необратимо.

Именно этотъ типъ пониманія эволюціи является самымъ распространеннымъ и самымъ популярнымъ какъ въ обычномъ, такъ и въ научномъ мышленіи.

...Наибольшей популярностью изъ всѣхъ „матеріальныхъ“ и „монистическихъ“ формулъ эволюціи пользуется формула Спенсера, обнимающая собою эволюцію всего міра. Согласно этой формулѣ, „эволюція есть интеграція вещества, которая сопровождается разсѣяніемъ движенія и въ теченіе которой вещество переходитъ изъ состоянія неопредѣленной безсвязной однородности въ состояніе опредѣленной связной разнородности, а сохраненное веществомъ движеніе претерпѣваетъ аналогичное превращеніе“. Слѣдовательно всякое послѣдовательное развитіе какого угодно единства по своему матеріальному характеру представляетъ двойной процессъ интеграціи и дифференціаціи. Давши эту формулу, Спенсеръ блестяще подтвердилъ ее фактами изъ міра неорганическаго и соціальнаго. Возьмемъ ли мы эволюцію солнечной системы, или эволюцію организмовъ, или „эволюцію человѣческихъ обществъ—въ поступательномъ ходѣ всѣхъ этихъ единствъ наблюденіе находитъ указанныя черты.

...Другіе, какъ, напр., Оствальдъ, даютъ энергетическую формулу „матеріальнаго“ содержанія эволюціи, т.-е. „необратимаго и неповторяющагося во времени измѣненія“. Всякое подобное измѣненіе, согласно Оствальду, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ „въ переходѣ свободной энергіи въ энергію „связанную“, которая съ этого момента становится неизмѣнной и неспособной къ какому бы то ни было превращенію“. Такова по Оствальду „матеріальная“ сущность эволюціи.

Третьи, какъ Новиковъ, видятъ сущность эволюціоннаго процесса въ установленіи подвижного равновѣсія и т. д.

...Въ противоположность указаннымъ монистическимъ по своему содержанію формуламъ эволюціи, можно указать рядъ формулъ плюралистическихъ, т.-е. такихъ, которыя утверждаютъ, что эволюціонный процессъ по своему содержанію можетъ и не быть реализаціей какой-нибудь опредѣленной одной тенденціи, но что онъ можетъ реализовать различныя тенденціи, въ зависимости отъ времени и мѣста. Сообразно съ этимъ положеніемъ такія теоріи какъ въ сферѣ обще-міровыхъ явленій, такъ и въ сферѣ спецефически общественнаго міра или его отдѣльныхъ сторонъ, отказываются отъ формулировки единой по своему содержанію формулы эволюціи и не ищутъ во всякомъ эволюціонномъ рядѣ осуществленія единой тенденціи. Какъ обще-міровые процессы измѣненія, такъ и измѣненія любого разряда общественныхъ явленій, согласно этой точкѣ зрѣнія, могутъ принимать различные виды и формы и могутъ слѣдовать по путямъ, имѣющимъ различное направленіе.

Примѣромъ подобнаго рода плюралистической формулы по отношенію къ обще-міровой эволюціи можетъ служить идея эволюціи Бергсона, а по отношенію соціальной эволюціи—теорія Г. Тарда.

Согласно Бергсону, эволюція есть постоянное творчество; она есть своего рода „жизненный порывъ“, свободный и волевой, обладающій необъятнымъ запасомъ силъ и энергіи. Этотъ первоначальный порывъ жизни не есть ни вещь, ни отношеніе, а это — непрестанная творческая и свободная дѣятельность, которую, если угодно, можно назвать именемъ Бога. Съ этой точки зрѣнія вся вселенная не есть сумма отдѣльныхъ неподвижныхъ вещей, а есть сплошной потокъ, вѣчная и неустанная дѣятельность, въ процессѣ которой и создаются отдѣльныя вещи.

То, что мы называемъ вещью, есть не что иное, какъ моментъ ослабленія этой творческой дѣятельности.

Это ослабленіе или перерывъ творчества и создаетъ отдѣльную вещь съ ея матеріальностью и пространственностью. Этотъ порывъ, исходящій изъ одной точки, идетъ не по одному пути, а распространяется во всѣ стороны, какъ радіусы изъ центра. Въ этомъ процессѣ распространенія порывъ почти по всей окружности останавливается, превращается въ колебаніе на мѣстѣ и создаетъ такимъ образомъ рядъ вещей—вещи неорганическія, растенія и жи-

вотныя, живущія автоматически, безъ творческихъ порывовъ.

Лишь въ одной точкѣ жизненному порыву удалось побороть препятствіе, и творческій импульсъ прошелъ впередъ безпрепятственно. Конкретнымъ воплощеніемъ этого побѣдившаго порыва служатъ человѣческія формы жизни. Такимъ образомъ, человѣкъ есть высшее воплощеніе жизненнаго порыва. „Дѣло происходитъ такимъ образомъ, разъясняетъ Бергсонъ свое представленіе о творческой эволюціи, какъ будто бы нѣкоторое нерѣшительное и слабое существо, которое можно, если угодно, назвать человѣкомъ или сверхчеловѣкомъ, стремилось къ реализаціи, но достигло этого, только сбросивъ по пути часть самого себя".

Какъ вѣтеръ, долетѣвъ до перекрестка, раздѣляется на расходящіяся теченія воздуха, хотя онъ и составляетъ одно цѣлое, такъ и единый жизненный порывъ раздѣлился по расходящимся линіямъ и осуществилъ себя въ видѣ созданія милліона организмовъ. Прежде всего порывъ раздѣлился на два основныхъ теченія, выразившіяся въ созданіи растительнаго и животнаго царства. Затѣмъ въ самомъ животномъ царствѣ творческая эволюція пошла двумя путями, путемъ инстинкта (какъ, напр., у суставчатоногихъ) и путемъ интеллекта (напр., у человѣка).

„Инстинктъ въ законченной формѣ есть способность пользоваться и даже создавать орудія, принадлежащія организму; законченный же интеллектъ представляетъ способность изготовлять и употреблять неорганическія орудія".

...Въ предыдущемъ мы сознательно старались не касаться прогресса и не употреблять этого термина, чтобы не впасть въ ту ошибку, въ которой повинно едва ли не большинство соціологовъ. Въ зависимости отъ того, какое значеніе мы придадимъ термину „прогрессъ", мы получимъ два основныхъ рѣшенія, которыя красной нитью проходятъ черезъ всѣ теоріи и формулы прогресса. Можно проблему прогресса разсматривать въ качествѣ оцѣночной проблемы или проблемы соціальнаго идеала, къ которому должно стремиться человѣчество. Въ этомъ случаѣ, очевидно, проблема прогресса не сливается съ проблемой эволюціи, и понятіе прогресса хотя и включаетъ въ себя понятіе эволюціи, но не смѣшивается съ послѣднимъ: не всякая эволюція будетъ прогрессомъ, а только та, которая является приближеніемъ къ соотвѣтственному идеалу (каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ) или, иначе говоря, эволюція, направленная отъ худшаго къ лучшему, все равно, что бы ни повималось подъ худшимъ и лучшимъ.

...Но возможна и иная постановка проблемы прогресса, постановка „безоцѣночная". Въ этомъ случаѣ проблема прогресса должна слиться съ проблемой эволюціи, и формула прогресса безъ-бѣжно совпадаетъ съ формулой эволюціи, т.-е. съ формулой, обнимающей собою существенныя черты послѣдовательнаго ряда измѣненій того или иного измѣняющагося единства. Постольку же, поскольку эту формулу эволюціи разсматриваютъ такъ же какъ и оцѣночную формулу прогресса, т.-е. въ каждомъ послѣдующемъ звенѣ измѣненій видятъ въ то же время и возрастающее улучшеніе—формула прогресса будетъ той же формулой эволюціи, но предпосылкой своей будетъ имѣть положеніе: „что позже, то лучше".

Остановимся подробнѣе на каждомъ изъ этихъ типовъ.

Начнемъ съ перваго. Конструкція этого типа теоріи прогресса сама по себѣ несложна. Берется обычно тотъ или иной принципъ, („высшая цѣнность", „основная норма", „идеалъ"), а затѣмъ этотъ принципъ дѣлается рѣшающимъ критеріемъ для оцѣнки той или иной эволюціи въ качествѣ прогресса или регресса. Всякій эволюціонный процессъ, который приближаетъ насъ къ реализаціи выставленнаго въ качествѣ основной нормы принципа или идеальнаго состоянія—будетъ прогрессомъ или прогрессивной эволюціей; всякая же эволюція, удаляющая насъ отъ поставленнаго идеала, будетъ эволюціей регрессивной. Въ качествѣ указанной основной нормы выставлялись на протяженіи исторіи различные принципы: принципъ золотой середины (Аристотель), принципъ счастья и пользы (гедонизмъ, эвдемонизмъ, утилитаризмъ), принципъ любви (христіанство)—Петражицкій, принципъ императива (Кантъ), принципъ жизни (Ницше, Гюйо), принципъ общности (Вундтъ), принципъ единства (Наторпъ), принципъ солидарности (М. Ковалевскій, Л. Буржуа и почти всѣ современные франц. соціологи), принципъ роста знанія (Контъ, Бокль, Де-Робертн), принципъ общаго благополучія (Геффдингъ), принципъ сбереженія силъ (Зиммель) и т. д. Возьмите любой изъ этихъ принциповъ (а равно и противоположные имъ принципы) и затѣмъ прилагайте взятый оцѣночный критерій къ любому эволюціонному процессу; если послѣдній представляетъ постепенную реализацію взятаго принципа — онъ будетъ прогрессомъ, если нѣтъ—онъ будетъ или безразличнымъ процессомъ, или же эволюціей регрессивной. Если, напримѣръ, взять такимъ критеріемъ принципъ

утилитаризма (Бентамъ, Милль, Спенсеръ, Уордъ, Н. К. Михайловскій и П. Л. Лавровъ): „максимумъ счастья для максимума людей“, то звенья человѣческой исторіи, направленныя въ сторону реализаціи даннаго принципа,— будутъ прогрессивными, звенья же съ обратнымъ направленіемъ мы должны будетъ признать регрессивными. То же, mutatis mutandis, примѣнимо и ко всѣмъ остальнымъ оцѣночнымъ принципамъ и къ построеннымъ на нихъ теоріямъ прогресса. Не трудно видѣть, что при подобномъ конструированіи оцѣночной теоріи прогресса дана одинаковая возможность для оцѣнки того или иного эволюціоннаго процесса, то какъ прогресса, то какъ регресса. Если наша основная норма или нашъ соціальный идеалъ таковъ, что полнымъ его воплощеніемъ является жизнь первобытныхъ группъ, то отсюда самъ собой получится взглядъ, подобный, напримѣръ, взглядамъ Ж. де-Местра или взглядамъ древнихъ миѳовъ и легендъ, помѣщавшихъ „Золотой вѣкъ“ въ прошлое человѣчества, взглядъ, согласно которому вся исторія или ея большая часть будетъ „вырожденіемъ“ или регрессомъ. Если же наше представленіе объ идеальномъ обществѣ таково, что къ нему ближе цивилизованныя общества, чѣмъ группы дикарей, то оцѣнка историческаго хода будетъ уже иная: эволюція человѣчества въ этомъ случаѣ окрасится уже прогрессивными, а не регрессивными красками. Наконецъ, мыслимъ и такой оцѣночный критерій, прилагая который къ исторіи, мы вынуждены будемъ одни звенья его считать прогрессивными, другія—регрессивными.

Изъ сказаннаго теперь понятно, почему при такомъ оцѣночномъ пониманіи прогресса неизбѣжно должны были появиться и оптимистическія теоріи, объявлявшія всю эволюцію человѣчества какъ сплошной или почти сплошной прогрессъ (Кондорсе, Контъ), и пессимистическія, разсматривавшія исторію человѣчества, какъ вырожденіе, паденіе или регрессъ (Ж. де-Местръ, отчасти Руссо, и т. д.) и среднія рѣшенія, считавшія и считающія одни этапы исторіи прогрессивными, а другіе— регрессивными (большинство историко-соціологическихъ оцѣнокъ).

...Если оцѣночныя теоріи неизбѣжно должны быть субъективными, то эта опасность не существуетъ для „безоцѣночныхъ“ теорій прогресса, формулирующихъ лишь постоянныя тенденціи того или иного эволюціоннаго ряда. Въ этихъ формулахъ рѣчь идетъ не о томъ, что должно быть, а о томъ, что есть или что было. Если вѣрно опредѣлено это сущее или бывшее,—исключена всякая возможность спора, и теорія прогресса—эволюціи становится общезначимой. Примѣрами подобной „объективной“ теоріи прогресса могутъ служить, напр., теоріи Кондорсе, О. Конта, Спенсера, а изъ новѣйшихъ формулы Оствальда и Новикова.

...Возможенъ, наконецъ, и третій исходъ,— примиряющій или пытающійся примирить оба указанныхъ теченія. Примѣромъ его можетъ служить концептъ прогресса Е. В. де-Роберти.

...Де-Роберти приходитъ къ выводу, что цѣлеполаганіе является однимъ изъ характерныхъ признаковъ соціальнаго бытія и окрашиваетъ собою всѣ его процессы. Въ силу этого цѣлеполаганіе окрашиваетъ собой и соціальныя измѣненія или соціальную эволюцію, т.-е. прогрессъ, изъ чего само собой слѣдуетъ, что эволюція, происходящая въ общественной средѣ, пріобрѣтаетъ цѣлевой характеръ; отсюда и опредѣленіе: „прогрессъ есть эволюція, становящаяся для насъ цѣлью“.

Къ подобнымъ же взглядамъ приходитъ и Лоріа въ статьѣ: „Послѣдняя эволюція теоріи эволюціи“ (См. въ томъ же сборникѣ).

„Сравнивая, пишетъ онъ,—современную теорію эволюціи съ той, которая господствовала двадцать пять лѣтъ тому назадъ, нельзя не видѣть глубокаго различія между ними. Въ то время въ естественныхъ наукахъ господствовала теорія Дарвина, позже распространенная Спенсеромъ на всѣ области органической и надорганической жизни; согласно этой теоріи, эволюція представляетъ постепенный и непрерывный подъемъ къ все болѣе и болѣе сложнымъ и совершеннымъ формамъ.

...Но эта теорія, столь простая въ своихъ посылкахъ, столь ясная въ своихъ результатахъ и столь плодотворная въ своихъ практическихъ приложеніяхъ, столкнулась съ двоякаго рода препятствіями. Съ одной стороны она встрѣтила противодѣйствіе „вѣрующихъ“, которые видѣли въ ея тезисахъ стремленіе сократить или упразднить функціи, если даже не самое существованіе направляющей и творящей божественной воли. Безполезно, въ самомъ дѣлѣ, предаваться иллюзіямъ и извращать явленія словами. Теорія эволюціи, въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ науки 19-го вѣка, можетъ допустить и то, что Богъ создалъ протоплазматическое вещество и надѣлилъ его изначала способностью безконечнаго совершенствованія; и то, что законъ послѣдовательности и вѣчнаго измѣненія существъ и вещей былъ начертанъ Имъ на безсмертныхъ скрижаляхъ рока; но съ другой стороны она должна признать, что какъ только эта предварительная задача была вы-

полнена, божество должно было „почить“ въ непреложной неподвижности. Слѣдовательно, согласно этой теоріи, божество обречено на бездѣйствіе и скуку, которую оно не можетъ разсѣять даже чтеніемъ работъ Дарвина и Спенсера, ибо всѣ сокровища генія, имѣющіяся въ ихъ трудахъ, не могутъ ничего прибавить къ его неисчерпаемой премудрости. Но понятно, что такое „медіатизированіе“, такъ сказать, божества, превращавшее Царя царей въ какого-то венеціанскаго дожа вѣчности, не могло не оскорблять чувствъ всѣхъ благочестивыхъ душъ и должно было вызвать съ ихъ стороны глубокое отвращеніе къ восторжествовавшей теоріи. Но не только справа, а и слѣва новая теорія возбуждала неодолимое отвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, доктрина, которая все соціальное движеніе подводитъ подъ желѣзный законъ необходимости, которая допускаетъ возможность революціоннаго дѣйствія только въ тѣ моменты, когда естественная эволюція вещей уже сама привела къ намѣченному измѣненію, такое ученіе прямо увольняетъ въ отставку всѣхъ реформаторовъ и изобрѣтателей различныхъ проектовъ общественнаго обновленія. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если и во всемъ лѣвомъ лагерѣ таилось глубокое недовольство, которое ждало только первой трещины теоріи, чтобы возстать противъ нея и ее разрушить.

...И дѣйствительно, наиболѣе знаменитый изъ современныхъ философовъ, Бергсонъ, категорически утверждаетъ, что измѣненіе всѣхъ вещей, начиная съ минерала и кончая человѣкомъ и человѣческимъ обществомъ, есть слѣдствіе жизненнаго порыва, являющагося актомъ необусловленнымъ и свободнымъ, вытекающимъ изъ чисто-духовной силы; непредвидѣнныя рѣзкія и капризныя выступленія послѣдней внезапно создаютъ, ввѣ всякой зависимости отъ эволюціоннаго процесса матеріи, новыя формы и очертанія во всѣхъ областяхъ дѣятельности и жизни.

Ясно, что этотъ новый тезисъ наноситъ страшный ударъ закону эволюціи и фактически упраздняетъ его. Скромная, готовая на компромиссы форма, въ которую облекаетъ свою теорію Бергсонъ, не должна вводить насъ въ заблужденіе; не долженъ обманывать насъ и терминъ творческой эволюціи, которымъ онъ окрестилъ свой догматъ. Терминъ этотъ—плодъ робкаго компромисса съ теоріей, которую новое ученіе стремится уничтожить. Бергсонъ сохраняетъ существительное, чтобы угодить философской традиціи, но въ то же время снабжаетъ его такимъ прилагательнымъ, которое тотчасъ же сводитъ къ нулю само существительное.

...Тамъ, гдѣ происходитъ рѣзкое, произвольное и независимое творчество, тамъ нѣтъ мѣста для какой бы то ни было эволюціи. Вѣдь сущность послѣдней составляетъ, несомнѣнно, молчаливая и длительная работа естественныхъ силъ, вызывающая какъ безконечно-малыя и медленныя, такъ и наиболѣе крупныя и внезапныя измѣненія матеріи. Замѣняя же понятіе вещественной эволюціи понятіемъ духовнаго по своей природѣ порыва, независимаго отъ процесса предшествующаго развитія, мы сразу ломаемъ весь эволюціонный механизмъ, чтобы поставить на его мѣсто прямую противоположность его, — творческую силу. Здѣсь всякая эволюція отрицается и взамѣнъ ея утверждается начало творчества. Поэтому, если теоретики новой школы хотятъ быть послѣдовательными, они не должны говорить намъ о творческой эволюціи; они должны говорить просто о творчествѣ и сознаться въ томъ, что ихъ тезисъ совершенно упраздняетъ теорію Дарвина и Спенсера и возвращаетъ насъ къ старой теоріи Линнея и Кювье о ничѣмъ необусловленномъ твореніи міра.

...Такимъ образомъ совершилось, ускользнувши отъ вниманія толпы, одно изъ наиболѣе глубокихъ измѣненій въ направленіи научной мысли. Ось человѣческаго размышленія перемѣстилась, и мы увидѣли мыслящее человѣчество возмутившимся противъ связывавшей его желѣзной догмы и воздвигающимъ на обломкахъ повергнутой въ прахъ „необходимости“ ослѣпительное зданіе „свободы“. Исходя изъ различныхъ отправныхъ точекъ, три большія фаланги работниковъ мысли успѣли мало-по-малу поколебать величественную доктрину—славу XIX вѣка—и замѣнить ее ученіемъ, діаметрально противоположнымъ. Разрушительная работа эта была выполнена съ большимъ искусствомъ: съ оказаніемъ царствовавшей прежде теоріи внѣшнихъ знаковъ почтенія и подчиненія, подобныхъ тѣмъ, которые помогли французскимъ мажордомамъ свергнуть съ престола своихъ повелителей. Но эволюціонистическія исповѣдыванія новыхъ вѣрующихъ не могутъ затемнить характера и сущности ихъ работы,— работы рѣшительнаго разрушенія эволюціонной теоріи и возстановленія старой творческой свободы воли. Подобно древней вѣрѣ, и новая имѣетъ свою троицу, можетъ быть, и менѣе величавую, чѣмъ прежняя, но зато болѣе подвижную и шумную: вмѣсто Дарвина, Спенсера и Маркса мы имѣемъ де-Фриса, Бергсона и Сореля —

біолога, философа и соціолога теоріи независимаго творенія.

Но прежде чѣмъ приступить къ какой-либо оцѣнкѣ новаго умственнаго направленія, я считаю нужнымъ открыто заявить, что оно не можетъ не оказать полезнаго вліянія на практику и поведеніе человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны сознаться въ томъ, что старая теорія эволюціи, въ томъ видѣ, какой она получилась изъ рукъ учениковъ Дарвина, Спенсера и Маркса, невольно вселяла въ умы чувство мертвой, косной покорности непзбѣжному ходу вещей.

...И вотъ новое умственное направленіе играетъ роль благотворной реакціи противъ такого пессимистическаго, одуряющаго фатализма и противъ вытекающей изъ него общественной неподвижности. Новая теорія налится на голову массъ, которыхъ тихо убаюкивала эволюціонная догма, безжалостно бьетъ ихъ хлыстомъ и будитъ ихъ, призывая къ битвѣ и къ дѣйствію. Она, такимъ образомъ, становится цѣннымъ двигателемъ человѣческой эволюціи, незамѣнимымъ факторомъ жизни и прогресса.

...Такова „казовая" сторона медали, но вотъ и оборотная ея сторона. Основной недостатокъ новой теоріи заключается въ томъ, что она разсматриваетъ періодическія революціи какъ продуктъ причинъ мгновенныхъ, выступающихъ лишь въ самый моментъ кризиса и не имѣющихъ никакой связи съ процессомъ предшествующей эволюціи. Такой взглядъ, по моему мнѣнію, составляетъ плодъ неполнаго изслѣдованія фактовъ. Непосредственное наблюденіе замѣчаетъ и схватываетъ лишь внезапный ударъ или измѣненіе, непосредственно вызванное мгновенными же причинами, только теперь появившимися на сценѣ жизни; и все это, вполнѣ естественно, разсматривается какъ слѣдствіе непредвидѣннаго fiat, капризное вмѣшательство котораго и вызываетъ сотрясеніе и новое твореніе. Но стоитъ внимательнѣе вникнуть въ суть дѣла, и тогда не трудно убѣдиться, что ничѣмъ, повидимому, не подготовленное явленіе, дающее толчокъ внезапной перемѣнѣ, на самомъ дѣлѣ составляетъ лишь осадокъ или эпилогъ процесса, безшумно протекавшаго въ нѣдрахъ матеріи и вызваннаго непрерывнымъ дѣйствіемъ постоянныхъ факторовъ прогрессивной эволюціи.

...Это одинаково вѣрно въ области духа и въ области наиболѣе сложныхъ соціальныхъ явленій. Такъ, напр., геніальная мысль съ перваго взгляда кажется самымъ внезапнымъ и ничѣмъ не подготовленнымъ проявленіемъ жизненнаго порыва; но такое заключеніе было бы въ высшей степени невѣрно. На самомъ дѣлѣ, геніальная мысль представляетъ собою итогъ долгой и безсознательной умственной работы, которая постепенно собираетъ въ мозгъ огромный запасъ умственной силы, когда послѣдняя достигаетъ извѣстной плотности,— она мгновенно разряжается, принимая форму чудной идеи, геніальнаго прозрѣнія и т. п.

...Такимъ образомъ, если идея произвольнаго и ничѣмъ необусловленнаго „порыва" фактически ведетъ къ отрицанію теоріи эволюціи и къ возстановленію старой гипотезы творенія, то подлинно-научное истолкованіе идеи жизненнаго порыва, подчиняющее соотвѣтствующее явленіе ритмическому дѣйствію постоянно вліяющихъ другъ на друга причинъ, можетъ только оправдать законъ эволюціи, обогативши его новымъ, до сихъ поръ бывшимъ неизвѣстнымъ органомъ.

Такое толкованіе еще разъ спасаетъ наиболѣе славное завоеваніе новѣйшей науки отъ угрожавшихъ ему открытыхъ нападокъ обскурантизма. Нѣкогда отрицавшіе всякое движеніе реакціонеры прибѣгаютъ теперь къ противоположной тактикѣ; они преувеличиваютъ движеніе и разсматриваютъ его какъ рядъ произвольныхъ сотрясеній, исходящихъ отъ деспотической и недисциплинированной воли. Но подобно тому, какъ средневѣковое отрицаніе движенія должно было отступить передъ Eppur si muove, такъ и современное преувеличеніе движенія и насильное изъятіе его изъ подъ дѣйствія всякой нормы должны будутъ смириться предъ непоколебимыми законами всеобщаго ритма явленій, исключающаго всякій произволъ и всякое хаотическое творчество. На обломкахъ этихъ двухъ крайностей — неподвижности и анархическаго движенія, атаксіи и эпилепсіи—мы отпраздуемъ еще разъ побѣду нормальнаго подъема всего сущаго и его безчисленныхъ сочетавій къ формамъ ассоціаціи и жизни, все болѣе и болѣе уравновѣшеннымъ и совершеннымъ".

Творчество жизни.

(Міросозерцаніе индійскаго поэта Рабиндраната Тагора).

[1(Т)]

Мы уже познакомили читателей „Бюллетеней" съ нѣкоторыми вещами изъ произведеній индійскаго поэта *Рабиндраната Тагора* (Б. Л. и Ж., 1914 года, № 10. „Поэтъ созерцанія). Теперь появилась книжка того же автора подъ названіемъ *„Творчество жизни"* *), гдѣ

*) Книга появилась въ двухъ изданіяхъ: въ изданіи „Совр. Проблемъ" она названа: „Твор-

Тагоръ въ поэтической и общедоступной формѣ даетъ очеркъ своего міросозерцанія. Читатели не найдутъ здѣсь стройной, логичной системы, наоборотъ, онъ полонъ противорѣчій, онъ самъ еще не можетъ ясно и опредѣленно высказаться по тому или другому частному вопросу; родившись въ Индіи и получивъ образованіе въ Англіи, этотъ человѣкъ стоитъ какъ бы посредникомъ между двумя столь различными культурами, онъ весь пламенѣетъ, ища высшаго синтеза, въ которомъ слились бы онѣ, какъ составныя части единой великой истины. Созерцатель и мудрецъ до мозга костей, „преслѣдующій золотого оленя“, какъ онъ называетъ самъ себя, онъ въ то же время поетъ гимнъ человѣчеству, несущемуся неукротимо впередъ на крыльяхъ своей энергіи; онъ восхищается силой и мощью западной цивилизаціи, порабощающей природу и въ то же время учитъ, что природу надо любить, а не враждовать съ ней. А надъ всѣмъ этимъ потокомъ идей и чувствъ паритъ одно настроеніе, одно желаніе, послѣдняя, неутомимая тоска по абсолютному, великая увѣренность, что всѣ и все сольются когда-нибудь въ вѣчномъ океанѣ Божественнаго. Это глубокое убѣжденіе придаетъ цѣльность всѣмъ отдѣльнымъ идеямъ Тагора и, проникая насквозь всѣ его творенія, кладетъ на нихъ отпечатокъ особенной жизненности и искренности.

Центральнымъ пунктомъ его воззрѣній является проблема своего я. Вторымъ важнымъ вопросомъ онъ считаетъ проблему зла. Выяснивъ эти подготовительныядля дальнѣйшаго пониманія его ученія положенія, поэтъ переходитъ къ практической части: осуществленію жизненнаго идеала и сліянію посредствомъ любви съ людьми и съ абсолютомъ.

Проблема своего я.

„На одномъ полюсѣ своего существа я составляю одно съ міромъ вещей. Я долженъ признать власть всемірнаго закона. Здѣсь глубоко внизу лежитъ основаніе моего существа. Силы его въ томъ, что его крѣпко захватилъ видимый міръ, и въ его полной общности со всѣми вещами.

Но на другомъ полюсѣ я отдѣленъ отъ всего. Здѣсь я прорвался черезъ предѣлъ равенства и стою обособленно, какъ индивидуумъ. Я положительно единственный; Я *есть*, я ни съ чѣмъ несравнимъ. Вся тяжесть міра не можетъ сокрушить этой моей индивидуальности. Я сохраняю ее, несмотря на непреодолимость всеобщаго притяженія. Она мала на видъ, но велика въ дѣйствительности. Потому что она умѣетъ устоять противъ силъ, лишающихъ отличія и смѣшивающихъ съ прахомъ.

Это *подстройка* моего „Я“, поднимающаяся изъ невѣдомой глубины и темноты своего основанія въ открытую, гордую обособленность, гордую тѣмъ, что она придаетъ идеѣ архитектора образъ, не имѣющій себѣ подобнаго во всей вселенной. Если бы эта индивидуальность была разрушена, то хотя бы матеріалъ и не былъ потерянъ и ни одинъ атомъ не исчезъ бы безслѣдно, но творческая радость, кристаллизованная въ ней, погибла бы. Мы полные банкроты, если лишены этой особенности, этой индивидуальности, — единственнаго, что мы можемъ назвать нашей собственностью, потеря чего есть вмѣстѣ съ тѣмъ потеря для всего міра. Высшая цѣна ея — это то, что она не всеобща. И потому только благодаря ей мы можемъ познать вселенную полнѣе, чѣмъ если бы мы пребывали въ самыхъ нѣдрахъ ея, но не сознавали своей отдѣльности. Всеобщее всегда ищетъ своего завершенія въ единственномъ. И желаніе сохранить нашу единственность неприкосновенной есть въ сущности желаніе вселенной, говорящее въ насъ. Наша радость безконечнымъ даетъ намъ возможность испытывать радость въ себѣ.

...Въ своемъ законченномъ видѣ наше я сознаетъ свою обособленность, и здѣсь оно безпощадно въ своихъ попыткахъ получить больше отличія, чѣмъ всѣ остальные. Въ своей же безконечности оно стремится къ достиженію гармоніи, ведущей къ его совершенству, а не только къ одному расширенію.

Освобожденіе нашей физической природы— состоитъ въ достиженіи здоровья, нашего соціальнаго организма—въ достиженіи доброты, а нашего я — въ достиженіи любви.

...Гармонія никогда не достигается принужденіемъ. Такъ наша воля на пути своего развитія должна пройти черезъ независимость и возмущеніе къ послѣднему совершенству. Мы должны имѣть возможность пользоваться отрицательной формой свободы — что есть своевольство — прежде чѣмъ достигнемъ положительной формы — любви.

...Подобно тому, какъ границы закона отдѣляютъ природу отъ Бога, такъ границы эгоизма отдѣляютъ наше я отъ Него. Онъ добровольно положилъ границы своей волѣ и далъ намъ власть надъ нашимъ маленькимъ міркомъ. Такъ отецъ даетъ въ распоряженіе сыну

чество жизни“, а въ изданіи В. Португалова — „Постиженіе жизни“.

извѣстную сумму, въ предѣлахъ которой тотъ можетъ распоряжаться, какъ хочетъ. Хотя сумма остается достояніемъ отца, но послѣдній отстраняется отъ распоряженія ею по своей волѣ. Причина тому та, что *воля — воля любви и стало быть свободная, можетъ находить свою радость лишь въ единеніи съ другой свободной волей.*

...Такъ любовь Бога, отъ которой получило свою форму наша „Я“, обособила это „Я“ отъ Бога, и любовь Бога снова создаетъ примиреніе и соединяетъ наше „Я“ съ Богомъ. Вотъ почему наше „Я“ должно проходить черезъ безконечныя воплощенія. Ибо оно не можетъ вѣчно итти по пути отдѣленія. Обособленность есть предѣлъ, откуда оно постоянно возвращается къ своему безконечному источнику. Наше „Я“ постоянно должно сбрасывать свои годы, нѣсколько разъ погружаться, дойдя до своего предѣла, въ забвеніи смерти, чтобы пріобрѣсти безсмертную юность. Его личность должна послѣ извѣстнаго предѣла исчезать во вселенной, въ сущности проходить черезъ нея ежеминутно, освѣжая свою индивидуальную жизнь. Оно должно слѣдовать за вѣчнымъ ритмомъ и, на каждомъ шагу касаясь основного единства, такимъ образомъ въ своемъ обособленіи сохранять равновѣсіе между красотой и силой.

Мы повсюду видимъ игру жизни и смерти— превращеніе стараго въ новое. День приходитъ къ намъ каждое утро, обнаженный и свѣтлый, прекрасный, какъ цвѣтокъ. Но мы знаемъ, что онъ старъ. Это сама древность. Это тотъ самый день, который принялъ новорожденную землю въ свои объятія, покрылъ ее своей сіяющей бѣлой мантіей свѣта и отпустилъ ее въ ея паломничество среди звѣздъ.

И между тѣмъ его ноги не знаютъ усталости, и глаза не меркнутъ. Онъ носитъ на себѣ золотой амулетъ вѣчности, не знающей лѣтъ, при прикосновеніи котораго всѣ морщины исчезаютъ съ чела созданія. Въ самомъ центрѣ мірового сердца стоитъ безсмертная юность. Смерть и разрушеніе бросаютъ на ея лицо мимолетную тѣнь и проходятъ; они не оставляютъ слѣдовъ своихъ шаговъ — и юность остается свѣжей и молодой.

Древній, древній день нашей земли снова возрождается каждое утро. Онъ возвращается къ первоначальному припѣву своей музыки. Если бы его ходъ былъ направленъ по безконечной прямой линіи, если бы не было ужасныхъ промежутковъ его погруженія въ бездонный мракъ и его постояннаго возрожденія къ жизни безконечнаго начала, то онъ постепенно осквернилъ бы своимъ прахомъ и погребъ бы подъ нимъ истину; онъ постоянно распространялъ бы страданіе по землѣ подъ своими тяжелыми шагами. Тогда каждая минута оставляла бы послѣ себя тяжесть утомленія, и дряхлость надменно возсѣдала бы на своемъ тропѣ вѣчной грязи.

Но каждое утро день возрождается среди свѣже-распустившихся цвѣтовъ, принося ту же вѣсть и то же увѣреніе, что смерть вѣчно умираетъ, что ураганъ вихря кружится только на поверхности, но что океанъ спокойствія неизмѣримъ. Завѣса ночи отдернута, и истина выступаетъ безъ пылинки на своихъ одеждахъ, безъ слѣда старости въ своихъ чертахъ.

Мы видимъ, что тотъ, кто впереди всего, не мѣняется. Каждая нота гимна творенія свѣжа въ его голосѣ. Вселенная не простое эхо, повторяющее отъ небесъ и до небесъ, подобно бездомному страннику, отголосокъ старой пѣсни, нѣкогда снѣтой при окутанной туманомъ колыбели мірозданія, затѣмъ оставшагося сиротой. Она ежеминутно звучитъ изъ сердца повелителя, ею полно его дыханіе.

И вотъ причина, почему эта пѣснь наполняетъ небеса, подобно мысли, принимающей форму въ поэмѣ, и никогда не разсыпается подъ бременемъ своего все увеличивающагося вѣса. Отсюда поразительное, нескончаемое разнообразіе, появленіе неожиданнаго, безконечная процессія индивидуумовъ, каждый изъ которыхъ не имѣетъ себѣ подобнаго во вселенной. И такъ отъ начала до конца, начало никогда не оканчивается — міръ вѣчно старъ и вѣчно молодъ.

Наше „Я“ должно знать, что оно каждую минуту своей жизни должно возрождаться. Оно должно порвать со всѣми иллюзіями, облекающими его свою кровью, стремясь показать, что оно старо, что надъ нимъ тяготитъ смерть.

Ибо жизнь есть безсмертная юность, и она ненавидитъ старость, пытающуюся прекратить ея движеніе — старость, въ которой нѣтъ истинной жизни, но которая слѣдуетъ за послѣдней, какъ тѣнь слѣдуетъ за лампой.

Наша жизнь, подобно рѣкѣ, протекаетъ среди береговъ, не для того, чтобы находить въ нихъ преграду, но чтобы ежеминутно доказывать, что она всегда у безконечности имѣетъ выходъ въ море. Она подобно поэмѣ, строфы которой текутъ, не задерживаемыя точной правильностью, и ежеминутно даютъ выраженіе внутренней свободѣ своей гармоніи.

Границы нашей индивидуальности, съ одной стороны, сдерживаютъ насъ въ своей оградѣ, а съ другой стороны—ведутъ насъ къ безко-

нечному. Только стараясь раздвинуть эти границы до безконечнаго, мы попадаемъ въ невозможное противорѣчіе и дѣлаемъ жалкую ошибку.

Это причина, ведущая къ великимъ переворотамъ въ исторіи человѣчества. Когда одна часть его, не обращая вниманіе на все остальное, пытается итти отдѣльнымъ путемъ, великій натискъ цѣлаго даетъ ей сильный толчокъ, останавливающій его внезапно, и сокрушаетъ въ прахъ. Когда индивидуумъ пытается задержать вѣчно текущій потокъ міровыхъ силъ и заключить его въ границы частной пользы, происходитъ катастрофа. Какъ ни могущественъ король, онъ не можетъ возмутиться противъ безконечнаго источника силы, который единъ, но остается могущественнымъ.

Сказано: „Неправотой люди богатѣютъ, достигаютъ того, къ чему стремятся и торжествуютъ надъ своими врагами, но въ концѣ они оказываются срубленными у корня и гибнутъ“. Наши корни должны глубоко корениться въ вселенной, если мы достигаемъ величія личности.

Искать такого единенія—цѣль нашего „Я“. Оно должно низко преклонять голову въ любви и кротости и помѣщаться тамъ, гдѣ встрѣчается великое съ малымъ. Оно должно выиграть, благодаря своей потерѣ, и подняться, отдаваясь. Игра опротивѣла бы ребенку, если бы онъ не могъ вернуться къ матери, и наша личная гордость будетъ для насъ проклятіемъ, если мы не можемъ жертвовать ею ради любви. Мы должны знать, что лишь проявленіе безконечнаго безконечно ново и вѣчно прекрасно въ насъ; единственно оно и придаетъ нашему „Я“ смыслъ.

Проблема зла.

...Вопросъ, почему существуетъ зло и вопросъ о причинѣ несовершенства одинъ и тотъ же, другими словами — это вопросы о томъ, для чего существуетъ міръ. Мы должны предположить, что иначе не могло быть, поэтому безполезно предлагать вопросъ: зачѣмъ мы существуемъ.

Но вотъ настоящій вопросъ, который мы должны поставить: является ли несовершенство предѣльной истиной, признавать ли зло безусловнымъ и конечнымъ?

...Если бы мы обратили наше вниманіе на область смерти, весь міръ намъ представился бы въ видѣ огромнаго склепа. Но среди жизни мысль о смерти насъ занимаетъ весьма мало. Не потому, что она для насъ малоочевидна, но въ силу того, что смерть представляетъ отрицательный аспектъ жизни; точно такъ же, какъ закрывая вѣки ежеминутно, мы обращаемъ наше вниманіе лишь на моментъ, когда они открыты. Жизнь, въ своей цѣлости, никогда не придаетъ значенія смерти. Жизнь улыбается, пляшетъ, играетъ, созидая, накопляя и отдаваясь любви передъ лицомъ смерти. Лишь индивидуальный фактъ смерти насъ приводитъ въ смущеніе, ввергая въ отчаяніе. Мы теряемъ изъ виду цѣлостность жизни, часть которой составляетъ смерть. При этомъ происходитъ то же, что при разсматриваніи куска сукна подъ микроскопомъ: мы его видимъ въ видѣ сѣтки, разглядывая широкія скважины, мы приходимъ въ изумленіе. Но истина въ томъ, что смерть не есть конечная реальность (предѣлъ). Она является намъ мрачной, какъ небо кажется намъ синимъ, не омрачая нашего существованія, точно такъ же какъ небо не бросаетъ тѣни на крыло птицы.

...Зло не можетъ окончательно преградить ходъ жизни на пути ея развитія, лишая ее всего, что ею пріобрѣтено. Зло состояніе переходное; оно должно превращаться, и это превращеніе — благо. Оно не можетъ стоять на мѣстѣ и бороться противъ Всецѣлаго. Если бы малѣйшее зло могло гдѣ-либо окончательно установиться на неопредѣленное время, оно могло бы, проникая въ глубину, подрѣзать корни существованія. Какъ бы то ни было человѣкъ не вѣритъ дѣйствительно въ существованіе зла, точно такъ же какъ онъ не вѣритъ, что струны скрипки изобрѣтены исключительно для того, чтобъ терзать слухъ утонченной пыткой нестройныхъ звуковъ, хотя на основаніи статистическихъ данныхъ можно доказать съ математическою точностью, что вѣроятность диссонансовъ превышаетъ вѣроятность гармоніи и на одного человѣка способнаго играть на скрипкѣ приходится тысячи неспособныхъ. Возможность совершенства беретъ перевѣсъ надъ противорѣчіемъ дѣйствительности.

...Можно предложить вопросъ: Что такое благо? Въ чемъ состоитъ добро? Каково значеніе нашей нравственной природы? Я отвѣчу: „Когда человѣкъ начинаетъ расширять понятіе о своемъ „Я“, расширяя область своего сознанія, когда онъ познаетъ, что онъ гораздо болѣе того, чѣмъ онъ кажется въ настоящее время, онъ начинаетъ сознавать свою нравственную природу.

...Поистинѣ человѣкъ есть нѣчто большее, чѣмъ онъ самъ себѣ кажется. Онъ поистинѣ принадлежитъ личностямъ, которыя не включены въ его индивидуальность и которыхъ онъ, вѣроятно, никогда не узнаетъ. Подобно

тому, какъ онъ чувствуетъ влеченіе къ своему будущему „Я“, внѣ предѣловъ настоящаго сознанія, онъ точно также чувствуетъ влеченіе къ своему высшему „Я“, внѣ предѣловъ своей личности. Нѣтъ человѣка не испытавшаго до нѣкоторой степени этого чувства, не жертвовавшаго въ своей жизни эгоистическимъ желаніемъ ради другого, не испытавшаго удовольствія переносить лишенія и заботы ради счастья другого человѣка. Надо признать истину, что человѣкъ не отдѣльное существо, что онъ имѣетъ аспектъ универсальный. Когда онъ это познаетъ, онъ становится великимъ.

...Для человѣка, который живетъ для идеи, для своей родины, для блага человѣчества, жизнь имѣетъ широкое значеніе, и благодаря этому значенію страданіе умаляется. Жить для добра значитъ жить міровой жизнью. Удовольствія человѣкъ ищетъ для своего „Я“, но благо касается счастья всего человѣчества и навсегда. Съ точки зрѣнія блага значеніе удовольствія и страданія измѣняется—до такой степени, что является желаніе избѣгать удовольствія и испытать страданія, при чемъ смерть, повышая цѣнность жизни, является желанной. Съ этой высшей точки зрѣнія основы добра, радости и страданія теряютъ свою абсолютную цѣнность. Въ исторіи это доказали мученики, и мы ежедневно это доказываемъ въ своей жизни, въ нашихъ мелкихъ испытаніяхъ. Кувшинъ воды, почерпнутый изъ моря, имѣетъ извѣстный вѣсъ, но когда мы сами окунемся въ воду, содержаніе тысячи кувшиновъ проносятся надъ нашей головой, и мы тяжести не ощущаемъ. Чтобы поднять кувшинъ, содержаніемъ котораго служитъ наше личное „Я“, намъ приходится потратить собственную силу. Такимъ образомъ, если въ области эгоизма радость и страданіе имѣютъ опредѣленный вѣсъ, въ области нравственности тяжесть облегчается до такой степени, что человѣкъ, достигшій такого состоянія, является намъ сверхчеловѣкомъ, по терпѣнію, съ какимъ онъ выноситъ самыя тяжелыя испытанія, по чувству всепрощенія, съ какимъ онъ встрѣчаетъ злобныя гоненія. Жить совершенно согласно съ правдой (благость) значитъ осуществить свою жизнь въ безпредѣльности (infinitiv). Это самое широкое пониманіе жизни, какое намъ доступно, благодаря нашей прирожденной способности нравственнаго прозрѣнія цѣлостности жизни.

...Итакъ, мы видимъ, что индивидуальность человѣка не есть высшая истина для него; въ немъ есть нѣчно міровое (всемірное). Если бы ему пришлось жить въ мірѣ, гдѣ его собственное „Я“ являлось единственнымъ факторомъ, заслуживающимъ вниманія, онъ бы оказался въ заключеніи самомъ тяжеломъ, какое можно себѣ представить, ибо величайшая радость для человѣка въ возможности все большаго роста (развитія) путемъ все большаго единенія со всѣми. Это было бы невозможно, при отсутствіи одного общаго закона для всѣхъ. Лишь открывъ законъ и слѣдуя ему, мы можемъ стать великими, осуществляя міровое „Я“.

...Свобода человѣка состоитъ не въ томъ, чтобъ избавиться отъ заботъ, а въ томъ, что бы считать заботы своимъ благомъ, превращая заботу въ элементъ своей радости. Это можетъ совершиться, когда мы познаемъ, что наше личное „Я“ не выражаетъ высшаго значенія нашего бытія, что въ насъ существуетъ безсмертное міровое начало, которое не боится смерти или страданій, разсматривая страданія какъ обратную сторону радости. Тотъ, кто это позналъ, убѣждается, что для насъ, какъ существъ несовершенныхъ, страданіе—истинное пріобрѣтеніе, что оно дѣлаетъ насъ великими и достойными занять мѣсто среди совершенныхъ. Онъ знаетъ, что мы не нищіе, что каждая цѣнность въ этой жизни оплачивается на чистыя деньги, цѣнность власти, мудрости и любви, что страданіе—символъ безконечной возможности совершенства, вѣчное откровеніе радости; человѣкъ, неспособный испытывать радость страданія, опускается все ниже и ниже до послѣднихъ предѣловъ нищеты и униженія. Лишь когда мы ищемъ въ страданіи самоудовлетворенія, оно превращается во зло и мститъ за оскорбленіе ему нанесенное, повергая насъ въ нищету.

Страданіе можно сравнить съ весталкой, посвященной служенію безсмертнаго совершенства; когда она занимаетъ свое настоящее мѣсто передъ алтаремъ безконечности, она сбрасываетъ свои мрачные покровы и является передъ взоромъ зрителя, какъ откровеніе высшей радости.

Осуществленіе себя на дѣлѣ.

...Упавшіады говорятъ: „Только среди дѣятельности ты почувствуешь желаніе жить сто лѣтъ“. Такъ говорятъ тѣ, кто вкусилъ вполнѣ радость души. Тѣ, кто вполнѣ осуществлялъ душу, никогда не говорилъ грустно о печали жизни или рабствѣ, наложенномъ дѣятельностью. Такіе люди не похожи на увядающій цвѣтокъ, чашечка котораго такъ крѣпко обхватила его, что онъ умираетъ, не давъ плода. Они всей своей силой держатся за жизнь, говоря: „Ни за что не уступимъ, пока плодъ не

созрѣетъ". Ихъ радость заставляетъ ихъ желать яркаго проявленія своего „Я" и въ своей жизни и въ своемъ дѣлѣ. Страданія и горе не разочаровываютъ ихъ, тяжесть собственнаго сердца не преклоняетъ ихъ во прахъ. Поднявъ головы, какъ побѣдоносные герои, они шествуютъ черезъ жизнь, видя себя и проявляя себя въ всевозрастающемъ сіяніи души и въ радостяхъ, и въ горестяхъ. Радость ихъ жизни не отстаетъ отъ той энергіи, которая, работая, творитъ и разрушаетъ по всей вселенной. Наслажденіе солнечнымъ свѣтомъ, свѣжимъ воздухомъ, смѣшанное съ наслажденіемъ жизнью, создаетъ одну сладкую гармонію внутри и извнѣ. Они-то говорятъ: *„Только среди дѣятельности ты пожелаешь жить сто лѣтъ"*.

Эта радость жизни, это наслажденіе работой вполнѣ истинны въ человѣкѣ. Напрасно было бы утверждать, что это наше заблужденіе; что пока мы не отбросимъ его, мы не можемъ вступить на стезю самоосуществленія. Никогда не выйдетъ ничего изъ попытки осуществленія безконечнаго отдѣльно отъ міра дѣйствія.

...Вотъ почему, по мѣрѣ прогресса человѣческой цивилизаціи, человѣкъ увеличиваетъ свои обязательства и работу, которую добровольно беретъ на себя. Можно бы подумать, что природа дала ему достаточно, чтобы онъ былъ вѣчно занятъ: въ дѣйствительности, она заставляетъ его работать до полнаго изнеможенія силъ подъ хлыстомъ голода и жажды. Но нѣтъ. Человѣкъ не находитъ этого достаточнымъ; онъ не можетъ удовлетвориться исключительно работой, предписываемой ему, вмѣстѣ съ птицами и звѣрями, природой. Его потребности должны превосходить потребности ихъ всѣхъ, даже въ дѣятельности. Не одному созданію не приходится работать такъ усиленно, какъ человѣку: ему поручено было расчистить себѣ широкое поле дѣятельности въ обществѣ; и на этомъ полѣ онъ постоянно созидаетъ и разрушаетъ, создаетъ и передѣлываетъ законы, нагромождаетъ груды матеріаловъ, непрестанно думая, ища и страдая. На этомъ полѣ онъ отчаянно боролся и бился, постоянно завоевывая новую жизнь, дѣлая смерть славной и далеко не избѣгая затрудненій; добровольно и постоянно бралъ на себя бремя новыхъ заботъ. Онъ сдѣлалъ открытіе, что существо его не полно въ клѣткѣ непосредственно окружающаго его, что онъ выше своего настоящаго и что стоять на одномъ мѣстѣ можетъ быть пріятно, но застой жизни уничтожаетъ его настоящее назначеніе и настоящую цѣль его существованія.

...Мы видимъ, что на великомъ западномъ материкѣ душа человѣка занята только внѣшнимъ самораспространеніемъ; поприще ея — обширное поле примѣненія власти. Она вся поглощена внѣшнимъ міромъ и оставляетъ совершенно въ сторонѣ — даже едва ли вѣритъ въ существованіе его — міръ внутренняго сознанія, которое есть міръ осуществленія. Человѣкъ зашелъ въ этомъ такъ далеко, что совершенство осуществленія кажется ему теперь легче. Его наука всегда говорила о безконечной эволюціи міра. Его метафизика теперь начала уже говорить объ эволюціи самого Бога. Не желаютъ признать, что онъ *есть*; желали бы также, чтобы онъ *дѣлался*.

...Это настойчивое стремленіе дѣлать и сдѣлаться, замѣчаемое намп на Западѣ, есть причина упоенія властью. Эти люди, повидимому, рѣшили все ограбить и все захватить силою. Они всегда упрямо желаютъ всѣмъ распоряжаться сами и никогда не уступать власти надъ собой кому бы то ни было — *они даже у смерти готовы оспаривать ея мѣсто среди схемы вещей* — они не знаютъ красоты полноты.

Въ нашей сторонѣ опасность идетъ съ противоположной стороны. Мы склоняемся на сторону внутренняго міра. Мы желали бы отринуть съ презрѣніемъ поприще власти и расширенія. Мы готовы осуществить Браму въ его полности только въ созерцаніи; мы рѣшили не видѣть его эволюціи въ движеніи вселенной.— Вотъ почему въ нашихъ искателяхъ мы такъ часто видимъ упоеніе духовнымъ созерцаніемъ и постепенный упадокъ. Ихъ вѣра не желаетъ признавать узъ законовъ, ихъ воображеніе паритъ безъ ограниченія, ихъ поведеніе презираетъ какое-либо объясненіе причинъ. Ихъ умъ, въ тщетныхъ попыткахъ видѣть Браму нераздѣльнымъ съ его твореніемъ, добрабатывается до полнаго окаменѣнія, а ихъ сердце, пытаясь ограничиться собственнымъ изліяніемъ, замираетъ въ опьяняющемъ восторгѣ волненія.

...Но *истинная духовность*, по ученію нашихъ священныхъ преданій, *находится въ спокойномъ равновѣсіи силы, взаимнаго отношенія между внѣшнимъ и внутреннимъ*.

...Что касается насъ, то только тогда, когда мы совершенно покоряемся узамъ истины, мы достигаемъ наслажденія свободой. Какъ же? Какъ струна, прикрѣпленная къ арфѣ. Когда арфа вѣрно настроена, когда нѣтъ ни малѣйшаго ослабленія въ напряженіи, только тогда получается музыка; и струна, изливаясь въ мелодіи, находитъ въ каждомъ аккордѣ истин-

ную свободу. Оттого, что она прикрѣплена такъ твердо и крѣпко на одномъ концѣ, она и находитъ соотвѣтствующую степень музыкальной свободы на другомъ. Пока звукъ струнъ былъ невѣренъ, она была только привязана; но ослабленіе ея прикрѣпленій не представляло бы дороги къ свободѣ; послѣдней она можетъ достигнуть вполнѣ только при все усиливающемся напряженіи, пока послѣднее дойдетъ до настоящей степени.

... Развѣ ты не слышишь, какъ вдоль по дорогѣ, переходя черезъ обширныя поля человѣчества, несется колесница прогресса человѣческой души въ ея совершенствѣ — колесница, которой суждено переѣхать черезъ преграды, мѣшающія ей вступить въ вселенную? Даже горы сокрушаются и разступаются передъ шествіемъ ея знаменъ, торжествующе развѣвающихся въ воздухѣ; подобно тому, какъ туманъ разсѣивается передъ восходящимъ солнцемъ, такъ и темная запутанность матеріальныхъ вещей разсѣивается при шествіи побѣдоносной колесницы. Страданіе, болѣзнь и безпорядочность на каждомъ шагу отступаютъ передъ ея натискомъ; препятствія, создаваемыя невѣжествомъ, отбрасываются въ сторону; сквозь темноту слѣпоты прорывается лучъ свѣта, и постепенно передъ глазами откроется обѣтованная земля богатства и здоровья, поэзіи и искусства, знанія и справедливости. Ставете ли вы въ своемъ ослѣпленіи утверждать, что колесница человѣчества, потрясающая землю въ своемъ торжественномъ движеніи по величественнымъ просѣкамъ исторіи, не имѣетъ вожатаго, направляющаго ее къ совершенному достиженію цѣли? Кто тотъ, кто откажется отвѣтить на Его призывъ присоединиться къ этому торжествующему движенію впередъ? Кто тотъ безумецъ, что убѣжитъ отъ ликующей толпы и станетъ искать Его въ глухой бездѣятельности? Кто такъ погрязъ въ неправдѣ, что осмѣлится назвать неправдой все это — и этотъ великій міръ мужей, и эту цивилизацію развертывающагося человѣчества, это вѣчное усиліе человѣка достигнуть побѣды своихъ силъ, пройдя всю пучину горя, всѣ высоты радости, преодолѣвъ безконечныя препятствія внутри и извнѣ? Можетъ ли тотъ, кто способенъ видѣть въ этомъ безконечномъ совершенствѣ безконечный обманъ, вѣрить въ Бога, который есть истина? Гдѣ и когда надѣется встрѣтить Бога тотъ, кто думаетъ достигнуть его, убѣгая отъ міра? Какъ далеко можетъ онъ летѣть? — Развѣ онъ въ состояніи бѣжать и бѣжать, пока не влетитъ въ ничтожество. Нѣтъ, трусъ, пожелавшій бы бѣжать, нигдѣ не найдетъ Его. У насъ должно быть достаточно храбрости, чтобы сказать: „Мы достигвемъ Его здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, сейчасъ же — сію же минуту. Мы должны быть способными убѣдить себя, что какъ въ своихъ дѣлахъ мы осуществляемъ себя, такъ въ своемъ „Я“ мы осуществляемъ Его, всеобъемлющаго. Мы должны заслужить право сказать это не колеблясь, устранивъ собственными усиліями всякое препятствіе, всякій безпорядокъ, всякій раздоръ съ пути нашей дѣятельности. Мы должны имѣть право сказать: „Въ моей работѣ — моя радость, и въ этой радости обитаетъ радость моей радости“.

... О, созидатель вселенной! Мы молимъ тебя, чтобы ты послалъ намъ потокъ твоей всемірной энергіи; подобно бурному весеннему южному вѣтру, пусть онъ пронесется по обширному полю человѣческой жизни, принося ароматы многихъ цвѣтовъ, шелестъ многихъ лѣсовъ; пусть наша засохшая жизнь встрепенется и запоетъ подъ его вліяніемъ. Пусть наша воскресшая сила страстно стремится къ безконечному осуществленію въ листьяхъ, цвѣтахъ и плодахъ.

Осуществленіе себя путемъ любви.

... Однажды я ѣхалъ въ лодкѣ по Гангу. Былъ чудный осенній вечеръ. Солнце только что скрылось. Безмолвіе неба являло избытокъ невзрѣченнаго міра и красоты. Широкое пространство рѣки разстилалось неподвижно, и на зеркальной поверхности водъ отражались быстро смѣнявшіяся тѣни вечерней зари. На десятки и десятки верстъ тянулись пустынные, песчаные берега, подобно огромному земноводному пресмыкающемуся допотопной эпохи съ чешуей, сверкавшей переливами всѣхъ цвѣтовъ. Въ то время какъ наша лодка тихо плыла вдоль крутого берега рѣки, испещреннаго круглыми ямками, гдѣ гнѣздились цѣлыя колоніи птицъ, большая рыба вдругъ выскочила на поверхность воды и снова скрылась, отразивъ, исчезая, всѣ цвѣта вечерняго неба. Своимъ появленіемъ она на минуту отдернула многоцвѣтный покровъ, за которымъ скрывается безмолвный міръ, полный радости жизни. Она явилась изъ глубины таинственнаго жилища и краснымъ движеніемъ внесла свою мелодію въ безмолвную симфонію угасающаго дня. Это движеніе показалось мнѣ дружескимъ привѣтомъ изъ чужого мнѣ міра, и оно проникло въ мое сердце радостнымъ лучомъ. Вдругъ человѣкъ, сидѣвшій у руля, воскликнулъ съ стѣнкомъ сожалѣнія: „Ахъ, вотъ крупная рыба!“ Ему сразу представился образъ пойманной рыбы, приготовленной къ ужину. Онъ

только могъ видѣть рыбу сквозь призму желанія и такимъ образомъ истина ея существованія была для него потеряна. Но человѣкъ не только животное. Онъ стремится къ духовному познанію, которое даетъ ему познаніе истины. Это доставляетъ ему величайшее наслажденіе, открывая ему глубокую гармонію между нимъ и всѣми его окружающими. Наши желанія ограничиваютъ кругозоръ нашего познанія; они мѣшаютъ расширенію нашего сознанія и порождаютъ грѣхъ, воздвигающій внутреннія преграды, отдѣляющія насъ отъ Бога, ведущія къ разладу и горделивому отчужденію. Ибо грѣхъ не ограничивается дѣйствіемъ, это есть устремленіе жизни, которое признаетъ предѣльность вашей цѣли, считая наше „Я“ конечной истиной въ увѣренности, что мы не составляемъ одно Единое цѣлое, но что каждый живетъ въ отдѣльности для индивидуальнаго существованія.

Итакъ, я повторяю, что мы не можемъ имѣть истиннаго понятія о человѣкѣ, не чувствуя къ нему любви. Цѣнить цивилизацію и судить о ней слѣдуетъ не по силѣ достигнутаго ею могущества, но по тому, насколько ея законы и учрежденія помогли эволюціи и служатъ выраженіемъ любви къ человѣчеству.

...Высокое назначеніе любви—привѣтствовать всѣ ограниченія и ихъ превозмогать. Нѣтъ ничего свободнѣе любви, и гдѣ же, съ другой стороны, найти такую зависимость? Въ любви рабство такъ же желательно, какъ свобода.

Религія Ваишнава (Vaishnava) смѣло объявила, что Богъ связалъ себя съ человѣкомъ, и въ этомъ величайшая слава человѣческаго существованія. Очарованный чудеснымъ ритмомъ предѣльности, онъ принимаетъ оковы на каждомъ шагу и такимъ образомъ проявляетъ свою любовь къ гармоніи въ совершенномъ восхваленіи красоты. Красотой онъ плѣняетъ наше сердце. Другой цѣли нѣтъ. Красота намъ говоритъ, что достиженіе власти—не конечная цѣль мірозданія. Потребность любви является всюду, гдѣ краска, гдѣ звукъ, гдѣ грація формъ вызываютъ въ насъ потребность любить. Голодъ заставляетъ насъ повиноваться своему зову, но голодъ—не послѣднее слово человѣка. Бывали люди, которые сознательно отказывались слѣдовать его велѣніямъ. доказывая тѣмъ самымъ, что душа человѣческая не подчиняется давленію нужды и угрозамъ страданія. Дѣйствительно, чтобы жить жизнью человѣка, мы должны ежедневно противодѣйствовать ея велѣніямъ, начиная съ меньшихъ и кончая большими. Но, съ другой стороны, въ мірѣ существуетъ красота, которая никогда не оскорбляетъ нашу свободу, никогда не поднимаетъ пальца, чтобы заставить насъ признать ея превосходство. Мы можемъ и не знать, не подвергаясь наказанію. Его призывъ къ намъ, но не повелѣніе. Она ищетъ любви, а любовь не поддается принужденію. Не принужденіе, но радость является конечнымъ призывомъ ея къ человѣку. Радость является повсюду; она является въ зеленѣющей травѣ луговъ, въ глубокой прозрачности неба, въ беззаботной прелести весны, въ суровомъ воздержаніи зимы, въ жизненной силѣ нашего физическаго организма, въ прекрасномъ поворотѣ человѣческой фигуры, легкой и стройной; въ жизни; въ развитіи всѣхъ нашихъ способностей; въ пріобрѣтеніи знаній; въ борьбѣ со зломъ, въ смерти ради правъ, которыми мы никогда не воспользуемся. Радость всюду проникаетъ, она представляется излишней, ненужной; она нерѣдко противорѣчитъ самымъ опредѣленнымъ требованіямъ необходимости. Она существуетъ какъ доказательство, что узы закона могутъ быть объяснены лишь любовью, ихъ можно сравнить съ тѣломъ и душой. Радость въ осуществленіи истины единства; единства нашей души съ міромъ и міровой души съ высшей любовью“.

Тагоръ достигъ этого единства и радости; ихъ свѣтомъ озарено все его ученіе, ими пропитана и живетъ вся его поэзія.

Изъ индійской поэзіи.

[891.4—:1(Т)].

Другая книга Тагора, появившаяся недавно на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Садовникъ“, является какъ бы поэтическимъ дополненіемъ къ философскимъ мыслямъ, изложеннымъ въ предыдущей статьѣ.

Здѣсь великія мысли о вселенной, міровой душѣ и назначеніи человѣка фигурируютъ на ряду съ идиллическими картинами повседневней индусской жизни. Для великаго созерцателя, какъ Тагоръ, нѣтъ ничего ничтожнаго, и во всѣхъ явленіяхъ, отъ малыхъ до великихъ, онъ созерцаетъ вѣчную красоту абсолютнаго Брамы.

„Ахъ, пѣвецъ, подходитъ вечеръ, серебритъ твои волосы.

Что слушаешь ты въ одинокомъ раздумьи,—не голосъ ли грядущей жизни?“

„Ужъ вечеръ, отвѣчалъ пѣвецъ, и хоть уже поздно, а я все слушаю: пожалуй, кликнутъ изъ деревни, хоть ужъ поздно.

Слѣжу, вдругъ встрѣтятся два юныхъ и заблудшихъ сердца или попросятъ музыки двѣ пары заблиставшихъ глазъ, чтобы прервать молчанье и говорить за нихъ.

Кто же сложитъ имъ страстныя пѣсни, если я сяду у берега жизни и буду созерцать смерть и то, что тамъ?

Уходитъ ранняя вечерняя звѣзда.

Зарево отъ погребальнаго костра медленно гаснетъ за тихой рѣкой.

Шакалы воютъ хоромъ во дворѣ покинутаго дома при свѣтѣ тающаго мѣсяца.

А если, бросивъ кровъ, какой нибудь скиталецъ придетъ сюда, чтобъ провести здѣсь ночь и слушать шумы темноты, кто же шепнетъ ему на ухо о тайнахъ жизни, если я закрою дверь, чтобы разстаться со смертными узами?

Ничего, что серебрится волосъ.

Я вѣчно такъ же юнъ и такъ же старъ, какъ самый юный и самый старый здѣсь, въ деревнѣ.

Однимъ дана улыбка, простая и милая, другимъ лукавство прищуренныхъ глазъ.

Однимъ даны слезы, что льются ручьями при свѣтѣ, другимъ даны слезы, сокрытыя во тьмѣ.

Я всѣмъ имъ нуженъ и нѣтъ мнѣ времени задумываться о грядущей жизни.

Я однолѣтокъ съ каждымъ, что жъ изъ того, что серебрится волосъ!

———

Томилась въ клѣткѣ комнатная птица; вольная птица воспилась въ лѣсу.

Но часъ насталъ и встрѣтились онѣ, таковъ ужъ былъ приказъ судьбы.

И вольная птица зоветъ: „о, милая моя, летимъ въ лѣса“.

И щебечетъ ей птица, живущая въ клѣткѣ: „лети сюда, будемъ жить въ этой клѣткѣ вдвоемъ“.

Отвѣчаетъ ей вольная птица: „тутъ за рѣшетками негдѣ и крылья расправить“.

И щебечетъ ей птица, живущая въ клѣткѣ: „увы, въ небѣ нѣтъ для меня жердочки, негдѣ присѣсть“.

Проситъ вольная птица: „споемъ, дорогая, лѣсвю лѣсныхъ странъ“.

Проситъ живущая въ клѣткѣ: „сядь со мной рядомъ, научу тебя пѣть по-ученому“.

Птица лѣсовъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, ахъ, нѣтъ, пѣснямъ нельзя научиться“.

И щебечетъ ей птица неволи: „горе мнѣ, пѣсенъ лѣсовъ я не знаю“.

Отъ нетерпѣнья разгорается любовь ихъ, но никогда не полетятъ онѣ крыло къ крылу.

Онѣ глядятъ сквозь прутья клѣтки другъ на друга, но тщетно ихъ желаніе познать другъ друга.

Въ томленьи бьются крыльями онѣ и стонутъ: „ближе, любовь моя!“

Стонетъ вольная птица: „нельзя; боюсь закрытыхъ дверецъ клѣтки“.

Стонетъ живущая въ клѣткѣ: „увы, мои крылья безсильны и мертвы!“

———

Нѣтъ мнѣ покоя. Жажду я того, что далеко.

Исходитъ душа моя въ желаніи коснуться края темныхъ далей.

О, Великое Тамъ, о, пронзительный зовъ твоей флейты!

Все забываю я, все забываю, что нѣтъ крыльевъ для полета, что я навсегда здѣсь заключенъ.

Не сплю я и волнуюсь, я чужестранецъ здѣсь, въ чужой странѣ.

Твое дыханье долетаетъ до меня и шепчетъ невозможныя надежды.

И близокъ сердцу твой языкъ, какъ свой родной.

О, ты, Дальнее-Дальнее, о, пронзительный зовъ твоей флейты!

Забылъ я все. Я странствую въ мечтѣ моей.

Въ часы истомы, въ мглистой дымкѣ солнца, какимъ видѣніемъ огромнымъ ты встаешь въ лазури неба!

О, Отдаленнѣйшій Конецъ, о, пронзительный зовъ твоей флейты!

———

„Приблизься, юноша, скажи намъ правду,— отчего безуміе въ глазахъ твоихъ?“

„Я не знаю, что это за вино изъ дикаго мака, котораго я выпилъ; отъ него безуміе въ глазахъ моихъ“.

„О, стыдъ!“

„Что жъ! кто мудръ, а кто и простъ, кто остороженъ, а кто безпеченъ. Есть глаза, что смѣются, и есть глаза, что плачутъ,— а въ моихъ глазахъ безуміе“.

„Юноша, зачѣмъ стоишь ты неподвижно подъ тѣнью дерева?“

„Изнемогаютъ ноги мои подъ бременемъ моего сердца, вотъ и стою я не двигаясь, въ тѣни“.

„О, стыдъ!“

„Что жъ! кто идетъ впередъ, а кто и отстаетъ, одни свободны, другіе въ кандалахъ,— а мои ноги изнемогаютъ подъ бременемъ моего сердца“.

———

О, безумецъ, безподобно пьяный!

Когда, раскрывши настежь двери, ты всенародно стропшь дурака;

Когда ты, показавъ благоразумію языкъ, спускаешь за вочь все, что есть въ сумѣ;

Когда ты бродишь дикими тропами и тѣшишься негодными вещами;

Не дорожишь ни рномою, ни смысломъ;

Когда, переломивъ весло, ты бурямъ отдаешь свой парусъ,—

Я за тобой, товарищъ мой! — иду, упьюсь я и къ чертямъ!

Въ компаніи уравновѣшенныхъ, благоразумнѣйшихъ сосѣдей истратилъ я всѣ свои дни и ночи.

Отъ многознанья стали сѣды волоса, отъ вѣчной осмотрительности помутнѣло зрѣніе.

Годами собиралъ и складывалъ я въ кучу разныя штуки.

Растопчемъ ихъ, будемъ плясать на нихъ, пустимъ ихъ по вѣтру.

Ибо я знаю, что вершина званья,—упиться, и къ чертямъ.

Пусть отпадутъ грызущія сомнѣнья и пусть я безнадежно сойду съ круга.

Пусть сорветъ меня съ якорей буря легкомыслія.

Весь міръ биткомъ набитъ достопочтенными, трудолюбивыми, полезными, способными людьми.

Одни изъ нихъ легко идутъ впередъ, другіе съ важностью плетутся сзади.

Такъ пусть преуспѣваютъ и будутъ счастливы, а я, пусть буду я бездѣльно-безполезенъ, какъ юродивый.

Ибо я знаю, всѣмъ трудамъ, —одинъ конецъ: упиться и къ чертямъ.

Клянусь — отсель не думать о правахъ на званіе достойнаго!

Я разстаюсь съ ученой важностью моей и съ разсужденьями о томъ, что праведно, что дурно.

Съ послѣдней каплей слезъ я разобью слезную урну воспоминаній.

Въ пѣну вина, что краснѣетъ, какъ ягоды, погружу я свой смѣхъ и его разбужу.

Ярлыкъ благовоспитаннаго гражданина —въ клочья.

И дамъ обѣтъ священный—быть непочтевымъ и упиться и къ чертямъ.

——

Отчего погасъ свѣтильникъ?

Я укрылъ его плащомъ моимъ, чтобъ защитить отъ вѣтра, оттого и погасъ свѣтильникъ!

Отчего увялъ цвѣтокъ?

Я къ сердцу прижалъ его съ жадной любовью, оттого и увялъ цвѣтокъ.

Отчего замолкъ ручей?

Я устроилъ запруду на немъ, чтобъ онъ служилъ мнѣ, оттого и замолкъ ручей.

Отчего на арфѣ порвалась струна?

Я хотѣлъ добиться отъ нея звука, что былъ выше ея силъ, оттого и порвалась струна.

——

Я сорвалъ твой цвѣтокъ, о, міръ!

Я прижалъ его къ сердцу, и вонзился шипъ.

Когда день отлетѣлъ и стемнѣло, я увидалъ, что цвѣтокъ увялъ, осталась лишь боль.

Много еще будетъ у тебя цвѣтовъ благоуханныхъ и дивныхъ, о, міръ!

Но мое время рвать цвѣты прошло, и въ темной ночи моей нѣтъ у меня розы, осталась лишь боль.

——

На сумеречную дорогу сна ходилъ я навѣстить мою любовь, которую я зналъ въ какой-то прошлой жизни.

На краю покинутой улицы стоялъ ея домъ.

Любимый павлинъ ея дремалъ на насѣстѣ, обвѣянный вечернимъ вѣтеркомъ; тихи были голуби въ своемъ углу.

Она поставила свѣтильникъ на землю у входа и стояла предо мной.

Большіе глаза на меня подняла и спросила беззвучно: „какъ ты живешь, мой другъ?“

Хотѣлъ я сказать, но языкъ нашъ былъ мертвъ и забытъ.

Я думалъ, думалъ, — нѣтъ, не приходятъ мнѣ на память наши имена.

Слезы блеснули въ глазахъ ея. Она протянула мнѣ правую руку. Я взялъ ее и молча стоялъ.

Огонь свѣтильника взметнулся подъ вечернимъ вѣтеркомъ и умеръ.

——

Я гоню золотого оленя.

Смѣйтесь, друзья мои, а я полечу за видѣніемъ, что отъ меня улетаетъ.

Я пробѣгаю по холмамъ и долинамъ, блуждаю по незнаемымъ землямъ, я гоню золотого оленя.

Вы ходите на рынокъ и возвращаетесь домой, обвѣшанные покупками; а меня коснулись чары безпріютныхъ вѣтровъ, не знаю я, когда и гдѣ.

Нѣтъ у меня на сердцѣ заботъ; и все, что было у меня, осталось позади. Я про-

бѣгаю по холмамъ и долам, блуждаю по незнасмымъ землямъ, я гоню золотого оленя.

Не несмѣтны богатства твои, терпѣливая, темная мать моя, земля!

Ты бьешься, чтобъ наполнить рты твоихъ птенцовъ, а пищи мало.

Неполны радости, что ты даришь намъ.

Игрушки, которыя ты мастеришь для дѣтей твоихъ, непрочны.

Не можешь ты насытить нашихъ алчныхъ упованій, — но развѣ я изъ-за того тебя покину?

Улыбка твоя, осѣненная скорбью, желанна глазамъ моимъ.

Любовь твоя, не знающая достиженья, мила моему сердцу.

Изъ груди твоей, которой насъ питаешь ты, исходитъ жизнь, но нѣтъ безсмертія,—и оттого ты вѣчно не смыкаешь глазъ.

Вѣка уже, какъ ты творишь,—и въ краскахъ и въ пѣсняхъ,—а рай все у тебя не создается, есть только блѣдное подобіе его.

Надъ самыми прекрасными созданьями твоими дымка слезъ.

Я пролью свои пѣсни въ безмолвную душу твою, я солью любовь мою съ твоею.

Я буду поклоняться тебѣ въ мукахъ.

Узналъ я милое лицо твое, люблю я твой унылый прахъ, о, Мать Земля.

— —

Въ полночь будущій отшельникъ возгласилъ: „Настало мое время покинуть домъ и искать Бога. Ахъ, кто такъ долго держалъ меня здѣсь, въ узахъ заблужденія?“

Богъ шепнулъ ему: „Я“. Но уши человѣка не слыхали.

Съ ребенкомъ, заснувшимъ у груди ея, жена его мирно спала на другой половинѣ постели.

Сказалъ человѣкъ: „Кто тѣ, что дурачили меня такъ долго?“

И снова голосъ произнесъ: „Это — Богъ“. Но онъ не слыхалъ. Ребенокъ заплакалъ во снѣ, и прижмотился ближе къ матери.

Богъ говорилъ: „Остановись, глупецъ, не покидай твой домъ“. И опять онъ не слыхалъ.

И, сѣтуя, Господь вздохнулъ: „Зачѣмъ оставляетъ меня рабъ мой, собираясь искать Меня?“

Я часто думаю: гдѣ пролегаетъ скрытая граница пониманья между человѣкомъ и животнымъ, которое не знаетъ внятной рѣчи?

Черезъ какой первоначальный рай, на утрѣ древнихъ дней, бѣжала та тропинка, по которой ихъ сердца ходили навѣщать другъ друга?

Ихъ слѣды на ней еще не стерлись, хотя давно забыты родственныя связи.

И иногда, въ какой-то музыкѣ безъ словъ, проснется темное воспоминанье, и животное тогда глядитъ человѣку въ лицо съ нѣжной вѣрой, и человѣкъ глядитъ въ глаза его съ растроганной любовью.

Какъ будто бы сошлись два друга въ маскахъ и смутно узнаютъ другъ друга подъ личиной.

Что же ты шепчешь такъ тихо мнѣ на ухо, о, Конецъ мой, Конецъ!

Зачѣмъ приходишь, крадучись, ко мнѣ по вечерамъ, когда цвѣты поникнутъ, и пройдутъ стада, и говоришь слова, которыхъ не могу понять?

Такъ то ты ищешь меня, хочешь взять меня сонным питьемъ тихихъ шопотовъ и холодныхъ поцѣлуевъ, о, Конецъ мой, Конецъ!

Развѣ у насъ не будетъ пышнаго вѣнчальнаго обряда?

И не возложишь ты вѣнка на темно-золотыя пряди твоихъ волосъ?

Развѣ никто не пойдетъ предъ тобою со знаменемъ? И ночь не запылаетъ отъ твоихъ огней?

Приди торжественно, пусть трубятъ въ раковины, приди въ ночи безъ сна.

Одѣнь меня малиновымъ плащомъ, сожми мою руку, возьми меня.

Пусть стоитъ наготовѣ у двери твоя колесница, и ржутъ нетерпѣливо кони.

Подними покрывало мое и властно взгляни мнѣ въ лицо, — о, Конецъ мой, Конецъ!

— —

По зеленымъ, желтымъ рисовымъ полямъ ходятъ тѣни облаковъ, гонимыхъ быстролетнымъ вѣтромъ.

Пчелы бросили тянуть свой медъ; опьянѣвъ отъ свѣта, онѣ безтолково тычутся.

Утки на рѣчныхъ островкахъ кричатъ отъ радости изъ-за всякаго пустяка.

Братья, не пойдемъ въ это утро домой; пусть никто не идетъ на работу.

Давайте, кинемся на приступъ на лазурныя небесныя высоты, давайте поглощать пространство бѣгомъ!

Точно пѣна въ потокѣ, плаваетъ въ воздухѣ смѣхъ.

Братья, убьемъ это утро на пѣсни безцѣльныя!

О, женщина, ты не только произведеніе Бога; ты дѣло рукъ мужчинъ: они вѣчно украшаютъ тебя красотой своихъ сердецъ.

Поэты ткутъ для тебя ткань изъ золотой пряжи образовъ, художники безъ конца дарятъ безсмертіе твоимъ чертамъ.

Океанъ отдаетъ свои перлы, рудникъ свое золото, лѣтомъ сады даютъ цвѣты, чтобъ украшать тебя и одѣвать и дѣлать еще драгоцѣннѣй.

Мечта мужская осѣнила своимъ блескомъ твою юность.

И ты наполовину женщина, наполовину греза.

Утромъ закинулъ я сѣть мою въ море.

Я выловилъ изъ темныхъ безднъ предметы дивные по виду и дивной красоты; одни сіяли, какъ улыбка, другіе блестѣли, какъ слезы, а иные рдѣли, точно у невѣсты щеки.

Когда я вернулся съ уловомъ домой, милая моя сидѣла въ саду, лѣнивo обрывая лепестки цвѣтка.

Подумалъ я минутку, да и сложилъ къ ея ногамъ все, что я выловилъ, и молча, стоялъ.

Она взглянула и сказала: „что за странныя штуки! Я не знаю, на что онѣ годятся“.

Со стыдомъ склонилъ я голову и подумалъ: „я не бился за нихъ со врагомъ, я не купилъ ихъ у купцовъ; не подходящій это для нея подарокъ“.

И цѣлую ночь я выбрасывалъ ихъ другъ за дружкой на улицу.

А утромъ пришли путники; они пособрали ихъ и унесли ихъ въ далекія страны.

Мечтаю я произнести сокровеннѣйшія слова, какія только есть у меня для тебя; но не смѣю я, боюсь, что ты будешь смѣятся.

Оттого-то я и смѣюсь самъ надъ собой и въ шуткахъ расточаю мою тайну.

Я пренебрегъ моимъ страданіемъ, боясь, чтобъ такъ не поступила ты.

Мечтаю я сказать тебѣ правдивѣйшія слова, какія только есть у меня для тебя; но не смѣю я, боюсь, что ты имъ не повѣришь.

Оттого то я и облекаю ихъ въ неправду и говорю обратное тому, что думаю.

Я дѣлаю видъ, что мое страданіе,—пустякъ, боясь, чтобъ такъ не поступила ты.

Мечтаю я вымолвить слова драгоцѣннѣйшія, какія только есть у меня для тебя, но не смѣю я, боюсь: отплатятъ ли мнѣ той же монетой?

Оттого-то я и называю тебя грубыми именами и показываю мою тяжелую силу.

Я заставлю тебя страдать, боясь, что никогда ты не узнаешь, что такое страданье.

Мечтаю я побыть вблизи тебя безъ словъ, но не смѣю, боюсь, что выдастъ сердце.

Оттого-то я и болтаю вздоръ и щебечу и прячу сердце за словами.

Я жестоко поступаю со своимъ страданіемъ, боясь, чтобъ такъ не поступила ты.

Мечтаю я уйти далеко отъ тебя, но не смѣю я, боюсь, что ты узнаешь мою трусость.

Оттого-то я и поднимаю голову высоко и съ развязностью вхожу туда, гдѣ ты.

И вѣчные уколы твоихъ глазъ все обновляютъ страданье.

Я держу ея руки и прижимаю ее къ моей груди.

Я хочу наполнить ея прелестью объятья моихъ рукъ; и съ поцѣлуями хочу я унести улыбку съ нѣжныхъ щекъ, и выпить взглядомъ взоры темныхъ глазъ.

Но, ахъ, возможно-ли? Кто можетъ оторвать отъ неба его синь?

Я хочу удержать красоту, но она ускользаетъ, а въ рукахъ остается лишь тѣло.

Обманутый, усталый, отступаю.

Какъ можетъ плоть коснуться тѣхъ цвѣтовъ, которыхъ только духъ касаться смѣетъ?

Юный принцъ проѣдетъ мимо нашей двери, о, моя мать,—какъ я могу работать нынче утромъ?

Скажи, какъ уложить мнѣ волосы, какое платье мнѣ надѣть.

Не гляди на меня съ изумленіемъ, мать моя!

Я знаю, онъ въ мое окно не кинетъ взгляда, въ одно мгновеніе исчезнетъ онъ изъ глазъ; лишь замирающее пѣнье флейтъ, рыдая, долетитъ издалека.

Но юный принцъ проѣдетъ мимо нашей двери, о, моя мать, и я надѣну лучшее, что есть.

Юный принцъ проѣхалъ мимо нашей двери, о, моя мать, и утреннимъ солнцемъ пылала его колесница.

Сбросила съ лица я покрывало, сорвала я съ шеи ожерелье изъ рубиновъ, бросила передъ нимъ я на дорогу.

Не гляди на меня съ изумленіемъ, мать моя!

Я знаю, ожерелья онъ не поднялъ; оно раздавлено колесами, оно какъ красное пятно осталось на землѣ; никто не знаетъ, что ему былъ брошенъ мой подарокъ.

Но юный принцъ проѣхалъ мимо нашей

двери, и сокровище съ груди моей бросила предъ нимъ я на дорогу.

——

Съ первыми птицами проснулась я, когда погасъ свѣтильникъ у постели.

И сѣла у раскрытаго окна, со свѣжимъ вѣнкомъ на распущенныхъ волосахъ.

Въ розовой утренней мглѣ шелъ по дорогѣ юный путникъ.

Цѣпь жемчуговъ была на шеѣ у него, короной солнечной блисталъ на немъ вѣнокъ. У моей двери онъ остановился и, страстно взывая, спросилъ: „гдѣ она?“

О, стыдъ, не могла я сказать: „она — это я, юный путникъ, она — это я“.

Стояли сумерки, свѣтильникъ не былъ зажженъ.

Забывшись, заплетала я волосы.

Въ лучахъ садившагося солнца подъѣхалъ на колесницѣ юный путникъ.

Пѣна била изо рта его коней, и пыльна была его одежда.

У дверей моихъ онъ сошелъ съ колесницы и спросилъ усталымъ голосомъ: „гдѣ она?“

О, стыдъ! я не могла сказать: „она это я, усталый путникъ, она—это я“.

Вотъ апрѣльская ночь. Свѣтильникъ горитъ въ моей комнатѣ.

Тихо вѣетъ дыханіе юга. Крикливый попугай спитъ въ своей клѣткѣ.

На мнѣ корсажъ — цвѣтовъ павлиньей шеи, а плащъ мой зеленъ, какъ молодая трава.

Я сижу у окна и гляжу на опустѣвшую улицу.

И всю темную ночь я шепчу и шепчу про себя: „она—это я, отчаявающійся путникъ, она—это я“.

——

Милый, скажи,—и это все правда? Все правда?

На вспышки молній въ моихъ глазахъ темныя тучи въ твоей груди даютъ громовые отвѣты.

И все это правда? Что сладостны губы мои, точно раскрывающійся цвѣтокъ первой любви?

Что на тѣлѣ моемъ дышатъ мои всѣхъ весенъ?

Что земля, какъ арфа, звенитъ пѣснями, отъ прикосновенія моихъ ногъ?

И то, что ночь, когда увидитъ меня, изъ глазъ роняетъ капельки росы, и что счастливъ свѣтъ утра, когда онъ облекаетъ мое тѣло?

Правда ли, правда ли то, что любовь твоя шла одинокая, черезъ вѣка и міры и искала меня?

И то, что когда ты нашелъ меня, твоя мечта вѣковъ нашла послѣднее успокоенье въ нѣжныхъ рѣчахъ моихъ и въ глазахъ, и въ губахъ и въ волнистыхъ кудряхъ?

И то, что нотъ на этомъ лбу начертана тайна Безконечнаго?

Милый, скажи,—и это все правда?

——

Люблю тебя, возлюбленный. Прости мою любовь.

Я поймана, какъ птица, что сбилась съ пути.

Когда сердце мое задрожало, упало съ него покрывало и оно обнажилось. Покрой его жалостью и прости мою любовь.

Если не можешь любить меня, возлюбленный, прости мою скорбь.

Не гляди на меня косо.

Я проберусь въ свой уголъ и сяду въ темнотѣ.

Обѣими руками я закрою мой обнажившійся стыдъ.

Не смотри на меня, возлюбленный, и прости мнѣ мою скорбь.

Если ты любишь меня, возлюбленный, прости мнѣ мой восторгъ.

Когда половодье счастья унесетъ мое сердце, не смѣйся надъ моимъ отчаяннымъ самозабвеньемъ.

Когда взойду я на престолъ и стану править тобой, всевластіемъ любви моей, когда, какъ богиня, я буду дарить свои милости, тогда, возлюбленный, смирись передъ моимъ величьемъ и прости мнѣ мой восторгъ.

——

Онъ мнѣ шепнулъ: „любимая, взгляни“.

Бранясь, сказала я: „уйди!“ А онъ не шевельнулся.

Стоялъ и держалъ меня за руки. Сказала я: „оставь“. А онъ не оставлялъ.

Онъ наклонился къ уху. Взглянула на него я: „какъ не стыдно!“ Не тронуло его, не шевельнулся.

Моей щеки коснулся онъ губами. Я задрожала, и сказала: „ты слишкомъ далеко зашелъ“! Но онъ не устыдился.

Онъ въ мои волосы воткнулъ цвѣтокъ. „Напрасно“, сказала я. Но онъ не трогался, стоялъ.

И вотъ онъ взялъ гирлянду съ моей шеи и ушелъ. И плачу я и спрашиваю сердце: „почему онъ не возвращается?“

——

Кто ты, читатель, что прочтешь мои стихи черезъ сто лѣтъ?

Я не могу послать тебѣ ни одного цвѣтка

изъ этой роскоши весны, ни одной блестки золота изъ этихъ облаковъ!

Распахни двери и взгляни вокругъ.

Твой садъ цвѣтетъ,—то въ немъ встаютъ воспоминанья о цвѣтахъ, что отцвѣли сто лѣтъ назадъ.

И въ радости души твоей живетъ та радость, что пѣла нѣкогда, весеннимъ утромъ, и посылала свой счастливый голосъ черезъ сто лѣтъ.

„Старая“ и „новая“ мораль.

(„Завѣты отцовъ“ В. Винниченко).

[891. 7—3].

Въ своемъ новомъ романѣ *) авторъ „Честности съ собою“ возвращается къ одному изъ тезисовъ проповѣдуемой тамъ „новой морали“. Это—проблема проституціи. Въ „Завѣтахъ отцовъ“ эта тема становится основной, и Винниченко пытается здѣсь если и не развязать, то хоть разрубить трагическій узелъ общественной жизни и женскаго вопроса.

„Передумывая воослѣдствіи все съ самаго начала, Петръ Семенычъ всегда останавливался на знакомствѣ съ Гарбузенковыми. Это былъ незамѣтный и невольный толчокъ ко всѣмъ тѣмъ событіямъ, которыя такъ рѣзко и неожиданно измѣнили его жизнь“.

Такъ начинается романъ. Мы сразу перейдемъ къ „событіямъ“, предварительно замѣтивъ только, что знакомство Петра Семеныча Заболотько съ Гарбузенковыми состоялось на почвѣ его спеціальности (онъ—врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ, готовящійся къ профессурѣ) и что въ послѣднее время онъ сталъ увлекаться Саней Гарбузенковой, барышней весьма странной, шальной, безалаберной.

Изложеніе перваго изъ событій составляетъ самыя сильныя страницы романа.

Петръ Семенычъ, изъ случайно подслушаннаго разговора матери съ сестрой Марфой, узнаетъ, что съ его младшимъ братомъ Даней, гимназистомъ восьмого класса, творится что-то неладное. Услышанныя подробности были таковы, что Петръ Семенычъ, бросивъ шубу на стулъ (онъ какъ разъ собирался, по обыкновенію, къ Гарбузенковымъ), немедленно пошелъ къ брату.

„Не стуча онъ вошелъ, быстро посмотрѣлъ вокругъ и какъ вкопанный остановился у порога. Почти у самыхъ ногъ его сидѣлъ на полу Данько. Но какъ сидѣлъ! Откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ и опершись обѣми руками объ полъ, онъ безсильно свѣсилъ голову на лѣвое плечо. Выпуклый вверху лобъ былъ въ крови и въ чемъ-то мокромъ, слизистомъ,—слюнѣ, вѣроятно. Слюна же блестѣла на щекѣ и списала съ еле замѣтнаго уса паутинкой на грудь. Онъ былъ безъ куртки, и рубаха на складкахъ измазалась, точно его за ноги таскали по полу. Онъ производилъ впечатлѣніе до безчувствія пьянаго человѣка, избитаго, запленаннаго, не соображающаго, что съ нимъ и гдѣ онъ. Даже взглядъ былъ какъ у пьяныхъ—тупой, безсмысленный, немогающій. Когда Петръ вошелъ, Данько только мертво уставился на него глазами и не пошевелился. Если бъ его раздѣли донага и посадили въ такомъ видѣ среди площади, полной людей, онъ точно такъ же смотрѣлъ бы на нихъ.

Петръ Семенычъ торопливо закрылъ дверь и шагнулъ къ брату.

— Даня! Что съ тобой, мальчикъ?

И самъ удивился своему голосу: обыкновенно онъ говорилъ рыхлымъ, сиповатымъ баскомъ, а тутъ вдругъ откуда-то появился дискантъ, неувѣренный, смѣшной. Петръ прокашлялся и своимъ голосомъ спокойнѣе повторилъ:

— Что съ тобой, Даня? А?

Даня, не мѣняя позы, почти не шевеля губами, роннымъ шопотомъ сказалъ:

— Останьте меня въ покоѣ. Ничего нѣтъ.

— Да какъ же голубчикъ, нѣтъ?.. Погоди, я помогу тебѣ встать...

Но только Петръ Семенычъ наклонился и протянулъ руки, чтобы взять брата подъ мышки, какъ послѣдній, словно внезапно разбуженный, испуганно рванулся всѣмъ тѣломъ въ сторону, поднялъ передъ собой локоть и закричалъ:

— Не касайся меня! Не касайся!!

И страхъ, и отвращеніе, и еще какая-то непонятная враждебность были въ его голосѣ и на измазанномъ, измученномъ лицѣ.

— Чего вы всѣ пристаете ко мнѣ?!—вдругъ съ отчаяніемъ выкрикнулъ онъ—что вамъ надо? Вы не имѣете права такъ мучить меня! Я все равно ничего не скажу. Уходи отсюда, уходи! Охъ, Боже мой, Боже мой!!

Онъ упалъ головой на полъ и, подбрасывая изломанной, скрученной какъ дерево, которое хотѣли сломать, спиной, страдальчески заплакалъ.

Когда съ Петромъ Семенычемъ случалось что-нибудь очень тяжелое и неожиданное, онъ, къ собственному удивленію, рѣдко терялся и, казалось, даже совсѣмъ не чувствовалъ этого

*) Помѣщенъ въ послѣднемъ (XIV) сборникѣ „Земли“.

тяжелаго. Все въ немъ сразу, какъ по чьей-то командѣ, затихало, выстраивалось и напряженно притаивалось. Движенья, мысли становились удивительно легкими, точными. И еще было такое ощущеніе, словно онъ очень спѣшитъ, а въ то же время движется слишкомъ медленно и ненужно-размѣренно.

Когда Данько упалъ головой на полъ и закричалъ: „Охъ, Боже мой!!“, у Петра Семеныча ёкнуло въ груди, и онъ почувствовалъ, что наступило то состояніе.

Постоявъ нѣкоторое время неподвижно, онъ молча, не спѣша обошелъ брата, наклонился и взялъ его подъ мышки. Данько хотѣлъ опять отбиваться, но Петръ со спокойной, нѣжной силой прижалъ его руки къ груди, такъ поднялъ и перенесъ на кровать. Затѣмъ такъ же молча, спокойно намочилъ полотенце и утеръ лицо брата.

Даня, какъ только понялъ, что сопротивленіе не поможетъ, сразу странно затихъ. На искусанныхъ зубами губахъ его появилась замѣтная насмѣшливо-злорадная улыбка. Онъ поглядывалъ на руки Петра, которыми этотъ касался его лица, и ничего не говорилъ.

Но когда Петръ вытеръ о сухой конецъ полотенца пальцы и хотѣлъ сѣсть, Данько хмуро закрылъ глаза и словно противъ своей воли кинулъ:

— Вымой руки!

— Ничего Даня, и такъ ладно будетъ...

— Вымой руки, я тебѣ говорю!—крикнулъ онъ съ мукой и со злобой.—Съ мыломъ вымой! Слышишь?

Петръ Семенычъ успокоительно и ласково улыбнулся. Бѣдный мальчикъ, онъ считалъ себя такимъ „недостойнымъ“, что думалъ будто только мыломъ можно вымыть эту недостойность. Но здѣсь какъ разъ до мыла и нельзя было допускать,—онъ тогда имѣлъ бы основаніе вѣрить, что и другіе считаютъ его недостойнымъ.

— Ничего, ничего... Я сегодня разъ десять мылъ руки, будетъ съ нихъ. Ты вотъ лучше лягъ, успокойся, да разскажи мнѣ толкомъ, что случилось. Помнишь, какъ бывало...

Но Даня не далъ докончить. Волнуясь, раздражаясь еще больше, онъ потянулъ Петра къ умывальнику.

— Если ты не вымоешь, я разобью себѣ голову объ этажерку... или объ стѣну, все равно!

Онъ сказалъ это такъ, что Петръ только внимательно посмотрѣлъ на него и, усадивъ на постель, сказалъ:

— Ну, ладно, ладно, я вымою. Не трудно. Даже съ мыломъ, если хочешь...

— И съ одеколономъ! Тамъ, въ синей бутылочкѣ...

— Пусть будетъ и съ одеколономъ...

Данько еще что-то хотѣлъ сказать, но не сказалъ и легъ головой на подушку. Мѣя руки, Петръ незамѣтно посматривалъ на брата. Однако, измѣнился мальчикъ! Лицо изможденное, кожа на немъ синеватая, подъ глазами темные кр ги. Но главное, небывалое выраженіе его. Слабовольный, мягкій, а потому часто эгоистичный и хитроватый, Даня, казалось, не способенъ былъ на какое-нибудь сильное, глубокое переживаніе. И вдругъ на этомъ дѣтскомъ еще лицѣ такая мрачная, угрюмая тоска, такое безнадежное, глубокое отчаяніе!

И въ то же время, когда Даня ловилъ взглядъ Петра, въ губахъ его и глазахъ явно проскальзывала непонятная, злая враждебность. Что это могло значить?

— Ну, вотъ я и вымылъ...—громко сказалъ Петръ Семенычъ, вытирая руки. Потомъ подошелъ къ Данѣ, бережно положилъ его ноги на кровать, а самъ сѣлъ сбоку. Данько закрылъ глаза, вѣроятно для того, чтобы не встрѣчаться взглядами.

— Да-а... Такъ вотъ какія, значитъ, дѣла у насъ. Ну, хорошо. А теперь ты мнѣ выкладывай, что тамъ у тебя. Ну?

Даня лежалъ не раскрывая глазъ, но, видно, чувствуя на себѣ взглядъ брата, и оттого досадливо, болѣзненно морщился. Потомъ вдругъ быстро уткнулъ голову въ подушку и закрылся локтемъ.

Петръ всталъ и подошелъ къ окну. Тополи на горѣ стояли въ золотѣ заходящаго солнца. Небо было глубокое, весенне-нѣжное, волнующее.

Петръ Семенычъ вздохнулъ и рѣшительно подошелъ къ Данѣ.

— Ну, Данько? говори, мальчикъ, легче будетъ...

Данько скинулъ руку съ лица и опять лежалъ съ закрытыми глазами—ему, должно быть, было уже безразлично, смотрятъ на него или нѣтъ.

— Что сказать?—сипло буркнулъ онъ.

— Что съ тобой?

— Что со мной?

— Да.

Даня раскрылъ глаза, остановилъ ихъ на Петрѣ и долго, пристально водилъ по лицу его. Осмотръ повидимому оживилъ его, вызвавъ ту же тонкую, мертвенно-злую усмѣшку.

— Что со мной?—повторилъ онъ, отводя взглядъ въ сторону и смотря на висѣвшую надъ кроватью гранюру. Казалось, онъ раздумывалъ, слѣдуетъ ли говорить, не повредитъ

ли откровенность. И рѣшивъ, должно быть, что ему теперь ничто уже повредить не можетъ, кивнулъ головой, приподнялся и медленно вынулъ изъ кармана штановъ скомканное письмо.

— Прочитай...—загадочно и мрачно улыбаясь, сказалъ онъ.

Петръ Семенычъ взялъ продолговатый синій листикъ, а Данько снова легъ, безсильно, безнадежно свѣсивъ руки съ кровати.

Петръ торопливо сталъ читать письмо. Почеркъ его—онъ сразу узналъ—былъ Тонинъ *), четкій, съ легкими нажимами посреди буквъ.

„Я ухожу отъ васъ. Можешь сказать своимъ, что я вовсе не къ теткѣ ушла, а туда, гдѣ, какъ ты сказалъ, мое „природнее мѣсто“.

„Но на прощанье еще разъ говорю тебѣ: *я не виновна*. Виноватъ *ты*, и за себя, и за меня. Впрочемъ, ты и самъ это знаешь, но изъ малодушія боишся признаться. Чтобы совѣсть не мучила. Жаль только, что у баръ совѣсть коротенькая. А братецъ Петя еще поможетъ, и все будетъ превосходно.

„Ты могъ и не быть такимъ жалкимъ и жестокимъ. Я и сама знаю, что погибла. Одно время мнѣ показалось, что... Не хочу писать, что казалось. А Петѣ своему, вѣчно-будущему профессору, передай мою сердечную ненависть. Всѣхъ васъ ненавижу и буду жестоко мстить до того дня, когда совсѣмъ не станетъ силъ. Я использую свое „природное мѣсто“. Прощай! Тоня“.

Это было все письмо. Петръ Семенычъ ничего изъ него не понялъ. Что у нихъ произошло? Куда она ушла? За что эта неожиданная, безпричинная ненависть къ нему, Петру?

Но только онъ хотѣлъ обратиться къ Данѣ, какъ послѣдній вдругъ подскочилъ, вырвалъ у него изъ рукъ письмо и спрыгнулъ съ кровати. Подбѣжавъ къ стѣнѣ, онъ сорвалъ съ нея пальто и, не надѣвая куртки, торопливо, судорожно натянулъ его на себя. Потомъ повернулся къ ошеломленному Петру, сморщилъ лицо въ бѣшеную гримасу отвращенія, сильно сжалъ кулаки и, бія себя ими по вискамъ, съ ненавистью закричалъ:

— Подлецъ! Подлецъ! Подлецъ!!

Рыдая или крича повернулся и выбѣжалъ.

Петръ Семенычъ вскочилъ и, когда захлопнулась за Даней дверь, опять сѣлъ. Большое бородатое лицо его стало вдругъ похожимъ на лицо матери. Брови растерянно поднялись, глаза стали круглыми“.

*) Тоня—сирота, дочь дворника, воспитывавшаяся въ семьѣ Заболотько. Петръ Семенычъ готовилъ ее къ аттестату зрѣлости.

Поздно вечеромъ, дождавшись возвращенія брата, Петръ Семенычъ снова идетъ къ нему.

„Такъ же, какъ и тотъ разъ, Петръ вошелъ не стуча. Данько стоялъ посреди комнаты, широко разставивъ ноги, и неувѣренными движеніями всего тѣла силился стянуть съ себя пальто. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, раздѣвающагося на неустойчивой лодкѣ. Когда Петръ Семенычъ подошелъ къ нему, онъ поднялъ взлохмаченную голову и опустилъ руки.

— А-а!!.—широко и насмѣшливо улыбнулся онъ.— Das ist etwas anderes! Очень пріятно... Просимъ садиться... у насъ. У насъ и... у васъ...

Но сдѣлавъ гостепріимный жестъ рукой, онъ потерялъ равновѣсіе и съ серьезнымъ лицомъ отклонился въ другую сторону. Потомъ опять съ улыбкой повернулся къ брату.

Петръ Семенычъ подошелъ къ нему и сталъ помогать раздѣваться. Отъ парня сильно несло водкой. Губы были красныя, припухшія, глаза мутные.

— Мерси...—сказалъ онъ, освободившись отъ пальто, и степенно направился къ кровати. Стараясь, очевидно, показать, что хорошо владѣетъ своими движеніями, онъ очень медленно и цѣпко ухватился за столъ и ровно опустилъ тѣло на кровать.

— Das ist etwas anderes!— безсмысленно повторилъ онъ, нахально и съ вызовомъ смотря на Петра.—Ну?

Петръ Семенычъ, ничего не говоря, спокойно взялъ стулъ, поставилъ противъ брата и сѣлъ.

— Прости меня, Даня, что я пристаю къ тебѣ,—тихо началъ онъ.—Но я думаю, что тебѣ станетъ легче, когда ты мнѣ скажешь, что съ тобой...

И, ласково положивъ руку на колѣно Дани, онъ погладилъ его. Штаны брата были въ чемъ-то мокромъ и липкомъ. Но Петръ Семенычъ не сразу отнялъ руку, лишь гладить пересталъ.

— А очень любопытно? А?—подмигнулъ Даня и облизалъ покусанныя, взбухшія губы.— Я такъ и зналъ... Ге! Только я тебѣ скажу, что теперь... уже поздно. Понимаешь?

Онъ, какъ профессіональные пѣвцы, отвелъ руку въ сторону и хриплымъ голосомъ театрально пропѣлъ:

„Разсудокъ твердитъ укоризну.
Но поздно: меня не спасти;
Надъ сердцемъ справляю я тризну,
А тамъ хоть трава не расти“.

Петръ Семенычъ потихоньку заложилъ руку въ карманъ и тамъ вытеръ ее о платокъ. Онъ

терпѣливо слушалъ пѣніе, не сводя глазъ съ качающагося въ тактъ пѣснѣ брата.

— Понялъ?—окончивъ, спросилъ послѣдній.—Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Поздно! наплевать. О, теперь... Хе! Слушай, ты—врачъ, психіатръ или какъ тамъ у васъ... Ты мнѣ скажи... Отгадай такую загадку: когда человѣкъ бываетъ выше всего? Даже выше себя? А?

Онъ хитро и торжествующе вытянулъ лицо и, прищуривъ глаза, съ ожиданіемъ наклонилъ голову на плечо.

— А ну-ка, угадай!

Петръ Семенычъ вскинулъ глазами къ потолку, подумалъ и сказалъ:

— Какъ для кого, Даня...

Данько засмѣялся и подмигнулъ.

— Представляется, что серьезно разговариваетъ со мной... Ну, только ошибаешься, братъ. Я тебѣ самымъ серьезнымъ образомъ задаю этотъ вопросъ. Ты не думай, что я пьянъ. Здѣсь дѣло не въ этомъ. Ты думаешь, что я отъ водки теперь выше всего сталъ? А? Ты это думаешь, правда? Ну, скажи!

Онъ даже серьезнымъ сдѣлался.

— Не знаю, Даня...

— А-а, не знаешь. Ну, такъ, братъ, и не говори... А я знаю! Водка—чепуха. И ты можешь быть выше всего, выше твоихъ тамъ профессуръ, мадмуазелей Гарбузенковыхъ, проклятье имъ! и тому подобной дряни. Да-съ! И ты и всякій можетъ. Тутъ—гранъ. Это—модерное слово, а я плевалъ. Разъ за гранью, то что тамъ. По ту сторону добра и зла, какъ говорилъ Заратустра. Вотъ что! А кто касается того, что поздно, то наплевать. То-есть, что поздно? Ничего нѣтъ поздняго...

Онъ вдругъ задорно и съ вспыхнувшей враждебностью улыбнулся.

— Ты хочешь, напримѣръ, знать, что со мной? Ладно!

Словно пристукнувъ по столу, онъ пьяно взмахнулъ рукой.

— Ладно! Вотъ тебѣ и докажу, что наплевать и выше всего, или, какъ говорилъ Заратустра, по ту сторону добра и зла... Сказать? А?

Данько нѣкоторое время лукаво и вызывающе смотрѣлъ на Петра, пьяно мигая глазами. Потомъ прищурился и тоненькимъ голоскомъ, словно говоря съ ребенкомъ, тихо протянулъ:

— А у меня си-п-филисъ...

Но только проговорилъ это слово, какъ сразу измѣнился. На губахъ еще гасла лукавая улыбка, но глаза уже тревожно расширились и съ ужасомъ впились въ брата, точно тотъ сказалъ это страшное слово.

Петра Семеныча будто кто-то сильно, неожиданно толкнулъ въ спину. Онъ сдѣлалъ движенье, какъ бы желая поддержать Давю, и—такъ оцѣпенѣлъ, тоже широко смотря на брата. Въ одно короткое мгновенье у всего въ мозгу пролетѣлъ вихръ сопоставленій, догадокъ, соображеній. Все стало сразу до жути яснымъ и понятнымъ.

Онъ всталъ, прошелъ въ одну сторону комнаты, повернулъ въ другую и, остановившись противъ Дани, съ кривой улыбкой неизвѣстно для чего проговорилъ:

— Это нехорошая шутка, Даня...

Даня медленно сползъ съ кровати и молча, какъ лунатикъ, пошелъ на другой конецъ комнаты. Двигался онъ ровнѣе, почти совсѣмъ твердо.

Петръ Семенычъ растерянно слѣдилъ за нимъ. Вдругъ ему сквозь кружащійся въ мозгу вихръ мыслей вспомнилось письмо Тони.

— Даня!—вырвалось у него съ ужасомъ.—Тоня тоже?

Данько остановился у печки, прижался къ ней спиной и жалко, испуганно посмотрѣлъ на брата, ничего не отвѣчая.

— Даня, ради Бога... Да? Объ этомъ писала, что не виновата? Да?

— Я не виноватъ...—прошепталъ Даня, не сводя расширенныхъ глазъ съ Петра.

— Ахъ!.. Я спрашиваю, она тоже больна? Да?

Данько молчалъ. Петръ Семенычъ вынулъ платокъ, вытеръ лобъ и оглянулся вокругъ себя, словно не узнавая комнаты. Дѣйствительно, все, казалось, сразу измѣнилось—и здѣсь, и въ братѣ, и еще гдѣ-то.

— Вотъ оно что...—медленно и опавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Да-а... Это... да...

Онъ сѣлъ и запустилъ руки въ волосы надъ висками. Потомъ вынулъ ихъ оттуда и сказалъ:

— Ты у какого врача былъ?

— Бронштейна....

— Бронштейна?.. Ахъ!.. такъ... Бронштейна... Давно?

Даня сначала не понялъ, что именно „давно“. Но сейчасъ же отвѣтилъ:

— Три недѣли...

— Какъ лѣчитъ?

Данько помолчалъ. Губы его мелко дрожали и изъ красныхъ сдѣлались сѣро-синими. Онъ пошевелилъ ими, желая что-то сказать, и ничего не сказалъ.

— Какъ лѣчитъ? Говори же...

— Я умру...—сипло, словно стыдливо, съ мучительнымъ усиліемъ проговорилъ Данько.

Петръ Семенычъ, закрывъ глаза, кивнулъ головой.

— Какъ лѣчитъ?—я спрашиваю.

— Никакъ... Я не лѣчусь.

Петръ раскрылъ глаза, длинно посмотрѣлъ на брата и, вынувъ платокъ, опять началъ вытирать лицо и лобъ. Онъ казался очень уставшимъ.

— Совсѣмъ не лѣчишься?

— Совсѣмъ...—шопотомъ отозвался Даня, дрожащей рукой водя по углу печки то вверхъ, то внизъ.

— Ты знаешь что ты этимъ дѣлаешь?

— Я умру...—чуть слышно сказалъ Данько, кусая губы. Ноги его подрагивали въ колѣняхъ и шатко расходились въ стороны, словно не выдерживая тяжести тѣла. Тогда онъ плотнѣе упирался въ стѣну и переставалъ водить рукой по печкѣ.

Петръ Семенычъ всталъ, подошелъ къ брату и обнялъ его за плечи. Данько молча слѣдилъ за нимъ съ такимъ выраженіемъ, точно покорно ждалъ всего и только хотѣлъ знать, что именно съ нимъ сдѣлаютъ.

— Тебѣ нужно лечь. Идемъ...—сказалъ Петръ и повелъ его къ кровати.

Даня послушно пошелъ, стараясь итти самъ, покорно легъ и взялъ пальто, которымъ для чего-то прикрылъ его Петръ Семенычъ. Въ большихъ зеленоватыхъ глазахъ его стоялъ все тотъ же ужасъ и ожиданіе. Хмель, повидимому, совсѣмъ вышелъ изъ головы.

Петръ Семенычъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Одинъ край язычка лампы поднялся и черной волосяной полоской поползъ по стеклу. Петръ Семенычъ поправилъ фитиль и повернулся къ брату.

— Тебя надо осмотрѣть...— сказалъ онъ тихо.

Данько до этихъ словъ лежалъ неподвижно, въ той позѣ, въ какой положилъ его Петръ, и, закутанный по шею въ пальто, тяжело, неровно дышалъ. Но тутъ весь дернулся, отбросилъ пальто и сѣлъ.

— Ни за что!—испуганно и рѣшительно затрясъ онъ головой, машинально выдвигая передъ собой подушку, словно защищаясь ею...—Ни за что!!..

Видно было, что онъ ждалъ этого предложенія. Возможно, что еще раньше, представляя себѣ, какъ онъ будетъ разсказывать брату, видѣлъ этотъ моментъ, и тогда уже рѣшилъ защищаться всѣми силами.

— Даня... Не надо быть...

— Я умру!..—упрямо, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Даня.—Мнѣ не надо ничего. И потомъ...

Онъ какъ-то мучительно скривился, загорѣлся и, словно бросаясь въ огонь, заговорилъ:

— И потомъ... ты... ты не то говоришь. Ты лжешь! Ты не о томъ спрашиваешь. Тебѣ гадко и страшно со мной, а ты... стараешься не показать. Ты думаешь, что я не вижу? Ну, и хорошо. А я... лѣчиться не могу. И не въ томъ дѣло. Я все равно умру. Я знаю, ты не вѣришь,—у меня нѣтъ силы волп. Будетъ... Я... записался въ клубъ самоубійцъ. Вотъ только что... И теперь...

— Даня, Даня!..

— Что „Даня“? Что? А ты почему такой блѣдный? Почему?

— Я не блѣдный, Даня... А если ты не хочешь, чтобы я тебя осматривалъ, то пойдемъ завтра къ врачу, и пусть онъ тебя... Хорошо?

— Нѣтъ...—помоталъ головой Данько.

Петръ пожалъ плечами и пересѣлъ на кровать. Даня торопливо отодвинулъ свои ноги къ стѣнѣ.

— Люэсъ... никогда не вылѣчивается...— тихо проговорилъ онъ, глядя въ сторону и отъ стыда за слово „люэсъ“ сильно сдавливая пальцами подушку.

— Это невѣрно, Даня. Если разумно, энергично...

— Ахъ, такъ всегда говорится!.. И не въ томъ, не въ томъ дѣло! И ты не то говоришь! Я—*поганый*, вотъ что! На всю жизнь поганый, вылѣчивается или не вылѣчивается. О, Боже, Боже!..—вдругъ съ мукой закрылъ онъ рукой глаза и упалъ въ подушку, вертя головой такъ, словно хотѣлъ зарыться какъ можно глубже.

Петръ Семенычъ неспокойно завозился на стулѣ, дѣлая такія движенія, будто хотѣлъ встать и не рѣшался. Прокашливался, нервно перебиралъ пальцами на колѣняхъ у себя.

— Даня!.. Мальчикъ... Ну, что ты, въ самомъ дѣлѣ...

— Поганый я, гадкій!—быстро поднимая голову и выпрямляясь, крикнулъ прямо въ лицо Петру Данько.—Мерзавецъ, подлецъ! Падалъ, которую надо...

Онъ стиснулъ зубы и съ ненавистью повелъ глазами по комнатѣ, подыскивая самое подходящее слово.

— ... которую надо облить карболкой и выбросить въ клозетъ. Вотъ что я!

Петръ Семенычъ хотѣлъ взять его за руку. Даня дернулся и закричалъ:

— Не дотрогивайся до меня! Не лги и... не дотрогивайся. И уходи отсюда, уходи. Здѣсь все гадко, все подло и загажено... Уходи... Книги, картинки, все... О, мерзость!..

Онъ съ бѣшенствомъ и съ отвращеньемъ сталъ бить себя кулакомъ по головѣ.

Петръ Семенычъ торопливо схватилъ его за руку и молча придавилъ ее къ кровати.

— Пусти, ты!.. Пусти... Ты заразишься, пусти же!..

— Тише, Даня, тише... Не надо, голубчикъ, дорогой, не надо...

— Не притворяйся... Пусти. Не надо мнѣ ничего. Ничего теперь, ничего. Такъ и нужно мнѣ, такъ и нужно... Пусть... Пусти, я не буду... Мнѣ больно, ты давишь...

Петръ Семенычъ испугался и выпустилъ руку. Она даже побѣлѣла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ держалъ. Даня запрокинулъ голову назадъ и въ безсильномъ отчаяніи сталъ крутить ею.

Петръ Семенычъ сильно съ дрожью передохнулъ.

— Послушай, Даня... Послушай, милый... Твое отчаяніе не нужно. Клубъ самоубійцъ и тому подобное... Умереть всегда можно... Надо иначе. Ну, хорошо, давай обсудимъ спокойнѣе ..

Данько пересталъ крутить головой, раскрылъ глаза и пристально, жалобно смотря на Петра, тихо сказалъ:

— Я не виноватъ за Тоню... Ей-Богу, я не виноватъ! Это она сама... меня заразила... Даю слово!.. Ты не вѣришь? Правда!

Взглядъ былъ отскакивающій, напряженный.

Петръ Семенычъ успокоительно положилъ руку на его колѣно и осторожно проговорилъ:

— Я вообще, Даня, не понимаю, какъ это вышло съ Тоней...

И ему вдругъ ясно представилась сама Тоня. Подъ ухомъ родинка, похожая на сережку, а щека такая чистая, ровно-бѣлая, съ дѣвственнымъ, блѣдно малиновымъ пятнышкомъ румянца. Глаза спокойные, умные, вѣчно сдержанные и чуточку насмѣшливые. Вся чистая, аккуратная, обточенная, съ Даней какъ старшая сестра. И вдругъ...

Данько горячо прижалъ руки къ груди.

— Даю тебѣ слово, я не виноватъ! Даю слово!.. Она куда-то ходила, съ кѣмъ-то гуляла... Почти каждый вечеръ уходила. Вообще она... Ну, я былъ влюбленъ въ нее. Но она сама первая ко мнѣ... Я даже не думалъ ничего... Немного думалъ, но не такъ...

Онъ почему-то густо покраснѣлъ.

— ... Но ничего ей не говорилъ никогда, а она сама... Ну, я началъ отвѣчать... А потомъ...

Онъ замолчалъ и, отвернувъ лицо, сталъ смотрѣть въ огонь лампы.

Петръ въ самомъ дѣлѣ припомнилъ, какъ однажды встрѣтилъ Тоню на улицѣ съ какимъ-то офицеромъ и какъ она вызывающе, гордо посмотрѣла на него, будто говоря:

„Да, иду съ офицеромъ и не боюсь тебя!“

И дѣйствительно, въ послѣднее время держала себя какъ-то странно, часто куда-то уходила, не скрывая этого, а наоборотъ, явно желая, чтобы замѣтили, точно напрашиваясь на что-то. Петръ, занятый своимъ, не обращалъ на это особеннаго вниманія, даже доволенъ былъ въ душѣ, такъ какъ не такъ грызла совѣсть за пропущенныя занятія. Теперь же обнаруживалось вотъ что. Но при чемъ же здѣсь Даня? Зачѣмъ *онъ* ей понадобился? И все-таки, какъ *Тоня* могла все это... Непонятно!

— Она любила тебя?—спросилъ онъ съ неловкостью. (Кромѣ всего прочаго, у Петра Семеныча было еще все время чувство неловкости, безсознательнаго удивленія, что онъ говоритъ съ Даней на такую тему, съ Даней, съ мальчикомъ, котораго онъ самъ укладывалъ когда-то въ постельку).

Данько опять покраснѣлъ, быстро провелъ по Петру глазами и сказалъ:

— Говорила, что любитъ...

— Ну, а то, что она ходила куда-нибудь?

Даня молчалъ.

— Не знаю...—прошепталъ онъ.

Петръ Семенычъ подумалъ и снова спросилъ, еще больше чувствуя неловкость:

— А ты съ другими... женщинами... ничего не имѣлъ?

Братъ не отвѣчая медленно опустился на подушку и отвернулъ лицо къ стѣнѣ.

— Имѣлъ, Даня, или нѣтъ?

Петръ Семенычъ оперся рукой о стѣну и заглянулъ къ брату. Было видно только одну щеку съ плотно закрытымъ глазомъ.

— Даня!

Даня, не раскрывая глазъ, еле слышно сказалъ:

— Имѣлъ...

Петръ помолчалъ, не измѣняя положенія и смотря на Даню. По тому, какъ послѣдній лежалъ, было замѣтно, что онъ напряженно ждалъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Значитъ, еще до того имѣлъ, какъ... съ Тоней?

Данько молчалъ.

— Даня!..

— До того...

— Значитъ, могла... Значитъ, и не Тоня могла быть... виноватой?

Данько вмѣсто отвѣта вдругъ втиснулъ голову въ подушку и глухо заплакалъ, какъ-то часто и однообразно кивая головой и издавая звуки, похожіе на клокотанье испуганной курицы.

— Ко-ко-ко... Ко-ко-ко!

И поднявъ на минутку голову, набиралъ

воздуху, говорилъ: „Ой, Боже мой!“ и снова падалъ съ клокотаньемъ плача.

Петръ Семенычъ не трогалъ его, только снялъ руку со стѣны и сѣлъ, какъ прежде, угрюмо смотря на подрыгивающую голову юноши.

Внезапно Даня затихъ и, порывисто приподнявшись, повернулся къ Петру. Щеки и носъ его мокро блестѣли, на нижнихъ рѣсницахъ мелко дрожали мутныя слезы, губы и глаза были искривлены страданьемъ и мольбой.

— Но я не виноватъ! Не виноватъ!—вытягивая лицо и умоляюще хватая себя за шею, вскрикнулъ онъ... (отъ слезъ у него заложило въ носу, и вмѣсто „виноватъ“ онъ произносилъ „видоватъ“).

— Ты можешь плевать на меня, что я ходилъ къ проституткамъ, но я... де-Богъ иначе... я де-Богъ!.. Я скажу тебѣ, подожди... Я скажу все, мнѣ все равно, я только не хочу... Я скажу... Пусть...

Онъ наскоро провелъ испачканнымъ рукавомъ рубахи по лицу.

— Пусть! Такъ мнѣ и надо...

Но рѣшимость его вдругъ упала. Онъ изо всей силы сжалъ рукой подушку, взглянулъ на Петра, раскрылъ ротъ и плотно закрылъ его, засопѣвъ носомъ.

— Не могу...—безсильно и жалко искривилъ онъ губы въ улыбку. И тутъ же, точно отшвырнувъ ее отъ себя, густо покраснѣлъ и, глядя внизъ, съ натугой сквозь зубы сказалъ:

— У меня... порокъ...

И не подымая головы, замолчалъ, судорожно, машинально то сжимая въ кулакѣ подушку, то выпуская ее. Повидимому онъ окоченѣлъ отъ стыда и муки.

Петръ тоже молчалъ, не шевелясь.

— И я принужденъ былъ ходить...—шопотомъ прибавилъ Даня. Потомъ быстро легъ и накрылъ лицо локтемъ.

Лампа опять начала коптить. Петръ посмотрѣлъ на нее, подумалъ и на цыпочкахъ подошелъ поправить фитиль.

— Я—пропащій человѣкъ!—вдругъ сбрасывая съ себя руку и смотря на брата расширенными глазами, съ испугомъ твердаго убѣжденія сказалъ Данько. Казалось, онъ только теперь отчетливо увидѣлъ это.

— Да, да! Я—пропащій!..—съ тоской повторилъ онъ, торопливо приподымаясь, словно собираясь бѣжать или защищаться.—Петя, я пропащій!..

Петръ Семенычъ взялъ его за руку ниже локтя и придержалъ.

— Ну, ну, мальчикъ... Глупости говоришь, успокойся...

— А почему же ты сталъ такой?.. Почему ты... Ты тоже это видишь теперь? Да? Да?

— Ну, что ты, что ты... Ничего нѣтъ... Я взволнованъ, но... Не надо, дорогой, надо все это спокойнѣе...

— Скажи...—вдругъ со страстной, полной ожиданія и страха рѣшимостью сказалъ Даня.— Ты никогда... У тебя никогда не было... этого порока?.. Скажи... Только правду... Да?

Петръ Семенычъ понялъ, чего ему хотѣлось, что *надо* было услышать, и, краснѣя отъ страха неловко солгать, онъ, будто стыдясь, тихо отвѣтилъ:

— Было и у меня, Даня...

Искривленное, напряженное лицо Дани вздрогнуло и какъ бы расправилось. Казалось, что оно даже просвѣтлѣло.

— Было? Это правда? Да?

Если бы Петръ признался теперь, что солгалъ, Даня все равно уже не повѣрилъ бы ему, хотя и спрашивалъ, правда ли. Ему хотѣлось еще разъ услышать эту правду. И онъ жадно, съ надеждой искалъ чего-то на лицѣ брата, соображалъ, сравнивалъ, строилъ. Онъ уже не чувствовалъ даже стыда и неловкости. О, какой теперь стыдъ!

— А скажи, скажи: у тебя уже нѣтъ этого? Правда?

— Нѣтъ...

— Какъ же... Какъ же у тебя нѣтъ? Ты не сердишься, что я такъ?.. Вѣдь я такъ измучился, Петя... Я... такъ...

Губы и подбородокъ его задрожали, снова страдальчески, обиженно искривились, и на большихъ, зеленыхъ какъ у сестры, глазахъ выступили горячія, пьяныя слезы.

— Ты послушай... Я такъ измучился. У меня нѣтъ силъ избавиться отъ этого. Я уже молился Богу. Помнишь, я два года тому назадъ былъ такой набожный... Ты смѣялся, что я нищимъ отдавалъ свои деньги... И ничего не помогло... Подожди, это вѣдь не потому, что я такой гадкій. Ты самъ долженъ знать. Правда? Но я такъ гадокъ, что мнѣ тошно отъ самого себя... И все-таки не могу, опять и опять... Мама говоритъ мнѣ, что я слабохарактерный, а это отъ *этого*. Правда? Я читалъ, что дѣйствуетъ на волю и весь организмъ... И все у меня такъ... Я, напримѣръ, совсѣмъ теряю теперь память, я не могу заниматься, учиться, ничего не понимаю... И мнѣ такъ скучно, все противно, тяжело, пусто... Петя, спаси меня, научи... Я не могу самъ... Петя, я буду все дѣлать... Я уже думалъ много разъ... Ты—докторъ, ты такой добрый. Я буду все дѣлать, что ты скажешь, буду съ тобой спать, читать тѣ книги, которыя ты

укажешь. Хорошо?.. Подожди, подожди! Ты, можетъ, презираешь меня? Нѣтъ, нѣтъ, это возможно! Я самъ *такой*, а товарищей, которые это умѣютъ, презираю... И все-таки самъ не могу избавиться... Я читаю о пустынникахъ, которые въ пустыняхъ спасались отъ страстей... Такъ это навѣрно, это правда? Они всю жизнь съ ними боролись... Подожди... Ты думаешь, почему я пошелъ къ проституткамъ? Почему? Потому, что безнравственный, гадкій, да? Даю слово, нѣтъ, мнѣ было тамъ противно и стыдно... О, какъ противно и стыдно!!! А все-таки я и второй разъ былъ, и еще... И навѣрно пойду еще. А кромѣ того, Тоня... Я не хотѣлъ быть съ ней подлецомъ... А товарищи говорили, что надо пойти къ женщинамъ и .. не будетъ порока... И не хотѣлъ быть подлецомъ... И пошелъ... *Потому* пошелъ... Клянусь, Петя! Ты мнѣ вѣришь? Вѣришь?

— Вѣрю, мальчикъ, вѣрю...

— И я убѣгалъ отъ нея, ей Богу, убѣгалъ. А она сама задѣвала меня. Сначала я думалъ, что она меня любитъ, и еще больше не хотѣлъ... такъ... А она не слушала... Говорила, что она не можетъ больше, что пойдетъ на улицу... Даю слово, такъ говорила! Я уже видѣлъ, что она... что я ей зачѣмъ-то нуженъ... Но не могъ сразу понять и... согласился, не могъ... А потомъ, когда замѣтилъ, что боленъ, сказалъ ей... Она на меня сейчасъ же... А я... былъ тогда въ такомъ состояніи и сказалъ, что ей мѣсто только въ публичномъ домѣ, потому что я на нее думалъ... И кромѣ того, она вѣдь меня не любила, а отдавалась... Теперь она пишетъ, что идетъ туда и не будетъ лѣчиться. Ну, что же... Я тоже не буду лѣчиться... Пусть знаетъ... Она думаетъ, что ты мнѣ поможешь, а ей никто. А я ей покажу... что она ошибается! Пусть. Она думаетъ, что я буду мучиться тѣмъ, что она въ публичномъ домѣ и не лѣчится. И этимъ отомститъ. А я... А, все равно! Мнѣ нѣтъ спасенья! Нѣтъ *никакого* спасенья... Я умру!

Онъ закинулъ руки за голову и такъ склонился на подушку.

Петръ Семенычъ тяжело всталъ и сгорбившись прошелся по комнатѣ. Басы гармоніи добродушно похрапывали, а дисканты лепетали переливчато что-то веселое, игривое. За окномъ, вѣроятно, стояла чистая молодая ночь.

— Ну, Даня...—останавливаясь возлѣ кровати, медленно и раздѣльно началъ Петръ Семенычъ.—Мы сдѣлаемъ такъ. Съ завтрашняго дня начинаешь лѣчиться.

Даня молча отрицательно помоталъ головой.

— ...Ты начинаешь лѣчиться. Тоню я найду, и также будемъ лѣчить. Это все глупости и сумасшествіе... Я ее найду, обѣщаю тебѣ и себѣ. Ты, значитъ, можешь лѣчиться. Съ порокомъ мы тоже будемъ бороться. Я подумаю и потомъ скажу тебѣ... Мы обсудимъ... Все это не такъ страшно... Хорошо, что ты сказалъ, это главное. Вотъ, значитъ, такъ, мальчикъ...

Даня опять покрутилъ головой и тупо сказалъ:

— Нѣтъ... Не буду.

Петръ Семенычъ поморщился.

— Э, Даня, такъ вѣдь нельзя...

Даня устало поднялся и сталъ прямо, мертво смотрѣть на Петра.

— А сифилисъ?—сказалъ онъ. Теперь онъ уже не говорилъ „люэсъ“, и умышленно не говорилъ, придавая слову „сифилисъ“, кромѣ значенія болѣзни, еще что-то другое.

— Будемъ лѣчить...—отвѣтилъ Петръ.

— Онъ не вылѣчивается... А хоть и вылѣчивается, все равно, я—поганый. На всю, на всю-ю жизнь поганый!! Гдѣ бъ я ни былъ, съ кѣмъ бы я ни былъ, я все буду знать, что они хорошіе, а я поганый...

— Да почему же поганый, мальчикъ? Больной, а не поганый.

Данько чуть кивнулъ вверхъ головой и слабо усмѣхнулся.

— Больной? А ну, поди скажи мамѣ, *какой* я больной. Что она тебѣ скажетъ? Если бъ у меня была чума, холера, туберкулезъ, я былъ бы больной, и она бы пришла ко мнѣ, пожалѣла, а такая „болѣзнь“?.. А ну, скажи въ гимназіи, что не могу ходить нѣкоторое время на занятія, потому что боленъ... Что мнѣ будетъ? Сейчасъ же выгонятъ... А за чуму или чахотку не выгонятъ... Да и ты самъ только такъ говоришь... А когда я сказалъ, чтб у меня, такъ потомъ ты ни разу больше за руку не взялъ, коснуться гадко было до платья моего, хоть отъ платья заразиться невозможно.. Я замѣтилъ, замѣтилъ! Но я ничего, такъ и надо. Я самъ знаю, что поганый. Ну, и что жъ? Все равно. Пусть. Я такъ и зналъ. Нѣтъ спасенья, нѣтъ...

Петръ Семенычъ сѣлъ и обнялъ Даню. Тотъ покосился на него и потупился.

— Спасенье есть, мальчикъ, и будетъ. Ты самъ уже видишь это, и нечего говорить глупостей и ковырять раны. Завтра мы идемъ къ врачу, ты начнешь лѣчиться. Мамѣ не надо говорить, директору тоже...

— Значитъ, всю жизнь... лгать всѣмъ?—шопотомъ сказалъ Даня.—Каждый будетъ думать, что я порядочный, а я буду обманывать?

— Ахъ, голубчикъ, что жъ подѣлаешь? Ну, что? Признаваться всѣмъ и каждому?

— Не хочу такъ!..—освобождая ъ изъ объятій Петра, глухо сказалъ Данько.—Не хочу! Лучше смерть... И Тоню ты не найдешь... И она то же самое скажетъ... Она это и говорила. Она тоже говорила, что остается теперь только смерть... Ну, что жъ?

— И она глупости говоритъ. Довольно, Даня. Ты сейчасъ ложись спать. Хочешь у меня? Нѣтъ? Можетъ, дать чего-нибудь, чтобъ уснуть сразу? Нѣтъ? Такъ заснешь? Это самое лучшее. Тоню я завтра же приведу сюда, и все будетъ хорошо. Ложись спать. А съ завтрашняго дня будемъ лѣчиться. Такъ, Даня?

Даня не отвѣчая смотрѣлъ въ одну точку.

— Да? Ну, полно... Отвѣчай.

— Если Тоня будетъ, то и я...—краснѣя, проговорилъ Даня.

— Ну, значитъ, все отлично. А теперь раздѣвайся, возьми чистое бѣлье... Погоди, я принесу тебѣ...

И, несмотря на протесты брата, Петръ принесъ свѣжее бѣлье, заставилъ переодѣться, уложилъ въ постель и, погасивъ ему лампу, ушелъ".

* * *

Дальше мы ограничимся лишь вскрытіемъ остова романа и его идейной канвы, такъ какъ художественный интересъ этого дальнѣйшаго малозначителенъ (вообще послѣднее дѣтище талантливаго украинскаго беллетриста приходится отнести къ категоріи „недоношенныхъ").

Какъ только настало утро, Петръ Семенычъ кинулся искать Тоню, но въ городѣ ея не оказалось. По словамъ ея тетки, она уѣхала въ Одессу, на мѣсто,—гувернанткой.

Черезъ день Петръ Семенычъ „за чаемъ объявилъ, что ѣдетъ за границу мѣсяца на два для практики въ лѣченіи новымъ препаратомъ нѣмецкаго профессора",—т.-е. эрлиховскимъ сальварсаномъ. А вернувшись въ Россію, открываетъ „кабинетъ" и „палату" по новой своей спеціальности. (Мечта о профессурѣ принесена въ жертву другой мечтѣ—„помочь однокимъ, обиженнымъ мальчикамъ" и ихъ товарищамъ по несчастію).

Дома его ожидаетъ цѣлый рядъ новыхъ испытаній—новыхъ „событій". Во-первыхъ, выясняется, что Тоня теперь не въ Одессѣ, а здѣсь же, въ городѣ,—на Красногорской улицѣ, въ одномъ изъ публичныхъ домовъ. Это видно изъ ея второго письма, которое Даня тоже показываетъ брату. Затѣмъ—Даня въ обращеніи съ братомъ уже совсѣмъ иной. Онъ высказываетъ ему самую жгучую ненависть. Кричитъ ему вызывающе, что въ несчастіи съ Тоней „виноватъ" не онъ, Даня, а самъ Петръ. Окончательно сбитый съ толку, старшій Заболотько узнаетъ, что Тоня вовсе не Даню любила (а вѣдь Петръ Семенычъ уже серьезно подумывалъ, вылѣчивъ обоихъ, поженить ихъ): любила она *его*,—Петра... Когда же стало ей ясно, что увлеченъ онъ другою—Саней Гарбузенковой, съ отчаянія и досады ухватилась за влюбленнаго въ нее Даню. Ну, и, очевидно, не разсчитала своихъ силъ...

Въ ту же ночь, потрясенный и подавленный, Петръ Семенычъ разыскалъ Тоню.

Тщетно уговариваетъ онъ дѣвушку покинуть этотъ ужасный домъ. Она стоитъ на своемъ: „кто разъ сюда попадетъ, тому возврата нѣтъ". А если даже и возможенъ такъ или иначе „возвратъ", то все-таки она на это не согласится, потому что „*здѣсь*—среди равныхъ—меньшее зло, чѣмъ *тамъ*",—съ „порядочными" людьми...

Но Петръ Семенычъ не оставляетъ надежды. Онъ сталъ бывать на Красногорской каждый день, иногда и по два раза, и тамъ онъ, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе знакомится съ условіями проституціи.

Волею судьбы выведенный изъ узкой колеи своихъ мирныхъ научныхъ занятій, такъ мало до сихъ поръ задумывавшійся надъ разными общественными язвами, молодой врачъ сначала пришелъ въ соприкосновеніе съ нравственнымъ и соціальнымъ зломъ венерическихъ болѣзней. Теперь передъ нимъ открывается еще болѣе серьезная и болѣе широкая проблема. Проституція, рѣшеніе этого сложнаго вопроса—овладѣваетъ понемногу всѣми его мыслями.

На первыхъ же порахъ, ломая голову надъ тѣмъ, какъ спасти Тоню отъ разврата и позора засасывающаго ее рабства, Петръ Семенычъ сталкивается съ „завѣтами отцовъ".

Съ дѣтства онъ привыкъ дѣлить людей на представителей „души" и „желудка". Покойный отецъ, проф. Заболотько, во всѣхъ случаяхъ жизни твердилъ свое любимое: „смотри въ желудокъ". А мать возмущалась этой „желудочностью" и неизмѣнно „смотрѣла въ душу". Съ ней были солидарны старшій сынъ Михаилъ и дочь Мароа. Петръ же считался такимъ же отъявленнымъ матеріалистомъ, какъ и отецъ.

Теперь, приступивъ къ своей миссіи, Петръ Семенычъ попытался прежде всего опереться на „душу": онъ попытался найти поддержку у матери, у сестры, хотя и зналъ напередъ, что его просьба взять Тоню опять къ нимъ въ

домъ будетъ рѣшительно отвергнута. Такъ и вышло.

„—...Вѣдь это эгоизмъ, мама. Вы всегда упрекали меня въ „желудкѣ“, за „душу“ стояли, а сами теперь смотрите не въ „душу“, а въ „желудокъ“...

Мать удивилась и огорчилась.

— Какъ въ „желудокъ“? Вотъ именно въ „душу“! Именно „душу“ имѣю въ виду... Что ты, Христосъ съ тобой, Петя? Подумай, какое искушеніе будетъ для дѣтей, для ихъ молодыхъ душъ. „А что? А какъ? А что такое?“ Да тутъ не оберешься всякихъ вопросовъ и непріятностей... А другое всякое? Что ты, Богъ съ тобой... Именно въ „душу“...

И это была правда! Именно все дѣло въ „душѣ“. Ея-то больше всего и боится Тоня. Она-то ей больше всего и нужна. Не деньги, не отсутствіе пьяной, нездоровой атмосферы, а „душа“, а возможность „быть равной“ и безъ стыда предъ собой и другими касаться рукой головокъ дѣтей. А это было здѣсь такъ же невозможно, какъ сдѣлать мать молодой.

И тѣмъ не менѣе онъ упрямо, тупо сказалъ:

— А я думаю, что если поступать по „душѣ“, то ее надо простить, пожалѣть.

— Да кто же ее не жалѣетъ, не прощаетъ?! Господи, да я...

— Нѣтъ, не такъ, а дѣломъ... Примите ее къ себѣ, не гнушайтесь ею, будьте такъ, какъ раньше... И не только такъ, для виду, а въ самомъ дѣлѣ...

Это было уже настолько нелѣпо и явно невозможно, что Петръ самъ смутился и замолчалъ“.

„Петръ Семенычъ бросался въ другую сторону. „Душа“ не могла дать выхода, она именно его и запирала. Какъ ангелъ съ мечомъ, она стояла у воротъ потерянаго рая и сурово, неумолимо отталкивала отъ нихъ всѣхъ Тоню.

Можетъ, „желудокъ“ что-нибудь могъ сказать болѣе утѣшительное?

Петръ невольно смотрѣлъ на портретъ отца, сурового сѣдого старика съ добрыми глазами. И представлялось, какъ отецъ, не отрываясь отъ книги, выслушалъ бы всю исторію и, навѣрно, лаконически, ровно, словно вычитывая изъ книги передъ нимъ, проговорилъ бы:

— Трава ѣстъ землю. Овца ѣстъ траву. Человѣкъ ѣстъ овцу. Земля ѣстъ человѣка. И опять сначала. Все имѣетъ свой желудокъ и печется о немъ.

— Но у человѣка, папа, есть не только желудокъ?

— Въ буквальномъ пониманіи,—да. У него есть еще плечи, на плечахъ голова, а въ головѣ мозгъ. Больше ничего у людей нѣтъ. „Душа“ же водится только у поповъ, поэтовъ и институтокъ. (Мать училась въ институтѣ.)

Такъ по крайней мѣрѣ отвѣчалъ когда-то отецъ Михаилу въ спорахъ на соціалистическія темы.

И выходило, что Тоня—просто меньше приспособленная и должна была служить для пожиранія тѣмъ пьянымъ рожамъ, которыя безсмысленно орали въ залахъ домовъ.

Но какой же выходъ?

И невольно всякій разъ мысль натыкалась на Михаила. Петру стыдно было сознаться, но онъ зналъ, что Михаилъ (порвавшій съ семьей) нашелъ бы выходъ. Безсознательно онъ чувствовалъ, что у нихъ, у соціалистовъ, должно быть какое-то рѣшеніе, должно быть иное отношеніе, нежели у мамы, Маруси, отца“.

Между тѣмъ, трудное положеніе Петра Семеныча еще осложнялось новымъ отношеніемъ его къ Санѣ Гарбузенковой.

Благодаря одному обстоятельству, онъ имѣлъ возможность убѣдиться, еще за границей,—изъ письма Сани,—что онъ пользуется взаимностью. А когда они свидѣлись послѣ двухмѣсячной разлуки, та встрѣтила его съ такой откровенной радостью и восторгомъ, что Петръ Семенычъ просто потерялъ голову отъ счастья. Но тутъ же онъ, къ ужасу своему, замѣтилъ на ея лицѣ, въ глазахъ нѣкоторые трудно уловимые признаки той самой страшной болѣзни, которую научился распознавать во время пребыванія за границей. И теперь, впервые, тоже благодаря заграничному опыту, ему стали понятны странности психики этой нервной, неуравновѣшенной, но дорогой ему дѣвушки. Наслѣдственность...

И вотъ, вскорѣ случилось такъ, что Петръ Семенычъ въ запальчивости, задѣтый за живое колкостями Гарбузенковой по поводу Тони, въ особенности же рѣзко, подчеркнуто выраженнымъ ею чувствомъ гадливости къ той, къ „соперницѣ“, къ болѣзни ея, *такой* болѣзни,—Петръ Семенычъ бросаетъ Санѣ въ лицо жестокую правду...

Тяжелая сцена, послѣдовавшая за этимъ, и не менѣе тяжелое объясненіе съ отцомъ Сани какъ будто пришпорили Петра Семеныча, заставили интенсивнѣе работать его мозгъ, и—послѣ безсонной ночи онъ является къ Тонѣ на Красногорскую спокойный, даже веселый, съ радостнымъ сообщеніемъ: „Я... нашелъ выходъ!“

„Выходъ“ этотъ—въ признаніи проституціи общественною „работою“, „услугою“.

„—...Общество нуждается въ васъ, въ вашей услугѣ и, значитъ, должно признать это. А если признаетъ вашу услугу, то съ васъ позоръ

снимается. Пусть онъ ложится на общество въ такой же мѣрѣ, какъ и на васъ, но все-таки вы равны намъ и въ этомъ случаѣ. А разъ равны, тогда картина мѣняется. Изъ категоріи падшихъ вы переходите въ категорію обыкновенныхъ, услуживающихъ обществу. А тогда вы имѣете полное право на защиту себя. Разъ главное, въ основаніи, будетъ снято, вы *можете* требовать"...

Петръ Семенычъ такъ увѣренъ въ жизненности своей теоріи, что намѣревается прочесть публичную лекцію на захватившую его тему. Общество-де пойметъ и оцѣнитъ его проповѣдь.

Увѣренный въ себѣ, теперь онъ смѣло идетъ къ брату Михаилу. Тамъ, у соціалистовъ, онъ больше всего надѣется встрѣтить сочувствіе,— и... тамъ его ожидаетъ первое разочарованіе.

Михаилъ съ женою, находя теорію Петра глупой и вредной, указываютъ ему на то, что не „нелѣпой проповѣдью" оправданія проституціи уничтожить зло, а лишь борьбою съ условіями, это зло породившими.

Тотъ кричитъ:

„—Хорошо, хорошо! Согласенъ! Но что же съ Тоней дѣлать? и съ остальными Тонями? Ты скажи: что я могу предложить имъ, если онѣ меня спросятъ? Что? Въ *данный* моментъ, а не тогда, когда породившія причины... Что?

— Ничего!—разсердился Михаилъ.—Во всякомъ случаѣ не то, что ты предлагаешь.

— Нѣтъ, ты скажи, что? Пусть я предлагаю безуміе, глупость, а ты что? Причины, я согласенъ, безъ этого невозможно, все другъ за друга цѣпляется. Повторяю,—принимаю. Но рабочіе, лакеи и всякіе другіе? они вѣдь не ждутъ, когда уничтожатся причины, имъ *сейчасъ* тяжело, вы имъ *сейчасъ* старайтесь помочь хотя немного? Да? Вѣрно? Не ждете? Почему же должны ждать еще болѣе несчастные, еще болѣе порабощенные? Почему? Какъ же вы можете такъ равнодушно, жестоко и тупо относиться къ нимъ, вы, такіе защитники всякихъ униженныхъ и оскорбленныхъ? А? Да ты развѣ не видишь, что ты въ полномъ согласіи съ отцомъ, что у тебя „желудокъ" говоритъ?

Но тутъ вмѣшалась Женя (жена Михаила).

— Какъ?!—съ изумленіемъ и ужасомъ спросила она.—Такъ вы сравниваете трудъ рабочаго, производительный, нужный, красивый, съ позорнымъ, вреднымъ, оскорбительнымъ для человѣка... состояніемъ несчастныхъ жертвъ порока! Да?!

Петръ Семенычъ такъ и подскочилъ. Не отвѣчая Женѣ, онъ съ торжествомъ бросилъ Михаилу:

— А вотъ мамина „душа"! Вотъ она! Вотъ! Я вижу, что вы не дошли до конца, нѣтъ!"

Попрежнему ничто не можетъ поколебать рѣшимости Петра Семеныча—ни слезы матери, ни насмѣшки сестры, ни возраженія идейныхъ противниковъ, ни даже газетныя инсинуаціи его личныхъ враговъ, искусно подготовлявшихъ провалъ лекціи. Единственное событіе, которое вынело Петра Семеныча изъ его состоянія приподнятости и отрѣшенности отъ міра и которое потомъ такъ неожиданно, болѣзненно, но, можетъ быть, необходимо отозвалось на его дальнѣйшей судьбѣ,—это была смерть одного изъ его паціентовъ. Собственно не смерть, а убійство, и *сознательнымъ* убійцей былъ онъ, д-ръ Заболотько.

Онъ зналъ, что съ такимъ плохимъ сердцемъ, какъ у этого паціента, учителя Маевскаго, почти нѣтъ никакой надежды вынести впрыскиванья, и все же рѣшился произвести инъекцію: такъ выразительны и убѣдительны были жалобы жены больного на невыносимое положеніе и ея, и дѣтей, на тотъ семейный адъ, какой создала запущенная болѣзнь,—эти безконечныя вспышки раздраженія полубезумнаго паралитика. Жена даже не скрывала своего затаеннаго желанія.

— Ну, пусть опасно, пусть смертъ. Я сама готова. Лучше сразу смерть, нежели съ такими муками. Для столькихъ людей! Докторъ, спасите насъ!

И докторъ спасъ... Но о результатахъ инъекціи его извѣстили такой запиской: „Мужъ умеръ. Вы убили его. Проклятіе вамъ и вашему 606. О. Маевская".

Смерть паціента (случившаяся за день до лекціи), а главное, эти проклятія „одурѣвшей отъ испуга" женщины, такъ разстроили Петра Семеныча, что достаточно было замѣтить ему враждебное отношеніе собравшейся на лекцію публики, чтобы пропали послѣдніе остатки боевого настроенія. Говорилъ онъ не то и не такъ, какъ предполагалъ.

Лекція закончилась скандально. Подъ бѣшеные аплодисменты слушателей, оппонировавшій Петру Семенычу литераторъ Завада заявилъ, что „теорія господина Заболотько есть теорія сутенера и мерзавца!"...

Только на третій день овладѣлъ собою Петръ Семенычъ. А еще черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ сказать Тонѣ слѣдующее:

— Слушай: я люблю тебя. Подожди, подожди, не надо волноваться. Тебѣ, вѣроятно, пріятно это, но... подожди. Вотъ я люблю тебя, люблю такъ, какъ надо, всю тебя люблю, душу твою и тѣло, и смѣхъ, и родинку твою,—все. Такъ? А вотъ... не женюсь на тебѣ. Нѣтъ, Тоня, не женюсь. И слушай, почему, слушай! Потому что у меня есть... „душа". Понимаешь?

Теперь, въ данный моментъ, завтра, черезъ недѣлю я могу жениться, могу! За это я ручаюсь. Передъ всѣми могу назвать тебя моей женой, и не будетъ въ этомъ ничего вызывающаго, демонстративнаго,значитъ, нетвердаго. Но что будетъ черезъ годъ, за это я не ручаюсь. „Душа“, Тоня, сильвая, она долго росла, застарѣла въ насъ. И поэтому я боюсь назвать тебя женой. Мука одна потомъ будетъ. Затѣмъ, вотъ хотя бы вчера. Ты положила мнѣ на плечо руку. Раньше ты этого не дѣлала. А теперь, когда я униженъ и оплеванъ, ты кладешь. Тоня, Тоня, ты не волнуйся, я вѣдь понимаю. Ты кладешь. И я тебя вчера ненавидѣлъ больше, чѣмъ кого другого. Тебя, именно тебя, потому что передъ тобой мнѣ было больнѣе всего за свой позоръ. Одинъ, можетъ, часъ, даже меньше, потомъ уже любовь. Собственно, вчера отъ этой ненависти я и понялъ какъ слѣдуетъ, что люблю тебя. Но все-таки ненавидѣлъ, все жъ таки хоть полчаса, а была ты мнѣ чужѣе всѣхъ. И значитъ, что? Что? Значитъ, во мнѣ есть „душа“. Значитъ, потомъ не по полчаса будетъ это чувство, а по полдня, по полгода...

„Одинъ плевокъ учитъ больше, чѣмъ сто поцѣлуевъ“...

И вотъ еще чему „плевокъ“ научилъ Петра Семеныча,—а именно, какъ выйти изъ создавшагося послѣ лекціи положенія, не путемъ дуэли или чего-либо подобнаго, нѣтъ:

— Вотъ какъ мнѣ быть теперь, Тоня. Надо въ *самомъ себѣ* мнѣ уничтожить Завада и всѣхъ. Не убивать его, а сдѣлать такъ, чтобы то все не могло быть для меня мучительнымъ. Вотъ и все.

И Петръ Семенычъ, испытывая не столько своего врага, сколько себя, отсылаетъ этому самому оскорбившему его Завадѣ письмо Маевской,—„письмо такое, что съ нимъ, если очень захотѣть, можно сдѣлать мнѣ много зла“.

„Захотѣли“ дѣйствительно, но не Завада, а Саня Гарбузенкова. Изъ ненависти къ Петру Семенычу и изъ ревности къ Тонѣ, она добивается того, что опасная записка попадаетъ въ руки судебнаго слѣдователя, для чего пришлось ей отдаться помогавшему ей литератору, бывшему революціонеру Шапкину, который давно уже преслѣдуетъ ее...

Заболотько, конечно, и не думаетъ отрицать своей вины. Его арестуютъ. Изъ тюрьмы онъ пишетъ Тонѣ:

„Я радъ, что такъ случилось... То, чего мнѣ не удалось пріобрѣсти размышленіями, лекціями, то я найду страданьемъ. И вотъ первое, что я уже нашелъ, это слѣдующее: я прошу тебя, Тоня, быть моей женой. И теперь я могу сказать: да, „погавыхъ“ до конца можетъ повять только „поганый“!. Угнетенныхъ могутъ настоящимъ образомъ понять только угнетенные. Только здѣсь, въ сѣромъ халатѣ, среди паразитовъ, грязи, глубокаго униженія человѣка, среди кипящаго страданія, я съ чистымъ, радостнымъ сердцемъ называю тебя моею женой“.

И наказаніе (арестантскія роты) онъ ѣдетъ отбывать окончательно прозрѣвшій и просвѣтленный. И—счастливый: „съ нимъ въ одномъ поѣздѣ уѣхала и молодая жена его, Антонина Заболотько“.

Революція, доведенная до абсурда.

(„Петербургъ“ Андрея Бѣлаго).

[891.7—3:891.7.09]

Когда минувшей осенью вышла книга Пимена Карпова „Пламень“, въ авторѣ увидѣли усерднаго ученика Андрея Бѣлаго. Вскорѣ затѣмъ началось печатанье (въ альманахѣ „*Сиринъ*“, I—III) новаго романа самого Бѣлаго, и этимъ произведеніемъ послѣдній точно поспѣшилъ подтвердить, что лишь такой художникъ, какъ онъ, могъ оказать столь нездоровое вліяніе на молодого писателя. О „Петербургѣ“ приходится сказать то же самое, что единодушно признано было относительно карповскаго „Пламени“: это что-то бредовое, если не въ цѣломъ, то во многихъ и многихъ частностяхъ,—плодъ галлюцинирующей фантазіи, психопатической мысли. И такъ отвѣчаетъ внутренней манерѣ письма внѣшняя,—стиль романа, этотъ заплетающійся, развинченный языкъ, эта нудная, „слюноточивая“ болтовня, эти раздражающія гримасы, усмѣшечки.

Вотъ образчикъ:

„...Единица, плюсъ тридцать полей образуется въ безобразіе пенталліона: пенталліонъ—о, о, о!—повисаетъ на черненькой, тоненькой палочкѣ; единица пенталліона повторяетъ себя болѣе чѣмъ милліардъ милліардовъ, повторенныхъ болѣе чѣмъ милліардъ разъ.

Черезъ непзмѣримости тащится.

Такъ тащится человѣкъ черезъ міровое пространство изъ вѣковѣчныхъ временъ въ вѣковѣчныя времена.

Да,—

человѣческой единицею, то-есть, этою тощею палочкой проживалъ доселѣ въ пространствахъ Николай Аполлоновичъ, совершая пробѣгъ изъ вѣковѣчныхъ временъ—

— Николай Аполлоновичъ въ костюмѣ Адама былъ палочкой; онъ, стыдясь ху-

добы, никогда ни съ кѣмъ не былъ въ банѣ —

— въ вѣковѣчныя времена!

И вотъ этой палочкѣ пало на плечи безобразіе пенталліона, то-есть: болѣе чѣмъ милліардъ милліардовъ, повторенныхъ болѣе, чѣмъ милліардъ разъ; непрезентабельное *кое-что* внутрь себя громадное пріяло *ничто*; и громада *ничто* разбухала въ презентабельномъ видѣ изъ вѣковѣчныхъ временъ—

— такъ разбухаетъ желудокъ, благодаря развитію газовъ, отъ которыхъ всѣ Аблеуховы мучились:

— въ вѣковѣчныя времена!"

Повторяемъ, „Петербургъ" — по крайней мѣрѣ, при бѣгломъ чтеніи—больше похожъ на бредъ, кошмаръ больного человѣка, чѣмъ на романъ; и такое впечатлѣніе усиливается его фабулой и поведеніемъ нѣкоторыхъ выведенныхъ авторомъ персонажей. Но, тѣмъ не менѣе,— скажемъ словами одного изъ писавшихъ объ этой вещи, — „при всѣхъ намѣренныхъ вывертахъ формы, при всемъ манерничаніи, ужимкахъ и прыжкахъ, по замыслу романъ А. Бѣлаго представляетъ, безспорно, явленіе незаурядное, явленіе въ высокой степени интересное, современное и нужное".

* * *

„Петербургъ" Андрея Бѣлаго — это Петербургъ 1905 года, революціонный Петербургъ но не съ самой революціей имѣемъ мы дѣло здѣсь, а съ ея изнанкой и тѣнью, ея грязью, вырожденіемъ — съ провокаціей. Авторъ показываетъ намъ недавнее наше освободительное движеніе съ той его стороны, отмѣченной іудиной печатью Азефовъ и Багровыхъ, гдѣ сблизились, сплелись и какъ будто объединились двѣ исключающія другъ друга силы—революція и охрана, — сплелись такъ противоестественно, что этотъ недавно пережитый (и еще не вполнѣ изжитый) позоръ кажется нелѣпымъ сномъ, кошмаромъ, наважденіемъ. Невская столица была средоточіемъ обѣихъ этихъ силъ; и вотъ самый Петербургъ, *такой* Петербургъ, рисуется у Бѣлаго призракомъ какимъ-то, фантасмагоріей. И какъ нельзя лучше гармонируетъ изображаемый въ романѣ городъ „Мѣднаго всадника" съ тѣмъ впечатлѣніемъ призрачности, болотнаго „пара", какое производятъ порой этотъ городъ на самомъ дѣлѣ, своими гнилыми туманами, испареніями своей болотистой почвы.

Въ центрѣ романа поставлены отецъ и сынъ Аблеуховы. Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, потомокъ „киргизъ-кайсацкаго мирзы Абъ-Лая", жалкій, немощный старичокъ, напоминающій собою ощипаннаго цыпленка, состоитъ главою одного всесильнаго „учрежденія". Политическая роль этого „носителя брилліантовыхъ знаковъ", выразительно прозваннаго своими же чиновниками Нетопыремъ, такова, что онъ оказывается въ фокусѣ вниманія революціонной партіи. Сынъ же высокаго сановника, Николай Аполлоновичъ, студентъ университета, интересующійся философіей и „методикой соціальныхъ явленій", имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ революціонными кругами, хотя особаго сочувствія къ ихъ дѣятельности не питаетъ.

Неожиданно для самого „сенаторскаго сынка", случайныя связи его съ революціонерами укрѣпляются, и это дѣлаетъ несчастная любовь.

Онъ воспылалъ страстью къ женѣ товарища своего дѣтства, офицера Лихутина. Легкомысленная дамочка эта относится къ нему двойственно: то все ея поведеніе говоритъ о такой же симпатіи и влеченіи, то наталкивается студентъ на холодность, даже непріязнь. Софья Петровна „ненавидя любила, любя ненавидѣла". Кончаются странныя отношенія ихъ тѣмъ, что она въ порывѣ каприза жестоко задѣла его самолюбіе и отталкиваетъ отъ себя.

Сгоряча, съ отчаянья молодой Аблеуховъ бѣжитъ прямо къ Невѣ, но въ рѣшительную минуту его осѣняетъ мысль: если ужъ губить себя, то съ толкомъ,—отдать свою жизнь какъ разъ назрѣвшей тогда революціи. И тоже сгоряча, подъ впечатлѣніемъ этого внезапнаго героическаго рѣшенія, онъ объявляетъ партіи о готовности своей пойти на что угодно. А затѣмъ... конечно, скоро забываетъ о необдуманно принятомъ на себя обязательствѣ. Неудача изгладилась въ сознаніи, да и занятъ онъ теперь другимъ: Николай Аполлоновичъ придумалъ способъ отомстить безсердечной красавицѣ.

Софья Петровна обозвала его тогда „краснымъ шутомъ",— и вотъ отвергнутый поклонникъ заказываетъ себѣ красное домино съ черной маской, чтобы терроризировать обидчицу: то гдѣ-нибудь въ неосвѣщенномъ подъѣздѣ, то на лѣстницѣ ея квартиры, то прямо на улицѣ появляется вдругъ таинственное домино передъ Лихутиной.

Тѣмъ временемъ, въ отвѣтъ на неосторожно сдѣланное *предложеніе*, гдѣ-то тамъ въ тиши подполья зрѣетъ „спросъ". Въ одно осеннее утро Николая Аполлоновича смущаютъ нежданнымъ визитомъ: тотъ самый Александръ Ивановичъ Дудкинъ, видный террористъ „Неуловимый", черезъ котораго сдѣлано было роковое „предложеніе", напоминаетъ студенту о своемъ существованіи и — нагоняя на него трепетъ и ужасъ—о данномъ партіи словѣ.

Впрочемъ, у Николая Александровича сейчасъ же отлегло отъ сердца: требуется-то всего-навсего — принять на храненіе нѣкій „узелокъ“. И Аблеуховъ-сынъ безпечно прячетъ въ письменный столъ какой-то тамъ „безобидненькій узелокъ“, успокаивая себя еще тѣмъ, что вотъ надо будетъ на всякій случай, покуда не поздно, взять назадъ свое *добровольное* предложеніе.

Собственно дѣло, повидимому, не только въ узелкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Александру Ивановичу Дудкину поручено „высшей инстанціей“ (или „особою“, которую онъ зналъ подъ именемъ Липпанченко) вручить Николаю Аполлоновичу также и какое-то письмо. Но письмо-то онъ и забылъ передать: онъ въ послѣднее время плохо сталъ владѣть своими мыслями и памятью. Загипнотизированный конспираціей — другими словами, той же самой „особой“ — въ мрачную чердачную одиночку пятиэтажнаго дома на Васильевскомъ (18-я линія, домъ 17), Дудкинъ-Неуловимый въ своей „торичеллиевой пустотѣ“ заболѣваетъ какимъ-то „мозговымъ разстройствомъ“.

Письмо все же доходитъ по назначенію,— окольнымъ путемъ. И подателемъ его оказывается не кто иной, какъ Софья Петровна Лихутина. Такъ какъ ей предстоитъ встрѣтиться на-дняхъ съ Николаемъ Аполлоновичемъ на одномъ великосвѣтскомъ балу, то черезъ нее и дѣйствуетъ знакомая съ нею революціонная дѣвица Варвара Евграфовна, которой поручено Неуловимымъ позаботиться о доставкѣ письма.

На балъ является Николай Аполлоновичъ въ своемъ красномъ домино. И вотъ въ руки краснаго домино суютъ („мадамъ какая-то Помпадуръ“) запечатанный конвертикъ. Адресатъ тутъ же, въ уголочкѣ, знакомится съ его содержаніемъ. И... цѣпенѣетъ. Письмо содержитъ въ себѣ приговоръ партіи. Пришла-де пора ему исполнить свое обѣщаніе. „Очередь нынѣ за вами“. Онъ долженъ совершить „актъ“. И надъ кѣмъ же. Надъ... дальше стояло въ письмѣ имя его отца. И—„въ ближайшіе же дни“... А „нужный матеріалъ... своевременно переданъ въ узелкѣ“. Знакомая подпись: „Непзвѣстный“, отъ котораго онъ неоднократно уже получалъ записки.

На балу томъ присутствуетъ и самъ Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, „глава Учрежденія“... Здѣсь мы встрѣчаемъ и „особу“— Липпанченко. Здѣсь же мелькаетъ еще одно весьма важное дѣйствующее лицо романа, даже можно сказать—важнѣйшее. Въ „Петербургѣ“ это лицо — особа надъ всѣми „особами“, въ нѣкоторомъ родѣ даже надъ „главой Учрежденія“, — „дирижеръ изъ-за кулисъ“. Лицо это—Павелъ Яковлевичъ Морковинъ, „необходимая фигура переходнаго времени“, „молчаливо обслуживающая разнообразныя вѣдомства, состоя въ одномъ вѣдомствѣ“, по паспорту — участковый писецъ Воронковъ, снимающій на Васильевскомъ (18-я линія, домъ 17) комнату у сапожнаго мастера Безсмертнаго...

Павелъ Яковлевичъ Морковинъ-Воронковъ представляетъ собою центръ, въ которомъ сходятся всѣ радіусы заколдованнаго круга революціи-провокаціи.

„Особа“ Липпанченко, или Маврокордато (не то хохолъ, не то грекъ; но этотъ толстякъ съ „носасыпающей губой“ даже по наружности своей является въ романѣ кое-какъ лишь замаскированнымъ Эвно Азефомъ), дающій отъ имени Комитета директивы революціонеру-террористу Неуловимому, въ то же время получаетъ самъ приказанія и указанія отъ „необходимой фигуры переходнаго времени“.

Александръ Ивановичъ Дудкинъ-Неуловимый, — эта „квинтъ-эссенція революціи“, — исполняющій, самъ того не подозрѣвая, волю не Комитета, даже не Липпанченко, а Павла Яковлевича Морковина, по вечерамъ обыкновенно спускается съ своего чердачнаго „подполья“ въ дворницкую, ведетъ компанію съ дворникомъ Моржовымъ и его пріятелями (поддерживать знакомство съ „домовой полиціей“— большой расчетъ для проживающаго по фальшивому паспорту, да и не вмоготу, наконецъ, это вынужденное вѣчное молчаніе); пріятели же эти, собутыльники дворника — сапожный мастеръ Безсмертный и его жилецъ, „участковый писецъ Воронковъ“...

Морковинъ-Воронковъ на балу конфиденціально—„по долгу службы“ — бесѣдуетъ съ „главой Учрежденія“ и, естественно, держитъ себя съ высокимъ сановникомъ какъ „откровенный лакей“; но бесѣду ведетъ онъ какъ вдохновенный „дирижеръ изъ-за кулисъ“. Онъ шепчетъ „съ двусмысленной кротостью“ Аполлону Аполлоновичу на ушко подъ шумокъ:

— „Вашъ сынъ имѣетъ сношенія съ... И знаете: петербургской полиціи отдали мы, признаться, приказъ, чтобъ за вашимъ сыномъ слѣдили... Разумѣется, для его только блага“...

И опять несся шопотъ. И сенаторъ спросилъ:

— „Домино, говорите вы?..“

— „Да—вотъ то самое.“

„Съ этими словами суетливый господинчикъ указалъ въ сосѣднюю комнату“...

Надо замѣтить, что красное домино за эти нѣсколько дней успѣло стать притчей во языцѣхъ. Фантастическія похожденія домино зачѣмъ-то усердно раздувала одна газетка, вѣр-

нѣе, одинъ газетный сотрудникъ, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и „сотрудникомъ“ Липпанченка-Маврокордато, но только совсѣмъ не по революціонной части... Какіе только слухи не циркулируютъ въ обществѣ по поводу загадочнаго краснаго домино.

А неугомонная „фигурка переходнаго времени“ все продолжаетъ „дирижировать“.

Разстроенный сенаторъ покидаетъ балъ, но ему хочется еще побесѣдовать съ всевѣдущимъ „Павломъ Яковлевичемъ“, и этотъ предупредительный Павелъ Яковлевичъ на улицѣ такъ ловко подвертывается во-время на глаза старику.

...— „Я, ваше высокопревосходительство, въ настоящее время, какъ видите, занимаюсь все розыскомъ: теперь—чрезвычайно важныя времена.“

— „Да, вы правы“—согласился и Аполлонъ Аполлоновичъ.

— „Подготовляется одно преступленіе государственной важности... Осторожнѣй: здѣсь—лужица... Преступленіе это...“

— „Такъ-съ...“

— „Намъ удастся въ скоромъ времени обнаружить... Вотъ сухое мѣсто-съ: позвольте руку“.

Аполловъ Аполлоновичъ переходилъ огромную площадь: въ немъ проснулась боязнь такихъ широкихъ пространствъ; и невольно онъ жался теперь къ господинчику.

— „Такъ-съ, такъ-съ: очень хорошо-съ...“

Аполловъ Аполлоновичъ старался бодриться въ семъ громадномъ пространствѣ, и все же терялся; къ нему прикоснулась вдругъ ледяная рука господина Морковина, взяла за руку, повела мимо лужъ: и онъ шелъ, шелъ и шелъ за ледяною рукою; и пространства летѣли ему навстрѣчу. Аполловъ Аполлоновичъ все же понурился: мысль о судьбѣ, грозившей Россіи, переспилила на мгновенье всѣ его личные страхи: страхъ за сына и страхъ перейти столь огромную площадь; съ уважевіемъ Аполлонъ Аполлоновичъ бросилъ взглядъ на самоотверженнаго охранителя существующаго порядка: господинъ Морковинъ все-таки привелъ его къ тротуару.

— „Подготовляется террористическій актъ?“

— „Онъ самый-съ...“

— „И жертвой его?..“

— „Долженъ пасть одинъ высокій сановникъ...“

По спинному хребту Аполлона Аполлоновича побѣжали мурашки: Аполлонъ Аполлоновичъ на-дняхъ получилъ угрожающее письмо; въ письмѣ извѣщался онъ, что въ случаѣ принятія имъ отвѣтственнаго поста въ него бросятъ бомбу; Аполлонъ Аполлоновичъ презиралъ всѣ подметныя письма; и письмо разорзалъ онъ; постъ же принялъ.

— „Извините, пожалуйста, если это не секретъ: въ кого жъ они теперь мѣтятъ?“

Тутъ произошло нѣчто поистинѣ странное; всѣ предметы вокругъ вдругъ какъ будто принизились, просырѣли такъ явственно и казались ближе, чѣмъ слѣдуетъ; господинъ же Морковинъ какъ будто принизился тоже, показался ближе, чѣмъ слѣдуетъ: показался старинным и какимъ-то знакомымъ; усмѣшечка прошлась по его губамъ, когда онъ, наклонивъ къ сенатору голову, произнесъ шопоточкомъ:

— „Какъ въ кого? Въ васъ, ваше высокопревосходительство, въ васъ!“

Аполлонъ Аполлоновичъ увидѣлъ: вонъ — каріатида подъѣзда; ничего себѣ: каріатида. И—нѣтъ, нѣтъ! Не такая каріатида—ничего подобнаго во всю жизнь онъ не видѣлъ: виснетъ въ туманѣ. Вонъ — бокъ дома; ничего себѣ бокъ: бокъ какъ бокъ — каменный. И—нѣтъ, нѣтъ: бокъ не спроста, какъ не спроста и все: все смѣстилось въ немъ, сорвалось; самъ съ себя онъ сорвался и безсмысленно теперь бормоталъ въ полувочную темь:

— „Какъ же такъ?.. Нѣтъ, позвольте, позвольте...“

Аполлонъ Аполловичъ Аблеуховъ все никакъ себѣ реально представить не могъ, что вотъ эта перчаткою стянутая рука, завертѣвшая пуговицу у чужого пальто, что вотъ эти, вотъ, ноги и это усталое, совершенно усталое (вѣрьте мнѣ!) сердце подъ вліяніемъ расширенія газовъ внутри какой-то тамъ бомбы во мгновеніе ока могутъ вдругъ превратиться... въ...

— „То-есть, какъ это?“

— „Да никакъ-съ, Аполловъ Аполлоновичъ, а очень все просто...“

Чтобы *это* было такъ просто, Аполлонъ Аполлоновичъ повѣрить не могъ: сначала онъ какъ-то задорно профыркалъ въ свои сѣрыя бачки (—и бачки!), выпятилъ губы (губъ не будетъ тогда), а потомъ и осунулся, голову свою опустилъ низко-низко и бездумно глядѣлъ, какъ у ногъ его лепетала грязная тротуарная струечка. Все кругомъ лепетало мокрыми пятнами, шелестѣло, шептало: то несся старушечій шопотъ осенняго времени.

Подъ фонаремъ Аполлонъ Аполлоновичъ стоялъ, чуть покачивалъ сѣропепельнымъ своимъ ликомъ, раскрывалъ удивленно глаза, ихъ вакатывалъ, вращая бѣлками (громыхала пролетка, но казалось, что тамъ громыхало что-то страшное, тяжкое: будто удары металла, дробящіе жизнь).

Господину Морковину, очевидно, стало весьма

даже жаль это старое, передъ нимъ точно въ грязь осѣвшее очертаніе. Онъ прибавилъ:

— „Вы, ваше высокопревосходительство, не пугайтесь, ибо приняты строжайшія мѣры; и мы не допустимъ: непосредственной опасности нѣтъ ни сегодня, ни завтра... Чрезъ недѣлю же вы будете въ курсѣ... Повременимъ немного...“

Наблюдая дрожавшее жалобно лицевое пятно, напоминавшее трупъ, осіянный блѣднымъ блескомъ фонарнаго пламени, господинъ Морковинъ подумалъ невольно: „Какъ же онъ постарѣлъ: да онъ просто развалина...“ Но Аполлонъ Аполлоновичъ съ чуть замѣтнымъ кряхтѣньемъ повернулъ къ господинчику безбородый свой ликъ и вдругъ улыбнулся печально, отчего подъ глазами его образовались огромные морщинистые мѣшки“.

Но уже вездѣсущему Павлу Яковлевичу надо быть въ другомъ мѣстѣ. И — мы видимъ его крадущимся по пятамъ за Николаемъ Аполлоновичемъ Аблеуховымъ.

Студентъ, убѣжавшій въ смятеніи съ бала, шелъ какъ во снѣ, самъ не зная куда, потрясенный, совершенно раздавленный ужаснымъ письмомъ. Отца онъ, правда, не любитъ, даже чувствуетъ къ нему отвращеніе и ненависть,— за то, что онъ былъ „отродьемъ“ такого нравственнаго ничтожества, что черты этого ничтожества повторились въ немъ,—и, „поскольку онъ былъ образомъ и подобіемъ отца, онъ проклялъ отца“. Но, тѣмъ не менѣе, тѣмъ не менѣе...

Съ нимъ настойчиво завязываетъ разговоръ какой-то „попутчикъ“, „паршивенькій господинчикъ въ котелкѣ съ бородавкой у носа“, и представляется ему: Павелъ Яковлевичъ Морковинъ, и въ концѣ-концовъ, чуть не насильно, затащилъ Аблеухова-сына въ ресторанчикъ, задѣвши любопытство молодого человѣка упоминаніемъ о своемъ знакомствѣ и съ его батюшкой, и съ „Александромъ Ивановичемъ“.

* * *

...— „По второй?“
— „По второй...“

. . . . . .

Передъ нимъ (Николаемъ Аполлоновичемъ) блисталъ терпкій ядъ; и желая себя успокоить, онъ выбралъ себѣ на тарелку какіе-то вялые листья; такъ стоялъ съ полной рюмкой въ рукѣ, пока Павелъ Яковлевичъ озабоченно конопошился, стараясь дрожащею вилкою попасть въ склизкій рыжичекъ; и попавъ въ склизкій рыжичекъ, Павелъ Яковлевичъ обернулся (на усахъ его повисли соринки).

— „Неправда ли, было *тамъ* странно?“

Павелъ Яковлевичъ сдѣлалъ Аблеухову пояснительный жестъ.

— „Какъ я *тамъ* васъ настигъ: вы стояли надъ лужею и читали записочку: ну, думаю я, рѣдкій случай, ррѣдчайшій...“

— „Знаете что, Павелъ Яковлевичъ, я, признаться сказать, жду отъ васъ объясненія...“

— „Моего поведенія?“

— „Да!“

— „Я его объясню...“

Павелъ Яковлевичъ все болѣе лоснился — оплывалъ, ожирѣвалъ: здѣсь — мѣшкомъ; здѣсь — сосочкомъ; здѣсь — бѣлою бородавочкой; одутловатое это лицо въ его памяти вызвало кончикъ сальной, сиплой, оплывающей свѣчки.

— Такъ по третьей?“

„По третьей...“

. . . . . .

— „Ну, такъ что же вы скажете о разговорѣ подъ подворотней?

— „Про домино?“

— „Ну, само собой разумѣется!..“

— „Я скажу, что сказалъ...“

„Со мной можно быть вполнѣ откровеннымъ“.

Отъ пахнущихъ губъ господина Морковина Николай Аполлоновичъ хотѣлъ съ отвращеніемъ отвернуться, но себя перемогъ; а когда его чмокнули въ губы, то невольно свой взглядъ, полный пытки, бросилъ онъ въ потолокъ, сметая рукою съ высокаго лба прядь своихъ волосиновъ, въ то время, какъ губы его неестественно растянулись въ улыбкѣ и, пятяную прыгая, задрожали (неестественно прыгаютъ такъ лапки терзаемыхъ лягушатъ, когда лапокъ этихъ коснутся концы электрическихъ проволокъ).

— „Ну вотъ: такъ-то лучше; и не думайте ничего: домино — такъ себѣ. Домино просто выдумалъ я для знакомства...“

— „Виноватъ, вы закапались сардиночнымъ жиромъ, — перебилъ его Николай Аполлоновичъ, а самъ думалъ: „Это онъ все хитритъ, чтобы выпытать: надо быть осторожнымъ...“ Мы забыли сказать: домино съ себя Николай Аполлоновичъ снялъ въ ресторанной передней.

— „Согласитесь: дикая мысль, что вы — домино... Хи-хи-хи: ну, откуда такое возьмется — а? Послушайте? Я себѣ говорю: эй, Павлуша, да это, батенька мой, просто такъ себѣ: курьезное озареніе — и при томъ подъ заборомъ, при свершеніи, такъ сказать, необходимой потребности человѣческой... Домино!.. Просто-напросто, предлогъ для знакомства, милый вы человѣкъ, потому что очень, очень

наслышаны: о вашихъ умственныхъ качествахъ".

Они отошли отъ водочной стойки, пробираясь межъ столиковъ. И опять оттуда и шина, какъ десятокъ крикливыхъ роговъ, въ копоть бросившихъ уши рвущіе звуки, вдругъ рявкнула; задилинькали, разбиваясь объ уши, стаи маленькихъ колокольчиковъ; изъ отдѣльнаго кабинета неслась чья-то наглая похвальба.

— „Человѣкъ: чистую скатерть..."

— „И водки..."

— „Ну, такъ вотъ-съ: покончили съ домино. А теперь, дорогой, о другомъ насъ связующемъ пунктикѣ..."

. . . . . .

— „Вы сказали о какомъ-то насъ связующемъ пунктѣ... Что же это за пунктъ?"

Положили локти на столикъ. Николай Аполлоновичъ ощутилъ опьяненіе (отъ усталости, вѣрно); всѣ краски, всѣ звуки, всѣ запахи безобразнѣй ударились въ раскаленный добѣла мозгъ.

— „Да-да-да: курьезнѣйшій, любопытнѣйшій пунктикъ... Прекрасно: мнѣ почки съ мадерою, а вамъ... тоже почекъ?

— Что же это за пунктъ?"

— „Половой, двѣ порціи почекъ... Вы позволили спрашивать о любопытнѣйшемъ пунктѣ? Ну, такъ вотъ-съ—я признаюсь: узы-то—насъ связавшія узы—суть священныя узы...

— „?"

— „Это узы родства".

— „?"

— „Узы крови..."

Въ это время подали почки.

— „О, не думайте, чтобы узы тѣ...—Соли, перцу, горчицы!—были связаны съ пролитіемъ крови: да что вы дрожите, голубчикъ? Ишь ты, какъ вспыхнули, завялись — молодая дѣвица! Передать вамъ горчицы? Вотъ перецъ".

Николай Аполлоновичъ такъ же, какъ и Аполлонъ Аполлоновичъ, перенерчивалъ супъ; но онъ остался съ висящей въ воздухѣ перечницей.

— „Что вы сказали?"

— „Я сказалъ вамъ: вотъ перецъ..."

— „О крови..."

— „А? Объ узахъ? Подъ кровными узами разумѣю я узы родства".— Маленькій столикъ побѣжалъ тутъ по залу (водка дѣйствовала); маленькій столъ расширялся безъ толку и мѣры; Павелъ же Яковлевичъ вмѣстѣ съ краемъ стола отлетѣлъ, подвязался грязной салфеткою, копошился въ салфеткѣ и имѣлъ видъ трупнаго червяка.

— „Все-таки, извините меня я, должно быть, васъ вовсе не понялъ: скажите же, что разумѣете вы подъ нашимъ родствомъ?"

— „Я, Николай Аполлоновичъ, прихожусь, вѣдь, вамъ братомъ..."

— „Какъ братомъ?"

Николай Аполлоновичъ даже привсталъ, но лицо перегнулъ черезъ столъ къ господинчику; съ задрожавшими нервно ноздрями лицо его казалось теперь бѣлорозовымъ въ шапкѣ вставшихъ дыбомъ волосъ; волосы же были какого-то туманнаго цвѣта.

— „Разумѣется, незаконнымъ, ибо я, какъ-никакъ, плодъ несчастной любви родителя вашего... съ домовой бѣлошвейкою..."

Николай Аполлоновичъ сѣлъ; темнокрасныя и еще потемнѣвшія очи и легчайшее благовонье уайтъ-розовыхъ ароматовъ, и тонкіе, скатерть терзавшіе пальцы его выражали томленіе смерти: Аблеуховы дорожили всегда чистотой своей крови; дорожилъ кровью и онъ; — какъ же такъ, какъ же такъ: папаша его, стало быть, имѣлъ...

— „Папаша вашъ, стало быть, имѣлъ въ своей юности интересный рроманчикъ..."

Николай Аполлоновичъ вдругъ подумалъ, что Морковинъ фразу продолжитъ словами: „который окончился моимъ появленьемъ" (что за чушь, что за шалая мысль!).

— „Который окончился моимъ появленьемъ на свѣтъ".

Безуміе!

Это было когда-то.

— „И по этому случаю нашей родственной встрѣчи разопьемъ еще по одной".

Ожесточенно, мучительно въ дикой машинѣ, взревая и бацая бубнами, страшная старина, какъ на насъ изъ глубинъ набѣгающій вопль, звукомъ крѣпла, разрасталась и плакала въ ресторанное зало изъ трубъ золотыхъ.

. . . . . .

— „Вы хотѣли сказать, что родитель мой..."

— „Нашъ *общій* родитель".

— „Если хотите, нашъ общій",— Николай Аполлоновичъ передернулъ плечами.

— „А-а-а: плечико? Какъ передернулось!"—перебилъ его Павелъ Яковлевичъ.— „Передернулось—знаете отчего?"

— „Отчего?"

— „Оттого, что для васъ, Николай Аполлоновичъ, родство съ подобнымъ субъектомъ, какъ-никакъ, оскорбительно... И потомъ вы, знаете, похрабрѣли".

— „Похрабрѣлъ? Съ какой стати мнѣ трусить?"

— „Ха-ха-ха!" — не слушалъ его Павелъ

Яковлевичъ,—„похрабрѣли вы оттого, что по вашему мнѣнію...—Еще почекъ...“

— „Благодарствуйте...“

— „Объяснилось мое отмѣнное любопытство и нашъ разговоръ подъ заборомъ... И соусу... Вы меня, пожалуйста, извините, что я примѣняю къ вамъ, мой голубчикъ, психологическій методъ, такъ сказать, пытки — разумѣется, ожиданіемъ; я васъ щупаю, мой родной, отсюда, оттуда: забѣгу и туда и сюда; присяду въ засаду. И потомъ выскочу.

Николай Аполлоновичъ прищурилъ глаза, и изъ темныхъ длинныхъ рѣсницъ глаза его просиѣли и дикой, и терпкой рѣшимостью не просить о пощадѣ, въ то время какъ пальцы пробарабанили по столу.

— „Вотъ то же о нашемъ съ вами родствѣ; и это—пощупыванье: какъ отнесетесь... А теперь долженъ я васъ одновременно обрадовать и огорчить-съ... Нѣтъ, вы меня извините—я всегда при новомъ знакомствѣ поступаю подобнымъ же образомъ: остается замѣтить вамъ, что братьями, но... при разныхъ родителяхъ“.

— „?...“

— Про Аполлона Аполлоновича всего-навсего я пошутилъ: никакого романчика съ бѣлошвейкой и не было; не было вообще — хе-хе-хе—никакого романчика... Исключительно нравственный человѣкъ въ нашъ безнравственный вѣкъ...“

— „Такъ почему же мы—братья?“

— „По убѣжденію...“

— „Какъ вы можете мои убѣжденія знать?“

— „Вы—убѣжденнѣйшій террористъ, Николай Аполлоновичъ“. (Все-все-все въ Николаѣ Аполлоновичѣ слилось въ сплошное томленіе; все-все-все слилось въ одну пытку).

— „Террористъ завзятый и я; позволите видѣть, фамиліи небезызвѣстныя вамъ я закипулъ не спроста: Бутыщенка, Шишиганова и Пешковина... Помните, давеча приводилъ? Здѣсь былъ тонкій намекъ, понимайте, молъ, какъ хотите... Александръ Ивановичъ Дудкинъ, Неуловимый!.. А? А?.. Вы—поняли, поняли? Не смущайтесь же: поняли, ибо вы—начитанный человѣкъ, теоретикъ нашъ, умнѣйшая бестія: ууу, каналья моя, дайте васъ расцѣлую...“

— „Ха-ха-ха“,—откинулся Николай Аполлоновичъ на спинку убогаго стула, — „ха-ха-ха-ха-ха...“

— „И-хи-хи“,—подхватилъ Павелъ Яковлевичъ,—„и-хи-хи...“

— „Ха-ха-ха“,—продолжалъ хохотать Николай Аполлоновичъ.

— „И-хи-хи“, — подхихикивалъ и Морковинъ.

Громада съ сосѣдняго столика разгнѣванно повернулась на нихъ и глядѣла внимательно.

— „Вы чего?“

Николай Аполлоновичъ разсердился.

— „Своя своихъ не познаша“.

— „Я вамъ вотъ что скажу“,—совершенно серьезно сказалъ Николай Аполлоновичъ, сдѣлавши видъ, что онъ бѣшеный хохотъ оставилъ (онъ смѣялся насильно),— вы ошибаетесь, потому, что къ террору у меня отношеніе отрицательное; да и кромѣ всего: скажите мнѣ, откуда вы заключаете?“

— „Помилуйте, Николай Аполлоновичъ! Да я же все о васъ знаю: объ узелочкѣ, объ Александрѣ Ивановичѣ Дудкинѣ и о Софьѣ Петровнѣ...“

. . . . . .

— „Знаю все изъ личнаго любопытства и далѣе: по служебному долгу...“

— „А, вы служите?“

— „Да: въ охранкѣ...“

— „Въ охранкѣ?“

— „Что это вы, мой родной, ухватились за грудь съ такимъ выраженьемъ, будто тамъ у васъ опаснѣйшій и секретнѣйшій документъ... Рюмку водочки!..“

На мгновеніе оба застыли; изъ-за края стола Павелъ Яковлевичъ Морковинъ, чиновникъ охраннаго отдѣленія, росъ, тянулся вытягивался съ вверхъ поставленнымъ пальцемъ, вотъ уже острый кончикъ этого крючковатаго пальца черезъ столъ зацѣпился за пуговицу Николая Аполлоновича; тогда Николай Аполлоновичъ съ виноватой улыбкою вытащилъ изъ бокового кармана переплетенную книжечку, оказавшуюся записной.

— „А, а, а! Пожалуйте-ка эту книжечку мнѣ... на просмотръ...“

Николай Аполлоновичъ не противился; онъ сидѣлъ все съ тою же виноватой улыбкою; пытка его перешла всѣ границы; экстазы терзаемыхъ и вдохновеніе жертвенной ролью пропали; налицо оказались: униженность, покорность (остатки разрушенной гордости); впереди для него оставался единственный путь: путь тупого безчувствія. Какъ бы то ни было: книжечку подалъ онъ сыщику на просмотръ, какъ уличенный преступникъ, распятый страданьемъ, и какъ оклеветанный святоша (безстыдный обманщикъ!).

Павелъ же Яковлевичъ, наклонившись надъ книжечкой, выставилъ изъ-за края стола свою голову, которая показалась прикрѣпленной не къ шеѣ, а къ двумъ кистямъ рукъ; на одно мгновеніе сталъ онъ просто чудовищемъ: Николай Аполлоновичъ въ это мгновенье увидѣлъ: поганая, заморгавшая глазками голова, съ во-

лосами, точно изъ пенной гребнемъ начесанной шерсти, окрысившись отвратительнымъ смѣхомъ, желтыми складками кожи бѣгала надъ столомъ на десяти своихъ прыгавшихъ пальцахъ по листикамъ книжечки, видъ имѣя огромнаго насѣкомаго: десятиногаго паука, по бумагѣ шуршащаго лапами...

Но все было комедіей...

Павелъ Яковлевичъ, видно, хотѣлъ Аблеухова напугать видомъ этого сыска (милая шуточка!); такъ же крысясь отъ хохота, книжечку Аблеухову бросилъ обратно онъ черезъ столъ.

— „Да зачѣмъ же, помилуйте, такая покорность... Я, вѣдь, кажется, васъ не собираюсь допрашивать... Не пугайтесь, голубчикъ: въ охранное же отдѣленіе я приставленъ отъ партіи... И напрасно вы, Николай Аполлоновичъ, растревожились: ей Богу, напрасно...“

— „Вы смѣетесь?“

— „Ни капли!.. Будь я подлиннымъ полицейскимъ, вы бы были уже арестованы, потому, что вашъ жестъ, знаете ли, былъ достоинъ вниманія; вы сперва схватились за грудь съ испуганнымъ выраженіемъ лица, будто тамъ у васъ документъ... Если въ будущемъ встрѣтите сыщика, не повторяйте этого жеста; этотъ жестъ васъ и выдалъ... Согласны?“

— „Пожалуй...“

— „А потомъ позволю замѣтить, вы сдѣлали новый промахъ: вынули невинную записную книжечку въ то еще время, когда ее никто у насъ не спросилъ; вынули для того, чтобъ отвлечь вниманіе отъ другого чего-нибудь; но цѣли вы не достигли; не отвлекли отъ вниманья, а привлекли вниманье; заставили меня думать, что какой-нибудь этакій документъ все же остался въ карманѣ... Ахъ, какъ вы легкомысленны... Посмотрите же на эту страничку вами данной мнѣ книжечки; вы открыли невольно мнѣ любовный секретикъ: тутъ вотъ, тутъ полюбуйтесь...“

Слышались животные вопли машины: крикъ исполинскаго зарѣзаемаго на бойнѣ быка: дубны—лопались, лопались, лопались.

. . . . . .

— „Слушайте!“

Николай Аполлоновичъ произнесъ это *слушайте* съ дѣйствительнымъ бѣшенствомъ.

— „Къ чему эта пытка? Если вы дѣйствительный тотъ, за кого себя выдаете,—человѣкъ, получите!—то все поведеніе ваше, всѣ ваши ужимочки —недостойны“.

Оба встали.

Въ бѣлыхъ клубахъ изъ кухни валившаго смрада стоялъ Николай Аполлоновичъ—блѣдный, бѣлый и бѣшеный, разорвавшій безъ всякаго смѣха красный свой ротъ, въ ореолѣ изъ льняно-туманной шапки свѣтлѣйшихъ волосъ своихъ; какъ оскаленный звѣрь, затравленный гончими, онъ презрительно обернулся къ Морковину, бросивши половому полтинникъ.

Господинъ же Морковинъ, оправивши свой сюртучокъ, посмотрѣлъ на Николая Аполлоновича съ какой-то задумчивой нѣжностью (состояніе духа послѣдняго, видно, проняло и его); меланхолически онъ вздохнулъ; и глаза опустилъ; такъ съ минуту они не проронили ни слова.

Наконецъ Павелъ Яковлевичъ произнесъ съ разстановкой.

— „Полноте: мнѣ такъ же трудно, какъ вамъ...“

— „И что таиться, товарищъ?..“

— „Я сюда пришелъ не для шутокъ...“

— „Развѣ намъ не надо условиться?..“

. . . . . .

— „?“

. . . . . .

— „Ну, да, да: условиться о днѣ исполненія обѣщанія... Въ самомъ дѣлѣ, Николай Аполлоновичъ, вы чудакъ, какихъ мало; неужели же вы могли хоть минуту подумать, чтобы я, такъ, безъ дѣла, шлялся за вами по улицамъ, наконецъ, съ трудомъ нашелъ предлогъ разговора...“

И потомъ, строго глядя въ глаза Аблеухова, онъ прибавилъ съ достоинствомъ: „партія, Николай Аполлоновичъ, немедленно ожидаетъ отвѣта“.

Николай Аполлоновичъ тихо спускался по лѣстницѣ; конецъ лѣстницы ушелъ въ темноту: внизу же—у двери—стояли: *они*; кто такое *они*, положительно на этотъ вопросъ онъ не могъ себѣ точно отвѣтить: черное очертаніе и какая-то зеленая-раззеленая муть, будто тускло горящая фосфоромъ (это падалъ лучъ наружнаго фонаря); и *они* его ждали.

А когда прошелъ онъ къ той двери, то по обѣ стороны отъ себя онъ почувствовалъ зоркій взглядъ наблюдателя: и одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый гигантъ, что тянулъ аллашъ за сосѣднимъ съ нимъ столикомъ: освѣщенный лучомъ наружнаго фонаря, онъ сталъ тамъ у двери мѣдноглавой громадой; на Аблеухова, войдя въ лучъ, на мгновенье уставилось металлическое лицо, горящее фосфоромъ; и зеленая, многосотпудовая рука погрозила.

— „Кто это?“

— „Кто губитъ насъ безъ возврата...“

— „Сыщикъ?“

— „Никогда...“

Хлопнула ресторанная дверь.

Многоглазые, высокіе фонари, терзаемые вѣтрами, трепетали странными свѣтами, шаря въ долгую петербургскую ночь; черные, черные пѣшеходы протекали изъ темени; опять побѣжалъ котелокъ рядомъ съ нимъ по стѣнѣ.

— „Ну, а если я отклоню порученіе?“

— „Я васъ арестую...“

— „Вы? Меня? Арестуете?“

— „Не забывайте, что я...“

— „Что вы конспираторъ“?

— „Я — чиновникъ охраннаго отдѣленія; какъ чиновникъ охраннаго отдѣленія, я васъ арестую...“

Невскій нѣтеръ присвистывалъ въ проводахъ телеграфа и плакался въ подворотняхъ; видѣлись ледяные клоки полузорванныхъ тучъ: и казалось, что вотъ изъ самаго клочковатаго облака оборвутся полосы хлопотливыхъ дождей — стрекотать, пришепетывать, бить по плитамъ каменнымъ каплями, закрутивши на булькнувшихъ лужахъ свои холодные пузыри.

— „Что же скажетъ вамъ партія?“

— „Партія меня оправдаетъ; пользуясь моимъ положеніемъ въ охранѣ, я отомщу вамъ за партію...“

— „Ну, а если я на васъ донесу?“

— „Попробуйте...“

Вотъ изъ самаго клочковатаго облака стали падать полосы хлопотливыхъ дождей—стрекотать, пришепетывать, бить по плитамъ каменнымъ каплями, закрутивши по булькнувшимъ лужамъ свои холодные пузыри.

— „Нѣтъ, Николай Аполлоновичъ, я прошу—шутки въ сторону: потому что я очень, очень серьезенъ; и долженъ замѣтить: ваше сомнѣніе, нерѣшительность ваша меня убиваютъ; надо было взвѣсить всѣ шансы заранѣе... Наконецъ, вы могли отказаться (слава Богу, два мѣсяца). Этого вы своевременно не позаботились сдѣлать; у васъ одинъ путь; и вамъ предстоитъ—выбирайте: арестъ, самоубійство, убійство. Вы, надѣюсь, теперь меня поняли?.. До свиданья...“

...Набережная была пуста.

Изрѣдка проходила черная тѣнь полицейскаго; площадь пустѣла; справа поднимали свои этажи Сенатъ и Синодъ. Выспалась и скала: Николай Аполлоновичъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ глаза выпучилъ на громадное очертаніе Всадника. Давеча, когда они проходили здѣсь съ Павломъ Яковлевичемъ, Аблеухову показалось, что Всадника не было (тѣнь его покрывала); теперь же зыбкая полутѣнь покрывала Всадниково лицо; и металлъ лица двусмысленно улыбался.

Вдругъ тучи разорвались, и зеленымъ дымомъ расплавившейся мѣди закурились подъ мѣсяцемъ облака... На мгновенье все вспыхнуло: воды, крыши, граниты; вспыхнуло — Всадниково лицо, мѣдноланровый вѣнецъ; много тысячъ металла свисало съ матово зеленѣющихъ плечъ мѣдноглавой громады; фосфорически заблистали и литое лицо, и вѣнецъ, зеленый отъ времени, и простертая повелительно прямо въ сторону Николая Аполлоновича многопудовая рука; въ мѣдныхъ впадинахъ глазъ зеленѣли мѣдныя мысли; и казалось: рука шевельнется (протрезвонятъ о локоть плаща тяжелыя складки), металлическія копыта съ громкимъ грохотомъ упадутъ на скалу, и раздастся на весь Петербургъ гранитъ раздробляющій голосъ:

— „Да, да, да...“

— „Это—я...“

— „Я гублю безъ возврата“.

На мгновеніе для Николая Аполлоновича озарилось вдругъ все; да—онъ теперь понялъ, какая громада сидѣла тамъ за столомъ, въ васильевскомъ кабачкѣ (неужели же и его посѣтило видѣніе?); какъ прошелъ онъ къ той двери, на него изъ угла, освѣщенное уличнымъ фонаремъ, предстало вотъ это лицо; и вотъ эта зеленая рука ему пригрозила. На мгновеніе для Аблеухова все стало ясно: судьба его озарилась: да — онъ долженъ; и да—онъ обреченъ.

Но тучи врѣзались въ мѣсяцъ; полетѣли подъ небомъ обрывки вѣдьмовскихъ косъ.

Николай Аполлоновичъ съ хохотомъ побѣжалъ отъ Мѣднаго Всадника:

— „Да, да, да...“

— „Знаю, знаю...“

— „Погибъ безъ возврата...“

Однажды, незадолго до того, Липпанченко передъ своимъ шефомъ такъ восхищался ихъ общимъ предпріятіемъ, „поставленнымъ, какъ часовой механизмъ“:

— „Души настроены, какъ инструменты: и составляютъ концертъ. Дирижеру изъ-за кулисъ остается взмахивать палочкой. Сенатору Аблеухову издать циркуляръ, Неуловимому же предстоитъ... Николаю Аполлоновичу предстоитъ... Словомъ, концертное тріо, гдѣ Россія — партеръ. Вы меня понимаете?..“

* * *

Николай Аполлоновичъ, пріѣхавъ домой, сталкивается у подъѣзда съ возвращающимся тоже отцомъ. Послѣдній хватается за возможность немедленно объясниться съ сыномъ, по „волнующему вопросу“. Однако, не по этому вопросу суждено имъ сегодня поговорить. Слуга

докладываетъ, что вернулась въ Петербургъ „барыня наша, Анна Петровна".

Два съ половиной года назадъ жена Аполлона Аполлоновича увлеклась нѣкимъ итальянскимъ артистомъ и бѣжала съ нимъ въ Испанію. Для Аблеухова съ тѣхъ поръ опозорившая его женщина перестала существовать. Но вотъ она неожиданно вернулась, и это событіе мѣняетъ направленіе мыслей и заботъ бѣднаго сенатора. И темой „объясненія" отца съ сыномъ становится теперь щекотливый вопросъ объ отношеніи къ вернувшейся.

Сынъ подмѣчаетъ впервые, какъ тяжело переноситъ замкнутый въ себѣ старикъ фактъ измѣны жены. Въ немъ просыпается жалость къ родителю, даже что-то въ родѣ любви, и— „подъ вліяніемъ этого чувства онъ рванулся къ отцу: еще мигъ, онъ упалъ бы предъ нимъ на колѣна, чтобъ каяться и молить о пощадѣ; но старикъ, при видѣ встрѣчнаго движенія сына, вновь поджалъ свои губы, отбѣжалъ какъ-то вбокъ и брезгливо сталъ помахивать ручками:

— „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Оставьте пожалуйста... Да-съ, я знаю, что надо вамъ!.. Вы меня слышали: потрудитесь теперь меня оставить въ покоѣ".

Повелительно по столу простучали два пальца; рука поднялась и показала на дверь:

— „Вы, милостивый государь, изволите водить меня за носъ; вы, милостивый государь, мнѣ не сынъ; вы—ужаснѣйшій негодяй!"

Все это Аполлонъ Аполлоновичъ не сказалъ, а воскликнулъ; эти слова вырвались неожиданно. Николай Аполлоновичъ не помнилъ, какъ онъ выскочилъ въ коридоръ съ прежнею тошнотой и съ теченіемъ гадливенькихъ мыслей: эти пальцы, та шейка и два оттопыренныхъ уха станутъ — кровавою слякотью"...

И чтобы не раздумать, чтобы заглушить поднявшуюся въ сознаніи мысль о своей слабости, дряблости и отрѣзать себѣ всякое дальнѣйшее отступленіе, Николай Аполлоновичъ спѣшитъ завести часовой механизмъ на доставленной ему въ узелкѣ бомбѣ,—сначала на два часа, но затѣмъ, въ испугѣ, въ безсиліи, не имѣя уже возможности остановить зловѣщее движеніе стрѣлки, студентъ поворачиваетъ ключикъ еще двадцать разъ: только бы отсрочить, побольше растянуть время и имѣть утѣшеніе, что онъ еще успѣетъ устранить катастрофу, бросивъ бомбу въ Неву.

А утромъ онъ бросается къ Александру Ивановичу съ заявленіемъ о своемъ безповоротномъ отказѣ исполнить неслыханное требованіе.

Для Дудкина-Неуловимаго вся эта исторія съ приговоромъ совершенная новость. А когда взволнованный до крайности Аблеуховъ-сынъ передаетъ ему подробности своего ночного разговора съ Морковинымъ, изумленію и недоумѣнію террориста нѣтъ границъ. Растерянно твердитъ онъ одно только: „Это—бредъ, абракадабра, насмѣшка". Онъ берется немедленно распутать узлы „гнуснаго шарлатанства", „гадкой козни" враговъ, и отправляется къ своей „особѣ"—Липпанченкѣ.

Тамъ его окончательно сбиваютъ съ толку. Онъ приходитъ съ извѣстіемъ объ обнаруженной провокаціи, а ему отвѣчаютъ:

— Долженъ васъ охладить. Письмо къ Аблеухову написано мною самимъ.

И дальше ошеломленный Дудкинъ слышитъ, что не на другого кого-нибудь, а на него самого падаетъ обвиненіе въ провокаціи. Онъ знается съ *участковымъ писцомъ Воронковымъ* — „съ сыщикомъ изволите видѣться, съ сыщикомъ изволите распивать"—и онъ же теперь выгораживаетъ „сенаторскаго сынка",— „паскуднаго паршивца", который „шныряетъ среди насъ... собираетъ бумажки, а когда накопляется у него коллекція этихъ бумажекъ, то коллекцію эту онъ — преподноситъ папашѣ..." „Не прикидывайтесь, будто вамъ неизвѣстны причины, которыя и заставили меня казнить Аблеухова даннымъ ему порученіемъ". „Не усугубляйте же на себя подозрѣній..."

На мгновеніе Александра Ивановича ужасаетъ догадка: „Совершается торгъ: мнѣ предлагается повѣрить отвратительной клеветѣ, или, точнѣе, не вѣря, съ клеветою этою согласиться цѣной снятія клеветы — съ меня самого..." Но „особа" не даромъ гордилась собою какъ „артистомъ": Неуловимаго она сумѣла увѣрить...

А старикъ-Аблеуховъ между тѣмъ, въ отсутствіе сына, заглянулъ въ его комнаты и здѣсь— въ незадвинутомъ ящикѣ стола — замѣчаетъ какой-то странный „круглогранный предметъ, въ которомъ что-то дзинкнуло". Этотъ загадочный „предметъ" съ тикающимъ механизмомъ онъ для болѣе детальнаго разсмотрѣнія понесъ почему-то въ гостиную — и, по свойственной аблеуховскому роду разсѣянности, забылъ его тамъ.

Николай Аполлоновичъ по возвращеніи домой переворачиваетъ у себя все вверхъ дномъ, ищетъ до изнеможенія, до одурѣнія, теряясь въ догадкахъ, куда дѣлась страшная „сардинница". Чѣмъ ближе неизбѣжный моментъ, имъ же намѣченный срокъ, тѣмъ сильнѣе тревога и ужасъ несчастнаго студента. Всюду ему слышится зловѣщее тиканье...

Бомба взрывается. Однако, обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

Въ ходъ были пущены связи; и дѣло замяли. Долго пролежалъ Николай Аполлоновичъ въ первой горячкѣ, не приходя въ сознаніе. А когда пришелъ онъ въ себя, то увидѣлъ, что онъ—съ матерью только. Аблеуховъ-отецъ, взявши „безсрочный“ отпускъ, немедленно уѣхалъ въ свое имѣніе; а изъ отпуска вышелъ въ отставку. Предварительно сыну онъ приготовилъ заграничный паспортъ и деньги.

Николай Аполлоновичъ не возвращался въ Россію до самой кончины родителя. За границей онъ усердно писалъ монографію на какую-то чрезвычайно спеціальную тему.

А ночь взрыва, пощадившаго „главу Учрежденія“, оказалась послѣдней въ жизни другого героя романа.

Дудкина, по уходѣ его отъ „особы“, снова охватили сомнѣнія. И подозрѣнія, уже раньше приходившія ему въ голову насчетъ Липпанченки. Въ припадкѣ все развивающагося „мозгового разстройства“, онъ рисуетъ себѣ предстоящую ему миссію, и въ ту же ночь приводитъ ее въ исполненіе. Забравшись въ спальню къ Липпанченкѣ, на его дачѣ, Неуловимый убиваетъ предателя... ножницами...

Утромъ находятъ „незнакомца съ черными усиками“ сидящимъ въ лужѣ крови, верхомъ на мертвецѣ. Изъ глазъ его глядѣло безуміе.

„Не мы судимъ, а насъ судятъ“.

(„Случай съ предсѣдателемъ“. В. Никонова).

[891.7—3]

Написано это какъ разсказъ, но, въ сущности, воспринимается разсказанное *В. Никоновымъ* на страницахъ „*Рус. Бог.*“ (книжка пятая) не какъ беллетристика, а именно какъ *случай*—случай изъ житейской практики, которая столь богата всякими, наводящими на размышленіе неожиданностями, превратностями.

Въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ засѣдала нѣсколько сутокъ судебная палата.

„Палатѣ на этотъ разъ пришлось разобрать довольно много дѣлъ. И странно было, что въ этомъ маленькомъ городкѣ, отдѣленномъ отъ шума и мути большихъ городовъ неоглядными болотами, озерами и лѣсами, гдѣ, казалось бы, совершенно нечего дѣлать преступленію, накопилось такъ много матеріала для суда и наказанія. И тѣмъ болѣе было это странно, что здѣсь и помимо пріѣхавшей палаты существовалъ судъ и судья: окружный судъ, съѣздъ земскихъ начальниковъ, городской судья... Но всѣхъ этихъ судебныхъ учрежденій и лицъ оказалось недостаточно, потому что здѣсь нашлись подсудимые, подсудные лишь судебной палатѣ... И только для нихъ и пріѣхала сюда издалека судебная палата съ своей канцеляріей, пріѣхалъ товарищъ прокурора — тоже свой особый, палатскій, пріѣхала защита“...

Но вотъ, наконецъ, сессія кончилась. Судьи и товарищъ прокурора запоздали къ пароходу и остались до другого дня.

„Послѣ обѣда судьи разошлись по своимъ номерамъ въ верхнемъ этажѣ „Сѣверной гостиницы“. Предсѣдательствующій сталъ собираться на охоту, членъ палаты Домашенко приготовлялъ рыболовныя принадлежности, другой членъ, изъ остзейскихъ нѣмцевъ, фонъ-Радке прилегъ отдохнуть.

...Вдругъ что-то грохнуло. Жуткій мгновенный звукъ, ворвавшійся въ тишину, ухнулъ и, казалось, продавилъ потолокъ и раздвинулъ стѣны. И остался стоять въ ушахъ у остолбенѣвшихъ людей.“

Оказалось, что предсѣдательствующій нечаянно самъ себя ранилъ изъ ружья. Послали за докторомъ, но его не нашли. Перевязку дѣлалъ фельдшеръ.

„Фельдшеръ кончилъ перевязку, выпрямился и, отирая мокрый лобъ, сказалъ:

— Дѣйствительно, надо доктора... У нихъ, должно быть, повреждены внутренніе органы. Придется операцію дѣлать...

— Такъ давайте же доктора!—воскликнулъ товарищъ прокурора Новицкій—Гдѣ же вашъ докторъ?

Фельдшеръ виновато заморгалъ своими рыбьими глазами.

— Земскій врачъ, извините, уѣхалъ въ уѣздъ. Раньше, какъ завтра, пожалуй, не вернется.

— Ну, другого кого-нибудь... Неужели онъ одинъ на весь городъ?

— Никакъ нѣтъ... Есть еще городской врачъ.

— Такъ давайте же его сюда.

Фельдшеръ замялся:

— Онъ, извините, находится подъ стражей.

— Что за вздоръ? Подъ какой еще стражей?

— Онъ осужденъ по политическому дѣлу.

Наступило неловкое молчаніе.

Судьи вспомнили, что среди только что заслушанныхъ на этой сессіи было дѣло какого-то мѣстнаго врача, который обвинялся въ принадлежности къ незаконному сообществу и въ произнесеніи противоправительственной рѣчи.

— Это, кажется, Ветлугинъ,—пробормоталъ басомъ Домашенко, смотря въ сторону.

— Такъ точно,—подтвердилъ фельдшеръ.— Онъ изъ нашей больницы. Хирургъ.

— Неужели же здѣсь нѣтъ больше врачей?—строго и раздраженно обратился къ нему товарищъ прокурора.

— Сейчасъ никого нѣту.

— Какой паршивый городишко!

Фонъ-Радке пожалъ плечами. Домашенко пробасилъ:

— Надо добывать вашего Ветлугина.

Товарищъ прокурора сорвался съ мѣста и сталъ нервно шагать изъ угла въ уголъ.

— Это невозможно?—воскликнулъ онъ.— Этотъ докторъ уже осужденъ и притомъ осужденъ нами же... Въ какомъ же положеніи мы всѣ очутимся предъ нимъ?

Домашенко указалъ на кровать, на которой тихо стоналъ раненый:

— А въ какомъ положеніи находится вотъ онъ? Погибать ему, что ли, изъ-за нашихъ щекотливыхъ положеній?

— Позвольте,—вспомнилъ товарищъ прокурора.—А тюремный врачъ? Вѣдь долженъ же быть здѣсь тюремный врачъ?

Фельдшеръ робко улыбнулся:

— Помилуйте-съ... Развѣ здѣшній тюремный врачъ что можетъ? Его и въ городѣ-то ни къ кому не зовутъ... А здѣсь нуженъ хирургъ. Тутъ въ самый бы разъ нужно позвать доктора Ветлугина: онъ хирургъ настоящій...

— Господа,—прервалъ фонъ-Радке своимъ металлическимъ начальственнымъ голосомъ.— Мы только зря теряемъ время. Необходимо вызвать доктора Ветлугина... И всего удобнѣе это сдѣлать господину товарищу прокурора, который не только можетъ, но и долженъ посѣщать мѣста заключенія...

Товарищъ прокурора развелъ руками.

— Я совершенно теряюсь, какъ это осуществить...—пробормоталъ онъ.—Ни уставъ судопроизводства, ни циркуляры по тюремной части не предвидѣли такого инцидента."

Докторъ Ветлугинъ попалъ на скамью подсудимыхъ совершенно случайно. Въ разгарѣ освободительнаго движенія на какомъ-то митингѣ онъ „произнесъ рѣчь, какія произносились тогда десятками и сотнями повсюду"; въ другой разъ секретарствовалъ въ партійномъ собраніи и писалъ протоколъ засѣданія.

Когда докторъ попалъ въ тюрьму, для него началось кошмарное существованіе.

„Онъ былъ здоровъ, силенъ, вооруженъ болѣе, чѣмъ когда-либо, врачебными знаніями и опытомъ,—тѣмъ не менѣе, наперекоръ всему, былъ обреченъ на странное и тягостное ничего недѣланіе *здѣсь*, въ тюрьмѣ, въ то время, когда *тамъ*, въ брошенной больницѣ, его настоятельно и громко звало важное и нужное дѣло...

И вдругъ въ его кошмарной и мутной тюремной жизни произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное и необыкновенное, рѣзко позвавшее его къ прежней подлинной жизни... Врачебная дѣятельность, отъ которой докторъ Ветлугинъ былъ насильственно оторванъ судебнымъ приговоромъ, оказалась настолько важной и нужной, что судьи сами попросили доктора временно продолжить ее...

...Ветлугина охватилъ вихрь неожиданныхъ думъ, сопоставленій, выводовъ. У него потемнѣло въ глазахъ предъ какими-то неожиданными и еще неясными перспективами. Въ рѣшетчатое окно вдругъ заглянуло милое лицо свободы. Заглянуло,—и въ зловонной камерѣ стало свѣтлѣе и свѣжѣе... Онъ почувствовалъ себя опять человѣкомъ того стараго, милаго для него міра, гдѣ люди идутъ своей, избранной ими самими дорогой, дѣлая то, къ чему готовились въ жизни и что составляетъ въ нихъ цѣль и смыслъ ихъ жизни...

Но съ выработанной имъ привычкой быстро ориентироваться въ неожиданныхъ обстоятельствахъ, когда его, бывало, вызывали ночью къ больному, докторъ сразу взялъ себя въ руки, угомонилъ вздымавшуюся въ немъ бурю щекотливыхъ вопросовъ и выводовъ и уже спокойно-дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Что жъ, я готовъ. Ѣдемъ.

...Представитель обвиненія и его жертва усѣлись рядкомъ по-дружески на старенькую дребезжащую пролетку и покатили по пыльнымъ и тихимъ—еще болѣе тихимъ, чѣмъ давеча,—улицамъ, съ которыхъ уже ушло дневное солнце. Докторъ задалъ своему попутчику кое-какіе необходимые вопросы о состояніи паціента и замолчалъ. Наступила томительная пауза. Докторъ думалъ о томъ, что ему предпринять съ больнымъ, судя по тѣмъ даннымъ, которыя ему были сообщены. Но почти противъ воли въ его мысли вторгалась дума о томъ, какую странную пару представлялъ онъ сейчасъ съ своимъ неожиданнымъ спутникомъ. Ему съ трудомъ вѣрилось, что рядомъ съ нимъ сейчасъ трясется на плохомъ извозчикѣ тотъ самый прокуроръ, который тамъ на судѣ громилъ доктора Ветлугина за участіе въ незаконномъ сообществѣ, а потомъ, когда судьи уже осудили Ветлугина, подыскивалъ и примѣрялъ, какъ новое платье, на доктора Ветлугина ту мѣру наказанія, которая, по его мнѣнію, наиболѣе подходила къ нему...

Почти объ этомъ же думалъ и товарищъ прокурора, но лишь съ точки зрѣнія должнаго

стыда. Онъ боялся встрѣтиться „въ такомъ обществѣ“ съ кѣмъ-либо изъ здѣшнихъ судейскихъ, которые, быть можетъ, еще не были освѣдомлены объ инцидентѣ и могли подумать Богъ знаетъ что о товарищѣ прокурора судебной палаты“...

Предсѣдатель былъ очень слабъ и не узналъ Ветлугина.

„Пожилой и черствый человѣкъ, неудачникъ въ семейной жизни и холерикъ по темпераменту, онъ въ огромномъ большинствѣ подсудимыхъ видѣлъ только правонарушителей и враговъ порядка и въ глубинѣ души искренне презиралъ ихъ. Они представлялись ему всѣ на одно лицо, какъ какой-то человѣческій соръ, который выметался метлою юрисдикціи, но постоянно снова накапливался. Антипатія къ подсудимымъ болѣе обезличивала ихъ для него и обезпечивала ихъ быструю исчезаемость изъ его памяти—тѣмъ болѣе, что предсѣдательствующій часто даже не глядѣлъ на подсудимаго.

Онъ не узналъ доктора... Но докторъ слишкомъ хорошо узналъ его.

Онъ слишкомъ хорошо помнилъ сановныя, тонкія черты этого человѣка, который тамъ, на судѣ надменно и важно предлагалъ ему вопросы: „Признаете ли себя виновнымъ“? и язвительно замѣчалъ потомъ: — „Очевидно ваша докторская профессія оставляла вамъ слишкомъ много свободнаго времени для того, чтобы заниматься общественнымъ краснорѣчіемъ“. И докторъ Ветлугинъ чувствовалъ, что не можетъ ничего возразить на это предсѣдательское краснорѣчіе, для котораго у предсѣдательствующаго, очевидно, было болѣе, чѣмъ достаточно времени. И какъ же онъ ненавидѣлъ тогда этого язвительнаго и надменнаго сановника, это всемогущее предсѣдательствующее превосходительство, царившее на судѣ надъ правыми и виноватыми. Уже за одно то ненавидѣлъ онъ его, что оно—это судейское божество, видѣло въ немъ, докторѣ Ветлугинѣ, не только преступника, но—что гораздо хуже — какое-то полное ничтожество, съ которымъ даже нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ, и на котораго не стоитъ смотрѣть, когда задаешь ему официальные вопросы.

И вотъ этотъ такъ ненавидимый имъ тогда человѣкъ лежалъ сейчасъ передъ нимъ, какъ жалкое нѣчто, какъ слабое и блѣдное воспоминаніе о человѣкѣ—и нуждалось въ помощи и взывало къ милосердію самаритянина. Докторъ не могъ отогнать отъ себя мысли о своей нравственной побѣдѣ и не могъ также заставить себя думать, что предъ нимъ сейчасъ *просто больной*—все равно, кто бы онъ ни былъ—эллинъ или іудей. Ненависти къ нему онъ не чувствовалъ, потому что не могъ ненавидѣть больное и слабое, страдающее и стонущее. Но заодно съ сознаніемъ своей побѣды въ его душѣ росла какая-то горькая нотка.

Онъ снова наложилъ повязку, сдѣлалъ раненому подкожное впрыскиваніе и вышелъ въ коридоръ, гдѣ его ждали судьи“.

Имъ онъ заявилъ, что для производства операціи раненаго нужно везти въ больницу.

„Товарищъ прокурора сдѣлалъ недовольное лицо. Ему хотѣлось опять везти осужденнаго черезъ весь городъ. Но докторъ былъ теперь для палатскихъ слишкомъ авторитетнымъ лицомъ. Судьи чувствовали себя какъ бы въ присутствіи какого-то важнаго и властнаго, чѣмъ они сами... Особенно чувствовалъ это Домашенко, который почти съ благоговѣніемъ смотрѣлъ доктору въ глаза и ухаживалъ за нимъ. И товарищъ прокурора былъ принужденъ подчиниться докторскому „нельзя“.

...Докторъ поѣхалъ въ больницу на извозчикѣ и опять-таки въ сопровожденіи товарища прокурора. Послѣдній никакъ не могъ рѣшиться оставить доктора безъ надзора, потому что считалъ себя отвѣтственнымъ за него. Онъ какъ бы взялъ доктора на поруки и обязался доставить его въ цѣлости и сохранности обратно въ тюрьму — и поэтому считалъ необходимымъ лично слѣдить за нимъ, втайнѣ побаиваясь, что докторъ соблазнится открывшейся предъ нимъ неожиданной свободой и попытается бѣжать... Тогда возникнутъ крупнѣйшія служебныя непріятности. Товарищъ прокурора вообще очень безпокоился, что скажетъ по поводу этой исторіи высшій прокурорскій надзоръ и сочтетъ ли допустимымъ такое вольничанье съ осужденнымъ по политическому дѣлу? Онъ втихомолку даже совѣтовался объ этомъ съ фонъ-Радке, какъ съ большимъ формалистомъ, чѣмъ Домашенко, и притомъ недавнимъ прокуроромъ. И тотъ успокаивалъ его:

— Это совершенно исключительный случай. Не могутъ же придраться къ несоблюденію установленнаго порядка въ такомъ особенномъ положеніи вещей.

— Но вѣдь подобное изъятіе осужденнаго изъ мѣста заключенія незаконно?—настаивалъ Новицкій.

Фонъ Радке надменно улыбнулся сквозь свои черные усы.

— Но нуждѣ и закону премѣна бываетъ. Я убѣжденъ, что и нашъ бѣдный Иванъ Андреевичъ ничего бы и не имѣлъ противъ такого беззаконія, а ужъ онъ ли у насъ не законникъ.

Однако и самъ фонъ-Радке не могъ сказать товарищу прокурора ничего положительнаго насчетъ того, пройдетъ ему даромъ вся эта необыкновенная и тревожная исторія или не пройдетъ. Онъ не могъ припомнить ни одного хоть сколько-нибудь подходящаго циркуляра или разъясненія. И товарищъ прокурора ушёлся и успокаивалъ себя только тѣмъ, что старался не отпускать доктора ни на шагъ отъ себя. И чтобы смягчить непріятныя стороны этого надзора, занималъ доктора пріятными разговорами.

Докторъ внутренно весь съежился отъ этого занятія, какъ отъ прикосновенія чего-то липкаго и неопрятнаго, но молчалъ. Горькая нотка все сильнѣе звучала въ его душѣ...

...Члены палаты пріѣхали въ больницу слѣдомъ за товарищемъ прокурора и докторомъ. Фонъ-Радке интересовался исходомъ операціи, а Домашенко чувствовалъ, что надо какъ-нибудь поправить безтактность товарища прокурора, „прицѣпившагося“ къ доктору: для этого онъ счелъ цѣлесообразнымъ составить доктору компанію, чтобы у доктора не было впечатлѣнія, будто товарищъ прокурора его караулитъ... Съ однимъ товарищемъ прокурора докторъ былъ бы въ больницѣ какъ въ тюрьмѣ, а со всѣми палатскими онъ былъ тамъ уже „въ обществѣ“...

Они усѣлись въ пріемной. Къ нимъ вышелъ фельдшеръ, уже привезшій раненаго, и принесъ халаты.

— Я попрошу васъ, господа, надѣть халаты, — сказалъ онъ — у насъ безъ халатовъ не полагается, и Николай Николаевичъ строго за этимъ слѣдятъ. Они сказали, что вамъ можно посидѣть только въ пріемной, а дальше никуда нельзя. Вслѣдствіе стерильности.

Палатскіе послушно подчинились этимъ „можно“ и „нельзя“, исходившимъ отъ осужденнаго или преступника.

...Надѣлъ халатъ и товарищъ прокурора и сдѣлалъ вадменное лицо, чтобы не казаться смѣшнымъ въ этой одеждѣ. Онъ задумчиво ходилъ большими шагами по свѣтлой, ослѣпительно бѣлой пріемной, въ которой всѣ четыре угла были закруглены, карнизовъ не было, а мебель была бѣлая, лакированная. Товарищъ прокурора не переставалъ безпокоиться насчетъ доктора.

— Какъ вы думаете? — обратился онъ къ Радке. — Не поставить ли на всякій случай стражу у воротъ больницы?

— Зачѣмъ? — возмутился Домашенко. — Къ чему это?

— Кто жъ его знаетъ... Не вздумалъ бы воспользоваться случаемъ...

— Ну, знаете, у васъ черезчуръ пылкая фантазія.

Товарищъ прокурора обидчиво передернулъ плечами.

— Очень вамъ благодаренъ... А если что случится, кто въ отвѣтѣ?

Фонъ-Радке поддержалъ его:

— Разумѣется, осторожность никогда не мѣшаетъ.

— Да куда же онъ бѣжитъ? — возмущался Домашенко. — И зачѣмъ ему убѣгать? Надо же принять въ соображеніе, что у него наконецъ имѣется созваніе профессіональнаго долга. Никуда и никогда онъ не убѣжитъ отъ операціи...

— Я тоже полагаю, что онъ не убѣжитъ, — спокойно произнесъ фонъ-Радке.

— Такъ зачѣмъ же стража? Зачѣмъ говорить объ осторожности?

— Я говорилъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Не мѣшаетъ создать такую обстановку, которая съ формальной стороны обезпечиваетъ насъ отъ обвиненій въ беззаконіи, небрежности, въ служебномъ упущеніи.

— ...Да нельзя же зря оскорблять человѣка! — кричалъ Домашенко — Неужели вы не понимаете, что вы вашей кустодіей только зря оскорбите доктора... Докторъ дѣлаетъ святое дѣло, а вы: „господинъ городовой, пожалуйте сюда встаньте на всякій случай около святого дѣла...“ Вотъ что-съ!

— Святое дѣло! — почти взвизгнулъ Новицкій — это еще неизвѣстно... Я лично совершенно еще не увѣренъ въ томъ, что осужденный не воспользуется такимъ блестящимъ случаемъ для сведенія счетовъ съ предсѣдателемъ, который руководилъ его осужденіемъ. Развѣ мало было случаевъ мести, нападеній на предсѣдателей?

Домашенко въ отвѣтъ только замычалъ“.

Стражу рѣшили все-таки не ставить... Операція затянулась, и палатскіе сидѣли въ ожиданіи исхода ея въ пріемной.

„Домашенко волновался и не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Его безпокоило состояніе Ивана Андреевича и страшилъ исходъ операціи. А кромѣ того его волновала неожиданныя, необыкновенныя мысли касательно доктора и всей этой странной и еще небывалой исторіи. Онъ бродилъ разсѣянными глазами по комнатѣ, и ему казалось, что всѣ они, Радке, товарищъ прокурора, и самъ онъ, собрались здѣсь на какое-то странное засѣданіе, въ которомъ долженъ былъ разбираться вопросъ о чемъ-то важномъ и необычномъ, что имѣло жизненное значеніе и для доктора, и для нихъ самихъ. „Это все по поводу операціи“ — мысленно говорилъ онъ самъ себѣ, вникая въ еще не-

ясную для него мысль. „Мы судимъ. Но кого?“ И вдругъ ему съ поразительной ясностью пришла другая мысль: „Не мы судимъ, а насъ судятъ“.

Отъ волненія Домашенко даже всталъ съ кресла. Онъ уже совершенно опредѣленно понималъ и зналъ, что сейчасъ гдѣ-то за дверями, совершался важный и таинственный судъ надъ здравіемъ и самою жизнью человѣка — судъ милостивый и внимательный, и справедливый, одинаковый и для богача, и для бѣдняка, для преступника и для праведника...

...Фонъ-Радке сказалъ:

— А что же мы будемъ дѣлать съ докторомъ, когда онъ окончитъ операцію?

Товарищъ прокурора пожалъ плечами:

— Это и для меня самого больной вопросъ.

— Что жъ, въ острогъ его обратно, что ли?—проворчалъ Домашенко:—Это послѣ святого-то дѣла?

— Что жъ дѣлать? Какъ же иначе?

— Ахъ, ты, Боже мой! — простоналъ старикъ, закручивая бороду. — Да что же это такое у насъ дѣлается? Вѣдь это же просто безобразіе!

Фонъ-Радке и Новицкій стали горячо совѣщаться. Товарищъ прокурора боялся оставить доктора на ночь внѣ стѣнъ тюрьмы, а фонъ-Радке предлагалъ прежде всего считаться съ состояніемъ оперированнаго и ради него „протянуть компромиссъ до послѣдней возможности“... Въ принципѣ онъ ничего не имѣлъ и противъ стражи, но совѣтовалъ охранять доктора незамѣтно для него самого, ибо такъ было приличнѣе... Въ общемъ, оба они — и членъ палаты, и представитель прокурорскаго надзора — стремились сочетать требованія формализма и законности съ требованіями общежитейскихъ приличій и удобствъ — и у нихъ ничего въ результатѣ не выходило...

Домашенко забралъ всю бороду въ кулакъ, яростно жевалъ ее, грузно переворачивался всѣмъ туловищемъ съ одной стороны кресла на другую и, сморщившись, повторялъ:

— Все это не то, господа, все это не то!

— Ну, такъ что же?—раздраженно спросилъ его товарищъ прокурора.

— Эхъ, господа юристы,—продолжалъ безпокойный старикъ. — Вы лучше о томъ подумайте, нельзя ли какъ-нибудь доктора-то совсѣмъ не заточать въ тюрьму?

— А вы не юристъ?—спросилъ, усмѣхнувшись, Радке.

— Къ сожалѣнію, юристъ.

— Зачѣмъ же вы ставите такой абсурдный вопросъ?

Домашенко поднялся во весь свой богатырскій ростъ.

— Да вѣдь тутъ въ самомъ существѣ дѣла абсурдъ! — воскликнулъ онъ. — Разрѣшите вы мнѣ его, Бога ради... Вѣдь докторъ-то исправитъ ошибку въ дѣлѣ самой природы, спасетъ человѣка отъ напрасной смерти, а мы не только ничего не исправимъ въ человѣческомъ дѣлѣ, не только не спасемъ доктора отъ тюрьмы, но постараемся поскорѣе упечь его обратно туда... Почему? Потому что законъ!.. Противъ закона ничего не подѣлаешь... Вотъ и выходитъ, что нашъ человѣческій законъ, несовершенный и придуманный, куда сильнѣе, чѣмъ законы природы... Природа присудила Ивана Андреевича къ смерти, а докторъ Ветлугинъ взялъ да и кассировалъ этотъ приговоръ, и Иванъ Андреевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уѣдетъ отсюда домой. А вотъ мы присудили доктора Ветлугина къ тюрьмѣ, и ужъ никакія силы его отъ тюрьмы не спасутъ... Развѣ не абсурдъ это? Подумаешь, какая-то непреодолимая, стихійная сила двигаетъ уголовный процессъ... Такъ вотъ, я вамъ опять и ставлю абсурдный вопросъ: неужели нельзя избавить доктора отъ тюрьмы?

— Нельзя быть такимъ экспансивнымъ, Петръ Васильевичъ,—улыбнулся фонъ-Радке.— Съ такой экспансивностью вамъ не пройти ни за что въ сенатъ. Тамъ требуется хладнокровіе небожителей.

— А на что мнѣ вашъ сенатъ?—вскипѣлъ старикъ.—Вы мнѣ скажите, какъ сдѣлать, чтобъ докторъ Ветлугинъ и не нюхалъ этой подлой тюрьмы?

— Да зачѣмъ вамъ это? — подтрунивалъ Радке.

— Мутитъ меня все это!.. Что же это такое?

Фонъ-Радке спокойно промолвилъ:

— Право и нравственность не всегда совпадаютъ, равно какъ законъ и справедливость. Это внушалось еще на первомъ курсѣ университета. И вы должны были усвоить это.

— А я вотъ и не усвоилъ“.

——

Когда операція кончилась, Домашенко неожиданно, къ великому смущенью своихъ коллегъ, пригласилъ доктора въ гостиницу на „чашку чаю“.

„Въ номерѣ было свѣтло отъ низко опущенной вылавшей лампы, и было душно и накурено и шумно. Можно было подумать, что здѣсь пируетъ шумная студенческая компанія— такъ громко звучали голоса и такъ раскатисто раздавался разговоръ...

Докторъ совершенно неожиданно для себя

разошелся и пересталъ хмуриться. Отчасти этому помогла удачно проведенная операція, отчасти выпитыя двѣ-три рюмки вина, а всего болѣе добродушное вниманіе, выказываемое къ нему толстымъ, шумливымъ и разговорчивымъ Домашенкомъ, который теперь не отпускалъ доктора ни на шагъ, словно боясь, что товарищъ прокурора какъ-нибудь подкрадется и отвезетъ доктора въ тюрьму... Онъ тоже занималъ доктора разговорами, но это занимавье было совсѣмъ иного сорта, чѣмъ прокурорское, и докторъ охотно отзывался на него.

Доктору казалось, что онъ видитъ сонъ, будто ничего кошмарнаго и противоестественнаго, ничего нелѣпаго-судебнаго въ его жизни нѣтъ и не бывало и что никогда онъ не сиживалъ въ острогѣ и вовсе не будетъ сидѣть еще долгое время въ крѣпости, но находится на свободѣ среди интеллигентныхъ людей, интересующихся запросами духа и общественными и научными вопросами. Странный сонъ длился вотъ уже нѣсколько часовъ, а докторъ все еще не просыпался, и у него росла нелѣпая, но все-таки живая надежда, что, можетъ быть, онъ и совсѣмъ не проснется въ живую дѣйствительность".

Одинъ Новицкій не принималъ участія въ разговорѣ. „Онъ съ надменнымъ и скучающимъ видомъ помѣшивалъ простывшій чай и смотрѣлъ въ пространство своими безцвѣтными и холодными глазами.

Наконецъ, судьба смилостивилась надъ нимъ.

Было уже около часа ночи, когда въ номеръ таинственно заглянулъ коридорный—тотъ самый, который сегодня днемъ метался по коридору въ паническомъ страхѣ послѣ выстрѣла.

— Ваше благородіе! — тихонько поманилъ онъ къ себѣ товарища прокурора.

— Что тебѣ?—спросилъ, подойдя къ нему, Новицкій.

— Докторъ-то пріѣхалъ.

— Какой докторъ?—не понялъ товарищъ прокурора.

— А земскій. Который уѣзжалъ.

— А-а,—догадался товарищъ прокурора и сразу почувствовалъ облегченіе. Теперь оставалось преодолѣть еще одну неловкость — пригласить доктора Ветлугина въ острогъ.

—...Скажите, докторъ,—обратился онъ съ невиннымъ тономъ къ Ветлугину,—можете вы поручить оперированнаго вниманію нашего коллеги, который уже вернулся въ городъ? Я думаю, что теперь уже нѣтъ ничего опаснаго въ состояніи Ивана Андреевича, а земскій врачъ, несомнѣнно, знаетъ, что надо дѣлать...

Докторъ вдругъ понялъ.

Сонъ кончился... Наступала та дѣйствительность, которой онъ такъ боялся.

Онъ вздрогнулъ. Его лицо сразу осунулось, глаза впали, точно послѣ безсонной ночи.

— Я думаю...—началъ онъ вздрогнувшимъ голосомъ:—Я думаю, что нѣтъ никакихъ основаній бояться за раненнаго... Все идетъ хорошо... Собственно говоря, мнѣ слѣдовало бы еще разъ взглянуть на него... Но что жъ? И земскій врачъ отлично знаетъ, что надо дѣлать...

Наступило тяжелое, проклятое молчаніе.

...Товарищъ прокурора снова усѣлся, какъ и утромъ, въ дребезжащіе дрожки вмѣстѣ съ докторомъ. Даже извозчикъ былъ тотъ же самый. Онъ медленно повезъ ихъ по широкой пустынной улицѣ мимо безконечныхъ заборовъ, мимо покосившихся домиковъ съ слѣпыми, сонными окнами.

Наконецъ, изъ-за угла выплыло бѣлое трехъ этажное зданіе острога, странно освѣщенное просыпавшейся зарею.

Товарищъ прокурора всю дорогу старался занимать доктора разговорами. Докторъ упорно молчалъ. Умершій и воскресшій и побывавшій на родной землѣ, онъ снова умиралъ, и надъ нимъ была готова снова захлопнуться гробовая крышка—и уже окончательно...

...Дежурный солдатъ позвонилъ въ колоколъ у воротъ, чтобы отперли. Товарищъ прокурора, пользуясь временемъ, пока солдатъ отвернулся, протянулъ доктору руку.

— Прощайте, докторъ. Или, вѣрнѣе, до свиданія. Надѣюсь, что мы еще увидимся съ вами въ иныхъ, лучшихъ для васъ условіяхъ.

Но рука его осталась въ воздухѣ. Докторъ не пожалъ ея.

— Извините, — промолвилъ онъ странно-рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ".

Лицо „героя" нашего времени.

[891.7.09]

А. Измайловъ въ № 90 „*Рус. Сл.*", въ статьѣ „Безъ догмата", сближаетъ двѣ новинки нашей художественной литературы, двѣ повѣсти — „Наклонную Елену" С. Н. Сергѣева-Ценскаго, напечатанную въ первыхъ трехъ книжкахъ „Рус. Мысли", и „Большія непріятности" гр. А. Н. Толстого („Слоно", сб. III), считая знаменательнымъ то общее, что подмѣчается въ центральныхъ фигурахъ того и другого произведенія.

„Два бездетриста, наиболѣе серьезныхъ, наиболѣе замѣченныхъ,—говоритъ критикъ,— попытались вглядѣться въ современную толпу

и разсмотрѣть въ ней лицо „героя нашего времени“.

„Наклонная Елена“—названіе шахты, гдѣ служитъ и томится инженеръ Матіецъ. Это—царство хандры, труда и эксплоатаціи. Отъ этихъ картинъ, отъ неудачной своей любви, отъ одиночества Матіецъ рѣшилъ уйти въ небытіе. Послѣдніе два дня его жизни передъ выполненіемъ рѣшенія авторъ предлагаетъ вамъ прослѣдить.

Матіецъ уже не живетъ, а донашиваетъ жизнь, какъ донашиваютъ старый сюртукъ, который рѣшено на-дняхъ бросить. Его уже нечего жалѣть разорвать, запачкать. И Матіецу такъ же не жаль жизни, не жаль денегъ. Механически исполняетъ онъ послѣднія обязанности, бродитъ по шахтѣ, ругается съ мужиками. Попавъ въ чужой городъ, онъ присаживается въ клубѣ къ столу, выигрываетъ большой кушъ, но тутъ же проигрываетъ и свое. Идетъ съ проституткой въ гостиницу, сближается съ ней. Для него это — первая женщина, и онъ потрясенъ, умягченъ, разнѣженъ. Грубый актъ купли и продажи для него одухотворенъ. Но ночью случайная жена воруетъ у него и ту сумму, какую онъ взялся передать товарищу.

Все съ тѣмъ же смертнымъ рѣшеніемъ въ душѣ возвращается онъ домой и дѣлается жертвой нелѣпой и дикой случайности. Разсчитанный имъ шахтеръ дѣлаетъ на него разбойное нападеніе. Только по чистой случайности не разлетается вдребезги голова инженера. Онъ долго лежитъ безъ сознанія между жизнью и смертью, но зато, когда встаетъ, видитъ вдругъ, какъ воля къ жизни къ нему вернулась. Онъ снова хочетъ жить, снова будетъ жить. Онъ понялъ, что можно жить, и не только для себя. Можно послужить и народу. Ударъ пьянаго мужика былъ для него своего рода „посвященіемъ въ рыцари“. И вчерашній ненавистникъ жизни сегодня готовъ пѣть ей гимнъ.

Матіецъ Ценскаго—натура выше толпы. Онъ философствуетъ, у него своя теорія цѣнности жизни, ему томительно общество холостыхъ товарищей, онъ дѣвственникъ.

Герой толстовскихъ „Большихъ непріятностей“ Стабесовъ—иного поля ягода. Тоже инженеръ, но, красивый, веселый, удачливый, онъ уже успѣлъ взять отъ жизни многое, руководясь немудрепой философіей: „чтобы поменьше было непріятностей и побольше удовольствія“. Но и срываніе цвѣтовъ ему надоѣло. „Всѣ, даже самыя острыя, удовольствія подобны пуговицамъ на жилетѣ: каждый день ихъ нужно застегивать и растегивать, и отъ этого не прибавляется ничего“.

Толстой ставитъ читателя лицомъ къ лицу съ послѣдней житейской коллизіей Стабесова. Онъ попалъ въ спальную чужой жены, но ночью случился пожаръ. Мужъ, профессоръ, застучалъ въ дверь, умоляя жену спасаться, но прежде молодой женщины изъ комнаты вышелъ Стабесовъ. Ему предстоитъ объясненіе, можетъ-быть, пощечина, можетъ-быть, дуэль. Пожалуй, онъ и не изъ трусовъ, но все это кажется ему слишкомъ ужь противной чепухой.

И Стабесовъ бѣжитъ изъ Москвы въ родное имѣніе, къ отцу и матери. Онъ пишетъ имъ письмо, гдѣ разсказываетъ о своемъ положеніи и смертельной усталости. „Вчера, нечеромъ, я бы еще могъ умереть, но не сейчасъ. Къ смерти надо подойти полнымъ, пресыщеннымъ, богатымъ. Я ставлю одно условіе,—прожину у васъ все лѣто, и вы не будете меня утѣшать“... Онъ ждетъ, что эта поѣздка принесетъ ему „много неожиданнаго и новаго“. А что будетъ впереди, онъ не загадываетъ. Пускай пожалуй и смерть.

И вотъ, какъ Ценскій заставляетъ насъ слѣдить каждый шагъ обрекшаго себя къ смерти Матійца, такъ Толстой не спускаетъ глазъ со своего Стабесова.

Въ имѣніи, куда онъ пріѣзжаетъ, онъ встрѣчаетъ милую провинціальную барышню Наташу. Послѣ Москвы съ профессорскими женами, послѣ Волги съ пышными попутчицами, довольствующимися романомъ одной ночи, Стабесова тянетъ къ чистой, умненькой барышнѣ, какъ обжору на капустку. Въ первую встрѣчу онъ заключаетъ съ нею контрактъ дружбы, изливается ей въ своей тоскѣ. Онъ ревнуетъ ее къ другому обожателю до такой степени, что вызывается съ нимъ на драку, заставъ его подглядывающимъ купающуюся красавицу.

Передъ Стабесовымъ почти точь-въ-точь прежняя позиція, отъ которой опять впору бѣжать на поѣздъ. Чѣмъ кончится этотъ его новый скандалъ,—прочитаемъ въ другой, обѣщаемый авторомъ повѣсти—„Мышиная бѣготня“, а пока пессимистъ, уставшій отъ жизни, чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ. Его столкновеніе ускорило ходъ событій. Наташа уже сказала ему: „Я васъ очень люблю“. И онъ смотритъ въ ея глаза, слышитъ ея голосъ и вступаетъ „въ тѣ чудесныя селенія, гдѣ все какъ на землѣ, но все иное“.

Матіецъ Ценскаго и Стабесовъ Толстого во многомъ не сродны. Одинъ—глубокій омутъ, другой—буйный водопадъ, одинъ еще весь собранъ, другой наполовину растратилъ себя. Но,

повидимому они оба—дѣти одного десятилѣтія, дѣти однихъ отцовъ, которые не умѣли заложить въ ихъ души никакого догмата, современные печальные герои безъ руля и безъ вѣтрилъ. Какая разница въ томъ, что одинъ пришелъ къ своей мечтѣ уничтоженія черезъ умныя книги, другой—путемъ неустаннаго прожиганія жизни, если всеразрѣшающая смерть представляется уже единственнымъ разрѣшеніемъ узла одинаково тому и другому? Какая разница между самообладанностью одного и развинченностью другого, когда за часъ до пули въ лобъ и эта самообладанность разрѣшается на кавтежномъ столѣ и на наемномъ ложѣ? И какое преимущество одного типа передъ другимъ, если для возвращенія аппетита къ жизни одному нуженъ оглушающій ударъ въ буквальномъ смыслѣ, какъ другому въ переносномъ?

За поколѣніемъ благородныхъ теоретиковъ, которые „ходили въ народъ“, а потомъ ѣхали въ Нарымскій край, за поколѣніемъ восторженныхъ спорщиковъ за знамя марксизма, за чеховскимъ сумеречнымъ человѣкомъ, чающимъ аллегорической „Москвы“, за эстетами и парнасцами россійской марки пришло поколѣніе людей безъ огонька и безъ догмата, съ однимъ выводомъ въ финалѣ, что жить не стоитъ, прошла ли молодость по рецепту Эпикура, или въ стоическомъ воздержаніи. И чтобы удержать на землѣ своихъ обанкротившихся героевъ, обоимъ авторамъ приходится прибѣгать къ повсемѣстнѣ героическимъ средствамъ.

Можно очень усомниться въ психологіи перерожденія Матійца. „Посвященіе въ рыцари“ звучитъ столь же торжественно, сколько и юмористически. Переходъ отъ мужицкаго кулака, расшибающаго голову, къ восторженной рѣшимости отдать жизнь мужицкому счастью—одинъ изъ тѣхъ поворотовъ, гдѣ самому ловкому автору нетрудно сломать шею. Если бы область любви не была самой капризной и самой разнообразной,—можетъ быть, не очень легко вѣрилось бы и въ стабесовское воскресеніе изъ мертвыхъ подъ лучами чувства милой, чистой дѣвушки.

Но тотъ и другой авторы,—одинъ нѣсколько суховатый въ своемъ строгомъ и внимательномъ психологическомъ анализѣ, другой—сочный, влюбленный въ теплую землю, въ живое тѣло, въ кудесничество чувства,—глубоко правы, говоря между строкъ рѣшительное „такъ жить нельзя“ и призывая и читателя вѣрить какому-то чуду, которое спасетъ погибающихъ.

Чаемъ жизни новаго вѣка, чаемъ новыхъ людей но,—увы!—думаемъ, что не Матійцы и не Стабесовы, а кто-то другой подастъ чистыя руки чистымъ Наташамъ“.

Въ заботахъ объ улучшеніи расы.

[614:371]

„Лѣсныя“ и „открытыя“ школы.

На Западѣ—и въ Европѣ, и въ Америкѣ—передовые дѣятели по школьному образованію не только теоретически, но и практически, на полной свободѣ, разрабатываютъ вопросъ объ обновленіи школы, о болѣе раціональной постановкѣ школьнаго дѣла, прежде всего въ интересахъ оздоровленія молодого поколѣнія. Въ московскихъ „Извѣстіяхъ по народному образованію“ Е. Орлова подробно излагаетъ исторію новаго школьнаго движенія, начавшагося въ Германіи. Изъ Германіи оно перекинулось въ американскіе Соединенные Штаты и тамъ, расширившись, получило еще болѣе серьезное значеніе. Сокращенную исторію этого движенія находимъ въ „*Рѣчи*“, въ статьѣ *А. С. Изгоева* (№ 112), знакомящаго широкую публику съ содержаніемъ очерка изъ спеціальнаго, мало кому извѣстнаго періодическаго изданія.

Десять лѣтъ назадъ предсѣдатель шарлоттенбургской городской училищной комиссіи Нейфертъ совмѣстно со школьнымъ врачомъ Бендиксомъ серьезно задумались надъ составомъ учениковъ начальныхъ городскихъ училищъ. Въ школахъ было много дѣтей хилыхъ, не настолько больныхъ, чтобы ученіе было для нихъ безусловно вреднымъ, но и не настолько здоровыхъ, чтобы безъ большого вреда выносить обычную школьную обстановку, отзывающуюся и на здоровьи обычныхъ дѣтей. Такія дѣти принадлежатъ къ числу малоуспѣвающихъ и составляютъ подчасъ „обузу“ для учителей. Нейфертъ и Бендиксъ рѣшили выдѣлить этихъ дѣтей и создать для нихъ особую школу въ лѣсу. Городское управленіе ассигновало имъ 32,000 марокъ, и 1-го августа 1904 г. была открыта первая лѣсная школа для приходящихъ учениковъ, число которыхъ скоро дошло до 240. Время ученія было съ апрѣля до Рождества. Въ сосновомъ лѣсу въ Грюневальдѣ, въ восьми минутахъ ходьбы отъ трамвая, снято было 1,8 десятинъ. Мѣстность была приведена въ порядокъ, оборудована необходимой мебелью. На случай ненастья построенъ былъ легкій баракъ для классовъ. Въ другомъ баракѣ помѣщались кухня и комнаты для постояннаго персонала (сестры Краснаго Кре-

ста, завѣдующей хозяйствомъ, женской прислуги).

Не только лѣтомъ, но и зимой въ тихую погоду, ученье происходитъ на чистомъ воздухѣ. Изъ центра города въ 20 минутъ спеціальный дѣтскій поѣздъ трамвая въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра привозитъ школьниковъ, собирая ихъ съ промежуточныхъ станцій. По пріѣздѣ дѣтямъ даютъ легкій завтракъ. Отъ 8 до 10 часовъ половина дѣтей учится, другая половина—играетъ или занимается по своему желанію. Учатся отдѣленіями по 20—25 въ каждомъ. Урокъ продолжается 25 минутъ. Въ 10 часовъ—второй завтракъ, изъ кружки молока съ чернымъ хлѣбомъ. Отъ $10\frac{1}{2}$ до $12\frac{1}{2}$ часовъ занятія для второй половины, развлеченія и свобода—для первой. Въ половинѣ перваго—обѣдъ. Тутъ уже дѣти въ порядкѣ сидятъ за столомъ. Послѣ обѣда отдыхъ и даже сонъ на свѣжемъ воздухѣ. Вначалѣ спала только половина дѣтей, но постепенно процентъ спящихъ дѣтей повысился до 90 и даже 97. Въ 3 часа снова два получасовыхъ урока. Затѣмъ дѣти пьютъ молоко, играютъ, въ $6\frac{1}{2}$ час. ужинаютъ, а къ семи часамъ трамвай отвозитъ ихъ обратно. Во все время занятій дѣти находятся подъ наблюденіемъ врача. Въ темные зимніе мѣсяцы ученье начинается получасомъ позже. Два-три раза въ недѣлю каждый школьникъ получаетъ теплый душъ, а разъ въ днѣ недѣли ванну. Школа открыта и по воскресеньямъ и во время лѣтнихъ вакацій, только тогда не бываетъ правильныхъ занятій.

Ученики для школы выбираются врачомъ изъ состава учащихся въ городскихъ школахъ. Врачи и учащіе насчитываютъ среди учащихся въ обыкновенныхъ школахъ 4 проц. дѣтей, нуждающихся въ выдѣленіи ихъ въ лѣсную школу.

Гигіеническіе результаты лѣсной школы оказались блестящими. За девять мѣсяцевъ ученья въ ней дѣти въ среднемъ прибывали почти на 8 фунтовъ въ вѣсѣ. Изъ среды больныхъ малокровіемъ въ 40 проц. наблюдалось исцѣленіе, въ 39 проц.—улучшеніе, у больныхъ золотухой соотвѣтствующія цифры—20,5 проц. и 63 проц., у легочно больныхъ—9,5 проц. и 56,5 проц., и т. д.

Задача обученія въ шарлоттенбургской школѣ, какъ и въ другихъ лѣсныхъ школахъ, состояла въ томъ, чтобы изъ нея дѣти могли переходить затѣмъ въ общую школу и учиться тамъ вмѣстѣ съ товарищами. Эту задачу школа разрѣшила удовлетворительно, видоизмѣнивъ соотвѣтственно и методы ученія. Учителя Бирбаумъ и Деренкампъ пишутъ: „На свѣжемъ воздухѣ и ясномъ солнцѣ духъ становится свободнѣе и воспріимчивѣе; учащіе и школьники находятся въ приподнятомъ, бодромъ, рабочемъ настроеніи... Никогда въ комнатахъ такъ хорошо не считаютъ... Если лѣсной школѣ удастся достигнуть своей цѣли, несмотря на существующія затрудненія—слабость дѣтей, ограниченность учебнаго времени, сборные классы, составленные изъ дѣтей всѣхъ школъ въ городѣ,—то это слѣдуетъ приписать нѣкоторымъ благопріятнымъ условіямъ. Не говоря о томъ, что здѣсь съ особой очевидностью оправдывается поговорка о здоровомъ духѣ въ здоровомъ тѣлѣ, самый лѣсъ способствуетъ пробужденію и воспитанію жизнедѣятельности въ ребенкѣ“. Наблюдатель лѣсныхъ школъ, Розъ, вынесъ такое впечатлѣніе: „Дѣти были аккуратны, чисты, пріучены къ порядку и хорошо настроены. Вниманіе къ работѣ и умственная живость замѣтно возросли. По возвращеніи въ городскую школу девять десятыхъ заняли въ ней свое мѣсто, какъ будто не было никакого перерыва“. Свой отзывъ Розъ закончилъ такимъ замѣчаніемъ: „Это даетъ много пищи для размышленія: если такъ много можетъ быть достигнуто режимомъ и обученіемъ на открытомъ воздухѣ для больныхъ и ослабленныхъ дѣтей, то какія огромныя перспективы открываются съ примѣненіемъ того же режима къ обученію нормальныхъ дѣтей“.

То, что нѣмцу давало поводъ „для размышленія“, у энергичнаго янки вызвало стремленіе воплотить мысль въ дѣло. Но какъ осуществить эту мысль въ огромныхъ американскихъ городахъ съ ихъ большими каменными домами, съ отсутствіемъ вблизи лѣсовъ? Американецъ рѣшилъ приспособить идею къ условіямъ своей жизни. „Лѣсную“ школу онъ замѣнилъ школой „открытой“. Въ Америкѣ классы или школы для ученія на открытомъ воздухѣ устраиваются посреди города то въ приспособленныхъ для нихъ отдѣльныхъ зданіяхъ, то въ сооруженномъ на школьномъ дворѣ или на школьной крышѣ баракѣ или палаткѣ. Школа на крышѣ—вотъ на что въ Европѣ едва ли могли бы рѣшиться! Между тѣмъ, въ Америкѣ въ 1913 году уже оказалось 200 „открытыхъ“ школъ или такихъ, у которыхъ имѣются „открытые“ классы. Въ этихъ классахъ вмѣсто стѣнъ дѣлаются огромныя выдвижныя оконныя рамы, настежь раскрываемыя въ хорошую погоду и спускаемыя въ дурную. Такой классъ въ зимнее время отапливается такъ, чтобы температура въ немъ была на 4 проц. выше наружной.

Первоначально и американскія открытыя школы были разсчитаны на больныхъ дѣтей, на предрасположенныхъ къ туберкулезнымъ за-

болѣзнямъ. Лига борьбы съ туберкулезомъ стояла во главѣ новаго школьнаго движенія. „Опытъ первыхъ школъ, внимательно контролированный врачами,—разсказываетъ г-жа Орлова,—убѣдилъ наблюдавшихъ за ними въ пользѣ новаго начинанія. Дѣти выздоравливали и могли снова посѣщать обыкновенныя школы; на ихъ мѣста вступали ожидавшіе очереди кандидаты „открытой“ школы. Тогда началось устройство такихъ школъ и для другихъ дѣтей не вполнѣ здоровыхъ. А въ настоящее время бостонскій городской совѣтъ постановилъ уже не строить болѣе школьныхъ зданій, въ которыхъ не были бы предусмотрѣны на ряду съ обычными одна и болѣе „открытыхъ“ классныхъ комнатъ, а въ старыхъ школахъ—по возможности вездѣ приспособить для той же цѣли по одной комнатѣ“ *).

Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ, какъ, напр., въ Чикаго, гдѣ средняя январская температура равна—9°, занятія на открытомъ воздухѣ продолжаются и зимой, для чего изобрѣтены даже особые костюмы, называемые „эскимосскими“.

Школьный день начинается въ 9 час. утра и продолжается часовъ до 4 или 5 вечера; но учебныхъ часовъ всего три съ половиной. На домъ ничего не задается. День дѣлится на двѣ половины обѣдомъ (въ 12 часовъ), за которымъ слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ часовой отдыхъ. Занятія перемежаются гимнастикой, физическими упражненіями или подвижной игрой.

Слабосильнымъ ученикамъ „открытыхъ“ школъ дозволяется, въ случаѣ усталости, лежать и не принимать участія въ занятіяхъ. Для лежанія заведены особыя кресла. Въ послѣднее время все больше входитъ въ употребленіе души. Школьной статистикой въ Чикаго выяснено, что открытыя школы посѣщаются учениками гораздо регулярнѣе и аккуратнѣе, чѣмъ обыкновенныя. Сравненіе успѣшности въ занятіяхъ учениковъ обыкновенныхъ и „открытыхъ“ школъ показало, что послѣдніе не отстаютъ отъ первыхъ.

Движеніе въ пользу ученія на вольномъ воздухѣ повело къ тому, что учителя и обыкновенныхъ школъ начали искать способы почаще и подольше уводить своихъ учениковъ на воздухъ. Такъ, въ школахъ города Дитрой, въ штатѣ Мичиганъ, въ хорошую погоду цѣлые классы уводятся на окружающіе зеленые луга для занятія тѣми предметами, которые не требуютъ писанія. И это не случайныя прогулки, а обдуманная, опредѣленная система преподаванія. Напр., за сентябрь и октябрь 1910 года, такимъ образомъ, были проведены занятія съ разными классами 6,326 разъ.

Движеніе въ школѣ на вольномъ воздухѣ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ растетъ со стихійной силой. Съ начальныхъ училищъ оно перебросилось уже на среднюю школу. Одно изъ крупнѣйшихъ среднеучебныхъ заведеній Чикаго, Грехемская школа, ввела у себя „открытыя“ помѣщенія для всѣхъ классовъ.

Очень любопытенъ приводимый г-жей Орловой отзывъ директора Грехемской школы Вильяма Уатта о смыслѣ произведенной имъ реформы. Уаттъ говоритъ, что онъ „раскрылъ“ школу не для того, чтобы лѣчить больныхъ, а для того, чтобы дать здоровымъ дѣтямъ возможность учиться. „Душные классы притупляютъ ихъ способности; „открытая“ школа дѣлаетъ дѣтей крѣпкими, дѣятельными, веселыми, смышленными, бодрыми; она уничтожаетъ головныя боли и апатію. Ученіе на волѣ сберегаетъ много денегъ, тратившихся на леченіе, и спасаетъ много жизней; не менѣе сберегаетъ оно и драгоцѣннаго времени, тратящагося въ четырехъ стѣнахъ на многократное повтореніе пройденнаго: при ученіи на воздухѣ повтореніе становится вовсе излишнимъ: настолько увеличивается живость и воспріимчивость дѣтей...

Такъ изъ-за филантропическаго опыта, изъза гуманной попытки улучшить положеніе болѣзненныхъ и слабосильныхъ школьниковъ выступаютъ, смутныя еще пока, очертанія одного изъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ будетъ построена „новая школа“, — замѣчаетъ въ заключеніе г. Изгоевъ. А что она, эта „новая школа“, должна явиться на смѣну нынѣшней—въ этомъ не можетъ усомниться ни одинъ изъ родителей, съ болью въ сердцѣ глядящій, какъ въ тѣсныхъ стѣнахъ душнаго казеннаго класса хирѣютъ его дѣти, какъ притупляются ихъ способности подъ грузомъ книжной учебы, какъ инстинктъ самосохраненія вырабатываетъ въ ребенкѣ казенное отношеніе къ казенному ученью...

Данъ лозунгъ: выведите дѣтей на вольный воздухъ! „раскройте“ школу! Иначе, какъ съ глубокимъ сочувствіемъ нельзя отнестись къ опытамъ людей, ищущихъ новыхъ путей для обученія нашей молодежи. Когда видишь этихъ блѣдныхъ и сѣрыхъ школьниковъ съ искривленными позвоночниками, съ потухшими глазами, нерѣдко вооруженными очками, съ разслабленной походкой и усталымъ выраженіемъ лица, страшно становится за всю нашу школу.

*) „Открытыя“ школы находятъ себѣ пріютъ даже въ такой оригинальной обстановкѣ, какъ палуба парохода: утилизируются подъ школы старыя суда. *Ред.*

Что мы дѣлаемъ? Учимъ дѣтей или мучимъ ихъ, подготовляемъ ихъ къ будущей жизненной борьбѣ, или готовимъ имъ гибель?..

Электризованныя дѣти.

Недавно газеты обошло извѣстіе о многообѣщающихъ опытахъ англійскаго ученаго Сорнъ-Бэкера надъ цыплятами. Это—опыты примѣненія перемѣнныхъ электрическихъ токовъ большой частоты къ выращиванію птенцовъ. Какъ извѣстно было уже и прежде, токи высокой частоты и высокаго напряженія (милліоны перемѣнъ въ секунду),—получающіеся при колебательныхъ разрядахъ электрическихъ конденсаторовъ, напр., лейденской банки,—дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на всѣ жизненные процессы въ организмѣ. Въ виду такого ихъ физіологическаго дѣйствія, этими токами стали пользоваться, по способу парижскаго проф. д'Арсонваля и („арсонвализація"), при разныхъ болѣзняхъ, весьма успѣшно. Теперь названный выше англійскій физикъ съ такимъ же успѣхомъ использовалъ вліяніе арсонвализаціи въ иной области, съ совершенно иными цѣлями.

Размѣщенные въ экспериментальной клѣткѣ и получавшіе тамъ обычную для нихъ пищу, птенцы въ пять недѣль достигали такого вѣса, какой бываетъ свойственъ трехмѣсячнымъ цыплятамъ, выращиваемымъ при обыкновенныхъ условіяхъ,—другими словами, развитіе и ростъ ихъ ускорялись болѣе чѣмъ вдвое. Тѣ изъ нихъ, которые до посадки въ клѣтку были настолько хилы и слабы, что не могли даже держаться на ногахъ и, навѣрное, погибли бы при обстановкѣ свободной жизни на птичьемъ дворѣ, быстро поправлялись подъ вліяніемъ электрическаго поля и становились здоровыми и сильными. Этого мало: несмотря на то, что содержимые въ электрической клѣткѣ цыплята растутъ и увеличиваются въ вѣсѣ вдвое скорѣе, чѣмъ свободные, корма они потребляютъ, по сравненію съ послѣдними, на цѣлую треть меньше.

По поводу этихъ любопытныхъ опытовъ *Н. С.* въ „*Русск. Вѣд.*" (№ 109) знакомитъ русскихъ читателей съ аналогичными, еще болѣе интересными экспериментами, произведенными еще раньше,—года два назадъ,—знаменитымъ шведскимъ ученымъ Сванте Арреніусомъ въ Стокгольмѣ и довольно извѣстнымъ французскимъ медикомъ, проф. Бергонье въ Бордо,—экспериментами надъ дѣтьми.

Опыты Арреніуса были выполнены при слѣдующей обстановкѣ.

Двѣ равныя по численности группы школьниковъ, приблизительно одного и того же возраста и одинаковаго физическаго и умственнаго развитія, помѣщались во время классныхъ занятій въ двухъ совершенно одинаковыхъ комнатахъ, изъ которыхъ одна отличалась отъ другой только тѣмъ, что стѣны ея были густо обвиты изолированною проволокою, скрытою подъ обоями и служившею для пропусканія по ней во время уроковъ перемѣннаго тока высокой частоты. Такимъ образомъ, дѣти и учителя, подобно цыплятамъ у Сорнъ-Бэкера, оказывались въ часы занятій, совсѣмъ даже и не подозрѣвая объ этомъ, подъ вліяніемъ электрическихъ колебаній, вызывавшихся упомянутымъ токомъ. Подъ этимъ вліяніемъ они оставались изо дня въ день въ теченіе шести мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ обѣ ученическія группы, „электрическая" и контрольная, были подвергнуты изслѣдованію и провѣрочному экзамену.

Оказалось, что въ первой изъ этихъ группъ дѣти были, въ общемъ, сильнѣе и крѣпче, состояніе здоровья ихъ лучше, а увеличеніе въ ростѣ больше, чѣмъ во второй. За время опыта подвергавшіеся электризаціи школьники выросли, въ среднемъ, на 51 миллиметръ (почти 2 дюйма), контрольные же—всего только ко 31 миллим. ($1{,}_{22}$ дюйма). Такая же рѣзкая разница между тѣми и другими была обнаружена и въ успѣхахъ въ наукахъ. Средняя отмѣтка для первой группы, при 20-тибалльной системѣ, оказалась равною $18{,}_{4}$, при чемъ высшій баллъ (20) получили 15 учениковъ; успѣхи же контрольной группы были опредѣлены, въ среднемъ, въ 15 балловъ, высшую же отмѣтку заслужили только 9 чел. Какъ видимъ, интересующіе насъ токи оказали на дѣтей весьма благотворное вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ. Добавимъ къ этому, что электризація благопріятно дѣйствовала и на учителей, которые, по ихъ заявленіямъ, уставали на урокахъ гораздо меньше и чувствовали себя болѣе работоспособными, чѣмъ раньше.

Около того же времени опыты съ перемѣнными токами высокой частоты сдѣланы были д-ромъ Бергонье въ одномъ изъ колледжей города Бордо. Для экспериментовъ избраны были страдавшіе упадкомъ питанія, слабые, переутомленные ученики, у которыхъ, благодаря сеансамъ электризаціи въ аппаратѣ д'Арсонваля,

*) И въ Россіи уже дѣлаются попытки насадить „лѣсныя" школы и даже „лѣсныя гимназіи". Починъ принадлежитъ Москвѣ, въ окрестностяхъ которой функціонируетъ уже не одна школка на открытомъ воздухѣ (см. „Ран. Утро № 129). Теперь примѣру первопрестольной собирается послѣдовать также Петербургъ. *Ред.*

функціональная дѣятельность всѣхъ системъ тѣла оживилась, пищевареніе улучшилось, питаніе поднялось, получилась значительная прибыль вѣса, силы возстановились.

Если дальнѣйшими экспериментальными изслѣдованіями результаты опытовъ Аррениуса и Бергонье будутъ подтверждены, пишетъ г. Н. С.,—то перемѣнные токи высокой частоты окажутся, надо думать, особенно полезными и, по всей вѣроятности, будутъ широко пускаться въ ходъ, прежде всего въ примѣненіи къ отсталымъ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ дѣтямъ.

„Культура молодости".

Вѣнскій корреспондентъ одной провинціальной газеты („*Южный Край*", № 12007), *Н. Караваевъ*, пишетъ:

„Jugendkultur! Новое слово въ нѣмецкомъ языкѣ, соотвѣтствующее новымъ представленіямъ о воспитаніи молодежи. Современной нѣмецкой молодежью недовольны; еще больше: это недовольство начинаетъ проникать въ лучшую, самую чуткую часть нѣмецкой молодежи. Она постепенно приходитъ къ сознанію, что она давно перестала быть залогомъ нѣмецкой культуры; что тѣ духовныя цѣнности, та высшая и глубокая идеализація, которою отличалась нѣмецкая молодежь эпохи философовъ и поэтовъ XVIII и начала XIX столѣтія, исчезаетъ, распыляется. Нѣтъ идеаловъ молодости, нѣтъ стремленія къ самоанализу, нѣтъ средствъ и условій къ развитію характера и духа, нѣтъ ничего, что отличаетъ молодость отъ зрѣлости.

Къ этому заключенію приходитъ нѣмецкая молодежь, и она сама взяла въ свои руки свое спасеніе. Возникло новое общественное движеніе, главнымъ образомъ тѣмъ интересное, что въ немъ молодежь играетъ активную роль.

Состоялся первый нѣмецкій *конгрессъ молодежи*, на который явилось нѣсколько сотъ учащихся въ возрастѣ 16—25 лѣтъ, преимущественно студенты. Тамъ былъ поднятъ лозунгъ „культуры молодости", горячимъ проповѣдникомъ которой является д-ръ Вэнекенъ. Этотъ своеобразный конгрессъ, являющійся знаменіемъ времени, осудилъ нашу эпоху, которая лишила себя самаго цѣннаго, чѣмъ располагаетъ нація: молодости. Общество и нація находятся въ періодѣ экономической борьбы за существованіе. И поэтому нѣтъ молодости, которая явилась бы особымъ факторомъ культуры; молодости не признаютъ; ей не даютъ жить особой жизнью и умножать культурныя цѣнности; молодость считаютъ только переходнымъ временемъ — *для подготовки къ предстоящей борьбѣ за существованіе въ зрѣломъ возрастѣ*. Молодежь будто бы нужно опекать, нужно лишать всякой самодѣятельности, права на иниціативу; ее нужно лишь готовить, готовить къ будущей жизни, наполнять ее знаніями техники, цивилизаціи. Знанія, знанія—это все, что даютъ молодежи, и держатъ ее въ сторонѣ отъ чистой культуры, отъ развитія духа. Забываютъ, что молодость не есть переходная ступень, а самостоятельный, самый свѣтлый періодъ въ жизни человѣка.

Это отрицаніе правъ молодости на самостоятельную культуру и на самодѣятельность повело къ разладу между семьей и подрастающимъ поколѣніемъ, между школой и молодежью. Семья относится съ враждебностью или презрительностью къ культурнымъ запросамъ молодежи, усматривая въ нихъ стремленія, тормозящія подготовку къ практической жизни; школа же усматриваетъ въ этомъ вольнодумство. Къ чему это повело? Съ одной стороны, естественныя стремленія молодежи къ самодѣятельности привели къ тайнымъ романтическимъ союзамъ молодежи, къ расцвѣту студенческихъ корпорацій, къ кутежамъ, дуэлямъ и пр. Молодыя силы ненормально прорываются наружу. Съ другой стороны, у современной молодежи возникъ культъ личности, стремленіе къ индивидуализму. Школа не даетъ возможности развернуть молодыя силы; послѣ школы начинается служба, дѣло, профессіональная дѣятельность, рѣдко удовлетворяющія, рѣдко обогащающія жизнь. И молодому человѣку ничего другого не остается, какъ перенесть смыслъ и цѣль жизни на свою персону. Этотъ индивидуализмъ опасенъ, ибо онъ связанъ съ высокомѣріемъ, съ презрительнымъ отношеніемъ къ человѣчеству съ уродованіемъ идеальныхъ стремленій молодежи.

Сама молодежь теперь инстинктивно борется съ этой опасностью. Года три назадъ въ Австріи и Германіи она основала общій союзъ „Wandervögel"—„перелетныя птицы". Этотъ союзъ, который открылъ въ массѣ городовъ мѣстныя организаціи, имѣетъ цѣлью пріобщить молодежь къ природѣ. Устраиваются дѣтомъ экскурсіи, которыя длятся недѣлями; странствія пѣшкомъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, по лѣсамъ и горамъ, съ ночевками подъ открытымъ небомъ, въ сараяхъ и т. п. Молодежь при этомъ *самостоятельна*; открывается поприще для личной иниціативы; душная, сковывающая опека семьи исчезаетъ; контроль школы отмѣняется, повседневность не тормозитъ размаха юношескихъ силъ. Но это было лишь началомъ культуры моло-

кости, это скорѣе культура физическихъ силъ молодости; оставалось главное поприще: культура ея *духовныхъ* силъ. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ союзниковъ передовой молодежи, д-ръ Вэнекенъ сдѣлалъ попытку создать новый типъ средней школы; для этой цѣли онъ основалъ свободную школьную общину (Freie Schulgemeinde). Однако эта школа была закрыта по настояніямъ духовенства, школьной бюрократіи и всѣхъ тѣхъ, кто пугается новаго, не оформулированнаго казенной педагогикой.

Для распространенія идей „культуры молодости", по иниціативѣ д-ра Вэнекена во многихъ городахъ Австріи и Германіи молодежь открыла особыя трибуны (Sprechsaal). Учащаяся молодежь собирается вмѣстѣ въ опредѣленные дни и обсуждаетъ все, что ее волнуетъ и интересуетъ,—ищетъ отвѣтана тѣ вопросы культуры, которые въ данный моментъ составляютъ содержаніе ея жизни. Эти вопросы она старается разрѣшать самостоятельно, безъ помощи и контроля старшихъ. И замѣчательно! Отвѣтственность, которую возложила на молодежь эта иниціатива, повела къ тому, что съ трибуны не раздаются необдуманныя рѣчи. Здѣсь—серьезныя исканія, здѣсь происходитъ подъемъ духовной жизни молодежи, здѣсь проникаются уваженіемъ къ исканіямъ правды. Эти трибуны, стоящія внѣ всякаго контроля, оказались чудеснымъ педагогическимъ факторомъ. Долгъ къ обществу! Обязанность къ человѣчеству! Моральные факторы высшей идеализаціи, заглушаемые трезвой жизнью улицы и проявленіемъ борьбы за существованіе, здѣсь находятъ расцвѣтъ и откликъ. Происходитъ пробужденіе молодежи.—Jugendkultur.

По иниціативѣ того же неутомимаго Вэнекена, въ Вѣнѣ и Берлинѣ молодежь издаетъ одновременно общими силами свой журналъ „Начало". Журналъ этотъ является документомъ психологіи молодежи, столь мало извѣстной взрослымъ. Для молодежи же важно не накопить въ себѣ молча свои настроенія; она имѣетъ трибуны и знаетъ, что ее будутъ слушать. Но она принимаетъ и отвѣтственность за свои литературныя работы и проникается духомъ общественности.

„Начало" издается уже второй годъ и пользуется большимъ успѣхомъ. Обсуждаются вопросы школы, семьи, этики, религіи, запросы культуры, молодости и пр.

Такозо новое теченіе нѣмецкой молодежи. Новыя задачи, новыя потребности, стремленіе къ лучшему, высшему пониманію жизни, къ идеализованной молодости. Начало положено; въ какія конкретныя формы это движеніе выльется,—покажетъ будущее".

Новая форма брака.

Поборники „эвгенизма" въ Германіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, объединяются въ общества (напр., о-во „Расовой гигіены"), ведутъ свою пропаганду путемъ съѣздовъ, изданія спеціальныхъ органовъ („Архивъ рассовой и соціальной біологіи" и др.). Наиболѣе энергично ратующіе за поднятіе уровня физическаго развитія подрастающихъ и будущихъ поколѣній основали, еще нѣсколько лѣтъ назадъ, союзъ—„Миттгартбундъ",—поставившій своей цѣлью планомѣрное примѣненіе рассоваго подбора и распространяющій соотвѣтственныя воззванія. О задачахъ „Миттгартбунда" сообщаютъ „*Биржъ. Вѣд.*" слѣдующее.

Союзъ предполагаетъ учрежденіе цѣлаго ряда сельскихъ колоній съ населеніемъ около тысячи женщинъ и сотни мужчинъ. Составляется онъ изъ числа тѣхъ желающихъ послужить идеѣ союза, которые особой комиссіей свѣдущихъ людей признаны будутъ, подобно новобранцамъ, въ физическомъ отношеніи годными для производства здороваго потомства.

Каждая согласившаяся на такія условія женщина получаетъ въ надѣлъ отдѣльный домъ съ садомъ и огороднымъ хозяйствомъ. Мужчины живутъ отдѣльно отъ женщинъ въ особомъ общемъ домѣ. Имъ предоставлено воздѣлываніе на общинныхъ началахъ одного общаго участка пахотной земли.

Браки заключаются въ колоніяхъ исключительно на основаніи взаимнаго соглашенія сторонъ и оформливаются записью въ правленіи. Бракъ считается временнымъ. Мужъ не живетъ въ домѣ жены. Онъ бываетъ у нея только временами и какъ бы гостемъ.

Какъ только женщина почувствуетъ, что она стала матерью, бракъ считается прекращеннымъ, и съ этого момента и въ теченіе отъ двухъ съ половиной до трехъ лѣтъ женщина посвящаетъ себя исключительно своимъ материнскимъ обязанностямъ. Такой перерывъ установленъ въ виду доказаннаго вреда бо ѣе частаго повторенія беременности какъ для самой матери, такъ и для потомства.

Мальчики растутъ всѣ вмѣстѣ, организованные въ отдѣльныя сотни. Дѣвочки оставляются на попеченіе ихъ матерей. Достигшіе 16-лѣтняго возраста мальчики, найденные не подходящими для продолженія здороваго потомства, покидаютъ колонію и поступаютъ на попеченіе

правительства, на обязанности котораго лежитъ пополненіе ихъ образованія. Союзъ находитъ, что работа и затраты правительства въ этомъ направленіи окупятся ему сторицею исключительно высокими физическими и нравственными качествами матеріала, исходящаго изъ колоній.

Триста такихъ колоній, по мнѣнію союза, были бы достаточными для ежегоднаго притока сотни тысячъ цѣльныхъ здоровыхъ людей выдающейся конститутивной и нравственной цѣнности. Притокъ этотъ въ своемъ большинствѣ будетъ состоять изъ лицъ мужского пола, такъ какъ союзъ предполагаетъ оставлять въ составѣ колоній около половины всѣхъ женщинъ и только около одной шестнадцатой мужчинъ всего состава ежегоднаго прироста.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. * Іюнь—II. * № 20.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

416. Ричардсонъ, Ч. 07

О выборѣ книгъ и о томъ, какъ ихъ читать, чтобы онѣ приносили пользу. Съ англ., въ изложеніи Д. Д. Т. Изд. Д. Травина. Спб. 1913. Стр. 85. Ц. 30 к.

Книжечка Р.—старая знакомая русскихъ читателей: она переводилась у насъ уже три раза и многихъ изъ читателей научила читать не иначе, какъ съ карандашомъ въ рукѣ. Сейчасъ издатель почему-то выпустилъ ее не въ переводѣ, а въ изложеніи, что врядъ ли къ пользѣ книги. (*„Вольн. Унив." 1914—4*).

... Неумѣло редактированное изданіе Травина лишена, всякаго значенія для современнаго читателя, которому лучше всего обратиться за рѣшеніемъ вопроса, что и какъ ему читать, къ другимъ изданіямъ; послѣднихъ... имѣется на русскомъ яз. достаточное количество. (*И. Б. „Нар. Образ." 1913—11*).

Въ хорошемъ изложеніи знающаго человѣка кн. Р. все же могла бы имѣть хоть какое-нибудь значеніе, настоящее же изданіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что издатель этой кн. взялся не за свое дѣло. (*И. Бахтинъ. „Педаг. Сб." 1914—1*).

... Переработка... не способствовала украшенію книги. Добавленія сдѣланныя къ книгѣ... носятъ печать случайности и бѣглы... (*А. Мезіеръ. „Рус. Шк." 1914—3*).

Кн. Р. необходима всякому, кто хочетъ не только читать, но и извлекать изъ прочитаннаго пользу. Составлена она хорошо и читается свободно. (*„Нов. Журн. для Вс." 1913—10*).

417. [. . . . . 082:8—8

„Энергія". Сборникъ II. Подъ ред. Ал. Амфитеатрова. Изд. „Энергія". Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

... Изд-во „Энергія" сдѣлало еще шагъ въ смыслѣ приближенія альманаховъ—по содержанію—къ тому, что разумѣется обычно подъ терминомъ: „толстые журналы". Въ II сб. имѣются и публицистическая статья (*А. Петрищевъ.* „Побѣдоносное пораженіе") и статья научно-философскаго характера (*М. Новорусскій.* „Предѣлы науки")... Отмѣтимъ интересную ст. Н. по поводу рѣчи Лоджа *)... на послѣднемъ съѣздѣ Британской Ассоціаціи Наукъ.

Знаменитый англійскій физикъ выразилъ увѣренность, что будущая наука сумѣетъ разъяснить такіе факты и открыть такія явленія, которыя сейчасъ мы считаемъ мистическими *тайнами*. Нѣкоторыя же изъ этихъ тайнъ, по мнѣнію Лоджа, нужно считать раскрытыми уже и въ настоящее время. Такъ, для Лоджа не подлежитъ сомнѣнію уже и сейчасъ, что безплотный духъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ матеріализоваться. Въ будущемъ же мы, навѣрное—по Лоджу—проникнемъ еще дальше и тогда постигнемъ природу существъ болѣе утонченнаго, чѣмъ мы сами, и, можетъ быть, существа эфирнаго. Тогда намъ удастся раскрыть и тѣ условія, при которыхъ возможны сношенія съ загробнымъ міромъ.

Вотъ этому сенсаціонному прогнозу и посвящена статья Н. Какъ извѣстно, современная физика недавно установила положеніе, что атомы состоятъ изъ электроновъ. Самъ Лоджъ наиболѣе извѣстенъ своими работами въ этой именно области. Итакъ, „матерія состоитъ изъ чего-то нематеріальнаго. Матерія исчезаетъ и образуется вновь". Отсюда какъ будто на самомъ дѣлѣ вытекаетъ, что современная опытная наука приводитъ человѣка къ выводамъ „въ пользу отдѣльнаго существованія духа внѣ всякой связи съ матеріей". И потому отъ точнаго знанія — прямая дорога въ область мистики и теологіи! Но здѣсь кроется очень серьезное недоразумѣніе, на которомъ и настаиваетъ авторъ. Пусть—замѣчаетъ онъ—существуютъ только одни „невещественные электроны, и ихъ вихревая игра образуетъ всѣ вещи и весь видимый міръ. Пусть это образованіе можно назвать, примѣнительно къ прежнему словоупотребленію, „матеріализаціей, — это все-таки не даетъ никому ни малѣйшаго права говорить о „безплотномъ" человѣческомъ духѣ и объ его матеріализаціи. Ибо, если этотъ безплотный духъ — то же самое, что электронъ, тогда, пожалуй, нечего спорить. Нужно только доказать это тожество экспериментальнымъ путемъ. А если „духъ" и „электронъ" не то же самое, тогда и вовсе говорить не о чемъ. Тогда всѣ новѣйшія представленія физиковъ о матеріи и „матеріализаціи" не имѣютъ ровно никакого отношенія къ духовной области человѣка... Поэтому логическій переходъ отъ „электроновъ" къ „безплотнымъ духамъ", допущенный знаменитымъ англійскимъ физикомъ, авторъ объясняетъ простымъ недоразумѣніемъ специалиста, вышедшаго за предѣлы своей глубоко и тонко изученной спеціальности.

Мистическому въ „Энергіи" вообще отведено значительное мѣсто. Самое любопытное въ этомъ отношеніи даетъ г. Амфитіатровъ въ своей „Сестрѣ Еленѣ". Это продолженіе повѣсти о распадающейся помѣщичьей семьѣ, начало которой

*) См. „Бюллет." № 13. „Представитель естествознанія о внѣопытномъ міропостиженіи".

было дано въ первомъ сборникѣ. Нынѣ рѣчь идетъ о дальнѣйшихъ судьбахъ одного изъ членовъ этой распадающейся семьи. Прихотью случая, героиня оказалась въ Парижѣ въ кругу демономановъ. Наслѣдство, полученное ею отъ мужа, дветъ возможность заняться, вмѣстѣ съ подругой, тоже богатой англичанкой, спасеніемъ демоновъ мужского пола. Не нужно смѣяться! Это вполнѣ серьезное дѣло. Благодаря женской любви, демоны,—„звѣровидные и мохнатые" въ естественномъ для демоновъ состояніи — постепенно преображаются, теряютъ мохнатость и приближаются къ человѣческому лику. У героини А. имѣется даже фотографическій снимокъ съ демона, съ которымъ англичанка состоитъ два года въ супружествѣ, и на этой фотографіи совершенно ясно видно, какъ сильно, подъ вліяніемъ любви женщины, измѣнился демонъ-супругъ... Читатель, вѣроятно, заинтересуется въ качествѣ важной детали, какимъ же образомъ осуществляется супружество съ демонами. Оказывается, что это очень просто. Влюбленный демонъ вселяется то въ одного, то въ другого представителя вида homo sapiens мужского пола. Для демономанки остается только не сопротивляться „трепету симпатіи" къ тому, въ кого вселился ея демонъ-супругъ. Il honny soit qui mal y pense. Объ этомъ не слѣдуетъ думать дурно, такъ какъ, мѣняя видимые предметы своей любви, женщина остается въ сущности вѣрной все одному и тому же демону, идущему по пути перевоплощенія въ человѣка

Измѣны нѣтъ,—любовь одна!

Это вѣдь мы уже давно знаемъ.

Такъ какъ „погустороннее" сейчасъ имѣетъ злободневный характеръ, то фактическое содержаніе повѣсти А. возбуждаетъ большое любопытство. Оно было бы, конечно, еще болѣе интереснымъ, если бы читатель имѣлъ предъ собой „честную прозу" — сухую передачу видѣннаго и слышаннаго — вмѣсто передачи въ беллетристической формѣ, допускающей, по самому существу своему, широкое участіе творческаго вымысла.

Самой крупной вещью въ сборникѣ является драматизованная сказка г. Айзмана „Свѣтлый богъ" *). Въ редакціонномъ примѣчаніи отмѣчено, что авторъ использовалъ для своей драмы историческія событія и нѣсколько красивыхъ легендъ изъ исторіи евреевъ XII вѣка. Легенды, дѣйствительно, красивыя, но, къ сожалѣнію, изъ этого краснаго матеріала не получилось красивой „сказки" въ воспроизведеніи А. Причины этого лежатъ въ самомъ замыслѣ. Авторъ захотѣлъ показать, какъ зарождаются, растутъ и выростаютъ красивыя легенды о людяхъ. Въ дѣйствительности, какъ онѣ зарождаются, растутъ и выростаютъ—никто не знаетъ и въ этомъ-то заключается очарованіе легенды... Авторъ захотѣлъ сдѣлать все яснымъ и понятнымъ и ради этого допустилъ цѣлый рядъ непріемленыхъ quasi-психологическихъ построеній. Въ результатѣ изъ красивыхъ легендъ выросла неуклюжая психологія, послѣ которой не хочется вѣрить и въ самыя легенды. (*„Рус. Бог." 1914—5*).

... Задумана сказка [Айзмана] красиво. Но въ исполненіи и обрисовкѣ ея персонажей А. не смогъ оторваться отъ мистико-историческаго пріема, не избѣгъ досадваго, порой вульгарнаго штампа, въ результатѣ пользованія которымъ всѣ дѣйствующія лица покрываются тусклой краской дешеваго пае съ, говорятъ красивые, прочувствованные монологи не отъ себя, а отъ А. Дальше въ сборникѣ идутъ два цикла разсказовъ: „Молодое расколъ" и „Неволя". Разсказы перваго цикла о дѣтяхъ блѣдны и, пожалуй, интересны въ педагогическомъ смыслѣ (первые два разсказа), и лишь простой и искренній разсказъ „Антипка" К. В лучшій изъ нихъ выгодно выдѣляется. Авторы разсказовъ второго цикла объ узникахъ правдивы и, насколько возможно это для нихъ небольшого литературнаго опыта, искренне старательны въ передачѣ тѣхъ ужасовъ и мытарствъ по этапамъ, острогамъ и тюрьмамъ, которые имъ такъ остро и надрывно болѣзненно хранятся въ памяти. „Сестра Елена" ... не прибавляетъ ничего новаго къ славѣ этого столь плодотворно неутомимаго беллетриста нашихъ дней, но читается довольно легко, а намѣренно-тяжеловатый языкъ всегда способенъ создать иллюзію дѣйствительной интимности дневника, относимаго авторомъ къ опредѣленной эпохѣ. Стихи приличны и гладки, но по прочтеніи сборника быстро забываются. (*М. К. „У. Рос.", 1914—79/80*).

... Авторы „Энергіи" не боятся ни рѣзкихъ жестовъ, ни грубыхъ словъ. Они странствуютъ по колѣно въ грязи и крови. Они черпаютъ свои образы изъ самой свирѣпой и омерзительной гущи жизни, настигаютъ событія въ самыхъ чудовищныхъ углахъ. Всѣ они точно сговорились и одновременно пришпориваютъ другъ друга картинами одна мучительнѣе другой. ...Я не въ укоръ писателямъ изъ „Энергіи" указываю на эти жесткія черты. Ихъ разсказы совсѣмъ недурные. Есть въ нихъ и цвѣты, и сорныя травы. Нѣкоторыя сцены написаны горячо и сильно. Очеркъ г. Никандрова, напр., несмотря на длинноты и сантиментальный акцентъ, несмотря на нѣкоторую напыщенность, содержитъ нѣсколько яркихъ страничекъ, отмѣченныхъ печатью поэзіи и красоты. Но меня занимаетъ въ данномъ случаѣ тотъ спеціальный колоритъ, который составляетъ неотъемлемую черту всѣхъ писаній „Энергіи" и вытекаетъ изъ самой природы этихъ сборниковъ. Сб. „Энергіи" принесли съ собой вкусъ къ реалистическому стилю. Ихъ гнѣвъ, ихъ нервность, ихъ обличительный тонъ рождены живыми событіями. Они, какъ бородавки, обросли отвратительными бытовыми подробностями. Копаясь въ безобразныхъ лабораторіяхъ современной русской дѣйствительности—въ грязныхъ тюрьмахъ, въ душныхъ гимназіяхъ, въ измученныхъ, голодныхъ и озлобленныхъ сердцахъ,—авторы „Энергіи" роковымъ образомъ сами пропитываются ненавистью и гнѣвомъ и всюду улавливаютъ только катастрофы и трагическія исторіи. И оттого обиходное, неграмотническо-грубое берегъ верхъ въ ихъ разсказахъ надъ гармоническимъ и художественнымъ.

Исключеніе составляетъ прекрасная драматическая сказка Д. Айзмана „Свѣтлый Богъ". Это вещь, не рожденная въ порывѣ буйнаго вдохновенія... Единственный недостатокъ — ея растянутость. Но созданный имъ символъ сверкаетъ мистической близной и проникаетъ глубокимъ драматическимъ смысломъ.

Къ числу интересныхъ очерковъ этого сборника относится также повѣсть Ал. Амфитеат-

*) См. «Бюллетени» № 14.

ровъ: „Сестра Елена“. У А. нѣтъ своей беллетристической формы. Въ сферѣ романа это талантливый диллетантъ. Или, еще вѣрнѣе, умный и знающій публицистъ, прекрасно владѣющій ремесломъ интереснаго романиста. Но именно благодаря тому, что у него обширныя знанія, что онъ многимъ обязанъ книгамъ, онъ всегда остается чрезвычайно занимательнымъ разсказчикомъ. Въ повѣсти, разбираемой сейчасъ, есть одна фраза, прекрасно характеризующая А. Пѣвица, отъ имени которой ведется разсказъ, совершенно некстати вспоминаетъ о какомъ-то старинномъ диковинномъ графинѣ. „Хоть и не къ мѣсту,—виновато оправдывается она,—а надо про этотъ графинъ разсказать, а то послѣ забуду“. Таковъ весь А.—въ своей профессіональной работѣ. Въ головѣ у него постоянно имѣется огромный запасъ интереснѣйшихъ эпизодовъ. И когда ему хочется разсказать любопытное воспоминаніе, интересный фактъ, не имѣющій прямого отношенія къ сюжету, А. не церемонится со своими героями и заставляетъ ихъ дѣлать видъ, будто воспоминаніе это возникло не у него, а у нихъ въ душѣ. Оттого всѣ его герои мимоходъ мъ роняютъ самыя неожиданныя замѣчанія. Обладая талантомъ интереснаго собесѣдника, А. удачно спасаетъ свои разсказы отъ самаго страшнаго порока—отъ скуки. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ неизмѣнно чувствуется писатель, увѣренный въ себѣ, и многія страницы носятъ слѣды глубокихъ чувствъ и долгихъ раздумій. Но это раздумье автора, а не его героевъ. ... По характеру своего таланта А. скорѣе скульпторъ, чѣмъ живописецъ и колористъ. Нѣжныя краски, оттѣнки ему чужды. Но ему хорошо удаются мощныя, рѣзкія, угловатыя фигуры. Описанія его грубоваты, но четки, и лица его героевъ запоминаются хорошо. ... Но мысли публициста слишкомъ часто ослабляютъ остроту творческаго воображенія А. и перетягиваютъ его симпатію отъ искусства въ сторону жизни—той шумной, свирѣпой и грязной, реальной жизни, которая владычествуетъ на страницахъ „Энергіи“. (*Л. Войтоловскій. „Кіевская Мысль“. 1914—75*).

... Драма-сказка Айзмана тягучая, трескучая, неискренняя и раздражающе фальшивая... Въ сравненіи (съ ней)... сантиментально-размазанный розовый разсказъ Никандрова „Искусство“ кажется чѣмъ-то очень хорошимъ. Тюремные разсказы Ив. Вольнаго и К. Лигскаго трафаретны... Хорошо написаны и психологичны разсказы В. Кудашева и К. Волгина, рисующіе дѣтей. Самъ редакторъ, интересный какъ всегда, несмотря на однообразіе тона, далъ фрагментъ; современные нравы А. знаетъ, какъ никто другой, и изображаетъ ихъ широко, размашисто и съ умной проніей. (*И. „Рѣчь“. 1914—74*).

На обложкѣ амфитеатровскаго сборника нарисованъ, какъ извѣстно, сильный мускулистый человѣкъ, символизирующій энергію. Но такъ и остается эта энергія на обложкѣ, не проникая въ самый сборникъ. ... Интересны статьи М. Новорусскаго и А. Петрищева. (*Г. Таниных. „Рѣчь“. 1914—34*).

... Вотъ книга, которая производитъ впечатлѣніе удивительной неряшливости во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ внѣшняго вида... (*Я. В. Перовичъ. „Утро“. 1914—2243*).

Есть такія одѣяла: лоскутныя, косячковыя тожъ... Сшить такое одѣяло—не оберешься хлопотъ. А толку чуть: по швамъ разлѣзается и въ глазахъ—очень же рябо. Такъ, вотъ и сборники эти. (*Евг. З. „Ежем. Жур.“ 1914—3*).

418. [. . . . . 0 2 92(Ч)

„Слово“. Сборникъ II. Къ 10-лѣтію смерти А. П. Чехова. Изд. „Книгоизд. писателей въ Москвѣ“. 1914. Стр. Ц. 1 р. 50 к.

Второй сб. „Слова“, цѣликомъ посвященный Чехову, содержитъ богатые матеріалы, извлеченные изъ архива. Примыкая къ знаменитымъ отнынѣ „письмамъ Чехова“, эти матеріалы каждой страницей даютъ что-либо новое, живое и цѣнное для характеристики личности Чехова и его творчества или для біографіи его окружавшихъ литературныхъ дѣятелей, для пониманія ихъ времени. Въ первомъ отдѣлѣ—новыхъ драматическихъ и беллетристическихъ произведеній—самое видное мѣсто занимаетъ драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи „На большой дорогѣ“, ранѣе (1884 г да) произведеніе Ч. Дѣйствіе этюда—„на днѣ“, что въ свое время привело въ негодованіе драматическую цензуру. На представленномъ въ цензуру экземплярѣ пьесы сохранилась помѣтка цензора, какъ вельзя болѣе характерная: „Мрачная и грязная пьеса—не можетъ быть дозволена“. Дѣйствіе этюда происходитъ на грязномъ постояломъ дворѣ. На фонѣ разговоровъ странниковъ, нищихъ и проходимцевъ идетъ разсказъ объ опустившемся „на дно“ барынѣ, здѣсь же умоляющемъ хозяина о водкѣ, и случай приводитъ сюда же его жену, ви овницу его паденія. Безусловно интересенъ основной лирическій мотивъ этюда, увлеченіе со стороны случайнаго слушателя, гулики и разбойника, — драмою чужого человѣка, да еще барина...

Все остальное въ этомъ отдѣлѣ незаконченные отрывки. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколькихъ страницъ, составляющихъ видимо продолженіе „Мужиковъ“: исторія проститутки, сестры Ольги, у которой ютится Ольга съ маленькою Сашей; послѣдней, по замыслу Чехова, предстояла та же дорога...

Центральное мѣсто въ сборникѣ занимаютъ обширныя выписки изъ памятныхъ книжекъ Ч. Это большею частью совершенно отрывочныя записки *), но больше трехъ-четырехъ строкъ, но чтеніе ихъ доставляетъ огромное наслажденіе. Заглядываешь въ тайники творчества и настроеній писателя. Здѣсь пестрой, какъ самая жизнь, чередою переплелись и сюжеты ненаписанныхъ разсказовъ, и на лету изъ жизни схваченныя черточки для того или другого лица въ этихъ разсказахъ, и веселая выдумка, и многіе, многіе слѣды „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“.

Въ замѣткахъ Ч. для себя, можетъ быть гораздо рѣзче, чѣмъ въ творчествѣ, вылилось общее его нѣсколько презрительное отношеніе къ современникамъ въ ихъ массѣ. Презрѣніе къ обывательщинѣ въ разсказахъ его такъ часто сглажено и смягчено нотками примиряющей грусти и жалости къ человѣческой судьбѣ вообще. Кажется, что Ч сдерживалъ въ себѣ настоящій бичующій талантъ сатирика, можетъ быть, потому, что для общественной сатиры нужна опре-

*) См. „Бюллетени“ № 15/16.

дѣленная общественная точка зрѣнія, а ея Ч. несомнѣнно, чуждался въ большей части своей литературной жизни.

Тѣ озлобленіе и досада, которыя гасилъ Ч. въ творчествѣ, сказываются и въ его переписк, и въ особенности въ этихъ отрывочныхъ и случайныхъ замѣткахъ. Очень извѣстны, по произведеніямъ и письмамъ, бутады его противъ близорукой замкнутости интеллигентныхъ кружковъ съ ихъ взаимною грызнею и безплоднымъ непониманіемъ широкой творческой жизни. Онѣ повторяются и въ записной книжкѣ. Существенно новымъ въ этомъ отношеніи является, кажется, обиліе обличительныхъ и рѣзкихъ выпадовъ въ записной книжкѣ противъ... женщинъ. Это до сихъ поръ не освѣщенная сторона его жизни. Видно только, что къ нимъ онъ относился безъ тѣни идеализаціи, а порою, какъ къ олицетворенію худшихъ, ядовитѣйшихъ сторонъ обывательщины.

Сжато презрительныя характеристики пошлыхъ женщинъ и женщины вообще проходятъ чрезъ весь дневникъ. „Разница между мужчиной и женщиной: женщина, старѣя, все болѣе и болѣе углубляется въ бабьи дѣла, а мужчина, старѣя, все болѣе и болѣе уходитъ отъ бабьихъ дѣлъ“. „Воробьихѣ кажется, что ея воробей не чирикаетъ, а поетъ очень хорошо“.—„Русскія за границей: мужчины любятъ Россію страстно, женщины же скоро забываютъ о ней и не любятъ ее“.—„Женщина находится подъ обаяніемъ не искусства, а шума, производимаго состоящими при искусствѣ“. — „Аристократы? То же безобразіе формъ, физическая мокрота, та же беззубая старость и отвратительная смерть, что и у мѣщанокъ“.

Съ какой-то странной озлобленностью Ч. зарисовываетъ злыя каррикатуры на внѣшне некрасивыхъ женщинъ: „беременная дама, съ короткими руками и съ длинной шеей, похожая на кенгуру“, „толстая, пухлая трактирщица — помѣсь свиньи съ бѣлугой“, „барышня, похожая на рыбу хвостомъ вверхъ; ротъ, какъ дупло, хочется положить туда копейку“.—„Кроткая, тихая учительница втайнѣ бьетъ учениковъ, потому что вѣритъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній“. — „Милая, тихая дама, выйдя изъ себя говоритъ:—Если бы я была мужчиной, то такъ бы и дала ему въ морду“.—„Интеллигентная, или вѣрнѣе, принадлежащая къ интеллигентному кругу женщина отличается лживостью“.—„Сколько между дамами идіотокъ! Къ этому такъ привыкли, что не замѣчаютъ этого“.

Мы далеко не исчерпали всего злого о женщинахъ, что заносилъ Ч. въ свои замѣтки, только для себя. Но и этого достаточно, чтобы освѣтить эти настроенія автора „Душечки“ и „Тины“, портретиста женской пошлости.

Особая цѣнность записной книжки въ томъ, что отдѣльныя острыя мысли рѣзко и четко здѣсь рисуются, какъ нѣчто основное, что уляжется потомъ въ томъ или иномъ произведеніи въ окруженіи общаго настроенія. Такъ, при помощи записной книжки, отчетливѣе выясняется пафосъ всего творчества Ч. Въ выборѣ сюжетовъ, заносимыхъ Ч въ книжку, замѣчается тяготѣніе въ особенности къ одной категоріи темъ, очень характерное. Вездѣ бросается въ глаза глубокое инстинктивное отвращеніе чуткаго художника и искренняго, правдиваго человѣка ко всѣмъ ходячимъ, и обычно незамѣчаемымъ, примелькавшимся противорѣчіямъ между положеніемъ и сущностью людей, между словомъ и дѣломъ и т. п.

... Среди разнообразныхъ сюжетовъ и отдѣльныхъ черточекъ, много подлинно-чеховскихъ, ранней поры, полныхъ летучаго и беззавѣтнаго юмора, которымъ нельзя читать безъ улыбки. Но въ то же время эти записи—живой отголосокъ глубокой безочарованности и пессимистической нас роевности Ч. Онъ идетъ мимо жизни съ какимъ-то высокомѣрно снисходительнымъ аристократизмомъ, но съ тайной тоскою и безнадежностью.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ дано нѣсколько публицистическихъ забытыхъ замѣтокъ Ч., напечатанныхъ въ „Новомъ Времени“. Все это, за исключеніемъ замѣтки „Люди подвига“ (о путешественникѣ Пржевальскомъ), мало любопытно. Къ Пржевальскому же Ч. отнесся съ настоящимъ восторгомъ: такіе „подвижники нужны, какъ солнце“. „Такихъ людей, какъ Пржевальскій, я любилъ безконечно“, говоритъ Ч. и въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Заключительную часть сборника составляютъ письма къ Ч.*)—Григоровича, Михайловскаго, Плещеева и другихъ. ... Письма къ Ч. далеко не всѣ исчерпаны въ давномъ томикѣ „Слова“. Можно пожелать скорѣйшаго появленія въ печати и остальной части чеховскаго архива. Повидимому, онъ будетъ вскорѣ исчерпанъ. Для Ч., для матеріаловъ къ изученію его, въ сравнительно короткій срокъ, сдѣлано такъ много, какъ, къ несчастью, не сдѣлано для другихъ давно ушедшихъ отъ насъ корифеевъ литературы. (*Ч. Вѣтринскій. „Нижегор. Листъ.“ 1914—111*).

... Ч. зналъ, чѣмъ жить, и зачѣмъ жить. Это во всякомъ случаѣ не писатель „безыдейнаго творчества“, какъ назвалъ его Н. К. Михайловскій. Это—художникъ, утверждающій идеальное въ жизни, вѣрящій въ жизнь, но, можетъ быть, болѣе кого-либо изъ художниковъ, сугубо подчеркнувшій невозможность и, что еще ужаснѣе, ненужность людей, несущихъ въ себѣ красоту и правду жизни для этого міра людей разсудка и расчета. Изнанка жизни и заплаты ея рѣзали глаза Ч. Насколько это было не плодомъ литературщины, а какъ бы самымъ сосредоточеннымъ и подвижническимъ разысканіемъ: таково ли это въ жизни — за это говоритъ эти записи въ его записной книжкѣ... (*Вас. Сахновскій. „Новь“. 1914—76*).

... Въ этомъ разнообразномъ матеріалѣ... публицистика интереснѣе чистаго искусства. Статейка „Наше нищенство“ прекрасно рисуетъ ненависть Чехова къ русскому разгильдяйству, къ хамской безпечности и мелкой нечестности „культурныхъ“ людей; въ замѣткѣ „Люди подвига“ нашло яркое выраженіе его патетическое преклоненіе предъ человѣческимъ подвигомъ... Играя, онъ разбрасывалъ блестки своего таланта; о томъ, какъ неудачно тратилъ онъ его иногда, лучше всего говорятъ драматическія произведенія, вошедшія въ сборникъ... Но всѣ эти листки изъ альбома и отрывки кажутся блѣднымъ и ничтожнымъ предъ, такъ сказать, гнѣздемъ сборника—замѣтками писателя изъ записной книжки... Это какая-то сокровищница художественныхъ настроеній и творческихъ намековъ.

*) См. „Бюллетени“ № 15/16. „Изъ литературнаго прошлаго“.

служащихъ живымъ стимуломъ къ самостоятельной работѣ воображенія въ читателѣ... („*Русск. Бог.*“ *1914—4*).

... М ыприступаемъ къ нхъ [отрывковъ] чтенію съ глубокой внутренней дрожью. Не оттого, что мы ждемъ отъ этихъ отрывковъ волнующихъ откровеній. Они интересны и дороги потому, что нхъ сочинилъ Чеховъ... Ничего ординарнаго и безцвѣтнаго у Ч. быть не можетъ. Кто однажды почувствовалъ его душу, тотъ всегда угадаетъ ее во всѣхъ мельчайшихъ складкахъ его лица и въ самыхъ крохотныхъ замѣчаніяхъ... Многое заинтересовываетъ своимъ глубокимъ и тонкимъ содержаніемъ. Попадаются строки и страницы, полныя чарующей прелести. Въ нихъ ясно чувствуется біеніе чеховскаго сердца... Въ этихъ мимолетныхъ отрывкахъ онъ проявляетъ себя и въ правдѣ, и въ грусти... Есть отрывки скомканные, неясные. Тѣмъ не менѣе все, что помѣщено въ этомъ сборникѣ,захнаты ваетъ и прочитывается съ жаднымъ интересомъ. Человѣку, котораго такъ хочется узнать короче, который такъ прекрасенъ и въ мечтаніяхъ, и въ разсужденіяхъ своихъ, легко прощаешь эти невольныя недосказанности. (*Л. Войтоловскій. „Кіев. Мысль“. 1914—84*).

... Замѣтки изъ записной книжки... чрезвычайно любопытный матеріалъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ даетъ возможность читателю проникнуть въ лабораторію творчества любимаго писателя, заглянуть въ его душу, распознать нѣкоторыя интимныя его переживанія. Записная книжка—это секретъ души Ч... Но секретъ — слишкомъ цѣненъ, чтобы держать его подъ спудомъ... Раскрываются и идейныя переживанія... Все это—точно золотая пыль, покрываетъ книжки покойнаго писателя. Это тѣ атомы, изъ которыхъ создавалъ и долженъ былъ еще много созидать писатель-реалистъ, такъ изящно претворявшій жизнь въ аппаратъ своего утонченнаго творчества. Это блестки, руководящіе, хотя и обозначныя пяточки, намоки и полуслова, очертанія большихъ и красивыхъ художественныхъ возможностей, уже горѣвшихъ въ мозгу писателя, но такъ и оставшихся въ своемъ аморфномъ состояніи... (*Ал. Ожиговъ. „Совр. Сл.“ 1914—2216*).

... Драма „На большой дорогѣ“ является наиболѣе крупнымъ и законченнымъ произведеніемъ сборника... Въ методѣ написанія этой драмы чувствуетъ ужъ будущій творецъ „Иванова“, „Трехъ сестеръ“, „Чайки“... Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Чехову—Григоровича, Михайловскаго, Плещеева кн. Урусова такъ рѣзко обращаетъ на себя вниманіе ихъ внимательное, нѣжное, прямо-таки влюбленное отношеніе къ писателю... (*Евг. Скивъ. „Жив. Сл.“ 1914—13*).

... Наиболѣе любопытной и законченной вещью перваго отд. сборника является драматическій этюдъ „На большой дорогѣ“... Чрезвычайно примѣчателенъ второй отдѣлъ: въ немъ читателя поражаютъ чудесныя по лаконизму, юмору и остротѣ краткія черновыя записи темъ-сюжетовъ, отдѣльныхъ мыслей, наблюденій... Публицистическія статьи... не прибавляютъ чего-либо новаго къ характеристикѣ Чехова, какъ писателя и человѣка; онѣ лишь напоминаютъ, сколь высокъ былъ планъ той части міросозерцанія А. П., которая складывается подъ воздѣйствіемъ такъ наз. „культурности“... Вся книга читается съ большимъ интересомъ и составлена весьма любовно, тщательно и удобно. (*Арс. Альвингъ. „Новь.“ 1914—58*).

... Самое цѣнное здѣсь—драматическій этюдъ „На большой дорогѣ“... Изъ беллетристическихъ отрывковъ... второй, являющійся продолженіемъ „Мужиковъ“... Сколько въ одномъ этомъ маленькомъ кусочкѣ неподражаемой плѣнительности и красоты удивительнаго чеховскаго мастерства, такого простого, такого просвѣтляющаго, особеннымъ снѣтомъ озарявшаго все, до чего оно касалось... (*И. Джонсонъ. „Утро Рос.“ 1914 г.*

... Какое богатство, какая радость!.. Та необычайная ясность мысли, какая отличала Ч., вскрываетъ сейчасъ тайники его творческой памяти для всѣхъ. Надъ радостью проникновенія въ творческую его лабораторію господствуетъ удивленіе необыкновенной одаренности этого человѣка... Сотни темъ для повѣстей, разсказовъ, водевилей, сколько плановъ, типическихъ зарисовокъ, великолѣпныхъ стоокъ и словъ,—цѣлая гора скатнаго жемчуга!.. Чтобы спокойно разложить свои черновики,—надо быть Ч!.. (*А. Измайловъ. „Русск. Сл.“ 1914—90*).

... Интересный отдѣлъ писемъ къ Чехову Григоровича, Михайловскаго, Плещеева и др. Интересъ этотъ не только юбилейный, но заключающіеся тутъ отзывы имѣютъ общее литературное значеніе... Особенно интересно второе письмо Михайловскаго, гдѣ онъ говоритъ о безвѣріи молодого художника и о вредности его сотрудничества въ „Новомъ Времени... (*Н. Г. „Одесск. Нов.“ 1914—9306*).

... Трудно передать тотъ захватывающій интересъ, съ которымъ читаются наброски и замѣтки Ч... Кажется, что присутствуешь въ тайной лабораторіи, въ которой создаются перлы чеховскаго творчества, такъ хорошо намъ знакомые... (*О. В—къ. „Кіев. Мысль“. 1914—61*).

... У насъ нѣтъ писателя болѣе простого и въ то же время болѣе загадочнаго — значительнаго и волнующаго теперь даже больше, чѣмъ онъ [А. П. Чеховъ] волновалъ, когда жилъ... И какъ отрадно отмѣчать, что всѣ цѣнные документы, способствующіе... постепенному раскрытію писательской физіономіи Ч., находятся въ надежныхъ рукахъ... Документы... интересны... („*Вѣст. Евр.*“ *1914—4*).

... Матеріалы, напечатанные въ сборникѣ, представляютъ громадный интересъ для изученія самого процесса художественнаго творчества А. П... Каждый отдѣлъ сборника настолько интересенъ, что положительно невозможно дать болѣе или менѣе полное представленіе о немъ... Читатель, развернувъ чеховскій сборникъ, еще разъ испытываетъ чувство радости, соприкоснувшись съ свѣтлой душой почившаго художника, и благодарно отмѣтитъ трудъ его семьи, съ вниманіемъ и любовью сохраняющей и собирающей дорогія реликвіи для русскаго общества и для русской литературы. (*Гаррисъ. „Гол. Москвы“. 1914—49*).

... Можно думать, что самъ Ч. придавалъ этимъ матеріаламъ немалое значеніе... И не разъ, когда читаешь коротенькую запись „сюжета“, беретъ обида, что не вылилось это въ законченный разсказъ, повѣсть... Съ признательностью будетъ встрѣченъ сборникъ всѣми, кому близокъ и дорогъ Ч. (*Н. Э. „Рѣчь“. 1914—52*).

... Неподражаемый чеховскій юморъ во всемъ своемъ блескѣ отразился въ его записной книжкѣ... Его нужно прочесть отъ первой строки до

послѣдней". (*Андреевъ. „Петерб. Курьеръ". 1914—6*).

...Критическая литература о Ч. нагромоздила много совершенно невѣрнаго. Письма и записная книжка Ч. въ этомъ смыслѣ способны разгромоздить многое, и устанавливаютъ... весьма опредѣленную точку зрѣнія на его творчество, манеру и отношеніе къ жизни... (*Noto novus. „Театръ и Искус.". 1914—14*).

...Очень многое въ этомъ сб. интересно; очень многое служило матеріаломъ или должно было послужить имъ для будущаго творчества... Изъ писемъ... особенно интересны письма Григоровича и Михайловскаго... (—ъ. *„Рус. Вѣд.". 1913—93*).

...Замѣтки изъ записн. кн. представляютъ богатѣйшій матеріалъ. Б. м. еще большій интересъ возбудятъ онѣ въ тѣхъ, кто стремится выяснить себѣ взгляды Ч. на искусство, литературу и критику (*Дм. Крючковъ. „Отклики", прилож. „Дня". 1914—14*).

...Сб. представляетъ собою большую цѣнность не только для историковъ литературы, но и для читающей публики... Мы не можемъ не пожелать сб. самаго большого успѣха. (*П. Рябовскій. „Просвѣщ." 1914—5*).

Всѣмъ, интересующимся творчествомъ Ч., книга эта окажетъ большую услугу... (*Р. Соболевъ. „Нов. Жз." 1914—5*).

...Книга достойна глубокаго вниманія и широкаго распространенія. (*Гр. С. „Голосъ Пріур." 1914—81*).

...Интересны письма къ Ч. Григоровича... (*П. Б—овъ. „Приднѣпр. Кр." 1914—5110*).

...Вообще, въ сб. много баллласта, но окончательное впечатлѣніе отъ него таково, что драгоцѣнные листки изъ „Записной книжки" Ч. съ избыткомъ выкупаютъ значительную слабыхъ фельетоновъ и чужихъ скучныхъ писемъ". (*Б. Садовскій. „Съв. Зап". 1914—3*).

...Если бы Чеховъ зналъ, что всѣ его письма со всѣми ихъ пустяками, сплетнями, злословіемъ, съ геморроемъ и съ импотенціей, вагнеръ-клозетами и пр. отпечатаны въ десяткахъ тысячъ экз., онъ пришелъ бы въ неописуемый ужасъ... Ч. былъ не чуждъ недостатковъ, ибо каждый оставилъ ихъ имѣть, но не нужно недостатки крупныхъ людей выставлять напоказъ". (*Саддукей. „Моск. Газ." 1914—2*).

...Наибольшее значеніе издатели сборника попадаютъ замѣткамъ изъ записной книжки Ч., находя, что онѣ могутъ дать ключъ къ пониманію процесса его художественнаго творчества. Разумѣется, среди этихъ замѣтокъ попадаются подчасъ мѣткіе штрихи, которые даже и внѣ связи съ тѣмъ произведеніемъ, для котораго ихъ предназначалъ авторъ, способны вызвать нѣкоторый интересъ. Но относительно еще большаго количества замѣтокъ приходится сказать, что онѣ представляютъ, конечно, интересъ для самого писателя, который зналъ, зачѣмъ онъ ихъ заноситъ въ свою книжку, и который, при случаѣ, разумѣется, сумѣлъ бы ими воспользоваться; но въ сыромъ и отрывочномъ видѣ онѣ ни для простого читателя, ни для изслѣдователя творчества Ч. никакого интереса представлять не могутъ, и помѣщеніе ихъ можно объяснить только излишнимъ усердіемъ литературныхъ „гробокопателей". Если бы Ч. могъ предвидѣть, что не въ мѣру увлекающіеся его поклонники будутъ подбирать всѣ эти клочки и обрывки мыслей, то онъ, разумѣется, потрудился бы уничтожить ихъ своевременно... (*Ю — нъ. „Нов. Вр.". 1914—13695*).

419. Герасимовичъ, А. 2 (09)

Творящее въ религіи. Этюдъ матеріалистическаго истолкованія исторіи религіи. Спб. 1914. Стр. 146. Ц. 1 р.

Въ послѣдніе годы реакціи у насъ много писали о религіи, но далеко не все написанное заслуживаетъ вниманія. Лежащія предъ нами небольшая книжка принадлежитъ къ числу счастливыхъ исключеній. Примѣненіе матеріалистическаго метода въ области изслѣдованія корней той или иной идеологической формы было очень трудное, требующее недюжинной критической силы мысли.

Г. обладаетъ этой силой, обнаруживая ее вездѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о зависимости первоначальнаго религіознаго творчества отъ матеріальнаго бытія.

Весьма интересны первыя главы книжки, въ которыхъ опровергается глубоко вкоренившееся, широко распространенное убѣжденіе, будто чувство поклоненія составляетъ существенную сторону всякой религіи. Приводимые авторомъ факты ясно показываютъ, что отношеніе нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ къ своимъ богамъ фамильярное, а часто даже воинственное. Наиболѣе, однако, значительной является та часть этюда, гдѣ устанавливается центральное положеніе, что первыми божествами становятся явленія природы, имѣющія рѣшающее значеніе въ процессѣ производства и борьбы за существованіе. Есть въ книжкѣ и другія интересныя мысли, захватывающія умъ читателя. Но въ ней имѣются также и крупные промахи. Къ этимъ послѣднимъ относятся прежде всего крайне ошибочныя философскія и философско-историческія обобщенія.

Правильно понятый методъ изслѣдованія религіозной проблемы приводитъ автора неизбѣжно къ философскимъ основамъ. Къ сожалѣнію, тутъ, въ области философіи, онъ оказывается либо диллетантомъ, или же послѣдователемъ одной изъ господствующихъ нынѣ эклектическихъ системъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что критическій умъ Г. обнаруживаетъ несомнѣнную способность къ послѣдовательному монистическому мышленію. Пожелаемъ автору восполнить этотъ важный пробѣлъ, а его интересной книжкѣ успѣха. (*Л. О. „Наша Раб. Газ." 1914—16.*)

„Этюдъ матеріалистическаго истолкованія" серьезнѣе, чѣмъ ожидаешь, и какъ соціологическій очеркъ, имѣетъ свои достоинства. Правда, рѣчь въ немъ идетъ больше объ „антропопадахъ", человѣкѣ третичнаго періода и первобытной этнографіи. „Творящее въ религіи"—это „теорія труда", та или иная система пониманія первобытнымъ человѣкомъ условій своей трудовой жизни и грозящихъ ему опасностей. Такъ, для первобытныхъ племенъ, живущихъ рыбной ловлей, идея божества облекается въ образы боговъ вѣтра и моря, отъ которыхъ зависитъ успѣшность и безопасность этой ловли. У всѣхъ народовъ, живущихъ земледѣліемъ, въ качествѣ главнаго божества выдвигается Солнце и, наряду съ нимъ, богъ дождя или грома, какъ условія рѣшающаго для урожая. Самыя же элементарныя религіозныя представленія у людей каменнаго вѣка, по утвержденію автора, были

вызваны непрерывной тяжкой борьбой съ главнымъ врагомъ—хищными звѣрями, чему авторъ склоненъ приписывать даже всю вообще первичную выработку человѣческаго духовнаго міра: „Хищный звѣрь создалъ человѣка, — хищный звѣрь сталъ первымъ его богомъ. Религіозное отношеніе къ хищному звѣрю было началомъ всякой религіи" (стр. 45). Въ этой крайней формулировкѣ (въ которой, какъ и въ тонѣ всей книги, чувствуется юный педантизмъ) вѣрна мысль, конечно, неприемлема. Но идея сопоставленія формъ развитія религіи съ общимъ ходомъ человѣческой культуры заслуживаетъ вниманія. Авторъ справедливо укоряетъ изслѣдователей первобытной религіи въ томъ, что они подходятъ къ ея явленіямъ съ аршиномъ современной психологіи, и хотятъ видѣть въ нашихъ далекихъ предкахъ какую-то укороченную копію насъ самихъ. Отсюда религіозныя возрѣнія дикихъ племенъ представляются имъ сплошнымъ бредомъ (проф. Менгисъ въ своей „Исторіи религій"). Авторъ, напротивъ, настаиваетъ, что „дикарь вполнѣ вѣрно, вполнѣ разумно строилъ свою теорію"; основаніе ея коренилось также въ дѣйствительности, но „эти теоріи объединяли собой опытъ, не имѣющій ничего общаго съ опытомъ нашего вѣка". (*П. Перцовъ. „Нов. Вр." 1914—13685*).

... Это какая-то энциклопедія естественныхъ наукъ. Такова обычная манера писанія Г. Онъ постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, наполняетъ свою книжку множествомъ выписокъ и разсужденій, не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ темѣ.., такъ что зачастую нашему автору принадлежатъ только отдѣльныя фразы, помѣщенныя для приданія связи нанизаннымъ одна на др. цитатамъ... Почему авторъ... не излагаетъ ихъ вкратцѣ, собственными словами, что тѣмъ болѣе непонятно, что Г., повидимому, прекрасно владѣетъ перомъ и можетъ писать ярко, красиво и образно. Порою его рѣчь возвышается до настоящей поэзіи. У автора имѣется несомнѣнный популяризаторскій талантъ. Онъ обладаетъ обширными и разносторонними знаніями и, хотя основной матеріалистическій принципъ его книжки обнаруживаетъ крайнюю односторонность и увлеченіе, въ книжкѣ этой можно все же найти много любопытныхъ фактовъ и мыслей... (*Е. Кочаровъ. „Богосл. Вѣстн" 1914*).

См. еще: *„Отклики" — прилож. „Дня"— 1914—6*).

420. Сиротининъ, А. 327:8] (47:47. 5:497) Россія и славяне. Спб. 1914. Стр. XI+ 607. Ц. 2 р. 95 к.

Впечатлѣніе отъ широкой картины всеславянскаго горизонта, раскрытой въ этой книгѣ, вполнѣ „ученой" книгѣ С., совершенно перекрываетъ минутное уныніе, навѣянное „лекущимъ днемъ"... Книга С. написана тѣмъ хорошо, что беретъ дѣло съ „этической", культурно-исторической стороны. Въ рядѣ очерковъ С даетъ намъ понятіе о родственныхъ нашей русской литературѣ—ея „младшихъ сестрахъ", можно сказать,—маленькихъ литературахъ небольшихъ славянскихъ народовъ. Вѣдь вездѣ, по всѣмъ, иногда крошечнымъ, островкамъ славянскаго племени, вкрапленнымъ въ чужеплеменный океанъ (какъ, напр., привислянскіе кашубы или прилабскіе лужичане), — повсюду горятъ, гдѣ ярче, гдѣ тусклѣе, эти огоньки духа, мѣстами почти исключительно еще въ формахъ первобытно-народнаго творчества, мѣстами,—какъ въ Польшѣ и въ Россіи,—вспыхивая яркимъ языкомъ всемірно-видимаго пламени. Мы мало что знаемъ объ условіяхъ и характерѣ духовной жизни этихъ столь близкихъ намъ по крови, да и географически сосѣднихъ народовъ и народныхъ осколковъ. Но сами мы гораздо важнѣе для нихъ. Кто, напримѣръ, въ Россіи знаетъ,—что нашъ Пушкинъ—въ то же время „нашъ" и для большинства этихъ маленькихъ одноплеменныхъ литературъ?..

... Также интересны данныя очерка „Русь и Польша". Подробно излагаетъ авторъ исторію русскихъ дружескихъ связей врага Россіи Мицкевича, особенно его отношеній къ Пушкину, декабристамъ и Хомякову. Основатель славянофильства и авторъ „Дзядовъ" не только дружили въ Россіи, но не теряли взаимнаго уваженія и въ болѣе поздніе, трудные годы (послѣ 1830). Самый духовный калибръ обоихъ уничтожалъ возможность всякой мелочности. Но, и помимо того, никогда не исчезало ихъ взаимное сродство: „Читая статьи Хомякова и его „Семирамиду" (философія исторіи), и лекціи Мицкевича или его „Книги польскаго политичанства", точно слышишь антифоническое пѣніе съ двухъ клиросовъ всемірнаго храма—одного на крайнемъ Востокѣ Европы, въ Москвѣ, другого на крайнемъ Западѣ ея, въ Парижѣ. Въ той же статьѣ интересны соображенія о возможномъ вліяніи „Дзядовъ" на „Мѣднаго Всадника", какъ бы невольно съ нимъ полемизирующаго... Вообще книга богата содержаніемъ и свѣжестью матеріала. Это настоящая серьезная и настоящая культурная книга, заполняющая собой ощутительный пробѣлъ въ нашей литературѣ по славяновѣдѣнію. Единственно въ чемъ хотѣлось бы поспорить съ авторомъ—это, м. б., оптимистическій взглядъ на условія и будущее славянской идеи... (*П. Перцовъ. „Нов. Вр." 1913—12536*).

...Книга—литературная и вышла изъ подъ пера, во всякомъ случаѣ, свѣдущаго, образованнаго и талантливаго писателя. (*„Нов. Сл." 1914—1*).

... Очерки С.—истинная поэзія, чтеніе ихъ—цѣлое наслажденіе. Глубина мысли, сила чувства, живость въ изложеніи — особенности всѣхъ очерковъ... (*Б. Х. Боневъ. „Българска Сбирка" 1914—1*).

... Статьи С. написаны въ разное время, и потому подборъ ихъ довольно случайный, но написаны онѣ съ знаніемъ дѣла и интересно... (*Н. Б. „Нар. Обозр." 1914—1*).

... Книга... одушевлена однимъ общимъ чувствомъ—любовью къ славянству. Всего интереснѣе статьи объ отношеніи славянъ къ Пушкину и о болгарской литературѣ... (*П. А. „Истор. Вѣстн." 1914—2*).

... Фразеологія предисловія туманна и неопредѣленна... [Статьи] всѣ одинаково цѣнны. Интересны переводы нѣкоторыхъ прозаическихъ небольшихъ произведеній и отрывковъ (стихотворные переводы довольно безцвѣтны и подобраны не всегда удачно), прочтутся не безъ пользы и очерки о кошубахъ и лужичанахъ. Любопытной особенностью кн. С. является то, что, коснувшись такъ или иначе жизни и давъ образцы поэзіи всѣхъ славянскихъ племенъ, авторъ обошелъ полнымъ молчаніемъ жизнь и поэзію двухъ русскихъ славянскихъ племенъ: бѣлорусскаго и

украинскаго. Изъ кн. не видно, почему это сдѣлано, а предположеній строить мы не будемъ. Молчаніе часто говоритъ громче всякихъ словъ. (*М. Сл. „Вѣсти. Евр.“ 1913—12*).

... Панславизмъ С. насколько же искрененъ, насколько и безнадеженъ. Въ его „всеславянской“ мысли удивительнымъ образомъ уживаются столь имъ афишируемое освобожденіе и демократизмъ, свойственные славянской натурѣ, съ непоколебимой вѣрой въ незыблемость основъ... С. пишетъ ярко и свободно. Кто слѣдитъ за развитіемъ идеи панславизма, прочтетъ не безъ интереса его очерки, посвященные полякамъ, чехамъ и словакамъ, сербо-хорватамъ, словенцамъ и болгарамъ, въ лицѣ ихъ выдающихся литературныхъ дѣятелей. Приложенные переводы очень хороши. Про борьбу котубовъ и лужичанъ за право своего національнаго самоопредѣленія интересно узнать всѣмъ, кто слѣдитъ за національнымъ вопросомъ вообще. Объ одномъ только мы спросимъ С.: почему онъ угнетаемымъ народностямъ указываетъ на Россію, какъ на якорь спасенія, и не скорбитъ о тѣхъ славянахъ, которымъ въ самой Россіи не даютъ права свободно развиваться. Нѣтъ, „угнетаемое“ славянство не вѣритъ той Россіи, въ которую его зоветъ С. (*П. Зайцевъ. „День“ 1913—299*).

421/23. Паульсенъ, Фр. 371

Педагогика. Перев. съ 25-го нѣм. изд. М. А. Энгельгардта. Вып. I—III. Изд. „Шк. и Жз“. Спб. 1914. Стр. 304. Ц. 1 р. 50 к.— *Тоже.* Изд. т-ва „Міръ“. Перев. Подъ ред. Г. К. Вебера. М. 1914. Стр. VIII+487. Ц. 2 р.

Имя П. хорошо извѣстно въ литературно-педагогическихъ курсахъ; его авторитетъ въ вопросахъ школьнаго образованія, особенно средняго, также пользуется общимъ признаніемъ. Если прибавить къ этому, что предлагаемая книга составляетъ содержаніе лекцій по педагогикѣ, которыя П. читалъ въ берлинскомъ университетѣ въ теченіе почти трехъ десятилѣтій, привлекая къ слушанію ихъ многочисленную и непрерывно возраставшую аудиторію, то уже отсюда ясно будетъ, что „Педагогика“— крупное явленіе въ педагогической литературѣ, и изданіе ея перевода на русскомъ языкѣ заслуживаетъ и интереса и сочувствія. „Педагогика“ состоитъ изъ „Введенія“, главной части, распадающейся на двѣ книги: 1) „Воспитаніе воли“, 2) „Теорія обученія“, и „Приложенія“, гдѣ говорится о физическомъ воспитаніи. „Введеніе разсматриваетъ общіе вопросы педагогики, а именно: „Понятіе и задача педагогики“, „Сущность и значеніе воспитанія“, „Общая форма воспитательной дѣятельности“, „Предпосылки воспитанія со стороны воспитателя и со стороны воспитанника“, „Способности и воспитаніе“, „Теорія и практика“.

...Характеръ и изложенія всѣхъ этихъ вопросовъ отличаются точностью, ясностью и систематичностью. Обширныя теоретическія свѣдѣнія автора соединяются съ богатымъ педагогическимъ опытомъ, съ отличнымъ знаніемъ школьнаго дѣла, съ провинціальнымъ философскимъ умомъ, одинаково сильнымъ и въ анализѣ изучаемой области явленій, и въ критической оцѣнкѣ различныхъ педагогическихъ доктринъ, и въ построеніи собственной системы. ...Вторая часть „Введенія“ характеризуетъ съ антропологически-психологической точки зрѣнія дѣтство, юношество и различіе половъ. Въ вопросѣ о качествахъ и силѣ женскаго интеллекта онъ придерживается консервативной позиціи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ спорныхъ вопросахъ. Первая книга главной части сочиненія, какъ уже упомянуто выше, называется, „Воспитаніе воли“. Самое заглавіе, замѣняющее обычную рубику „Нравственное воспитаніе“, показываетъ, что авторъ понимаетъ послѣднее, главнымъ образомъ, какъ воспитаніе воли. Съ этой точки зрѣнія дальше, въ 13 главахъ, разсматриваются вопросы о средствахъ воспитанія воли (примѣръ, дисциплина, ученье), объ отдѣльныхъ сторонахъ воспитанія воли, о воспитаніи храбрости, настойчивости, правдивости, разсудительности, о значеніи игры и работы для воспитанія воли, о половой жизни въ связи съ задачами воспитанія, о воспитаніи чести, соціальныхъ добродѣтелей, любви къ родинѣ...

...Книга вторая наз. „Теорія обученія“, и дѣлится на „Общую дидактику“ и „Спеціальную дидактику“. „Общая дидактика“ состоитъ изъ обычныхъ подраздѣленій, а именно: 1) задача обученія вообще, 2) общая форма обученія, 3) вниманіе, 4) память. „Спеціальная педагогика“ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) „Подраздѣленіе наукъ и предметовъ обученія; языкъ и грамота“, 2) „Древніе языки“, 3) „Новые языки“ (французскій и англійскій), 4) Преподаваніе нѣмецкаго языка“, 5) „Философская пропедевтика“, 6) „Преподаваніе религіи“, 7) „Преподаваніе исторіи“, 8) „Преподаваніе географіи“, 9) „Предметы математическо-естественно научнаго образованія“, 10) „Описательныя естественныя науки“, 11) „Физика и химія“, 12) „Преподаваніе математики“ 13) „Эстетическое воспитаніе“. Въ каждой главѣ о преподаваніи того или другого предмета авторъ даетъ историческій очеркъ его положенія въ школѣ, выясняетъ значеніе этого предмета для образованія и излагаетъ методику его преподаванія. Все это сдѣлано обстоятельно съ большимъ знаніемъ, съ большой продуманностью и съ обычной ясностью, точностью и послѣдовательностью.

Въ заключеніе укажемъ, что вопросу о физическомъ воспитаніи „Педагогика“ отводитъ сравнительно очень мало мѣста, и то только въ „Приложеніи“. Авторъ, по его собственнымъ словамъ, намѣчаетъ лишь общія точки зрѣнія на искусства діэтетики и гимнастики, имѣющей цѣлью помочь воспитаннику развить здоровое, сильное, закаленное и ловкое тѣло. Заканчивая этимъ нашъ краткій обзоръ „Педагогики“, мы еще разъ привѣтствуемъ ея появленіе на русскомъ языкѣ, какъ цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу, но съ той оговоркой, что далеко не всѣ принципіальныя воззрѣнія ея автора можно считать правильными. (*Р. Г. „Вѣст. Восп.“ 1913—7*).

...Кн. П. даетъ много новаго и цѣннаго какъ педагогу, такъ и родителю и воспитателю. Для народн. учителя представляютъ большой интересъ главы, посвященныя дидактическимъ вопросамъ... Правда, нѣкоторыя положенія нѣмецкаго педагога непріятно поразятъ русскаго читателя, напр., признаніе П. допустимости примѣненія физическаго наказанія... Во всякомъ случаѣ, кн. П. слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія среди педагоговъ и воспи-

тателей. Переводъ выполненъ прекраснымъ языкомъ и читается легко. (*С. С—о. „Педаг. Листъ.“ 1914—4*).

...Какъ ни бѣгло П. обозрѣваетъ вопросы воспитанія и обученія, какъ ни мало у него того, что является темой нашего времени,—психологіи ребенка,—тѣмъ не менѣе, не безполезно почитать очень легкія и доступныя каждому культурному человѣку мысли о разныхъ вопросахъ воспитанія и обученія... [внушенныя] греческой философіей, поэтическими настроеніями Гете, вообще—культурными взглядами нашего времени... (*Г. И. „Нар. Образ.“ 1914—1*).

...Если и нельзя согласиться со всѣми мыслями П., излагающимися съ обычнымъ глубокомысліемъ, тонкостью и остроуміемъ, то все же нужно признать, что къ каждой проблемѣ онъ подходитъ во всеоружіи знанія и генія. Единственное, что оставляетъ неудовлетвореннымъ—это то невниманіе, съ которымъ онъ относится къ столь важной проблемѣ эстетическаго воспитанія. Трактовать эстетическое воспитаніе какъ одну изъ главъ воспитанія интеллектуальнаго,—это значитъ вообще не трактовать его. (*Н. Ш—цъ. „У. Рос.“ 1914—79|80*).

Имя П. достаточно говоритъ само за себя, чтобы его книга нуждалась въ особой рекомендаціи. Воспитатели и учителя вообще, и въ особенности преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній должны съ удовольствіемъ встрѣтить его книгу. Жаль только, что русскій переводъ ея [въ изд. „Шк. и Жз.“] сдѣланъ весьма и весьма тяжеловато. (*„Моск. Вѣд.“ 1913—188*).

424. Сентюрина, Н. И. 372

Живое слово ребенка въ выразительномъ чтеніи и устной рѣчи. (Теорія и практика). Спб. 1913. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.

Своевременно появляется эта нужная книга, посвященная родителямъ и педагогамъ... [Она] поможетъ нашимъ педагогамъ самимъ понять всю прелесть выразительной рѣчи, понять, какъ можетъ оживиться ихъ преподаваніе, если попытаться ввести въ него больше словеснаго изящества и музыкальности. Авторъ послѣдовательно и систематически, не скупясь на разборъ образцовъ, выясняетъ основные пріемы выразительной рѣчи. Преподаватель найдетъ здѣсь много цѣнныхъ и поучительныхъ совѣтовъ. Во второй части кн. на различныхъ худож. выпроизведеніяхъ авторъ практически, детально разработалъ рядъ статей, чтобы показать, какъ въ цѣляхъ большей художественности и осмысленности мож. быть естественнѣе, ярче понять и выраженъ этотъ литературный матеріалъ. Только мало дано образцовъ чисто народной рѣчи... (*И. Соловьевъ. „Вѣст. Восп.“ 1913—7*).

...Книга С. должна привлечь вниманіе педагоговъ... (*Н.-С—въ. „Рус. Шк.“ 1913—2*).

С. отлично изучила теорію выразительнаго чтенія и практику его преподаванія дѣтямъ младшаго возраста. Ея сочиненіе въ этомъ отношеніи—цѣнный вкладъ въ методику роднаго языка. Почти все, что говорится въ кн. „Живое слово ребенка“..., въ I-й гл. II-й части, озаглавленной „Пріемы преподаванія выраз. чтенія“, у свѣдующаго читателя вызоветъ полное сочувствіе, а для неопытнаго преподавателя должно служить хорошимъ руководствомъ въ пониманіи и веденіи выразительнаго чтенія. Что касается педагогики обученія живой рѣчи вообще, тамъ дѣло обстоитъ иначе. [Рецензентъ возражаетъ противъ черезмѣрной теоретичности метода изученія русскаго языка]. (*В. Чернышевъ. „Рус. Шк.“ 1913—7|8*).

...И родители и ученики найдутъ въ книжкѣ удачныя дидактическія указанія и умѣлый подборъ образцовъ для упражненій... (*К. „Нар. Образ.“ 1913—1*).

425. Третьяковъ, Д. К., проф. 571

Доисторическій человѣкъ. Древній каменный вѣкъ. „Библ. натуралиста“. Изд. А. С. Панафидиной. Спб. 1913. Стр. 53 съ 40 рис. Ц. 30 к.

Небольшая книжка очень обстоятельно, но немного сухо, излагаетъ все существенное, относящееся къ доисторическому человѣку и его быту. Авторъ останавливаются только на палеолитѣ, на особенностяхъ обработки кремня и на формахъ кремневыхъ орудій; эти особенности обработки и формы орудій отличаютъ четыре эпохи древняго каменнаго вѣка. Разбираетъ—остатки человѣка, типы расъ того времени, также и характерныя произведенія искусства первобытнаго обитателя природы Европы. Недочеты можно указать только въ совершенно невѣрномъ правописаніи нѣкоторыхъ именъ, какъ, напр., Мусторъ, вмѣсто Мустье и мустерская, Спай вмѣсто Спи, да Носъ ошибочно названъ аббатомъ. (*А. П. „Бюл. Хар. О-ва Любит. Прир.“ 1913—4*).

Проф. Т. суммируетъ въ своей книгѣ добытыя разными ученными данныя по изслѣдованію древнѣйшихъ череповъ и скелетовъ человѣка и слѣдовъ первобытной культуры... Дѣлается опытъ характеристики древнѣйшихъ расъ европейца—неандертальской, оринъякской и кроманьонской. Въ заключеніе всего дѣлается выводъ, что человѣкъ „съ самаго начала своего появленія на землѣ отмѣченъ особою печатью, и всѣ попытки найти промежуточное звено между человѣкомъ и животнымъ міромъ не нашли себѣ яснаго и безспорнаго доказательства“. (*„Педаг. Сб.“ 1913—12*).

Въ числѣ выпущенныхъ „Библіотекой Натуралиста“ научно-популярныхъ книгъ, книжка Т. особенно интересна для широкихъ круговъ... Можно лишь высказать пожеланіе, чтобы при подобнаго рода научно-популярныхъ изданіяхъ давались указанія, въ какихъ изъ нашихъ музеевъ можно видѣть соотвѣтствующія коллекціи... (*Н. Марксъ. „У. Рос.“ 1913—131*).

...Читатель найдетъ здѣсь общедоступное, сопровождаемое многочисленными иллюстраціями изложеніе... вопроса съ указаніемъ ясѣхъ главнѣйшихъ трудовъ какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. (*„Рѣчь“. 1913—169*).

...Книжка написана просто, ясно и сжато... (*О. Щербаковъ. „У. Рос.“ 1913—189*).

...Книжка написана очень популярно, интересно, издана очень хорошо... (*А. К. „Моск. Вѣд.“ 1913—91*).

426. Содди, Ф. 53

Матерія и энергія. Изд. „Природа“. М. 1913. Стр. 182. Ц. 70 к.

Книга... написана лицомъ, много поработавшимъ надъ выясненіемъ взаимоотношенія между матеріей и энергіей, надъ радіоактивными превра-

щеніями, такъ сильно измѣнившими наши представленія о матеріи, какъ о нѣкоторомъ неизмѣнномъ субстратѣ всѣхъ явленій. Въ 10-й гл. авторъ подробно выясняетъ понятіе объ энергіи и ея различныхъ видахъ, превращаемости ея изъ однихъ видовъ въ другіе, понятіе объ атомахъ, молекулахъ и химическихъ элементахъ и, наконецъ, болѣе подробно останавливается на разнаго рода радіаціяхъ, радіоактивности и превращаемости химическихъ элементовъ. Упомянута, хотя довольно кратко, и роль радіоактивныхъ элементовъ въ жизни солнца и земли (радій — какъ источникъ внутренней теплоты земли). Главная мысль автора — это то, что только энергія въ разныхъ ея формахъ представляетъ реальную цѣнность какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для государства, и что *обогащеніе* въ наст. смыслѣ этого слова должно состоять именно въ накопленіи энергіи. Наше же вр., наоборотъ, характеризуется безразсудной тратой энергіи, накопленной въ землѣ въ видѣ каменнаго угля и нефти за безконечные геологическіе періоды, — тратой, могущей привести соврем. культуру къ банкротству. Кн. читается съ интересомъ, хотя переводъ нѣсколько тяжеловатъ. (*Д. В. Алексѣевъ.* „*Вѣст. Восп.*“. *1914—5*).

...Книга содержитъ въ себѣ философское обобщеніе всего того, что извѣстно наукѣ о матеріи и энергіи, о ихъ взаимоотношеніяхъ и о роли относящихся сюда теорій въ физикѣ. Замѣчательная точность, сжатость выраженій, прекрасный переводъ дѣлаютъ книгу въ высокой степени цѣнной. Нельзя ее не рекомендовать, нельзя не радоваться ея выходу... (*„Изв. Русск. О-ва Люб. Міров.“ 1913—8,4*).

Имя автора говоритъ за себя, и остается только поблагодарить изд-во, что оно даетъ подобныя новинки лучшихъ популяризаторовъ русской публики въ образцовомъ переводѣ, хорошо изданныя и доступными каждому по цѣнѣ. Понятно, что популярность книги относительная, требующая отъ читателя предварит. знакомства съ химіей и физикой, хотя бы въ объемѣ курса средней школы. (*„Элект. и Жз“ 1914—4*).

Книга С.— одна изъ лучшихъ популярныхъ книгъ о новѣйшихъ теченіяхъ физики. Она написана замѣчательно краснвымъ, образнымъ и точнымъ языкомъ, и читается почти какъ хорошій романъ... Единственный недостатокъ... отсутствіе иллюстрацій. Въ кн. имѣется нѣсколько интересныхъ примѣчаній редактора Н. А. Морозова. (*І. А. Гуревичъ. „Своб. Журн.“ 1914—3*).

Книга С... представляетъ огромный интересъ для читателя, интересующагося какъ естествознаніемъ вообще, такъ и тѣмъ еще не вполнѣ опредѣлившимся переломомъ въ физикѣ и химіи, который начался съ открытія радіоактивности, въ особенности. (*В. М. „Нижег. Лист.“ 1913—251*).

Это — прекрасная книжка... Для чтенія ея требуется значительное напряженіе. (*М. Н. „Жз. для Вс.“ 1913—12*).

...Мы должны рекомендовать [эту книжку] желающимъ ознакомиться съ совр. положеніемъ вопроса о взаимоотношеніи энергіи разныхъ видовъ къ тому объекту, который носитъ названіе матеріи. Однако, къ большому сожалѣнію, должны сказать, что кн. много выиграла бы при болѣе внимательномъ просмотрѣ ея редакторомъ. Языкъ могъ бы быть лучше, равно какъ и переводъ... (*В. Рюминъ. „Бюллет. Харьк. О-ва Любит. Прир.“ 1913—4*).

427. Мартинъ, Дж. 54

Чудеса и завоеванія современной химіи. Теорія и практика совр. химіи въ популярномъ изложеніи для неспеціалистовъ и учащихся. Съ портр. автора и многими иллюстр., перев. съ англ. Е. Лазарева подъ ред. А. Н. Баха. Съ предисл. автора къ русск. изд. М. 1913. Стр. 323. Ц. 2 р.

Насколько можно судить по переводу, книга М.— явленіе единственное въ популярной литературѣ по химіи. Книга разсчитана на самый широкій кругъ читателей. Ее съ большимъ интересомъ прочтетъ каждый читатель, даже безъ какой бы то ни было подготовки по физико-химическимъ наукамъ, но въ тоже время и лицу уже знакомому съ физикой и химіей книга должна дать много интереснаго. Авт ръ вводитъ въ сферу самыхъ общихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ глубокихъ вопросовъ современнаго физико-химическаго знанія. Достаточно бѣглаго взгляда на оглавленіе книги, чтобы заинтересоваться ея содержаніемъ.

Вотъ для характеристики содержаніе первыхъ двухъ главъ: Глава I. *Тайна матеріи.* Вѣчная циркуляція матеріи во вселенной. — Непстребимость матеріи. — Теорія матеріи. — Эфиръ. — Теорія Осборна Рейнольдса.—Электронная теорія матеріи.—Дѣйствительно ли матерія неистребима?—Природа массы.—Количество матеріи во вселенной. Глава II. *Низшій міръ атомовъ.* Вселенная въ состояніи движенія.— Атомныя теоріи древнихъ грековъ.—Поэма Лукреція „De rerum natura“. Взгляды Ньютона... Работы Пастера, Ле-Бела и Вантъ-Гоффа и т. д.

Все это изложено необыкновенно легко, общепонятно и вмѣстѣ съ тѣмъ строго научно. Авторъ не боится новѣйшихъ теорій и смѣлыхъ обобщеній и аналогій и не ограничиваетъ себя, подобно многимъ писателямъ учебниковъ и популярныхъ книгъ сферой, такъ называемыхъ „строго-установленныхъ фактовъ и теорій“, находящихся если не наканунѣ своей сдачи въ архивъ то наканунѣ пересмотра.

Русскій переводъ далеко не стоитъ на уровнѣ англійскаго текста. Повидимому, переводчикъ и редакторъ слишкомъ легко отнеслись къ своей задачѣ и мѣстами совершенно не поняли подлинника. [Указ. цѣлый рядъ недочетовъ перевода].

...Всѣ эти недостатки перевода легко устранимы при повторномъ изданіи, которое — надѣемся—не замедлитъ появиться.

Но и въ этомъ видѣ книга д-ра М. даетъ такъ много новаго и интереснаго, что ее смѣло можно рекомендовать дѣтямъ старшаго возраста и вообще всѣмъ, интересующимся чудесами и завоеваніями современной химіи. (*„Нов. Дѣтск. Лит.“ 1913—7*).

...Книга М. представляетъ собой одну изъ попытокъ приблизить химію къ читающей публикѣ,— попытку, блестящимъ образомъ удавшуюся. Читатель незамѣтно для себя погружается въ глубочайшіе тайники химіи и съ изумленіемъ замѣчаетъ, какъ въ немъ растетъ интересъ къ этой наукѣ, какъ трудно ему оторваться отъ страницъ книги, раскрывающей грандіозныя картины какъ въ безконечно большихъ, такъ и

въ безконечно малыхъ вселенныхъ. ...Это не только популярная химія, это — *энциклопедія естествознанія*, энциклопедія-миніатюра, въ которой авторъ использовалъ, кромѣ химіи, и астрономію, и географію, и геологію, и философію, и даже художественную литературу, такъ что рядомъ съ химическими формулами и цифрами читатель знакомится съ отрывками изъ Лукреція, стихотвореніями Лонгфелло, Теннисона и др., еще болѣе освѣщающими яркія картины, набрасываемыя авторомъ.

„Чудеса и завоеванія современной химіи" читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ, до конца пробуждая въ читателѣ не только преклоненіе передъ наукой и любовь къ ней, но и жажду дальнѣйшаго углубленія въ ея быстро разрастающуюся сокровищницу. И книгу проф. М. можно смѣло рекомендовать вниманію широкихъ слоевъ публики, какъ одно изъ лучшихъ сочиненій научно-популярнаго характера, рекомендовать не только для взрослыхъ, но и для юношества, которое послѣ такой книги съ удвоеннымъ интересомъ вернется къ своимъ учебникамъ, ибо формулы и положенія этихъ учебниковъ получатъ въ его глазахъ новый смыслъ, новое безконечно богатое содержаніе.

Въ книгѣ свыше 70 рисунковъ, переведена и издана она прекрасно, цѣна сравнительно невелика—два рубля. (*І. И. „Сар. Вѣст." 1913—101*).

...М. принадлежитъ къ лучшимъ представителямъ англійскихъ популяризаторовъ, и его книжка при всей своей увлекательности и удобоваримости представляетъ весьма интересный и добросовѣстный научный трудъ.

...Химія излагается М. въ связи и сопоставленіи съ новѣйшей физикой, астрономіей, физіологіей и технологіей, и его превосходныя аналогіи и остроумныя сближенія не только уясняютъ изложеніе, но волнуютъ и возбуждаютъ мысль читателя. Кромѣ того въ книгѣ разбросано много прекрасныхъ художественныхъ описаній интересныхъ явленій природы. И если М. и вѣруетъ въ матерію и эфиръ и въ своемъ изложеніи догматически излагаетъ эту вѣру, то во всѣхъ остальныхъ частяхъ трудъ его является глубоко научнымъ, критическимъ и весьма цѣннымъ вкладомъ въ популярно научную литературу, и мы горячо рекомендуемъ русскій переводъ его книги нашимъ читателямъ. (*П. Фр. „Куб. Край". 1913—80*).

...Книга читается съ большимъ интересомъ и можетъ быть рекомендована не только для учащихся, но и преподавателей, читающихъ популярныя лекціи. (*Г. П. „Бюл. Харьк. Об-ва Люб. Прир." 1913—4*).

428. Грабарь, Игорь. 75:92(С)

Валентинъ Александровичъ Сѣровъ. Жизнь и творчество.—„Русскіе художники. Собраніе иллюстриров. монографій". Вып. 3., 1914. М., изд. І. Кнебель. 300 стр. Съ 277 иллюстр. Ц. 6 р.

Художественная дѣятельность С. относится къ періоду перелома въ русскомъ искусствѣ, перехода отъ передвижничества къ искусству импрессіонистскому. Г. характеризуетъ это время, какъ переходъ отъ идейнаго реализма къ реализму художественному. Искусство уклонилось въ сторону „правдивыхъ личныхъ переживаній" и далѣе эволюціонировало въ направленіи крайняго индивидуализма. Г. опредѣленно ставитъ С. во главѣ новаго русскаго искусства, указывая на параллелизмъ подобнаго же движенія за границей: Курбэ и Мане во Франціи, Менцель и Лейбль въ Германіи, Рѣпинъ и С. въ Россіи.

Такимъ образомъ, Г. въ исторической перспективѣ отодвигаетъ С. дальше къ передвижническимъ годамъ. Онъ видитъ въ немъ продолжателя Рѣпина, продолжателя приблизившагося къ импрессіонизму. С., по его мнѣнію, отнюдь не былъ прямымъ послѣдователемъ французскихъ импрессіонистовъ, которыхъ, кстати, узналъ довольно поздно, но самостоятельнымъ путемъ онъ значительно приблизился къ ихъ техникѣ. Эта эволюція выяснена Г. въ его анализѣ творчества С., которому посвящена большая часть книги, представляющая исключительный интересъ по своей полнотѣ и компетентности. Г. въ число вліяній, опредѣлившихъ творчество С., не включаетъ „Міръ Искусства" и вскользь упоминаетъ о немъ, лишь говоря объ иллюстраціяхъ С. Наиболѣе деликатной и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе существенной стороной всякаго анализа творчества художника являются опредѣленіе художественныхъ вліяній, отразившихся на его работѣ.

Шагъ за шагомъ, слѣдя за эволюціей С., Г. детально анализируетъ каждую фразу его творчества. Эта часть книги читается съ всеослабнымъ интересомъ. Г. работалъ надъ своей монографіей шесть лѣтъ и пользовался подробными указаніями самого С. Въ изложеніи весьма умѣло опущено все то изъ жизни С., что не имѣло бы прямого отношенія къ его характеристикѣ, какъ художника.

Къ анализу Г. (не считая послѣдняго періода жизни С.), другіе изслѣдователи не могутъ ничего добавить. Самое существенное въ характеристикѣ С. это то, что онъ признанъ несомнѣннымъ живописцемъ, въ каковомъ качествѣ ему склонны были отказывать даже многіе изъ его почитателей. Къ сожалѣнію, слишкомъ часто приходится разъяснять, что живопись заключается не въ одной красочности. Въ защиту С., какъ живописца, горячо вступается Г.:

„Есть два типа живописи: задача одной—цвѣтистость, задача другой—гармонія общаго тона; живописцы первой категоріи заботятся о звучности всего произведенія въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, объ интенсивности и красочной сгущенности; живописцы второго типа преслѣдуютъ только достиженіе наибольшаго благородства всей гаммы, не считаясь съ силой свѣта, а думая лишь о его значительности и серьезности". Портретъ С... „рѣдкостно прекрасенъ именно этой черно-сѣрой гаммой своей, которая необычайно благородна и значительна... онъ нашелъ звучность и въ сѣрой гаммѣ". Ссылаясь на правдивость и искренность С., Г. хочетъ снять съ покойнаго предъявленное къ нему нѣкоторыми обвиненіе, якобы въ преднамѣренной карикатурности извѣстныхъ портретовъ. Желая во что бы то ни стало быть правдивымъ,— поясняетъ Г.,— С. могъ невольно подчеркивать въ портретѣ характерныя черты. Это не преднамѣренность, а стремленіе къ художественной правдѣ, простотѣ. Но врядъ ли въ давномъ случаѣ нужны оправданія. Портреты, коимъ были отмѣчены, какъ карикатурные, наиболѣе „характерныя" изъ работъ С. (*Б. Шуйскій. „День". 1914—43*).

С. представлялъ одно изъ рѣдкихъ явленій полнаго слiянія художника и человѣка. „Правдивость и любовь къ простотѣ“ были основными чертами и въ его жизни и въ его искусствѣ. Эта монолитность крупнѣйшаго русскаго художника, ныя безотносительная значительность оставленнаго имъ наслѣдія, выражены въ превосходной монографіи Г. Книга исключительно богата воспроизведеніями, отлично подобранными, всесторонне характеризующими творчество С., въ большинствѣ очень удачными. Достоинъ художника и текстъ очерка, который трудно не „проглотить“ сразу: до такой степени написанъ онъ живо, любовно, со совсѣмъ особымъ чутьемъ простоты и серьезности, съ какими именно и необходимо подходить къ С., и до такой степени рисуетъ крупнѣйшій художественный обликъ. Авторъ не „изливаетъ чувствъ“, которыми очевидно, проникнутъ на первый взглядъ почти только сообщаетъ, но всѣ малѣйшія черты и штрихи, сливаясь, удивительно искусно вырисовываютъ исключительно характерную фигуру С. и тотъ сложный путь художества, по которому онъ шелъ. Документированъ, можно сказать, каждый шагъ его развитія и исканій.

Лучшими живописными произведеніями С. авторъ книги считаетъ его знаменитыя ранніе картины „Портретъ В. С. Мамонтовой“ и „Дѣвушку, освѣщенную солнцемъ“. Затѣмъ, главными этапами его художественнаго пути являются переходъ отъ живописи къ характеру, что впервые сказалось въ портретѣ М. Ф. Морозовой (1879 г.), и отъ характера къ стилю-послѣ выставки историческихъ портретовъ въ Таврическомъ дворцѣ. Но въ этихъ образахъ у С. не было головного теоретизма или постороннихъ вліяній. Основной подходъ у него былъ чисто живописный. Онъ имѣлъ счастье не только не пережить себя, а до конца искренно углубляться въ исканіе и отдаваться задачамъ, не связаннымъ теоретизмомъ. Очень хороши въ книгѣ характеристики выдающихся произведеній С.

Только кое съ чѣмъ можно не согласиться. Чрезвычайно оригинальная глава „Сѣровъ-иллюстраторъ“, гдѣ выясняется, что всѣ его иллюстраціи по существу — картины, а „Петръ I“, „какого мы до того не видали“,— даже фрески. Но пытаясь поставить С. на опредѣленную историческую полку, что и было бы, можетъ быть, преждевременно, Г. называетъ его „послѣднимъ великимъ портретистомъ стараго типа“, „послѣднимъ убѣжденнымъ пѣвцомъ человѣка“. (*А. Ростиславовъ. „Рѣчь“. 1914—63*).

Съ выходомъ грабаревской монографіи можно сказать, что сѣровская литература не только существуетъ, но почти богата, ибо трудъ Г. охватилъ жизнь С. чрезвычайно полно и широко поставилъ вопросы, связанные съ характеристикой сѣровскаго творчества. Въ этомъ—главное и непреходящее значеніе книги; Г. не отступилъ передъ трудностями, которыя современнику и другу покойнаго художника ставятся сложнымъ и обширнымъ наслѣдіемъ С.; онъ сумѣлъ настолько быть „историкомъ“, что именно отъ грабаревской постановки сѣровской проблемы и отъ анализа его рѣшеній должны будутъ исходить всѣ дальнѣйшія работы по изученію С. Начало положить—самое трудно. Основной подходъ Г. къ С.—отъ жизни художника къ его творчеству. Если указывать спорные пункты грабаревской работы, то этотъ, положенный имъ въ основу принципъ подхода къ сѣровскому творчеству, будетъ первымъ. Съ точки зрѣнія искусства правильнѣе, думается, было бы наоборотъ: отъ творчества художника къ его жизни; второе лишь постольку важно, поскольку опредѣляетъ и объясняетъ первое. Здѣсь мы гарантированы отъ предвзятостей въ опредѣленіяхъ и отъ схематизаціи художественнаго матеріала по біографической указкѣ. Это послѣднее отчасти и случилось съ Г.: мы полагаемъ, что излишній схематизмъ его анализа сѣровскаго наслѣдія обусловленъ не только неразработанностью темы, но и приматомъ біографическаго начала, заставляющаго смотрѣть на развитіе сѣровскаго дарованія сквозь свои нѣсколько случайныя очки.

Но есть, благодаря именно избранному Г. строю книги, особая въ ней черта, которая встрѣчается чрезвычайно рѣдко и чрезвычайно привлекательна. Это — жизненный трепетъ, которымъ обвѣяна вся книга о С.,— трепетъ, сообщенный той любовью къ человѣческой личности художника, которая можетъ быть только у того, кто дѣйствительно въ жизни близко стоялъ къ художнику, кто дорожитъ имъ не по-академически, не потому только, что онъ „хорошо писалъ“. Въ этомъ драгоцѣнномъ качествѣ книги о С.,— качествѣ, позволяющемъ намъ почувствовать его живую личность, для меня растворяются всѣ недостатки грабаревской системы: изучить творчество С. время есть, но возсоздать, закрѣпить его живой человѣческій обликъ надо именно сейчасъ. Я упустилъ бы изъ виду очень важную сторону книги, если бы не обратилъ вниманія читателей на чисто-литературныя достоинства грабаревской монографіи. Это,— кромѣ всего прочаго,— еще великолѣпный „кусокъ литературы“, съ рѣдко-прозрачнымъ, простымъ языкомъ, послушно повинующимся автору и четко отражающимъ его переживанія; глава о портретѣ В. С. Мамонтовой,— одна изъ лучшихъ главъ монографіи на ряду съ „Чертами жизни и творчества“ и „С.-иллюстраторомъ“. (*Россіи. „Рус. Вѣд.“ 1914—33*).

Монографія Г. содержитъ обширный и крайне цѣнный біографическій матеріалъ; прекрасно издана, съ огромнымъ количествомъ репродукцій, но для искусства недостаточно добросовѣстной любви, не достаточно хорошихъ репродукцій и простоватой интимности.

Мы хотимъ—и мы должны требовать подлиннаго, жизненнаго, проникновеннаго отношенія къ искусству, мы хотимъ, чтобы то, что написано о произведеніяхъ искусства, было само произведеніемъ искусства, и въ этомъ отношеніи у насъ есть такіе образцы историко-художественной прозы, какъ Винкельманъ, Патеръ, Тэнъ, Фромантенъ, наконецъ, Муратовъ, которые обязываютъ насъ къ чему-то большему, чѣмъ то, что далъ Г. (*Н. Пунинъ. „Свѣт. Зап.“ 1914—2*).

Пріемъ работы Г. совершенно правильный, потому что художникъ каждому своему произведенію, хотя бы это былъ случайный карандашный набросокъ, отдаетъ часть своей души, а столкновеніе съ различными фактами дѣйствительности, воспріятіе отъ нея всевозможныхъ впечатлѣній оставляютъ въ душѣ художника неизгладимый слѣдъ. Когда мы смотримъ на произведенія С., безконечно разнообразныя не только по своему содержанію, но и по манерѣ, мы до-

гадываемся, мы стараемся уяснить себѣ, почему здѣсь яркія цвѣтистыя краски, а тамъ появляются сѣрыя тона, почему тутъ одни пріемы, когда впослѣдствіи обнаруживаются другіе, отчего въ пейзажахъ нѣтъ солнца, и т. д. Книга Г. тѣмъ и цѣнна, что она въ сжатой формѣ даетъ отвѣтъ на всѣ наши догадки, недоумѣнія и вопросы. (*Э. Старкъ. „Илл. Петерб. Курьеръ". 1914—4.*)

429. [. . . . . 8—8

Альманахъ „Грифъ". 1903—1913. М. 1914. Ц. 3 р.

Это — огромный лирическій обелискъ, на которомъ высѣчены автографы и портреты двадцати девяти избранниковъ.

Но знаю, была ли привита оспа двадцати девяти безсмертнымъ авторамъ „Грифа" и каково ихъ семейное положеніе. Но что всѣмъ имъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности суждено пріобрѣсть господство надъ міромъ — объ этомъ безъ малѣйшей утайки сообщается въ предисловіи къ альманаху.

„Мы, пережившіе дни закаляющей борьбы, не забудемъ того весенняго горѣнія души, того благоговѣйнаго трепета, той чистой и вдохновенной радости, въ которыхъ рождалось новое творчество. И вѣра наша не осталась безплодной... Правда лозунговъ, вчера отвергаемыхъ, побѣдительно проникала въ общественное сознаніе, крѣпла и росла, и мы въ правѣ утверждать, что настоящее русской литературы окрашено насквозь тѣми идеями, во имя которыхъ когда-то..." И т. д.

Какая великолѣпная вещь этотъ манифестъ грифистовъ! Какое отсутствіе самомнѣнія и какой отважный пророческій пафосъ! Но кто же эти великіе писатели, колоссально прошлое которыхъ завершилось такимъ „побѣдительнымъ" настоящимъ? Принадлежитъ ли Горькій къ ихъ неустрашимой плеядѣ? Нѣтъ, имени Горькаго не имѣется между литературными вѣхами „Грифа". Тогда въ числѣ создателей этой школы навѣрное имѣется Короленко? Увы! И у Короленка нѣтъ ничего общаго съ грифистами. И Купринъ не принадлежитъ къ этимъ великимъ мужамъ. И Леонидъ Андреевъ — пигмей, по сравненію съ двадцатью девятью избранниками „Грифа". Вы скажете: Буниновъ? Вересаевъ? Мережковскій, наконецъ? Ахъ, о Буниновѣ грифисты отзываются въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ. И развѣ можно сравнить эфемерное владычество Вересаева или Мережковскаго съ „побѣдительными" титанами „Грифа"? „Нѣтъ, литературное величіе понимается авторами „Грифа" совершенно иначе. Къ вѣнчаннымъ особамъ, идеями которыхъ „насквозь окрашено настоящее русской литературы" и портретами которыхъ „насквозь" украшены страницы Грифа, относятся Аратовъ, Аусландеръ, Вилькина, Кондратьевъ, Линденбаумъ, Маропольскій, Поярковъ, Тиняковъ, Ходасевичъ и т. п. исполины, „пережившіе дни закаляющей борьбы и весенняго горѣнія души".

На литературномъ небосклонѣ это, конечно, не первой величины звѣзды, но и „скромнымъ" созвѣздіемъ ихъ назвать нельзя.

Сохрани меня Богъ отъ желанія оспаривать заявленіе сотрудниковъ „Грифа". Но прежде, чѣмъ баллотироваться въ родоначальники русской поэзіи, имъ слѣдъ было бы прямо заявить, что Пушкинъ и Лермонтовъ незаконно владѣютъ своими мѣстами на Парнасѣ. И затѣмъ надо бы еще вычеркнуть изъ нашихъ литературныхъ святцевъ Некрасова, передъ которымъ въ своей наивности недавно расшаркивались Бѣлый и Блокъ, — Тютчева, Баратынскаго, Достоевскаго, Тургенева, Чехова, значительную часть Гончарова, Гоголя, Островскаго. Ибо вѣдь это все писатели, которыхъ не усадишь за рѣшетку „утилитарности".

Но дружескаго усердія Аратовыхъ ничѣмъ не смутишь. Изъ соединенія скромности, добросовѣстности и основательности получаются прекрасные результаты:

„Десять лѣтъ существованія, — расточаетъ свои самовосхваленія предисловіе,—время, быть можетъ, и не слишкомъ большое для литературнаго органа, но мы считаемъ себя въ правѣ, выпуская настоящій Альманахъ, ознаменовать этимъ дату 1903—1913 потому, что десятилѣтіе, въ которомъ протекала работа „Грифа", по глубинѣ и напряженности происшедшаго литературнаго перелома, поистинѣ стоитъ большаго срока".

Какъ жаль, что предисловіе „Грифа" совсѣмъ не касается подробностей „происшедшаго перелома". Можетъ быть, мы тогда узнали бы, куда пѣвались нѣкоторыя стихотворенія В. Брюсова, появившіяся „въ странѣ, гдѣ утилитарное пониманіе задачъ искусства царило такъ долго", и затѣмъ безслѣдно исчезнувшія изъ дальнѣйшихъ изданій автора. Можетъ быть, Сологубъ разскажетъ бы намъ, какія метаморфозы претерпѣла въ теченіе послѣдняго 5-лѣтія его драма „Любви" и др. вещи. Можетъ быть, мы узнали бы судьбу „Симфоній" А. Бѣлаго, нѣкогда „побѣдительно" украшавшихъ страницы перваго „Грифа" и столь горестно сгинувшихъ впослѣдствіи. Можетъ быть, нашлось бы объясненіе, почему такъ мало похожи сухія и корректныя стихотворенія нынѣшняго юбилейнаго „Грифа" на пылкія душеизверженія и легкомысленное брыканіе своего далекаго прародителя, которымъ дебютировали Брюсовъ и Бѣлый „въ странѣ, гдѣ утилитарное"... и т. д. И можетъ быть нашлись бы тогда такіе неблагодарные читатели, которые сказали бы въ лицо своимъ гордымъ эмансипаторамъ изъ „Грифа":

— Вы вѣрные друзья, вы честные патріоты своей декадентской колокольни, но совсѣмъ вы не смѣлые новаторы, а старыя, трусливыя бабы, не желающія признаться, что переломъ-то произошелъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ указываете вы.

Но сотрудники „Грифа" — ловкіе стратеги. Безъ малѣйшаго колебанія они пишутъ: „Мы въ правѣ утверждать, что настоящее русской литературы окрашено насквозь тѣми идеями"...

Человѣкъ по натурѣ своей храброе животное. (*Л. Войтоловскій. „Кіевская Мысль". 1914—24*).

... Въ альманахѣ помѣщенъ разск. С. Кречетова „Тайна". Тайна этого разск. очень проста и заключ. въ слѣдующемъ: Нѣкто [Нарымовъ] получаетъ письмо отъ своего племянника, прочтеніе которое говоритъ, что это „прямо не письмо, а литература". Прочтя вышеуказанное письмо, я не могъ не согласиться съ мнѣніемъ Нарымова, т. к. двѣ стр. письма простой пересказъ стиховъ Ал. Блока. Начало разск. и его конецъ неблагополучны „по Сологубу"; но это подражаніе замаскировано; письмо же на мотивъ изъ Ал. Блока слишкомъ откровенно. Поразительно, что послѣдовательность картинъ у Блока и въ разск. К. — совершенно одинаково, т. ч. говорить о

томъ, что Равенна навѣяла общіе образы, не приходится. [Въ доказ. привод. параллель текстовъ].

...Конечно, при отсутствіи собственной изобрѣтательности и поэтическаго дара, можно пользоваться чужимъ, но зачѣмъ же это чужое выдавать за свое?.. (*В. Шершеневичъ. „Отклики“ газ. „День“. 1914—6*).

...„Грифъ“ умѣетъ отличать истинное дарованіе нерѣдко у совсѣмъ молодыхъ, только начинавшихъ писателей. Хочется видѣть признакъ такой чуткости и въ томъ, что изъ легіона выступающихъ подъ знаменами многошумящихъ новѣйшихъ школъ, въ альманахѣ „Грифа“ нашелъ пріютъ И. Сѣверянинъ. Однако, бывали, оказывается, случаи и не совсѣмъ удачнаго выбора... [Каждый изъ участниковъ] далъ нѣчто лишь вродѣ автографа, и хотя неодинаковаго достоинства, но все же почти всегда характерное для автора, какъ, напр., стих. Блока, А. Кондратьева, А. Тинякова — „Я все сказалъ“ — глубоко искреннее, грустное и серьезное стихотвореніе,— или маленькая сказочка А. Ремизова „Ремезятина“,—одна изъ лучшихъ вещей сб., сверкающая всѣмъ блескомъ и цвѣтами ремизовскаго языка. Хороши два стиха А. Бѣлаго, оригинальны „Военныя пѣсенки“ А. Брюсова...

...Это пріятная и хорошая „памятка“ о пройденномъ пути, зовущая въ то же время итти дальше. (*Ѳ. Щеколдинъ. „Отклики“ газ. „День“. 1914—3*).

...Стихи, данные поэтами на этотъ праздничный случай... случайные, невзрачные, небрежной рукой отпущенные... Ни одного фантастическаго стихотв., ни одного даже религіознаго.. Какъ группа, символизирующая эпоху, составляющая авангардъ литературы и творящая надписи для новыхъ ея знаменъ, юбиляры, объединенные альманахомъ, понятно уже вполнѣ „въ прошломъ“, и юбилейная кн., различно и случайно представляя каждаго изъ нихъ... является именно „монументомъ“. Величественнымъ, но холоднымъ. Говорящимъ многое, но говорящимъ о прошломъ и потому не волнующимъ нынѣшнее и нынѣшнихъ... (*С. Борисовъ. „Нов. Жз.“ 1914—2*).

...Къ сожалѣнію, настоящій альманахъ, соединивъ въ себѣ всѣхъ своихъ сотрудниковъ, не далъ ничего интереснаго и значительнаго. Какъ всякій юбилей — юбилей „Грифа“, вышелъ очень офиціальнымъ и малосодержательнымъ. Нехорошо еще и то, что внѣшняя сторона книги очень претенціозна и по-мѣщански роскошна. (*Я. В. Перовичъ. „Утро“. 1914—2250*).

Въ борьбѣ за новое искусство, въ которой приходилось отстаивать грудью даже самое право искусства на самостоятельное существованіе, „Грифъ“ сыгралъ одну изъ самыхъ видныхъ ролей. Группа „Грифа“ пользовалась большимъ и плодотворнымъ вліяніемъ. Въ перечень участниковъ трехъ альманаховъ „Грифа“ за 1903, 1904 и 1905 годы почти полностью входятъ всѣ имена главныхъ создателей новой русской литературы. Въ изданіи „Грифа“ вышелъ сборникъ первыхъ стиховъ А. Блока—„Стихи о прекрасной дамѣ“. Въ „Грифѣ“ печатали свои книги Бальмонтъ, Сологубъ, Бѣлый. И теперь „Грифъ“ съ полнымъ правомъ отмѣчаетъ десятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Въ спискѣ участниковъ мы читаемъ славныя имена Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Блока, Вячеслава Иванова, Бѣлаго. Намъ ненужно говорить о достоинствѣ ихъ прекрасныхъ стиховъ. Всѣ теперь ихъ любятъ и умѣютъ цѣнить. Пожелаемъ „Грифу“ въ его юбилей продолжать съ прежнимъ успѣхомъ литературную дѣятельность. (*„У. Рос. 1914—3*).

...Книга интересна для всѣхъ, кому не чуждъ былъ прожитый литературный періодъ. (*В. Тардовъ. „У. Рос.“ 1914—20*).

...Позиціи, которыя они [сотрудники „Грифа“] защищали, всѣ остались за ними; исканія ихъ увѣнчались достиженіями; ихъ проповѣдь была услышана, ихъ лозунги были подхвачены и стали для очень многихъ непреложными. Все это даетъ право считать юбилей „Грифа“ — юбилеемъ весьма знаменательнымъ. (*Ю Соболевъ „Рампа и Жз.“ 1914—8*).

430 [. . . . . 8—8

„Слово“. Сборникъ III. „Книгоизд. писателей въ Москвѣ“. 1914. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣ захватившаго нашу литературу восхваленія и утвержденія смерти, особенно отраденъ поворотъ къ здоровому воспріятію творческой, обновляющей жизни. Съ появленіемъ перваго же сб. „Слово“, въ подборѣ вошедшихъ въ него разсказовъ живо почувствовались бодрость и ясность оптимистическихъ настроеній. Чего стоятъ одни чудесные „Розстани“ Шмелева, давшія тонъ всему сб. Второй сб. „Слова“, посвященный Чехову, прошелъ довольно незамѣтно. Отъ третьяго опять ожидали многаго, прежде всего, той освѣжающей восприимчивости къ радостнымъ и свѣтлымъ сторонамъ бытія, потребность въ которой такъ настоятельно ощущается въ нашей больной всякими надрывами и отрицаніями современности. Ожиданія эти, однако, оказались осуществленными только отчасти. Совершенно мало значителенъ открывающій сб. пространный разсказъ Ал. Толстого „Большія непріятности“, гдѣ авторъ, уже не впервые, весьма неудачно подражаетъ Достоевскому, на что у него не хватаетъ ни силы, ни глубины. Его герой — издерганный, искушенный горожанинъ, чающій исцѣленія отъ живительныхъ вліяній природы и дѣвической любви, внушаетъ мало довѣрія. Вторичемъ въ разсказѣ этомъ утѣшительна сдержанность автора въ эротическихъ сценахъ, еще недавно у него столь грубыхъ и подчеркнутыхъ. Ал. Т. обѣщаетъ продолженіе своего разсказа, гдѣ, можетъ быть, онъ сумѣетъ проявить себя интереснѣе и свѣтлѣе. Не слишкомъ радуетъ своихъ почитателей талантливый Ив. Шмелевъ. Его „Поѣздка“, повѣствующая о неожиданной встрѣчѣ двухъ друзей дѣтства, лишена присущей этому прекрасному писателю яркой, бытовой сочности. Многія подробности нашей провинціальной жизни схвачены и оттѣнены весьма мѣтко, но полной картины нравовъ все же не получается, а, главное, общій тонъ разсказа далеко не оптимистиченъ. Языкъ, какъ всегда у Ш., высоко и просто художественъ. Искренней, продуманной правдой дышитъ разсказъ Телешова „Мама“. Мучительная сложность современныхъ внѣбрачныхъ сожительствъ безъ любви или съ жалкимъ подобіемъ ея, горькое одиночество связанныхъ такими сожительствами чуткихъ, подрастающихъ дѣтей — переданы чрезвычайно тепло. И торжество материнскаго чувства, освобождающаго и кроткую „маму“, и ея надорваннаго постоян-

ными компромиссами Сережу отъ пошлѣйшаго Алексѣя Семеновича, проникнуто чистой вѣрой въ достоинство женщины, твердо идущей къ своему раскрѣпощенію: напротивъ, суха и безцвѣтна Л. Авилова въ разсказѣ „Осеннее", содержаніе котораго—медленное, примиренное отхожденіе отъ жизни старѣющей женщины—могло бы быть очень интересно истолковано имъ. Нѣчто чрезвычайно своеобразно даетъ Ив. Бунинъ въ своихъ „Братьяхъ". Въ благоуханно красочномъ описаніи Цейлона — прежде всего сказывается поэтъ. Красивыя страницы, посвященныя этимъ описаніямъ, буквально переливаются всѣми цвѣтами радуги. Тяжкая судьба обездоленныхъ рикшъ разсказана съ большой, дышащей непосредѣльнымъ сочувствіемъ яркостью. Но въ преклоненіи передъ буддизмомъ, вложенномъ въ рѣчи больного англичанина, въ умаленіи безсильной передъ хаосомъ личности звучитъ нѣчто глубоко и непріязненно чуждое христіанскому міропониманію, такъ что заглавіе поэтическаго и тонкаго разсказа — „Братья" вызываетъ тотъ же холодъ непониманія, какъ и руководящая мысль автора.

Такимъ образомъ, третій сборникъ „Слова" оказался цѣннымъ преимущественно со стороны художественной. Хотѣлось бы въ послѣдующихъ сборникахъ увидѣть больше созвучія въ содержаніи и формѣ. (*З. Б. „Россія". 1914—2592*).

...Вопросами о тайнѣ и смыслѣ жизни наполненъ весь третій сб. „Слова". Передъ нами все люди, не сберегшіе своей завѣтной мечты,— малодушные, испуганные, запнувшіеся на полдорогѣ. Одни съ трудомъ разстаются съ мыслями, которыя лелѣяли и окрыляли ихъ въ юности; другіе брезгливо отворачиваются отъ старыхъ святынь. Но всѣ задумываются надъ этими клочками и отрывками прошлаго, всѣ хотятъ разгадать, какъ совершается превращеніе святѣйшихъ достояній души въ безцвѣтное, мертвое отрицаніе.

О важный человѣкъ,—гласитъ нѣмецкая поговорка,—говорить громко, справедливый—энергически, сострадальный—убѣдительно. Если приложить эту мѣрку къ авторамъ „Слова", то самый отважный изъ нихъ — Ал. Толстой. Его розсказъ написанъ зычнымъ перомъ и разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія весьма лаконически. По гр. Т. существуетъ одинъ источникъ, безпрерывно наполняющій насъ слѣпымъ желаніемъ жизни. Это—любовь. Но не любовь съ сердцемъ вакханки, грубая, плотская; а чистая, свѣтлая, тургеневская привязанность къ женщинѣ. Именно такою любовью всецѣло питается и вдохновеніе артиста, и увлеченіе подвигомъ.—Это единственный компасъ, по которому человѣкъ направляетъ свой путь; единственный эликсиръ, оживляющій потухшія силы. Любовь—это прекрасная уловка природы, отъ которой зависитъ гармонія всей солнечной системы въ нашихъ глазахъ. Гдѣ-нибудь въ завѣтной бесѣдкѣ васъ ждетъ юная, робкая подруга, и отъ этой бесѣдки тянется крѣпкая, веселая нить, связывающая ваше сердце со всѣмъ живымъ міромъ, рождающая святое безпокойство, вѣчный огонь жизни и дарующая вамъ полноту наслажденій. Но чуть любовная нить оборвется, какъ жизнь немедленно дѣлается ненужной и скучной. Человѣкъ становится сухимъ, половинчатымъ, слабымъ. Порывы блекнутъ. Въ душу врывается недовольство, отчаяніе; и предъ глазами мелькаютъ только незначительныя подробности жизни. Съ этой упрощенно-прямолинейной точки зрѣнія Т. произносить приговоры надъ людьми, излагаетъ событія ихъ жизни и объясняетъ ихъ душевное состояніе. ...Повѣсть эта состоитъ изъ множества мелочей, которыя перепуганы безъ всякаго порядка и приведены неизвѣстно для чего. Автору просто нравится четко выписывать подробности, переходить отъ предмета къ предмету.

...Выпукло, съ большой виртуозностью въ мелочахъ изображаетъ онъ суету и безконечныя мельканія жизни. Но люди похожи у него на червякочъ и паучишекъ, которые, не задумываясь, копошатся, поѣдаютъ, надуваютъ и цѣлуютъ другъ друга, и сами того не сознавая, то становятся умными, то обманутыми дураками, то дѣлаются злыми, то нѣжными. И какъ букашки въ золотомъ потокѣ солнца, грѣется человѣческое сердце въ лучахъ любви. Въ этой козявочьей и паучьей философіи много духовной ограниченности, что превращаетъ красивыя описанія Т. въ пустыя и часто чрезвычайно наивныя фразы. Наивны и безцвѣтны тѣ душевныя потрясенія, которыя переживаетъ герой Т. И въ конечномъ итогѣ повѣсть, написанная сочнымъ языкомъ, становится однообразной и скучной и можетъ быть оборвана на любомъ мѣстѣ.

...Въ противоположность зычному Ал. Т., Бунинъ разсказываетъ тихо, спокойно и убѣдительно. Пожалуй, даже нѣсколько холодно. Но это холодность Гете—чистая, строгая, изящная.

...Толстой пишетъ не задумываясь. Бунинъ глубоко изучаетъ своихъ героевъ и самъ всегда выше и содержательнѣе ихъ.

Тайному внутреннему плану слѣдуетъ также въ своемъ разсказѣ „Поѣздка" Ив. Шмелевъ. Въ своихъ герояхъ онъ почти всегда реализуетъ себя. Крупное достоинство этого разсказа заключается въ томъ, что онъ написанъ всѣмъ существомъ. Написанъ авторомъ, который любитъ не только свое искусство, какъ гр. Т., но любитъ и до отвращенія ненавидитъ и тѣхъ людей, про которыхъ онъ съ такимъ увлеченіемъ разсказываетъ. Оттого герои его такъ ясно представляются намъ и движутся передъ нами, какъ существа, внушенныя жизнью, а не литературнымъ сюжетомъ. Очень хорошее впечатлѣніе производитъ также лирическій очеркъ г-жи Л. Авиловой и теплый разсказъ Н. Телешева. (*Л. Войтоловскій. „Кіев. Мысль". 1914—114*).

Третій сб. „Слова" читается съ большимъ интересомъ. Прекрасенъ, какъ всегда, въ деталяхъ, въ отдѣльныхъ словечкахъ и характеристикахъ гр. Ал. Т. Блестки непосредственнаго, особеннаго, свойственнаго только Т. юмора разбросаны по всѣмъ страницамъ разсказа. За нимъ даже ускользаютъ обычные недостатки произведеній Т., которымъ по большей части не хватаетъ стройности въ самомъ построеніи.

Недуренъ разсказъ Н. Телешова „Мама", впечатлѣніе нѣжной элегической грусти оставляетъ набросокъ Л. Авиловой „Осеннее". Ив. Шмелевъ образно рисуетъ картины провинціальной жизни, съ ея мелкими заботами и унылымъ однообразіемъ въ своей „Поѣздкѣ". Но лучшей вещью сборника является разсказъ Ив. Бунина.

...Трагическимъ пафосомъ вѣетъ отъ разсказа, и замѣчательнѣе всего то, что нѣсколько приподнятый тонъ его нигдѣ не переходитъ въ напыщенность и риторику. (*„Гол. Москвы" 1914—73*).

Интересна повѣсть Толстого, хотя мѣстами и

вѣсколько анекдотична, какъ всегда у этого автора. Въ ней много прелестныхъ живыхъ штриховъ, мѣткихъ наблюденій, стихійно-радостнаго цвѣтенія простой и милой жизни. Жизненно вѣрно, тепло, но нѣсколько элементарно написанъ разсказъ Телешова. Густо и сочно написавъ также и разсказъ Шмелева, единственный недостатокъ—растянутость, къ сожалѣнію, часто свойственная этому писателю. Слѣдуетъ отмѣтить еще милую вещицу Л. Авиловой. (*Г. Бяткинъ. „Сиб. Жз." 1914—96*).

Съ рѣдкимъ наслажденіемъ читается послѣдній сборникъ „Слова". Рѣдко радуетъ насъ литература такою роскошью письма, такою свѣжестью красокъ. Слабѣйшія вещи здѣсь, — разсказы Н. Телешова и Л. Авиловой. Но эти, слабѣйшія, вещи абсолютно суть вещи превосходныя. Онѣ относятся скорѣе къ старому реализму, чѣмъ къ неореализму. Въ нихъ нѣтъ новыхъ мотивовъ и невиданныхъ красокъ... (*И. Турскій. „Южн. Кр." 1914—11994*).

Если исключить разсказъ Толстого, то цѣль сборниковъ „Слова"—бодрое ощущеніе жизни—на этотъ разъ снова не достигнута, и приходится только удивляться, почему именно такъ составляются эти сборники. Русская жизнь продолжаетъ рождать писателей интеллигентскихмураго типа: Шмелевыхъ и другихъ. (*П. Кожевниковъ. „Новь". 1914—80*).

...На всемъ сборникѣ, вообще, есть печать усталости, говорящая о томъ, какъ труденъ оздоровляющій литературный подборъ и какъ тяжела та болѣзнь, съ которой борется талантливая молодая литература. (*Е. Колтоновская. „Рѣчь". 1914—107*).

...Нестрота и безстильность на этотъ разъ характеризуютъ сборникъ. (*Л. Шеглова. „Соврем." 1914—10*).

...Должно быть, въ распоряженіи ред. было очень мало истинно-художеств. вещей, если ей пришлось въ первую голову пустить такую нудную, небрежную, ничтожную и по замыслу и по выполненію вещь, какъ „Большая непріятность" гр. Т... Жуткое впечатлѣніе оставляетъ разсказъ Шмелева и въ тоже время какъ-то странно, съ тоской, съ надрывомъ зоветъ къ бодрому одухотворенному, красивому, исполненному смысла и нравственнаго тепла... Разсказъ Бунина интересенъ и по матеріалу, и по вложенной въ него идеѣ... (*Е. Скивъ. „Жив. Сл." 1914—17*).

...Сб. въ общемъ не представляетъ чего-нибудь крупнаго въ текущей литературѣ. Но, несомнѣнно, онъ выдержанъ по настроенію и тѣмъ цѣненъ. (*И. Г. „Сибирь". 1914—120*).

431. [. . . . . 8—8+7.01]+891.7.09

„Шиповникъ". Альманахъ. Кн. 22. Спб. 1914. Ц. 1. 50 к.

По своей конструкціи (пьеса Андреева „Не убій") *) настолько сумбурна, что принять ее въ прямомъ реалистическомъ разумѣніи на самомъ дѣлѣ крайне затруднительно. Поэтому, можетъ быть, и явилась догадка, не представляетъ ли она какой-нибудь замысловатой символики?

Любопытно, что въ томъ же сборникѣ „Шиповника", гдѣ напечатана пьеса „Не убій", напечатана теоретическая статья Л. Андреева о судьбахъ театра. Въ этой статьѣ авторъ ратуетъ за психологическій театръ, считая его основой вопросы „души" (психе, по термину статьи)).

Къ сожалѣнію, его пьеса отнюдь не служитъ примѣромъ для выясненія, чѣмъ должна быть психологія въ современной пьесѣ. Въ „Не убій" есть все, что угодно. Но живой души человѣческой нѣтъ и слѣда.

Правдивости—психѣ—въ „Не убій" одинаково немного и въ деталяхъ, и въ основныхъ чертахъ, обрисовывающихъ взаимное положеніе дѣйствующихъ лицъ и существо коллизіи.

Другая пьеса въ сборникѣ принадлежитъ Ѳ. Сологубу. „Любовь надъ безднами".—Дѣйствіе происходитъ на землѣ. Это необходимо отмѣтить, такъ какъ сущность трагедіи формулируется словами героини: „Земля—родная, Она глупая, но все милая. Къ ней тянетъ". Отсюда трагедія. Героиня безсознательно любила поэта. Онъ жилъ не на землѣ, высоко надъ землей, „изучалъ глубины вселенной", имѣлъ „ясный взоръ" и „глубокій голосъ, подобный голосу божества"; поэтому, когда онъ говорилъ, самыя „скалы (были) внимательны" и „лунныя тѣни дрожали отъ восторга".

Особенностью же героини было то, что она все важное въ жизни „постигала чувствомъ", не вуждаясь въ содѣйствіи мысли. Эту особенность героини высоко цѣнилъ герой.

Ему казалось, что Она (такъ именуется героиня въ пьесѣ) прообразъ будущаго человѣчества, ибо уже обладаетъ чудеснымъ даромъ будущей „интуиціи, которая нашимъ потомкамъ замѣнитъ медленно ползущій разумъ".

Словомъ, Она и Онъ (такъ безлично, подобно героинѣ, именуется герой въ пьесѣ) были безгранично влюблены другъ въ друга, живя на символической горѣ, среди скалъ и лунныхъ тѣней, которыя дрожали отъ восторга. Но дальняя земля—какъ мы уже знаемъ—тянетъ къ себѣ, ибо она, хотя и глупая, однако милая, а потому при первомъ же появленіи „Человѣка земли" (такъ называется дѣйствующее лицо въ пьесѣ), героиня измѣняетъ герою.

Въ первую минуту это не пугаетъ, ибо по предыдущей пьесѣ Ѳ. Сологуба („Заложники жизни") читатель уже знаетъ, что „измѣны нѣтъ, любовь одна" даже при множественности объектовъ таковой. Но скоро развертываются событія, и для читателя становится ясно, что философія „Заложники жизни" подверглась коренному пересмотру. Насколько „Заложники" держались на фактѣ, что измѣны нѣтъ, ибо любовь одна, настолько новая пьеса держится на фактѣ, что измѣна есть и не все равно для героя, кого избираетъ въ данную минуту любимая женщина: героя или его сосѣда по списку дѣйствующихъ лицъ, какъ было недавно въ „Заложникахъ". Это новое обстоятельство въ человѣческой психологіи заполняетъ пьесу скучными ужасами. За „измѣной" слѣдуетъ смерть разомъ всѣхъ четырехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Читателю приходится недоумѣнно спросить самого себя: въ чемъ дѣло? Вѣдь „измѣны нѣтъ, любовь одна", и давно ли героини „Заложниковъ жизни" уходила отъ героя къ злодѣю пьесы—предводителю дворянства, безъ всякихъ инцидентовъ, осложненій, убійствъ и самоубійствъ? Быстро мѣняются времена...

Статьи К. Чуковскаго о футуристахъ написаны въ его обычной ярко-красивой манерѣ. Но со всѣмъ тѣмъ читатель все-таки не узнаетъ, про-

*) См. „Бюллетени № 5.

читавши статьи, какъ же отвоспится авторъ двухъ статей -- отрицательно или положительно — къ футуризму. (*„Рус. Бог. 1914—2*).

Статья г-на Чуковскаго очень объективна и занимательна. Авторъ добросовѣстно изучилъ „литературу предмета", отдѣлилъ овецъ отъ козлищъ и наглядно показалъ, какія, вполнѣ законныя, причины породили футуристовъ. Его раздѣленіе футуристовъ на двѣ „школы"—петербургскихъ и московскихъ—вполнѣ правильно. Петербургскіе—вовсе не футуристы, а эпигоны декадентства, при чемъ многіе изъ нихъ не лишены таланта. О московскихъ же пока и говорить не стоитъ. Литературныя теченія мѣняются у насъ съ быстротой кинематографической ленты. Поэтому скоро „устарѣетъ" и статья г-на Ч. Но пока что, это единственное трезвое слово о футуристахъ, подкупающее своимъ здравымъ смысломъ. Къ статьѣ приложена своеобразная хрестоматія образцовъ футуристическихъ произведеній. Эти вещественныя доказательства подтверждаютъ положенія Ч. Статья его не рѣчь прокурора или адвоката, а, скорѣе, резюме предсѣдателя.

Статья г-на Андреева подкупаетъ не столько своими мыслями, которыя не новы, сколько очень добрымъ желаніемъ хоть нѣсколько почистить нашъ театръ... Для читателя, искушеннаго въ вопросѣ—мысли Андреева давно извѣстны. Но для широкой публики онѣ полезны.

... Выводъ изъ длинной статьи А. слѣдующій: театръ—какъ врѣлище и дѣйствіе—долженъ быть переданъ кинематографу. Новый театръ будетъ театромъ *панпсихизма*, театромъ психологическихъ переживаній. Исполнятся ли предсказанія А. не знаю, тѣмъ болѣе, что я плохо себѣ уясняю, что значитъ его „панпсихизмъ". Такъ же плохо себѣ уясняетъ А. понятіе символизма.

... Л. Н. Андреевъ столько хорошаго наговорилъ о театрѣ будущаго, что прямо слюнки текутъ. И послѣ такихъ мечтаній о новомъ—очень трудно возвращаться къ старому. Что пьеса „Каинова печать" не новая—косвенно подтверждаетъ самъ авторъ. Но хочется говорить и о „Любви надъ бездной". Сологубъ—писатель значительный. Зачѣмъ судить о немъ по вещамъ, столь несовершеннымъ, столь мало похожимъ на *подлинника* Сологуба?

Ужъ одно банальное названіе пьесы слишкомъ огорчаетъ почитателей сологубовскаго таланта, чтобы вдаваться въ оцѣнку безконечныхъ діалоговъ, которые ведутъ надъ безднами, въ обстановкѣ „вѣчности красоты и смерти" какіе-то малопривлекательные *Онъ* и *Она*... (*Д. Философовъ. „Рѣчь". 1914—2*).

... Вдохновенный,—вѣроятно, не бульварными романами, а самой жизнью, изъ талантливой подражательницы, Андреевъ сдѣлалъ попытку—бульварный сюжетъ переложить въ драму. Конечно, у него это вышло, какъ у Сарры Бернаръ, играющей въ мелодрамѣ...

Кажется, лучшая картина въ пьесѣ, самая сильная, дѣйствительно захватывающая, — это сцена на постояломъ дворѣ... Была бы сильной замыкающая пьесу сцена въ спальнѣ Василисы, если бы не была мелодраматичной... Впрочемъ, пьеса—очень сценичное произведеніе, благодарное для постановки и игры актеровъ и, при всѣхъ ея недостаткахъ, доставляетъ часъ, другой нескучнаго времяпровожденія. Особенно глубокой, особенно художественной ее нельзя назвать, но она—пьеса „пріятная во всѣхъ отношеніяхъ". (*В. Голиковъ. „Вѣст. Зн." 1914—2*).

... Все то же нарочитое пугань, ужасъ, нагоняемый ужасомъ, надуманныя словечки для увеселенія „райка"—вся бутафорія „андреевщины" съ ея какимъ-то особливо противнымъ мѣщанствомъ и подчасъ карикатурнымъ вывертомъ [„Не убій"]... Нельзя безъ тяжелаго чувства досады читать эти нелѣпыя и претенціозныя строки [ст. Андреева о театрѣ].— Утверждая „прекраснѣйшую правду суровыхъ и серьезныхъ дней обновленія", г. А. очевидно вполнѣ забываетъ о театрѣ—чудѣ, многокрасочномъ и многозвучномъ, дающемъ намъ возможность хотя на нѣсколько минутъ уйти въ садъ фантазіи отъ вязкой слякоти ежедневности... [Въ драмѣ Сологубъ] мѣстами замѣчается какая-то чрезмѣрная схематичность. Языкъ... плѣняетъ своею особенной, холодной четкостью и желанной простотой ухищреннаго мастера... Ст. Чуковскаго о футуризмѣ много потеряла въ напечатанномъ видѣ—исчезли ея бойкость, разнообразіе лекторскихъ пріемовъ. „Взамѣнъ этого еще яснѣе, чѣмъ прежде, сталъ налетъ литературной дешевки и погони за мимолетнымъ успѣхомъ... Интереснѣе... „хрестоматія", содержащая въ себѣ образцы футуристическихъ произведеній... (*Келейникъ. „Очар. Странникъ". 1914—3*).

... Мертвыя, боящіяся пробужденія души „Каиновой печати" Л. Андреева и упрощенные силуэты Ѳ. Сологуба интересы не столько сами по себѣ, сколько въ связи съ другими произведеніями этихъ писателей... Андреевъ никогда не подходилъ такъ близко къ трудной темѣ человѣка, не знающаго, что такое совѣсть. Ѳ. Сологубъ впервые такъ пристально всматривается въ связь между человѣкомъ и человѣкомъ и въ тѣ измѣненія, которыя дѣла одного производятъ въ судьбахъ другого. При склонности къ антитезамъ можно бы сказать: задача Л. Андреева—человѣкъ безъ совѣсти; задача Ѳ. Сологуба—человѣкъ, честно платящій по счетамъ. Конечно, можетъ случиться, что, едва коснувшись новой темы, оба писателя навсегда отойдутъ отъ нея—предсказывать въ этихъ областяхъ что-бы то ни было трудно. Однако, въ техникѣ обѣихъ пьесъ есть указанія на то, что работа надъ сложнымъ заданіемъ только начата, и что авторы далеко еще не овладѣли накопленнымъ ими матеріаломъ. (*Е. Лундбергъ. „Завѣты". 1914—2*).

... „Каинова печать" Л. Андрева производитъ такое же скучное, фальшивое впечатлѣніе въ чтеніи, какъ на сценѣ... Драма Сологуба... страдаетъ обычными недостатками, надуманностью фабулы и вялостью дѣйствія... (*В. Л. „Гол. Москвы" 1914—8*).

432. [. . . . . 8.39.7/8—8

„Фіорды". Сборн. 13. Дѣло доктора Мереля, соч. Каренъ Брамсенъ и др. Изд. Маркса. Спб. 1914. Стр. 306. Ц. 1 р. 25 к.

Задача редакторовъ и переводчиковъ сборниковъ, посвященныхъ скандинавскимъ литературамъ—г.г. А. и П. Ганзенъ, съ каждымъ сборникомъ все болѣе осложняется. Замѣчательныя произведенія сѣвернаго генія за минувшія два десятилѣтія исчерпаны почти вовсе, и „Фіорды" приходится заполнять однимъ лишь злободневнымъ матеріаломъ, къ тому же такимъ преимущественно, который можетъ найти у насъ откликъ не въ литературныхъ лишь кругахъ,

а въ широкихъ читательскихъ и обывательскихъ массахъ Такимъ образомъ г.г. Ганзенъ выбираютъ матеріалъ вполнѣ почтенный, но все же вреднаго достоинства. Исключеніемъ является съ даннымъ сборникѣ разсказъ большого стилиста и деликатнаго психолога Пера Гальстрема „Мистика случайнаго". Произведеніе, давшее названіе всему сборнику, пьеса Натансона „Безъ корней", уже успѣла занять мѣсто въ маргинологіи русскаго театра: ее запретила Московская администрація. Между тѣмъ она носитъ весьма благонамѣренный характеръ. Герой пьесы, Данилъ Герцъ, порвавшій съ отцомъ, рогатымъ фабрикантомъ во имя своихъ демократическихъ воззрѣній и ставшій во главѣ рабочей партіи, убѣждается въ невозможности совмѣстной борьбы за будущее человѣчества съ некультурными, корыстными и аморальными вожаками пролетаріата и, послѣ двадцати лѣтъ заблужденія, примиряется съ той культурной средой, изъ которой вышелъ: представляя рабочихъ въ согласительной коммиссіи, онъ отказывается поддерживать ихъ несправедливыя притязанія. Его поступокъ „по совѣсти" истолковывается, какъ ренегатство, и вызываетъ вспышку національной ненависти къ „жиду" Герцу. Этимъ кончается пьеса; будущее, повидимому, поведетъ бывшаго демагога къ тѣсному единенію со своимъ народомъ, забытымъ изъ-за общечеловѣческихъ иллюзій.

Пьеса эта живо напоминаетъ драматическія работы Поля Бурже, гдѣ партійнымъ и эгоистичнымъ интересамъ противополагается безкорыстное благородство и человѣчность; но, какимъ-то чудомъ, благородство всюду является привилегіей капитала, а грубая низменность и лживость массовыхъ инстинктовъ непремѣнно приписывается труду; всегда преступна забастовка и великодушенъ локаутъ. Поэтому пьеса Натансона — тактичный и успѣшный комплиментъ крупной буржуазіи. Болѣе любопытенъ романъ Карена Брамсона „Дѣло доктора Мореля", въ формѣ выдержекъ изъ архива адвоката онъ разрабатываетъ важный тезисъ изъ области врачебной этики. Д-ръ Морель, знаменитый дамскій врачъ, устроилъ въ своемъ домѣ лечебницу для бѣдняковъ; во всѣхъ случаяхъ непоправимыхъ страданій или житейской безысходности, наблюдаемыхъ имъ у своихъ паціентовъ, онъ ускоряетъ ихъ неизбѣжную гибель посредствомъ отравленія. Этому убійцѣ-человѣколюбцу случается, послѣ безчисленныхъ эротическихъ приключеній, полюбить настоящей любовью дѣвушку необычной душевной красоты; но, покорный своей безудержной натурѣ, онъ то и дѣло измѣняетъ ей со своими сластолюбивыми свѣтскими паціентками изъ непреодолимаго чувственнаго влеченія; доведя любимую женщину до отчаянія двойственностью своей природы и сознавъ безвыходность положенія и невозможность своего исправленія, онъ предпочитаетъ, въ часы мнимаго возрожденія ихъ первоначальныхъ отношеній, среди радостнаго экстаза отравить возлюбленную. Для него же жизнь утрачиваетъ цѣнность, и онъ въ свою очередь кончаетъ собой, передавъ дневникъ свой и переписку адвокату родственниковъ погибшей въ качествѣ посмертной самозащиты. Не преслѣдуя худож. задачъ, романъ написанъ умѣло и съ напряженіемъ; самая парадоксальность замысла умножаетъ интересъ повѣствованія. Переводъ превосходенъ. (*Андр. Левинсонъ. „Совр. Міръ". 1914—5*).

... Просто, живо и колоритно написанная повѣсть — „Дѣло доктора Мореля", — вся цѣликомъ посвящена любви. Фабула проста и даже при меньшемъ талантѣ не далека отъ опасности приближенія къ „бульвару". Если же къ тому прибавить искренность тона и легкій, живой языкъ, то повѣсть пріобрѣтаетъ занимательно-серьезный характеръ, не позволяющій читателю оторваться отъ страницъ ея до самаго конца. Слѣдующая вещь — новелла „Мистика случайнаго" П. Гальстрема, признаннаго шведскаго новеллиста. Въ ней два-три дѣйствующихъ лица и почти нѣтъ дѣйствія, — хотя новелла растянута на 80 стр. Но она тонка, какъ предосенняя паутинка, вся играетъ и искрится едва уловимымъ юморомъ, изысканной и острой ироніей, неожиданными парадоксами. И была бы новелла изящной психологической готикой, если бы авторъ не закончилъ ее, всю построенную на тонкихъ изломахъ и нюансахъ женской любви, грубоватымъ философскимъ аккордомъ. Пьеса „Безъ корней" датскаго драматурга Г. Натансона, заключающаго сборникъ, — представляетъ безусловный интересъ, какъ вещь, написанная сочнымъ языкомъ, блещущая мѣстами неподдѣльнымъ и глубокимъ драматизмомъ. (*М. К—овъ. „У. Рос." 1914—20*).

...Мало оригинальныя [послѣ Ибсена, Гамсуна, Стриндберга] кажется намъ теперь сѣверная литература. Менѣе оригинальной, — отнюдь не менѣе интересной. Здоровая, увѣренная въ своей силѣ литература предъ нами. Не повторяетъ она выводовъ Европы, а лишь по своему ихъ произноситъ. Поэтому нерѣдко съ подлиннымъ удовольствіемъ читаешь желтоватыя страницы „Фіордовъ".

... Основная идея сборника заключается въ указаніи, что нельзя пренебрегать истинными цѣнностями жизни, замѣняя ихъ легкомысленною пеною словами и понятіями... Романъ „Дѣло доктора Мареля писанъ въ манерѣ французскихъ уголовныхъ романовъ, но изящество стиля и художественность общаго настроенія застасляетъ читатели видѣть въ немъ кусокъ самой жизни... (*А. Кратовъ. „Отклики" газ. „День" 1914—7*).

433. Слезкинъ, Ю. 891.7—3

То, чего мы не узнаемъ. Повѣсти и разсказы. Т. I. Изд. „Новая Жз." 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Физіономія этого молодого писателя вполнѣ опредѣлилась. Онъ выросъ на почвѣ реакціи противъ томительной скуки символическаго царствованія въ литературѣ, которая, поставивъ во главу угла внѣшность, совершенно не заботилась о содержаніи, изгнавъ фабулу, разсказъ изъ своихъ произведеній. С. какъ разъ, наоборотъ, является разсказчикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его девизъ — занимательность, интрига, подъ соусомъ дешевевькаго мистицизма. Провинціальной барышнѣ, вѣрящей въ 13 число, въ сны и примѣты, несомнѣнно, опасно читать повѣсти С., особенно на ночь.

Вотъ, напримѣръ, пьяная кутящая компанія, обалдѣвъ окончательно отъ выпитаго шампанскаго (у С. вездѣ обязательно шампанское), рѣшаетъ утромъ послать кому-нибудь гробъ. Кому — не знаютъ, и офицеръ Сумовъ называетъ гробовщику первую попавшуюся улицу, номеръ дома и квартиры. Оказывается, что на этой улицѣ, (въ

этомъ домѣ и въ этой именно квартирѣ умерла дѣвушка, которую раньше зналъ Сумовъ, которая своей загадочностью и таинственностью (загадочность и таинственность обязательны въ разсказахъ С.) произвела на него сильное впечатлѣніе и предсказала, что скоро умретъ, а послѣ нея скоро умретъ и Сумовъ. И хотя они встрѣчались гдѣ-то въ глухой провинціи и Сумовъ совершенно не подозрѣвалъ, что дѣвушка сейчасъ въ Петербургѣ, гробъ попалъ именно къ ней.

Сумовъ вскорѣ застрѣлился.

Не менѣе удивительныя вещи происходятъ въ разсказѣ „Должное". Въ скучающей компаніи рѣшили оригинально развлечься: бросить жребій и кому выпадетъ онъ, тотъ вызываетъ кого-нибудь изъ компаніи на дуэль. Дуэль должна произойти сейчасъ же ночью, у стрѣляющихъ должны быть электрическіе фонарики на головѣ. Жребій выпалъ на долю Кашенцева. Кашенцевъ вызвалъ на дуэль лучшаго своего друга Рунича.

Но шутка кончилась скверно. Кашенцевъ нечаянно попалъ въ Ру ича и убилъ его. Умирая Руничъ передалъ Кашенцеву записочку, изъ которой выяснилось, что Руничъ былъ любовникомъ жены Кашенцева. Кашенцевъ застрѣлился. ...Авторъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, сжегъ эту записку и никто не узналъ правды...

Надо добавить, что всѣ разсказы прекрасно сдѣланы, интрига развивается занимательно и, несомнѣнно, они будутъ и имѣютъ успѣхъ нетребовательной публики. (*К. Нефодинъ.* „*Приаз. Кр.*" *1914—45*).

...Въ литературѣ давно уже народился такой сортъ писателей, которые промышляютъ истеріей, оккультизмомъ, тайными стуками и всякаго рода чудесами и конвульсіями и пытаются увѣрить наивную публику, будто не сами они умышленно сочиняютъ эти пошлые разсказы, а злые духи при помощи черной магіи пользуются ихъ языкомъ и перомъ. Къ сочиненіямъ такого сорта относятся и повѣсти С. Авторъ этихъ разсказовъ съ очень серьезнымъ видомъ доказываетъ, что умнымъ людямъ не слѣдуетъ свысока улыбаться, когда рѣчь заходитъ о примѣтахъ, о загадочномъ, о чудесномъ и проч. Гдѣ-то въ мірѣ незримо присутствуетъ воля сильнѣе нашей, которая не только управляетъ нашими дѣйствіями, но и глумится надъ нами и не выпускаетъ насъ изъ своихъ цѣпкихъ пальцевъ...

... Я не знаю. Можетъ быть найдутся такіе читатели, которымъ нравятся произведенія С. Я о нихъ не пишу. Но тѣмъ, которые предпочли бы, чтобы писатели, не лишенные дарованія, не занимались эксплоатаціей рыжихъ кошекъ и прочихъ чудодѣйственныхъ силъ, я могу разсказать одинъ поучительный эпизодъ. Въ Нарбоннѣ, на могилѣ св. Фирмена начали происходить чудеса, сотрясеніе, удары и проч. Народъ въ изумленіи сталъ стекаться съ руками, полными пожертвованій и даровъ, большинство которыхъ доставалось одержимымъ судорогами и сотрясеніями. Тогда епископъ нарбоннскій запретилъ посѣщать церковь, гдѣ происходили эти явленія, запретилъ приносить въ нее пожертвованія и приказалъ всѣ приношенія направлять на утѣшеніе неимущихъ. Лишь только это распоряженіе было выполнено, чудеса немедленно прекратились. Послѣдуйте этому примѣру: перестаньте покупать книжки, подобныя повѣстямъ г. С. и будьте увѣрены, что чудеса въ произведеніяхъ этихъ авторовъ, прекратятся такъ же скоро, какъ чудеса въ Нарбоннѣ. (*Л. Войтоловскій.* „*Кіевск. Мысль*". *1914—68*).

...С.—не стилизаторъ, и это тоже хорошо; его слогъ самъ собою изящевъ и простъ; онъ со вкусомъ выбираетъ сюжеты, но его вещамъ присуща нѣкоторая скучноватость. Въ самомъ ихъ тонѣ узнается знакомое, уже разъ бывшее. Боязнь жизни и любви съ ихъ грубой яркостью, движеніемъ и силой, — не такой могивъ, чтобы имъ плѣнить нынѣшняго читателя. И этотъ мотивъ не всегда удается нашему автору. Если весьма убѣдительнымъ вышелъ прелестный разсказъ „Среди березъ", то совершенно не удалась „Дѣвушка изъ Тосадеро", которая, „полюбивъ, умираетъ". С., какъ писатель, несовремененъ, и ему нѣтъ надобности выходить на большую литературную дорогу. Онъ не сумѣетъ договорить своего завѣтнаго и обезличится, а среди большой публики онъ со всей своей *пошлою* интимностью окажется малонужнымъ... (*П. Кожевниковъ.* „*У. Рос.*" *1914—32*).

Когда начинаешь читать С., то не сразу можно рѣшить, кто передъ тобой, ремесленникъ или художникъ, хотя бы и небольшой. Пишетъ онъ легко, занимательно, съ „выдумкой". Но часто эта выдумка не высокаго качества, и почти всѣ особливо ею отмѣченные разсказы кажутся взятыми изъ иллюстрированныхъ журналовъ для семейнаго чтенія. И только три разсказа этой книжки возвышаются надъ элементарной занимательностью: „Среди березъ", „Дѣвушка изъ Тосадеро" и „Химеры". Въ нихъ есть нѣчто настоящее, не позволяющее зачислить ихъ въ разрядъ ремесленныхъ произведеній занимательнаго разсказчика. У того, кто ихъ могъ написать, непремѣнно должно быть дарованіе художника. Оно еще неокрѣпшее, неровное и непередѣленной величины, но оно у С. есть. (*Ив. Ан—овъ.* „*Новь*". *1914—52*).

...Впечатлѣніе [оставляемое книгой] говоритъ объ авторѣ, какъ о человѣкѣ даровитомъ, съ литературнымъ вкусомъ, отъ котораго можно ждать хорошихъ произведеній. (*„Отклики" газ. „День" 1914—3*).

...Для тѣхъ, которые отъ художника прозы пуще всего жаждутъ занимательности, имя С. станетъ милымъ. (*А. Полянинъ.* „*Съв. Зап.*" *1914—2*).

Среди молодыхъ беллетристовъ такъ рѣзко выдѣляется С. своимъ чистымъ и свѣжимъ дарованіемъ... Ему удивительно легко удается сочетать фабулу съ общимъ благородствомъ стиля художественнаго замысла. Лучшими повѣстями въ книгѣ слѣдуетъ признать — „То, чего мы не узнаемъ", „Среди березъ"... Въ смыслѣ благородной простоты языка, С. можетъ служить очень полезнымъ образцомъ не только „начинающимъ", но и многимъ нашимъ маститымъ беллетристамъ. Въ наше сѣренькое время взамныхъ перепѣвовъ томикъ С. является радостнымъ исключеніемъ. Книга издана тщательно, въ старомъ стилѣ. (*Н. Мосальскій.* „*Свобод. Журн.*" *1914—2*).

434. Слезкинъ, Ю. 891.7—3

Помѣщикъ Гаддинъ. Повѣсть. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, разсказанная въ повѣсти — исторія объ одномъ отставномъ ротмистрѣ, бросившемъ полкъ съ тѣмъ, чтобы заняться сельскимъ хозяй-

ствомъ въ своемъ имѣніи. Что изъ этого вышло, и все вообще дальнѣйшее развитіе повѣсти становится уже заранѣе извѣснымъ читателю съ первыхъ же страницъ. Галдинъ непремѣнно долженъ влюбиться въ одну изъ своихъ сосѣдокъ по имѣнію, и, конечно, любовь эта должна быть несчастной. Послѣ двухъ встрѣчъ, à la Татьяна, пишетъ Галдину любовное письмо, и Галдинъ на сей разъ много покладистѣе Онѣгина. Но возлюбленная Галдина оказывается алкоголичкой и морфинисткой и внезапно умираетъ, да къ тому же самъ помѣщикъ успѣлъ уже влюбиться въ другую сосѣдку-польку. Исполняя сумасбродное желаніе этой польки, бывшій ротмистръ безъ всякаго повода нелѣпо убиваетъ на дуэли ея ухаживателя, но оказывается, что его-то и любила полька. И, отвергнутый,—разбивъ мимоходомъ еще одно женское сердце, попавшееся на пути, Галдинъ уѣзжаетъ изъ деревни обратно въ полкъ. Послѣдніе событія развертываются на нѣсколькихъ страницахъ вообще съ быстротою анекдота и совершенно не мотивированы. Читая повѣсть С., вспоминаешь невольно старые образы и старое повѣствованіе добрыхъ старыхъ романовъ изъ помѣщичьей жизни,—это спокойное, мѣрное, безъ всякихъ нервныхъ напряженій повѣствованіе шло совершенно въ духѣ и темпѣ всей старой жизни. Но это и не добрый старый романъ, а писалъ его нашъ современникъ, — это и не стилизація старины въ духѣ „модернистовъ“. Въ авторѣ просто чувствуется человѣкъ, читавшій прежнюю литературу. У него старый повѣствовательный стиль,— но не „свой“, а чисто-внѣшній; старые готовые образы, но не „свои“.

Этотъ недостатокъ — одинъ изъ показателей, художественной слабости писателя: писатель не связанъ глубоко — черезъ свое творчество — со своей эпохой, не имѣетъ въ ней корней, чуждъ ея настроеніямъ, ея психикѣ, самому дыханію своей современности. Въ этомъ смыслѣ его повѣсть какъ бы виситъ въ безвоздушномъ внѣвременномъ пространствѣ, не заключая въ себѣ элементовъ психо-соціологическихъ, присущихъ всякому художественному произведенію.

Переживанія Галдина, какъ и другихъ героевъ повѣсти, не воспроизведены передъ читателемъ, въ нихъ приходится вѣрить на слово автору. Повѣствованіе С. ведется просто, легко и непринужденно, но и поверхностно, затрогивая лишь внѣшнія событія разсказа, внѣшніе жесты переживаній, нигдѣ не идя вглубь. А если и встрѣчается кое-гдѣ эта попытка пойти вглубь — она кончается плачевно.

...Романъ С.—совершенно не психологическій, лишенный психологической разработки, хотя, кажется, именно переживанія героевъ должны были бы служить содержаніемъ его. Лишенный дара изобразительности, авторъ не далъ и бытовой картины. И, наконецъ, въ повѣсти, которую читаешь легко, и не можешь сказать даже, нравится ли она или нѣтъ,— не доставъ самаго важнаго, той художественной *соли*, которая сразу сдѣлала бы острымъ интересъ къ книгѣ, оживила бы пресныя и тусклыя страницы ея. Авторъ—не художникъ, а простой разсказчикъ, книгу котораго, не браня и не хваля, можно перелистать въ вагонѣ и... забыть не только имена героевъ, но и фабулу на завтра... (*Д. Тальниковъ.* „*Совр. М.*“ *1914—4*).

Помнится, одинъ изъ нашихъ критиковъ жаловался, что въ Россіи нѣтъ нынѣ „писателей“, а все больше „описатели“. Указаніе это очень справедливо, и поэтому чрезвычайно пріятно отмѣтить, прежде всего, то обстоятельство, что творчеству С. чужды пріемы будняго и скучнаго „описательства“. Этотъ авторъ въ своихъ произведеніяхъ вообще, и въ частности въ разсматриваемой повѣсти является настоящимъ „писателемъ“, сочинителемъ, разсказчикомъ, умѣющимъ съ перваго же слова завладѣть вниманіемъ читателя и заставить его съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдить за развитіемъ своего повѣствованія до самаго конца.

Рѣшеніе „міровыхъ вопросовъ“, философскія отступленія и чрезмѣрныя психологическія углубленія не свойственны С. Повѣсть его сдѣлана съ граціозной простотой, легкими, словно скользящими штрихами. Но всѣ дѣйствующія лица повѣсти живутъ и дышутъ, всѣ они зарисованы ярко и выпукло, изображеніе внѣшнихъ событій повѣсти и душевныхъ переживаній персонажей льется живо и непринужденно, и набрасываемыя авторомъ картины жизни встаютъ въ воображеніи читателя отчетливо и полнозвучно. Прочитавъ повѣсть С., нельзя почувствовать себя обогащеннымъ какими-нибудь новыми познаніями или „идеями“, но читатель, не претендующій на „служебную“ роль беллетристики, переживетъ за книгой молодого писателя нѣсколько милыхъ часовъ, находясь все время какъ бы подъ чарующимъ обаяніемъ занимательнѣйшаго собесѣдника. (*С. Недолинъ.* „*Своб. Журн.*“ *1914—3*).

...Впечатлѣніе такое, какъ будто С. сдѣлался писателемъ случайно, какъ-то невзначай, какъ будто даже противъ воли, не думая о томъ, что онъ беретъ на себя тяжелое бремя: переносить на бумагу всю горечь и незадачи, печаль и невзгоды труднаго человѣческаго пути. ...За четыре года, отдѣляющіе романъ отъ разсказовъ, талантъ С. избавился отъ всѣхъ эротическихъ фантасмагорій и ненормальныхъ вычуръ, замѣтно созрѣлъ и отрезвѣлъ, и сейчасъ являетъ собой яркое и самобытное дарованіе, привлекательное своимъ благородствомъ и простотой. Манера писать С. ни на чью изъ современныхъ писателей не похожа. Авторъ никому не подражаетъ и ни съ чѣмъ не соревнуетъ, овъостается самимъ собой. И есть теперь какая-то печальная нѣжность въ письмѣ С.; всѣ его персонажи какъ будто обласканы тихимъ, трогательнымъ сочувствіемъ автора; даже въ грубаго, истинно-русскаго нѣмца — фонъ-Клабэна, суроваго деспота и развратника, авторъ вкладываетъ какую-то симпатично-бодрую ноту. Въ романѣ много дѣйствующихъ лицъ, и всѣ они — живыя и своеобразныя. Интрига повѣсти держитъ ваше вниманіе въ цѣпкихъ рукахъ и не ослабляетъ вашего интереса, пока фабула не будетъ исчерпана до конца. Вы сживаетесь съ персонажемъ романа, любите вмѣстѣ съ ними, съ ними гнѣваетесь, страдаете и разочаровываетесь.

...Въ итогѣ — прекрасный романъ; онъ даетъ намъ право ожидать отъ С. и въ будущемъ интересныхъ произведеній. Ручательствомъ за оправданіе нашихъ надеждъ служатъ благородный литературный стиль автора и его зоркій, наблюдательный глазъ. (*Саддукей.* „*Моск. Газ.*“ *1914—313*).

...Новый романъ С. нисколько не отличается отъ предыдущихъ его произведеній.

...Несомнѣнно, онъ читается съ извѣстнымъ интересомъ, но общее впечатлѣніе отъ него такое же, какъ отъ занимательной, но типичной кинематографической картины. Смотришь съ удовольствіемъ, а вышелъ изъ зала — и забылъ про картину. У автора временами — хорошій языкъ, удачныя слова, умѣніе плести нити фабулы. Но, очевидно, этого мало. Характеры героевъ очерчены крайне поверхностно. Финалъ прихваченъ бѣлыми нитками и нелогиченъ. Видна спѣшность и желаніе поскорѣе раздѣлаться съ сюжетомъ, который, быть можетъ, вначалѣ былъ милъ и даже дорогъ. Жаль! (*Зин. Л. „Иллюстр. Петерб. Курьеръ“. 1914—3*).

...О внѣшнихъ посредственныхъ данныхъ произведеній С. распространяться не стоитъ: они не могутъ выкупить его внутренней пустоты. (*А. Николаевъ. „Завѣты“. 1914 — 4*).

...Книги С. [„То, чего не было“ и „Помѣщикъ Галдинъ“] далеко не блѣдныя. Они говорятъ объ авторѣ, какъ о художникѣ, у котораго есть краски, есть образы, и, главное, большой даръ увлекательнаго разсказчика... Слезкинъ заинтересовываетъ; его слушаютъ даже тогда, когда очевидна „выдумка“... Въ рисункѣ С. не чувствуется напряженности; кажется, будто творчество дается ему совсѣмъ безъ труда... Но, странное дѣло, этотъ молодой писатель отравленъ какимъ-то ядомъ старческаго отношенія къ жизни... (*Вяч. Полонскій. „Нов. Жз.“ 1914—1*).

Сравнительно съ первой, эта книга представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ... Въ повѣсти этой авторъ обнаруживаетъ несомнѣнное знаніе помѣщичьяго быта, и, хотя никакихъ новыхъ чертъ къ тому, что мы объ этомъ бытѣ знаемъ онъ не даетъ, увѣренное изображеніе производитъ пріятное впечатлѣніе.

...Написана повѣсть хорошо; фигуры, довольно разнообразныя, очерчены выпукло и убѣдительно... (*Вяч. П. „Отклики“ газ. „День“. 1914—5*).

Повѣсть С. гораздо значительнѣе его разсказовъ. Это съ его стороны большой шагъ впередъ. Блѣдные, набросанные неувѣренною рукой разсказы кажутся дѣтскимъ лепетомъ по сравненію съ этой стройной, красивой вещью. Ея живой, безыскусственный языкъ и благородное изящество спокойнаго тона сразу располагаютъ въ пользу автора. Въ повѣсти чувствуется ароматъ хорошей литературы — чего-то знакомаго и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжаго, новаго—какъ будто *тургеневскаго*, приближеннаго къ намъ, болѣе непосредственнаго и живого. Авторъ далеко еще не достигъ худож. зрѣлости, поэтому у него нѣтъ характеровъ, нѣтъ глубины и содержательности творчества; у него одни летучія впечатлѣнія отъ жизни и отъ людей. Но передаетъ онъ эти впечатлѣнія съ захватывающей непосредственностью, безъ лишнихъ словъ и риторики... Повѣсть говоритъ о несомнѣнномъ талантѣ С., свѣжемъ и привлекательномъ... (*Е. Колтоновская. „Впст. Евр.“ 1914—4*).

С. даровитый писатель, но дарованіе у него не безъ странностей... Нарисованныя имъ лица и событія жизненны, но не типичны... не „представители“ своей бытовой группы, а только „отдѣльные случаи“... Анекдотическій, случайный элементъ поэтому преобладаетъ въ кн. С... Перечитывать С. врядъ ли кто станетъ. Отчасти играетъ тутъ роль и характеръ слезкинскаго письма. Рѣчь его банальна, а иногда и вульгарна. Мѣстами разсказъ тягучъ и чрезмѣрно обстоятеленъ... (*Р. Таганъ - Роговъ. „Соврем.“ 1914—8*).

...С. уже умѣетъ, оставаясь занятнымъ разсказчикомъ, преодолѣть анекдотъ, и „Помѣщикъ Галдинъ“ первая большая повѣсть, которую безъ излишней скромности можно было бы назвать романомъ, является не только увлекательно-интересной исторіей, но и широкой картиной чувствъ и переживаній современныхъ. Хорошъ вкусъ, изящная простота формы и неутомимая выдумка дѣлаютъ книги С. на рѣдкость пріятными и даютъ увѣренность, что передъ нами авторъ съ отличнымъ будущимъ. (*С. Ауслендеръ. „Рѣчь“. 1914—33*).

...Исторія проста и пріятно разсказана... Лирическое впечатлѣніе остается отъ повѣсти,— однако небольшое: нельзя сказать, что Григорій Галдинъ стоитъ передъ нами какъ живой, нельзя этого сказать и о прочихъ фигурахъ, его окружающихъ... С. не изъ худшихъ представителей современной литературы, разсудительной и безкрылой, но не ему, ни намъ отъ этого не легче. (*„Рус. Вог.“ 1914—6*).

...Романъ этотъ, кажется, лучшее произведеніе С. (*Биржк. Вѣд. 1914—14151*).

435. Козловскій, Л. С. 92(Г):32(47)

Герценъ-публицистъ. Изд. „Эвергія“ „Культурно-историч. библ. подъ ред. Историч. Комиссіи учебн. отд. О-ва Распр. Техн. Зн.“. 1914. Спб. Ц. 90 к.

Вскрыть въ избранныхъ страницахъ изъ публицистическихъ произведеній Герцена его общественное міровоззрѣніе,—такова была задача К. Онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы разъятіемъ герценовскихъ статей по хрестоматійнымъ отрывкамъ не искалѣчить живого духа подлинника: избранныя имъ мѣста приведены въ обширныхъ извлеченіяхъ или полностью. Прекрасная вводная статья, выясняющая своеобразное соціалистическое міровоззрѣніе Герцена, не примкнувшаго ни къ утопическому, ни къ научному соціализму, объяснительныя замѣтки, предпосланныя каждому отдѣлу книги, несомнѣнно, помогутъ читателю разобраться въ матеріалѣ. Авторъ болѣе останавливается на произведеніяхъ Герцена заграничнаго періода; публицистъ-Герценъ въ Россіи представленъ только въ отрывкахъ, рисующихъ общефилософскія основы его взглядовъ, а между тѣмъ къ этому періоду относятся такіе острые отклики на соціальные вопросы, какъ „По поводу одной „драмы“, „Капризы и раздумье“. Герценъ въ его отношеніяхъ къ русской интеллигенціи 60-хъ годовъ представленъ въ книгѣ К. только статьей „Еще разъ Базаровъ“, но напомнимъ читателю, что безъ „Very dangerous“, безъ этого выпада противъ руководителей тогдашней журналистики, Герценъ - публицистъ не полонъ. Указанныя статьи, по нашему мнѣнію, обязательны даже для „общедоступнаго изданія“, какимъ К. считаетъ свою книгу. Не мѣшало бы помочь читателю поясненіями, коротенькими характеристиками тѣхъ историческихъ дѣятелей, о которыхъ Герценъ говоритъ, бросая лишь ихъ фамиліи, а то имена А. Клоопа, Фукье, Сенара и др. могутъ остаться только бывшимъ обозначеніемъ. (*Н. Бродскій. „Рус. Вѣд.“. 1914—110*).

... Составлена [хрестоматія] весьма тщательно... Въ предѣлахъ поставленной авторомъ задачи...

цѣль достигнута, и для многихъ кн. можетъ служить введеніемъ къ Герцену-публицисту. Къ сожалѣнію, составитель пользовался текстомъ Павленковскаго изд., испорченнымъ, ради страха цензурнаго, иногда безо всякой надобности... (*„Вѣст. Евр.“. 1914*).

...[Выпускъ] заслуживаетъ вниманіе широкихъ круговъ читателей, для которыхъ Герценъ сталъ явленіемъ историческимъ, писателемъ, котораго надо изучать, а не читать. К. выбралъ наиболѣе характерныя мѣста и освѣтилъ выбранный матеріалъ прекрасной статьей, дающей ясное и сжатое представленіе о Герценѣ, какъ о публицистѣ. (*В. Ф. „Пед. Обозр.“. 1914—4*).

... Въ началѣ книги помѣщена прекрасная содержательная, четко рисующая обликъ пламеннаго публициста, статья составителя хрестоматіи К. Въ концѣ книги краткая „литература“, отсылающая за подробностями въ книги Вѣтринскаго „Герценъ“. Пожелаемъ широкаго распространенія этому изданію, которое должно читателя неминуемо привести къ герценовскому собранію сочиненій и сдѣлать его, наконецъ, настольной книгой. Пусть помнитъ читатель напутствіе составителя, что страницы Герцена, взятыя для этой книги, названы избранными только потому, что онѣ приведены какъ образчики для иллюстраціи указанныхъ періодовъ творчества Герцена. Это только бѣглые вспышки одного бурнаго яркаго пламени его генія. (*Л. Зиловъ. „Новь“. 1914—74*).

...Полнаго представленія о Герценѣ-публицистѣ работа К. не даетъ, но для тѣхъ читателей, которымъ почему-либо недоступенъ „полный Герценъ“, книжка эта можетъ быть и полезной и интересной. Тѣмъ болѣе, что матеріалъ въ ней подобранъ продуманно и систематично. (*М. Л. „Гол. М.“. 1914—79*).

Давно уже нужна была такая книга. Избранныя страницы великаго писателя всегда найдутъ массоваго читателя... Выборъ отрывковъ изъ публицистическихъ работъ Герцена сдѣланъ очень хорошо. Взяты наиболѣе краснорѣчивыя страницы, написанныя съ той страстностью, которая такъ часто у Герцена переходитъ въ истинный могучій паѳосъ. Вступительная статья и объясненія К. нѣсколько тусклы. Хотѣлось бы къ такимъ страницамъ чего-либо болѣе полнаго и яркаго. Впрочемъ отсутствіе полноты въ очеркѣ К. быть можетъ объясняется нежеланіемъ увеличить размѣръ книги. Очень жаль, что издательство не дало ряда послѣдовательныхъ портретовъ Герцена. Сдѣлать это очень легко и немного бы удорожило это симпатичное и сравнительно недорогое изданіе. (*Л. В. Перовичъ. „Утро“. 1914—22*).

... Нужно отдать справедливость К.,—онъ очень удачно выполнилъ задачу — о Герценѣ публицистѣ читатель изъ данной брошюры получитъ достаточное представленіе. Герценъ-художникъ, Герценъ-авторъ своей удивительной автобіографіи остается ему неизвѣстнымъ, и для знакомства съ этимъ Г. необходимо обратиться къ собранію его сочиненій... (*„Вѣст. Зн.“. 1914—3*).

Новыя книги.

Общія сочиненія [0]

2185. Малиновскій, Н. А. 028

Избранныя книги изъ числа допущенныхъ Мин. Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ съ 1899 г. по мартъ 1914 г. Пособіе при комплектованіи школьныхъ библіотекъ и при выдачѣ изъ нихъ книгъ для домашняго чтенія учащимся. 3-е дополн. и перераб. во 2-й части изд. Нижегор. Губ. Земства. Н. Н. 1914. Стр. 114. Ц. 25 к.

2186. [. . . . 03

Энциклопедическій словарь Тов. „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Коваленскаго, проф. С. А. Муромцева (†) и проф. К. А. Тимиризева. Томъ 23. Кабаніель-Каутскій. Спб. 1914. Изд. 7-е перераб. 736 стлбц. Съ рис. Ц. 3 р. 30 к.

2187. [. . . . 03:087.1

Дѣтская энциклопедія. Томъ IX. Подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, И. П. Козловскаго, Н. А. Морозова, проф. С. И. Метальникова, М. В. Новорусскаго. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 4°. 256 стр. съ рис.

2188. Андерсенъ, Г. Х. 087.1

Сказки. Огниво и др. Переводъ А. О. Гушка. Спб. 1914. Изд. Т-ва „Дѣятель“. 16°. 80 стр. Ц. 20 к.

2189. Андерсенъ, Г. Х. 087.1

Сказки. Соловей и др. Переводъ А. О. Гушка. Спб. 1914. Изд. Т-ва „Дѣятель“, 16°. 45 стр. Ц. 10 к.

2190. Валько-Отшельникъ. 087.1

Герой (изъ дѣтскихъ воспоминаній). Съ рис. А. Кучеренко. М. 1914. Изд. Д. П. Ермакова. 53+3 нен. стр. съ рис. Адресъ склада: кн. маг. А. Д. Другманъ (Арбатъ, 35). Ц. 30 к.

2191. Каррикъ, В. 087.1

Лисица и заяцъ. Ворона и ракъ. Сказки-картинки. Спб. 1914. Изд. „Задруга“. 16°. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

2192. Каррикъ, В. 087.1

Три козлика Брузе. Баранъ и вербюдъ. Сказки-картинки Спб. 1914. Изд. „Задруга“. 16°. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

2193. Кондурушкинъ, С. С. 087.1

Звонарь. Разсказы. Библ. „Тропинки“. Подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 131 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

2194. Форшъ, Ольга. 087.1

Что кому нравится. Сказки и разсказы. Библіотека „Тропинки“. Подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. М. 1914. Изд. Т-ва Сытина. 139 стр. Съ рис. Ц 85 к.

2195. Вагнеръ, П. П. 087.1:59

Любимцы народа. Разсказы для дѣтей. М. 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 139 стр. съ рис. Ц. 50 к.

Философія [1]

2196. Бергсонъ, А. 11(Б)

Собраніе сочиненій. Т. V. Перев. съ франц. В. Флеровой и І. Гольденберга. Спб. 1914. Изд. М. И. Семенова. 206 стр. Ц. 2 р.

Содержанiе. I. Введенiе въ метафизику. II. Психофизическiй параллелизмъ и позитивная метафизика. III. Смѣхъ.

2197. [. . . . . 11(082)

Новыя идеи въ философiи. Подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборн. № 17. Современные метафизики II. Спб. 1914. Изд. „Образованiе". 135 стр. Ц. 80 к.

Содержанiе. Н. Бальтазаръ. Метафизика Лevонской школы.—Н. Г. Дебольскiй. Т. Г. Гринъ, какъ метафизикъ.—Б. Яковенко. Философская система Жозiя Ройса.

2198. Бэгби, Г. 133

Разбитые сосуды. (Удивительное повѣствованiе о дважды рожденныхъ людяхъ). Перев. съ англ. М. Ковалевской. Спб. 1914. 3°. 56 стр.

2199. Коллинзъ, М. 133

Когда солнце движется на сѣверъ. Объясненiе шести священныхъ мѣсяцевъ. Перев. М. Деппъ. Издан. „Духовн. Знанiе". М. 1914. Стр. 207. Ц. 1 р.

Изъ предисловiя: „Исходя въ своемъ творчествѣ изъ так. наз. восточнаго теченiя въ оккультизмѣ, теченiя, чьи истоки теряются въ глубинѣ древнихъ святилищъ Востока, и обладая той мистической способностью человѣческаго духа, которая извѣстна подъ именемъ *ясновидѣнiя*, К. въ своихъ произведенiяхъ раскрываетъ передъ нами двери сокровищницъ древней мудрости духовнаго познанiя. Предлагаемая книга содержитъ описанiе тѣхъ духовныхъ обрядовъ и празднествъ, которые сознательно или безсознательно, зримо или незримо для человѣка переживаются его духомъ въ теченiе тѣхъ шести мѣсяцевъ, когда солнце движется на сѣверъ. Эти страницы... не предназначены для людей, которымъ *еще* не вѣдомъ внутреннiй призывъ къ рожденiю *въ духѣ*"...

2200. Вревскiй, Б. А., бар. 153

Основа философiи сознанiя и ихъ гносеологическое значенiе. Спб. 1914.+Стр. 73. Ц. 1 р.

Содержанiе. Введенiе. Понятiе философiи. Источники познанiя. Развитiе и тождественный ему законъ причинъ и слѣдствiй. Развитiе сознанiя. Сознанiе—бытiе. Сознанiе—любовь. Познанiе истинное, положительное и относительное. Заключенiе.

2201. Вайсфельдъ, М. 157

Стремленiя и чувства. Психологическое изслѣдованiе. Спб. 1914. Изд. „Образованiе". 227 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержанiе. I. О. жизненныхъ явленiяхъ вообще: Различныя категорiи жизненныхъ явленiй. Безкачественность эмоцiй. Одина овость эмоцiональнаго тона. — II. Стремленiя и объекты: Объекты, какъ предметы стремленiй. Объекты не обусловливаютъ стремленiй. Создатель стремленiй и авторитативный оправдатель. Явленiя замѣщенiя. — III. Чувства не направлены на объекты. Реформаторское и любовно-созерцательное отношенiе къ жизни.

2202. Вышеславцевъ, Б. 17(Ф)

Этика Фихте. Основы права и нравственности въ системѣ трансцендентальной философiи. М. 1914. Тип. Снегиревой (Остоженка, Савеловскiй пер.). XIII+437 стр. Ц. 3 р.

Содержанiе. Введенiе. Трансцендентальный идеализмъ. Рацiональное и иррацiональное: I. A priori и a posteriori. Фактъ и обоснованiе. II. Данность и созданiе. Фактъ и генезисъ. III. Иррацiональное. IV. Полюсы противопоставленiя и среднее между ними. V. Проблема иррацiональнаго въ соврем. философiи. Шуппе. Риккертъ, Ласкъ. VI. Бергсонъ. Лосскiй. VII. Рацiональное и иррацiональное въ древней философiи. VIII. Идея, какъ безконечная задача. IX. Идея, какъ система. X. Безконечный прогрессъ у Фихте и критика дурной безконечности у Гегеля. XI. Безконечность потенцiальная и актуальная. Абсолютъ.—Субъектъ и объектъ: I. Субъективный идеализмъ и его кризисъ въ системѣ Фихте. II. Проблема субъекта и объекта, идеализма и реализма въ Наукоученiи 1804 г. Восхожденiе къ Абсолюту. III. Корреляцiя субъекта и объекта и ея значенiе въ системѣ философiи.—Царство природы и царство свободы: I. Проблема объективной этики въ трансцендентальномъ идеализмѣ. II. Категорiи природы, какъ условiя возможности свободы. III. Переходъ отъ царства природы къ царству свободы. IV. Основныя категорiи свободы.—Право и нравственность: I. Дедукцiя права и государства. II. Система конкретной этики. Хозяйство, право, нравственность.

2203. Феноменовъ, М. Я. 179.7:371

Причины самоубiйствъ въ русской школѣ. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 130+1 нен. стр.

Религiя [2]

2204. Скуполи, Л. 248

Брань духовная или наука побѣждать страсти свои и торжествовать надъ пороками. Переводъ съ франц. перевода. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 211 стр. Ц. 60 к.

2205. [. . . . . 25(5+6)

Христiанскiй востокъ. Серiя, посвященная изученiю христiанской культуры народовъ Азiи и Африки. Томъ II. Вып. II и III. Спб. 1914. Изд. Имп. Акад. Наукъ. 163—262+263—407 стр. Ц. по 1 р. 35 к.

2206. [. . . . . 271.7(09)

Исторiя iезуитскаго ордена, составленная по подлиннымъ, отъ части неизданнымъ документамъ аббатомъ Гетте, авторомъ исторiи церкви во Францiи и многихъ другихъ сочиненiй. Т. I. Кн. 5-я. Переводъ О. А. Циклинской. М. 1914. 135 стр.

2207. Вивекананда, Суоми. 294

Джнана-Iога. Лекцiи. Переводъ Я. К. Попова. Спб. 1914. Тип. И. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 344 стр. съ потрет. Ц. 3 р.

2208. Инайятъ-Ханъ, проф. 294/5

Суфiйское посланiе о свободѣ духа. (Пиро-Муршидъ и танцевъ). Авторизованный пер. съ англ. А. Балакина. М. 1914. Тип. М. О. Аттая и К°. (Маросейка, Космодамiанскiй пер., 5). 89+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Содержанiе. Отъ переводчика. Предисловiе. Бiографiя автора. Богъ. Природа. Личное существо Бога. Двойной аспектъ. Богопочитанiе. Истина. Суфiи. Самопознанiе. Святость. Любовь. Совершенство. Пророки. Суфизмъ. Суфiйское обученiе. Проявленiе. Интересъ и безразличiе. Духъ и матерiя. Сердце и душа. Сны и вдохновенiе. Законъ дѣйствiя. Музыка у суфiевъ. Ваджадъ (экстазъ). Сосредоточенiе. Мужской и женскiй аспектъ Бога.—*Отъ переводчика*: „Су-

физмъ—это религіозная философія, наложившая яркій отпечатокъ на весь духовный укладъ Востока".

Соціальныя науки [3]

2209. [. . . . 308(47)

Времена крѣпостного права. Деревня. „Библ. новой школы". Для старшихъ. № 4. М. 1914. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 16⁰. 47 стр. Ц. 4 к.

2210. Плехановъ, Г. В. 308(47)

Исторія русской общественной мысли. Т. I. Спб. 1914. Изд. „Міръ". 304 стр. Съ рис.

Содержаніе: Предисловіе. Очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній:— Взглядъ Н. И. Павлова-Сильванскаго на этотъ вопросъ.— Взглядъ В. О. Ключевскаго на роль экономическаго и политическаго моментовъ въ исторіи Руси. Критика этого взгляда.— Критика взгляда В. О. Ключевскаго (продолженіе и окончаніе).— Взглядъ С. М. Соловьева на роль завоеванія и на значеніе географической среды въ русской исторіи. Нѣкоторыя методологическія соображенія этого историка.— Критика взгляда С. М. Соловьева на роль дерева въ исторіи Руси и роль камня въ исторіи Западной Европы.— Правильная сторона взгляда С. М. Соловьева на роль географической среды въ исторіи русскаго общественнаго развитія.— Производительная дѣятельность юго-западной Руси въ теченіе Кіевскаго періода. Критика взгляда В. А. Кѣлтуялы. — Натискъ кочевниковъ на земледѣльческое населеніе Руси Кіевскаго періода. Экономическія, соціальныя и политическія послѣдствія этого натиска. — Сосѣдство съ кочевниками, какъ источникъ многихъ „европейскихъ недочетовъ въ русской исторической жизни". — Передвиженіе центра тяжести русской исторіи на сѣверо-востокъ. — Соціальная причина антагонизма между юго-западной и сѣверо-восточной частями русской земли.—Хозяйственная дѣятельность сѣверо-восточной Руси. — Общественныя условія производства въ этой части русской земли. — Чью землю обрабатывали тамъ земледѣльцы? — Крестьянинъ сѣверо-восточной Руси въ своемъ отношеніи къ государству. Параллель съ деспотіями Востока.—Усиленіе центральной власти подъ вліяніемъ условій сельско хозяйственной дѣятельности въ сѣверо-восточной Руси. — Служилое сословіе, духовенство и центральная власть въ сѣверо-восточной Руси. — Хозяйственныя причины слабости служилаго сословія въ его отношеніи къ центральной власти. Параллель съ Востокомъ. — Хозяйственныя условія развитія города въ сѣверо-восточной Руси. — Городъ и центральная власть. — Соціально-политическій бытъ московской Руси и его вліяніе на историческій процессъ собиранія русскихъ земель.—Возникновеніе казачества. Роль казацкихъ движеній въ процессѣ развитія русской общественной жизни. — Поворотъ къ Западу. Петровская реформа, ея ближайшія соціально-политическія причины и ея ближайшія соціально-политическія слѣдствія. — Взаимная борьба сословій въ послѣ-Петровской Россіи. Политическое значеніе крестьянскаго аполитизма.—Европеизація Россіи. Узкіе предѣлы европеизаціи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы.—Расширеніе этихъ предѣловъ вслѣдствіе толчка, даннаго реформой экономическому развитію Россіи.—Новыя культурныя явленія и новыя политическія стремленія, какъ слѣдствіе новыхъ общественно-экономическихъ отношеній.

2211. Диль, Ш. 321.91(38)

Византійскіе портреты. Т. I. вып. 2. Перев. съ франц. С. М. Антикъ. „Универ. Библ." № 691/2. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. М. 1914. Стр. 162. Ц. 20 к.

Содержаніе. Четыре брака импер. Льва Мудраго. Феофано. Зоя Багрянородная. Византійская семья средняго класса въ XI в. Анна Далассена — аристократическая византійская семья въ XI в.

2213 [. . . . 329 (47) „19"

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Томъ III. Книга 5. Партіи, ихъ составъ, развитіе и проявленіе въ массовомъ движеніи, на выборахъ и въ Думѣ. Спб. 1914. Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 643 стр. Ц. 5 р.

Содержаніе: А. Мартыновъ. Конституціонно-демократич. партія. — Ф. Данъ и Н. Череванинъ. Союзъ 17 октября.—К. Залевскій. Національныя партіи въ Россіи.—В. Левицкій. Правыя партіи.—Б. И. Горевъ. Аполитическія и антипарламентскія группы.—Л. М—въ. Соціалъ-демократія 1905—1907 г.г.

2214. Загорскій, С. О. 331.88

Синдикаты и тресты, (Ученіе о капиталистическихъ монополіяхъ). Лекціи, читанныя въ теченіе 1913—14 учебн. года на С.-Петербургскихъ высшихъ коммерческихъ курсахъ М. В. Побѣдинскаго. Спб. 1914 Тип. Братья Ревины (Чернышевъ пер., 20). VIII+280 стр. Ц. 1 р. 85 к.

2215 Вейденгаммеръ, Юр. 332.1

Банкъ и его операціи. Общія основныя понятія. Спб. 1914. Тип. 1-ой СПБ. Трудовой Артели (Лиговская, 34). 95 стр.

2216 [. 335.5 (47)

Законъ 14 іюня 1910 г. Объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи. М. 1914. Тип. Мысль (Петровка, 11). 97—172 стр.

2217. Евдокимовъ, А. 334

Возрожденіе села и кооперація. Общедоступныя чтенія по кооперціи. М. 1914. Изд. „Кооперативной Жизни". 32 стр. Ц. 10 к.

2218. Подольскій, И. М. 334

Очерки по теоріи мелкаго народнаго кредита Изд. „Помощь кооператорамъ". Скл. Теріоки—автору. Спб. 1914. Стр. 29. Ц. 30 к.

Содержаніе: Организац. плавъ хозяйства, какъ главнѣйшій факторъ при рѣшеніи вопроса о надлежащей постановкѣ кредитной помощи населенію. „Субъективная" оцѣнка хозяйственныхъ явленій въ трудовомъ хозяйствѣ. Гл. различіе трудового и капиталистическаго хозяйства. Основы сложенія потребительскаго бюджета. Нѣкоторыя особенности субъективной оцѣнки кредитнаго рубля со стороны русскаго крестьянина. Неумѣстность приказа въ дѣлѣ организаціи кредитной помощи населенію. О кредитѣ производительномъ и потребительномъ. Могутъ ли потребительныя ссуды составить правильную функцію мелкаго народнаго кредита. Теорія кредита проф. Коснинскаго (основы кредитоспособности). Схема круговращенія капитала въ трудовомъ хозяйствѣ. О гарантіяхъ, обезпечи-

вающихъ выполненіе заемщиками своихъ обязательствъ. Выводы и заключенія.

2219. Хейсинъ, Л. М. 334

Что долженъ знать и дѣлать членъ потребительнаго общества. „Библіотека кооператора № 3." М. 1914. Изд. Московск. союза потреб. обществъ. 22+1 нен. стр.

2220. Петровъ, Е. П. 334 (4.31)

Кооперація среди кустарей Московской губерніи въ 1912—13 году. (Матеріалы по коопераціи въ Московской губерніи. Вып. IX). М 1914. Изд. Московск. губ. земства, 79 стр.+19 табл.+1 графикъ. Ц. 50 к.

2221. Мукосѣевъ, В. А. 338 : 38

Повышеніе товарныхъ цѣнъ. Къ изученію основныхъ тенденцій въ развитіи современнаго мірового хозяйства. Спб. 1914. Тип. Ред. період. изд. Мин. Фин. VI+99 стр.

2222. [. . . . . 34(082)

Новыя идеи въ правовѣдѣніи. Подъ ред. проф. Л. І. Петражицкаго. Сборн. № 3. Эволюція преступленій и наказаній. І. Спб. 914. Изд. Образованіе. 151 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Г. Оппенгеймеръ. Историческое изслѣдованіе о происхожденіи наказанія.—К. Биндингъ. О происхожденіи публичнаго наказанія.—П. Сорокинъ. Законы развитія наказаній съ точки зрѣнія психологической теоріи права Л. І. Петражицкаго.

2223. Бродскій, В. А., д-ръ 340.6 : 61

Искусственный выкидышъ съ медицинской и общественно-экономической точекъ зрѣнія. М. 1914. Тип. Т-ва „Печатня С. П. Яковлева" (Салтыковскій пер., 9). IV+43 стр. Ц. 50 к.

2224. Тимашевъ, Н. С. 343.1(47)

Условное осужденіе. Спб. 1914. Тип. М. Квара (Литейный пр., 33). VI+558 стр. Ц. 3 р.

2225. Лепскій, М. И. 347 (47)

Вознагражденіе за вредъ и убытки и незаконное обогащеніе въ сенатской практикѣ. Сборникъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній Правительствующаго Сената за 1866—1913 гг. М. 1914. Изд. „Юристъ". 272 стр. Ц. 2 р. 50 к.

2226. Быховскій, В. В. 347.6 (47)

Личныя и имущественныя отношенія супруговъ между собою и къ дѣтямъ при раздѣльномъ жительствѣ по новому закону 12 марта 1914 г. (Права замужней женщины, иски о содержаніи жены и дѣтей, о свиданіяхъ съ дѣтьми, о возстановленіи совмѣстной жизни). Практическое руководство для веденія дѣлъ, возникшихъ изъ раздѣльнаго жительства супруговъ съ полнымъ текстомъ закона 12 марта 1912 г. и образцами дѣловыхъ бумагъ. Изд. кн. м. П. К. Голубева „Правовѣдѣніе". М. 1914. Стр. 119. Ц. 75 к.

2227. Катаевъ, И. М. 35 (47)

Дореформенная бюрократія по запискамъ, мемуарамъ и литературѣ. „Культурно-историч. библ. подъ ред. Историч. Комис. Уч. отд. О. Р. Т. Зн. „Энергія". Спб. 1914. Стр. 180 Ц. 1 р. 10 к.

Содержаніе: Очеркъ развитія русской бюрократіи. Эпоха Екатерины II и Павла I. Эпоха Александра I. Николаевская эпоха.

2228. Блюменталь, Ф. М. 351.77 (4)

Очерки государственнаго здравоохраненія на Западѣ. Спб. 1914. Тип. Министр. Внутр. Дѣлъ. 80 стр.

2229. [. 352.09 (082)

Къ пятидесятилѣтію земства 1864—1914 г. Очерки экономической дѣятельности земствъ. Сборникъ статей Кн. Дм. П. Шаховского, С. Л. Маслова, М. Н. Вонзблейна, И. Я. Казимирова, Д. М. Шорыгина, А. П. Левицкаго, А. С. Орловъ, З. С. Каценеленбаума и В. В. Хижнякова. М. 1914. Изд. ред. „Вѣстникъ сельск. хоз". (Смоленскій бульв., 57) (15×24). IX+121 стр. Ц. 60 к.

2230. Безруковъ, А. 355 (02)

Руководство прикладной тактики (пособіе для офицеровъ). М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К-о XII+562 стр. Ц. 3 р. 50 к.

2231. [. 355 (03)

Военная энциклопедія. Подъ ред. проф. К. И. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фонъ-Шульца. XXX. (Маневренная крѣпость.—Минный отрядъ балт. флота). Спб. 1914. Изд. П. Д. Сытина. 161—320+6 нен. стр. съ рис., портр., чертеж., план. и карт.—20 лист. рис., портр., чертеж., план. и карт.

2232. [. . . . . 355 : 34

Какъ отбыть воинскую повинность по жребію, волноопредѣляющимся и охотникомъ. Общедост. библ. „Законъ и Жизнь". Спб. 1914. Изд. б-ки „Законъ и Жизнь". (Лиговская, 25). 16⁰. 112 стр. Ц. 40 к.

2233. Балталонъ, Ц. П. 371

Хрестоматическая система и новые методы. Труды по современной педагогикѣ и гигіенѣ. Спб. 1914. Изд. Журн. „Обнов. Школы" 65 стр. съ портр. Ц. 35 к.

2234. Шольцъ, Фр. 371

Недостатки характера въ дѣтскомъ возрастѣ. Руководство для воспитанія въ семьѣ и въ школѣ. Авториз. перев. съ 3-го нѣм. изд., перераб. и дополн. І. Трюперомъ. Перев. подъ ред. проф. Л. Г. Оршанскаго. Изд. газ. „Школа и Жизнь" Спб. 1914. Стр. 68.

Изъ предисл. автора: „... Исходнымъ пунктомъ изученія взятъ, въ противоположность всѣмъ книгамъ о воспитаніи, не здоровый, а патологическій, т.-е. отягченный недостатками типъ. Разсматривая недостатки одинъ за другимъ, я старался уловить типы и дать по поводу каждаго нѣкоторыя педагогич. указанія"...

2235. Сентъ-Илеръ, К., проф. 371 : 57

Планъ устройства школьнаго музея біологическаго характера. Изд. Журн. „Школьн. Экск. и Шк. Муз.". Бендера. 1914. Стр. 24. Ц. 10 к.

2236. [. . . . . 371 : 616

Ненормальныя дѣти въ семьѣ и школѣ. Очерки по дѣтской психопатологіи и патологической педагогикѣ. Подъ ред. препод. Психо-Неврол. Института д-ра А. С. Грибоѣдова. Съ рис. и табл. въ текстѣ. „Педагогич. Академія въ очеркахъ и моногр. (Воспитаніе въ семьѣ и школѣ). Подъ общей ред. проф. Ал. П. Нечаева. Изд. „Польза", В. Антикъ и К-о М. 1914. Стр. 189. Ц. 1 р. 60 к.

Содержаніе: Отъ редакціи.—Проф. А. С. Грибоѣдовъ. О причинахъ дѣтской нервности и ненормальности.—Д-ръ Н. П. Гравировскій. О врожденныхъ физическихъ уродствахъ.—В. Ф. Стасюкова. Физическіе признаки вырожденія.—Д-ръ П. А. Кузнецовъ. Микседема и кретинизмъ.—Д-ръ З. Н. Владимірскій. Объ идіотѣ монголои-

дѣ—Д-ръ А. П. Кожевниковъ. Изслѣдованіе умственно-отсталыхъ дѣтей.—Е. Н. Калашникова. Фребелевскія занятія съ отсталыми дѣтьми.—А. Т. Грибоѣдова. Гимнастика для отсталыхъ дѣтей.—Д-ръ М. С. Шварцманъ. Внушеніе и его лѣчебное и воспитательное значеніе въ дѣтскомъ возрастѣ. — Указатель литер. по патологической педагогикѣ на русскомъ яз.

2237. Морозовъ, М. Я. и Тихѣева, Е. 372 21.

Современный дѣтскій садъ, его значеніе и оборудованіе. Спб. 1914. Н. Морева. 109 стр. Ц. 50 к.

2238. Петцель, Л. О. 372.21

Дѣтскіе сады за границей. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 74 стр. Ц. 30 к.

2239. Лейтесъ, К. С. 382 (43:47)

Ходъ работъ по подготовкѣ къ пересмотру торговыхъ договоровъ въ Россіи и Германіи за 1913 годъ. Спб. 1914. Тип. Ред. період. изд. Министр. Финансовъ. 76 стр. Ц. 50 к.

2240 Дуброва, Е. 396 (47)

Письма къ русской женщинѣ. Шамордино, Калужской губ. 1914. Изд. Казанск. Амвросіевской жен. пустыни. 20 стр.

2241. Изсѣкина, Е. Н. 396(47)

Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Лекціи и статьи. Спб. 1914. Тип. Б. Я. Вольфа (Невскій, 126). VIII+307 стр. Ц. 1 р. 35 к.

2242. Шнабъ, Г. 398.2 (43)

Народныя нѣмецкія сказанія. Перев. съ нѣм. Л. Грекъ. „Универс. Библ". № 690. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1914. Стр. 103. Ц. 10 к.

Содержаніе: Робертъ Дьяволъ. Бѣдный Генрихъ Прекрасная Магелона.

2243. Марксъ, Н. 398.2 (47.722)

Легенды Крыма. Рисунки К. Арцеулова. Вып. второй. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 4°. 63 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Филологія [4]

2244. Кульманъ Н. К., проф. 491.7—52

Элементарно-практическая грамматика русскаго языка. Синтаксисъ. Спб. 1914, Изд. Я. Башмакова. VII+68 стр. Ц. 40 к.

2245. Ктитаревъ и Мещерская. 491.7—87

Учебная хрестоматія „Русское Слово" для высшихъ начальныхъ училищъ, двухклассныхъ сельскихъ школъ, второклассныхъ церковно-приходскихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Съ біографіями русскихъ писателей и портретами. Кіевъ. 1914. IX+480 стр. Кн. складъ: Т-ва В. В. Думнова (Спб., Конюшенная, 1). Ц. 90 к.

2246. Поржезинскій, В., проф. 491.8

Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ. (Пособіе къ лекціямъ). Вып. I. Введеніе. Общеславянскій языкъ въ свѣтѣ данныхъ сравнительно-исторической грамматики индо-европейскихъ языковъ (Фонетика. Формы словоизм.). 1914. М. тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 120 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Чистыя науки [5]

2247. Полянскій, И. И. 5 (04)

О трехъ царствахъ природы. Спб. 1914. Тип. Министр. Внутр. Дѣлъ. 42 стр. съ 325 рис. Ц. 1 р. 25 к.

2248. [. 512

Полныя и подобныя рѣшенія алгебраическихъ задачъ по сборнику, составленному Н. Шапошниковымъ и Вальцевымъ. Первая часть. Отдѣленія I—IV. (Основное законоположеніе. Дѣйствія съ явно выраженными количествами. Преобразованія выраженій. Разложеніе выраженій на простыхъ множителей). Курсъ III класса. Составл. „Кружкомъ преподавателей". М. 1914. Изд. Сотрудникъ Школъ. А. К. Залѣсской. 193 стр. Ц. 75 к.

2249. Гибшманъ, Е. А., фонъ. 514

Таблицы значеній тригонометрическихъ величинъ съ 6 десятичными знаками черезъ каждую минуту. М. 1914. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 27 стр.

2250. [. 53 (082)

Новыя идеи въ физикѣ. Подъ ред. проф. Н. Н. Боргмана. Сборникъ 7. Природа положительныхъ и рентгеновыхъ лучей. Спб. 1914 Изд. „Образованіе". 149 стр. съ чертеж. Ц. 80 к.

Содержаніе: Ч. Вилсонъ. Способъ обнаруженія путей ионизирующихъ частицъ въ газахъ и нѣкоторые результаты, полученные при посредствѣ этого способа. — А. А. Таргонскій. Каналовые (положительные) лучи. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Лучи положительнаго электричества.—М. М. Глаголевъ. Интерференція рентгеновскихъ лучей.

2251. Розенбергъ, К. 53 (075)

Начальный курсъ физики. Примѣнительно къ программѣ городскихъ (высшихъ начальныхъ) училищъ. Переводъ съ нѣмецк., перераб.—съ согласія автора—изд. подъ ред. П. Маткшенко. Кіевъ. 1914. Изд. „Сотрудникъ". VIII+219+4 нен. стр. Съ 247 рис. Ц. 70 к.

2252. Камскій, М. И. 571 (121)

Каменный вѣкъ. Картинки жизни людей каменнаго вѣка. „Библіотечка Ступина." М. 1914. Изд. А. Д. Ступина. 16°. 47+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

2253. Камскій М. И. 571 (123)

Бронзовый вѣкъ. Курганы; мѣдь и бронза. оружіе, орудія и утварь. „Библіотечка Ступина". М. 1914. Изд. А. Д. Ступина. 16° 47+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

2254. Камскій, М. И. 571 (123)

Желѣзный вѣкъ. (Картина жизни начала желѣзнаго вѣка). „Библіотечка Ступина". М. 1914. Изд. А. Д. Ступина. 16°. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

2255. Богдановъ, Е. А., проф. 575.1

Менделизмъ и и теорія скрещиванія. (Новое направленіе въ изученіи измѣнчивости наслѣдственности). М. 1914. Изд. Студ. Московск. сельско-хоз. инст. VI+625 стр. съ рис. Ц. 4 р. 75 к.

2256. [. . . . . 58(07) (082)

Естествознанія въ школѣ. Подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ № 7. Преподаваніе ботаники. Спб. 1914. Изд. Образованіе. 127+48 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Проф. В. В. Половцевъ. Ботаника, какъ учебный предметъ общеобразов. школы.—П. В. Игнатьевъ. Къ методикѣ преподаванія ботаники въ начальной школѣ.—Проф. Б. Ландсбергъ. Вопросы преподаванія ботаники.—Г. Н. Бочъ. Практическія занятія по ботаникѣ.—В. Ф. Мольденгауеръ. Къ вопросу о школьныхъ ботаническихъ экскурсіяхъ.—Б. Рай-

ковъ. Сѣмена растеній, какъ матеріалъ для опытовъ.—Н. А. Монтеверде. Сушка растеній на пескѣ.—Б. Гальди. Формалинъ, какъ средство сохраненія ботаническаго матеріала.

2257. Камскій М. И. 59(0:8)

Левъ царь пустыни. Рис. В. В. Спасскаго. „Библіотечка Ступина". М. 1914. Изд. А. Д. Ступина. 16°. 46+2 неп. стр. Съ рис

2258. Ладыгина-Котсъ, Н. Н. 591.151

У „мыслящихъ" лошадей. Личныя впечатлѣнія въ бѣгломъ освѣщеніи истріи вопроса. М. 1914. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 47 стр. Съ рис.+3 табл. рис. Ц. 50 к.

Прикладныя науки [6]

2259. [. . . . 61(059

Медицинскій календарь подъ ред. д-ра Я. І. Непировскаго на 1914 годъ. Спб. 1914. Изд. „Медицин. календаря" (Берлинъ). 16°. 202+XLII стр.

2260. Гердъ, И. Я. 613

Будьте здоровы. Спб. 1914. Тип. А. Н. Лаврова (ул. Гоголя, 8). 16 стр. Ц. 15 к.

2261. Бертенсонъ, Л. 613.56

Радіоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Соб. 1914. Изд. К. Л. Риккера. IX+203 стр. съ табл. Ц. 2 р. 80 к.

2262. Гартъ, Б. 616.89

Психологія помѣшательства. Перев. съ англ. С. Г. Займовскаго. Изд. „Соврем. Проблемы" М. 1914. Стр. 199. Ц. 1 р.

Содержаніе: Исторія душевныхъ болѣзней. Психологическая концепція душевнаго разстройства. Явленія сумасшествія. Диссоціація. Комплексы. Конфликтъ. Репрессія. Проявленіе подавленныхъ комплексовъ. Проекція. Непослѣдовательности душевно-больного. Фантазія. Значеніе конфликта.

2263. Kunert. 617.6

Ортодонтія. Общая профилактика и терапія аномальныхъ положеній зубовъ. Переводъ съ нѣм. А. И. Британъ. Подъ ред. П. М. Коварскаго. М. 1914. Изд. журн. „Одонтологическаго Обозрѣніе". 109+1 неп. стр. Ц. 1 р. 50 к.

2264. Meyer, L. F., dr. 618.9

Госпитализмъ дѣтей грудного возраста. Пер. съ нѣм. подъ ред. Г. Н. Сперанскаго. М. 1914. Изд. лѣчебницы для дѣтей грудного возраста (Б. Пресня, 31). 91 стр. Ц. 1 р.

2265. [. . . . . 62(05)

„Временникъ" О-ва содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій им. Х. С. Леденцова, состоящ. при Моск. у-тѣ и Технич. уч. Годъ V, вып. 1. М. 1914. Стр. 100+4. Ц. 40 к.

Содержаніе: Списокъ членовъ О-ва. Учрежденія, членомъ коихъ состоитъ О-во. Дѣятельность О-ва за вторую половину 1913 г. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта.—Приложенія.—Н. Р. Лобовъ. Снѣголеты въ Россіи.—П. П. Лазаревъ. Современные успѣхи и ближайшія задачи фотохиміи.—Я. В. Самойловъ. Міровые запасы угля.—Мелкія замѣтки и рефераты.

2266. Боровковъ, А. А. 621.3

Индукціонная катушка. Ея дѣйствіе, разсчетъ, исторія изготовленія и опыты съ ней. Съ 34 рис. въ текстѣ. Изд. „Электрич. и Жз." Николаевъ. [1914]. Стр. 68. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

Содержаніе: Къ читателямъ. Введеніе. Разсчетъ катушекъ. Историч. свѣдѣнія. Устройство индукторовъ. Прерыватели и коммутаторы. Дефекты катушекъ и обращеніе съ ними. Различные образцы катушекъ и практич. данныя для нихъ. Изготовленіе катушекъ любителями. Проектъ любительск. универсальнаго индуктора. Опыты съ катушкой Румкорфа. Устройство разрядника.

2267. Бурбо, О. 621.3

Электричество у себя дома. Практическое руководство по всѣмъ отдѣламъ электричества. Переводъ съ франц. Б. Л. Спб. 1914. Изд. А. Ф. Сухова (Столярный пер., 9). 93 стр. съ рис.

2268. Васинъ, Н. 622(47):92(Д)

Демидовы (Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи). М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 32 стр.

2269. Глушковъ, И. Н. 627(47.7)

Артезіанскіе колодцы юга Россіи. Буреніе скважинъ на воду въ Таврической и Ставропольской губерніяхъ. Спб. 1914. 45 стр. съ рис. и чертеж.

2270. Бодри-де-Сонье, Л. 629.11

Искусство хорошо управлять автомобилемъ. Въ переводѣ П. Орловскаго. Спб. 1914. Изд. П. Орловскаго. (В. О., Средній пр, 54). VIII+202 стр. съ 50 рис. Ц. 2 р.

2271. Зоновъ, А. А. 631

О минеральныхъ удобреніяхъ. Слободской. 1914. Изд. Уѣзднаго Земства. 48 стр.

2272. Богдановъ, М., проф. 361(47)(0:8)

Черноземная равнина—житница русской земли. Разсказъ. Изъ русской природы. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 39 стр. съ рис. Ц. 12 к.

2273. Рюмкеръ, К., фонъ, проф. 633

Очередные вопросы современнаго земледѣлія. 10 очерковъ. Очеркъ VII. Сѣменоводство и сѣменные союзы. Переводъ съ нѣмецкаго Е. В. Джунковской, подъ ред. В. В. Випера. Г. У. З. и З. Департаментъ Земледѣлія. Спб. 1914. 48 стр.

2274. Абрикосовъ, Ѳ. 641

Кондиторъ-практикъ. Практическіе рецепты. М. 1914. Изд. кн. маг. П. К. Комисаренко. (Уральскій пер., 30). 79 стр. Ц. 35 к.

2275. Ѳедосѣевъ, П. И. 652

Коммерческо-юридическій письмовникъ для крестьянъ и мелкихъ собственниковъ-землевладѣльцевъ. М. 1914. Изд. кн. маг. П. К. Комисаренко. 16°. 318 стр. Ц. 1 р.

2276. Артемовъ, І. Л. 657

Упрощенная форма составленія денежныхъ отчетовъ по двойной системѣ счетоводства. Вятка. 1914. Тип. Шкляевой. VI+II+65 стр. Ц. 1 р.

2277. [. 657:334

Счетоводство и отчетность мелкихъ потребительныхъ обществъ. Подъ ред. А. Манухина. Тверь. 1914. Тип. Губ. Земства. 32 стр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Объявленіе Тверской уѣздной земской управы. О счетоводствѣ и отчетности сельскихъ потребительныхъ обществъ. Примѣрное постановленіе общаго годичнаго собранія общества потребителей. О коопераціи вообще. О потребительной коопераціи. Четырнадцать правилъ для члена потребительнаго общества

(основныя положенія для дѣятельности потребительныхъ обществъ). Инструкція для торговаго агента потребительныхъ обществъ. Правила выдачи ссудъ потребительнымъ обществамъ Тверского уѣзда. Что читатать по кооперации. Списокъ популярныхъ изданій Тверского Уѣзднаго Земства.

Изящныя искусства [7]

2278. Макаренко, Н. 7(47)

Путевыя замѣтки и наброски о русскомъ искусствѣ. Вып. I. Бѣлозерскій край. Спб. 1914. Изд. А. А. Жукова. 4⁰. 59 стр. съ рис.

2279. Парландъ, А. А., проф. 72:74](45

Къ исторіи архитектурной декорации въ Италіи. Т. I. Спб. 1913. Изд. Имп. Московск. Археолог. Института. 4⁰. 182 стр. Съ рис. Ц. 7 р.

2280. Ростовцевъ, М. 74(47.7)

Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ. Т. I. Описаніе и изслѣдованіе памятниковъ. Спб. 1914. Изд. Имп. Археологич. Комиссіи. VIII+537 стр. съ рис.

2281. Бенуа, Ал. 75(09)

Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть I. Пейзажная живопись. Вып. 12. Спб. 1914. Изд. „Шиповникъ". 4⁰. 97 — 192 стр. Съ рис.

2282. Николаева, Н. 75:92(П)

Василій Григорьевичъ Перовъ. „Летучая энцикл.". Подъ ред. С. Глаголя. М. 1914. Изд. І. А. Маевскаго. Ц. 15 к.

2283. Саккетти, Л. А., проф. 78(09).

Исторія музыки. Вып. I. Спб. 1914. Изд. „Шиповникъ". 4⁰. 104 стр. Съ рис.

2284. Асафьевъ, Б. 792.8

Бѣлая Лилія. Одноактный балетъ (въ 3-хъ картинахъ безъ перерыва музыки). Сюжетъ Н. М. Леонтьева. Спб. 1914. Изд. Ю. Г. Циммерманъ. 4⁰. 100 стр. Ц. 3 р.

Литература [8]

2285. Абезгусъ. 81—3

Марко Королевичъ. Разсказъ переведенный съ эсперантскаго языка П. Стояномъ. Спб. 1914. Изд. Н. Иванова. 16⁰. 31 стр. Ц. 15 к.

2286. Бичеръ Стоу, Г. 82—3

Хижина дяди Тома. Переработано для юношества Е. А. Синькевичемъ. Кіевъ. 1914. Изд. П. И. Бонадурера. 451+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р.

2287. Чуковскій, К. 82(73)(09)

Поэзія грядущей демократіи. Уатъ Уитмэнъ. Съ предисловіемъ П. Е. Рѣпина. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 124+3 нен. стр. съ портр. Ц. 1 р. [Освобождена изъ-подъ ареста].

2288. Куминсъ. 82(73)—3

Фонарщикъ. Повѣсть изъ американской жизни. Переводъ Н. О. Атласъ. Съ иллюстр. Н. В. Денисова. М. 1914. Изд. „Заря". 196 стр. Съ рис. (Складъ: Глинищевскій пер., 6). Ц. 1 р.

2289. Лондонъ, Дж. 82(73)—3

Сынъ Солнца. Перев. съ англ. В. Кошевичъ. „Универс. Библ." № 954—956. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. Стр. 274. Ц. 30 к.

Содержаніе: Сынъ Солнца. Побѣда надъ Алоизомъ Панкбурномъ. Черти на Фуатино. Чѣмъ кончаются шутки на Новомъ Гиббонѣ. Какъ были сведены счеты со Свитиномъ Холломъ. Какъ провели одну ночь въ Гобото. „Перья Солнца". Парлеевъ жемчугъ.

2290. [. . . . . 83—3

Барона Мюнхгаузена путешествія и удивительныя приключенія. Перев. съ англ. съ предисл. и примѣч. С. Займовскаго. „Универс. Библ." № 950—952. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. Стр. 272. Съ 12 гравюрами по рис. самого барона. Ц. 30 к.

Отъ переводчика: ...„Исторія возникновенія текста Мюнхгаузена изложена ниже во „Введеніи" и „Предисловіи" къ англійскимъ изданіямъ 1867 и 1907 гг."

2291. Вассерманъ, Я. 83—3

Сестры. Новеллы, перев. съ нѣм. С. М. Антикъ. „Универс. Библ." № 217—218. М. 1914. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. 166+2 нен. стр. Ц. 20 к.

2292. Гофманъ, Ф. 83—3

Дядя и племянникъ. Разсказъ изъ жизни негровъ-невольниковъ. Переводъ Н. Николаева. Спб. 1914. Изд. В. И. Губинскаго. 111 стр. съ рис. Ц. 45 к.

2293. Гофманъ, Фр. 83—3

На краю гибели. Разсказъ изъ средне-вѣковой жизни. Переводъ Н. Николаева. Спб. 1914. Изд. В. И. Губинскаго. 108 стр. съ рис.

2294. Гофманъ, Фр. 83—3

Что посѣешь, то пожнешь. Разсказъ для дѣтей и юношества. Переводъ В. Энгельгардтъ. Спб. 1914. Изд. В. И. Губинскаго. 101 стр. съ рис.

2295. Михаэлисъ, К. 83—3

Эльзи Линдтнеръ. Романъ. Продолженіе „Опаснаго возраста". Переводъ съ нѣм. Е. Рудневой. „Универс. Библ." № 762. М. 1914. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. 16⁰. 123+4 нен. стр. Ц. 10 к.

2296. Розеггеръ, П. 83—3

Разбойникъ Реми и др. разсказы. Перев. съ нѣм. В. Александрова. Спб. 1914. Изд. „Дѣятель". 16⁰. 62 стр. Ц. 10 к.

2297. Эйденъ, Ф.-ванъ. 839.31—3.

Маленькій Іоганнесъ. Перев. съ голландск. А. Израэльсона. „Универс. Библ." № 943/4. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. М. 1914. Стр. 186. Ц. 20 к.

2298. Лагерлефъ, С. 839.7—3

Возница смерти. Повѣсть. Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской. „Универ. Библ." № 920/1. Изд. „Польза". В. Антикъ и К⁰. М. 1914. Стр. 174. Ц. 20 к.

2299. Гамсунъ, К. 839.82—3

Собраніе сочиненій. Т. V. Панъ. Сьеста. Перев. С. Полякова. Спб. 1914. Изд. „Шиповникъ". 286 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2300 Батайль, А. 84—2

Дѣва неразумная. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи Э. Э. Матерна и В. Л. Бинштока. „Универс. Библ.". М. 1914. Изд. 2-е. „Польза", В. Антикъ и К⁰. 112 стр. Ц. 10 к.

2301. Вальми, П. 84—3

Погоня за любовью. Романъ. Перев. съ фр. Бр. Рунтъ, съ предисл. В. Брюсова. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. М. 1914. Стр. 266. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Романъ В., прежде всего, произведеніе чисто женское... и это при-

даетъ ея роману совершенно особую прелесть и своеобразіе. Если прибавить къ этому, что В. обладаетъ даромъ отчетливо вырисовывать характеръ, интересно развивать интригу и живо вести діалоги,—онъ романъ надо признать явленіемъ незаурядным<ъ>...

2302. Золя, Э. 84—3

Какъ умираютъ. Перев. В. А. Готвальта. Для старшихъ. „Библіотека новой школы". М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 64 стр. Ц. 60 к.

2303. Мопассанъ, Г. де. 84—3

Встрѣча. Разсказы. Перев. съ фр. С. Ауслендера. „Универс. Библ." № 948. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1914. Стр. 101. Ц. 10 к.

Содержаніе: Встрѣча. Дѣло госпожи Люно. Мудрецъ. Дождевой зонтикъ. Задвижка. Самоубійство. Награжденъ орденомъ. Шали. Поцѣлуй.

2304. Мопассанъ, Г. де. 84—3

Сестры Рондоли. Разсказъ. Перев. съ фр. С. Ауслендера. „Универс. Библ." № 942. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1914. Стр. 111. Ц. 10 к.

Содержаніе: Сестры Рондоли. Хозяйка. Боченокъ Онъ. Мой дядя Состэнъ. Болѣзнь Андрэ. Проклятый хлѣбъ.

2305. Мопассанъ, Г. де. 84—3

Возвращеніе. Разсказы. Перев. съ фр. Т. и Анс. Чеботаренскихъ. „Универс. Библ." № 949. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1914. Стр. 94. Ц. 10 к.

Содержаніе: Возвращеніе. Покинутый. Размышленія полковника. Прогулка. Каналья Магометъ. Сторожъ. Берта. Мисти.

2306. Мопассанъ, Г. де. 84—3

Полное собр. соч. Т. IX. Маленькая Рокъ и др. разсказы. Перев. В. Гофмана и Ек. Дмитріевой. Спб. 1914. Изд. „Шиповникъ". 182 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л.

2307. Франсъ, А. 84—3

Сказка о сорочкѣ. Перев. съ фр. З. Журавской, „Универ. Библ." № 945. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1914. Стр. 89. Ц. 10 к.

Содержаніе: Король Кристофъ, его правленіе, его характеръ, его болѣзнь. Лекарство д-ра Родрига. Господа де-Катрефейль и де-Сенъ-Сильвенъ ищутъ въ королевскомъ дворцѣ счастливаго человѣка. Джеронимо. Королевская библіотека. Маршалъ Вольмаръ. Счастье въ богатствѣ. Столичные салоны. Счастье быть любимымъ. Счастье въ самозабвеніи. Симизмонъ Дуксъ. Порокъ и добродѣтель. Г. кюрэ Митонъ. Счастливецъ.

2308. Бѣлинскій, В. Г. 891.7(09)

Избранныя сочиненія. Редакція проф. А. К. Боголюбова. Часть I и II. Спб. 1914. Изд. „Огни". XXIV+212+187 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2309. Дюшенъ, Э. 891.7(09)

Поэзія М. Ю. Лермонтова въ ея отношеніи къ русской и западно-европейской литературѣ. Перев. съ фр. В. А. М—ой и Б. В. Зевалина, подъ ред. П. П. Миндалева. Изд. кн. маг. М. А. Голубева. Казань. 1914. Стр. V+156+IX. Ц. 90 к.

Содержаніе: Предисловіе къ переводу. — Лермонтовъ и русская литература: Литер. школы въ Россіи (1830—1835 гг.). Русскій романтизмъ... „Натуралистическая" школа. Къ какой группѣ принадлежалъ Л.? Какими образами онъ пользовался? Пушкинъ. Жуковскій. Полежаевъ. Гоголь. Грибоѣдовъ. Лермонтовъ и Мицкевичъ.— Лермонтовъ и нѣмецкая литер.: Гете. Шиллеръ. Гейне. Шедрицъ.—Л. и англійская литер.: Байронъ и „байронизмъ" Л.; что нужно понимать подъ словомъ „байронизмъ" Л.; въ чемъ онъ заключается. Подражанія, въ собств. смыслѣ слова и заимствованія.—Л. и англійская литер.: Шекспиръ. Оссіанъ. В. Скоттъ. Т. Муръ.—Л. и франц. литер.: Шатобріанъ. В. Гюго. Ог. Барбье. А. де-Виньи. А. де-Мюссе. — Приложенія: А. Гоголь о Л. Б. Тургеневъ о Л.—Указатель.

2310. Коробка, Н. 891.7(09)

Опытъ обзора исторіи русской литературы. Часть II. Спб. 1914. Тип. А. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 228 стр. Ц. 1 р.

2311. Бородаевскій, В. 891.7—1

На лонѣ родимой земли. Вторая книга стиховъ. М. 1914. Изд. „Мусагетъ". 142 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2312. [. . . . . 891.7—1

Вечера. Ежемѣсячникъ стиховъ. № 1, май. Парижъ. 1914. Стр. Ц. 25 к.

Отъ ред.: „Вечера" посвящены исключительно поэзіи... Мы хотѣли бы объединить на стр. „Вечеровъ" поэтовъ, ищущихъ новыхъ ритмовъ и новыхъ достиженій... Мы мечтаемъ о поэзіи, которая съ простотой и ясностью выразитъ все многообразіе души современника".

2313. Гамма, Ал. 891.7—1

Листки блокъ-нота. Стихи. Спб. 1914. 16°. Стр. 150. [Ц. не обозн.].

Содержаніе [назв. отдѣловъ]: Credo. Подъ открытымъ небомъ. Крымъ зимою. De animo. Юношамъ. О Діана! Моей матери. Листки блокъ-нота. Восьмое марта. Годъ. Изъ Гейне. О великомъ счастьѣ. О любви. Посвященія.

2314. Гончарова, Н. 891.7—1

Стихи. Спб. 1914. Тип. В. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 16°. 101 стр. Ц. 80 к.

2315. Евстратовъ, Ал. 891.7—1

Стихотворенія. Книга 2-я. М. 1914. Тип. С. А. Алянчикова (Уланскій пер., с. д.). 16°. 32 стр. Ц. 10 к.

2316. Кузисъ, Ю. и др. 891.7—1

Первыя пѣсни. Сборникъ стихотвореній. Юрій Кузисъ. Александръ Лобановъ. Евгеній Мироновъ. Всеволодъ Фохтъ. М. 1914. Изд. Э. Е. Понсъ. 91+III стр. Ц. 75 к.

2317. Кузминъ, М. 891.7—1

Глиняныя голубки. Третья книга стиховъ. Спб. 1914. Изд. М. И. Семенова. 194 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2318. Олидортъ, Б. 891.7—1

Тростниковая флейта. Стихи. М. 1914. Изд. В. Португалова. 60+II стр. Ц. 25 к.

2319. Радищевъ, Л. 891.7—1

Стихи и сказки. Спб. 1914. 105 стр. съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

2320. [. . . . 891.7—1

Солнечный путь. Южный альманахъ. Кн. I. Подъ ред. Л. Баткиса. Гл. скл.: Одесса, кн. м. „Одесск. Новости". Одесса. 1914. Стр. Ц. 50 к.

Стихи: К. Бальмонта, К. Бархина, Л. Баткиса, Быска, П. Бѣлоусова, М. Вериго, Б. Волховского, О. Востокова, Ал. Гориостаева, С. Городецкаго, Вл. ф.-Дитрихштейна, Г. Иванова, С. Кесельмана, Н. Клюева, Изы Кремеръ, Ф. Коганъ, Вл. Ленскаго, С. М. Н., Вл. Овчаренко,

Ал. Рославлева, Л. Столицы, М. Талова, С. Г. Фруга, Дм. Цензора и А. М. Федорова.

2321. Шафранова, А. 891.7—1

За высокой стѣной. Лирическія стихотворенія. М. 1914. Изд. автора. (Вознесенская, д. Корсунской). 67+1 нен. стр. Ц. 1 р.

2322. Шурай, Т. И. 891.7—1

Гномы. Поэма. Спб. 1914. Тип. Тов. Печ. и Изд. дѣла Трудъ (Кавалергардская, 40). 16⁰. 446 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2323. Брешко-Брешковскій, Н. Н. 891.7—3

Въ потемкахъ жизни. Романъ. Спб. 1914. Изд. „Освобожденіе". 229 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2324. Гоголь, Н. В. 891.7—3

Сочиненія. Спб. 1914. Изд. С.-Петербургской Городской Думы. XIX+568 стр. съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф.

2325 Грушецкій, Арт. 891.7—3

Тамъ, гдѣ кончзется Висла... (изъ жизни польскихъ рыбаковъ). „Книжка за книжкой" кн. 209. Спб. 1914. Изд. М. Слѣпцовой. 16⁰. 120 стр. Ц. 30 к.

2326. Ландау, Г. 891.7—3

Разсказы. „Дешевая юмористическая библ." Сатирикона. № 14. Спб. 1914. Тип. Самообразованіе (Забалканскій, 75). 16⁰. 62 стр. Ц 10 к.

2327. Морозовъ, Вл. 891.7—3

Разсказы. Скл. изд. „Трудъ" С. Скирмунта. М. 1914. 167 Стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Безъ почвы. На станціи. Сестры. Манька съ острова.

2328. Одинокій, К. 891.7—3

Сборникъ разсказовъ. Спб. 1914. Тип. Аргусъ (Демидовъ пер., 1). 81 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Содержаніе: Казнь. Двѣ смерти. Гдѣ выходъ.

2329. Олигеръ, Н. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Томъ V. Спб. 1914. Изд. „Просвѣщеніе". 332 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2330. Снѣгина, О. П. 891.7—3

Линіи любви. Повѣсти и разсказы. Спб. 1914. Тип. М. Корнфельда (Бассейная, 3—5). 16⁰. 158 стр. Ц. 60 к.

2331. Строговъ, М. 891.7—3

Взглядъ назадъ. Повѣсть. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. 16⁰. 96 стр.

2332. Чеховъ, А. 891.7—3

Разсказы. Соб. 1914. Изд. А. Ф. Маркса. 390 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Баронъ. Месть. Свиданіе хотя и состоялось, но... Неудачный визитъ. Идиліи — увы и ахъ! Добрый знакомый. Забылъ! На полчьей садкѣ. Скверная исторія. Исповѣдь, или Оля, Женя, Зоя. Пережитое. Мошенники поневолѣ. Двое въ одномъ. Исповѣдь. Единств. средство. Темною ночью. Ушла. На гвоздѣ. Благодарный. Совѣтъ. Баранъ и барыня. Размазня. Въ нашъ практич. вѣкъ, когда и т. д. Разсказъ, которому трудно подобр. названіе. Братецъ. Женщина безъ предразсудковъ. Ревнитель. На магнетическомъ сеансѣ. Патріотъ своего отечества. Хитрецъ. Благодѣтели. Рыцарь безъ страха и упрека. Ядовитый случай. Верба. Воръ. Слова, слова, слова... Закуска. Теща-адвокатъ, Дуракъ. Филантропъ. Случай изъ суд. практики. Котъ. Бенефисъ солонья. Моя Нана. Допутатъ, или повѣсть о томъ, какъ у Доздемонова 25 р. пропало. Герой-барыня. О томъ, какъ я въ законный бракъ вступилъ. Весь въ дѣдушку. Въ гостиной. Сущая правда. Добродѣт. кабатчикъ. Протекція. Осенью. Дура, или капитанъ въ отставкѣ. Въ ландо. Разъ въ годъ. Дочь коммерціи совѣтника. Опекунъ. Начальникъ станціи. Въ Рожд. ночь. Гордый человѣкъ. Оставной рабъ. Онъ понялъ! 75.000. Дядюшка и собака. Марья Ивановна. Изъ дорожныхъ разговоровъ. Либералъ. Комикъ. Месть женщины. Вавька. Напвный лѣшій. Два письма. Трифонъ. Самообольщеніе. Дачница. Съ женой поссорился. Водевиль. Русскій уголъ. Ненидимыя міру слезы. Идиллія. Гусиный разговоръ. Языкъ до Кіева доведетъ. Пріютъ для неизлѣчимо-больныхъ и престарѣлыхъ. О драмѣ. И прекрасное должно имѣть предѣлы. Рѣчь и ремешокъ. Картина изъ недав. прошлаго. Свадьба съ генераломъ. Елка. О, женщина, женщина!.. Либеральная душка.

2333. [Киплингъ]. 891.7—3:59

Похожденіе звѣрка Рикки-Тикки. Съ англійскаго по Киплингу, изложъ. Ив. Сахаронымъ. М. 1914. Изд. А. К. Залѣсской. 16⁰. 32 стр. съ рис. Ц. 10 к.

2334. Ордынцевъ-Кострицкій, М. Д. 891.7—3:9(44)

Королева земли Фравкской. Историческій романъ. Спб. 1914. 291 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

2335. Рошефоръ, де, М. 891.7—3:9(44)

Графъ. Анна Ярославна. Французская королева. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Изд. жур. „Наша Старина". 16 стр. Съ 3 рис. Ц. 10 к.

2336. Брусянинъ, В. В. 891.7—3:9(47)

Трагедіи Михайловскаго замка. Романъ въ 2-хъ томахъ. Изъ эпохи царствованія Павла I. Т. I. Тоска по власти. Спб. 1914. Изд. „Освобожденіе". 313+8 стр. Ц. 2 р.

2337. [. . . . . 891.82—3

Вѣрный работникъ. Разсказъ изъ сербской народной жизни. М. 1914. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 31 стр.

2338. Пшибышевскій, Ст. 891.85—2

Пиръ жизни. Драма въ 4 дѣйствіяхъ. Перев. съ польскаго Е. Троповскаго „Универс. библ.". М. 1914. Изд. 3-е „Польза", В. Антикъ и К⁰. 16⁰. 87 стр. Ц. 10 к.

2339. Пшибышевскій, Ст. 891.85—3

Сумерки. Третья и послѣдняя части „Сыновъ земли". Пер. съ польск. Евг. Загорскаго. „Универс. библ.". М. 1914. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰. 240 стр. Ц. 30 к.

2340. Тетмайеръ, К. 891.85—3

Марина изъ Грубаго. Татарская повѣсть. Пер. съ польск. В. Ходасевичъ. „Универс. библ.". М 1914. Изд. „Польза", В. Антикъ и К⁰., 3-е. 16⁰ 248 стр. Ц. 30к.

Исторія и географія. [9]

2341. Виппперъ, Р., проф. 9 (3) (075)

Древняя Европа и Востокъ. Учебникъ для младш. кл. гимназій. Со многими иллюстр. Скл. въ кн. м. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова въ Москвѣ. 1914. Стр. 176. Ц. 80 к.

2342. [. . . . 9 (37)

Общая исторія Европейской культуры. подъ ред. профессоровъ: И. М. Гревса, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Н. И. Карѣева и М. И. Ростовцева Томъ IV. *Людвигъ Фридлендеръ* Картина изъ

бытовой исторіи Рима въ эпоху отъ Августа до конца династіи Антониновъ. Часть I. Перев. подъ ред. Ѳ. Зѣлинскаго и С. Меликовой. Спб. 1914. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ IV+628 стр.

2343. Боргманъ, А. И. 9(47)075)

Отечественная исторія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1914. IV+164 стр. съ 48 рис. Ц. 75 к.

2344. Платоновъ, С. Ѳ. 9(47)(075)

Сокращенный курсъ русской исторіи для средней школы. Спб. 1914. IV+436 стр. Съ 8 карт. Ц. 1 р. 80 к.

2345 Винскій, Г. 92(В):308(47)„18"

Мое время. Ред. и вступительная ст. П. Е. Щеголева. „Библ. мемуаровъ." Изд. „Огни" Спб. 1914. Стр. 158. Ц. 1. р. 25 к.

Изъ ст. Щеголева: „Записки В. являются однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ русской мемуарной литературы. Въ нихъ нѣтъ разсказовъ о великихъ людяхъ и великихъ подвигахъ; ихъ авторъ не игралъ сколько-нибудь выдающейся роли въ соврем. ему жизни, не занималъ видныхъ мѣстъ; и тѣмъ не менѣе, не к.-л. иныя записки, а именно В. даютъ читателю живое ощущеніе Екатерининской эпохи"...

2346. Арсеньевъ, П. С. 92(Л):149.6(Л)

Пессимизмъ Джакомо Леопарди.(1798—1837 г.г.) Спб. 1914 Тип. Сенатская. 79 стр. Ц. 80 к.

2347. Чертковъ В. 92(Ч)

Страница изъ воспоминаній. Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ М. 1914. 55 стр. Ц. 4 к.

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ". (1914—5) Св. Максима Исповѣдника житіе. Переводъ, изд. и примѣч. М. Д. Муретова.—Еп. Игнатій (Брянчаниновъ. Поученіе въ недѣлю о Самарянинѣ. Собощ. М. А. Новосоловъ. — К. В. Харламповичъ. Къ біографіи московск. митропол. Филарета. — А. Н. Купреянова. Изъ семейныхъ воспоминаній. А. М. Туберовскій. Внутренній свѣтъ. — Вл. Ф. Эрвъ. Споръ о психологизмѣ въ итальянской философіи. — С. А. Голованенко. Православіе и культъ предковъ. — П. Н. Теологія неоламаркистовъ III. — Критика.

„Борьба". (1914—6).Эмъ-Эль. Борьба съ пьянствомъ — К. Радекъ. Имперіализмъ и рабочій классъ. — Вв. Хорасковъ. Что такое историческій матеріализмъ? — В. Ш—ъ. Выборъ въ страховыя учрежденія въ Петербургѣ и задачи единства. — Н. Надеждинъ. Типы профессіональнаго движенія. — А. Луначарскій. Очерки пролетарской литературы. — Трибуна: А. Ильичъ. Болѣзни переходнаго періода. — Н. М. Егоровъ: Уроки рабочаго движенія въ Петербургѣ за 1914 г. — В. Торскій. Наша молодежь. (Мысли рабочаго объ одномъ острожъ вопросѣ). — Рабочее движеніе въ Россіи. — Къ международному соціалистическому конгрессу. — Обзоръ международнаго рабочаго движенія. — Письмо въ редакцію.

„Вольный Университетъ."(1914—10). К. Тахтаревъ. Исторіи понятія закономѣрности явленій общественной жизни. — М. Фравкъ. Почему и какъ летаютъ аэропланы. — Д. М. Одинецъ. Основные этапы въ исторіи развитія личности. — В. Левицкій. Свобода коалицій. — М. Смитъ. Ирландія и Ульстеръ. — В. Майскій. Англійскій пролетаріатъ и культурно-просвѣтительная работа. — В. К. Новое въ наукѣ и техникѣ.

„Воспитаніе и Обученіе." (1914—6). Д-ръ Л. Чуличкая-Тихѣева. Пищевой режимъ дѣтей дошкольнаго возраста. — А. Налимовъ. О книжныхъ вкусахъ дѣтей. — Т. Солицевъ. Вопросы семейнаго воспитанія. (Р-тъ I тома Трудовъ съѣзда). — Педагогическая хроника. — Библіографія.

„Вѣра и Разумъ." (1914—10). Высоч. грамота Святѣйшему Синоду. — Посланіе Св. Синода. — Пр. Н. Стеллецкій. Опытъ нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.—А. Мотрохинъ. Народный духъ и народная душа по взгляду. В. Вундта. — И. Продавъ. Правда о Кантѣ. (Продолж.). — Н. И. Н. Воззрѣнія В. С. Соловьева на католичество. (Продолж.). В. А. Меликовъ. „Нелицепріятный критикъ" изъ „Русск. Бог." и моя работа „Изъ исторіи іудейско-римскихъ гоненій на христіанъ".

„Вѣстникъ Европы". (1914—6). С. Аникинъ. Безземельный. (Оконч.) — Ф. Черновъ. Стихотв. — К. и О. Ковальскіе. Земные странники, повѣсть. (Оконч.). — Е. Бунге. Стихотв. — Е. Гвнейзеръ. Признаніе. (Записки дѣвушки). — В. Вѣтвицкій. Изъ тетради „Дѣтства", стихотв. — В. Погодина. Забытыя тетради. — К. Тимирязевъ. Лавуазье XIX столѣтія. Марселенъ Бертло. (1827—1907). (Продолж.). — І. Бойеръ. Бѣлыя ночи, ром. (Продолж.). —Зин. Венгерова. Бернардъ Шоу. — С. Радловъ. Стихотв. — В. Майскій. Въ царствѣ угля и стали. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). — П. А. Тверской. Памяти В. Я Стоюнина. (Изъ воспоминаній). — К. Лейтесъ. Хроника. Страхованіе отъ безработицы на Западѣ. — Р. Бланкъ. Письмо изъ Берлина. — М. А. Осоргинъ. Итальянская женщина. (Письмо изъ Рима). — Хр. К. Ланге. Скандинавскія государства и Россія. — Л. Слонимскій. Военная опасность. — М. Коналевскій. Правъ ли Госуд. Совѣтъ, отклоняя постатейное разсмотрѣніе проекта о волостномъ земскомъ управленіи?—Литературное обозрѣніе.—П. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе. — Иностранное обозрѣніе.—Проф. О. Д. Хвольсонъ. Памяти И. И. Боргмана. — Вопросы внутренней жизни. — Библіографическій листокъ.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики." (1914—8 (608). Проф. Н. Умовъ. Эволюція физическихъ наукъ и ея идейное значеніе. (Окончъ) — Д-ръ прикл. матем. Х. І. Гохманъ. Упрощенный методъ календарныхъ вычисленій пасхалій и недѣльнаго дня. (Оконч.). — И. Габеръ. Первый Всерос. Съѣздъ преподавателей физики, химіи и космографіи. (Продолж.). — Задачи. — Рѣшенія задачъ.

„Голосъ Минувшаго." (1914—6). Е. Мечникова. На зарѣ русскаго романа. — А. Алтаевъ. Художникъ-вародникъ. (В. М. Максимовъ). — С. Клейнеръ. Заглохшая княжеская резиденція XVIII в. (Маркграфиня Вильгельмина и ея Байреутъ) — Л. Г. Дейчъ. Одинъ изъ послѣднихъ семидесятниковъ. (Д. А. Клеменцъ). — И. Е. Рѣпинъ. Изъ временъ возникновенія моей картины „Бурлаки на Волгѣ." — Г. А. де-Воланъ. Очерки прошлаго. (Дневникъ за 1882 г.). — И. М. Херсаковъ. Изъ воспоминаній французскихъ плѣнниковъ о Россіи 1812—1814 гг. — А. Е. Кауфманъ. За кулисами печати. — Маркгр. Вильгельмина. Мемуары. Перев. С. Клейнертъ. — А. В. Пет-

ронъ и В. И. Сережниковскій. Письма царевича Алексѣя Петровича къ кн. А. Д. Меньшикову. В. А. Филипповъ. Письма М. С. Щепкина къ А. И. Шубертъ. — Л. Ф. Пантелѣевъ. Письмо К. П. Побѣдоносцева Н. С. Абазѣ. — Н. М. Іорданскій. Одна малоизвѣстная исторія. (Исключеніе земскихъ гласныхъ по Высочайшему повелѣнію. А. М. Васютинскій. Черты изъ жизни людей XVIII ст. — В. Н. Перцовъ. Новыя данныя о мартовскихъ дняхъ въ Берлинѣ въ 1848 г. — Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. Романъ. — Критика и библіографія. — Изъ текущей литературы.

„Для Народнаго Учителя." (1914—10). Н. Іорданскій. Учителя и учительницы въ моск. учебн. округѣ по школьной переписи 1911 г. — А. Аникина. Къ вопросу объ организаціи вспомогательнаго обученія. — Вл. Лабунскій. О постановкѣ преподаванія рукодѣлія въ первыхъ отдѣленіяхъ начальной народной школы. — Д. Шарыгинъ. Къ предстоящимъ лѣтнимъ экскурсіямъ за границу. И. Цорнъ. Музеи въ германской деревнѣ. — Н. Слѣпковъ. Школьная практика. — Изъ жизни учительскихъ организацій. — Библіографія. — Іріокскій. Просвѣщеніе и кооперація. — А. А. Письма съ мѣстъ. — Разныя извѣстія. — Отъ редакціи.

„Дошкольное Воспитаніе". (1914—5). Врачъ Фрида Гинзбургъ. Нужны ли ясли въ деревнѣ? В. Поэто. Какъ мы устраивали ясли. — С. Кемницъ. Дѣтскій садъ въ деревнѣ. — Л. Т. и А. Ц. Дневникъ нашего дѣтскаго сада. (Продолж.). — О. М. Ламонова. Занятія съ дѣтьми дошкольнаго возраста „по программѣ". — Э Эликъ. Дитя и его рисунокъ. (Оконч.). — М. Петерсенъ. Планъ занятій въ дѣтскомъ саду. — Педагогическая хроника. — Критика и библіографія.

„Еврейская Старина". (1914 — вып. II). Ю. Гессенъ. Евреи въ Курляндіи. (XII — XVII в.) — М. Балабанъ. Эпизоды изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ и антіеврейской литературы въ Польшѣ XVI — XVIII в. — И. Сосисъ. Общественныя настроенія „эпохи великихъ реформъ". (Продолж.). — А. Гидалевичъ. Пещерный городъ Тепе-Керменъ и его древне-еврейское кладбище. — Е. Геккеръ. Проэкты реформы еврейскаго быта въ Польшѣ въ концѣ XVIII в. — С. Городецкій. Рабби Шабси-Шефтель Горовицъ. — Н. Н. Изъ напечатлѣній минувшаго вѣка — Бень-Ами. Воспоминаніе о старой Одессѣ. (Продолж.). — Письма поэта М. І. Лебенсона (1855—1851). Сообщ. Я. Израэльсонъ. — Дѣло о кощунствѣ въ Полонномъ. (1855—1858). Сообщ. С. Крейнерманъ. — Поправки и дополненія. — Критика и библіографія.

„Журналъ Министерства Юстиціи". (1914—5). Законодательства. Извлеч. изъ Высоч. приказовъ по гражд. вѣд.—Приказы по вѣд. Мин. Юстиціи.—А. Г. Гасманъ. Внѣбрачныя дѣти на западныхъ окраинахъ и въ Имперіи.—С. П. Мокринскій. Медицина въ ея конфликтахъ съ уголовнымъ правомъ. (Оконч.).—В. Я. Крюковскій. Существенныя черты преобразованія мѣстнаго суда по закону 15 іюня 1912 г.—Н. Н. Товстолѣсъ. Указная часть супруга въ имуществѣ свекра (тестя).—Хроника—В. С. Садовскій. Международная Брюссельская конференція по морскому праву.—А. А. Фруктовъ. Кассаціонная практика. —Отчетъ о дѣятельности кабинета научно-судебной экспертизы при прокурорѣ С.-Петерб. суд. палаты за періодъ времени съ 9 дек. 1912 г. по 1-е янв. 1914 г.—П. Л. Вейнгерскій законъ 31 марта 1913 г. о ссудахъ для малолѣтнихъ.—Сесиль Мидъ Алленъ. Письма изъ Парижа. Результаты общихъ выборовъ въ палату депутатовъ.—Литературное обозрѣніе.—Библіографія. Указ. юридич. литературы.

„Историческій Вѣстникъ". (1914—6). М. Г. Веселкова-Кильштетъ. На родной почвѣ, ром (Продолж.).—Записки гр. Н. П. Игнатьева (Продолж.).—Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. На каюкахъ, разск. (Оконч.).—Н. Н. Фирсовъ. Въ ред. журн. „Русское Слово". (Изъ воспоминаній шестидесятника).—П. Вигель-Панчулидзевъ. Донъ Имп. Николая I. разск.—А. А. Измайловъ. Подъ фіолетовой мантіей. (Эпизодъ изъ жизни бывшаго экзарха Грузіи архіеп. Никона). (Оконч.)—В. В. Умановъ-Каплуновскій. Ужасы города. (Изъ повседневныхъ исторій).—А. И. Фаресовъ. Годовщина смерти С. Н. Шубинскаго.—А. П. Корсаковъ. С. Н. Шубинскій и „Древняя и Новая Россія".—З. Е. Мордвинова. Смольный институтъ въ эпоху Имп. Екатерины II (1764—1796).—Б. Г. Памяти А. П. Барсукова.—А. Е. Зариnъ. В. А. Тихоновъ, некрологъ. Б. Б. Глинскій. Прологъ Русско-Японской войны. (Архивные матеріалы). (Оконч.).—К. И. Путилинъ. Жемчужина финскаго побережья.—А. М. Бѣловъ. Иностранцы о Россіи—Критика и библіографія.—А. А. Измайловъ. Новости исторіи. Обозрѣніе журналовъ.—Заграничныя историческія новости и мелочи.—Смѣсь.—Некрологи.—Замѣтки и поправки.

„Коммерческая Школа и Жизнь". (1913/4—4 (вып. VII). В. Шарый. О русскомъ сельскомъ хозяйствѣ.—В. Штейнъ. Границы и цѣли предпринимательской дѣятельности.—М. Л. Къ вопросу о постройкѣ зернохранилищъ Госуд. Банкомъ.—Скепгикъ. Очерки по алкогольному вопросу.—А. Машковъ. О соотношеніи юридическаго и экономическаго элементовъ въ преподаваніи коммерціи въ торговой школѣ.—С. Ивановъ. Счетоводныя организаціи въ Италіи.—Хроника.—Почтовый ящикъ.—Критика и библіографія.

„Кооперативная Жизнь". (1914—9). Техническая безпомощность сельскохозяйственныхъ кооперативовъ въ Россіи.—Н. Сперанскій. Субсидированіе департаментомъ земледѣлія сельскохоз. обществъ.—К. Суздальцевъ. Кооперація нѣдръ земли.—А. Кулыжный. Ячный складъ Паньковскаго Кредитнаго Т-ва.—Кооперативная жизнь въ Россіи.—Кооперативная жизнь за границей.—Л. Каменецкій. Единогласіе.—К. Суздальцевъ. Ударъ по кооперации.—О рынкахъ и товарахъ.—Инструкторскій отдѣлъ.—Со страницъ печати.—Хроника.—О новыхъ книгахъ.

„Научный Историческій Журналъ". (1914—3). А. Г. Вульфіусъ. Ренессансъ и реформація.—А. А. Корниловъ. Нѣсколько замѣчаній о книгахъ Вел. Кн. Николая Михайловича.—И. В. Лучицкій. Изъ исторіи сеньеріальныхъ и поземельныхъ отношеній во Франціи въ эпоху революціи.—А. М. Новыя изданія матеріаловъ, касающихся Смутнаго времени.—А. Ф. Изюмовъ. Историческія статьи въ „Извѣстіяхъ Архангельскаго О-ва изученія русскаго Сѣвера".—Рецензіи.—Авторефераты: Я. С. Кулжинскій. Авторскій докладъ объ „Опытѣ методики систематическаго курса исторіи"—Н. И. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій.—Хроника.—Библіографія.

„Природа". (1914 — 6). Прив.-доц. А. А. Михайловъ. Солнечное затменіе 8 августа 1914 г.—А. Э. Мозеръ. Химія высокихъ температуръ.

...).— А. Е. Ферсманъ. Вода въ исторіи ...— Проф. В. Арциховскій. Индивидуаль... и недѣлимость.— Л. И. Кравецъ. Наслѣд...ность у человѣка.— Научныя новости и ...ки.— Астрономическія извѣстія.— Научныя ...тва и учрежденія.— Библіографія.

„Ру...сская Старина". (1914—6). Гр. Н. П. ...ьевъ. Поѣздка гр. Н. П. Игнатьева по ...ейск. столицамъ передъ войной 1877-... гг.— М. В. Станиславскій. Воспоминаніе ...ранцевъ о пребываніи Имп. Николая I за ...цей.— П. Владиславлевъ. Подонки родины ...).— Памяти Ник. Ник. Обручова.— М. Л. ...аевъ. Лирика Е. А. Боратынскаго.— Депу... отъ Россія. Воспоминанія и переписка ...и Алекс. Новиковой. Сообщ. Е. С.— М. Н. ...симовъ. Не дошедшій по адресу. (Изъ ...вн. связокъ).— Дневникъ мирового посред... Ал. Андр. Половцева. Сообщилъ А. А. ...овцевъ.— Б. Корсаковъ. Кн. П. С. Мещер...— Донесеніе датскаго посланника гр. Гакст...ена о царствованіи Петра III и перево... 1762 г. Перев. съ фр. Н. А. Бѣловой. ...щ. Е. С. Шумигорскій.— М. Кирсановъ. ... Задонскихъ степяхъ".— Ал. Гене. Вилен... воспоминанія.— А. Леонтьевъ. По поводу ...А. Е. К. „М. И. Драгомировъ.— генералъ-...рнаторъ".— Н. Якубовичъ. Лѣтопись мысли ...аго педагога.— Библіогр. листокъ.

„Русскій Архивъ". (1914—4). Письмо А. Н. ...рова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрми...ка и Имп. театровъ. Изъ собр. автогр. А. А. ...илорадовичъ.— С. Фарфоровскій. Борьба че...нцевъ съ русскими.— Письма кн. Д. И. Дол...рукаго къ отцу.— В. Рѣшетинскій. Кн. Ру...нцевъ-Задунайскій, какъ администраторъ.— ... С. Арсеньевъ. Встрѣча Пасхи въ 1825 г. ...зъ писемъ А. П. Болотова къ дѣду и роди...лямъ).— Н. С. Дравс. Къ исторіи еврейства.— Ѳ. Аристовъ. „Истинная исторія карпато...оссовъ или угорскихъ русиновъ", изданная ...ародолюбцемъ Ал. Духновичемъ въ 1853 г.— ...ѣдкія и цѣнныя изданія, собранныя В. М. ...Остроглазовымъ.— М. Я. „Сей остальной изъ ...стаи славной". Памяти А. П. Барсукова.

„Русское Богатство". (1914—6). В. Муйжель. Старый лѣсникъ.— Бар. Н. В. Дризенъ. Изъ исторіи драматической цензуры при Имп. Николаѣ I.— Леонидъ Б. Стихотв.— В. Г. Короленко. Въ пустынныхъ мѣстахъ.— Е. Федорова. Стихотв.— Ю. Делевскій. Противорѣчія Прудона.— С. Подъячевъ. Борьба съ пьянствомъ.— А. Чумаченко. Ночныя терцины, стихотв.— Г. Уордъ. Семья Кориcтоновъ.— П. Радимовъ. Осенній жаръ, стихотв. — Діонео. Изъ Англіи.— Гр. Шрейдеръ. Министръ на стражѣ науки.— Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни.— А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.— Н. Г. и В. Мякотинъ. Случайныя замѣтки: 1. Отрадное явленіе. 2. Изъ писемъ современниковъ.— А. Е. Рѣдько. Два сборника.— Новыя книги.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство". (1914—5). Акад. В. В. Бартольдъ. Къ исторіи орошенія Туркестана.— В. Н. Покровскій. Біологическіе методы различенія бѣлковъ различнаго происхожденія и результаты примѣненія этихъ методовъ къ различенію растеній.— Н. Л. Скалозубовъ. Опытныя учрежденія, селекціонныя поля, сѣменныя хозяйства. Москва.— Н. Д. Колесниковъ. Причины захвата хлѣбовъ въ юго-восточной Россіи.— Б. М. Вельбель. Вегетаціонные опыты 1910—1912 гг. по изслѣдованію мѣсного суглинка Полтавскаго опытнаго поля.— Е. В. Перепелкинъ. Каракули на югѣ Россіи.— А. О. Фабрикантъ. Обзоръ земской агрономической дѣятельности. Центральный районъ.— А. А. Малигоновъ. Обзоръ литературы по вопросамъ селекціи (преимущественно въ животноводствѣ) и экспериментальнаго ученія о наслѣдственности.— Библіографія.— Приложеніе: I. Дж. Робинсонъ. Основы и практика разведенія домашней птицы. II. Дѣятельность Сельско-Хоз. Комиссіи 4-й Гос. Думы за періодъ ноября 1912 г. по 18 іюня 1913. Составилъ проф. С. М. Богдановъ.

„Сельскохозяйственное Образованіе". (1914—4). В. Г. Д—въ. Начальная школа и сельскохозяйственныя знанія.— А. Новиковъ. Школа для взрослыхъ— Е. Беритовъ. Инструкторскіе классы при низшихъ училищахъ садоводства.— Н. Тихоновъ. Сельскохозяйственныя бесѣды въ Бѣлорусскомъ краѣ.— И. З. и В. И. Переходъ. По поводу ст. г. Праздникова: „Одна изъ мѣръ для улучшенія преподаванія".— И. М—ій. О воспитаніи въ сельскохоз. школахъ.— Романовскій фондъ.— В. Г. Джабагіевъ. Преподаваніе сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ Босніи и Герцоговины.— Хроника.— Библіографія.— Обзоръ журналовъ.— Спросъ и предложеніе труда.— Вопросы и отвѣты.

„Сибирскій Архивъ". (1914—5). Н. Путиловъ. Лѣтопись Успенской миссіи.— К. Дубровскій. Сибирскій Карамзинъ.— Письма Ядринцева къ А. А. Іовину.— А. Луньковъ. По поводу „экспедиціи" А. А. Дѣтищева.— В. А. Ватинъ. Возникновеніе музея въ Иркутскѣ.

„Современная Психіатрія". (1914—5). П. Б. Ганнушкинъ. Постановка вопроса о шизофренической конституціи.— А. А. Бутенко. О новой реакціи при dementia praecox, и о значеніи этой реакціи въ клиникѣ душевныхъ болѣзней.— Т. Е. Сегаловъ. Дѣти-преступники. Изъ впечатлѣній врача при дѣтскомъ судѣ.— Рецензіи.— Рефераты.— Н. А. Вопросы по призрѣнію душевно-больныхъ на минувшемъ 44-мъ Пермскомъ губ. земск. собраніи.— Хроника.

„Современникъ". (1914—11). А. Липецкій. Таврическій дворецъ. Передъ крѣпостью. Бѣлая ночь, стихотв.— Ад. Попъ. Исторія одной работницы. Авториз. пер. съ нѣм. С. Равичъ (Оконч.).— Н. Скородинскій. Грядущая морская война.— В. Томскій. Истинный и ложный идеализмъ. (Завѣщаніе одного философа).— Л. Мартовъ. Кризисъ президіума.— Вен. Марковъ. Въ защиту доктрины.— В. Трутовскій. Городскія предпріятія.— Р. Стрѣльцовъ. Международное положеніе и внѣшняя политика Германіи.— В. Керженцевъ. Въ рабочемъ Лондонѣ.— II. Цвѣтаева. Синтетическое искусство и соціализмъ.— Е. Зноско-Боровскій. Спектакли, посвященные А. Блоку.— Новыя книги.

„Сѣверныя Записки". (1914—5) Н. Клюевъ Изъ сѣверныхъ пѣсенъ, стих. С. Сергѣевъ-Це...скій. Преображеніе, ром. (Продолж.).— А ... Римскій-Корсаковъ. Къ эстетикѣ бале... Ю. Верховскій. Амазонка. (Идиллія).— П. ... Затишье, разск.— Ш. Л. Филиппъ. Шар... шаръ. I. Холодъ. 2. Обученіе мастерст... съ фр. А. А. Кипена.— Ѳ. Степпунъ. ... Толстой.— Мих. Павловичъ. Интер... провокаторы милитаризма.— II. ... ское эмиграціонное движеніе и

Ник. Авксентьевъ. Крайніе лѣвые въ Гос. Думѣ. — Бѣлоруссовъ. Искусство и жизнь. — (Письмо изъ Парижа). — Ж. Жоресъ. Франція и Европа. — М. Брагинскій. М. А. Бакунинъ. (Къ 100-лѣтію со дня его рожденія). — Библіографія.

„Учитель и Школа". (1914—9). Ник. Андреевъ. О введеніи всеобщаго обученія въ С.-Петербургѣ. — Р. Тираспольскій. Физическое воспитаніе въ Скандинавіи. — С. Русовъ. Изъ жизни учителей. — Б. Веселовскій. Государственная дума о политикѣ Л. А Кассо. — М. Л. Планъ внѣшкольнаго образованія въ С.-Петербургѣ. — Е. Чарнолуская. Крестьянскіе университеты и сельско-хоз. кооперація въ Даніи. — Губ. Земскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія въ Н.-Новгородѣ. — Резолюціи 1 Всерос. съѣзда по вопросамъ нар. образ. (Оконч.).

„Художественно Педагогич. журн.". (1914—8). Е. Больманъ. Обученіе рисованію въ общеобразовательныхъ школахъ Швейцаріи. Перев. М. В—нъ. — Выставка „Дѣтскій трудъ и отдыхъ". въ Томскѣ.—С. Рокотовъ. Выставки 1913—1914 г. Посмертная выставка Я. Ф. Ціолинскаго — Искусство и жизнь.

Книги, поступившія въ редакцію

Изд. т-ва „Образованіе" Спб.

Географія въ школѣ. Сб. № 2. 80 к.—**Естествознаніе** въ школѣ. Сб. 4. **Преподаваніе** зоологіи. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 5. Обзоръ новѣйшей методической, научно-популярной и учебной литер. по естествознанію. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 6. Общіе вопросы преподаванія естествознанія. 80 к.—**Новыя идеи въ астрономіи**. Сб. № 4. Распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ и ихъ движеніе. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 5. Кометы. 80 к.—**Тоже** Сб. № 6. Марсъ и его каналы. 80 к.—**Новыя идеи въ біологіи**. Сб. № 3. Смерть и безсмертіе. I. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 4. Наслѣдственность. I. 80 к. —**Тоже**. Сб. № 5. Біохимія. 80 к.—**Новыя идеи въ математикѣ**. Сб. № 6. Ученіе о множествахъ Г. Кантора. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 7. Принципъ относительности съ математич. т. зр. II. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 8. Математика и философія. II. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 9. Начала геометріи. I. 80 к.—**Новыя идеи въ медицинѣ**. Сб. № 2. Анафилаксія. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 3. Внутренняя секреція. 80 к.—**Новыя идеи въ педагогикѣ**. Сб. № 3. Средняя школа. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 4. Совмѣстное обученіе. 80 к.—**Новыя идеи въ правовѣдѣніи**. Сб. № 1. Цѣли наказанія. 80 к.—**Новыя идеи въ соціологіи**. Сб. № 2. Соціологія и психологія. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 3. Что такое прогрессъ? I. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 4. Генетическая соціологія. I. 80 к.—**Новыя идеи въ философіи**. Сб. № 13. Современная метафизика. I. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 14. Этика. I. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 15. Безсознательное. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 16. Психологія мышленія. 80 к.—**Новыя идеи въ химіи**. Сб. № 5. Кристаллохимическій анализъ. 80 к.—**Тоже**. Сб. № 6. Строеніе матеріи. I. 80 к.—**Новыя идеи въ экономикѣ**. Сб. № 3. Раціонализація хозяйства. I. 80 к.—**Тоже**. Вздорожаніе жизни. 80 к.

Изд. В. Португалова. Москва.

Раб. Тагоръ. Постиженіе жизни. 8 лекцій. р.—**Его же.** Садовникъ. 50 к.—**Его же.** Лунный рпъ. 50 к.

Изд. П. В. Луковникова. Спб.

И. Н. Михайловъ. Чтеніе плановъ и географическихъ картъ. Изд. 2-е. 40 к.—**Э. Томсонъ** тонъ. Снэпъ. Исторія буль-терьера. 10 к.— же. Мальчикъ и рысь. 10 к.—**Его же.** Легатьева о бѣломъ оленѣ. 12 к.—**Его же.** Виннигера волкъ. 10 к.—**Его же.** Бродячая кошка. 10 ъ. **Его же.** Бедландскій Билли. 15 к.—**Его же.** евой конекъ. 13 к.—**Его же** Властелинъ. 4 —**Его же** Исторія одной серебристой лис 40 к.—**Его же** Животныя-герои. 1 р.—**Его** Арно. Хроника почтоваго голубя. 10 к.

Изд. „Огни". Спб.

Джордано, Бруно. Изгнаніе торжествующ звѣрв. 1 р. 50 к.—**Г. Винскій.** Мое время. Зг ски. 1 р. 25 к.

Изд. Д. П. Ефимова. Москва.

А. Додэ. Брошенный ребенокъ. 5 к.— **І. А.** бинъ-Кошуровъ. Побирушка. 5 к. — **Ч. Д** кенсъ. Нелюбимая дочь. 20 к.— **Б. Гринченк** Кто работаетъ, тотъ и имѣетъ. 10 к.— **Печ** нинъ-колдунъ. (Разсказъ объ І. Гуттенберг въ перераб. **А. Н. Паперъ.** Изд. 2-е. 5 к.— Барановъ. Пѣвецъ горъ и др. легенды сѣв наго Кавказа. 40 к.—**А. Догановичъ.** Сѣ геров. Разск. 30 к.— **А. В. Кругловъ.** Въ стяхъ у дѣтства. 40 к.

Изд. К. И. Тихомирова. Москва.

С. И. Плотниковъ. Сѣялки. 12 к.—**В. И. Лихачевъ** Учебникъ общей торговой бухгалтеріи. Изд 3-е. 2 р.— **Эрн. Геншель.** Жизнь прѣсныхъ водъ. 2 р.—**Бичеръ Стоу.** Хижина дяди Тома 50 к.

Изд. И. И. Самоненко. Кіевъ.

Алланъ Карденъ. Евангеліе въ разъясненіи спиритизма. 1 р. 50 к.— **Ѳ. Рауде.** Таблицы для повторенія синтаксиса простого предложенія. 5 к.—**Его же.** Таблица для повторенія синтаксиса сложнаго предложенія. 5 к.— **Его же.** Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ училищъ. Вып. I. 15 к. **Эрато-Слуцкій.** Культъ жизни. (Антисептика). 1 р.—**Ал. Мирлесъ.** Темникъ-хрестоматія. Важнѣйшія темы. Т. II. Изд. 4-е. 1 р. 50 к.— **Б. Личновъ.** Границы познанія въ естественныхъ наукахъ. 1 р. 25 к.—**Д. Марголинъ.** Программа и правила реальныхъ училищъ съ разъясненіями и совѣтами для экстерновъ. 50 к.—**В. А. Чайковскій.** Новый мѣстный судъ. „Обвинитель и обвиняемый". 80 к.

Изд. т-ва „Міръ". Москва.

Э. Н. и Дж. Э. Партриджъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома? 1 р. 20 к.— **Мих. Коваленскій.** Хрестоматія по русской исторіи. 75 к.

Изд. кн. маг. бывш. М. В. Попова.

Дѣло прис. пов. С. Д. Марголина. 80 к. **Д-ръ Otto Rank и Hanns Sachs.** Значеніе психоанализа въ наукѣ о духѣ. 1 р. 50 к.

(Продолж. въ слѣд. №).

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій

4 р. въ годъ за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913—14 годъ (5-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и неперіод., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● О типѣ журнала „Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. ● *Библіографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.*

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Росс.: „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. Въ журн. сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“... ● Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу“... ● Огни: „Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культур. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“... ● Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ● Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли“. ● Иллюстр. Обозр. Гол. М.: „Бюлл.“ безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ● Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекомен. книгъ“. ● Газ. Вѣст.: „Бюлл.“ умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журн. отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книж. рынокъ“... ● Сѣв. У.: „Журн. въ дѣльныхъ обстоят. статьяхъ даетъ квинтъэссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго“... ● Рус. Молва: „Все то важное, что терялось въ гущѣ журн. и пестротѣ содержанія газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ,—но и самые широкіе круги читателей“... ● Кіев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для тѣхъ, кто такой возможности лишенъ, въ особенности для провин. читателя, руководителей библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый“. ● Ран. Утро: „Не говоря уже о практич. значеніи журнала... главнымъ образ. для провинціи, нельзя не отмѣтить интереса его, какъ періодич. лѣтописи нашей духовной жизни. Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетенями“.

Проспектъ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.)—4 р. 50 к.

Контора и ред. Москва, Мерзляковск. пер. д. 6. Тел. 5-02-06.

Издатели: *В. Крандіевскій* и *В. Носенковъ*.
Редакторъ: *В. Крандіевскій*.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября.

Можно подписываться съ 1-го числа кажд. мѣс.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей.**

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской-Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копеекъ.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ продаются 12 вып. журн. за 1913 г., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльн. №№ за 1913 г. по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: впереди текста, страница 100 р., ½ стр. 50 р., ¼ стр. 25 р.; позади текста, страница 80 р., ½ стр. 40 р., ¼ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартеневъ** (младшій).

Въ конторѣ РУССКАГО АРХИВА продается книга:

П. И. Бартеневъ.

ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Изданіе (второе) „Русскаго Архива“; Москва, 1914, ц. 1 р. 50 к.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

ц. 30 к. Въ провинціи и на ст. жел. дор. 35 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 21. Іюль—I. 1914.

(Пятый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Монистическій матеріализмъ какъ истинный идеализмъ..... 1195
2. Вопросы жизни. (Изъ записокъ Н. И. Пирогова)..... 1197
3. Право на безсмертіе. (Къ 25-лѣтію со дня смерти Н. Д. Хвощинской). 1207
4. Учитель нравственности. („Профессоръ богословія“ Л. Добронравова)..... 1208
5. Сила и слабость сценической иллюзіи. („Дѣтскіе годы Пьера“ А. Франса)..... 1213
6. Авіаціонные мотивы въ литературѣ..... 1215
7. Жизненный эликсиръ и современная біологія. (Научная постановка проблемы долголѣтія)..... 1225
8. Переворотъ въ біологіи 1231
9. Возвращеніе къ природѣ и „простой жизни“. Города новой цивилизаціи („города-сады“).—Робинзоны XX вѣка..... 1235
10. Изъ прошлаго. Русскіе вольнодумцы XVIII в.—Солдатская служба въ аракчеевскія времена.—О Николаѣ I.—Легендарный архипастырь.—Губернаторъ-самодуръ 1240
11. Отзывы о книгахъ 651
12. Новыя книги 672
13. Содержаніе журналовъ..... 679
14. Библіографія по отдѣльнымъ вопросамъ. Физическое воспитаніе. Игры..... 683

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 11 м.—3 р. 75 к., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

Перемѣна адреса—20 коп. (Можно марками).

Редакція и контора: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Телеф. 5-02-06.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) Москва, Тверской бульв., 26. Кн. маг. „Трудъ“ С. Скирмунта.
2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція“.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ: новый адресъ редакціи и конторы: Хлѣбный пер., д. 1, кв. 53.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

Комиссіонера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право", Нюренберга, „Законовѣдѣніе", Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зеркала (и. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: **военный, духовный и техническій.** Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ". ☐ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—23

ОТЪ КОНТОРЫ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или черезъ книжные магазины—со своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—Москва, Мерзляковскій пер., 6.

3) Жалобы на неисправность достанки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать адресъ, по которому высылается журналъ, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Москвы и провинціи слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10-20 чиселъ каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

8) При разсрочкѣ уплаты подписной цѣны, во избѣжаніе перерыва высылки журнала, очередные взносы необходимо высылать заблаговременно.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Іюль—I. • № 21.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

Монистическій матеріализмъ какъ истинный идеализмъ.

[149.915]

Матеріалистическій монизмъ, съ большой энергіей провозглашенный Геккелемъ, а за послѣдніе годы отодвинутый на задній планъ новыми теченіями научной и философской мысли, по временамъ дѣлаетъ попытки еще разъ посчитаться со своими противниками. Изложеніе одной изъ этихъ попытокъ даетъ В. Томскій въ 11 книжкѣ „Современника“ за текущій годъ въ статьѣ: „Истинный и ложный идеализмъ“.

„Передъ нами только что вышедшая небольшая брошюрка Іодля, которую мы хотѣли бы назвать его философскимъ завѣщаніемъ. Она говоритъ намъ объ „истинномъ и ложномъ идеализмѣ“. Въ изящной, какъ бы кружевной формѣ легкаго этюда Іодль проводитъ съ поразительной четкостью грань между исконно враждующими тенденціями человѣческой мысли: идеалистической и матеріалистической (монистической, по терминологіи автора). Онъ выноситъ этотъ споръ на форумъ современности, и въ каждомъ словѣ его этюда кипитъ живая кровь.

Какъ увѣренный въ своемъ оружіи боецъ, Іодль не стѣсняетъ идеализмъ въ выборѣ позиціи. Допустимъ, говоритъ онъ, что міросозерцаніе, созданное работой великихъ матеріалистовъ стараго и новаго времени: Демокритомъ, Эпикуромъ, Гоббсомъ, Гольбахомъ, Фейербахомъ, Геккелемъ, одержало безповоротно побѣду въ умахъ человѣчества. Пусть будетъ доказано, что „жизнь является результатомъ естественныхъ физическихъ и химическихъ процессовъ, дѣйствующихъ при опредѣленныхъ условіяхъ земного развитія, что цѣлесообразность жизненныхъ процессовъ—продуктъ отбора, и психика—функція раздраженныхъ нейроновъ въ центральной нервной системѣ живыхъ существъ“. Эти предположенія не праздная игра ума, не пустыя догадки. Мы имѣемъ право ихъ сдѣлать, такъ какъ они навязываются намъ всѣмъ ходомъ развитія науки.

Противъ этой законечной формы матеріализма, противъ данныхъ науки, лежащихъ въ ея основѣ, идеализмъ можетъ во всю ширь развернуть свой наступательный фронтъ. Пусть покажетъ онъ на конкретныхъ примѣрахъ, дѣйствительно ли матеріализмъ изсушаетъ душу, опошляетъ и принижаетъ личность человѣка, уничтожаетъ его мораль, убиваетъ въ немъ все благородное, высокое и свѣтлое. Но идеализмъ не идетъ на этотъ вызовъ. Ибо противъ него говоритъ весь ходъ развитія научной мысли, начиная съ ея первѣйшихъ основъ. Тѣ формы духа, которыя онъ вызывалъ къ жизни, чтобы сдѣлать для насъ понятными явленія природы, стихійно отмирали одна за другой.

Звѣздные духи, къ которымъ прибѣгалъ еще Кеплеръ, какъ къ носителямъ гармоніи космоса, жизненные духи старой физіологіи, таинственныя силы аристотелевской физики—исчезли съ умственнаго горизонта человѣчества, какъ предутренніе туманы передъ лучами восходящаго солнца. На опустѣвшіе троны этихъ духовныхъ властителей міра научная мысль возвела представленіе о закономѣрномъ ходѣ всѣхъ безъ исключенія процессовъ единой природы. Обнявъ всѣ космическія и земныя явленія, этотъ кругъ универсальной закономѣрности готовится охватить и психическую жизнь человѣка. Въ горнилѣ научнаго знанія и человѣческій духъ потеряетъ свое метафизическое бытіе. Онъ сдѣлается формой закономѣрной зависимости нашихъ сознательныхъ переживаній отъ процессовъ въ мозгу.

Было бы жалкимъ лицемѣріемъ утверждать, что всѣ эти научныя завоеванія означаютъ сумерки духовной культуры, пророчатъ ей близкій конецъ. Наоборотъ: духовная жизнь человѣчества становится все богаче и полнѣе по мѣрѣ того, какъ матеріалистическая мысль пробиваетъ себѣ все болѣе широкую дорогу. Убивъ астральныхъ духовъ, мы не умалили

тѣмъ величія звѣзднаго міра, а взглядъ нашъ, освобожденный отъ идеалистической пелены, съ тѣмъ большей зоркостью проникаетъ въ безпредѣльную гармонію вселенной. Когда исчезли жизненные духи,—передъ нами открылся широкій путь къ познанію явленій органическаго міра. И, если мы понимаемъ свою собственную психическую дѣятельность въ ея зависимости отъ жизни мозга, мы ничѣмъ не роняемъ всей значительности ея содержанія. Мы только вносимъ порядокъ и систему въ игру элементарныхъ душевныхъ силъ. Куда ни оглянуться—вездѣ прогрессъ точнаго знанія неразрывно связанъ съ крушеніемъ идеалистическихъ формъ мысли и ведетъ къ тріумфу матеріалистическаго монизма. А на почвѣ этого тріумфа одѣвается яркими цвѣтами знанія культурная жизнь человѣчества.

Но, быть можетъ, безсильный въ маломъ, идеализмъ силенъ въ великомъ? Побѣжденный на полѣ точной науки, тріумфируетъ въ міросозерцаніи? Іодль охотно переноситъ борьбу и на этотъ фронтъ. Но, увы! Творческіе порывы идеализма такъ же пануютъ передъ задачей дать общую картину міра, какъ безсильными оказались они рѣшить частные вопросы его пониманія. Его міровоззрѣніе находится въ кричащемъ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы каждый день наблюдаемъ въ живой дѣйствительности. Управляемый разумомъ, міръ полонъ безсмыслицы; созданный добромъ, онъ лежитъ во злѣ; рожденный въ красотѣ живетъ въ безобразіи. Передъ великими идеалистами отъ Платона до Гегеля всегда стояла слѣдующая неразрѣшимая диллема: или сила, создавшая міръ, не причастна мудрости и добру, или же мудрость и добро безсильны. Огненными буквами выжжено это противорѣчіе во всей исторіи идеализма. Это оно вырвало изъ груди Платона мучительное признаніе въ безсиліи міра идей овладѣть міромъ призрачной чувственности; оно управляло перомъ Лейбница, когда онъ писалъ свою „Теодицею“, и стояло за универсальной логикой Гегеля. У этого послѣдняго великаго идеалиста противорѣчіе разрѣшилось смертельнымъ для идеализма кризисомъ. Природа—это распадъ духа съ самимъ собой, его „инобытіе“, полное чуждыхъ разуму моментовъ случайности и слѣпой необходимости. Понимая такъ отношеніе между природой и духомъ, идеализмъ уничтожаетъ самъ себя, або провозглашаетъ капитуляцію духовнаго начала передъ самостоятельностью природнаго бытія. Духъ постигаетъ природу, смиряясь передъ ней,—въ этомъ матеріалистическомъ положеніи раскрывается истина идеа-

Но не покупается ли этотъ конечный тріумфъ матеріалистическаго монизма слишкомъ дорогою цѣной? Быть можетъ, по злой игрѣ рока, въ культурной жизни человѣчества гибнутъ какъ разъ ея высшія блага—этическія цѣнности,—въ то самое время, какъ тщеславный умъ человѣка празднуетъ свое мнимое торжество? На почвѣ этой апелляціи къ человѣческой совѣсти идеализмъ объявляетъ матеріализму послѣдній бой.

Безспорно, мѣриломъ человѣческаго прогресса является ростъ духовныхъ цѣнностей, подъемъ значенія человѣческой личности, облагораживаніе ея стремленій. Но какъ служитъ идеализмъ этому поступательному движенію? Онъ превращаетъ нашу маленькую землю, песчинку въ неизмѣримомъ океанѣ мірозданія, въ центральный пунктъ вселенной. Нашимъ земнымъ помысламъ и дѣламъ онъ придаетъ универсальное значеніе. Не себѣ и не человѣчеству служимъ мы, творя добро, истину, красоту, а невѣдомому духовному началу міра. Въ лонѣ этого духа будутъ въ нетлѣнной вѣчности храниться рожденныя человѣчествомъ духовныя цѣнности, а кости ихъ создателей и носителей давно обратятся въ космическую пыль.

Эта перспектива, на поверхностный взглядъ плѣняющая своимъ величіемъ, необходимо упирается въ цѣлый рядъ представленій, отчасти дѣтски-наивныхъ, отчасти грубо-чувственныхъ. Идеализмъ, со своимъ космическимъ размахомъ, оказывается насквозь проникнутымъ грубо-матеріалистическими взглядами. Это—поистинѣ л о ж н ы й и д е а л и з м ъ.

Чтобы спасти въ нѣдрахъ мірового духа культурныя цѣнности человѣчества, онъ прибѣгаетъ къ идеѣ субстанціальной безсмертной души и къ связаннымъ съ ней представленіямъ о загробномъ воздаяніи. Онъ облекаетъ въ матеріальныя формы и самое представленіе о міровомъ духѣ, взращивая на этой почвѣ религіозную догматику, грубо-чувственный характеръ которой ясенъ и для невооруженнаго философской критикой взгляда. Онъ срастается, какъ показываетъ исторія, съ самыми нелѣпыми представленіями магіи и колдовства, и роковое значеніе этого соединенія отмѣчено въ исторіи кровавой полосой. Во всѣхъ этихъ построеніяхъ идеализмъ отрываетъ самыя глубокія переживанія и затаенныя стремленія человѣчества отъ ихъ матеріальной основы затѣмъ, чтобъ облечь ихъ въ грубо-чувственную оболочку, подъ которой неизбѣжно гаснетъ ихъ идеальное значеніе.

Это значеніе полностью раскрывается только въ рамкахъ матеріализма. Ложный идеализмъ

безсиленъ въ царствѣ идеала, ибо истинный идеализмъ возможенъ только тогда, когда идея вырастаетъ, какъ зрѣлый плодъ, на зеленѣющемъ древѣ дѣйствительности. Поэтому онъ не можетъ и вѣрить въ силу идеи, въ ея конечное торжество. Помѣщая идеалы истины, добра и красоты въ самомъ началѣ мірового процесса, ложный идеализмъ превращаетъ нашу борьбу за ихъ торжество въ безсмысленныя попытки закопанныхъ рабовъ сбросить съ себя цѣпи матеріальнаго міра.

Матеріалистическій монизмъ можетъ съ гордостью отвернуться отъ этого изсушающаго духъ ученія. Его идеализмъ не боится дѣйствительности. Рожденный отъ нея, онъ преобразуетъ ее; питаясь ея соками, онъ утоляетъ духовный голодъ. Идея не правитъ міромъ, и міръ, родившій ее, остается въ цѣломъ, какъ и прежде, безбожнымъ. Но идея освѣщаетъ путь развитія и, овладѣвая умами, становится движущей силой исторіи. Эта культурно-историческая роль истиннаго идеализма развертывается въ рамкахъ постепеннаго покоренія природы. А „между природой и нами не требуется никакихъ другихъ посредниковъ, кромѣ нашего разсудка и нашей мужественной воли. Намъ не нужны таинственныя силы, стоящія за природой, чтобы угѣшить насъ въ ея несовершенствѣ; мы остаемся наединѣ съ ней и не теряемъ спокойствія, ибо у насъ есть разумъ, а у нея—закономѣрность".

Отрицая противорѣчивый старый идеализмъ, новое теченіе не приводитъ насъ къ гармоніи міра и жизни, а обрекаетъ на новую, нескончаемую борьбу уже во имя только этой борьбы.

Вопросъ не рѣшенъ, путь открытъ попрежнему.

Вопросы жизни.

(Изъ записокъ *Н. И. Пирогова.*)

[11(0)]

Въ вышедшемъ первомъ томѣ сочиненій *Н. И. Пирогова* *) помѣщены отрывки изъ забытыхъ бумагъ великаго врача. Мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей „Бюллетеней" съ мыслями Пирогова о назначеніи и судьбѣ человѣка и его размышленіями о „проклятыхъ" вопросахъ. Еще обаятельнѣе встаетъ передъ нами образъ великаго человѣка, соединившаго въ себѣ суровость естествоиспытателя, широту мысли философа идеалиста, жаръ религіознаго человѣка и горячую любовь истиннаго гуманиста.

*) Второе юбилейное, изд. „Пироговскаго Товарищества". Кіевъ.

„Только два рода людей не задаютъ себѣ вопросовъ при вступленіи въ жизнь.

Во-первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привилегію на идіотизмъ.

Во-вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчокъ, двигаются по силѣ инерціи въ данномъ направленіи.

Оба эти рода не принадлежатъ къ исключеніямъ въ обществѣ, но и не могутъ считаться правилами.

Общество, къ счастію, успѣло такъ организоваться, что оно, для большей массы людей, само, безъ ихъ сознанія, задаетъ и рѣшаетъ эти вопросы, и даетъ этой массѣ, пользуясь ея силою инерціи, извѣстное направленіе, которое оно считаетъ лучшимъ для своего благосостоянія. Но, живя въ обществѣ и для общества, мы должны жить еще индивидуально для самихъ себя.

Нашу индивидуальную жизнь мы должны согласовать всегда, въ извѣстной степени, съ направленіемъ общества.

Безъ этого, или мы придемъ въ разладъ съ обществомъ и будемъ терпѣть и бѣдствовать, или основы общества начнутъ колебаться и разрушаться.

Итакъ, если мы, кромѣ силы инерціи, заставляющей насъ слѣдовать данному намъ обществомъ направленію, чувствуемъ въ себѣ еще довольно сознанія, чтобы вникнуть въ нашу индивидуальность, мы задаемъ себѣ вопросы: *Въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? Какое наше назначеніе? Къ чему мы призваны? Чего должны искать мы?* Собственно, *воспитаніе* должно бы было намъ класть въ ротъ отвѣты.

Но это предполагаетъ два условія:

Во-первыхъ, что воспитаніе должно быть приноровлено къ темпераменту и различнымъ способностямъ каждаго—развивать или обуздывать ихъ.

Во-вторыхъ, что нравственныя основы и направленіе общества, въ которомъ мы живемъ, должны совершенно соотвѣтствовать направленію, сообщаемому намъ воспитаніемъ.

Первое условіе необходимо потому, что врожденныя склонности каждаго и его темпераментъ подсказываютъ, вполнѣ и всегда, что онъ долженъ дѣлать и къ чему стремиться.

Второе условіе необходимо потому, что безъ него, — какое бы направленіе ни было намъ дано воспитаніемъ, — мы, видя, что поступки общества не соотвѣтствуютъ этому направленію, непремѣнно удалимся отъ него и собьемся съ пути. Сбившись, намъ придется избирать одно изъ трехъ: или потерять всю нравственную выгоду нашего воспитанія, или

вступить во вражду съ обществомъ, или же, наконецъ, отдаться на произволъ.

Къ сожалѣнію, это такъ и есть.

...Вступая въ свѣтъ, подвергнутые тремъ крайностямъ, еще колеблющіеся, мы осматриваемся вокругъ себя и видимъ, что общество, судя по его поступкамъ, раздѣлилось на толпы.

...Взглядовъ, которымъ слѣдуютъ эти толпы, наберется до десяти, а можетъ быть, и болѣе.

Вотъ *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный.

Не размышляйте и не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, только потеря времени. Можно потерять и аппетитъ, и сонъ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій. Аппетитъ — для наслажденій и трудовъ. Сонъ—для трудовъ и наслажденій. Труды и наслажденія — для счастья.

Учитесь философіи и особливо философіи Гегеля; размышляйте, отвлекайтесь, и вамъ все сдѣлается ясно.

Умъ вашъ просвѣтлѣетъ. Вы узнаете, кто вы, что вы.

Вы поймете, какъ дважды два—четыре, все, что кажется необъяснимымъ въ глазахъ ученой и неученой черни.

Вотъ *другой* взглядъ—высокій.

Ходите въ церковь, молитесь, вставая, ложась спать и даже предъ обѣдомъ, по святцамъ. Сохраняйте посты, не пропускайте обѣдни въ праздники, ежегодно говѣйте. Затѣмъ, не размышляйте и живите такъ, какъ живется.

Вотъ *третій* взглядъ—религіозно-простой.

Вы рождены наслѣдниками завѣтнаго грѣха. Вы живете въ юдоли бѣдствій и суеты, чтобы каяться и молить Искупителя о милосердіи. Только этимъ мы можемъ спасти себя отъ вѣчныхъ мученій. Безъ этого милосердія нѣтъ ни вѣры, ни добродѣтели, ни вѣчнаго блаженства. Молитесь, кайтесь, пойте псалмы и уповайте.

Вотъ *четвертый* взглядъ—религіозно-высокій.

Трудясь, исполняйте ваши обязанности. Будьте полезными другимъ и себѣ. Въ трудныхъ случаяхъ жизни, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте изъ двухъ золъ меньшее. Впрочемъ, предоставьте спасаться каждому на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ и вкусахъ не спорьте.

Вотъ *пятый* взглядъ—практическій.

Хотите быть счастливыми, — думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но строго соблюдайте приличія и обряды и умѣйте съ людьми уживаться.

Про начальниковъ и нужныхъ людей худо не говорите.

При исполненіи обязанностей не горячитесь. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите. Только объ этомъ молчите и въ кулакъ себѣ смѣйтесь.

Вотъ *шестой* взглядъ—также практическій въ своемъ родѣ.

Не хлопочите и не заботьтесь. Стѣны лбомъ не прошибете. Что будетъ, то будетъ. Живите, покуда живется, а когда время придетъ, такъ умрите.

Червякъ на кучѣ грязи! Вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что все стремится къ совершенству, и вы — членъ этого общества прогрессистовъ.

Зритель и комедіантъ по-неволѣ! Какъ ни бейтесь, лучшаго ничего не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ! Вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, умрете, не зная, зачѣмъ жили.

Вотъ *седьмой* взглядъ — очень печальный.

Заботьтесь, учитесь, работайте, наслаждайтесь, покуда живете. Идите, стремитесь безпрестанно впередъ, отыскивая счастья. Но не ищите его въ далекомъ небѣ; оно у васъ подъ ногами. Какой вамъ лучшей жизни еще нужно? У васъ есть тѣло, которое чувствуетъ, мыслитъ, судитъ, рядитъ и, умирая, но не уничтожаясь, какъ фениксъ, возрождается.

Вотъ *восьмой* взглядъ—немного болѣе веселый.

Все устроено и настроено къ лучшему Высшимъ Подателемъ благъ. У васъ есть заботливое Провидѣніе. Зло — это одна фантасмагорія, для вашего развлеченія. Одна тѣнь, чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пойте благодарственные гимны и живите припѣваючи.

Вотъ *девятый* взглядъ — уже очень веселый.

Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую угодно теорію для вашего развлеченія. Но на практикѣ узнайте, главное, какую роль вамъ предназначено играть. Узнавъ, выдержите до конца. Счастье — искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь; сдѣлавъ промахъ, не пеняйте, а исправляйтесь.

Вотъ взглядъ *десятый* и очень благоразумный.

Вступившій въ свѣтъ, ознакомившись понемногу съ этими взглядами, поступаетъ различнымъ образомъ, смотря по тому, какъ онъ былъ воспитанъ, какія имѣетъ склонности и какой темпераментъ.

Если онъ родился здоровымъ, или даже черезъ-чуръ здоровымъ, матеріальный его бытъ развился энергически, чувственность преобладаетъ въ немъ, онъ склоняется на сторону привлекательнаго и веселаго взглядовъ.

Если мозгъ его развитъ хорошо, воображеніе не господствуетъ надъ умомъ, инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитаніе было болѣе реальное, онъ дѣлается послѣдователемъ благоразумнаго или одного изъ практическихъ взглядовъ.

...Если кто изъ насъ, при самомъ вступленіи въ свѣтъ или послѣ, переходя отъ одного взгляда къ другому, наконецъ, совсѣмъ *остановился на которомъ-нибудь*, то это значитъ—ему переносить себя не для чего; это значитъ—онъ доволенъ своимъ выборомъ; это значитъ — для него *рѣшены основные вопросы жизни*: и цѣль жизни, и назначеніе, и призваніе его обозначены.

...Если бы наше поприще всегда и оканчивалось этимъ выборомъ одного изъ десяти взглядовъ, если бы послѣдователи этихъ взглядовъ шли параллельно другъ съ другомъ и съ толпою, движимою по силѣ инерціи, то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько небольшихъ; все шло бы спокойно по старому; жаловаться было бы не на что.

Но вотъ бѣда: *люди, имѣющіе притязаніе на умъ и чувство*, не довольствуются этимъ выборомъ. Переходя отъ одного взгляда къ другому, вникая, они испытываютъ, все глубже и глубже роются въ рудникахъ души и, не находя въ себѣ внутренняго спокойствія, оставляютъ эти взгляды, чтобы проложить *себѣ новые пути*.

...Недовольные, отставшіе отъ послѣдователей различныхъ взглядовъ, съ самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни,— стараются даже, во что бы то ни стало, *перевоспитать себя*.

Вотъ *механизмъ*, которымъ они стремятся достигнуть своей цѣли.

Пусть каждый или каждая изъ насъ представитъ себѣ, что вы принадлежите именно къ *этому классу* людей.

Итакъ, представьте же теперь, что вы, по милости другихъ особъ, которыхъ вы иногда и въ лицо не знаете, родились, какъ водится, на свѣтъ.

Васъ, не спросясь, окрестили.

Вы, въ свою очередь, также никого не спросясь, выросли. Понемногу, Богу одному извѣстно, для чего, въ васъ родилось желаніе, что называется, *осмотрѣться*.

...Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ; всѣ пуговицы застегнуты и все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы—мальчикъ. Теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы спрашиваете, кто вы такой?

Вамъ отвѣчаютъ, что вы—ученикъ гимназіи и современемъ,—прибавляютъ вполголоса,— можетъ быть, попадете въ кандидаты трехъ сотъ (т.-е. въ университетъ). Вамъ весело.

Вотъ первый видъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ золотою петлицею.

Вы спрашиваете, что это значитъ?

Вамъ отвѣчаютъ самодовольно, что вы—ученикъ школы правовѣдѣнія, будете, навѣрное, столоначальникомъ, потомъ прокуроромъ, и если, Богъ дастъ, успѣете состариться, то и сенаторомъ. Вы очень рады.

Вотъ второй видъ.

Отмотрѣвшись, вашъ взоръ останавливается на красномъ кантикѣ мундира и на погончикахъ воротника. Вы тоже спрашиваете.

Вамъ отвѣчаютъ громко и отрывисто, что вы—кадетъ и будущій офицеръ, генералъ, адмиралъ, генералъ-губернаторъ, министръ или, по крайней мѣрѣ, попечитель учебныхъ заведеній. Вы въ восхищеніи.

Вотъ третій видъ.

Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юбкѣ. Шнуровка, волосы и все въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы—дѣвочка; теперь вы это видите на дѣлѣ. Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, дѣлаете книксенъ и спрашиваете: что теперь дѣлать?

Вамъ отвѣчаютъ: учитесь французскому языку, играйте на фортепіано, танцуйте и держите себя хорошо. Вы очень рады; дѣлаете опять книксенъ и ревностно принимаетесь за эти предметы.

Вотъ четвертый, но еще не послѣдній видъ.

Проходятъ годы. Выросши до-нельзя *изъ себя*, вы начнете уже расти *въ себя*. Вы уже замѣчаете, что вы студентъ, окончившій курсъ, правовѣдъ IX класса, офицеръ и дѣвушка-невѣста.

На этотъ разъ вы уже не спрашиваете, кто вы такой и что вамъ дѣлать? Вы увѣрены, что и сами знаете, что теперь дѣлать.

Священникъ объяснилъ вамъ Откровеніе. Привилегированные гувернеры, инспекторы, субъ-инспекторы, гувернантки, а иногда и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Всевидящее око администраціи наблюдало, чтобы науки и искусства были вамъ излагаемы въ духѣ извѣстныхъ началъ. Прозорливая цен-

зура не давала намъ читать безнравственныхъ книгъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители, благодѣтельное начальство открыли вамъ путь къ карьерѣ.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ *хотѣлось*, чтобы вы дѣлали. Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ.

Звучать для общей гармоніи—согласитесь—есть завидная участь.

Но не тутъ-то было.

Вы достигли теперь уже того періода жизни, въ которомъ и *умъ*, и *чувство* начинаютъ сильно тревожить васъ: первый—задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи еще рѣшить; второе—поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность.

Вы начинаете понемногу вникать и анализировать, чему васъ учили и что дѣлается вокругъ васъ.

Вы вспоминаете—какъ васъ учили, что когда-то существовалъ другой міръ, въ которомъ люди и мыслили, и поступали не такъ, какъ должно. Они жили здѣсь просто, чтобы жить. Копили деньги и тратили ихъ. Ѣли, пили, пѣли, плясали, ходили въ бани, нѣжились, бранились, дрались и кутили на-пропалую. Хоть между ними были и добрые, умные и степенные люди, но всѣ они все-таки ходили въ потемкахъ, не зная, что есть еще что-то получше этой жизни. Правда, у нихъ былъ Андъ и Елисейскія поля. Но эти мѣста были гдѣ-то также на землѣ или въ землѣ, и то не для души, а для тѣней. Тѣнямъ самыхъ великихъ людей, почти полубоговъ, жилось не очень весело. Напримѣръ, тѣнь Ахилла объ этомъ очень жаловалась Одиссею:

> Лучше-бъ (говорила она) хотѣлъ я живой,
> какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
> Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ
> доставать свой насущный,
> Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый
> („Одиссея“, пер. Жуковскаго).

Васъ учили, что Воплощенное Слово разсѣяло эту тьму и положило конецъ безтолковому разгулу. Міръ получилъ Откровеніе.

Васъ учили, что откровеніе, приподнявъ таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: *стремись туда.*

... Одушевленные благодѣтельнымъ словомъ Откровенія, вы смотрите вокругъ себя, и что же?

Вы видите—окружающая васъ толпа разъигрываетъ тѣ же грязныя вакханаліи паганизма, которыя Откровеніе объявило роковою преградою къ достиженію истиннаго счастья.

Вступивъ на поприще жизни, вы видите, что всѣ бѣгутъ съ него въ Калифорнію.

Видя это, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы.

Натурально, вы не хотите быть долго мистифицированными.

Вы начинаете еще глубже вникать, анализировать, и находите себя въ критическомъ положеніи.

Вамъ предстоитъ безутѣшная альтернатива: *или* дерзновенно отвергнуть заповѣдныя завѣщанія Откровенія, *или* вступить въ вражду съ міромъ, исходъ которой предвидѣть не трудно.

Отдаться *произволу* не позволяютъ вамъ *ни умъ, ни чувство.*

Надобно быть атлетомъ святотатства или самоотверженія, чтобы избрать *одно* изъ *двухъ* этой роковой дилеммы.

Не удалиться ли отъ свѣта, не сдѣлаться ли монахомъ?

Фи! самоубійство не можетъ быть мыслію здраваго человѣка.

Вспоминая прежде съ нѣкоторымъ презрѣніемъ о духѣ древняго міра, вы начинаете теперь ему завидовать. Онъ былъ послѣдователенъ. Вступающимъ въ свѣтъ нельзя было жаловаться, что имъ мистифицировали. Но завидовать, сѣтовать и колебаться ни къ чему не ведетъ. Время летитъ, нужно дѣйствовать.

Вотъ теперь-то вы и начинаете пристальнѣе разсматривать окружающее васъ. Теперь-то вы замѣчаете, что, кромѣ огромной толпы, безсознательно влекомой невидимою силой, есть еще и нѣсколько другихъ, меньшаго объема, дѣйствующихъ не безъ сознанія.

Теперь то вы начинаете знакомиться со взглядами и поступками этихъ дѣйствующихъ группъ. Сначала это васъ интересуетъ. Вы дѣлаетесь ревностными послѣдователями той или другой. Но вскорѣ то умъ, то чувство нашептываютъ вамъ возраженія. Снова колебаніе, сѣтованіе, упреки себѣ, другимъ и даже судьбѣ.

Вы сѣтуете: что стоило природѣ вылить насъ всѣхъ по этому благодатному типу круглоты и сочности, который всегда остается на сторонѣ веселаго взгляда? Тогда нашему праотцу, вѣрно, не вздумалось бы пускаться въ распознаваніе добра и зла,—не существовало бы истощенныхъ адептовъ анализа.

... Сѣтованіямъ конца нѣтъ. Нѣтъ отъ нихъ и пользы.

Вамъ приходитъ на мысль: чѣмъ бѣгать за

этими толпами и желать невозможнаго—*переродиться*, не лучше ли *перевоспитать* себя и потомъ уже серьезно и окончательно рѣшить вопросы жизни? Вздумано—сдѣлано. Вы тотчасъ же принимаетесь вникать въ себя; хотите вывести себя на чистую воду, узнать рѣшительно, что вы за человѣкъ?

Вы мало-по-малу узнаете, что *внутренній* человѣкъ въ васъ, слишкомъ рано развившись, переступилъ черезчуръ *наружнаго*, ни на минуту не хотѣлъ отдохнуть въ немъ, безпрестанно рвался вонъ, деспотствовалъ, тиранилъ слабый составъ и игралъ имъ по своему произволу, разливался, кутилъ и не имѣлъ времени вникнуть въ себя.

Но наружный, несмотря на врожденную хилость, былъ еще довольно упругъ и тягучъ, чтобы выдержать эти напоры. Измученный, онъ еще противодѣйствовалъ.

Воспитатели были слишкомъ близоруки, чтобы замѣтить эту борьбу. Такъ прошла юность.

Вашъ внутренній человѣкъ, убѣдившись опытомъ, что онъ дѣйствуетъ противъ себя же самого, наконецъ, остепенился. Онъ пріучается вникать въ себя и видитъ, что ему осталось еще *одно изъ двухъ: или* сказать вѣчное прости отвлеченіямъ, не пытаться далѣе вникать въ себя, закабалить себя въ желѣзный панцырь *формы*, одѣть жизнь въ мундирный фракъ, въ накрахмаленную юбку и въ книгѣ бытія разбирать не смыслъ, а мертвую букву; *или*, съ утра до ночи роясь въ рудникахъ души, подстерегая мгновенія ея свободы, заставить ее самое рѣшить вопросы жизни.

Вотъ послѣдній періодъ жизни, въ которой вамъ *или* нужно навсегда отказаться отъ искомаго идеала и спокойно заснуть подъ тѣнью *формы; или*, вступивъ опять въ борьбу съ самимъ собою, искать отдохновенія, лишь на закатѣ жизни, въ словахъ: *„да, я страдалъ, но не напрасно“*.

...Прожить полжизни, чтобы узнавать и перевоспитывать себя!—неутѣшительно; но все же лучше, чѣмъ умереть, не узнавъ себя. А знаете, кто лучше всѣхъ себя знаетъ?—Дѣти. Изъ ихъ души еще не успѣлъ образоваться этотъ страшный *двойникъ*, убѣгая котораго мы безпрестанно отыскиваемъ самозабвенія.

Дѣтьми и бѣдными умомъ нужно быть, по словамъ Искупителя, чтобы сдѣлаться причастниками Откровенія и вѣчнаго блаженства. Не значитъ ли это: *знать самихъ себя*, какъ это знаетъ дѣтская простодушность, у которой *нѣтъ другого себя*, которой потому не нужно ни углубляться, ни отвлекаться? Не значитъ ли это довести себя, силою отвлеченія и вдохновенія, *до полнаго самопознанія*, слить свою двойственность, изгнать двойника изъ глубокихъ извилинъ души? Вотъ идеалъ, вполнѣ недосягаемый, но къ которому мы должны безпрестанно стремиться.

Только на пути къ этому идеалу мы достигаемъ способности имѣть нравственныя убѣжденія. Итакъ, вотъ начало перевоспитанія: узнать себя. Трудъ невыполнимый! Постоянное напряженіе духа отвлеченіемъ, борьба съ самимъ собой, съ окружающимъ васъ. Вдохновеніе, можетъ быть, разстроитъ ваши нервы, истощитъ вашъ матеріальный бытъ. Не опасайтесь этого. Если преобладающая матерія можетъ управлять духомъ и даже совершенно оцѣпенить его, то чего не можетъ сдѣлать духъ надъ матерію, назначенный управлять ею?!

Стремясь къ своему назначенію, онъ лучше знаетъ, какъ удержать ее въ опредѣленныхъ границахъ, какъ укрѣпить, какъ направлять ее для своихъ цѣлей. Посмотрите на атлетовъ человѣчества—слабы ли были ихъ нервы? Не духъ, а инстинкты, то поощряемые, то удерживаемые воображеніемъ, бунтующимъ противъ воли,—вотъ что щекочетъ и бичуетъ ваши нервы.

Наконецъ, вамъ хотя однажды довелось, въ минуты вдохновенія, въ минуты внутренняго созерцанія, бросить одинъ изъ тѣхъ глубокихъ, рѣшительныхъ взглядовъ, и вы признали въ себѣ *убѣжденіе*..

Убѣдясь, что вы *готовы выступить на путь самопознанія*, вы становитесь наблюдателемъ у неизмѣримаго кратера души, подстерегаете быстролетныя мгновенія, когда затихаетъ изверженіе вѣчно-клокочущей лавы, чтобы хоть украдкою взглянуть въ эту страшную глубину.

Нашъ языкъ слишкомъ бѣденъ, чтобы изобразить весь этотъ *механизмъ наблюденія надъ собою*. Ему нужны сравненія, которыя, хотя бы отдаленно, могли выразить, что съ вами происходитъ.

Таково нравственное отвлеченіе и созерцаніе, ведущее къ *самопознанію*. Отвлекаясь отъ себя, чтобы созерцать самихъ себя, чтобы углубиться въ сокрытые рудники души, вы убѣждаетесь въ существованіи вашей *двойственности*. Чѣмъ болѣе жили, думали и чувствовали вы, тѣмъ болѣе запуталась ваша двойственность въ извилистыхъ ходахъ, тѣмъ труднѣе проникнуть въ эти извилины, тѣмъ сложнѣе дѣлается механизмъ наблюденія, тѣмъ болѣе нужно отвлеченія твердости и постоянства.

Но и достигнувъ уже силою воли извѣстной

опытности въ самосозерцаніи, не льстите себя надеждой когда-нибудь достигнуть матеріальной ясности и очевидности, не ищите строгой послѣдовательности въ вашихъ взглядахъ.

Кто думаетъ логически, посредствомъ силлогизмовъ, начертать начало самосозерцанія и составить изъ нихъ стройное, ясное цѣлое; еще болѣе,— кто, какъ абдеритскій Стильпонъ, предлагаетъ ихъ каждому встрѣчному и поперечному, заключая неизбѣжной дилеммою: „если не принимаешь, то ты или глупецъ, или злодѣй“,—тотъ не понимаетъ сущности отвлеченія, тотъ не только не рылся въ себѣ, но и не заглядывалъ въ свой сокровенный лабиринтъ.

Нестройный хороводъ однихъ завѣтныхъ *предчувствій*, однихъ туманныхъ *призраковъ мысли*, вызванный вдохновеніемъ изъ бездонной глубины на видимый горизонтъ души—вотъ *сущность отвлеченія*. Какъ связать въ цѣлое эти украдкой сдѣланныя наблюденія надъ собою, эти отрывки самопознанія?

Какъ нерѣдко эти призраки заставляютъ содрогнуться самую отважную душу при одномъ появленіи на ея небосклонѣ? Но вы бросаетесь въ бѣгство отъ себя, замѣтивъ, что тотъ или другой призракъ, рисовавшійся только блѣдными очерками вдали, приближается къ вамъ, какъ страшная личина фантасмагоріи, начинаетъ ясно̀ть, быстро принимаетъ огромные размѣры и уже готовъ охватить васъ.

Итакъ, не думайте, что сущность истины для насъ ясна. Одни проявленія ея свѣтлы; но и они такъ свѣтлы, что мы еще не привыкли смотрѣть на нихъ. Что кажется обыкновенному уму чрезвычайно простымъ, яснымъ и отчетливымъ,—еще не истина. Когда одни ея слабые проблески до насъ доходятъ отрывками; когда однимъ высокимъ умамъ, и то въ часы высокихъ вдохновеній, удается иногда постигнуть тотъ или другой отрывокъ проявленія истины въ мірѣ матеріальномъ; — то можемъ ли мы ожидать, чтобы мы могли получить ясныя свѣдѣнія о скрытомъ въ глубинѣ ея источникѣ?

Узнавъ въ самопознаніи, какъ много такого скрывается въ васъ, что при мгновенномъ появленіи уже наводитъ страхъ, вы начинаете постигать и какъ велико *пространство, раздѣляющее мысль* отъ ея проявленія въ *словѣ и дѣлѣ?*

И это первое открытіе въ самопознаніи — то доставляетъ вамъ *утѣшеніе*, то возбуждаетъ какую-то *тоску по отчизнѣ*.

Чѣмъ менѣе раздвоился внутренній бытъ вашъ, тѣмъ неразрывнѣе связаны у васъ *мысль, слово и дѣло*. Самая мысль тогда едва напоминаетъ вамъ о себѣ, — такъ она бываетъ тѣсно связана съ вашимъ сознаніемъ. Дитя не знаетъ или не чувствуетъ, что оно мыслитъ. Вы получаете свѣдѣніе объ ея существованіи только чрезъ слово и дѣло. Произнесенное и совершившееся дѣло, дѣйствуя обратно на ваши чувства, производитъ на васъ пріятное или непріятное впечатлѣніе, которое вы называете *добромъ* или *зломъ*. Вотъ весь нравственный процессъ, совершающійся въ *нераздвоенномъ человѣкѣ*. Но рано, необыкновенно рано, показываются въ нашемъ обществѣ начатки двойственности. Размышляя о нашемъ дѣтствѣ, мы едва вспоминаемъ о первомъ ея началѣ. По мѣрѣ вашего развитія увеличивается и *промежутокъ времени*, раздѣляющій мысль отъ слова и дѣла. И въ этомъ промежуткѣ произносятся нерѣдко ваши слова, совершаются поступки, безсвязно противорѣчащіе слову и дѣлу, которымъ предстоитъ еще совершиться. Не слѣдите за собой, не углубляйтесь въ самопознаніи, и вы запутаетесь въ этомъ лабиринтѣ противорѣчій и непослѣдовательности, въ отчаяніи начнете убѣгать себя и искать отрады въ самозабвеніи.

Но, находясь безпрестанно на стражѣ за собой, вы научаетесь мало-по-малу безстрашно и проницательно смотрѣть въ глубину души: вы узнаете, откуда берутся эти противорѣчія, и, проникая взоромъ отвлеченія все глубже и глубже, вы открываете еще безконечный матеріалъ для новыхъ мыслей, готовыхъ выпрянуть изъ глубины и стать между словомъ, дѣломъ и мыслью, уже созрѣвшею для проявленія на свѣтъ.

Слѣдя за собою все далѣе и далѣе, вы научаетесь *отсылать эти вставочныя или вводныя мысли назадъ къ ихъ первобытному источнику*, и чрезъ это не допускать ихъ созрѣвать *до проявленія въ словѣ и дѣлѣ*. Вы можете достигнуть еще большаго совершенства въ самопознаніи: вы достигнете способности удлинять и укорачивать промежутки времени, раздѣляющіе мысль отъ слова и дѣла, и даже вызывать, по вашему произволу, другія мысли въ это время, созерцать ихъ, нѣкоторыя изъ нихъ проявлять словомъ и дѣломъ, а нѣкоторыя, не допустивъ проявиться, отсылать назадъ, къ ихъ сокровенному источнику.

Такъ вы достигаете послѣдовательности, воспользовавшись первымъ открытіемъ самопознанія, чувствуете себя и лучше, и крѣпче, и готовнѣе продолжать проложенный путь. Такъ доставляетъ утѣшеніе первое открытіе самопознанія.

Но оно же и возбуждаетъ въ насъ чувство *тоски по отчизнѣ*.

Вы погружены въ созерцаніе, вы уже начинаете проявлять въ словѣ и дѣлѣ высокую мысль, вызванную отвлеченіемъ изъ глубины души. Въ это время неосуществленныя еще мысли, вызванныя вами цѣлымъ хороводомъ на горизонтъ души, то опять исчезаютъ, то снова появляются, по вашему произволу, и вдругъ вы ясно различаете между ними лишь тонкою пеленою мысли едва прикрытые *инстинкты*, а за ними поднимается *грозною* тѣнью и *мысль о ничтожествѣ*.

Перенесенные, было, отвлеченіемъ въ высшую сферу, вы вспоминаете теперь о вашемъ земномъ назначеніи, и тоска по этой отчизнѣ начинаетъ томить васъ, напоминая вмѣстѣ и ничтожность, и разрушеніе.

Но и увлеченные мгновенно вашей матеріею къ грубымъ наслажденіямъ, вы, сроднившись съ отвлеченіемъ, также между вызванными мыслями замѣтите и тѣ, которыя своей чистотою и свѣтлостью напоминаютъ вамъ живо, что есть для васъ и другая отчизна, за предѣлами этихъ наслажденій.

Теперь только, испытавъ въ первыхъ началахъ самопознанія и утѣшеніе, и чувство тоски *по двумъ отчизнамъ*, получая все болѣе и болѣе ясныя понятія о вашей нравственной двойственности, научившись уже нѣсколько управлять ею и сближать двѣ ея стихіи, *вы убѣждаетесь*, наконецъ, что *борьба съ этою двойственностью и съ матеріальнымъ вашимъ бытомъ, безпрестанное стремленіе привесть ее къ одному знаменателю—есть цѣль здѣшней жизни, ваше прямое назначеніе на землѣ*.

Борьба, но не *вражда*. Не враждуя съ вашей матеріей, не враждуя съ окружающимъ васъ, вы должны вступить въ *эту высокую, идеальную борьбу для недосягаемаго на землѣ идеала*.

Такъ отвлеченіемъ и самопознаніемъ вы достигаете и *до познанія началъ святого Откровенія, основную мысль* котораго составляетъ эта же самая борьба на землѣ, для достиженія блаженства за гробомъ. Теперь вотъ непосредственныя слѣдствія этихъ убѣжденій.

Предавшись со всею теплотою души утѣшительному вліянію отвлеченія, съ твердымъ намѣреніемъ совершить свое *перевоспитаніе*, вы не можете уже быть адептомъ схоластицизма, послѣдователемъ формы, толковникомъ мертвой буквы. Въ событіяхъ міра, въ событіяхъ вашей индивидуальной жизни, въ окружающемъ васъ, — вездѣ вы стараетесь постигнуть господствующую, основную идею, или ясно проявляющуюся, или скрытую подъ грузомъ формы и буквы.

Такъ и въ Откровеніи—этой основной книгѣ нашего нравственнаго бытія — васъ поражаетъ *идеалъ жизни здѣшней*, начертанный то въ умилительной простотѣ, то подъ видомъ цвѣтистыхъ иносказаній, и олицетворенный въ земной жизни и дѣлахъ Искупителя.

Сосредоточивъ всѣ силы отвлеченія, чтобы постигнуть непзмѣримо высокое этого идеала, ваши взгляды на это высокое не будутъ понятны послѣдователямъ формы и читателямъ буквы. Для васъ самихъ эти взгляды, какъ результаты самосозерцанія, не могутъ быть такъ ясны, какъ математическія аксіомы: но *какъ предчувствія*, при извѣстномъ состояніи духа, они могутъ для васъ сдѣлаться яснѣе всѣхъ математическихъ аксіомъ, всѣхъ выводовъ опыта и всѣхъ историческихъ истинъ на свѣтѣ.

Поэтому, не навязывая никому и не домогаясь доказывать логически (по законамъ одного ума) истину того, что открыло вамъ отвлеченіе и самосозерцаніе, вы, однако же, не скрывайте ея отъ другихъ, опасаясь упрековъ въ непослѣдовательности и неясности. Кто упражнялся уже въ искусствѣ самопознанія, кто чувствуетъ, кто убѣжденъ, что для насъ, кромѣ истины *математической, опытной и исторической*, есть еще *другая*, которая слишкомъ безпредѣльна, чтобы помѣститься въ тѣсныхъ границахъ этого размѣщенія,—тотъ пойметъ васъ. Но и тотъ, кто, повидимому, разгромилъ напоромъ своей логики несвязный рядъ вашихъ (отвлеченныхъ) убѣжденій,—и тотъ, повѣрьте, нерѣдко внутренно сознается: *„еще такая побѣда, и я потерянъ“*. Только не вдавайтесь въ схоластическія распри и произносите ваши убѣжденія пастоящимъ ихъ голосомъ, т.-е. голосомъ чувства.

Такъ самосозерцаніе сообщаетъ вамъ и свои убѣжденія *о сущности зла и о безсмертіи* — двухъ предметахъ, о которыхъ безъ отвлеченія мы не можемъ имѣть даже самаго слабаго понятія.

Если мы, разсматривая одинъ матеріальный окружающій насъ бытъ, легко убѣждаемся, что для творящей силы природы *не существуетъ наше различіе добра отъ зла*, то еще менѣе оно можетъ существовать для Того, Кто сотворилъ вселенную. Разрушеніе цѣлыхъ міровъ, въ отношеніи къ недосягаемовысокой идеѣ о Творцѣ, такъ же ничтожно, какъ и разрушеніе ничтожнѣйшей изъ инфузорій,—совершающееся по тѣмъ же предвѣчнымъ законамъ. Дуализмъ исчезаетъ за предѣлами земли, за предѣлами человѣческой натуры и гроба.

Но самое простое наблюденіе открываетъ этотъ дуализмъ въ безпрестанной борьбѣ между наружнымъ и внутреннимъ человѣкомъ, между влеченіями инстинктовъ и силою воли: еще болѣе убѣждаемся мы въ существованіи другого, нравственнаго дуализма, чрезъ отвлеченіе и самопознаніе.

Эта-то двойственность и есть *наше зло.*

...Понятіе о добрѣ и злѣ въ мірѣ общественномъ есть только относительное.

Но въ мірѣ индивидуальномъ это различіе существуетъ и основано на двойственности человѣческой нравственной природы.

Злодѣй, — если только природа не обидѣла его совершенно способностью отвлекаться, — дрожитъ, видя благодатный образъ иной мысли, являющійся туманнымъ призракомъ между мыслью, готовою олицетвориться въ убійствѣ, и совершеніемъ кроваваго дѣла. Увидѣвъ этотъ призракъ, онъ уже знаетъ, что онъ — злодѣй.

Добродѣтельный — также способный къ самосозерцанію между благою мыслью и добрымъ дѣломъ, пугается, видя уродливый призракъ на горизонтѣ души, напоминающій ему, что для него было бы выгоднѣе, если бы онъ остановился въ совершеніи поступка. Увидѣвъ его, онъ вспоминаетъ, что въ немъ есть зло.

Откровеніе, поставивъ намъ въ образецъ первобытную, нераздѣльную дуализмомъ природу человѣка: дѣтскій возрастъ и бѣдную простоту духа, повелѣло, чрезъ борьбу съ собою и міромъ, стремиться къ уничтоженію нашей двойственности.

И злодѣю, и добродѣтельному открыта эта цѣль; только каждый изъ нихъ можетъ достичь ее не иначе, какъ противнымъ путемъ. Первый — чрезъ борьбу и самопознаніе привлекая къ себѣ все ближе и ближе отдаленный призракъ благодатнаго; второй — все болѣе и болѣе удаляя искаженный призракъ злого.

Побѣда надъ дуализмомъ ведетъ къ *безсмертію,* обѣщанному Откровеніемъ.

Кто изъ насъ, одаренный умомъ и чувствомъ, перевоспиталъ себя, чрезъ отвлеченіе и самопознаніе, до *убѣжденія въ необходимости борьбы съ дуализмомъ,* тотъ долженъ быть убѣжденъ, вмѣстѣ съ этимъ, *и о предстоящемъ ему безсмертіи.* Но не думайте, чтобы истинное самопознаніе требовало *вражды* къ вещественному міру, къ обществу и къ самому себѣ.

Только близорукіе послѣдователи *религіозныхъ взглядовъ,* только выступившіе въ свѣтъ съ направленіемъ хотя и высокимъ, но основаннымъ на *ложно-понятыхъ* началахъ Откровенія, вступаютъ во вражду съ обществомъ, нерѣдко кончающуюся враждою къ себѣ.

Естественно ли думать, чтобы Искупитель, самъ Сынъ Человѣческій, требовалъ отъ насъ вражды къ обществу, къ нашимъ близкимъ, къ вамъ самимъ, тогда какъ Онъ завѣщалъ намъ любовь и къ ближнимъ, и къ врагамъ, повелѣвалъ отдавать цезарево цезарю и пришелъ не разрушать, но возстановить ветхій завѣтъ?!

Вражда предполагаетъ *ненависть,* осуждаемую Откровеніемъ. Борьба же — *присутствіе духа и сознаніе внутренней силы,* досталяемое намъ вѣрою въ Откровеніе и самопознаніемъ.

Въ Откровеніи нужно отличать, что имѣло непосредственное приложеніе къ тогдашнему обществу, отъ того, что останется вѣчнымъ для цѣлаго человѣчества; нужно отличать *идеалъ,* къ которому мы должны безпрестанно стремиться, отъ *дѣйствительности,* съ которою мы должны безпрестанно бороться.

Это-то изложеніе рѣзкими чертами недосягаемаго и практически дѣйствительнаго и свидѣтельствуетъ о святости и вѣчной ненарушимости началъ, благовѣствуемыхъ Откровеніемъ.

Итакъ, въ какое бы положеніе вы ни были поставлены обществомъ, обстоятельствами, судьбою, — боритесь безъ вражды. Любите то, съ чѣмъ вы вступаете въ борьбу; имѣйте привязанность къ тому, что вы хотите побѣдить. Тѣмъ слаще будутъ для васъ плоды побѣды, тѣмъ славнѣе торжество побѣдителя. Одно любите потому, что этого требуетъ ваша земная отчизна; имѣйте привязанность къ другому потому, что оно вселяетъ въ васъ смиреніе и скромность, напоминая вамъ о вашихъ слабостяхъ и несовершенствахъ, и заставляетъ васъ обращаться съ упованіемъ къ рѣшительнымъ источникамъ вашего нравственнаго бытія: святому Откровенію и самопознанію.

Вѣчное блаженство и небесное царство — за твердость и постоянство въ борьбѣ. Адомъ, вѣчною смертью и мученіемъ угрожаетъ Откровеніе за безсиліе и паденіе. Понятія — а потому и сужденія — наши объ отвлеченныхъ предметахъ всегда будутъ различны, смотря по различной степени образованія и организаціи общества, въ которомъ мы живемъ. Поэтому предоставимъ каждому представлять себѣ и вѣчное блаженство, и небесное царство, и вѣчное мученіе — такъ, какъ убѣждаетъ его собственное самопознаніе. Пусть матеріальный человѣкъ, не дошедшій еще чрезъ отвлеченіе до отдѣленія вполнѣ своего вещественнаго быта отъ духовнаго, представляетъ

себѣ рай въ видѣ сада, адъ—въ видѣ раскаленной печи. Образуйте его, изощрите его самопознаніе; но безъ этого не нарушайте его убѣжденій. Результаты ихъ такъ же утѣшительны, благодатны и высоки, какъ и результаты вашихъ отвлеченныхъ убѣжденій. Отрицатели высокаго, вѣчнаго, неземного въ Откровеніи приводятъ, обыкновенно, въ доказательство своихъ мнѣній, что и міръ языческій зналъ безсмертіе, имѣлъ свой Адъ и Елисейскія поля.

Если высокіе умы въ языческомъ мірѣ и имѣли убѣжденія о безсмертіи, сходныя съ нашими, то что доказываетъ это? Не то ли, что духъ Божій искони виталъ въ человѣчествѣ безъ его сознанія? Человѣчество, какъ и каждый человѣкъ, медленно совершенствовалось въ самопознаніи; шло же и идетъ не прямымъ путемъ къ этой высокой цѣли, но блуждая и уклоняясь, извилистыми тропами. Еще языческое осталось въ христіанствѣ; христіанское было и въ язычествѣ. И развѣ уменьшается благотворное дѣйствіе зоронованія и высокое достоинство этого открытія, когда мы скажемъ, что оно уже было извѣстно за нѣсколько тысячелѣтій китайцамъ?!

Каковы бы ни были понятія язычниковъ и ваши о вѣчномъ блаженствѣ и адѣ, ожидающихъ человѣка за гробомъ, — въ томъ, вѣрно, согласится большая часть людей, упражнявшихся въ отвлеченіи, что самое утѣшительное въ этой мысли есть, именно, *продолженіе жизни, продолженіе существованія,* хотя и въ другомъ видѣ,—жизнь духа, лишеннаго всѣхъ слабостей и несовершенствъ матеріи. — Но и только. Будетъ ли это существованіе духа соединено съ сознаніемъ своего существованія, можетъ ли оно быть соединено съ наслажденіемъ или мученіемъ, объ этомъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія, покуда мы живемъ матеріально. Одна смерть можетъ рѣшить эти вопросы, да и то еще едва ли для каждаго изъ насъ.

Самое раздѣленіе духа отъ матеріи есть чисто условное, необходимое только при нашихъ настоящихъ, еще самыхъ поверхностныхъ понятіяхъ о матеріи. Если подумать, сколько заключается въ этомъ словѣ: матерія! Это—вся Вселенная, слѣдовательно, Безграничное, Безпредѣльное. Много ли намъ извѣстно о свойствахъ этого Безграничнаго? Не смѣшна ли послѣ этого близорукость тѣхъ, которые думаютъ, что они въ состояніи опредѣлить матерію, опредѣлить Безпредѣльное? Много, много, если мы можемъ сказать еще что-нибудь о нѣкоторыхъ свойствахъ матеріи нашей планеты, да и то давно ли самыя существенныя изъ нихъ (электричество, свѣтъ, магнетизмъ) подвергнуты тщательнымъ изслѣдованіямъ, и между нѣсколькими извѣстными намъ проявленіями этихъ свойствъ сколько еще скрывается неизвѣстныхъ!

Можемъ ли мы сказать съ увѣренностью: это—матерія, это—не матерія, тогда какъ съ каждымъ двемъ мы узнаемъ существованіе новыхъ веществъ, которыя еще вчера для насъ не существовали? Даже на одной нашей небольшой планетѣ мы окружены, нѣтъ сомнѣнія, цѣлыми мірами неизвѣстныхъ еще существъ, требующихъ неимовѣрнаго изощренія нашихъ грубыхъ чувствъ для своего проявленія. Намъ неизвѣстны даже границы, до которыхъ наши чувства могутъ быть изощрены. Гдѣ былъ для насъ, за нѣсколько столѣтій, цѣлый міръ инфузорій? Что былъ для насъ вообще цѣлый микроскопическій міръ?

Кто же, самоувѣренный, убѣдитъ насъ, что, кромѣ этого грубаго, вещественнаго міра, постигаемаго нашими чувствами, не можетъ существовать вокругъ насъ еще и другой, скрытый отъ нихъ, составленный изъ вещества несравненно болѣе тонкаго, такъ тонкаго, что оно для нашего ограниченнаго ума уже переступаетъ предѣлы матеріи и дѣлается *духомъ*?

Если же невѣсомыя тѣла могутъ проникать и выполнять всѣ поры нашей матеріи и своимъ сотрясеніемъ оживлять ее, то какія поры могутъ остаться непроницаемыми для того, что въ неизмѣримой степени тоньше и зоркѣе всѣхъ невѣсомыхъ?

Если же простыя чувства открываютъ въ невѣсомыхъ столько загадочныхъ, непостижимыхъ свойствъ, которыя рѣзко противорѣчатъ нашимъ понятіямъ объ обыкновенной матеріи, то какими свойствами не можетъ обладать это *нѣчто*, когда мы представимъ его несравненно менѣе матеріальнымъ, нежели всѣ невѣсомыя?

Если нашему разсудку трудно предположить въ матеріи *сознаніе*, то ему также трудно отвергать это свойство въ предполагаемомъ веществѣ, выступившемъ за предѣлы обыкновенныхъ понятій о матеріи.

Короче, нѣтъ опредѣленныхъ границъ, гдѣ оканчивается матерія, гдѣ начинается духъ, потому что намъ неизвѣстны еще ни границы, ни свойства матеріи.

Но если мы въ состояніи себѣ вообразить, что всѣ тончайшіе промежутки атомовъ, составляющихъ нашу грубую тѣлесную оболочку, содержатъ въ себѣ еще несравненно тончайшіе атомы духа, то можно также вообразить, что эти зоркіе атомы, безпрестанно колеблясь, сохраняютъ еще и прежнюю форму

матеріальной оболочки, облекавшей ихъ, даже тогда, когда она уже разрушилась и слилась съ стихіями земли.

Какъ видѣнія, какъ безплотныя тѣни, могутъ намъ представляться колеблющіеся атомы душъ нашихъ ближнихъ, сохранившіе еще наружный видъ грубой ихъ оболочки, привлекаемые сродствомъ съ атомами нашей собственной души, въ минуты тождевременныхъ сотрясеній, во время всемірныхъ и частныхъ катастрофъ нашей жизни, когда нашъ духъ бываетъ сильнѣе расположенъ къ разъединенію съ тѣломъ.

Соединеніе грубой матеріи нашего тѣла съ эѳиромъ духа можетъ быть тѣсно до совершеннаго слитія, слабо до разъединенія. Чѣмъ грубѣе матерія, чѣмъ менѣе она пропикнута эѳиромъ духа, тѣмъ болѣе она препятствуетъ его колебаніямъ, тѣмъ тѣснѣе она облекаетъ его, тѣмъ менѣе способны атомы этого эѳира принимать и удерживать наружный видъ нашей тѣлесной оболочки.

У однихъ еще при жизни мы видимъ стремленіе къ разъединенію духовнаго эѳира отъ тѣлесной матеріи; у другихъ и сама смерть не способствуетъ его проявленіямъ; его индивидуальное существованіе оканчивается, сливаясь съ міровымъ эѳиромъ невѣсомыхъ.

Чѣмъ болѣе во время нашей жизни духъ былъ наклоненъ къ разъединенію отъ матеріи, чѣмъ болѣе онъ находилъ пространства въ матеріи для обнаруживанія своего главнаго свойства—безпрерывнаго колебанія, тѣмъ сильнѣе была его власть надъ тѣломъ, тѣмъ способнѣе онъ дѣлался индивидуализироваться, принимать видъ наружной ихъ оболочки, ощущать ея впечатлѣнія и, сообщая ей свои невещественныя свойства, возвышать и облагораживать ее.

Кто будетъ отвергать, что связь и отношенія атомовъ этого духовнаго эѳира къ атомамъ матеріи должны быть совершенно другія у Сократа и Ньютона, чѣмъ у кретина и идіота? Но у всѣхъ насъ и грубая матерія, и этотъ тончайшій эѳиръ безсмертны.

Матерія безсмертна, потому что, разрушаясь, принимаетъ новые виды, никогда не исчезаетъ; а духовный эѳиръ, оставивъ матерію, сливается съ міровымъ цѣлой вселенной.

Но, сливаясь, онъ *или* утрачиваетъ свою *особость*, *или* же, получивъ однажды отъ матеріи сознаніе объ этой особости, сохраняетъ и ее навѣки.

Каждому изъ насъ дана, хотя и въ различной степени, способность *обособить* нашъ духовный эѳиръ, начиная его *разъединять*, еще въ нашей земной жизни, отъ тѣла, утончая, возвышая, облагораживая нашу матерію, раздвигая пространства между ея атомами, способствовать движеніямъ эѳира, дѣлать его все болѣе и болѣе воспріимчивымъ къ ощущеніямъ матеріальнымъ, изощрять его сознаніе чрезъ самую же матерію, приготовлять его, чтобы онъ и за гробомъ сохранялъ это сознаніе.

Пусть будетъ это мечта для недоступныхъ къ отвлеченію, но для насъ она все-таки останется утѣшительною и высокою.

Жить на землѣ для усовершенствованія, для облагороженія матеріи; приготовлять себѣ чрезъ земное бытіе путь къ безсмертію, къ сохраненію сознанія о себѣ и за гробомъ;—кто, посмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія на жизнь, не пойметъ, что при такомъ взглядѣ наши мысли, намѣренія, рѣчи и поступки получаютъ другое направленіе?! Но что же будетъ, когда мы усвоимъ этотъ взглядъ *до степени убѣжденія*? Тогда какой завѣтный идеалъ высокаго и святого останется для насъ непривлекательнымъ, недостижимымъ? Какая жертва останется для насъ невозможною, чтобы жить для безсмертія, жить сознательно, вѣчно? Вотъ нашъ эдемъ, вотъ вѣчное блаженство Откровенія. Утратить духовное сознаніе и слиться съ грубыми стихіями земли—вотъ вѣчный адъ.

Пусть же каждый изъ насъ рѣшитъ съ убѣжденіемъ этотъ столбовой вопросъ жизни: жить, совершенствуясь: отвлеченіемъ развивать *сознаніе* въ эѳирѣ Творящаго, Который витаетъ въ насъ, стремясь безпрестанно слиться съ общимъ эѳиромъ вселенной; самопознаніемъ уничтожать дуализмъ, происходящій отъ сознанія бытія въ матеріи. Въ этой же жизни стремиться къ разъединенію духа отъ тѣла, возвышая его до управленія матеріей, а матерію облагораживая до свойства быть управляемою духомъ. Только тотъ, кто въ здѣшней жизни проложилъ себѣ этотъ путь, достигаетъ безсмертія, только онъ одушевится предчувствіемъ, что его ожидаетъ за гробомъ. Кто былъ такъ несчастливъ, неспособенъ, лѣнивъ и ничтоженъ, что не хотѣлъ воспользоваться самою высшею способностью человѣка—развивать сознаніе себя до самопознанія и одерживать чрезъ то верхъ надъ матеріею,—тотъ долженъ отказаться отъ безсмертія, котораго онъ не въ состояніи былъ и предчувствовать. Много званыхъ, мало избранныхъ.

Итакъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, механизмъ,—если бы только слова достаточны были описать его,—которымъ руководствуется человѣкъ съ умомъ и чувствомъ въ разрѣшеніи главнѣйшаго вопроса жизни"...

Право на безсмертіе.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти Н. Д. Хвощинской).

[891.7.09]

Иныя литературныя поминки представляютъ интересъ не сами по себѣ, а по тѣмъ размышленіямъ, на которыя онѣ наводятъ,—имѣютъ не столько литературное значеніе, сколько „философское“. Такой характеръ пріобрѣтаютъ и поминки по Хвощинской-Крестовской.

Вотъ что пишетъ по поводу ихъ *И. Игнатовъ* въ „*Рус. Вѣд.*“ (№ 131).

„Двадцать пять лѣтъ со дня смерти. День, когда, по обычаю, вспоминаютъ о покойникѣ. Когда я вспоминаю о произведеніяхъ Хвощинской, передо мной невольно возникаетъ вопросъ о судьбѣ русской женщины-литератора, а, можетъ быть, и вообще о судьбѣ русской женщины-интеллигента. Много ли говоритъ современному читателю имя Хвощинской? Можетъ быть, многіе знаютъ ее только по имени, лишь незначительная часть читала два—три разсказа въ качествѣ историко-литературнаго матеріала, а очень многіе даже и имени не слыхали. Но вѣдь это была, несомнѣнно, самая выдающаяся изъ всѣхъ русскихъ женщинъ-писательницъ, самая талантливая и, должно быть, самая искренняя. И вотъ эта самая талантливая, самая искренняя, не оставила своимъ соотечественникамъ ничего, что притянуло бы ихъ къ ней, что заставило бы ихъ перечитывать ея произведенія и во всякомъ случаѣ свято хранить ея имя. Почему?

Если вы перечитаете длинныя повѣсти Хвощинской,—„Большая Медвѣдица“, „Баритонъ“, „Первая борьба“,—болѣе короткіе очерки въ „Альбомѣ“, вы увидите, что одаренность автора значительно превосходитъ талантъ многихъ авторовъ-мужчинъ, прославившихся болѣе ея и сохранившихся въ памяти потомства въ качествѣ раскрывателей какой-то эры.

Кого русскій читатель вспоминаетъ, когда заходитъ рѣчь о свободѣ чувствъ женщины въ бракѣ, о женской эмансипаціи, о правахъ любви? Кого вспоминаетъ, какъ перваго, взволновавшаго русскихъ читательницъ исторіей свободнаго слѣдованія чувству вопреки традиціямъ и предразсудкамъ? Конечно, не женщину-писательницу, а Дружинина съ его Полинькой Сакс, съ его очень малымъ беллетристическимъ дарованіемъ, съ его несомнѣнной подражательностью. Пускай и Дружинина теперь не читаютъ, но онъ создалъ эру, съ него начинается длинный рядъ всякихъ экскурсій въ область женскаго освобожденія. Онъ—иниціаторъ.

Обратитесь къ другимъ родамъ литературы,—къ народнической литературѣ, напримѣръ. Не будемъ говорить о талантѣ тѣхъ, кто стоитъ вверху; но вотъ такіе, какъ Рѣшетниковъ,—талантъ очень небольшой, не говоря уже объ отсутствіи культуры. По размѣрамъ дарованія, по способности чувствовать мечту, подниматься отъ земли,—вѣдь нельзя же сравнить его съ Хвощинской: насколько послѣдняя выше. Но Рѣшетниковъ создалъ эру; съ него начинается та новая полоса сочувствія народному горю, которая была прервана твореніями Николая Успенскаго и Слѣпцова,—представителями такъ называвшейся тогда „голой правды“ о народѣ. А Хвощинской не удалось создать никакой вѣхи; ни отъ одного ея произведенія нельзя производить лѣтосчисленія.

Чего ей недоставало? Иниціативы, смѣлости, дара новаторства? Можетъ быть, въ одной основной чертѣ ея внутренней физіономіи заключается причина, по которой несомнѣнный и большой талантъ не спасъ ея „временъ отъ вѣчной темяоты“.

Возьмите такое произведеніе, какъ „Баритонъ“. Появилось оно въ 1861 году, почти одновременно съ „Очерками бурсы“ Помяловскаго. Сравните оба произведенія, не по размѣрамъ таланта, не по вѣрности описанія, а по отношенію авторовъ къ изображаемой средѣ. У Помяловскаго—негодованіе, боль, рѣзко отрицательное отношеніе. У Хвощинской—прекраснодушіе. Не въ томъ дѣло, что она изображаетъ иныя отношенія семинаристовъ, чѣмъ Помяловскій, что у нея—любовь, дружба, прекрасныя товарищескія отношенія; но и въ отрицательныхъ сторонахъ этой жизни она не можетъ найти импульса для негодующихъ звуковъ. Ова паритъ надъ землей и любитъ это паренье. Можно сказать, что этимъ она отличается во всѣ періоды своей дѣятельности, и это, можетъ быть, придастъ особенно привлекательный оттѣнокъ ея таланту, но паритъ, какъ ballon captif, привязанная къ этой землѣ необыкновенно крѣпкими нитями. Нѣтъ силы негодованія, которое дало бы ей возможность порвать крѣпкія связи и взлетѣть свободно.

Всѣ ея лучшіе герои—мечтатели; они любятъ мечту, любятъ взлетъ, но не полетъ, не полную свободу. Въ „Баритонѣ“ семейныя обстоятельства, предразсудки, низменные расчеты губятъ талантъ молодаго артиста, уничтожаютъ прекрасную мечту, превращаютъ цвѣтущую весну въ безнадежную осень; но для этихъ отрицательныхъ чертъ жизни нѣтъ въ распоряженіи писательницы мрачныхъ, сильныхъ, рѣзкихъ красокъ, которыя черпаются изъ глубины взволнованнаго негодованіемъ

сердца. Не о тенденціи тутъ рѣчь, конечно; не тенденціознаго, противохудожественнаго осужденія „мрачныхъ явленій жизни“ Хвощинской недостаетъ. Богъ съ ней, съ тенденціей,—уже достаточно ее осудили, и нечего о ней вспоминать. Но Хвощинская любитъ землю такой, какая она есть; она боится уйти далеко и не въ состояніи выдержать головокруженія, связаннаго со слишкомъ высокимъ подъемомъ. Въ жизни есть зло,—о, конечно, она это очень хорошо знаетъ и мучается и умѣетъ свои мученія сдѣлать понятными и больными читателю; но она плачетъ при видѣ зла и не въ состояніи ненавидѣть его и бороться съ нимъ. Она боится ломки, не хочетъ жестокой борьбы. Поэтому она боится и инициативы. И въ своемъ литературномъ дѣлѣ, со всѣмъ своимъ большимъ талантомъ, она идетъ по слѣдамъ другихъ, часто менѣе талантливыхъ, а не ищетъ своихъ собственныхъ путей.

И этой смѣлости и рѣшительности, этой силы негодованія не создашь искусственно, не выработаешь изліяніями. Какихъ-какихъ „эксцессовъ“ не видимъ мы у нѣкоторыхъ нынѣ живущихъ писателей или писательницъ, но это—искусственность, фикція смѣлости, а не дѣйствительная инициатива,—по большей части характерное для безсилія озорство.

„Безумство храбрыхъ есть мудрость міра“. У Хвощинской не было безумства храбрыхъ, и со своимъ большимъ, привлекательныхъ талантомъ она сошла въ пропасть забвенія“.

Учитель нравственности.

(„Профессоръ богословія“ Л. Добронравова.)

[891.7—3]

„Онъ — профессоръ нравственнаго богословія и все такое, а кажется мнѣ, что въ немъ есть что-то удивительно безнравственное“...
(„*Профессоръ богословія*“).

Разсказъ *Л. Добронравова*, который мы находимъ въ іюльской кн. „*Завѣтовъ*“, написанъ неровно и, взятый въ цѣломъ, мало выдѣляется въ массѣ беллетристическихъ новинокъ; но фигура героя его, „профессора богословія“, приковываетъ къ себѣ вниманіе—и своей типичностью, и яркостью изображенія. Авторъ показалъ своего профессора читателямъ весьма добросовѣстно,—со всѣхъ сторонъ его личности, но всѣхъ условіяхъ его жизни, въ условіяхъ и супружества, и отцовства, и хозяйствованія, и службы, и общественной дѣятельности, и даже половой жизни. Мы, однако, возьмемъ изъ разсказа только двѣ сценки,—сценки, наиболѣе удавшіяся молодому беллетристу. Здѣсь „ординарный профессоръ нравственнаго богословія въ духовной академіи Никита Терпсихоровъ“ выступаетъ какъ отецъ и мужъ.

*
* *

Терпсихоровъ, послѣ обычнаго утренняго подробнаго допроса кухарки, „кто когда вернулся и что дѣлалъ“, идетъ чай пить.

„Въ столовой, въ концѣ стола, у самовара сидѣли: братъ Терпсихорова, сутулый, съ остроконечной красно-лиловой плѣшью, опушенной, какъ паутиной, сѣрыми волосами, кривой, на бокъ, бороденкой и узкими глазами въ покраснѣвшихъ орбитахъ, *) и сынъ, истощенный, остроскулый, большеголовый, въ темныхъ очкахъ, студентъ академіи. Передъ ними стояла наполовину пустая бутылка водки и тарелка со вчерашними битками, въ бѣломъ застывшемъ соусѣ и двумя ломтями мокраго огурца.

— А-а, дражайшій, ваше превосходительство! Бонжуръ, гутъ моргенъ!.. Какъ спалось, какъ сны видалось?

Не отвѣчая и брезгливо поморщась, Терпсихоровъ подалъ руку брату, сыну кивнулъ и сталъ наливать себѣ чай.

— Дражайшій, ты, кажись, не въ духѣ?—спросилъ Иванъ, нетвердо произнося слова и блестя веселыми глазками.

Терпсихоровъ вздохнулъ и, не глядя на брата, сѣлъ къ столу.

— Не отчего быть въ духѣ... Катя ушла въ гимназію?

— Ушла-съ, дражайшій, хотя и не увѣренъ въ этомъ и ономъ, потому что не видалъ. А чего самъ не видалъ, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ само-о-че-видно, того не рѣшусь утверждать... Такъ учатъ васъ въ академіи?—Онъ толкнулъ локтемъ племянника и подмигнулъ.—Н-да-съ, дражайшій!.. А мы, вотъ, послѣ вчерашняго звѣробоя поправляемся, водочку попиваемъ и биточкомъ съ огурчикомъ заѣдаемъ!.. Гносеологія, дражайшій, и нумизматика!

— Нехорошо—увыло произнесъ Терпсихоровъ, стараясь говорить мягко.

— Что нехорошо-то? А?

— Все!.. Вотъ, напримѣръ, образъ жизни твоей и твоего племянника, а моего сына. Все это и подобное... печально до чрезмѣрности!.. Молодой человѣкъ, въ расцвѣтаю-

*) Неудачникъ, потерявшій мѣсто изъ-за пьянства и проживающій теперь у брата-профессора.

щемъ возрастѣ, такъ сказать, убиваетъ свою природу, свои лучшія душевныя силы, предаваясь неумѣренному винопитію, отъ чего...

— Отецъ!—перебилъ угрюмо Александръ, теребя тонкими пальцами спутанную бахрому чайной скатерти и глядя внизъ:— Избавь, ради Бога, отъ лекцій по нравственному богословію хоть сейчасъ!..

Терпсихоровъ грустно покачалъ головой, сдерживаясь, чтобы не закричать на сына, не ударить его чѣмъ-нибудь, не выгнать изъ столовой.

Онъ помолчалъ, вздохнулъ и еще медленнѣе заговорилъ:

— Такъ!.. Рѣчь отца, скорбящаго о сынѣ своемъ, вызываетъ въ тебѣ не что иное, какъ только чувство злобы и раздраженія, тогда какъ не только въ средѣ существъ, живущихъ сознательной жизнью, но и въ средѣ животныхъ, лишенныхъ высшаго, такъ сказать, блага, коимъ обладаютъ по природѣ своей разумныя существа, а именно...

Иванъ поморщился и почесалъ затылокъ.

— Эхъ, дражайшій! Охота жарить по-испански! Брось!

Терпсихоровъ разсердился: не могъ онъ слушать возраженій брата, человѣка и въ преклонномъ возрастѣ легкомысленнаго и не получившаго даже средняго образованія; захотѣлось сказать что-нибудь особенно колющее и язвительное, назвать его приживаломъ, чтобы пересталъ онъ подсмѣиваться и лицо не было бы такое наглое и веселое; нестерпимо забилпало въ душѣ. Но онъ подавилъ порывъ, соединивъ подъ столомъ пальцы рукъ, сжалъ ихъ до тупой боли и, помолчавъ, сказалъ тихо, отдѣляя каждое слово отъ другого короткой, злой остановкой:

— Любезный... братъ... прости меня, но... я... говорю... сейчасъ... со своимъ... сыномъ... Позволь мнѣ въ моемъ... домѣ смѣть... свое... вотъ именно... сужденіе имѣть и говорить... нѣкоторымъ образомъ съ тѣмъ, съ кѣмъ я... вотъ именно... считаю нужнымъ! Да!

Онъ раздраженно повысилъ голосъ до визгливыхъ нотъ.

— Да я ничего,— равнодушно отвѣтилъ Иванъ, съ осторожностью наливая водку въ рюмку и слѣдя, прижавъ нижнюю губу, чтобы водка не пролилась черезъ край. — Имѣй, пожалуйста, хоть милліонъ сужденій, дражайшій! Мнѣ что? Я такъ сказалъ... Больно ужъ только корежитъ и мутитъ отъ разныхъ твоихъ... этихъ самыхъ... выраженій!

Лицо Терпсихорова скривилось въ притворной, жалостной улыбкѣ.

— Что дѣлать! Ты ужъ извини меня великодушно, любезнѣйшій братъ, что я за двадцать восемь лѣтъ моей дѣятельности въ качествѣ профессора не научился выражаться достаточно пріятно и гладко. Такова моя печальная участь!—Онъ вздохнулъ съ притворнымъ сожалѣніемъ и продолжалъ, медленно растягивая слова, какъ всегда говорилъ въ аудиторіи, и шевеля пальцами надъ стаканомъ.— Но... я возвращаюсь къ вышесказанному... Итакъ, если въ средѣ неразумныхъ существъ, населяющихъ шаръ земной, мы замѣчаемъ проявленія чувствъ любви, почтенія, чувствъ, которыя я охарактеризовалъ бы какъ...

Александръ быстро всталъ, толкнулъ стулъ, упавшій и подпрыгнувшій на полу съ коротким деревяннымъ стукомъ, и заходилъ по столовой. Терпсихоровъ, прервавъ свою рѣчь, удивленно смотрѣлъ на сына, провожая его взглядомъ отъ двери до окна и обратно.

— Не могу я понять тебя, отецъ! — сказалъ Александръ крѣпкимъ, злымъ голосомъ, останавливаясь недалеко отъ Терпсихорова.— Мнѣ отлично извѣстно все, что ты сейчасъ говоришь и даже что хочешь сказать... Тебѣ не нравится то, что я пью водку, ты и скажи это, а не выматывай всю душу, не изводи своими неразумными, разумными существами!... Я знаю, ты сейчасъ начнешь цитировать апостола Павла, но...

— Замолчать!— крикнулъ вдругъ Терпсихоровъ визгливымъ, тонкимъ голосомъ и стукнулъ кулакомъ по столу.—Замолчать!..

Но сейчасъ же спохватился, испуганный своимъ крикомъ, измѣнилъ выраженіе лица, вытянувъ губы обиженно и скорбно, и вздохнулъ:

— Богъ Всещедрый все видитъ!.. На высотахъ Синая дана была Господомъ великая, великая заповѣдь о почитаніи родителей!.. Сколь же безумны тѣ, которые, презрѣвъ сей божественный завѣтъ, попираютъ самыя священныя и основныя человѣческія чувства!..

Онъ всталъ, налилъ себѣ еще стаканъ чаю и опять сѣлъ. Александръ подошелъ къ окну и, тяжело дыша, хмуро смотрѣлъ на улицу, ничего не видя передъ собой: въ глазахъ темнѣло. Какъ въ кипящемъ котлѣ, клокотала въ сердцѣ злоба противъ отца: и досадно было, и противно, и жалко за него. Иванъ съ любопытствомъ посматривалъ на обоихъ и, желая прекратить насыщенное злобой молчаніе и начать новый, дружелюбный и простой разговоръ, миролюбиво спросилъ, положивъ локти на столъ и глядя съ любопытствомъ на брата:

— А скажи, дражайшій, правда, что Синай и теперь еще существуетъ?

— Существовалъ и существуетъ,—сухо отвѣтилъ Терпсихоровъ, наливая чай въ блюдце.

— Въ Африкѣ или Америкѣ?

— Въ Малой Азіи.

— Такъ съ, такъ-съ!..—Иванъ вздохнулъ.— Далековато и отсюда не видать... Синай, значитъ, существуетъ, какъ всякая, скажемъ, гора; стоитъ себѣ на здоровье и стоитъ, а скрижалей нѣту. Можетъ, ихъ и совсѣмъ не было?

Терпсихоровъ наморщилъ лобъ и удивленно спросилъ:

— Какъ не было?

— А такъ... Очень просто! Не было—и шабашъ! Можетъ, про эти самыя скрижали только одинъ разговоръ, дражайшій? А? Какъ ты думаешь?

Терпсихоровъ покраснѣлъ отъ негодованія.

— Такимъ образомъ могутъ мыслить только люди,—онъ хотѣлъ сказать—„глупые“, но запнулся и сказалъ:—люди, зараженные нечестіемъ и потерявшіе, подобно безумцамъ, вѣру въ боговдохновенность священныхъ книгъ!

— А я, дражайшій, ей Богу, не вѣрю, не только въ книги, а вообще... понимаешь, ни во что не вѣрю!..

— Т.-е. какъ?

— Т.-е. такъ! Не вѣрю—и все! очень просто!

Терпсихоровъ ничего не отвѣтилъ, вздохнулъ, плюнулъ въ сторону и перекрестился. Хотѣлось сказать брату очень много, вспомнились мысли, пришедшія въ кабинетѣ („въ чужомъ домѣ, хотя и родственномъ, надо принимать во вниманіе въ уваженіе требованія, предъявляемыя хозяиномъ дома“), и желаніе сдѣлать строгое замѣчаніе, но Иванъ смотрѣлъ такъ прямо и спокойно и даже чуть насмѣшливо, какъ-будто не только чувствовалъ свое превосходство, но готовъ былъ спорить. Терпсихоровъ удержался отъ дальнѣйшаго разговора, успокаивая себя тѣмъ, что не слѣдуетъ ему, профессору и извѣстному ученому, оспаривать мнѣніе пьянаго невѣжды, что молчаніе его не позволяетъ торжествовать надъ нимъ кознямъ діанольскимъ, и христіанское смиреніе и всепрощеніе побѣждаютъ всѣ соблазны.

„Господи, Ты все видишь!“ — подумалъ онъ.

*
* *

Десять лѣтъ назадъ, вернувшись домой послѣ засѣданія совѣта академіи, Терпсихоровъ засталъ свою жену съ доцентомъ Прозоровскимъ. Онъ скоро забылъ, что почувствовалъ въ ту минуту, когда увидѣлъ окаменѣвшее въ испугѣ лицо жены, ея смятую прическу и растрепанный туалетъ, но запомнилъ твердо и навсегда, что жена ему однажды измѣнила. Какъ человѣкъ религіозно-нравственный и богобоязненный, онъ не вызвалъ Прозоровскаго на дуэль, не спустилъ съ лѣстницы и не сдѣлалъ ничего такого, что, обыкновенно, дѣлаютъ обманутые мужья, заставъ у жены любовника. Онъ тогда печально лишь вздохнулъ и, качая головой, сказалъ Прозоровскому тихимъ, укоряющимъ голосомъ:

— Не думалъ и не ожидалъ никогда, что вы, почтенный Герасимъ Львовичъ, такъ обманете мое довѣріе и дружеское мое расположеніе къ вамъ!

А мысленно кипѣлъ ненавистью, и память приводила гнѣвныя изреченія св. писанія о прелюбодѣяхъ и, особенно, слова пророка Іереміи: „это—откормленные кони: каждый изъ нихъ ржетъ на жену другаго“.

Вѣря, что каждый грѣхъ долженъ быть наказанъ, ибо „Богъ изглаждаетъ грѣшника изъ книги жизни“, онъ рѣшилъ, что поступокъ Прозоровскаго, наставника духовнаго юношества, гораздо тяжелѣе, чѣмъ вина царя Давида, согрѣшившаго съ Вирсавіей, дочерью Еліама, женой Уріи Хеттеянина: больше, чѣмъ грѣхъ Ахава и Седекіи, которыхъ Господь предалъ въ руки Навуходовосора, царя Вавилонскаго, изжарившаго ихъ на огнѣ за то, что они прелюбодѣйствовали съ женами ближнихъ своихъ; ужаснѣе, чѣмъ блудъ Коринѳянъ, которыхъ обличалъ апостолъ Павелъ. Прозоровскій зналъ все это и прелюбодѣйствовалъ съ женою своего учителя, оказавшаго ему столько помощи. Слѣдовательно, онъ—закоренѣлый и сознательный грѣшникъ. Поэтому его проступка нельзя оставить такъ, безъ всякихъ послѣдствій: это будетъ плохо для молодого человѣка, разовьетъ въ его сердцѣ дурныя и грѣховныя наклонности и погубитъ душу его; недаромъ царь Соломонъ въ своихъ притчахъ говоритъ: „Кто же прелюбодѣйствуетъ съ женщиной, у того нѣтъ ума; тотъ губитъ душу свою, кто дѣлаетъ это, побои и позоръ найдетъ онъ, и безчестіе его не изгладится, потому что ревность—ярость мужа, и не пощадитъ онъ въ день мщенія“.

Послѣ двухъ доносовъ, изобличившихъ Прозоровскаго въ развратномъ образѣ жизни, искаженіи незыблемыхъ догматовъ православной Церкви и вредномъ вліяніи на умы студентовъ духовной академіи, онъ былъ переведенъ „съ

пониженіемъ“ въ преподаватели далекой сибирской семинаріи.

Провожая его, Терпсихоровъ прослезился и сказалъ небольшую рѣчь о томъ, что академія потеряла цѣнную научную силу, а онъ, Терпсихоровъ, талантливаго и подающаго большія надежды ученика, но Господь все устраиваетъ къ лучшему.

Послѣ отъѣзда Прозоровскаго Терпсихоровъ началъ придумывать наказаніе для жены; хотѣлъ изобрѣсти что-нибудь такое, чтобы она почувствовала всю тяжесть своего поступка. Сначала онъ не замѣчалъ ее, на ея вопросы не отвѣчалъ, никогда съ нею не разговаривалъ. Жена молчала. А онъ сталъ думать, что она настолько закоренѣла въ развратѣ, что ее ничѣмъ нельзя пронять. Тогда онъ поселилъ жену въ отдѣльной комнатѣ, приказавъ ей замаливать грѣхъ усиленной молитвой.

— Женщины, подобныя вамъ,— говорилъ онъ ей,—носятъ общеизвѣстное названіе, характеризующее, такъ сказать, поведеніе ихъ и, нѣкоторымъ образомъ, ихъ сущность, а именно—названіе блудницъ. Онѣ находятся въ состояніи, презираемомъ всѣми людьми. Вы знаете, что еще въ древности говорилъ пророкъ Моисей? Въ книгѣ Левитъ онъ сказалъ: „Если кто будетъ прелюбодѣйствовать съ женою замужнею, если кто будетъ прелюбодѣйствовать съ женою ближняго своего,—да будутъ преданы смерти и прелюбодѣй и прелюбодѣйка“. Понимаете? Смертью это каралось! Вы же пользуетесь общимъ уваженіемъ. Почему? Развѣ ваша вина меньше? Нѣтъ! Отнюдь не меньше! Итакъ, почему же? Единственно потому лишь, что я, движимый весьма понятнымъ чувствомъ жалости, прикрылъ вашъ позоръ и тѣмъ самымъ сохранилъ вамъ доброе имя въ обществѣ и уваженіе знающихъ васъ лицъ. Это же дѣлаю я, не ища вашей благодарности, а единственно лишь для вашего исправленія. Только Господь милосердый оцѣнитъ все, что я для васъ сдѣлалъ. А ваша благодарность, Анна Петровна, не нужна. Вмѣсто нея отрадѣй бы видѣть глубокое и чистосердечное раскаяніе въ совершенномъ вами...

Анна Петровна слушала мужа сначала съ отвращеніемъ, потомъ со страхомъ. Онъ каждый день длинно говорилъ одно и то же, а она стала плохо спать по ночамъ, изнервничалась, вздрагивала при каждомъ шорохѣ и часто, въ тревожномъ снѣ, ей мерещилось укоризненное лицо мужа и слышался его ровный, тихій голосъ, и она въ страхѣ металась до утра, ожидая новаго дня и новыхъ унижающихъ разговоровъ.

Все хозяйство Терпсихоровъ передалъ на руки кухарки.

— Я ей болѣе довѣряю, чѣмъ вамъ,—сказалъ онъ по этому поводу женѣ,—ибо она женщина хотя простая, но честная, вы же, обманувши меня въ одномъ, можете обмануть и въ другомъ.

Дѣтямъ было разрѣшено говорить съ Анной Петровной только при немъ, а для того, чтобы этого безъ него не было, онъ выписалъ изъ деревни свою сестру, вдовую старуху-попадью и поручилъ ей слѣдить за дѣтьми и женою.

Анна Петровна жила въ отдѣльной комнатѣ, молилась Богу, плакала, и многіе начали замѣчать въ ней странности: она боялась громко говорить, оглядывалась тревожно по сторонамъ и иногда, дрожа, шептала, какъ въ забытьи, что боится „его“. Но на вопросы о „немъ“ ничего не отвѣчала, ни слова; только металась красивые, измученные глаза.

Когда дѣти выросли, они увидали мать уже такою, затихшей, всегда испуганной и дрожавшей быстрой внутренней дрожью.

Она только обѣдала со всѣми вмѣстѣ, а все остальное время была въ своей комнатѣ, гдѣ передъ темными образами горѣли неугасимыя лампадки — покаянные огни и пахло ладаномъ: она замаливала свой грѣхъ.

...Терпсихоровъ зашелъ къ ней, по обыкновенію, и въ это утро. Увидѣвъ мужа, Анна Петровна, небольшая худая, съ желтымъ, высохшимъ, не живымъ лицомъ, съ острымъ, тонкимъ носомъ и темными впавшими висками, торопливо встала, положила на столъ книгу, которую читала и, испуганно заметавшись глазами, низко поклонилась.

— Здравствуйте, добрый день!—сказалъ Терпсихоровъ, подходя и протягивая ей руку.

— Здравствуйте!

Она бережно взяла его руку, поцѣловала и осторожно опустила ее.

— Такъ... да...—Терпсихоровъ вздохнулъ и, поводя глазами по сторонамъ, спросилъ:— Чай пили?

— Нѣтъ еще... не пила, Никита Иванычъ...

Терпсихоровъ сѣлъ на стулъ у окна, широко разставивъ ноги, и руками сдѣлалъ такое движеніе, будто мылъ ихъ.

— Да, да, да.. такія дѣла... Что вы читаете?

— Евангеліе, Никита Иванычъ.

— Молились сегодня?

— Молилась, Никита Иванычъ.

— Ну, молитесь, только смотрите, молитесь усерднѣе и помните, что Господь, великій во

гнѣвѣ своемъ, великъ и въ милостяхъ своихъ и, будучи благимъ и молесердымъ, всегда радуется, видя чистосердечное покаяніе грѣшника, его сокрушеніе о содѣянномъ... Правда, не скрою, однако, и того, что тяжела вина ваша и трудно искупима.

Анна Петровна вздрогнула и прошептала, закрывъ глаза:

— Христосъ простилъ грѣшницу...

— Совершенно справедливо, но это былъ, такъ сказать, единичный случай... вы не это имѣйте въ виду, а то, что сказано много позднѣе, а именно слова апостола Павла, ибо апостолъ сказалъ, что блудники царствія Божія не наслѣдятъ, но... молитесь, кайтесь и, можетъ быть, всещедрый и многомилостивый Господь нашъ преклонитъ ухо Свое къ вамъ и помилуетъ васъ въ жизни будущей.

Анна Петровна смотрѣла на мужа съ боязнью, ожидая, что онъ опять и сегодня будетъ говорить то же мучительное и страшное, что и всегда. Ей жутко было взглянуть въ его глаза, спокойные, ясные, безмолвно дополнявшіе его рѣчь. Онъ помолчалъ и заговорилъ снова:

— Не скрою отъ васъ того, что въ семьѣ нашей происходятъ явленія, прискорбныя для меня чрезмѣрно! Вашъ сынъ предается въ чрезвычайной степени пагубной страсти своей вмѣстѣ съ моимъ погибшимъ братомъ. И это я небезосновательно приписываю отсутствію добраго материнскаго вліянія, которое въ свое время должно было остановить юношу на стезѣ порока.—Онъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на иконы.—Но вотъ, Господь видитъ мои мысли, видитъ, что я, обремененный научными занятіями и многими трудами на пользу святой Церкви и дорогого нашего отечества, довѣрился женщинѣ, которая меня обманула и, презрѣвъ долгъ свой, долгъ вѣрной жены и матери семейства, предалась безумному любострастію...

— Пощадите, Никита Иванычъ! — сказала Анна Петровна разбитымъ, дрожащимъ голосомъ и закрыла лицо темными, исхудалыми руками.—Я не могу больше!.. Я не знаю, что со мной дѣлается... Я боюсь, Никита Иванычъ!.. Я очень боюсь!...

Терпсихоровъ кивнулъ головой.

— Да... да... это не страхъ... это укоры совѣсти. У нѣкоторыхъ людей подобное состояніе души достигаетъ особенной силы и глубины, и я долженъ сказать, какъ христіанинъ, ученый и богословъ, что...

— Никита Иванычъ!—перебила Анна Петровна со слезами, прижавъ умоляюще руки къ изсохшей груди.—Убейте меня, выгоните вонъ изъ вашего дома, дѣлайте со мною, что хотите... я на все готова, я согласна на все... но, ради Бога, прошу васъ, не говорите такъ... я не выдержу!..

Терпсихоровъ обидѣлся и сдвинулъ рыжія брови.

— Не такъ давно, меньше, чѣмъ часъ тому назадъ, братъ мой нашелъ, что я не умѣю выражаться достаточно пріятно. Не ожидалъ, что и вы настолько недомыслите, что вмѣстѣ съ этимъ неумнымъ...

Анна Петровна заплакала.

— Я не про это говорю... Вы меня мучаете!.. Тяжко мнѣ!..

— Вы разсуждаете, какъ безразсудная женщина!—сердито сказалъ Терпсихоровъ.—Я не мучаю васъ, а ревную о вашемъ исправленіи душевномъ. А если вамъ непріятно, что я довожу до вашего свѣдѣнія недостойное студента духовной академіи поведеніе сына вашего, то въ этомъ не моя вина... Да!.. Я исчерпалъ всѣ средства, имѣющія въ моемъ распоряженіи, но онъ настолько закоснѣлъ, что слова увѣщанія и убѣжденія и... здравыхъ непререкаемыхъ доводовъ на него не дѣйствуютъ. Но...—онъ пожалъ плечами, вынулъ часы и, отдаливъ ихъ отъ себя въ вытянутой рукѣ, взглянулъ на стрѣлки,—мнѣ пора, однако...

Онъ попрощался, далъ Аннѣ Петровнѣ поцѣловать свою руку и, подойдя къ двери, остановился, спокойный, грузный, поднявъ голову и блестя стеклами очковъ. Анна Петровна, сжавшись, стояла передъ нимъ, опустивъ голову, маленькая, жалкая, какъ виновная раба передъ грознымъ повелителемъ.

— Обдумайте мои слова! Не плачьте напрасно, ибо не слезами, а поступками долженъ доказывать человѣкъ добрую настроенность свою. Итакъ, надѣюсь, что слова мои не падутъ на каменистую почву, а дадутъ плодъ добрый... Боритесь со зломъ и укрѣпляйте себя въ благочестивыхъ размышленіяхъ!.. Я кончилъ и ухожу. Надѣюсь, что вы послѣдуете доброму моему совѣту".

А вечеромъ того же дня Терпсихоровъ шелъ, со всѣми предосторожностями, къ своей любовницѣ, краснощекой Ольгѣ. Объ этой, тщательно скрываемой, связи онъ думалъ: „Разкратенъ тотъ, кто совершаетъ прелюбодѣяніе только по грѣховной склонности, а не по нуждѣ. По крайней же нуждѣ можно, и даже Библія повѣствуетъ намъ о дочеряхъ Лота, имѣвшихъ отъ своего отца дѣтей. Фактъ кровосмѣшенія!"

Сила и слабость сценической иллюзіи.

(„Дѣтскіе годы Пьера“ Анатоля Франса.)

[84—3]

Въ новомъ произведеніи французскаго романиста (переводъ печатается въ „*Рус. Вѣд.*“), написавномъ въ формѣ автобіографическихъ записокъ героя, есть глава, представляющая тройной интересъ: и какъ художественная картинка, и какъ этюдъ по дѣтской психологіи, и какъ экскурсія въ область психологіи театральной.

Пьеръ ребенкомъ, какъ это иногда бываетъ съ дѣтьми, испытывалъ скуку, лежа въ постели безъ сна—или по нездоровью, или просто, когда онъ просыпался раньше обыкновеннаго,—„чувствовалъ на себѣ взглядъ сѣрой, угрюмой тѣни, широкаго, безформеннаго лица, призрака еще ужаснѣе, чѣмъ боль и страхъ“. Въ такія минуты онъ принимался выдумывать кругосвѣтное путешествіе съ необыкновенными приключеніями.

„Къ несчастью, вызванные мной образы бывали такъ блѣдны, что чрезъ нихъ проглядывали и обои на стѣнахъ, и то сумрачное лицо, которое наводило на меня жуть. Съ теченіемъ времени я открылъ другое, болѣе удовлетворительное средство: я ухитрился доставлять себѣ въ кроваткѣ пріятное, тонкое развлеченіе, высоко цѣнящееся у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ,—я сталъ себѣ давать театральныя представленія. Нужно ли говорить, что мое драматическое творчество не сразу достигло совершенства. Греческая трагедія вышла изъ Ѳесписовой повозки.

Я мурлыкалъ пѣсенки, покачивая кистью руки для такта: отсюда возникъ мой Одеонъ. Скромно явился онъ на свѣтъ. Легкая корь, уложившая меня въ постель, пришлась кстати для его успѣшнаго развитія. У меня было пять актеровъ, или пять характерныхъ типовъ, какъ въ итальянскихъ comedia dell'arte. То были пять пальцевъ на правой моей рукѣ. Каждый обладалъ своимъ собственнымъ именемъ и собственной своей физіономіей. И совершенно такъ же, какъ маски итальянскаго театра, съ которыми у нихъ было вообще удивительно много сходства, мои дѣйствующія лица сохраняли свои имена при исполненіи отведенныхъ имъ ролей, если, конечно, пьеса не заставляла отступать отъ этого, что, напримѣръ, случалось въ историческихъ драмахъ. Но свой характеръ они сохраняли неизмѣнно. Надо отдать имъ справедливость, — въ этомъ отношеніи они строго оставались сами себѣ вѣрны.

Большой палецъ звался Раппаръ. Почему? Самъ не знаю. Нельзя надѣяться, чтобы все намъ стало понятно. Не все на свѣтѣ поддается объясненію. Раппаръ, приземистый, широкоплечій, коренастый, страшный силачъ былъ субъектъ, не получившій никакого воспитанія,—буянъ, забіяка, пьяница, грубіянъ, сущій Калибанъ. На сценѣ онъ выступалъ кузнецомъ, посыльнымъ, ломовымъ извозчикомъ, разбойникомъ, солдатомъ, совершая постоянно насилія и жестокости. По надобности онъ исполнялъ и роли хищныхъ звѣрей, — онъ игралъ волка въ „Красной шапочкѣ“ и медвѣдя въ очень ведурной пьесѣ, гдѣ представлялось, какъ юная пастушка захватила спящимъ бѣлаго медвѣдя, продѣла ему въ носъ кольцо и повела, танцуя, во дворецъ къ царю, который на ней тотчасъ же и женился.

Указательный палецъ звался Митуфль и представлялъ собой полную противоположность Раппару съ моральной и физической стороны. Митуфль не былъ ни первымъ богатыремъ, ни первымъ красавцемъ въ труппѣ; напротивъ, съ виду онъ былъ не очень цвѣтущъ и статенъ, какъ будто въ дѣтствѣ ему пришлось гнуть спину за непосильной физической работой. Но по живости движеній и находчивости въ репликахъ онъ былъ у меня лучшій актеръ. При своемъ душевномъ благородствѣ онъ безъ раздумья кидался на защиту угнетенныхъ. Храбръ онъ былъ до безумія, и драматургъ охотно давалъ ему случаи проявлять отвагу. Ему не было равныхъ на пожарѣ, чтобы выхватить ребенка изъ пламени и отнести его къ матери. Единственнымъ его недостаткомъ была чрезмѣрная живость; но это ему прощалось или, вѣрнѣе, за это его любили еще больше:

Achille déplairait moins bouillant et moins prompt [1]).

Средній палецъ,—высокій, мощный, стройный,—при такой счастливой наружности обладалъ и рыцарской душой. Родъ его былъ изъ самыхъ славныхъ: онъ звался Дюнуа. На этотъ разъ я, пожалуй, и знаю, почему: у меня нѣтъ сомнѣнія, что поводъ подала здѣсь мама. У мамы была свѣтлая, веселая душа, поэтому она распѣвала, какъ птичка. Она любила пѣсенку:

Partant pour la Syrie
Le jeune et beau Dunois
Alla prier Marie
De bénir ses exploits [2]).

---

[1]) Ахиллъ разнравился бы, если бы онъ былъ не такъ кипучъ и стремителенъ.

[2]) Отправляясь въ Сирію, молодой красавецъ Дюнуа пошелъ помолиться Дѣвѣ Маріи, чтобы она благословила его на подвиги.

Она еще пѣла: „Reposez-vous, bons chevaliers“. Пѣла она также: „En soupirant j'ai vu naître l'angoge“. Милая мама до страсти увлекалась романсами королевы Гортензіи: они были очаровательны—въ то время.

Разсказъ мой двигается медленно, простите: но я вѣдь описываю цѣлый міръ творчества. Съ четвертымъ пальцемъ отождествлялась дама рѣдкой красоты: звалась она Бланка Кастильская; только это былъ, пожалуй, псевдонимъ. Являясь единственной женщиной въ труппѣ, она играла матерей, супругъ, любовницъ. Она была образцомъ добродѣтели и жертвой преслѣдованія. Молодой красавецъ Дюнуа не разъ спасалъ ее отъ ужасныхъ опасностей при горячемъ и безкорыстномъ содѣйствіи Митуфля. Она часто выходила замужъ за Дюнуа, изрѣдка—за Митуфля. Еще одинъ типъ, и съ труппой будетъ кончено. Жанно, мизинецъ, былъ невинный мальчикъ, при случаѣ становившійся и дѣвочкой, какъ, напримѣръ, когда давалась „Красная шапочка“. И онъ выигрывалъ въ остроуміи, думается мнѣ, переходя въ дѣвочки.

Пьесы, гдѣ выступали только что перечисленные исполнители, приближались къ comedia dell'arte въ томъ смыслѣ, что я составлялъ канву, актеры же сами импровизировали діалогъ сообразно своему характеру и положенію. Однако по содержанію онѣ нисколько не походили на итальянскіе фарсы или на тѣ ярмарочныя пьесы, гдѣ Арлекинъ, Коломбина и докторъ воюютъ между собой изъ-за низкихъ страстей и корыстныхъ интересовъ. Мои творенія были благороднѣе; они относились къ героическому жанру, который всего больше и подходитъ дѣйствительно для простыхъ, неиспорченныхъ человѣческихъ существъ. Въ моей поэзіи звучали лирическіе и патетическіе, трагическіе и въ превосходной степени трагическіе тоны. Когда страсти поднимались до высоты, не выразимой словомъ, въ дѣло шло пѣніе. Въ этихъ драмахъ попадались и комическія сцены. Я, самъ того не вѣдая, работалъ по манерѣ Шекспира: мнѣ было бы гораздо труднѣе итти путемъ Расина. Ламартинъ, какъ извѣстно, не выносилъ никакого шутовства. Я въ этомъ отношеніи съ нимъ совершенно не сходился. Напротивъ. Но комическій элементъ у меня былъ очень первобытенъ, и къ нему не примѣшивалось никакой ироніи. Одни и тѣ же положенія часто повторялись на моей сценѣ. У меня не хватало духа ставить это себѣ въ упрекъ: такъ они были трогательны. Плѣнныя принцессы, которыхъ освобождаетъ какой-нибудь храбрый рыцарь; украденныя дѣти, которыхъ возвращаютъ матерямъ,—таковы были мои излюбленные сюжеты.

Я выходилъ однако и на другія поприща. Я сочинялъ любовныя драмы, гдѣ было много чудныхъ красотъ. Но въ этихъ пьесахъ нехватало дѣйствія, а главнымъ образомъ развязки. Такіе недостатки проистекали отъ чистоты моей души: понимая, что любовь должна сама себѣ довлѣть и быть своей наградой, я не заставлялъ ее искать внѣшняго удовлетворенія. Это было прекрасно, но монотонно.

Брался я и за военные сюжеты. Для нихъ я смѣло привлекалъ наполеоновскую эпопею, извѣстную мнѣ со словъ современниковъ великой эпохи, которыхъ было много кругомъ моей колыбели. Дюнуа представлялъ Наполеона; Бланка Кастильская—Жозефину (про Марію Лупзу я не зналъ); Митуфль—гренадера; Жанно—горниста; Раппаръ изображалъ англичанъ, пруссаковъ, австрійцевъ, русскихъ, словомъ, врага. И вотъ съ ними я ухитрялся одерживать побѣды при Аустерлицѣ, при Іенѣ, при Фридландѣ, при Ваграмѣ, брать Вѣну и Берлинъ. Обычно каждая пьеса давалась только одинъ разъ. У меня всегда была другая новинка наготовѣ. По плодовитости я равнялся съ Кальдерономъ.

Съ такимъ театромъ, гдѣ я былъ сразу директоромъ, авторомъ, труппой и зрителемъ, для меня о скукѣ въ кровати, разумѣется, не стало и помина. Напротивъ, я старался какъ можно дольше не вставать съ постели и ради этого прикидывался иногда больнымъ. Мама меня совсѣмъ не узнавала и спрашивала, съ чего на меня вдругъ напала такая лѣнь. Не вѣдая тайнъ моего творчества и глубины моего таланта, лѣнью она называла то, что было дѣйствіемъ и движеніемъ.

Театръ этотъ достигъ своего апогея, когда мнѣ шелъ шестой годъ; затѣмъ онъ быстро началъ клониться къ упадку по причинамъ, на которыхъ стоитъ остановиться.

Дѣло было такъ. На исходѣ шестого года у меня случилось какое-то легкое дѣтское недомоганіе, изъ-за котораго мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ постели. На столикѣ рядомъ съ кроватью лежало нѣсколько лепточекъ и ящичекъ съ красками, и я рѣшилъ прибѣгнуть къ этимъ средствамъ, попавшимъ подъ руку, чтобы изукрасить свой театръ и поднять его на невиданную степень совершенства. Я тотчасъ же принялся за работу, съ жаромъ исполняя свои лихорадочные проекты. Я раньше ничуть не замѣчалъ, что у моихъ актеровъ, какъ у яицъ, нѣтъ совсѣмъ лица: спохватившись, я имъ нарисовалъ глаза, носъ, ротъ. Увидѣвъ, что они наги, я ихъ

одѣлъ въ шелка и золото. Мнѣ стало ясно, что не годится ихъ оставлять съ непокрытой головой, и я надѣлалъ имъ шляпъ и головныхъ уборовъ разной формы,—по большей части острокопечной. Я не остановился здѣсь въ своей погонѣ за живописностью: я построилъ сцену, нарисовалъ декораціи, изготовилъ обстановку. И, замирая отъ волненія, я поставилъ пьесу „Баровы Гроба Господня“, гдѣ грандіозное дѣйствіе должно было охватить востокъ и западъ. Увы! Я не могъ довести до конца даже первой сцены. Вдохновеніе застыло: ни страсти, ни движенія,—все исчезло. Куда дѣвалась жизнь! Пока театръ мой оставался безъ прикрасъ, онъ переливалъ всѣми цвѣтами и формами иллюзіи. Когда явилась роскошь, иллюзія разсѣялась. Музы улетѣли и больше не вернулись. Это—урокъ. Искусство слѣдуетъ оставлять въ его благородной наготѣ. Пышность костюмовъ и богатство декорацій душатъ драму, истиннымъ украшеніемъ которой служатъ только величіе дѣйствія и правдивость характеровъ“.

Авіаціонные мотивы въ литературѣ.

[629.13(0:8)]

Пророчество Леонардо да Винчи, что человѣкъ полетитъ, ибо онъ „долженъ полетѣть,“—сбылось. Человѣчество обрѣло крылья, и окрыленные люди летаютъ надъ нашими головами. Шумъ пропеллеровъ и перебои моторовъ тамъ, въ голубоватой вышинѣ, стали почти столь же привычными, какъ и трамвайные звонки и стукъ экипажей. Но что новаго внесло въ вашу жизнь завоеваніе воздуха, измѣнилась ли психологія человѣчества оттого, что оно стало летать, каковы чувства и настроенія тѣхъ, кто на стальныхъ крыльяхъ отдѣляется отъ земли и, дѣлая „мертвыя петли“, рискуетъ вернуться на ту землю не гордымъ побѣдителемъ покорной стихіи, а кускомъ безформеннаго мяса. Авіація и авіаторы начинаютъ привлекать беллетристовъ, какъ художественный и притомъ свѣжій, интересный матеріалъ. Недавно (въ № 15-16) мы передали содержаніе разсказа Л. Андреева „Надсмертное“, гдѣ героемъ является пилотъ-офицеръ, такъ полюбившій новую стихію, что не пожелалъ вернуться на землю, и лишь „мертвый законъ тяжести сдернулъ его съ неба“. Нынѣ съ повѣстью на ту же авіаціонную тему выступилъ беллетристъ *В. Г. Танъ* въ 23-ьей книжкѣ альманаха „*Шиповникъ*“. Ничего не значитъ, что онъ для своего „Крыловоснаго Икара“ выбралъ рамку древняго мноа объ Икарѣ и Дедалѣ,—отъ повѣсти вѣетъ свѣжестью впечатлѣній сегодняшняго дня, его Икаръ — тотъ же современный авіаторъ, и переживанія Икара, первыя переживанія въ воздухѣ, именно намъ близки и понятны, до жути современны. Огромная повѣсть В. Г. Тана содержитъ, кромѣ мноа объ Икарѣ, еще широкую бытовую картину критской жизни, написанную на основаніи новѣйшихъ раскопокъ, и не менѣе красивую легенду о Лабиринтѣ, Минотаврѣ, спасеніи Тезея и любви Аріадны. Мы же возьмемъ изъ повѣсти только мѣста, касающіяся постройки летающей птицы, полета Икара и его гибели.

...Дайдалъ, какъ называетъ Дедала В. Г. Танъ, былъ занятъ машиной, невѣдомой и странной. Онъ связывалъ вмѣстѣ палки изъ легкаго ясеня въ квадратныя рамы и укрѣплялъ между ними рѣшетки изъ тростниковыхъ перекладинъ, обтянутыхъ плотной цыновкой. Заполнивъ рѣшетками рамы, Дайдалъ сталъ собирать ихъ вмѣстѣ и располагать ихъ направо и налѣво по извѣстной системѣ. И въ общемъ получилась неясная фигура, имѣвшая странное сходство съ фигурой птицы, простертой на землѣ, но все же готовой къ отлету.

Мысль о полетѣ посѣтила Дайдала внезапно. Ее внушилъ ему парусъ, самый простой, квадратный, изъ той же соломенной цыновки. На такихъ парусахъ ходили по вѣтру рыбачьи лодки и легкія прибрежныя суда. Надутый легчайшимъ дыханіемъ бога Эола, парусъ шелъ по морю съ выгнутой грудью, какъ птица, и лодка, казалось, готова была отдѣлиться отъ моря и взлетѣть и парить въ вышинѣ.

Дайдалъ смотрѣлъ и его осѣнило: Будутъ летучія лодки на крыльяхъ-парусахъ, будутъ летать и носиться надъ землею, какъ птицы... Онъ видѣлъ уже надъ собою эти крылатыя лодки. Онѣ были въ видѣ рѣшетчатыхъ клѣтокъ, въ затянутыхъ стѣнкахъ, и ихъ перепонки плашмя опирались объ воздухъ, какъ крылья у птицъ.

... Онъ думалъ объ этомъ полетѣ ночью и днемъ, утромъ и вечеромъ поздно. Ходилъ, разговаривалъ съ людьми, работалъ, даже другія машины составлялъ. А въ мозгу его, словно выжженыя яркимъ огнемъ, горѣли фигуры, квадратныя парусныя крылья, рѣшетки въ перепонкахъ, полотняныя кормила. Онъ никому не показывалъ вида, но съ каждымъ днемъ напрягалась сильнѣе его неустанная мысль и страстная воля: летать.

Онъ началъ работу по вѣчной привычкѣ своей съ игрушечныхъ мелкихъ моделей. Собп-

ралъ паруса свои въ различныя связи и пускалъ ихъ по вѣтру съ обрыва своей мастерской. Они улетали, какъ пьяныя птицы, потомъ ударялись угломъ объ выступъ скалы, объ дерево или просто объ землю и разбивались въ дребезги. Послѣ многихъ десятковъ неудачъ ему удалось наконецъ уравновѣсить своихъ механическихъ птицъ. Онѣ уносились далеко, трепеща перепонками крыльевъ, плавно спускались внизъ и садились на землю.

Дайдалъ сталъ дѣлать модели побольше и пробовалъ вначалѣ грубый холстъ, пропитанный воскомъ для большой непроницаемости. Но потомъ замѣнилъ его критской плетеной циновкой, бѣлой и пышной, какъ снѣгъ, и легкой, какъ пухъ. Критское плетенье славилось особенной плотностью.

...Дайдалъ стремился приблизиться къ природѣ и травяное плетенье казалось ему больше похожимъ на мягкія, пышныя перья.

И потому онъ придумалъ соединить систему парусовъ съ системой чешуйчатыхъ крыльевъ и сталъ дѣлать рѣшетки изъ тростниковыхъ рамокъ, обтянутыхъ легкой пленкой. Онъ называлъ эти рамки соломенными перьями. Дѣйствительно, колеблемыя вѣтромъ въ квадратной основѣ широкаго остова, онѣ походили на перья крыла, раздутыя полетомъ.

Соломенныя перья плотно лежали одно на другомъ, какъ будто черепицы, и могли раздвигаться и сдвигаться при помощи крѣпкихъ тяжей, свитыхъ искусно изъ проволоки. Плотно сжатыя перья превращали крыло въ одинъ неразрывный парусъ. Раздвинутыя перья давали устойчивость спуску.

Теперь, отыскавъ равновѣсіе, Дайдалъ построилъ воздушную птицу надлежащей величины и собирался сдѣлать рѣшительный опытъ. Сердце его было совершенно спокойно, ибо онъ сознавалъ точность своихъ исчисленій и вѣровалъ въ правила незыблемаго счета, какъ вѣруютъ другіе въ боговъ.

———

... Надъ обрывомъ Икаръ впервые увидѣлъ искусственную птицу. Она лежала простертая на ровной землѣ передъ самымъ отвѣсомъ. И лежа на землѣ, безпомощно безсильная и мертвая, она все же казалась готовой къ отлету.

— Что это такое?—спросилъ съ удивленіемъ юноша.

— Сейчасъ увидишь,—отвѣтилъ спокойно Дайдалъ.

Онъ пододвинулъ простертую птицу поближе къ обрыву. Потомъ всталъ внутри подъ особою круглой рѣшеткой и застегнулъ кругомъ тѣла подъ мышками и на поясѣ широкіе ремни. Въ центрѣ своихъ парусовъ онъ былъ немного похожъ на паука въ паутинѣ.

— Куда ты, отецъ?—воскликнулъ Икаръ, пораженный до крайности этой небывалой машиной.

— Туда,—безстрашно указалъ Дайдалъ въ глубину пространства и вдругъ взмахнулъ парусами, какъ крыльями, и рванулся съ утеса.

Птица сначала пошла въ глубину, но быстро оперлась своими парусами объ воздухъ, выровняла ходъ и плавно полетѣла. Соломенныя перья сверкнули на солнцѣ пушистымъ отливомъ, сливаясь въ крыло. Она уносилась впередъ, паря по вѣтру и слегка опускаясь, словно огромная бѣлая цапля, которая присматривается къ землѣ и выбираетъ мѣстечко, чтобы сѣсть. Видно было потомъ, какъ она опустилась, должно быть, за двѣ миріады шаговъ по дорогѣ къ Аминсу.

Въ страстномъ волненіи Икаръ стремительно сбѣжалъ съ Андейскаго утеса и спустился на царскую дорогу. На огороженномъ лугу паслись бѣлыя лошади, недавно привезенныя въ подарокъ Миносу отъ кефскаго царя. Критяне, однако, боялись этихъ прекрасныхъ и бѣлыхъ чудовищъ и считали ихъ наравнѣ съ лѣсными кентаврами, морскими конерыбами съ чешуйчатымъ хвостомъ и другими опасными тварями.

Но художникъ Икаръ вывелъ коня изъ ограды на царскомъ лугу, и недолго думая, вскочилъ ему на спину. Онъ помчался, какъ вѣтеръ, по гладкой дорогѣ въ догонку отцу, направляя бѣгъ своего чудовища при помощи простого недоуздка, обвязаннаго вокругъ его головы.

Онъ нашелъ Дайдала на вспаханномъ полѣ у второго поперечнаго знака. Строитель уже разбиралъ свой снарядъ и связывалъ палки и узкія рѣшетки въ пучки, чтобъ везти ихъ обратно. Группа пастуховъ стояла на почтительномъ отдаленіи и съ испугомъ глядѣла на страннаго кудесника, свалившагося съ неба. Они, впрочемъ, не ясно понимали, что имевно случилось. Когда стала спускаться эта широкая бѣлая штука, они приняли ее за чудовищнаго лебедя, а потомъ испугались, прыснули въ разныя стороны и спрятались въ канавахъ. Только коровы и овцы ничуть не испугались. Круторогій баранъ подошелъ къ диковинной птицѣ и внимательно уставился глазами, какъ-будто хотѣлъ изучить это новое, замысловатое устройство.

Дайдалъ усмѣхнулся и сталъ разбирать паруса. Когда воздушныя рѣшетки одна за другою превратились въ пучки перевязанныхъ

палокъ, и летучій снарядъ растаялъ на глазахъ, какъ сдѣланный изъ воска, пастухи, наконецъ, ободрились и стали понемногу приближаться съ недовѣрчивымъ видомъ, наблюдая за страннымъ волшебникомъ и невольно заражаясь спокойствіемъ коровъ и барановъ. Тутъ прискакалъ молодой художникъ на бѣломъ чудовищѣ. Этого новаго страха пастухи не могли снести. Они помчались стремглавъ черезъ поле къ ближайшему лѣсу, падая въ ямы и попадая въ колючки. На этотъ разъ и скотъ испугался не меньше людей.

Икаръ соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ отцу. Глаза его блестѣли. Онъ не могъ говорить отъ волненія.

— Ты выше боговъ,—сказалъ онъ, наконецъ, задыхаясь.—Летающій Дайдалъ... Ты можешь все совершить по желанію своему...

Дайдалъ молчалъ, но улыбался довольной улыбкой.

— Дай мнѣ поцѣловать руку, которая создала это неслыханное чудо,—пылко настаивалъ Икаръ.

— Это создали не руки, а правила божественной механики, — сказалъ улыбаясь Дайдалъ.

Ему льстила до крайности эта щедрая хвала изъ сдержанныхъ устъ любимаго сына.

Они возвращались домой по той же дорогѣ, сложивъ на коня вьюки разобранныхъ крыльевъ, связанныхъ вмѣстѣ. Икаръ все посматривалъ на мудраго отца съ надеждой и также со страхомъ.

— Ты царь судьбы, — сказалъ онъ ему наконецъ.—Убьешь ли, помилуешь ли, я преклонюсь предъ тобой...

И вдругъ онъ запнулся, и лицо его омрачилось первымъ сомнѣніемъ.

— Спускается внизъ, — сказалъ онъ въ раздумьи, какъ-будто про себя,—а больше подняться не можетъ. Умирающая птица...

— Постой,—засмѣялся Дайдалъ, — будетъ птица живая и залетитъ въ небеса на крыльяхъ лебединыхъ.

Икаръ молчалъ выжидая.

— Посмотри-ка,—сказалъ Дайдалъ, указывая рукой впередъ,—вотъ она летитъ.

Бѣлая чайка, распустивъ крылья, летѣла навстрѣчу сіявшему солнцу и свѣжему вѣтру, и грудь ея слегка трепетала мягкими раздутыми перьями. Она шевелила хвостомъ, какъ опытный кормчій, и неслась въ вышину противъ вѣтра, какъ бѣлый комокъ сверкающей радостной жизни.

— Видишь, какъ она летаетъ,—сказалъ Дайдалъ.—Крылья распустить противъ вѣтра и поставитъ наискось, какъ косые паруса. Вѣтеръ гонитъ ее навстрѣчу себѣ самому, какъ боковой парусокъ...

— Вижу,—кивнулъ головою Икаръ.

— А теперь погляди: она повернула по вѣтру, вѣтеръ гонитъ ее сзади и она скользитъ съ вышины, какъ-будто на щитѣ съ горы и нисходитъ къ землѣ. Весь путь ея извилистый, внизъ и вверхъ, какъ-будто на волнахъ воздушныхъ.

Икаръ покачалъ головой съ тѣмъ же невольнымъ сомнѣніемъ.

— Чайка вѣдь легкая,—сказалъ онъ наконецъ,—а человѣкъ тяжелый...

— Пустое, — возразилъ Дайдалъ. — Ненасытъ—птица тяжелая, а все-таки летаетъ.

— Я знаю: летаетъ,—подтвердилъ Икаръ, продолжая хмуриться.

Они говорили объ огромной бѣлой птицѣ, которая носитъ подъ клювомъ мѣшокъ и набиваетъ его рыбой. Ее называли ненасытомъ за нѣчную прожорливость.

Я видѣлъ однажды,—припомнилъ Икаръ неожиданно, какъ прежде,—бѣлую птицу, летѣвшую мимо и на лету пораженную солнцемъ. Она упала съ вышины и хлопнулась объ землю, какъ мѣшокъ, начиненный костьми.

— Что намъ солнце, — сказалъ Дейдалъ пренебрежительнымъ тономъ.—Мы будемъ вѣтромъ летать, какъ лодки на морѣ. Легко летать... Кто ничего не боится...

Я не боюсь,—твердо отвѣтилъ Икаръ.—Лучше быть мертвою птицей, чѣмъ живой черепахой...

———

День за днемъ съ ранняго утра до поздняго вечера работали Дайдалъ съ Икаромъ, не покладая рукъ и сооружая свои крылатые снаряды.

Икаръ позабылъ о сомнѣніяхъ. Онъ лихорадочно работалъ и даже изумлялъ искусствомъ отца. Его гибкіе пальцы, привыкшіе къ тонкимъ рѣзцамъ и пуховымъ кистямъ, съ поразительной точностью завязывали снасти, тонкія, какъ нить многоногой ткачихи, но тканыя изъ стали. Икаръ почти не ѣлъ и не спалъ и даже въ темнотѣ хлопоталъ у скрѣпляемыхъ рамъ, работалъ ощупью, не ошибаясь ни разу, какъ работаютъ слѣпые.

Вся душа его напряглась, звенѣла и пѣла.

— Теперь полетимъ,—повторялъ онъ время отъ времени.—Мы крыловосные люди... Точно небожители, не люди...

— Мы выше небожителей, — вскрикивалъ онъ снова, — летаютъ ли еще небожители?

— Скажи, отецъ, какъ они могутъ летать

И Дайдалъ въ отвѣтъ слегка улыбался суровыми глазами и снова указывалъ рукой на чайку, летящую мимо, быть можетъ, ту самую, которая такъ же точно летѣла въ памятный часъ ихъ бесѣды послѣ перваго полета.

— А эта какъ летаетъ? Крылатой родилась, оттого и летаетъ... На крыльяхъ летаетъ... Какъ дышетъ и ходитъ и ѣстъ Вотъ также и летаетъ...

Икаръ морщился презрительно въ отвѣтъ.

— На крыльяхъ не трудно летать. Жукъ летаетъ, муха летаетъ... Нѣтъ, вы попробуйте безъ крыльевъ полетать... Или создайте себѣ крылья, тогда и летайте!..

Они ночевали на воздухѣ у своихъ окрыленныхъ снарядовъ и въ послѣднюю ночь Икару приснился причудливый сонъ:

Они стояли съ отцомъ надъ тѣмъ же обрывомъ и рядомъ лежала искусственная птица, готовая къ полету. Но старое сомнѣніе грызло имъ сердце обоимъ и лишало ихъ силы.

— Какъ же я буду летать?—спрашивалъ Икаръ.—Я вѣдь тяжелый...

И онъ съ отягощеніемъ разсматривалъ собственные члены и сравнивалъ ихъ съ стройнымъ тѣломъ могучаго и легкаго орла.

— Жукъ летаетъ, — воскликнулъ онъ съ горечью,—муха летаетъ... Летающій Дайдалъ, отецъ, гдѣ-же твой двигатель, сущій въ себѣ?

Дайдалъ покачалъ головой.

— Я сдѣлалъ многое, что можетъ двигаться,—сказалъ онъ.—Деревянную корову Пазифаи и Талоса, стального человѣка, и дышащую статую Геракла и маленькихъ бронзовыхъ птичекъ съ пружиннымъ заводомъ, летающихъ по воздушному кругу на забаву ребятишкамъ. Но эта пусть движется собственной силой, какъ хочетъ и можетъ...

И онъ указалъ суровыми глазами на простертую птицу.

— Я буду двигаться собственной силой!— крикнулъ Икаръ и ринулся смѣло съ утеса".

Такъ перевоспитъ Икара въ нашъ вѣкъ, вѣкъ пара и электричества:

„Тяжелое тѣло его словно раскололось пополамъ, и жизнь Икара выпрыгнула вонъ и полетѣла въ пространство.

Она летѣла, какъ облако, безшумно и быстро, и тотчасъ прилетѣла на какую-то странную землю. Земля эта была иная, не такая зеленая, какъ наша, какъ будто сѣрѣе и старше. И вмѣсто людей она была населена машинами разнаго вида. Кружились большіе колеса, чавкали гладкіе поршни, жужжали широкіе ремни. Пыхтѣли колесницы, похожія на домы, и сами катились и взадъ и впередъ, никѣмъ не везомыя.

— Гдѣ же двигатель?—спрашивалъ Икаръ и тотчасъ же ему открылось рѣшеніе загадки, неизвѣстное даже премудрому Дайдалу:

— Двигатель — топливо. Этотъ двигатель рождается въ огнѣ и движетъ сгорая...

Икаръ увидѣлъ тяжелый черный камень, тлѣющій жаромъ сильнѣе плавильной печи, гарное масло, густое, какъ медъ, и воздухъ, пылающій блѣднымъ пламенемъ. Каждое пламя, сгорая, рождало движеніе.

Жизнь Икара промчалась впередъ и увидѣла ровное поле. На полѣ стоялъ досчатый навѣсъ. Она устремилась туда быстрѣе, чѣмъ молнія. Тамъ обрѣталась то, что было нужно Икару. Широкая птица стояла съ простертыми крыльями и въ чревѣ этой птицы былъ двигатель сущій въ себѣ. Икаръ внимательно и жадно разсматривалъ мѣдный котелъ и круглые поршни и клапаны. Сзади котла было узкое двойное весло.

— Не это ли движетъ? — спросилъ себя Икаръ. Онъ впрочемъ нисколько не смутился. Въ немъ будто проснулась искра отцовскаго генія.

— Сдѣлали люди,—сказалъ онъ себѣ.— Я тоже не хуже...

И только онъ додумалъ до конца эту дерзкую мысль, какъ изъ за узенькой двери вышелъ человѣкъ, высокій и тонкій. И съ изумленіемъ увидѣлъ Икаръ, что этотъ пришлецъ какъ двѣ капли воды похожъ на него самого. То былъ Икаръ-второй, быть можетъ, настоящій, позднѣйшій, побѣдившій тяжелую землю и съ ея распростертаго лона взлетѣвшій въ небеса.

Икаръ-второй черкнулъ сухимъ стебелькомъ по дощечкѣ огнива и вытеръ огня предъ котломъ. Что-то запѣло въ котлѣ, какъ бронзовый жукъ. Закружилось двойное весло и стало незримо отъ быстраго движенія. Оживша птица двинулась впередъ, гонимая силою топлива. Икаръ-второй былъ въ чревѣ птицы вмѣстѣ съ машиной своей. Птица сдѣлала плавный прыжокъ, отдѣлилась отъ земли и поплыла въ воздухѣ...

. . . . . .

Они улетѣли на ясной вечерней зарѣ, ринулись прямо съ утеса подувшему вѣтру навстрѣчу.

Дайдалъ сразу поставилъ крылья на вѣтеръ и сталъ быстро и плавно отдѣляться отъ Черной Площадки и восходить вверхъ красивой спиралью.

Икаръ сперва нырнулъ внизъ, испыталъ острое мгновеніе головокруженія и ужаса, но

тутъ же поспѣшно выправилъ гребенчатый руль, поставилъ наискось свои паруса и вернулъ равновѣсіе. Онъ глянулъ внизъ взглядомъ еще боязливымъ и увидѣлъ, что земля быстро удаляется и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывается, какъ блюдо. Онъ словно на мѣстѣ стоялъ неподвижно, а земля падала внизъ. Все шире и шире открывался подъ нимъ горизонтъ.

... У него на минуту явилось сознаніе, что онъ самъ и его летучая птица, это — центръ міра, единственная неподвижная точка, и все мірозданіе движется и проходитъ передъ нимъ, какъ цѣпь безконечныхъ картинъ. Его голова была совершенно ясна. Онъ даже ощутилъ себя сидящимъ на твердомъ, незыблемомъ лонѣ прозрачности, опершимъ широкія крылья объ упругое пространство.

Вѣтеръ какъ будто рождался передъ нимъ, обтекалъ летящую птицу и перерождался въ вихрь, яростно мчался въ догонку и не могъ догнать. Въ ушахъ у Икара гудѣло отъ этого яростнаго и безсильнаго визга. Вся кровь его закипѣла, какъ согрѣтое вино. Онъ вспомнилъ недавнюю скачку на бѣшеной лошади. Этотъ крылатый Пегасъ былъ во сто кратъ несбуздданнѣе кефсихъ скакуновъ и мчался быстрѣе ихъ въ своей головоломной скачкѣ...

...Дайдалъ, улетѣвшій впередъ, сдѣлалъ поворотъ и плавно облетѣлъ противъ вѣтра кругомъ молодого крыловосца, какъ орелъ облетаетъ кругомъ молодого орленка, недавно слетѣвшаго съ гнѣзда и пробующаго въ облакѣ свой неопытный полетъ.

Они полетѣли рядомъ, хотя на разстояніи. Говорить было невозможно. Но Дайдалъ внимательно слѣдилъ за полетомъ Икара. Самъ онъ сразу словно сроднился съ своею летучею птицей, приросъ къ сѣдлу, связанному изъ прутьевъ и проволокъ, напиталъ свои крылья порывами вѣтра и мчался, искусно лавируя между встрѣчными вихрями, какъ птица Ширококрылъ, рожденная синимъ эфиромъ.

Огромный орелъ вылетѣлъ изъ бездны пространства навстрѣчу Икару. Онъ принялъ очевидно искусственную птицу за исполинскаго хищника, крылатаго врага новой неслыханной формы, и смѣло бросился въ битву, наостривъ свои кривые когти и издавая хищный клекотъ. И въ ту же минуту подшибленный твердой рѣшеткой, свернулся, какъ лоскутъ, и палъ бездыханный внизъ. Икаръ невольно прослѣдилъ глазами его паденіе. Орелъ падалъ, колеблясь по вѣтру и странно уменьшаясь въ объемѣ по мѣрѣ паденія, шлепнулся въ море, какъ камень, и исчезъ навсегда.

Солнце сверкнуло лучами на плотныя соломенныя перья и ослѣпило глаза молодому крыловосцу. Дикое чувство побѣды вдругъ охватило Икара. Онъ былъ побѣдителемъ воздуха, кормчимъ крылатой ладьи, владыкой летающихъ тварей. Орлы погибали и падали отъ его единаго движенія, какъ жалкія мухи.

Онъ привсталъ на сидѣньи и издалъ такой же хищный орлиный клекотъ, полный угрозы и буйнаго восторга.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его окрыленная ладья спускается внизъ. Прежній разбѣгъ, пріобрѣтенный ею насчетъ встрѣчнаго вѣтра, издержался въ попутной струѣ и она понемногу садилась. Плотныя перья ея распустились отъ силы паденія и тихонько трепетали, пропуская стремящійся воздухъ.

— Умирающая птица,—припомнилъ Икаръ съ сожалѣніемъ и гнѣвомъ. Онъ быстро схватился за ручку руля и изо всей силы нажалъ на продольный гребень. Падающая птица повернула и встала опять противъ вѣтра. Широкія крылья тотчасъ загудѣли, и юный крыловосецъ сталъ восходить вверхъ на растущемъ порывѣ воздушной струи крутою спиралью.

— Куда же ты?—крикнулъ Дайдалъ.

Онъ сдѣлалъ такой же поворотъ, но не могъ догнать сына. И голосъ его остался затерянным въ пространствѣ.

Икаръ не услышалъ, но далъ отвѣтъ не отцу, а собственному чувству, послѣднему остатку потемненной осторожности, умиравшему въ его душѣ.

— Къ солнцу лечу! — крикнулъ онъ съ упоеніемъ и гнѣвомъ.—Больше не стану спускаться... Выше и ближе къ эфиру, какъ небожители летятъ... Вверхъ, вверхъ!..

Море открывалось подъ нимъ шире и шире, какъ огромная карта, начерченная странникомъ, посѣдѣвшимъ въ исканіяхъ путей. Выступили острова и мысы, одинъ за другимъ. Налѣво Кипера и крошка Эгилія и сторожъ безчисленныхъ сѣверныхъ горъ, Тайнаръ, изъубренный столбъ. Направо зеленый Родосъ и Карійскія скалы, лѣсистоволосыя дочери Иды Азійской.

Берега обозначились яснѣе: на сѣверѣ холмистая Мессенія и зеленая отъ пастбищъ Арголида, и на востокѣ—обильный пурпуромъ Милетъ.

— Прощай, земля!—крикнулъ Икаръ, со смѣхомъ кивая головой.—Къ солнцу лечу я, назадъ никогда не вернусь...

Пытливыми глазами онъ окинулъ еще разъ землю, прежде такую родную, милую, а теперь

отдаленную, ненужную, уходящую внизъ. И его воспаленный взоръ, обострившійся до сверхъестественности, словно спустился на мигъ съ высоты и схватилъ каждую подробность событій и битвъ, кипѣвшихъ на этомъ громадномъ пространствѣ непрерывно, какъ прежде.

... Безразсудной рукой Икаръ направляетъ летящую птицу навстрѣчу воздушной струѣ. Онъ словно Фаетонъ, летящій по небу на красной колесницѣ яркаго отца Геліоса. Вѣтеръ растетъ, превращается въ вихрь и уноситъ съ собою Икара... Широкая завѣса растрепанныхъ бѣгущихъ облаковъ. Они налетаютъ съ размаха, какъ дикіе гуси, на бѣлую птицу Икара. Тончайшія капли росы садятся Икару на руки и на лицо. Его пылающая голова на минуту освѣжается. Птица уносится въ высь, прорѣзавъ наискось пушистыя сѣрыя волны. И снова надъ Икаромъ яркое небо и огромное бѣлое солнце. На этой высотѣ оно сіяетъ бѣлѣе и чище, чѣмъ глядя на землю сквозь красный туманъ людскихъ грѣховъ и преступленій.

— Я—небожитель!—кричитъ Икаръ обезумѣвъ.—Солнце, мы—братья!..

Земля исчезла наконецъ. Подъ ногами Икара новая, сѣрая твердь, вѣчно бѣгущая, зыблющаяся гладко. Это изнанка облаковъ. Бѣлая птица и солнце дѣйствительно одни въ небесной вышинѣ.

Икаръ мчится вверхъ и подъ ногами его пробѣгаетъ другая такая же птица, съ простертыми крыльями и кормчимъ въ сѣдлѣ. Это тѣнь отъ летучей ладьи пробѣгаетъ по сѣрой груди облаковъ...

Что это?.. Новая тѣнь мелькнула уже впереди. Онъ оборачивается съ удивленіемъ и гнѣвомъ. Это—орелъ, такой же, какъ тотъ, котораго недавно онъ сшибъ съ высоты своимъ твердымъ крыломъ. Или, быть можетъ, орлица, подруга погибшаго...

— Кто послалъ тебя?—гнѣвно вопрошаетъ Икаръ.—Дій послалъ, завистникъ, коварный, униженный...

Орлица съ тревожными криками летаетъ большими кругами вокругъ небывалаго врага. Она прилетѣла, хоть поздно, на помощь супругу и помчалась въ догонку побѣдителю-убійцѣ. Но теперь не рѣшается напасть на это огромное бѣлое чучело съ угловатыми крыльями.

— Выходи!—кричитъ обозленно Икаръ.

Онъ поворачиваетъ продольный гребень и мчится налѣво, перерѣзывая путь противницѣ.

Орлица ударяетъ крылами объ воздухъ и сворачиваетъ въ сторону съ крикомъ. Икаръ не въ состояніи слѣдонать за проворствомъ ея воздушныхъ поворотовъ. Крылья его не могутъ ударять по воздуху и только несутъ его тѣло, надутыя вѣтромъ. Орлица исчезла, какъ призракъ, растаявъ въ облакѣ. И сердце Икара сжалось отъ внезапнаго предчувствія: Пустынная бездна рождаетъ враговъ, коварныхъ и быстрыхъ.

Вверхъ, вверхъ... Прочь отсюда, но что бы то ни стало...

. . . . . .

...Искусственная птица снова летитъ по спирали въ вышину, уносимая дѣйствіемъ вѣтра. Голова крылоносца кружится. Грудь дышитъ съ усиліемъ и часто. Онъ словно взошелъ на высокую гору и не можетъ отдышаться. Палитъ жестокое солнце, рѣзкій вѣтеръ обжигаетъ ему щеки. Онъ больше не можетъ разобрать, холодно ему или жарко. Таетъ мозгъ. Крылья души растопились, какъ воскъ, отъ вѣтра и солнца. Голова его начинаетъ кружиться. Рукоятка руля словно впилась въ усталую руку и насквозь прошла, какъ изломанная кость. Въ сердцѣ родится и растетъ жуткое чувство пустоты, отсутствія опоры. Онъ летитъ, поддержанный н и ч ѣ м ъ, опираясь на н и ч т о. И самъ онъ Н и к т о, какъ древній волшебникъ пиратъ, одурачившій страшныхъ Циклоповъ. Облака разорвались внизу. Въ ужасной глубинѣ опять показалась земля выпуклымъ кругомъ сглаженнымъ и все-таки рельефнымъ. Вся быстрота летучаго порыва не могла унести Икара долой отъ земли. Земля тянетъ его назадъ, засасываетъ летящую птицу, какъ будто воронка.

— У-гухъ, у-гухъ!..

Вѣтеръ гудитъ въ соломенныхъ плотныхъ рѣшеткахъ. Птица не хочетъ уступить. Она мчится упорно вверхъ, какъ живая и злая тварь, уносящая Икара куда-то далеко въ другое ужасное царство, гдѣ нечѣмъ дышать.

Онъ готовъ ей крикнуть: „Пусти!“, но птица не пускаетъ. Икаръ начинаетъ временами терять сознаніе. Предъ нимъ проносятся въ забвеніи страшныя лица и расплываются въ туманѣ.

...Онъ больше не можетъ выдерживать этотъ ужасный полетъ. Внизъ, назадъ... Но руки его забыли поворотъ и уклонъ... Онъ давитъ на ручку внизъ и уклономъ гребня посылаетъ летящую птицу вверхъ, круче прежней спирали...

Какъ распустить въ ширину соломенныя перья?..

— Ага, вспомнилъ!

Онъ дѣлаетъ рукою рѣзкое движеніе. Птица

вдругъ останавливается, вздрагиваетъ, какъ раненая, и ныряетъ въ глубину.

Обратный нажимъ, такой же внезапный, безумный. Птица выпрямляется и снова встаетъ на дыбы, какъ конь, закусившій удила. Короткое мгновеніе Икаръ виситъ въ вышинѣ, въ невѣроятной позѣ, ничѣмъ не поддерживаемый.

Влѣво, вправо, вверхъ, внизъ... Руки Икара слѣпо, на удачу ведутъ рукоятку руля. Птица мечется въ воздухѣ въ какой-то безумной тоскѣ. Словно бѣлый „ненасытъ“, раненый солнечной стрѣлой... Еще нажимъ. Птица стремительно ныряетъ черезъ голову, какъ пораженная на смерть. Рвутся скрѣпленія, и перья наконецъ распускаются врозь. Съ слабымъ крикомъ Икаръ выпадаетъ впередъ изъ сидѣнья, какъ птенецъ изъ гнѣзда, виситъ мгновеніе на поясѣ, завязанномъ подъ грудью. Рѣшетки трещатъ и ломаются. Икаръ отдѣляется отъ рамы и падаетъ въ бездну.

Воздухъ со свистомъ проносится мимо и гудитъ, какъ буря. Ему кажется еще разъ, что вся вселенная проносится мимо него съ гудѣніемъ и свистомъ. А онъ неподвижно виситъ, опершись въ пространство. Умъ его затмѣвается снова. Лица мелькаютъ предъ нимъ, съ непостижимой быстротой проносятся мимо. Все это дѣвичьи лица въ свѣтлыхъ кудряхъ, божественно прекрасныя нимфы воздуха, дочери Эола, и всѣ лица, какъ одно лицо, и съ каждою долей секунды это лицо становится ближе, знакомѣе, дороже.

— Аріанда!—проносится, какъ молнія, въ его погасающемъ мозгу. Чьи-то воздушно упругія руки простираются снизу навстрѣчу и подхватываютъ падающее тѣло. . . . . .

— Вотъ!..—раздается тяжелый и хлипкій ударъ послѣдняго паденія. Брызнулъ песокъ, какъ вода. Тѣло Икара ударяется объ землю и подскакиваетъ вверхъ, на высоту дерева, словно кожаный мячъ, набитый упругою шерстью. Земля и небо словно забавляются злорадно, перебрасывая тѣло молодого крылоносца. Ибо онъ приблизился дерзко къ палящему солнцу и оно растопило крылья его дерзновенной души, какъ воскъ, а тѣло низринуло внизъ. Подброшенное тѣло упало обратно и осталось лежать на землѣ.

Дайдалъ, сберегая свою жизнь, не послѣдовалъ за сыномъ въ вышину облаковъ. Онъ описывалъ надъ моремъ волнообразные зигзаги, поднимаясь противъ вѣтра и снова спускаясь по вѣтру, и ждалъ въ молчаніи.

Метнулась въ испугѣ орлица и растаяла въ туманѣ. И черезъ нѣсколько минутъ мелькнуло и тѣло погибшаго сына. Соломенная птица, опрокинутая навзничь, тоже падала внизъ и все-таки парила. Она не могла догнать сброшеннаго крылоносца. Порывъ вѣтра подхватилъ ее и отнесъ далеко въ море.

Широко распустивъ свои перья, искуснѣе орла и величаваго Ширококрыла, оспоритель строитель спустился огромной спиралью на мѣсто погибели. Онъ опустился на островъ, какъ разъ на высокую площадь у самаго берега, укрѣпилъ распростертую птицу, чтобъ ее не унесло вѣтромъ, и отправился отыскивать погибшаго.

Тѣло Икара упало на островъ, пустынный и лѣсистый, который съ того времени назвался Икаріей. Оно лежало въ лѣсу, на широкой лужайкѣ, поросшей цвѣтами... Вернулся на землю Икаръ, вопреки обѣщанію...

Дайдалъ наклонился и ощупалъ трупъ. Всѣ кости Икара были перебиты. И тѣло его походило на мѣшокъ съ измолотымъ мясомъ. А рядомъ среди анемоновъ и присовъ въ землѣ обозначился слѣдъ, глубокая яма, вбитая рельефно, совершенно похожая на форму человѣческаго тѣла, готовую къ отливкѣ. Это форма была, какъ могила. Погибшій художникъ вытиснулъ ее собственнымъ тѣломъ въ минуту гибели и приготовилъ себѣ для вѣчнаго покоя.

...Дайдалъ недвижно стоялъ надъ трупомъ погибшаго сына. Онъ поглядѣлъ на закрытыя очи, которыя вновь никогда не откроются. Вспомнилъ недавнее гордое слово: „Царь Судьбы.“ Больше Икаръ не похвалится передъ лицомъ завистливой судьбы. Въ сердцѣ строителя что-то растопилось, какъ расправленый свинецъ. Осиротѣлый отецъ склонился надъ тѣломъ любимаго сына и громко заплакалъ.

— Прощай, Икаръ,—сказалъ онъ тихо.— Такіе, какъ ты, не живутъ, умираютъ...

Онъ повернулся и медленно отправился на берегъ.

Онъ сѣлъ надъ обрывомъ, спустившимся къ морю. Мысли его были горьки и жгучи, какъ сокъ бѣлены, кипящей на тихомъ огнѣ... Онъ перебиралъ прошлыя дѣла свои, рожденіе сына въ далекихъ Аѳинахъ, убійство, вражду. Припомнилъ суровую месть и войну, раздававшую Аѳины, юношей и дѣвушекъ, посланныхъ на жертву Минотавру; прихоти царицы Пазифаи, жестокости Миноса, и страстные упреки Икара и крики: „Я тоже уйду. Къ смерти пойду“...

Чѣмъ же была эта ужасная и вмѣстѣ прекрасная смерть,—злодѣйствомъ жестокой судьбы, подхватившей неосторожное слово, или, напротивъ, искупленіемъ?..

Образъ Икара всталъ передъ нимъ въ божественной красѣ, очищенный отъ земныхъ страстей и случайныхъ колебаній жизни.

Юноша вѣчно горѣлъ стремленіемъ въ высь, былъ полонъ любви кипучей, запальчивой, страстной. Спорилъ, ропталъ и все отдавалъ до послѣдняго и счастье и самую жизнь...

— Выше небожителей!..

Суровое сердце премудраго строителя подтвердило невинное самовосхваленіе погибшаго сына.

— Выше небожителей, Икаръ погибшій крылоносецъ"...

* * *

Такова знакомая намъ повѣсть, повѣсть о смерти авіатора. Но авіація имѣетъ не только свою поэзію, но также и свою психологію, даже философію. Окрыленное человѣчество чѣмъ-то отличается отъ прежняго, въ его жизнь внесенъ новый факторъ, который долженъ измѣнить лицо земли. И въ чемъ это измѣненіе выразится, пробуетъ разрѣшить въ статьѣ, помѣщенной въ „*Утрѣ Россіи*", остроумный наблюдатель, скрывшійся подъ псевдонимомъ *Арктуръ*. Онъ сближаетъ завоеваніе воздуха со странной и мало понятной библейской легендой о построеніи Вавилонской башни и подчеркиваетъ, что авіацію двигаютъ теперь не отдѣльныя лица, а толпа, коллективъ. („У. Р." № 126 „Авіація и Вавилонская башня").

„Кто-то перелетѣлъ на аэропланѣ изъ Кіева въ Петербургъ, кто-то другой достигъ невѣроятнаго искусства въ „мертвыхъ петляхъ", а кто именно—не все ли равно? Завтра появятся новые, еще болѣе дерзкіе, внесутъ усовершенствованія въ конструкцію аэроплановъ, удлиняетъ перелетъ, еще отважнѣе замкнутъ петлю, поражая всѣхъ своимъ упорствомъ и беззавѣтной удалью. Ихъ имена промелькнутъ, какъ мгновенная вспышка, а потомъ на лазурномъ экранѣ неба появится новое имя, чтобы задержаться на короткое время и тоже исчезнутъ. Досадный удѣлъ! Каждое развѣтвленіе науки и искусства имѣетъ свой пантеонъ, куда ставятъ безсмертныхъ, прославляя ихъ за то, что они давали міру откровеніе. И они, дѣйствительно, приносили откровеніе. До ихъ появленія мысль брела въ непролазной чащѣ, по проселкамъ, а приходили они и гоноряли- „новъ тамъ прямой путь, единый правильный путь, предуказанный отъ сотворенія міра". За ними шли и сразу попадали на широкую дорогу, съ которой открывался необъятный кругозоръ. Была тьма и сразу сталъ свѣтъ. Онъ не просачивался понемногу сквозь мелкія щели, но прорывался вдругъ, по волшебному взмаху, будто поднялся занавѣсъ.

Авіація не знаетъ этихъ плѣнительныхъ сверканій генія. Она никому не обязана достигнутыми результатами. Ея богъ—коллективный геній, толпа, которая въ складчину собрала авіацію. Кто-то далъ двигатель внутренняго сгоранія, но двигатель былъ слишкомъ тяжелъ, тогда кто-то другой сконцентрировалъ ту же силу въ маленькомъ стальномъ тѣлѣ. Постепеннымъ подборомъ частей былъ созданъ гномъ съ чудовищной мускулатурой, и этотъ уродецъ готовъ былъ поднять человѣка въ поднебесье, лишь бы нашлись отважные. Но за этимъ дѣло не стало. Ихъ дала все та же толпа—„въ шапку набросала", какъ при складчинѣ.

Вѣковая греза человѣчества о завоеваніи воздуха была достигнута не путемъ откровенія, не сошествіемъ Духа на избранныхъ, а незамѣтнымъ истеченіемъ генія изъ толпы. Не поражаетъ ли этотъ фактъ? Не кажется ли минутами, что въ этомъ успѣхѣ коллективнаго творчества скрытъ какой-то символъ, быть можетъ, самый значительный изъ всѣхъ промелькнувшихъ въ исторіи?

„И спросилъ его: какъ тебѣ имя? И онъ сказалъ въ отвѣтъ: легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много".

Да, имя имъ — легіонъ. Самая трудная область, которая не давалась, но о которой мечтали, чувствуя, что только въ ней начнется настоящее единоборство съ Богомъ,—эта область была, наконецъ, завоевана, и завоевалъ ее великій „никто", — интернаціональная толпа, добравшаяся, наконецъ, до небесъ. Съ изумительной точностью человѣчество повторило работу Вавилонской башни, гдѣ тоже не было вожаковъ, отмѣченныхъ геніальностью, а работала сѣрая толпа, поставившая себѣ грандіозную цѣль. „И сказали другъ другу: надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ... Построимъ башню высотою до небесъ".

Для насъ безразлично, подъ какую категорію произведеній отнесемъ мы легенду о Вавилонской башнѣ: пусть это будетъ бредъ или пророческій символъ, или, наконецъ, случайно кѣмъ-то оброненная шутка. Въ этомъ безуміи или шуткѣ столько грандіознаго, что становится страшно. Много вѣковъ тому назадъ досужій фантастъ набросалъ эскизъ изъ нѣсколькихъ линій, а теперь обнаружилось, что въ этомъ примитивномъ наброскѣ былъ схваченъ характеръ міровой исторіи въ ея важнѣйшихъ очертаніяхъ. И, дѣйствительно, можно доказать, что постройка Вавилонской

башни никогда не прерывалась и что послѣднія завоеванія техники, въ томъ числѣ и авіація, являются завершеніемъ этой постройки. Мы почти достигли вершины зданія—еще немного усилій, и человѣкъ не будетъ связанъ съ землей. Онъ свободенъ и такъ силенъ, какъ никогда. Онъ—Богъ. Въ этомъ направленіи перерождается психика человѣка: онъ становится самоувѣреннѣе съ каждымъ днемъ и упивается своимъ могуществомъ. Но почти никто не замѣтилъ, что сказочная побѣда техники досталась цѣной разгрома,—духъ распался, и обезцвѣтились краски, которыми въ свое время пестрѣли и первобытный міръ, и Эллада, и средневѣковье съ ея трубадурами и инквизиторами. Въ этомъ процессѣ обезцвѣчиванія на долю авіаціи долженъ выпасть самый печальный жребій, такъ какъ именно черезъ нее міръ окончательно полиняетъ. Рожденная легіономъ, являясь дѣтищемъ толпы, авіація должна прежде всего служить ея интересамъ и отразить ея свойства, а эти свойства никогда не обѣщали яркости. Наоборотъ: только унылые тона, только безутѣшный сѣрый цвѣтъ.

Съ чувствомъ художественнаго такта преданіе о Вавилонской башнѣ развиваетъ свою тему, взявъ за основной узоръ состязаніе человѣка и Бога. Какъ извѣстно, этотъ мотивъ самъ по себѣ не отличается своеобразностью. Миѳы, слагавшіеся въ различныхъ углахъ земли, изобилуютъ повѣствованіями о попыткахъ человѣка добраться до неба, но обыкновенно всѣ безъ исключенія миѳы выбирали изъ среды людей одного титана, въ которомъ и воплощали дерзновенную мысль о преодолѣніи Бога. Преданіе о Вавилонской башнѣ рѣшительно отказывается отъ этой общепринятой формы и выводитъ вмѣсто одного лица—толпу, инсценируя массовый подъемъ.—„Сказали другъ другу: построимъ башню до небесъ“. Это уже не Прометей, замыслившій похитить небесный огонь, а сомкнувшаяся толпа, которая вся безъ исключенія слилась въ заносчивомъ выкрикѣ: „Будемъ какъ боги!“. Здѣсь каждый является равноправнымъ участникомъ идеи, нѣтъ геніевъ и бездарностей, нѣтъ отсортировки по личнымъ свойствамъ каждаго. Великое „никто“—толпа—задумала достичь неба, и каждый несетъ, что можетъ, въ общую работу для достиженія намѣченной цѣли.

Итакъ, преданіе разгадало, что въ конечной стадіи борьбы и человѣка и Бога творчество должно будетъ перейти отъ личности къ массѣ, отъ вдохновенія избранныхъ къ упорству коллектива. Достаточно одного этого указанія, чтобы признать за преданіемъ исключительную прозорливость, но оно идетъ дальше, къ болѣе тонкимъ, поистинѣ изумительнымъ обобщеніямъ. Оно разгадало, что толпа, начавшая творить, будетъ всегда слишкомъ далека отъ художественнаго экстаза и что въ такомъ творчествѣ не можетъ быть иныхъ побужденій, кромѣ дѣловитости. Въ самомъ дѣлѣ, чего искала толпа при созиданіи Вавилонской башни? Овладѣть небомъ, утвердиться въ высотахъ, въ томъ голубомъ эфирѣ, гдѣ начинаются чертоги Бога. Ничто не прельщало человѣка съ такой силой, какъ небо, потому что оно казалось недостижимымъ. Достичь самаго верха, куда взлетаетъ не всякая птица—не значитъ ли это похитить божественное сіяніе? Такъ думали строители Вавилонской башни и были увѣрены, что если ихъ дерзкое зодчество закончится успѣшно, то человѣкъ встанетъ вровень съ Богомъ. Творчество толпы противополагалось творчеству Бога, не всмотритесь въ преданіе, и вы увидите, насколько разнились между собою эти два вида творчества.

Передъ нами толпа, дѣловито снующая вокругъ постройки. Это—маньяки, обуреваемые навязчивой идеей: воздвигнуть башню до небесъ, чтобы тамъ, въ заоблачной выси, короновать себя, какъ независимыхъ царей вселенной. Имъ ничего не надо, кромѣ высоты, башни,—ни мелодіи линій, ни гармоничнаго сочетанія отдѣльныхъ частей, ни орнаментовъ—одна только высота. Небоскребъ Нью-Іорка вполнѣ выражаетъ ихъ замыслы, и напрасно іезуитъ Кирхеръ, помѣщая въ своемъ трактатѣ о Вавилонскомъ столпотвореніи рисунокъ башни, разукрасилъ ее колонадой, узорчатыми карнизами и другими художественными придатками. „Легіонъ“, выступающій въ роли творца, никогда не позволитъ себѣ роскоши затрачивать силы на безполезное, особенно въ томъ случаѣ, если всѣ помыслы сосредоточены на разрѣшеніи опредѣленнаго техническаго задания. Толпѣ нужно было механическое поднятіе до небесъ, и, слѣдовательно, всѣ заботы сосредоточились на расчетѣ силовыхъ линій и правильномъ распредѣленіи нагрузки сгѣнъ, что же касается изразцовъ и орнаментовъ, то объ этомъ не было времени думать среди дѣловой лихорадки. Эстета побили бы камнями, если бы онъ увлекся барельефами, позабывъ, что надо таскать кирпичи и мѣшать известку.

Чудо техники—вотъ что противопоставлялось чуду художественнаго экстаза, которымъ пламенѣлъ Богъ въ дни созиданія міровъ. Вокругъ раскидывалась природа, отразившая

всѣ капризы творчества,—отъ ужаса до нѣвучей элегіи,—еще такъ свѣжо, такъ непосредственно распознавалось повсюду художественное вдохновеніе, а люди уже противополагали техническую мощь полету божественной фантазіи. Борьба началась съ различнымъ оружіемъ,—и тамъ, при Вавилонской башнѣ, впервые произошла роковая встрѣча техника и художника, цифры и красокъ. Впослѣдствіи по этому пути шла вся борьба человѣка за свое могущество, пока, наконецъ, онъ не осуществилъ своей исконной мечты и не овладѣлъ небомъ, создавъ чудо техники,—легкій, ажурный аэропланъ.

Чтобы покончить въ Вавилонской башней, мнѣ остается упомянуть, что никогда еще человѣкъ не видѣлъ склонившагося Бога, но въ тѣ давнишнія времена онъ былъ свидѣтелемъ, какъ [illegible] дрожало въ тревогѣ и робости. „Сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ и одинъ у всѣхъ языкъ: и вотъ что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать; сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языки ихъ“... Такимъ образомъ начавшееся единоборство было прервано чисто силовымъ пріемомъ и сплотившаяся толпа,—монолитъ человѣчества,—оказалась превращенной въ брызги, разметавшіяся по всей землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пріемы такого порядка не подрываютъ идеи, не уничтожаютъ ее съ корнемъ. Наоборотъ. Идея, придавленная силой, живетъ еще безпокойнѣе и все настойчивѣе призываетъ волю человѣка къ борьбѣ. Такъ было и здѣсь: во всѣ послѣдующіе вѣка смѣшавшіеся языки тянулись другъ къ другу, чтобы вновь возродить всемірную толпу. Исторія народовъ въ основномъ руслѣ своемъ есть не что иное, какъ порывъ къ сліянію, примѣромъ чему служитъ демократія и пролетаріатъ, которые вытравили въ себѣ національные завѣты и въ значительной степени расшатали пограничные знаки, такъ отчетливо раздѣлявшіе въ свое время одно государство отъ другого. Сбывалось предсказаніе: „вотъ что начали они дѣлать и не отстанутъ отъ того, что задумали дѣлать“.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что, если смѣшеніе языковъ не побѣдило человѣка, то оно временно достигло весьма важной эстетической цѣли. Однотипная толпа, съ установившимися воззрѣніями, съ одинаковыми привычками, была раскидана во всѣ стороны по материкамъ и островамъ, и тогда въ различныхъ углахъ земли природа начала перепачивать человѣка сообразно своимъ требованіямъ. Такъ, изъ однороднаго цѣлаго, изъ единой семьи возникали своеобразные побѣги, не похожіе ни на своихъ родоначальниковъ, ни другъ на друга. Міръ сталъ прекраснѣ и богатѣ. Каждый новый побѣгъ, отдѣлившійся отъ единаго ствола, развивался по своимъ законамъ, шелъ по своей пораболѣ, присущей только ему одному. Одна семья была перечеканена во множество расъ, и каждая раса имѣла особый, языкъ, который служилъ наиболѣе надежнымъ средствомъ сохранить на долгое время свой типъ, свои обычаи, свою религію. Только „смѣшеніе языковъ“ могло дать такую очаровательную пестроту расъ, которая была когда-то на землѣ. И, наоборотъ, всякое сліяніе языковъ явилось бы анти-эстетическимъ дѣяніемъ уже потому, что это должно было привести къ однородной всемірной толпѣ, или, иначе говоря, къ оскудѣнію красокъ. Вмѣсто радуги—одинъ сѣрый цвѣтъ. Въ этомъ не могло быть отрады,—только удушье и скука, невѣроятная скука.

Даже въ гнѣвѣ и ярости Богъ былъ красивъ, когда создалъ изъ однородной толпы безконечные оттѣнки расъ, но самъ человѣкъ съ титаническимъ упорствомъ устремился къ сліянію языковъ и поставилъ себѣ цѣлью уравнять племена и народы въ общей цивилизаціи. Въ этомъ чувствовалась работа антибога. Онъ сказалъ, что разсѣянныя по землѣ народы рано или поздно сольются въ міровую толпу, что техника въ концѣ-концовъ осилитъ божественную фантазію... Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что всей исторіей культуры управлялъ антибогъ и шагъ за шагомъ приближался къ поставленной цѣли, но еще медлилъ произнести послѣднее слово. И, наконецъ, произнесъ. Онъ сказалъ: пусть толпа, не лицо, не геній, а именно толпа,—создастъ чудо техники и этимъ путемъ овладѣетъ „высотою до небесъ“.

Такъ и случилось. Спѣшно заканчивается вѣнецъ Вавилонской башни,—она уже проникла въ заоблачную высь, скрылась изъ глазъ. Изрѣдка падаютъ оттуда смѣльчаки, но толпа восполняетъ убыль новыми волонтерами, забывая о погибшихъ, потому что „имя имъ—легіонъ“.

Достигнута ли этимъ побѣда? Безспорно... Надо преклониться передъ невѣроятнымъ упорствомъ человѣка, передъ его титанизмомъ и не хватило бы словъ воспѣть могущество. Но только нельзя забывать, что побѣдилъ антибогъ, что цифра взяла верхъ надъ краской, что техническая мастерская заслонила студію художника. Не пройдетъ безнаказанно такая побѣда! Гдѣ же экстазъ, гдѣ творческая фантазія, гдѣ великолѣпное разнообразіе міра? Вѣдь ничего этого нѣтъ, остался одинъ только

строительный матеріалъ и холодныя формулы механики.

Не пройдетъ безнаказанно достигнутая побѣда! Человѣкъ-титанъ долженъ будетъ почувствовать тоску среди этого грохота цивилизаціи и тогда потянется къ экстазу, отвративъ свое лицо отъ антибога. Человѣкъ, дѣйствительно, титанъ, но какъ онъ жалокъ въ своей сказочной побѣдѣ!“

Жизненный элексиръ и современная біологія.

(Научная постановка проблемы долголѣтія).

[577]

Есть идеи, къ которымъ вѣчно возвращается пытливый человѣческій умъ. Къ такимъ идеямъ принадлежатъ, несомнѣнно, и мечты средневѣковыхъ алхимиковъ. Въ XX вѣкѣ они получили совершенно иное освѣщеніе, и за рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, надъ которыми тщетно бились алхимики, берется современная положительная наука, вооруженная утонченнѣйшими методами изслѣдованія. Вмѣсто безполезнаго блужданія въ потемкахъ и исканій на ощупь, наука идетъ къ знанію твердыми, увѣренными шагами, претворяя мечты въ дѣйствительность.

Развѣ не чудесны свойства „философскаго камня“ алхимиковъ, краснаго порошка, обращающаго всѣ металлы въ благородное золото? Но еще болѣе чудесенъ радій — „философскій камень“ химиковъ, показавшій воочію возможность превращенія элементовъ, и однимъ своимъ дыханіемъ, незримымъ потокомъ мельчайшихъ, отлетающихъ отъ него частицъ излѣчивающій ракъ и другія болѣзни.

Другой не менѣе чудесный предметъ поисковъ алхимиковъ, именно жизненный элексиръ, пытается найти біологія. Цѣлый рядъ выдающихся біологовъ трудится въ настоящее время надъ проблемою смерти и стремится найти способъ удлиненія человѣческой жизни. Однимъ изъ піонеровъ въ этой области является маститый И. И. Мечниковъ. Теорію его дополняетъ и развиваетъ проф. *Н. О. Кащенко* въ недавно вышедшей книгѣ *„Смерть и долголѣтіе съ біологической точки зрѣнія“*. (Кн-ство „Наука“. Серія „Bios“, Москва, 1914).

„Животныя, пишетъ проф Кащенко, вообще живутъ тѣмъ дольше, чѣмъ они крупнѣе. Это общее правило, однако, имѣетъ очень много исключеній. Въ частности, по отношенію къ млекопитающимъ, оно оказывается приблизительно вѣрнымъ, если сравнивать различные виды млекопитающихъ между собой, но совершенно невѣрнымъ, если сравнивать млекопитающихъ съ представителями какого-либо другого класса, хотя бы изъ того же типа позвоночныхъ. Нельзя не согласиться съ И. Мечниковымъ въ томъ, что млекопитающія вообще живутъ слишкомъ короткое время сравнительно съ другими животными, имѣющими приблизительно ту же величину. Напр., водяныя улитки живутъ до 4-хъ лѣтъ, нѣкоторыя наземныя (виноградная улитка) даже до 8-и лѣтъ, рѣчной ракъ до 20 лѣтъ, мелкія пѣвчія птицы до 30 лѣтъ, даже рабочіе муравьи до 7 лѣтъ, а мышь не болѣе 5—6 лѣтъ. Крупные одиночные полипы (морскія анемоны) живутъ до 60 лѣтъ, крупныя морскія улитки до 30 лѣтъ, попугаи, вороны, филины, папаи, гуси отъ 50 до 100 лѣтъ,—а кроликъ всего до 10 лѣтъ. Даже собака и вошедшая своей живучестью въ поговорку кошка рѣдко доживаютъ до 30 лѣтъ. Самый крупный двустворчатый моллюскъ, а также карпы, угри, лососи живутъ до 100 лѣтъ, щуки до 300, черепахи до 200, лебеди, соколы, орелъ-холзанъ и бѣлоголовый коршунъ болѣе 150 лѣтъ, между тѣмъ какъ изъ млекопитающихъ, только во много разъ превышающіе ихъ размѣрами тѣла, китъ, слонъ и верблюдъ достигаютъ такихъ возрастовъ, но и то рѣдко (первый живетъ до 300—400 лѣтъ второй до 150—200, третій до 100 лѣтъ). Остальныя крупныя млекопитающія живутъ обыкновенно не болѣе 50 лѣтъ, по большей же части гораздо меньше.

По отношенію къ млекопитающимъ со временъ Флуранса принимается, что они живутъ въ пять разъ дольше періода роста ихъ тѣла, хотя въ частностяхъ это правило не совсѣмъ точно. По отношенію же къ другимъ животнымъ это правило совсѣмъ невѣрно. Птицы, напр., очень часто живутъ въ нѣсколько десятковъ и даже въ 100 разъ дольше того времени, какое нужно для достиженія ими полнаго роста и половой зрѣлости.

Не трудно притти къ предположенію, что въ организаціи млекопитающихъ есть какая-то особенность, которая укорачиваетъ, ихъ жизнь. И. Мечниковъ видитъ эту особенность въ сильномъ развитіи толстыхъ кишекъ, которыя у млекопитающихъ служатъ почти исключительно резервуаромъ для кала, между тѣмъ какъ у другихъ животныхъ толстыя кишки развиты гораздо слабѣе и притомъ обладаютъ пищеварительными функціями. Развитіе этой особенности И. Мечниковъ объясняетъ тѣмъ, что для млекопитающихъ способность быстро бѣгать является большимъ преимуществомъ въ борьбѣ за существованіе, такъ какъ она облегчаетъ для однихъ спасеніе отъ враговъ,

для другихъ захватъ добычи, а для третьихъ— и то, и другое. Между тѣмъ, частое испражненіе, которое необходимо при отсутствіи помѣстительнаго каловаго резервуара, при быстромъ бѣгѣ невозможно, вслѣдствіе энергичнаго сокращенія расположенныхъ около заднепроходнаго отверстія мускуловъ задней конечности, которая при бѣгѣ всегда играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ конечность передняя. Такимъ образомъ, толстыя кишки сильно развились у млекопитающихъ потому, что это развитіе оказалось для нихъ полезной особенностью въ борьбѣ за существованіе.

...Эта полезная для сохраненія вида особенность повлекла, однако, за собой послѣдствія, вредныя для каждой отдѣльной особи. Благодаря застаиванію кала, въ кишкахъ развивается масса микробовъ, продукты жизнедѣятельности которыхъ, всасываясь въ кровь животнаго, постепенно отравляютъ его и сокращаютъ его жизнь. Ближайшими послѣдствіями этого отравленія И. Мечниковъ считаетъ перерожденіе сосудовъ (артеріосклерозъ) и ослабленіе жизнедѣятельности наиболѣе благородныхъ клѣтокъ нашего тѣла (нервныхъ, мускульныхъ, печеночныхъ и т. п.). Результатомъ ихъ ослабленія является то, что онѣ пожираются крупными прожорливыми элементами (макрофагами), а слѣдствіемъ этого получается одряхлѣніе животнаго и преждевременная его смерть.

Такова гипотеза И. Мечникова. Съ біологической точки зрѣнія она не представляетъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ закрѣпленіе и развитіе путемъ отбора особенностей, вредныхъ для отдѣльныхъ экземпляровъ, но полезныхъ для вида, встрѣчается нерѣдко. Для усовершенствованія и распространенія, вообще для успѣха въ борьбѣ за существованіе какой-либо породы не всегда бываетъ необходима продолжительная жизнь каждаго отдѣльнаго экземпляра, принадлежащаго къ данному виду, если только этотъ видъ достаточно плодовитъ. Въ сложной совокупности идей, изъ которыхъ слагается эта гипотеза, И. Мечниковъ считаетъ достаточно доказаннымъ фактъ пожиранія благородныхъ элементовъ макрофагами въ старости, но первопричина этого явленія и его біологическій смыслъ остаются еще далеко не ясными".

„Почему, спрашиваетъ Н. Ѳ. Кащенко, другія животныя, съ инымъ устройствомъ кишечника, все-таки подлежатъ одряхлѣнію и естественной смерти? И для объясненія выдвигаетъ свою теорію смерти. Онъ различаетъ три рода смерти: случайную (отъ внѣшнихъ причинъ), преждевременную (отъ внутреннихъ, устранимыхъ причинъ) и естественную, являющуюся неизбѣжнымъ концомъ существованія живыхъ существъ.

... Чрезвычайно широкая распространенность естественной смерти указываетъ на то, что первопричина ея должна лежать въ какомъ-либо явленіи, общемъ для всѣхъ животныхъ или даже и для всѣхъ живыхъ существъ. Въ послѣднемъ случаѣ эта первопричина должна быть такова, что при извѣстныхъ условіяхъ она должна допускать и отступленіе отъ общаго правила, т.-е. отсутствіе естественной смерти.

И. Мечниковъ смотритъ на это иначе. Исходя изъ того факта, что различныя живыя существа, даже если не подвергаются внѣшнимъ насиліямъ, все-таки умираютъ очень различными способами, т.-е. отъ весьма различныхъ ближайшихъ причинъ, этотъ выдающійся біологъ приходитъ къ тому заключенію, что естественная смерть установилась у различныхъ живыхъ существъ различными способами или, иначе говоря, что есть нѣсколько родовъ естественной смерти, возникшихъ независимо другъ отъ друга. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что причина такого вывода заключается въ томъ, что И. Мечниковъ смѣшиваетъ естественную смерть съ преждевременной смертью отъ внутреннихъ причинъ. Такъ какъ эта преждевременная смерть, конечно, можетъ наступать отъ весьма различныхъ причинъ, то И. Мечниковъ и пришелъ къ заключенію о различномъ характерѣ естественной смерти у различныхъ живыхъ существъ".

Самъ же Н. Ѳ. Кащенко видитъ причину естественной смерти всякаго живого существа въ слѣдующемъ *). При размноженіи клѣтокъ и дифференцированіи ихъ, въ тѣлѣ клѣтки накопляются плотныя вещества—продукты распада, избытокъ которыхъ клѣтка стремится выдѣлить. Этотъ избытокъ проф. Кащенко называетъ „некрономъ" въ отличіе отъ понятія „трупъ". У многоклѣточныхъ выдѣленіе плотныхъ веществъ возможно лишь для наружнаго слоя, внутреннія глубоко расположенныя ткани переобременяются плотными веществами и подвергаются процессу, похожему на высыханіе.

„Въ самомъ дѣлѣ, всѣ живыя существа, по происхожденію своему, суть вещества водныя. Приспособляясь къ жизни на сушѣ, они все-таки сохраняютъ въ своемъ тѣлѣ массу воды. Но по мѣрѣ продолжительности жизни каждаго отдѣльнаго индивида количество плотныхъ веществъ въ его тѣлѣ увеличивается, между тѣмъ какъ относительное количество воды

*) Изложеніе различныхъ взглядовъ современныхъ біологовъ на причину смерти помѣщено нами въ № 14, въ статьѣ „Смерть и безсмертіе въ свѣтѣ современной біологіи".

уменьшается. Въ начальныхъ стадіяхъ развитія зародыша млекопитающаго или птицы тѣло его заключаетъ не болѣе 10% плотныхъ веществъ, у новорожденныхъ ихъ уже оказывается около 20%, у взрослыхъ 30%—40%, а у стариковъ плотныхъ веществъ уже оказывается около половины общаго вѣса тѣла. Понятно, что результатомъ подобнаго послѣдовательнаго высыханія должно получиться крайнее затрудненіе обмѣна веществъ и, наконецъ, прекращеніе всѣхъ жизненныхъ функцій. Оттого-то и понятно, что всѣ признаки старости (независимые отъ болѣзней) сводятся въ сущности на результаты высыханія: ткани теряютъ эластичность, кожа становится сухой и сморщивается, кости легко ломаются, хрящи омѣлотворяются и теряютъ упругость, сосуды уже не такъ хорошо раздуваются и спадаются, волоса сѣдѣютъ, потому что заключающіяся въ нихъ сочныя клѣтки высыхаютъ и замѣняются воздухомъ. То обстоятельство, что при извѣстныхъ условіяхъ нѣкоторыя животныя и растенія могутъ получать совершенно плотную консистенцію, не теряя своей жизнеспособности (высыханіе, замерзаніе), не находится въ противорѣчіи со сказаннымъ, такъ какъ такія высохшія или замерзшія существа остаются лишь жизнеспособными, но не живутъ, т.-е. не проявляютъ никакихъ жизненныхъ функцій. Жизнь возобновляется у нихъ только послѣ того, какъ тѣло снова пропитается водой или бывшая въ немъ, но твердая (замерзшая) вода снова сдѣлается жидкой".

Выводы, къ которымъ приходитъ проф. Кащенко, таковы: всѣ одноклѣточныя существа потенціально безсмертны, а многоклѣточныя подвижныя животныя утратили способность образовывать некроны, и потому подлежатъ естественной смерти. Но возможно ли отдалить неизбѣжную смерть, т.-е. избѣжать преждевременной смерти? На этотъ вопросъ Н. Ѳ. Кащенко отвѣчаетъ утвердительно и указываетъ путь къ этому—„ортобіозъ", или правильную жизнь.

„Выработка практическихъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ освободился бы отъ постоянно его преслѣдующей преждевременной смерти и получилъ бы свою естественную продолжительность жизни, сопровождалась бы такими результатами, которыхъ въ настоящее время даже и предвидѣть нельзя въ полномъ ихъ объемѣ. Ясно только, что при этомъ получилось бы человѣчество, настолько отличающееся отъ нынѣшняго, что подходило бы подъ понятіе „сверхчеловѣка".

Въ настоящее время немногіе люди выживаютъ болѣе 60 лѣтъ, и среди этихъ немногихъ только исключительныя личности ведутъ на седьмомъ и восьмомъ десяткѣ лѣтъ вполнѣ нормальную и дѣятельную жизнь. Обычно же это только остатки людей, доживающіе свою жизнь въ праздности, за невозможностью работать вслѣдствіе постоянныхъ немощей или полной, въ лучшемъ случаѣ физической, а часто къ тому же и психической, дряхлости. Къ 75—80 годамъ эти безполезные старики почти всѣ умираютъ. Между тѣмъ, извѣстны отдѣльные всѣ случаи чрезвычайно долголѣтней жизни, до 150 лѣтъ и даже нѣсколько больше (наибольшій точно установленный срокъ—185 лѣтъ). Уже одно это заставляетъ предполагать, что, вѣроятно, и всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство людей могли бы жить до 150 лѣтъ, если бы удалось устранить условія, сокращающія теоретически возможную продолжительность человѣческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, нѣтъ ничего нескромнаго въ желаніи властелина земли жить хотя бы столько, сколько живутъ щуки, черепахи и крупныя хищныя птицы. Очевидно, мы умираемъ смертью не естественной, а той, которая выше была названа смертью преждевременной, отъ внутреннихъ причинъ, въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, повидимому, отъ несовершеннаго устройства нашего пищеварительнаго канала. Если бы удалось точно выяснить причину этой преждевременной смерти и устранить ее, то мы могли бы получить естественную смерть и нормальную жизнь.

Такую нормальную жизнь, которая, по мнѣнію И. Мечникова, должна отличаться отъ нынѣшней не только большой продолжительностью, но и другими ниже указываемыми особенностями, онъ называетъ ортобіозомъ. Предполагается, что при ортобіозѣ періоды дѣтства и плодовитой молодости сохранятъ приблизительно теперешнюю свою продолжительность. Удлинится же безплодная старость, которая, однако, по своему характеру вовсе не будетъ соотвѣтствовать тому, что теперь называется старостью. Старость при ортобіозѣ будетъ отличаться здоровьемъ, бодростью и дѣловитостью.

И. Мечниковъ, такимъ образомъ, сулитъ человѣчеству блестящее будущее. Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе между подготовительнымъ и продуктивнымъ періодами жизни въ настоящее время нельзя не назвать совершенно ненормальнымъ, особенно для представителей интеллигентнаго труда. Многіе только къ 30-и годамъ оканчиваютъ свое ученье, при чемъ все это время живутъ трудомъ другихъ (въ данномъ случаѣ все равно, на средства ли государства, или родителей и т. п.). Будетъ ли

продолжаться продуктивная жизнь такого человѣка хотя бы столько времени, сколько длилась его подготовка,—это всегда остается большимъ вопросомъ. Для очень многихъ, во всякомъ случаѣ, она гораздо короче. Сплошь и рядомъ какъ разъ тогда, когда человѣкъ пріобрѣлъ достаточный опытъ, когда умственный взоръ его сталъ хорошо видѣть, что и какъ слѣдуетъ дѣлать,—въ это самое время онъ или умираетъ, или, что почти все равно, здоровье его совершенно разстраивается и къ продуктивному труду онъ уже оказывается почти или совершенно неспособнымъ. Если, несмотря на это, все-таки человѣчество дѣлаетъ извѣстные успѣхи въ культурномъ отношеніи, то можно себѣ представить, что будетъ при ортобіозѣ, когда продуктивный періодъ человѣческой жизни для людей умственнаго труда будетъ продолжаться разъ въ пять дольше, чѣмъ подготовительный, принимая продолжительность этого послѣдняго въ 25—30 лѣтъ. Для людей физическаго труда, у которыхъ теперь продуктивный періодъ жизни превышаетъ подготовительный періодъ рѣдко болѣе, какъ въ три раза, тогда онъ будетъ превышать послѣдній въ девять разъ (принимая продолжительность подготовительнаго періода въ 15 лѣтъ).

При ортобіозѣ продолжительная жизнь, по Мечникову, должна заканчиваться чувствомъ насыщенія жизнью и спокойнымъ желаніемъ смерти. Естественная смерть, такимъ образомъ, не должна служить источникомъ ужаса и отчаянія, какъ смерть случайная или преждевременная, а должна играть роль желательнаго заключенія жизни, такъ точно, какъ сонъ является желательнымъ заключеніемъ трудового дня здороваго человѣка. Это стремленіе къ естественной смерти при ортобіозѣ не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ довольно распространеннымъ въ настоящее время стремленіемъ къ самоубійству, представляющимъ, несомнѣнно, ненормальное явленіе, вызываемое какими-либо особыми обстоятельствами, нарушающими душевное равновѣсіе человѣка. Стремленіе къ такому противоестественному концу будетъ чуждо ортобіотическому человѣчеству. Напротивъ, по Мечникову, любовь къ жизни (или, какъ онъ выражается, „чувство жизни“) по мѣрѣ накопленія жизненнаго опыта и расширенія умственнаго кругозора все болѣе развивается. Ребенокъ не имѣетъ понятія о смерти и потому не цѣнитъ жизни. Юноша, хотя и знаетъ о смерти, но не боится ея, потому что все еще не цѣнитъ жизни. Пожилой человѣкъ цѣнитъ жизнь и потому боится смерти до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ насытится жизнью и почувствуетъ такое же инстинктивное желаніе смерти, какъ желаніе сна послѣ трудового дня. Этимъ объясняется то, что среди молодыхъ людей такъ много пессимистовъ, между тѣмъ какъ въ пожиломъ возрастѣ преобладаетъ оптимистическое настроеніе.

Считая вполнѣ вѣроятнымъ взглядъ И. Мечникова на отношеніе ортобіотическаго человѣчества къ естественной смерти, я, однако, сомнѣваюсь въ правильности его взгляда на происхожденіе оптимистическаго и пессимистическаго міровоззрѣнія. Въ какомъ возрастѣ чаще встрѣчаются оптимисты и въ какомъ пессимисты—выяснить довольно трудно. Что юноши обыкновенно не боятся смерти, а люди болѣе поздняго возраста ея боятся, это, повидимому, вѣрно, но объяснить это явленіе можно гораздо проще тѣмъ обстоятельствомъ, что юноши и не имѣютъ повода бояться смерти, такъ какъ она представляется имъ чѣмъ-то настолько отдаленнымъ, что они о ней очень мало думаютъ. Пожилые люди, напротивъ, ясно видятъ близость смерти, а потому совершенно естественно гораздо больше думать о ней и бояться ея. Что между боязнью смерти и оптимизмомъ нѣтъ прямого соотношенія, видно изъ того, что часто встрѣчаются люди, очень боящіеся смерти и въ то же время очень мрачно смотрящіе на жизнь. Съ другой стороны, юноша, вообще не боящійся смерти, всегда, однако, почувствуетъ страхъ, если она дѣйствительно явится передъ нимъ во всей своей ужасной близости, и страхъ этотъ непремѣнно проявится совершенно независимо отъ того, настроенъ ли этотъ юноша оптимистически или пессимистически.

...Какими, однако, практическими мѣрами можно достигнуть ортобіоза? Съ отношеніемъ И. Мечникова къ этому вопросу не во всѣхъ пунктахъ можно согласиться. Здѣсь ему по временамъ какъ будто измѣняютъ присущія ему смѣлость мысли и логичность выводовъ. Съ одной стороны онъ говоритъ: „Человѣчество не должно болѣе считать идеаломъ гармоническое функціонированіе всѣхъ органовъ, этотъ идеалъ древности, переданный нашимъ временамъ. Незачѣмъ вызывать къ дѣятельности такіе органы, которые находятся на пути къ атрофіи, и многіе естественные признаки, быть можетъ, полезные животному, должны исчезнуть у человѣка. Человѣческая природа, способная къ измѣненіямъ, точно такъ же, какъ и природа организмовъ вообще, должна быть видоизмѣнена сообразно опредѣленному идеалу“. („Этюды оптимизма“. Изд. 2, стр. 270). Подъ этими строками я охотно готовъ подписаться обѣими руками. Далѣе,

однако, И. Мечниковъ проводитъ мысль о томъ, что методы видоизмѣненія породъ растеній и животныхъ не могутъ быть примѣнены къ человѣку. „Здѣсь“, говоритъ онъ (стр. 272), „не можетъ быть и рѣчи о подборѣ и скрещиваніяхъ, примѣнимыхъ ко ржи и сливамъ“.

Никакъ не могу согласиться съ этимъ неожиданнымъ заключеніемъ, вовсе не вытекающимъ изъ всего предшествующаго. Напротивъ, человѣчеству настоятельно необходимо обратить серьезное вниманіе на улучшеніе человѣческой породы. И. Мечниковъ правильно указываетъ на необходимость ограниченія человѣческой плодовитости. Къ этому нужно добавить, что право дѣторожденія должно быть оставлено только за людьми, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ нормальными, и должно подвергаться строгому государственному или общественному контролю. Нѣкоторые зачатки такого контроля имѣются и теперь, такъ какъ и въ настоящее время законъ запрещаетъ бракъ, напр., безумныхъ и сумасшедшихъ, а также лицъ, находящихся между собою въ близкомъ родствѣ. Но, помимо этой категоріи лицъ, въ общественной жизни можно встрѣтить множество людей ненормальныхъ физически, нравственно или психически (хотя и не въ такой степени, чтобы ихъ офиціально можно было назвать сумасшедшими). Потомство всѣхъ такихъ людей не можетъ быть полезно для человѣчества, а потому и размноженіе этихъ людей не должно быть допускаемо. Этого требуетъ высшая цѣль, какую мы можемъ себѣ представить: благо будущаго человѣчества.

Такимъ образомъ, отборъ производителей, посредствомъ отстраненія худшихъ изъ нихъ, представляетъ собою первую и безусловно необходимую мѣру для достиженія оргобіоза. Съ другой стороны, неужели можно усмотрѣть что-либо ненормальное или противное нравственности въ томъ, если молодые люди при вступленіи въ бракъ будутъ подбирать себѣ пару, руководствуясь не однимъ только безсознательнымъ влеченіемъ или очень сознательной, но не всегда разумной, заботой о матеріальной обезпеченности, о родовитости и тому подобными дачными, нынѣ играющими въ этомъ дѣлѣ часто рѣшающую роль,—но будутъ ставить на первый планъ здоровье, трудоспособность, умъ и возможно высокія нравственныя качества своего избранника или избранницы? А между тѣмъ, подобнаго рода подборъ, систематически проводимый въ ряду поколѣній, несомнѣнно долженъ привести къ постепенному совершенствованію человѣческой породы *). Это тотъ же искусственный отборъ, но только производимый не посторонней волей, а волей существа, доросшаго до понятія о самоусовершенствованіи. Ничего страшнаго не представляетъ собою также и гибридизація, которая въ примѣненіи къ человѣку представляетъ собою не что иное, какъ смѣшанные браки между различными расами. Гибридизація давно примѣняется человѣчествомъ и, хотя она производится по совершенно случайнымъ причинамъ, безъ ясно сознаваемой цѣли, тѣмъ не менѣе результатомъ ея обыкновенно является выработка новой расы, болѣе прежнихъ способной къ дальнѣйшей культурѣ. Можно привести очень много историческихъ примѣровъ, доказывающихъ, что именно тѣ страны, гдѣ происходило смѣшеніе различныхъ расъ, вслѣдъ за этимъ обнаруживали быстрый культурный подъемъ.

Весьма вѣроятно, что эти мѣры со временемъ повліяютъ благотворно и на главнаго врага (по И. Мечникову) человѣческаго организма—толстыя кишки, въ смыслѣ ихъ большей или меньшей атрофіи. Но для достиженія этого результата указанными мѣрами, несомнѣнно, потребуются громадные промежутки времени. Невольно является мысль о возможности систематическаго оперативнаго удаленія этого вреднаго органа у дѣтей, какъ это и рекомендуетъ дѣлать д-ръ Дастазо. Само собою разумѣется, что немедленнаго введенія подобной мѣры я не рѣшился бы предлагать, такъ какъ и цѣлесообразность ея пока является только очень вѣроятной, но не вполнѣ доказанной. Со временемъ, однако, если будутъ произведены упомянутые выше опыты на животныхъ и польза отъ такой операціи будетъ точно доказана, трудно было бы что-либо возразить противъ указанной мѣры. При современномъ состояніи хирургіи эта операція не должна представлять особенныхъ затрудненій, а со временемъ, нужно полагать, она будетъ производиться такъ же легко, какъ производится у евреевъ обрѣзаніе, тѣмъ болѣе, что, конечно, не понадобится удалять всѣ толстыя кишки цѣликомъ, а только большую часть ихъ“.

Наконецъ, теоретически проф. Кащенко допускаетъ возможность сохраненія молодости у человѣка путемъ употребленія какого-либо вещества, растворяющаго избытокъ продуктовъ распада и удаляющаго ихъ изъ тканей въ жидкомъ видѣ, но считаетъ что изобрѣтеніе такого „элексира молодости“ встрѣтится съ

*) Сравн. съ этимъ „евгеническое движеніе“ (см., напр., „Бюллетени“ № 20, о „Новой формѣ брака“).

такими практическими трудностями, которыя едва ли удастся преодолѣть.

* * *

Другой, не менѣе интересный способъ достигнуть долголѣтія указываетъ нѣмецкій біологъ *Евг. Шульцъ*, статья котораго „О молодѣніи“ помѣщена въ сборникѣ № 3 „*Новыя идеи въ біологіи*“. Евг. Шульцъ видитъ жизненный экспериментъ не въ чемъ иномъ, какъ въ періодическомъ голоданіи *). Къ этому выводу онъ пришелъ, наблюдая голодающихъ планарій, пресноводныхъ рѣсничныхъ червей. Нѣкоторые органы у послѣднихъ при голоданіи возвращались въ исходному пункту развитія, а дифференцированныя клѣтки упрощались и пріобрѣтали способность усиленнаго размноженія. Однимъ словомъ, живой матеріи присуща способность молодѣть. У одноклѣточныхъ дифференцированіе, затѣмъ при неблагопріятныхъ условіяхъ обратное развитіе, можетъ повторятся безчисленное число разъ, такъ какъ одноклѣточныя потенціально безсмертны.

„Допустимъ, пишетъ Е. Шульцъ, что и клѣтки многоклѣточныхъ обладаютъ такою же способностью молодѣнія—и у большей части она de facto имѣется, у другой, вѣрно, потенціально,—тогда и многоклѣточныя были бы потенціально безсмертны, при допущеніи вліянія на нихъ факторовъ молодѣнія.

Интересныя наблюденія Мечникова, по которымъ мозгъ у престарѣлыхъ попугаевъ пожирается гигантскими клѣтками, свидѣтельствуютъ о томъ, что изъ всѣхъ тканей нервная система больше всего угрожаетъ намъ смертью. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обладаетъ наибольшей способностью сопротивленія при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, что я недавно выяснилъ наблюденіями надъ голодающими планаріями. Однако, эта способность сопротивленія, повидимому, не замѣняетъ способности молодѣть, которой нервная система или совсѣмъ не обладаетъ, или въ очень незначительной степени.

...Продолжительность жизни отдѣльныхъ видовъ аналогична относительной продолжительности жизни отдѣльныхъ тканей. Мы должны ожидать, что виды, періодически подвергающіеся голодовкамъ и изнашивающіе, такимъ образомъ, множество клѣтокъ, чтобы потомъ ихъ опять заново образовывать, словомъ, животныя, имѣющія возможность молодѣть, должны отличаться особенной продолжительностью жизни по сравненію съ близкими имъ видами, не подвергающимися періодамъ голоданія. Извѣстно, какъ молодѣетъ человѣкъ послѣ тифа, т.-е. послѣ 6-недѣльнаго періода голоданія, и, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ это время потребляется не только жировая ткань, но и мышцы и, можетъ быть, многія другія ткани. Поэтому зимняя спячка должна была бы оказывать особенно благопріятное вліяніе на подверженныхъ ей животныхъ, должна была бы укрѣплять ихъ организмъ и способствовать относительно бо́льшей продолжительности ихъ жизни.

...Съ нашей точки зрѣнія, мы должны были бы ждать, что среди млекопитающихъ барсукъ, летучая мышь, сурокъ, который спитъ 10 мѣсяцевъ, медвѣдь, который во время зимней спячки кормитъ даже своихъ дѣтенышей, хомякъ и другія должны бы отличаться особенной продолжительностью жизни; однако, относительно этого отсутствуютъ наблюденія.

Птицы часто достигаютъ очень преклоннаго возраста. Въ этомъ отношеніи замѣчательны не одни только попугаи: Финшъ говоритъ, что вороны, аисты, орлы и другія птицы достигаютъ такой же старости. Вейссенборнъ (по Финшу) упоминаетъ о соловьѣ, который прожилъ въ клѣткѣ 30 лѣтъ. Правда, эти животныя не знаютъ ни зимней спячки, ни періода голоданія. Наоборотъ, жизнь ихъ почти не прерывается періодомъ отдыха и проходитъ въ безустанной дѣятельности. „Всѣ птицы рано просыпаются послѣ непродолжительнаго ночного сна“, говоритъ Брэмъ, „большинство изъ нихъ бодрствуетъ еще до зари. Въ странахъ, лежащихъ по ту сторону полярнаго круга, онѣ во время высокаго солнцестоянія едва различаютъ часы дня и ночи. Я слышалъ крикъ кукушки въ 12-мъ часу ночи и снова въ первомъ часу утра и видѣлъ ее бодрствующей въ теченіе всего дня. Кто здѣсь въ срединѣ лѣта рано отправляется въ лѣсъ, слышитъ при первомъ проблескѣ свѣта голоса птицъ. Имъ, повидимому, достаточно для сна короткаго времени ночью, нѣсколькихъ минутъ въ теченіе дня“. Постоянная подвижность и неутомимость птицъ создаютъ чрезвычайно интенсивную и, казалось бы, физіологически неблагопріятную для долголѣтія жизнь. И долголѣтіе, слѣдовательно, совершенно противорѣчитъ общепринятому взгляду, согласно которому достиженіе преклоннаго возраста связано съ инымъ, требующимъ незначительнаго обмѣна веществъ, образомъ жизни. Съ нашей же точки зрѣнія, согласно которой продолжительность жизни зависитъ отъ способности молодѣнія, именно жизнь интенсивная, какъ у птицъ, должна

*) Практически къ тому же голоданію, какъ къ средству обновленія организма, пришелъ нѣмецъ Эретъ. См. „Бюллетени“ № 12 „Голодъ, какъ факторъ здоровья“. Въ настоящее время книга А. Эрста вышла въ русскомъ переводѣ.

способствовать постоянному молодѣнію и регенераціи всѣхъ тканей. Старѣетъ только нервная система, обладающая такой слабой возстановительной способностью, какъ это доказано наблюденіями Мечникова надъ попугаями. Амфибіи и пресмыкающіяся, повидимому, доживаютъ до глубокой старости, какъ это доказываютъ, къ сожалѣнію, очень малочисленныя наблюденія въ этой области. Черепахи живутъ до 100 лѣтъ. Но что особенно важно и на что не обращали вниманія, это то, что явленія старости вообще не могутъ быть наблюдаемы у пресмыкающихся. Всѣмъ этимъ животнымъ присуща зимняя спячка и спячка во время засухи. Можно бы допустить, что значительная продолжительность жизни земноводныхъ и пресмыкающихся обусловлена зимней спячкой и спячкой во время голоданія, благодаря тому, что они переносятъ своего рода минимую смерть и сводятъ къ minimum'у всѣ жизненныя отправленія. Я считаю такое объясненіе невѣрнымъ, такъ какъ если обмѣнъ веществъ во время зимней спячки дѣйствительно минимальный, то все же въ силу ея большей продолжительности изнашиваются ткани, которыя остались бы нетронутыми при нормальномъ обмѣнѣ веществъ; голодъ гораздо сильнѣе вліяетъ на организмъ и потому больше его видоизмѣняетъ, чѣмъ то могли бы сдѣлать обычныя условія жизни".

Далѣе Е. Шульцъ задаетъ интересный и глубоковажный вопросъ и приходитъ къ замѣчательному выводу:

„Если періодическое молодѣніе можетъ привести къ относительному продленію жизни—почему мы не находимъ его всюду у животныхъ? Даже безсмертіе индивидуума не представлялось бы недопустимымъ, если бы ему была присуща способность молодѣнія. Если оно, тѣмъ не менѣе, не достигнуто, даже наоборотъ, какъ доказалъ Вейсманъ: продолжительность жизни ограничена настолько, насколько это возможно при данномъ способѣ размноженія, то это зависитъ не отъ какихъ-либо свойствъ „живой матеріи", какъ таковой. Природа обладала всѣми средствами сдѣлать индивидуумъ безсмертнымъ, но она выбрала для него смерть. Вмѣсто постояннаго молодѣнія отдѣльныхъ органовъ—посредствомъ молодѣнія ихъ клѣтокъ,—она избрала молодѣніе всего организма помощью одной клѣтки. Она отняла у насъ безсмертіе и взамѣнъ его дала намъ любовь".

Но нужно ли вообще человѣку продленіе жизни? Надъ этимъ вопросомъ не размышляли алхимики, не задаются имъ и современныя біологи. Однако вопросъ имѣетъ свое основаніе. Нѣкто Б. Ш. въ „*Гол. Мос.*" (№ 119) пишетъ:

„Долгая индивидуальная жизнь была бы убійственна для эволюціи вида въ его цѣломъ. И это понятно. Такъ какъ каждое поколѣніе приноситъ что-нибудь новое въ организаціи вида, то чѣмъ больше поколѣній смѣнится, тѣмъ быстрѣе осуществится усовершенствованіе. Если теперь, скажемъ, въ тысячелѣтіе смѣняется 50 человѣческихъ поколѣній, то при жизни, удвоенной вдвое, смѣнится лишь 25, а эволюція соотвѣтственно замедлится вдвое.

На человѣка нельзя смотрѣть, какъ на окончательно установившійся типъ. Головы греческихъ статуй намъ теперь кажутся уже непропорціонально маленькими, а это значитъ, что со временъ Эллады успѣлъ измѣниться даже внѣшній обликъ человѣка. Но если бы у древнихъ грековъ былъ свой Мечниковъ, то современное человѣчество не достигло бы той ступеньки эволюціи, на которой она стоитъ сейчасъ.

Проф. Кащенко приводитъ въ примѣръ кита и слона, изъ которыхъ первый живетъ до 400, второй—до 200 лѣтъ. Но это какъ разъ именно тѣ животныя, которыя теперь вымираютъ и скоро сдѣлаются ископаемою рѣдкостью: природа одарила ихъ долголѣтіемъ, и за этотъ даръ они платятся отсталостью".

Безсмертіе индивидуальное, оказывается, можетъ грозить смертью человѣчеству. А потому нужно пожелать, чтобы наука подольше не открывала „секрета вѣчной молодости".

Переворотъ въ біологіи.

[577:61]

Мы уже имѣли случай,—въ № 15—16, по поводу удачно продѣланныхъ проф. Штейнахомъ опытовъ превращенія пола,—коснуться значенія, такъ наз., гормоновъ въ жизни животнаго организма. Вопросъ о гормонахъ требуетъ, однако, гораздо большаго къ себѣ вниманія. Недаромъ онъ нашумѣлъ за послѣднее время. Выводы, къ которымъ пришли ученые въ новой области біологическихъ изслѣдованій,—получившей названіе *ученія о внутренней секреціи*.—такъ интересны и даже поразительны, такъ чреваты будущимъ, такъ значительно расширяютъ они власть человѣческаго ума надъ живой природою, что переживаемый сейчасъ наукой, а также практической медициной моментъ нужно считать исключительно важнымъ.

„Въ настоящее время нѣтъ почти ни одного вопроса въ патологіи и физіологіи, къ разрѣшенію котораго не привлекались бы гормоны. Ученіемъ о внутренней секреціи пользуются и

для разрѣшенія широкихъ проблемъ біологіи, въ родѣ, напр., вопроса о наслѣдованіи пріобрѣтенныхъ свойствъ, сущности процессовъ эмбріогенеза и т. д. ...Подъ новымъ угломъ зрѣнія намъ станутъ понятными многія явленія психической жизни, совершенно необъяснимыя съ точки зрѣнія прежнихъ взглядовъ на сущность нервной дѣятельности. Открываются новые горизонты и для сравнительной біо-психологіи. ...Открылись такія возможности, о которыхъ не рѣшались прежде думать даже самые смѣлые мечтатели. ...Самое пылкое воображеніе не можетъ предвидѣть тѣхъ возможностей, которыя откроются для творческой дѣятельности человѣка, когда мы научимся искусственно добывать различные гормоны въ лабораторіяхъ".

Такъ пишетъ одинъ изъ русскихъ спеціалистовъ въ этой области, прив.-доц. А.В. Немиловъ (см. его статьи „Спорные вопросы неврологіи", во второмъ сборникѣ изданія „Новыя идеи въ біологіи", и „Почему всѣ части человѣческаго тѣла работаютъ согласно", во II—III кн. „Ежемѣс. Ж."). Близко, детально ознакомиться съ исторіей и настоящимъ положеніемъ вопроса читатель можетъ по сб. № 3 „Новыхъ идей въ медицинѣ", цѣликомъ посвященному ученію о внутренней секреціи, въ особенности же по капитальной монографіи Biedl'я „Die innere Sekretion". Мы здѣсь ограничимся лишь приведеніемъ существенной части популярной статьи д-ра *Вл. Цед-ма*, напечатанной въ № 138 „*Рѣчи*", дополнивъ этотъ матеріалъ, гдѣ слѣдуетъ, нѣкоторыми выдержками изъ работъ упомянутаго прив.-доц. *Немилова*.

——

Однимъ изъ самыхъ знаменательныхъ событій въ современной біологіи является, несомнѣнно, то, что наука эта въ теченіе послѣднихъ лѣтъ коренньмъ образомъ измѣнила свой основной взглядъ на сущность всѣхъ жизненныхъ процессовъ въ животномъ организмѣ и на роль отдѣльныхъ органовъ въ экономикѣ этой жизненной работы.

Усвоивая все болѣе и болѣе точные принципы химіи и физики и пытаясь объяснить законами этихъ наукъ различные вопросы физіологіи и патологіи, наука въ значительной степени поколебала за послѣднее десятилѣтіе считавшіяся раньше непреложными основы „клѣточной" (целюллярной) патологіи Вирхова, возвращаясь постепенно къ давно забытымъ воззрѣніямъ „гуморальной" патологіи, т.-е. патологіи жидкостей организма—къ ученію, созданному Сильвіусомъ. Постепенно начинаютъ теперь оправдываться мудрыя слова физіолога Либига, который почти полвѣка тому назадъ говорилъ, что „только при посредствѣ химіи физіологія можетъ подняться до ранга индуктивной науки и пріобрѣсти настоящее значеніе для терапіи; можно ожидать, что тогда физіологія будетъ поставлена въ такія же отношенія къ медицинѣ, въ какихъ уже теперь сельскохозяйственная химія находится къ сельскому хозяйству".

Идя послѣдовательно въ новомъ направленіи, наука какъ бы усвоила соціальный взглядъ на характеръ и жизнедѣятельность организма и его отдѣльныхъ частей. Подобно тому, какъ жизнь цѣлаго государства складывается изъ жизни и дѣятельности его отдѣльныхъ частей и административныхъ органовъ, такъ жизнедѣятельность животнаго организма складывается изъ функцій всѣхъ его органовъ въ совокупности. Но тогда какъ прежде существовало воззрѣніе, что только центральный административный органъ (центральная нервная система) регулируетъ дѣятельность этихъ входящихъ въ составъ цѣлаго организма отдѣльныхъ органовъ,—въ настоящее время не существуетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что каждый органъ животнаго организма имѣетъ свою самостоятельную, специфическую дѣятельность, находящуюся до нѣкоторой степени *внѣзависимости отъ центральной власти* Отдѣльные органы—это какъ бы автономизированныя области сложнаго и обширнаго государства, какимъ долженъ представлять себѣ животный организмъ современный біологъ. Въ организмѣ, какъ и въ сложномъ государствѣ, основанномъ на конституціонныхъ началахъ, существуетъ нѣкоторая „децентрализація власти".

Но подобно тому, какъ въ каждой странѣ развитіе производительныхъ силъ ея есть явленіе непроизвольное и находится въ зависимости отъ существующихъ потребностей и т. д., такъ и дѣятельность отдѣльныхъ органовъ въ организмѣ подчинена своимъ особымъ экономическимъ законамъ. Въ нормальномъ животномъ организмѣ, какъ въ здоровомъ государственномъ организмѣ, существуетъ полная гармонія функцій отдѣльныхъ органовъ, развивающихъ свою дѣятельность именно въ такихъ размѣрахъ, какихъ этого въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ требуютъ общіе экономическіе интересы цѣлаго организма. Причина этого заключается именно въ томъ, что различные органы въ организмѣ связаны другъ съ другомъ не только при помощи нервной системы и кровеносной системы, но и другими весьма тѣсными физіологическими соотношеніями.

Когда въ кровь поступаетъ тотъ или иной

продуктъ, кровеносная система чрезвычайно быстро распредѣляетъ его по всѣмъ органамъ и частямъ организма. Подобно тому, какъ различныя химическія тѣла своимъ присутствіемъ въ однихъ случаяхъ могутъ способствовать образованію тѣхъ или иныхъ реакцій, а въ другихъ не оказываютъ никакого вліянія, такъ и эти тѣла крови въ однихъ случаяхъ вліяютъ на функціональную работу органовъ, въ другихъ не оказываютъ вліянія. Въ послѣднихъ случаяхъ органы могутъ играть лишь роль тѣхъ передаточныхъ станцій, по которымъ продуктъ обмѣна долженъ попасть на мѣсто своего назначенія въ силу естественныхъ условій (распредѣленіе кровеносныхъ путей). Изученіе вопросовъ объ образованіи и обмѣнѣ органовъ этими тѣлами при посредствѣ крови и составляетъ предметъ „ученія о внутренней секреціи“, которое за послѣдніе годы заняло выдающуюся роль въ біо-патологіи, проникнувъ во всѣ ея отдѣлы.

Ученіе это развилось, собственно говоря, благодаря изслѣдованію дѣятельности нѣсколькихъ органовъ въ организмѣ, роль которыхъ представлялась крайне неясной и, въ сущности, не выяснена до конца и теперь. Органы эти—надпочечныя железы, щитовидная железа и прилегающія къ ней „околощитовидныя железки“ и особая железа, носящая названіе „придатка мозга“, находящаяся на его основаніи и лежащая на основной кости черепа, приблизительно позади перекреста зрительныхъ нервовъ. Железы эти отличаются отъ прочихъ железъ организма тѣмъ, что онѣ не имѣютъ тѣхъ выводящихъ протоковъ, по которымъ прочія железы (печень, поджелудочная железа, почки, слюнныя железы, сальныя железы, потовыя железы, половыя железы) выводятъ наружу продуктъ своей функціональной дѣятельности. И хотя ихъ громадное значеніе для организма установлено давно, ибо очевидно было, что онѣ вліяютъ на различныя функціи организма, на ростъ его, на дѣятельность сердца, на психическое развитіе и т. д.,—оставалось неяснымъ, какимъ путемъ онѣ оказываютъ вліяніе. Когда же тѣла, вырабатываемыя этими органами, были точно изучены химически (продукты щитовидной железы и надпочечника),—удалось установить, что продукты эти постоянно находятся въ крови и степень увеличенія процентнаго ихъ содержанія въ ней играетъ колоссальную роль для различныхъ функцій организма. Железы эти и получили названіе „железъ съ внутренней секреціей“. За послѣднее десятилѣтіе, однако, рамки ученія о внутренней секреціи значительно раздвинуты и установлено, что прочія железы организма также имѣютъ, кромѣ наружной, такую же внутреннюю секрецію.

Но какова физіологическая роль этихъ химическихъ тѣлъ, попадающихъ въ кровь? Одинъ нѣмецкій физіологъ далъ имъ весьма мѣткое названіе: „химическихъ вѣстниковъ“; они являются какъ бы вѣстниками физіологическаго равновѣсія функцій отдѣльныхъ органовъ. Въ этомъ и заключается ихъ существенное отличіе отъ питательныхъ веществъ, доставляемыхъ органамъ кровью. Они являются той именно силой, которая регулируетъ и направляетъ функціональную дѣятельность клѣтокъ. Starling, изучавшій эти специфическія тѣла, далъ имъ названіе „гормоновъ“ (отъ греческаго слова ὁρμάω—двигаю, раздражаю, возбуждаю), отъ чего и все ученіе о внутренней секреціи получило названіе „гормонологіи“.

Нервы очень часто сравниваютъ съ телеграфными проводами, соединяющими различные органы тѣла съ центральной станціей телеграфа—мозгомъ. Гормоны же можно сравнить въ нашемъ тѣлѣ съ безпроволочнымъ телеграфомъ. Это еще болѣе совершенный способъ сообщенія между отдаленными частями тѣла. Подобно тому, какъ электрическія волны безпроволочнаго телеграфа не связаны проводами, а распространяются свободно по воздуху во всѣ стороны, такъ и гормоны распространяются во всѣхъ направленіяхъ по крови и лимфѣ, которая пропитываетъ, можно сказать, всѣ части тѣла. И, какъ электрическія волны радіо-телеграфа улавливаются особыми аппаратами на станціяхъ, такъ и гормоны, при своемъ распространеніи по тѣлу, дѣйствуютъ не на всѣ части тѣла одинаково, а только на опредѣленныя. Благодаря этому, каждая часть тѣла находится подъ преимущественнымъ вліяніемъ именно опредѣленныхъ гормоновъ, для которыхъ она является своего рода станціей радіо-телеграфа.

Всѣ органы, такимъ образомъ, связаны въ нашемъ тѣлѣ этими химическими вѣстниками. Если въ одной части тѣла наступаютъ какія-либо измѣненія, то сейчасъ же измѣняется и поступленіе въ кровь соотвѣтствующихъ гормоновъ. Это измѣненіе воспринимается тѣми органами, которые находятся подъ преимущественнымъ вліяніемъ данныхъ гормоновъ, и они начинаютъ работать медленнѣе или быстрѣе. Вся дѣятельность отдѣльныхъ машинъ-органовъ въ фабрикѣ человѣческаго тѣла оказывается такимъ образомъ согласованной. Всѣ части тѣла спаяны и связаны этими химическими вліяніями, этимъ своеобразнымъ безпроволочнымъ телеграфомъ.

Согласно ученію о внутренней секреціи, су-

ществуютъ двѣ категоріи гормововъ, вырабатываемыхъ органами: одни изъ нихъ обладаютъ способностью *усиливать* функціональную дѣятельность связанныхъ съ ними какъ бы общими интересами органовъ, другіе, наоборотъ, тормозятъ эту дѣятельность. Въ виду того, что функціональная работа клѣтки требуетъ затраты энергіи и питательнаго матеріала, гормоны первой категоріи являются въ то же время веществами, вызывающими диссимиляцію, т.-е. разрушеніе питательныхъ запасовъ въ клѣткахъ; наоборотъ, вторые, создающіе для клѣтки состояніе покоя—способствуютъ процессу усвоенія пищевыхъ веществъ. Нужно замѣтить, что гормоны не есть какія-нибудь гипотетическія тѣла, наоборотъ, это—тѣла, поддающіяся весьма точному химическому опредѣленію, и многія изъ нихъ весьма точно изучены въ настоящее время. Такъ, весьма точно изучены гормоны надпочечниковъ (адреналинъ) и щитовидной железы (іодотиринъ).

Благодаря широкому развитію физіологическаго эксперимента, въ настоящее время разрушенъ даже одинъ изъ самыхъ основныхъ принциповъ физіологіи клѣтки. Прежде полагали, что только одинъ эпителіальныя (покровныя) клѣтки обладаютъ способностью вырабатывать секретъ. Въ настоящее время признаютъ, что каждый органъ, каждая ткань обладаетъ своей внутренней секреціей, ибо она, при обмѣнѣ веществъ, вырабатываетъ свои химическія тѣла, попадающія въ токъ крови и являющіяся „гормонами“ и для другихъ органовъ. Напримѣръ, въ мышцахъ во время ихъ работы идетъ расходованіе сахара съ одной стороны и образованіе молочной кислоты и углекислоты—съ другой; вещества эти, попадающія въ токъ крови, обладаютъ способностью возбуждать дѣятельность дыхательнаго центра въ продолговатомъ мозгу. Въ печени, кромѣ другихъ ея функцій (выработка желчи), происходитъ образованіе мочевины изъ амміака; тѣло это попадаетъ въ токъ крови по системѣ кровеносныхъ сосудовъ печени и, достигая дальше по сосудистой системѣ почекъ, возбуждаетъ ихъ къ дѣятельности, т.-е. къ образованію и фильтраціи мочи.

Но если современная біологія отводитъ такое огромное значеніе гормонамъ, отнимая цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ функцій у центральной нервной системы, то естественно возникаетъ весьма серьезный вопросъ, какова же въ такомъ случаѣ роль нервной системы въ животномъ организмѣ и каковы ея функціи?

Изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ заставили коренньмъ образомъ измѣнить взглядъ на роль нервной системы, и знаменитая формула французскаго анатома Кювье—„Le système nerveux est, au fond, tout l'animal; les autres systèmes ne sont là que pour le servir“ (Нервная система это и есть, собственно, все животное; всѣ остальныя системы органовъ существуютъ только для того, чтобы служить ей)—для современнаго физіолога оказывается совершенно непріемлемой. Конечно, и теперь нельзя говорить о томъ, что нервная система „низвергнута“ съ своего высокаго пьедестала, Но, согласно современнымъ воззрѣніямъ, она служитъ, главнымъ образомъ, для приспособленія организма къ быстрымъ раздражевіямъ и внѣшнимъ вліяніямъ; постоянная же физіологическая работа органовъ совершается подъ вліяніемъ игры гормоновъ.

Правда, въ настоящее время еще не имѣется точныхъ морфологическихъ доказательствъ, устанавливающихъ внутреннюю секреторную дѣятельность нервной системы. Но такихъ доказательствъ не имѣется пока и для нѣкоторыхъ другихъ категорій клѣтокъ, внутренняя секреторная дѣятельность которыхъ не возбуждаетъ никакого сомнѣнія. Съ другой же стороны, за послѣдніе годы установлено, что вся такъ называемая невроглія—ткань, окружающая нервные элементы, которой прежде и еще совсѣмъ недавно приписывалась ничтожная роль поддерживающей и механически связующей ткани (какъ соединительная ткань въ другихъ органахъ)—представляетъ собою весьма объемистую и широко вѣтвящуюся во всемъ организмѣ железу съ внутренней секреціей.

Оказывая вліяніе своими секретами, или гормонами, на другія клѣтки организма, нервная система, въ свою очередь, находится подъ вліяніемъ гормоновъ, вырабатываемыхъ другими органами и, такимъ образомъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ ними. Иначе говоря, продолжая начатую параллель,—нервной системѣ отводится по современнымъ воззрѣніямъ роль „отвѣтственнаго правительства“ въ странѣ парламентаризма, ибо она должна подчиняться и приспособляться къ интересамъ и функціямъ остальныхъ органовъ животнаго организма.

Конечно, центральная нервная система остается сѣдалищемъ высшихъ функцій организма,—проявленій его психической, умственной дѣятельности. Но въ настоящее время уже имѣется огромное число доказательствъ, ясно показывающихъ колоссальное вліяніе внутреннихъ секретовъ даже на эти функціи организма. Современная психіатрія твердо усвоила взглядъ, что цѣлый рядъ психическихъ заболѣваній является результатомъ *самоотравленія* организма. Но разъ самоотравленіе есть нарушеніе гармоніи въ игрѣ гормоновъ, преобла-

данiе тѣхъ или иныхъ вліяній, то естественно, что все сводится именно къ вліянію этой игры.

Грубо можно было бы сравнить гистологическіе элементы мозга со струнами музыкальнаго инструмента. Одна и та же струна, въ зависимости отъ степени натяженія, даетъ различные звуки. Такъ и нервная клѣтка, въ зависимости отъ дѣйствія различныхъ гормоновъ, проявляетъ различную дѣятельность. И какъ комбинаціей немногихъ струнъ удается достигнуть большого разнообразія звуковъ и ихъ оттѣнковъ, такъ и комбинаціей сравнительно небольшого количества типовъ нервныхъ клѣтокъ осуществляется почти безконечное разнообразіе психическихъ проявленій. Къ душевной жизни нервныя клѣтки имѣютъ, приблизительно, такое отношеніе, какъ составныя части механизма музыкальнаго инструмента къ исполненію извѣстной пьесы. Гистологическая архитектоника мозга,—это музыкальный инструментъ, а гормоны,—это тотъ артистъ, который на немъ разыгрываетъ цѣлыя симфоніи.

Въ настоящее время наука только начинаетъ знакомиться съ этимъ дѣйствіемъ на нервную систему гормоновъ тѣла, но и то, что уже теперь сдѣлано, открываетъ широкія перспективы и для психіатріи и для теоретической неврологіи. Связь многихъ нервныхъ и душевныхъ заболѣваній съ разстройствами той или иной железы съ внутренней секреціей установлена точно—и біологическими изслѣдованіями и клиническими наблюденіями. Такъ, уже не подлежитъ сомнѣнію, что отсутствіе или выпаденіе функцій щитовидной железы ведетъ къ кретинизму. Это открыло возможность лѣчить подобныя заболѣванія вытяжками изъ тѣхъ или иныхъ органовъ съ внутренней секреціей, назначеніемъ соотвѣтствующаго діэтетическаго режима или даже пересадкой и удаленіемъ тѣхъ или иныхъ частей железистаго аппарата *). Тамъ, гдѣ прежде психіатры и невропатологи шли ощупью и впотьмахъ, они теперь работаютъ навѣрняка. На мѣсто наивнаго симптоматологическаго лѣченія они выдвигаютъ рацiональную, біологически обоснованную терапію.

Но современныя изслѣдованія идутъ и дальше. Они показываютъ, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удается подъ вліяніемъ гормоновъ измѣнять психику животнаго, т.-е. искусственно вліять на его психическіе функціи. Самымъ яркимъ доказательствомъ этого воззрѣнія являются блестящіе и смѣлые опыты вѣнскаго физіолога Штейнаха, которому, какъ мы уже знаемъ, удалось превратить искусственно самца въ самку и вызвать у него не только всѣ вторичные половые анатомическіе признаки женскаго организма, но даже придать всей его нервной дѣятельности тѣ черты, которыя характерны для психологіи самки *).

Опыты эти, помимо своего выдающагося біологическаго значенія, показали, что внутренняя секреторная дѣятельность половыхъ железъ оказываетъ серьезнѣйшее вліяніе на психику и что различіе между женской и мужской психикой имѣетъ опредѣленныя химико біологическія основы **).

Возвращеніе къ природѣ и „простой жизни“.

[614:628].

Города новой цивилизаціи („города-сады“)

Идея сліянія города съ деревней порождена не двадцатымъ вѣкомъ и даже не девятнадцатымъ; она зародилась уже въ древности, еще въ то время, когда впервые дало себя почувствовать разъединеніе двухъ основныхъ типовъ человѣческихъ поселеній. Но нашему вѣку принадлежитъ честь и счастье практическаго осуществленія этой идеи, составлявшей предметъ мечтаній многихъ и многихъ передовыхъ умовъ.

*) Здѣсь кстати упомянуть о замѣчательной операціи нашего соотечественника, д-ра С. Воронова (бывшаго ассистента знаменитаго проф. Карреля), произведенной имъ совсѣмъ недавно въ Ниццѣ надъ 14-лѣтнимъ мальчикомъ-идіотомъ. Д-ру Воронову удалось впервые „пересадить“, и вполнѣ благополучно, щитовидную железу, взятую у обезьяны. Гормоны привитой железы не замедлили обнаружить свою дѣятельность на новомъ мѣстѣ. Какъ опубликовано со словъ счастливаго оператора, у его паціента, *идіота*, черезъ нѣкоторое время ожилъ взглядъ и появились умственныя способности,—понятливость, любознательность.

*) Въ томъ же направленіи работаетъ въ настоящее время дрезденскій ученый, проф. Брандесъ, предпринявшій опыты надъ оленями, какъ надъ животными, вторичные половые признаки которыхъ кидаются въ глаза даже непосвященнымъ.

**) Въ связи съ гормональной теоріей вспомнимъ еще о недавно сообщавшихся у насъ (въ томъ же № 15—16) весьма поучительныхъ клиническихъ изслѣдованіяхъ физіологіи сна и экспериментахъ съ „прививкою сна“, произведенныхъ французскими физіологами Лежандромъ и Пьеромъ. Ихъ опыты обѣщаютъ кореннымъ образомъ измѣнить общепринятый взглядъ на явленія сна. На мѣсто гистологической теоріи сна выдвигается новая теорія — химическая, объясняющая это загадочное состояніе все тѣми же гормонами.

Въ двухъ книжкахъ „*Вегетар. Обозр.*“ (№№ 3 и 4) *І. Шліосбергъ* дѣлаетъ обзоръ того, что уже дало движеніе въ пользу городовъ-садовъ. Заимствуемъ оттуда главнѣйшія свѣдѣнія.

Никогда прежде процессъ урбанизаціи человѣчества, т.-е. процессъ сосредоточенія его въ городахъ, не отличался такой интенсивностью и грандіозностью, являясь главной осью культуры, какъ въ XIX вѣкѣ. Поэтому уже въ въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда на почвѣ побѣднаго шествія капитализма выросли современные крупнѣйшіе городскіе центры и появилось страшное соціальное зло въ видѣ острой жилищной нужды, одинъ за другимъ выступаютъ соціальные реформаторы, предлагая цѣлый рядъ экспериментовъ, основной идеей которыхъ является слiяніе города съ деревней. (Робертъ Оуэнъ, Фурье, Прудонъ и др.) Но, къ сожалѣнію, они явились слишкомъ рано: господствовавшія въ первую половину 19-го вѣка тенденціи въ экономической жизни безжалостно противорѣчили идеаламъ „великихъ утопистовъ“. Жизнь развивалась въ совершенно противоположномъ направленіи, и, казалось, что мечта о слiяніи города съ деревней неосуществима для человѣчества.

Только въ самомъ концѣ вѣка въ экономической дѣйствительности обнаружились стремленія къ децентрализаціи населенія, вызванныя дѣйствіемъ цѣлаго ряда экономическихъ факторовъ и соціально-психологическихъ стимуловъ. Сама жизнь, такимъ образомъ, поставила наконецъ на очередь задачу радикальнаго разрѣшенія жилищнаго вопроса, именно въ томъ направленіи, чтобы нейтрализовались отрицательныя стороны города и деревни и синтезировались ихъ положительныя стороны. И вотъ въ отвѣтъ назрѣвшимъ потребностямъ явился соціальный реформаторъ, котораго теперь уже нельзя назвать утопистомъ.

Въ 1898 г. въ Англіи вышла въ свѣтъ замѣчательная книга: „Города будущаго“ Эбенизера Гоуарда „...Полнота радости и мудрости еще не открыта для человѣка. И она не будетъ нами достигнута до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться противоестественное раздѣленіе соціальныхъ благъ и даровъ природы. Городъ и деревня должны сочетаться воедино въ городѣ-садѣ, и отъ этого радостнаго единенія родятся новыя надежды, новая жизнь, новая цивилизація“. Такова великая проблема, выдвинутая Гоуардомъ; имъ же были детально намѣчены и практическіе пути къ ея осуществленію. Въ основныхъ чертахъ они сводятся къ слѣдующему.

Городъ строится въ сельской мѣстности на свободной дешевой землѣ, приростъ цѣнности которой поступаетъ всецѣло въ пользу города. Онъ строится по заранѣе обдуманному и выработанному плану въ расчетѣ на опредѣленное количество жителей (32,000 чел.) въ открытой мѣстности, дающей просторъ для примѣненія самыхъ усовершенствованныхъ и самыхъ экономическихъ способовъ постройки. Городъ является собственникомъ всѣхъ земель, какъ находящихся подъ городскими улицами и постройками, такъ и лежащихъ на нѣсколько верстъ кругомъ въ сельскохозяйственномъ районѣ города-сада. Въ этомъ основная сущность идеи города-сада.

Но не угрожаетъ ли основнымъ принципамъ г.-с. его дальнѣйшій ростъ, когда его населеніе превзойдетъ установленную норму?

На этотъ весьма существенный вопросъ Гоуардъ отвѣчаетъ такъ:

„Предположимъ, что г.-с. въ своемъ ростѣ достигъ населенія въ 32,000. Какъ онъ будетъ расти дальше? Какъ онъ будетъ удовлетворять потребности тѣхъ, кто будетъ привлеченъ его многочисленными преимуществами? Начнетъ ли онъ застраивать свою сельско-хозяйственную полосу и, такимъ образомъ, навсегда лишится права называться г.-с? Конечно, нѣтъ. Это гибельное послѣдствіе имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы земля вокругъ города принадлежала бы, какъ и въ другихъ современныхъ городахъ, частнымъ лицамъ, стремящимся извлечь изъ нея выгоду только для себя. Съ ихъ точки зрѣнія, какъ только городъ былъ бы заполненъ, прилегающая сельско-хозяйственная полоса созрѣла бы для строительныхъ предпріятій, и красѣ и благополучію города наступилъ бы скорый конецъ. Но, къ счастью, окружающая территорія тоже принадлежитъ городу, и городъ будетъ расти не только не уменьшая и не разрушая своей красоты, комфорта и прочихъ преимуществъ, но еще болѣе увеличивая ихъ. Онъ будетъ расти, основывая новые города на нѣкоторомъ разстояніи отъ сельско-хозяйственной полосы съ такимъ расчетомъ, чтобы новый городъ могъ имѣть свою собственную сельскую полосу. Для этого, конечно, и законы объ отчужденіи земель для общественныхъ надобностей должны быть распространены и на г.-с. Жители новаго города могутъ въ нѣсколько минутъ очутиться въ старомъ, такъ какъ будутъ приняты спеціальныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить быстроту сообщенія, и, такимъ образомъ, населеніе обоихъ городовъ въ дѣйствительности будетъ представлять одну общину.

Если неизмѣнно слѣдовать этому принципу роста, согласно которому новымъ городамъ всегда обезпечивается сельскій поясъ, то съ

течевіемъ времени мы будемъ имѣть группы городовъ-садовъ. Они будутъ возникать вокругъ центральнаго города такъ, что каждый обитатель всей группы, проживая и въ маленькомъ городѣ, будетъ пользоваться преимуществами большого, необыкновенно краснваго города, отъ центра котораго онъ будетъ въ разстояніи 5 минутъ ѣзды по желѣзной или электрической дорогѣ. Даже отъ самаго отдаленнаго изъ маленькихъ городовъ онъ будетъ находиться въ разстояніи не болѣе 10—12 минутъ. При такой комбинаціи жителямъ маленькихъ городовъ будутъ одинаковы доступны и радости природы и блага культуры. Поля, кустарники и лѣса, а не только искусственные парки и сады, находятся отъ него въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы или ѣзды. И такъ какъ все населеніе сообща владѣетъ землей, на которой расположена эта прелестная группа городовъ, то общественныя зданія, церкви, школы, университеты, картинныя галлереи и театры будутъ отличаться здѣсь такимъ великолѣпіемъ, какого не можетъ достигнуть ни одинъ городъ въ мірѣ, такъ какъ во всѣхъ нхъ почти вся городская земля находится въ рукахъ частныхъ лицъ, и растущая земельная рента вмѣсто того, чтобы итти на созданіе общеполезныхъ учрежденій, идетъ исключительно въ карманъ домовладѣльцевъ. Подобный способъ расширенія городовъ имѣетъ уже мѣсто и въ дѣйствительности. Напримѣръ, австралійскій городъ, Аделаида, вмѣсто того, чтобы расширяться, уничтожая окружающіе городъ парки перебрасывается черезъ нихъ и основываетъ новые города: Сѣверную Аделаиду и Нордвудъ".

На призывъ Говарда откликнулись представители самыхъ различныхъ слоевъ общества. Уже черезъ годъ послѣ появленія книги, въ іюнѣ 1899 г. образовалось первое „О-во Городовъ-Садовъ". Ближайшимъ шагомъ О-ва явилось образованіе независимой отъ него „Піонерной К°", имѣвшей въ виду собрать необходимый капиталъ для заложенія „города будущаго". Затѣмъ эта „Піонерная К°" превратилась въ „О-во Перваго Г.-С.", приступивъ къ реализаціи проекта Говарда съ нѣсколькими милліонами рублей. Въ 1903 г. О-во купило большой участокъ около 4,000 акровъ въ 50 верстахъ отъ Лондона (между Лондономъ и Кембриджемъ), и въ 1904 г. былъ основанъ первый городъ-садъ, Лечвортъ. Такъ начался этотъ соціальный экспериментъ, оказавшійся весьма чуднымъ. Лечвортъ быстро растетъ числевно, и съ каждымъ годомъ упрочивается его финансовое положеніе: 10 лѣтъ тому назадъ въ Лечвортѣ было около 400 жит. и постройки его оцѣнивались въ 600,000 руб., а въ настоящее время тамъ свыше 8,000 жит. и постройки оцѣниваются свыше 5,000,000 руб. Онъ пока достигъ только 1/4 своей намѣченной величины.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о преимуществахъ этого города-сада, „самаго здороваго города въ мірѣ", приведемъ изъ книги Дадонова „Города-сады будущаго въ настоящемъ" (гдѣ читатель найдетъ подробности о первомъ „городѣ будущаго") слѣдующую таблицу смертности.

Смертность на 1000 жителей.

Г.-С. Лечвортъ.	Большіе англійскіе города.	Большіе нѣмецкіе города.	Саратовъ (въ Глѣбуч. овр.).
4,8	15,9	17,9	217

На 1000 новорожденныхъ до 1 года.

38	145	191	500

Итакъ, въ то время, какъ въ Глѣбуч. овражѣ въ годъ умираетъ одинъ изъ 4 чел., въ Лечвортѣ—лишь одинъ на 200!...

Всего до настоящаго времени при участіи упомянутаго О-ва въ Англіи основано или расширено больше 15 городовъ предмѣстій и поселковъ-садовъ. Надо замѣтить, что вмѣстѣ съ г.-с. жизнь выработала еще компромиссный типъ поселенія: это—пригородъ-садъ. Пригородъ-садъ не только признаетъ существующій городъ, но и присоединяется къ нему, связываетъ съ нимъ свое существованіе, дѣлая жизнь въ немъ болѣе сносной. Итакъ, если городъ-садъ долженъ создать новый магнитъ притяженія массъ, то пригородъ-садъ, напротивъ, увеличиваетъ тягу большихъ городовъ. Но, конечно, и тотъ и другой имѣютъ громадное значеніе для разрѣшенія жилищнаго вопроса.

Изъ пригородовъ-садовъ въ Англіи особенно замѣчательны: Борнвиль, цвѣтущій фабричный городокъ рѣдкой красоты, и Гомстедъ, гдѣ за 12 р. въ мѣс. (включая уже сюда всѣ городскіе и государственные налоги) можно въ 30 мин. отъ центра Лондона имѣть квартиру въ 3 комнаты со всѣми удобствами и съ садомъ въ живописной и здоровой мѣстности.

Движеніе въ пользу городовъ-садовъ въ Англіи вызвало подражаніе и въ другихъ странахъ. Такъ, въ Германіи съ 1902 года успѣшно работаетъ солидное Gartenstadt-Gesellschaft

(Общество г.-с.), которое издаетъ журналъ „Gartenstadt“ и ведетъ широкую агитацію въ пользу г.-с.; практически движеніе въ Германіи выразилось въ созданіи нѣсколькихъ городковъ-садовъ, изъ которыхъ самыми образцовыми являются Геллерау возлѣ Дрездена и Эденъ возлѣ Берлина. Кромѣ того, о-ва г.-с. возникли въ Соед.-Штатахъ, Франціи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи, Испаніи, Португаліи и др. странахъ.

И въ Россіи въ послѣднее время возникло движеніе въ пользу гор.-садовъ. Въ различныхъ мѣстахъ уже приступили къ созданію таковыхъ. Такъ, Моск.-каз. ж. д. строитъ городъ-садъ для желѣзно-дорожныхъ служащихъ близъ ст. „Раменское“; въ Москвѣ въ близкомъ будущемъ начнутся работы по созданію гор.-сада на Ходынскомъ полѣ по проекту моск. гор. думы; въ Москвѣ же при отд. Имп. тех. о-ва учреждена комиссія для созданія сѣти г.-с. вокругъ Москвы; въ цѣляхъ же широкой пропаганды идеи г.-с. и попутно идей раціональнаго устройства городовъ недавно основалось въ Россіи О-во г.-с. (въ Петербургѣ), ставящее своей основной задачей подготовку раціональной жилищной реформы у насъ.

Движеніе въ пользу г.-с.,—замѣтимъ въ заключеніе,—достигло уже той стадіи, когда назрѣваетъ потребность въ созывѣ международнаго конгресса. Только что состоялся первый такой конгрессъ Общества г.-с. въ Лондонѣ.

Робинзоны XX вѣка.

То движеніе, лозунгъ котораго выражается въ словахъ „simple life“ (простая жизнь) и въ призывѣ „Назадъ къ природѣ!“ — движеніе столь характерное для современной цивилизаціи, находящейся сейчасъ на перепутьи,— всего замѣтнѣе растетъ въ странахъ англо-саксонской расы, въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ (нотъ и идея „города-сада“, какъ мы сейчасъ видѣли, обязана своей практической разработкой представителямъ этой расы). Вниманіе читателей нашего журнала уже не разъ направляемо было на отдѣльныя проявленія и теченія этого движенія. Послѣдніе мѣсяцы дали кое-что новое въ дѣлѣ пропаганды „простой жизни“. Слѣдуетъ, напр., отмѣтить спеціальную „выставку простой жизни“, устроенную въ Лондонѣ. На выставкѣ этой посѣтитель можетъ обозрѣть все, что успѣла выработать на Западѣ практика опрощенія: различные воды палатокъ, образцы простой и гигіеничной одежды, всевозможные пищевые продукты и т. п.

Но еще болѣе яркій фактъ въ разсматриваемой области—это опытъ полнаго, строгаго „робинзонства“, продѣланный американскимъ художникомъ Джозефомъ Ноульсомъ въ дикихъ лѣсахъ на сѣверѣ штата Мэнъ.

Свой опытъ этотъ современный Робинзонъ описалъ подробно въ книгѣ „Одинъ въ пустынѣ“. Съ отчетомъ его знакомитъ русскую публику д-ръ *Фрикенъ* (въ „*Биржѣ. Вѣд.*“).

Ноульсъ раздѣлся донага и, не имѣя при себѣ рѣшительно ничего, подъ контролемъ свидѣтелей отправился въ лѣсъ. Для перваго раза онъ назначилъ себѣ двухмѣсячный срокъ и поручился, что въ теченіе этого времени будетъ находить для себя въ лѣсахъ пищу, одежду и кровъ.

Ноульсъ прежде всего позаботился развести костеръ. Все въ лѣсу было влажно отъ дождя, но изобрѣтательный человѣкъ добился своего.

Онъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ лука, тетивой для котораго явились сплетенные ремешки коры. Посрединѣ тетивы онъ связалъ круглую палочку. Нижній конецъ палочки упирался въ кусокъ древеснаго корня. Поддерживая верхній конецъ ея ладовью, Ноульсъ привялся двигать лукъ взадъ и впередъ, отчего палочка завертѣлась на своемъ основаніи. Въ результатѣ долгаго тренія получилась искра. Ноульсъ перенесъ ее на пучекъ гнилой древесины, найденной въ дуплѣ, и кое-какъ ухитрился раздуть.

Затѣмъ слѣдовало позаботиться о жилищѣ. Нашъ первобытный человѣкъ воткнулъ въ землю на извѣстномъ разстояніи дьѣ палки съ раздвоенными верхними концами. Поверхъ ихъ положилъ поперечную палку. Скелетъ его жилища былъ готовъ. Прислонивъ къ перекладинѣ вѣтви и палки, Ноульсъ получилъ наклонный навѣсъ. Оставалось только прикрыть его хвоей, мхомъ и корой. Точно такъ же закрылъ онъ промежутки съ боковъ. Съ передней стороны шалашъ остался открытымъ.

На протяженіи всей книги Ноульсъ поетъ гимны огню. Поддерживая костеръ съ неусыпнымъ рвеніемъ весталки, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго холода. На огнѣ онъ готовилъ себѣ пищу. Впрочемъ, ему случалось питаться и сырыми куропатками.

Огонь замѣнялъ Ноульсу топоръ и пилу. Не будучи въ силахъ волочить какое-нибудь бревно, онъ разводилъ подъ нимъ костеръ и пережигалъ его на дьѣ или на четыре части. Съ помощью огня онъ утоньшилъ и округлилъ дерево, изъ котораго изготовилъ свое первое оружіе—лукъ.

Въ первые дни новый Робинзонъ питался исключительно ягодами. Но въ дальнѣйшемъ онъ позаботился о рыбѣ и мясѣ. Въ ближайшемъ потокѣ была плотина бобровъ. Ноульсъ

прорвалъ ее и понизилъ уровень воды. На мели онъ нашелъ множество форелей. Не желая причинять лишнихъ хлопотъ трудолюбивымъ бобрамъ, онъ потомъ не преминулъ починить плотину.

Затѣмъ онъ разставилъ западню на медвѣдя. Устроилъ онъ ее въ видѣ ямы съ падающей крышкой. Находясь въ наклонномъ положеніи, крышка опиралась на круглую палку, къ которой и была прицѣплена приманка. Приманка висѣла такъ высоко, что медвѣдь, доставая ее, долженъ былъ встать на заднія лапы. Поверхъ крышки, насколько позволялъ ея наклонъ, были нагромождены камни.

Медвѣдь своевременно явился и очутился подъ крышкой. Ноульсъ убилъ его дубинкой по носу, позволивъ ему высунуть голову. Затѣмъ содралъ съ медвѣдя шкуру. Это былъ долгій и трудный процессъ. Ноульсъ отыскалъ острый камень и принялся пилить шкуру вдоль одной изъ заднихъ ногъ медвѣдя. Въ концѣ концовъ волосатая шкура закурчавилась подъ остріемъ и была прорвана.

Изъ всего этого явствуетъ, что Ноульсъ, въ отличіе отъ другихъ „simpleliferовъ“, не былъ вегетеріанцемъ. Но онъ всячески подчеркиваетъ свое отвращеніе къ тѣмъ пріемамъ убоя животныхъ, къ которымъ принудила его крайняя необходимость.

Значительно большее удовлетвореніе доставляло ему мирное сосѣдство и дружба дикихъ обитателей лѣса. По его словамъ, нѣтъ ни единаго животнаго въ первобытномъ лѣсу, которое не пожелало бы завязать дружбу съ человѣкомъ. Не надо только обнаруживать ни малѣйшей стремительности и любопытства при встрѣчѣ съ ними. Идите своей дорогой, дѣлайте свое дѣло,—и животное само придетъ къ вамъ, движимое любопытствомъ.

Одна лань часто навѣщала Ноульса, вмѣстѣ съ своимъ дѣтенышемъ, и брала пищу изъ его рукъ. Куропатки на вѣтвяхъ деревьевъ кокетничали съ нимъ, какъ молодыя дамы. Сердитый чипмавкъ (порода американской бѣлки) однажды яростно подрался съ большой красной бѣлкой, приревновавъ ее къ Ноульсу.

Но тѣ же дикія животныя какимъ-то смутнымъ инстинктомъ отгадываютъ недобрый замыселъ со стороны человѣка. И тогда они способны на борьбу, какъ, напримѣръ, лось, или на необыкновенно хитрыя уловки (лисица и даже олень).

Бродя по первобытному лѣсу, Ноульсъ въ большинствѣ случаевъ пользовался тропинками, проложенными звѣрями. Компасомъ ему служилъ мохъ, который обыкновенно растетъ на сѣверной сторонѣ деревьевъ, гдѣ больше тѣни.

Интересны пейзажи и сцены лѣсной жизни, которые Ноульсъ нарисовалъ на клочкахъ березовой коры при помощи обугленныхъ палочекъ. Писалъ онъ и красками. Кисти онъ смастерилъ изъ короткихъ и жесткихъ волосъ медвѣдя. Волосы онъ всунулъ въ маленькую вставочку изъ отрѣзка пера, залилъ растопленной смолой и придѣлалъ ручку. Красками ему служили ягодный сокъ и настойка коры и корней. Чистый ягодный сокъ, будучи разбавленъ водой, становится прозрачнѣе и превосходно смѣшивается съ глухими тонами коры и кореньевъ.

Лѣсной воздухъ, тяжелый трудъ, а главное—не странно ли?—отсутствіе регулярности въ пищѣ и снѣ подѣйствовали на здоровье Ноульса самымъ благопріятнымъ образомъ, что удостовѣрено профессоромъ гарвардскаго университета, осмотрѣвшимъ Ноульса до и послѣ эксперимента.

Вернувшись въ свой родной городъ, отважный американецъ выглядѣлъ приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Его кожа сдѣлалась мѣднокрасной, какъ у индѣйца. Волосы были взлохмачены, какъ и его длинная борода. Верхняя часть его тѣла была покрыта медвѣжьей шкурой. Бедра были обернуты кожей оленя. Въ рукахъ у него были лукъ и стрѣлы, а также ножъ, сдѣланный изъ оленьяго рога.

Своеобразное стремленіе къ „робинзоновской“ простотѣ и естественности мы видимъ также въ входящей въ моду борьбѣ за наготу, не только за границей, но и у насъ. Понятно, не о сценической, „эстетической“ наготѣ здѣсь рѣчь, а о житейской, гигіенической. Уже не довольствуются хожденіемъ босикомъ, „по способу Кнейпа“. И даже не довольствуются уже солнечными и воздушными ваннами по старому рецепту. Все шире и свободнѣе примѣняется „культура наготы“ (Nacktkultur),—главнымъ образомъ, конечно, за границей и прежде всего въ особыхъ санаторіяхъ.

Какъ сообщалъ *А. Луначарскій* въ одной изъ своихъ корреспонденцій („*Кіев. М.*“), наиболѣе смѣло ведется борьба за наготу—преимущественно съ духовенствомъ—въ Германіи, а именно въ Берлинѣ, гдѣ поборники Nacktkultur, называющіе себя „друзьями свѣта“, сплотились въ союзъ „Фрейя“. Этотъ союзъ владѣетъ въ окрестностяхъ Берлина большимъ, окруженнымъ высокой стѣною паркомъ. Члены союза, какъ мужчины, такъ и женщины, лѣтомъ и вообще въ хорошую погоду разгуливаютъ тамъ совершенно нагими. Все проходитъ вполнѣ благопристойно и спокойно. Общество ведетъ дѣя-

тельную пропаганду и, между прочимъ, издаетъ двухнедѣльный органъ подъ названіемъ „Lichtfreund“ (Другъ свѣта).

Свободный человѣкъ,—проповѣдуетъ союзъ,—свободный отъ предразсудковъ, отъ нездоровой чувственности, отъ рабства моды, фальши показного блеска, свободный отъ болѣзни и тѣлесныхъ уродствъ—это нормальный нагой человѣкъ.

Отъ западныхъ „друзей свѣта“ не хотятъ отставать ихъ русскіе единомышленники. Болѣе рѣшительные приверженцы наготы у насъ отваживаются и на практическое веденіе своей пропаганды. Еще памятенъ арестъ нѣсколькихъ кіевлянъ (въ томъ числѣ, видного дѣятеля вегетаріанства) за появленіе на улицѣ въ весьма и весьма легкихъ сѣтчатыхъ костюмахъ. Развиваютъ понемногу свою дѣятельность „люди природы“ и въ столицахъ, особенно въ Москвѣ (по крайней мѣрѣ въ ея окрестностяхъ, на дачной свободѣ, какъ промелькнули извѣстія въ газетахъ). Даже организуются кружки для проведенія въ жизнь нѣкоторыхъ принциповъ робинзонства,—гдѣ-нибудь въ лѣсу въ теплое время года.

Симптоматично еще одно явленіе, какъ показатель увеличивающейся у насъ тяги къ „простой жизни“. Въ Петербургѣ,—по сообщенію „Ран. Утра“,—кружокъ дамъ подалъ на утвержденіе уставъ „общества борьбы съ модой“. Также и въ Москвѣ кружокъ дѣятельницъ въ области женскаго движенія поднялъ вопросъ о борьбѣ съ модой.

Изъ прошлаго.

[9(47)]

Русскіе вольнодумцы XVIII вѣка.

В. Сиповскій въ очеркѣ „Изъ исторіи русской мысли XVIII—XIX вв.“ („*Гол. Мин.*“, *I*) собралъ немало фактовъ изъ мемуарной литературы, дающихъ понятіе о томъ, въ какія формы выливалось у насъ увлеченіе вольтерьянствомъ и матеріализмомъ французскихъ энциклопедистовъ. Это увлеченіе доходило нерѣдко до фанатизма, до крайностей прямо анекдотическаго характера.

Начитавшись философскихъ книгъ, вольтерьянцы наши пожелали въ своей жизни возродить „естественнаго человѣка“, простодушнаго вольтеровскаго Гурона. Результаты этихъ опытовъ получались чаще комическіе, но иногда и трагическіе. Вотъ, напр., передъ нами курьезный и яркій образъ одного такого чудака, помѣщика Толычева.

„Онъ началъ,—пишетъ о немъ въ своихъ „семейныхъ запискахъ“ его племянница Т. Толычева,—цинически хвастать своимъ безобразіемъ, угловатостью и грубостью выраженій. Онъ называлъ себя „сыномъ природы“, говоря, что не умѣетъ стѣснять себя ни въ чемъ, плясалъ въ присядку и, словомъ, привилъ себѣ придуманную имъ самимъ дикую оригинальность.

— Бога ты не боишься, Левъ, — говорила иногда моя бѣдная бабушка, сконфуженная какою-нибудь черезчуръ неприличною выходкой,—просто осрамилъ меня давеча при гостяхъ; въ краску вогналъ!

— Я сынъ природы,—отвѣчалъ онъ обыкновенно:—и не то еще дѣлаютъ на Алеутскихъ островахъ.

Ужасъ, который онъ внушалъ всѣмъ окружающимъ, льстилъ его грубому самолюбію. Онъ былъ въ полномъ торжествѣ, когда могъ оскорбить чьи-нибудь чувства, убѣжденія или даже общепринятыя приличія. Когда случили всенощную на дому, онъ усаживался въ двухъ шагахъ отъ священника съ стаканомъ чая и съ трубкой въ рукахъ. Женился онъ для того только, чтобы выиграть пари, заключенное имъ вслѣдствіе довольно неприличной шутки, и черезъ нѣсколько лѣтъ бросилъ жену и дѣтей. Въ первый годъ его женитьбы у него родился сынъ. Мальчика назвали Сергѣемъ, и онъ скоро умеръ. Жена Льва Васильевича, у которой былъ свой взглядъ на вещи, говорила, оплакивая ребенка, что она сама виновата въ своемъ несчастіи, потому что у нихъ въ роду никогда не оставались въ живыхъ дѣти, названныя этимъ именемъ. „Ужъ, должно быть, что не угодно великому угоднику Сергію“, заключила она.

— Въ самомъ дѣлѣ?—возразилъ мой дядя,—такъ увидимъ же, кто кого переспоритъ, твой угодникъ меня, или я его! Дай только родиться у меня второму сыну!

Когда родился второй сынъ, Левъ Васильевичъ, не взирая на слезы жены или, скорѣе, чтобъ итти наперекоръ ея слезамъ и просьбамъ, назвалъ опять ребенка Сергѣемъ, и ребенокъ умеръ черезъ годъ. Впослѣдствіи, въ продолженіе каждой своей беременности, тетка моя очень боялась рожденія сына, а Левъ Васильевичъ былъ въ отчаяніи, что у него все родились дочери.

— Если бы было двѣнадцать сыновей,—говорилъ онъ,—я бы всѣхъ двѣнадцать окрестилъ однимъ и тѣмъ же именемъ“.

Въ запискахъ Ростиславова, со словъ его отца, разсказано о томъ, какъ силенъ былъ атеизмъ въ стѣнахъ духовныхъ семинарій

XVIII вѣка. „Одинъ семинаристъ во время грозовыхъ тучъ, вышедши на крыльцо и раскрывши свою грудь, кричалъ вслухъ, смотря на небо: „Ну, если ты (т.-е. Богъ) дѣйствительно существуешь, то рази меня“.

Любопытный образъ нераскаяннаго атеиста изображенъ въ запискахъ Качеева.

„Какой то россійскій помѣщикъ Смарововъ былъ атеистомъ и вольнодумцемъ. Однажды онъ устроилъ торжественную встрѣчу своимъ любимымъ взрослымъ сыновьямъ, которые возвращались домой. Вдругъ пришло извѣстіе, что они всѣ утонули. Онъ былъ въ отчаяніи и воскликнулъ: „О, дѣти мои, о, дѣти мои милыя! Неужели я васъ больше не увижу?!“ И, послѣ нѣкотораго молчанія, обратясь къ переднему углу, гдѣ надлежало быть св. иконамъ, сказалъ какъ бы сардонически: „Провидѣніе! Такъ ты существуешь?“ Но тутъ кровь бросилась ему въ голову, глаза помутились, ноги задрожали: его поразилъ нервическій ударъ“...

На такой же глубокой матеріалистической точкѣ зрѣнія стоялъ, по свидѣтельству Болотова, писатель Клушинъ: Клушинъ... „уменъ, хорошій писатель, но... сердце имѣлъ скверное: величайшій безбожникъ, атеистъ и ругатель христіанскаго закона; нельзя быть съ нимъ; даже сквернословитъ и ругаетъ, а особливо всѣхъ духовныхъ и святыхъ. Матери своей онъ часто говаривалъ: „Дивлюся, матушка, и не могу надивиться, какъ вы, будучи еще въ сихъ лѣтахъ и такъ здоровы, а не имѣете любовника! Вѣдь я вѣдаю, каковы вы, женщины, и что вамъ желалось бы имѣть любовника“.

Большое сходство съ нимъ имѣетъ и какой-то Карамышевъ, о которомъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ Лабзина: онъ... „былъ человѣкъ безъ вѣры, сомнѣвался въ безсмертіи души“ и вообще „принадлежалъ къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ“. Карамышевъ однажды принялся убѣждать жену, чтобы она завела любовника. Она грозила ему гнѣвомъ Божіимъ за измѣны, онъ засмѣялся и сказалъ: „Какъ ты мила тогда, когда начнешь философствовать. Я тебя увѣряю, что ты называешь „грѣхомъ“—только есть наслажденіе натуральное, и я не подверженъ никакому отвѣту“. „И онъ нѣсколько разъ меня уговаривалъ, чтобы я согласилась имѣть любовника и выкинула бы изъ головы глупые предразсудки“.

Въ общей массѣ русское общество относилось къ „вольтерьянству“ критически, даже враждебно. На почвѣ такой,—„непониманія“ одной общественной группы другою,—обозначился разладъ, расколъ въ обществѣ; особенно сказался этотъ разладъ въ идейной борьбѣ старшаго поколѣнія съ младшимъ,—между „отцами“ и „дѣтьми“.

До какой подозрительности доходило русское общество въ эту трудную пору смущенія умовъ, видно хотя бы изъ того, что даже митрополитъ Филаретъ слылъ „безбожникомъ и либераломъ“.

Грубѣе всего, естественно, сказалось отрицательное отношеніе къ новой мысли въ кругахъ низшихъ. Въ мемуарахъ Вишнякова встрѣчаемъ мы забавный разсказъ о томъ, какими энергичными мѣрами боролись старые купцы съ либерализмомъ, пустившимъ свои зловредные корешки даже въ головы молодыхъ купчиковъ.

Однажды старый купецъ съ сыномъ ѣхали по дѣламъ. Ихъ застигла въ пути гроза. Отецъ крестился при каждомъ ударѣ грома. Сынъ—нѣтъ. „Ты это что же не крестишься?“—спросилъ старикъ.—„Я причины не вижу-съ, папенька“. — „Какъ причины не видишь?.. А силы и гнѣва Божія не видишь въ небесномъ знаменіи?“—„Да, вѣдь, это что же-съ? Электризмъ!—и больше ничего!“

„Семенъ Логиновичъ замолчалъ и отвернулся. Гроза постепенно затихла. Они ѣхали лѣсомъ. Вдругъ С. Л. приказалъ ямщику остановиться и сталъ вылѣзать изъ тарантаса. — „Слѣзай и ты,—скомандовалъ онъ сыну,—да ступай, нарѣжь мнѣ березовый вѣникъ“. — Когда вѣникъ былъ нарѣзанъ, С. Л. приказалъ разстелить на травѣ коверъ изъ тарантаса, разложилъ сына и собственноручно высѣкъ его, приговаривая: „Это тебѣ за электризмъ, а это за то, чтобъ ты причины зналъ, когда лобъ креститъ“...

Солдатская служба въ аракчеевскія времена.

Въ той же книжкѣ „*Гол. Мин.*“ помѣщенъ отрывокъ изъ записокъ декабриста *М. И. Муравьева-Апостола*, касающійся исторіи раскассированія стараго лейбъ-гв. Семеновскаго полка (въ 1820 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ рисующій ужасы аракчеевщины.

„У насъ тогда были шаги: петербургскіе, могилевскіе и варшавскіе. Разница между ними состояла въ болѣе или менѣе шаговъ въ минуту. Музыкантъ держалъ въ рукахъ хронометръ и по немъ считалъ шаги.

Волосяные султаны въ аршинъ длины были прикрѣплены къ верхней наличной части кивера. Тогдашній мундиръ, прогонка амуниціи, скатанная шинель, надѣтая черезъ плечо, а сверхъ нея ранецъ; въ этомъ положеніи требо-

валось отъ солдата, чтобъ султаны во время ученія при ходьбѣ, при ружейныхъ пріемахъ не шевелились.

Генералъ-адъютантъ, командиръ лейб.-гвар. гренад. полка Желтухинъ (извѣстный своей жестокостью) довелъ свой полкъ до этого идеальнаго совершенства. При поступленіи рекрутъ въ полкъ онъ говорилъ ротнымъ командирамъ:—„Вотъ вамъ три человѣка, сдѣлайте изъ нихъ одного ефрейтора".

Въ то время солдатская служба была не служба, а жестокое истязаніе. Между всѣми гвардейскими полками Семеновскій былъ единственнымъ, вынесшимъ тѣлесныя наказанія.

Жестокость и грубость, завезенныя Павломъ, не искоренялись въ царствованіе Александра I, а поддерживались и высоко цѣнились. Примѣромъ можетъ служить флигель-адъютантъ, любимецъ Александра и великихъ князей Николая и Михаила, начальникъ гвардейскаго гусарскаго полка В. В. Левашевъ.

Однажды въ Царскомъ Селѣ онъ приказываетъ вахмистру, чтобъ на другой день его эскадронъ былъ собранъ въ манежъ, затѣмъ Левашевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Вахмистръ передаетъ его приказаніе эскадронному начальнику полковнику Злотвинскому. Послѣдній говоритъ вахмистру, что завтра великій церковный праздникъ, и тоже отправляется въ Петербургъ. Левашевъ, возвратившись на другой день въ Царское Село, ѣдетъ прямо въ манежъ и не застаетъ тамъ эскадрона. Пріѣзжая къ себѣ домой, онъ посылаетъ за вахмистромъ и за полками; садясь обѣдать, приказываетъ его наказывать и кричитъ нѣсколько разъ:—„Не слышу!" (палочныхъ ударовъ). Когда онъ всталъ изъ-за стола, тогда вахмистра увезли въ больницу, тамъ старый заслуженный вахмистръ вскорѣ скончался. Вся гвардія знала о поступкѣ Левашева и о смерти вахмистра. Полковникъ Злотвинскій вышелъ изъ полка вслѣдствіе сего убійства. Все это не помѣшало Левашеву попрежнему быть любимцемъ, оставаться начальникомъ гвардейскихъ гусаровъ и пребывать въ еще большей милости.

Николай Ивановичъ Уткинъ (нашъ родственникъ), извѣстный граверъ, получивъ каѳедру профессора, жилъ въ зданіи Академіи Художествъ. Я шелъ къ нему черезъ Исакіевскій мостъ, видѣлъ, какъ солдатъ гренадерскаго полка перелѣзъ черезъ перила носовой части плашкоута, снялъ съ себя киверъ, амуницію, перекрестился и бросился въ Неву. Когда онъ все это снималъ, я не понималъ, что онъ дѣлаетъ. Мнѣ не приходило въ голову, что онъ собирается лишить себя жизни. Часто случалось, что солдаты убивали перваго встрѣчнаго, предпочитая каторгу солдатской жизни.

Насъ преслѣдовали за то, что мы не доводили людей до такой крайности.

Михаилъ Павловичъ съ Аракчеевымъ, наконецъ, добились замѣны Потемкина Шварцемъ (ученикомъ Желтухина, перещеголявшаго жестокостью своего наставника), представивъ Якова Алексѣевича неспособнымъ, по излишнему мягкосердію, командовать полкомъ. Послѣ этого Александръ, прежде благоволившій къ Потемкину, совершенно къ нему охладѣлъ.

Шварцъ начальствовалъ Калужскимъ Гренадерскимъ полкомъ. Извѣстно было, что онъ приказывалъ солдатамъ снимать сапоги, когда бывалъ недоволенъ маршировкой, и заставлялъ ихъ голыми ногами проходить церемоніальнымъ маршемъ по скошенной, засохшей пашнѣ; кромѣ того, наказывалъ солдатъ нещадно и прославился въ арміи погостомъ своего имени.

Шварцъ принялся за нашъ полкъ по своему соображенію. Узнавъ, что въ немъ уничтожены тѣлесныя наказанія, сначала онъ къ нимъ не прибѣгалъ, какъ было впослѣдствіи; но, недовольный ученіемъ, обращалъ одну шеренгу лицомъ къ другой и заставлялъ солдатъ плевать въ лицо другъ другу; устроилъ ученіе; сверхъ того, изъ всѣхъ 12 ротъ поочередно ежедневно требовалъ къ себѣ по 10 человѣкъ и училъ ихъ, для своего развлеченія у себя въ залѣ, разнообразя истязанія; ихъ заставляли неподвижно стоять по цѣлымъ часамъ, ноги связывали въ лубки, кололи вилками и пр. Кромѣ физическихъ страданій и изнуренія, онъ разорялъ ихъ, не отпуская на работы. Между тѣмъ безпрестанная чистка стоила солдату денегъ, это отозвалось на ихъ пищѣ, и все въ совокупности породило болѣзни и смертность".

Семеновцы надѣялись на инспекторскій смотръ. Но корпусный начальникъ кн. Васильчиковъ, узнавъ заблаговременно о рапортѣ солдатъ, предупредилъ, что если кто-нибудь выскажетъ неудовольствіе, тотъ умретъ подъ палками. Тогда 1-я гренадерская рота полка, состоявшая изъ отборнѣйшихъ старыхъ, заслуженныхъ солдатъ, лично извѣстныхъ Александру, и пользовавшаяся привилегіями, рѣшилась на героическое выступленіе.

Эти почтенные ветераны, послѣ вечерней переклички, черезъ фельдфебеля просили своего ротнаго начальника пожаловать въ роту. Они объявили ему, что у нихъ нѣтъ болѣе ни силъ, ни средствъ служить подъ начальствомъ Шварца, поэтому просятъ принять ихъ жалобу. И уполномочили жаловаться отъ имени всего полка.

Въ третьемъ часу того дня, какъ 1-я рота жаловалась, великій князь (начальникъ бригады) держалъ ее два часа на ногахъ, требуя выдачи бунтовщиковъ. Рота стояла, какъ вкопанная,—Михаилъ Павловичъ уѣхалъ домой, взбѣшенный неудачей.

На другой день вечеромъ Васильчиковъ потребовалъ роту безъ амуниціи къ допросу и затѣмъ отправилъ роту въ Петропавловскую крѣпость.

Всѣ остальныя одиннадцать ротъ Семеновскаго полка, узнавъ объ этомъ, вышли на площадь, находившуюся предъ ихъ лазаретомъ.

„Солдаты въ оскорбленіи и въ тревогѣ клялись другъ другу, что постоятъ за своихъ стариковъ или погибнутъ съ ними. Они еще надѣялись на поддержку государя, полагая, что онъ не долженъ дать въ обиду любимый имъ полкъ, который при Павлѣ былъ подъ его личнымъ начальствомъ.

Явились Михаилъ Павловичъ и Васильчиковъ, скомандовали выстроиться. Солдаты отвѣчали, что гдѣ головы нѣтъ, тамъ ноги не дѣйствуютъ. Великій князь, не отличавшійся находчивостью, спросилъ солдатъ:—„Что побуждаетъ ихъ такъ дѣйствовать?“ — „То, что вы промѣняли насъ на нѣмцевъ“, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Слѣдственная комиссія старалась узнать, кто изъ солдатъ отвѣчалъ на вопросъ Михаила Павловича. Трехъ солдатъ приводили въ комиссію. На вопросъ предсѣдателя: „Кто отвѣчалъ великому князю?“ одинъ изъ нихъ сказалъ: „Ваше Превосходительство, позвольте Васъ спросить, кто изъ насъ троихъ первый вступилъ въ комнату?“ Предсѣдатель указалъ на одного изъ солдатъ.

— Ваше Превосходительство! Я первый вступилъ въ комнату. Вы не могли этого замѣтить днемъ, то ночью, когда темно, возможно ли въ толпѣ разглядѣть кого-нибудь въ лицо, чтобы послѣ узнать его.

Не предвидя облегченія своимъ страданіямъ, семеновцы въ ожесточеніи искали убить Шварца, но онъ спрятался въ навозную кучу.

Васильчиковъ окончательно допрашивалъ ихъ:—Чего они хотятъ?

— „Отдайте намъ нашихъ стариковъ или посадите насъ вмѣстѣ съ ними“.

Ротамъ приказано было итти въ крѣпость.

Въ мигъ солдаты выстроились побатальонно и въ полной тишинѣ пошли въ крѣпость. Только на другой день жившіе въ улицахъ, по которымъ они проходили, узнали, что Семеновскій полкъ заключенъ въ крѣпость.

Послѣдняя надежда семеновцевъ рушилась: указомъ императора повелѣно всѣхъ нижнихъ чиновъ раскассировать въ полки, а 1-й баталіонъ Шварца предать военному суду.

... Брату Сергѣю Ивановичу, по особенной довѣренности Шварца, поручено было отводить роты раскассированнаго полка въ Царское Село, для передачи армейскимъ офицерамъ, которые ихъ отводили поротно. Предъ выступленіемъ съ послѣдней ротой братъ явился къ Шварцу. Онъ взялъ его за руку, подвелъ къ образу (Шварцъ былъ православный) и сказалъ:

— Богъ свидѣтель, что я не виноватъ! Мнѣ сказали, что полкъ этотъ состоитъ изъ бунтовщиковъ. Я, дуракъ, и повѣрилъ. Теперь сознаю, что я самъ не стою послѣдняго солдата полка, который я погубилъ“.

О Николаѣ I.

Въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „*Гол. Мин.*“, подъ заглавіемъ „Во второй половинѣ XIX в.“, авторъ ихъ, *А. А. Шеликанъ*, удѣляетъ между прочимъ мѣсто (см. февр. кн.) личности императора Николая Павловича, котораго онъ видѣлъ часто въ дѣтствѣ и котораго знали хорошо въ ихъ семьѣ, имѣвшей связи съ придворными сферами.

„Появленіе его—императора—въ толпѣ (на улицѣ) хотя и было обыденнымъ явленіемъ, но попадаться на глаза простые смертные не любили. Его видъ, осанка, властная рѣчь внушали страхъ и трепетъ даже лицамъ, привыкшимъ къ обращенію съ нимъ, не говоря уже о тѣхъ, которые знали его по однимъ лишь разсказамъ. Особенно его боялись дѣти. Многочисленные разсказы о его якобы необыкновенно милостивомъ и добродушномъ къ нимъ отношеніи донельзя преувеличены, а часто просто вымышлены. Многимъ бывшимъ въ то время гимназистамъ хорошо памятно его посѣщеніе, кажется, въ 1855 г., 2-й гимназіи. Заѣхавъ туда неожиданно, онъ прямо пошелъ во 2-й классъ. Ученики не сумѣли на его привѣтствіе „Здравствуйте, дѣти“ отвѣтить такъ дружно, какъ они привыкъ слышать въ корпусахъ и казармахъ. Это привело его въ ярость. Въ гнѣвѣ онъ обрушился на директора. Тотъ въ страхѣ успѣлъ пробормотать въ свое оправданіе: „Они испугались Вашего Императорскаго Величества“. Эти слова усилили только раздраженіе императора. „Чего испугались? Что я, звѣрь, что ли? Собаки!“ воскликнулъ онъ и быстро направился къ выходу.

Покойный законоучитель 1-й гимназіи Орловъ не разъ разсказывалъ намъ, гимназистамъ, какъ пансіонеры гимназіи, совершая въ сопровожденіи воспитателя прогулку, остановились

какъ-то у Семеновскаго плаца посмотрѣть ученье солдатъ. Появившійся неожиданно императоръ, увидя среди гимназистовъ одного кривобокаго, вообразилъ, что мальчикъ держится криво по небрежности и въ гнѣвѣ закричалъ: „Убрать это безобразіе“. Въ гимназіи несчастный калѣка за то, что имѣлъ несчастье прогнѣвать государя, подвергся такой поркѣ, что умеръ.

Покойный адмиралъ О. Р. Шгакельбергъ любилъ разсказывать въ дружеской бесѣдѣ, какъ Николай Павловичъ, прибывъ какъ-то въ 40-хъ годахъ въ Морской корпусъ, приказалъ поставить во фронтъ всѣхъ кадетъ, подать розги и скамейку, затѣмъ вызвалъ изъ фронта одного кадета (фамилію я забылъ) и приказалъ сѣчь его до своего возвращенія, а самъ отправился осматривать корпусъ. Оставшійся наблюдать за экзекуціей штабъ-офицеръ, опасаясь засѣчь до смерти юношу, получившаго уже несчетное количество ударовъ, рѣшился остановить истязаніе. Когда вернулся государь и узналъ, что приказаніе продолжать экзекуцію до его возвращенія не выполнено, страшно разгнѣвался и такъ крикнулъ на сердобольнаго штабъ-офицера, что у всѣхъ душа ушла въ пятки.

Все это не мѣшало, однако, грозному императору, когда онъ былъ въ духѣ, относиться милостиво къ окружающимъ. Онъ любилъ иногда пошутить, а подчасъ даже и сострить довольно добродушно. Но въ его шуткахъ и остротахъ постоянно сквозило страшное самомнѣніе о своемъ надъ всѣми умственномъ превосходствѣ и холодное презрѣніе къ людямъ. По этому поводу мнѣ съ дѣтства приходилось слышать не мало разсказовъ, за вѣрность которыхъ я смѣло могу ручаться.

Н. В. Кукольникъ, который былъ очень близокъ къ моему семейству, написалъ въ пьяномъ видѣ по случаю свадьбы будущаго императора Александра II глупыя вирши, которые на другой же день стали повторять весь Петербургъ... Служилъ тогда Кукольникъ въ канцеляріи военнаго министра и былъ немедленно потребованъ предъ грозныя очи государя. Явился онъ во дворецъ затянутымъ въ мундиръ, который шелъ къ нему, какъ коровѣ сѣдло. Самъ онъ дрожалъ отъ страху; видъ его былъ жалокъ и смѣшонъ. Это его спасло. Ему посчастливилось своимъ видомъ разсмѣшить императора и разсѣять его гнѣвъ. На вопросъ императора, трепещущій поэтъ могъ только пролепетать, запинаясь: „Я Кукольникъ“... „Пошелъ вонъ, дуракъ!“—закричалъ императоръ и разсмѣялся. Кукольникъ тѣмъ и отдѣлался.

Вообще слово дуракъ было у императора Николая Павловича какъ бы ласкательнымъ. Прогуливаясь по Невскому, онъ какъ-то поскользнулся и упалъ бы, если бъ не былъ поддержанъ какимъ-то проходившимъ франтомъ, который въ чаяніи великихъ благъ началъ распространяться о томъ, „какъ онъ счастливъ, какъ онъ радъ“, но былъ прерванъ государемъ: „Чему дуракъ, обрадовался? что я чуть шею не сломалъ?“

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ на Каменноостровскомъ проспектѣ красовалась вывѣска: „Лечебница для приходящихъ, одержимыхъ зубной болѣзни, безъ операціи“. Содержалъ эту лечебницу врачъ изъ поляковъ Нишпоркевичъ, изобрѣтатель особыхъ пилюль отъ зубной боли. Въ 40-хъ годахъ у этого Нишпоркевича во время пожара сгорѣли жена и дѣти. Вѣсть о несчастномъ случаѣ достигла императора, и Нишпоркевичъ былъ потребованъ во дворецъ. Тамъ на вопросъ Николая Павловича: „Чѣмъ могу помочь тебѣ въ твоемъ страшномъ горѣ?“ Нишпоркевичъ отвѣтилъ: „Ваше Императорское Величество, чи мнѣ можно Анну на шею“, за что и получилъ: „пошелъ вонъ, дуракъ“.

... Вскорѣ послѣ смерти Николая Павловича исчезъ съ петербургскаго горизонта лейбъ-медикъ Мандтъ. Впослѣдствіи я не разъ слышалъ его исторію. По словамъ дѣда, Мандтъ далъ желавшему во что бы то ни стало покончить съ собою Николаю яду. Обстоятельства эти хорошо были извѣстны дѣду, благодаря близости къ Мандту, а также и благодаря тому, что дѣду изъ-за этого пришлось перенести кой-какія служебныя непріятности. Незадолго до кончины Николая I профессоромъ анатоміи въ академію былъ приглашенъ изъ Вѣны прозекторъ знаменитаго тамошняго профессора Гиртля, тоже знаменитый уже анатомъ Венцель Груберъ. По указанію дѣда, который въ моментъ смерти Николая Павловича соединялъ въ своемъ лицѣ должности директора военно-медицинскаго департамента и президента медико-хирургической академіи, Груберу поручено было бальзамированіе тѣла усопшаго императора. Несмотря на свою большую ученость, Груберъ въ житейскомъ отношеніи былъ человѣкъ весьма недалекій, наивный, не отъ міра сего. О вскрытіи тѣла покойнаго императора онъ не преминулъ составить протоколъ и, найдя протоколъ этотъ интереснымъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи, отпечаталъ его въ Германіи. За это онъ посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и содержался нѣкоторое время, пока заступникамъ его не удалось установить въ данномъ случаѣ простоту сердечную и отсутствіе всякой задней мысли.

Петербургское общество, слѣдуя примѣру двора, закрыло передъ Мандгомъ двери. Дѣдъ одинъ продолжалъ посѣщать и принимать Мандга. Вопросъ этическій, выступавшій съ такой рельефностью въ данномъ случаѣ, не разъ, во времена студенчества, затрогивался нами въ присутствіи дѣда. Многіе изъ насъ порицали Мандга за уступку требованіямъ императора. Находили, что Мандгъ, какъ врачъ, обязанъ былъ скорѣй пожертвовать своимъ положеніемъ, даже своей жизнью, чѣмъ исполнить волю монарха и принести ему яду. Дѣдъ находилъ такія сужденія слишкомъ прямолинейными. По его словамъ, отказать Николаю въ его требованіи никто бы не осмѣлился. Да такой отказъ привелъ бы еще къ большему скандалу. Самовластный императоръ достигъ бы своей цѣли и безъ помощи Мандга: онъ нашелъ бы иной способъ покончить съ собой и, возможно, болѣе замѣтный. Николаю не оставалось ничего другого, какъ выбирать между жребіемъ или подписать унизительный миръ (другого ему союзники не дали бы), признать свои вины передъ народомъ и человѣчествомъ, или же покончить самоубійствомъ. Безгранично гордый и самолюбивый Николай не могъ колебаться и сохранить жизнь цѣной позора".

Легендарный архипастырь.

О весьма извѣстномъ архіепископѣ Смарагдѣ (Крыжановскомъ), скончавшемся пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сохранилась молва какъ о сребролюбцѣ-стяжателѣ, съ одной стороны, и безпощадно жестокомъ человѣкѣ—съ другой. Лишь немногіе отдѣльные голоса пробовали защищать память этого во всякомъ случаѣ выдающагося іерарха николаевской эпохи (выведеннаго, замѣтимъ кстати, Лѣсковымъ въ его „Мелочахъ архіерейской жизни"). Истинный образъ покойнаго владыки старается возстановить профессоръ-богословъ *Н. Н. Глубоковскій*, работа котораго печаталась въ рядѣ книжекъ *„Христіанскаго Чтенія"* и теперь вышла отдѣльнымъ изданіемъ*). И образъ этотъ теперь является даже, до нѣкоторой степени, привлекательнымъ, особенно если принять во вниманіе, сыномъ какого вѣка — мрачнаго, грубаго, жестокаго—былъ Смарагдъ. По крайней мѣрѣ мы вотъ увидѣли, что рядомъ съ рѣзкими тѣнями выступаетъ и довольно яркій свѣтъ,—свѣтъ той, рѣдкой нынѣ, доблести, которую называютъ святительской.

„Всѣ вещи и передъ всѣми,—пишетъ авторъ изслѣдованія,—Смарагдъ привыкъ называть самыми наисобственными именами, лицами, нигдѣ и нимало не стѣснялся, правду любилъ и возстановлялъ немедленно и безъ всякой деликатности по части средствъ, творилъ судъ рѣшительно и чинилъ расправу своеручно. Отсюда внѣшняя суровость и наружная грубость, наводившія грозу и застилавшія нѣжные лучи сердечной теплоты настолько, что кругомъ расходилось больше впечатлѣніе ужаса, а въ памяти сохранялось трепетное чувство строгости и деспотизма. Невѣчахъ онъ ласкательно называлъ „коналіи", шутя былъ линейкою, въ раздраженіи мощною рукой вышвыривалъ изъ зала и вообще пользовался отцепреданною розгой. Ему ничего не стоило толстою „буланкой" (палкой) вздуть въ Орлѣ 54-лѣтняго искателя четвертаго брака, чтобъ поучить цѣломудрію.

Въ Могилевѣ Смарагдъ при публикѣ дергалъ за волосы дьякона и дьячка, а иногда производилъ ручныя расправы (въ Орлѣ) даже съ пьянымъ священникомъ, сутягъ же стукалъ лбами, схвативъ ихъ за волосы. Въ пылу гнѣва раздраженный владыка кидалъ въ лакея тарелкой (въ Орлѣ), бросалъ связкою бумагъ въ секретаря или пускалъ даже митрой въ старосту (въ Астрахани) и обзывалъ дурачьемъ (въ Орлѣ) все семинарское чиноначаліе. Такъ при „впечатлительности" быстраго возбужденія Смарагдъ допускалъ иногда „усиленныя дѣйствованія". Его острое словцо всегда было мѣтко, характерно и до крайности язвительно,—даже въ официальныхъ резолюціяхъ. Человѣкъ вовсе не свѣтскій, Смарагдъ не стѣсняль другихъ, но не даваль никому забываться предъ своимъ саномъ, и родовитаго сановника, неумѣстно искушавшаго о незазорности карточной игры въ Великій постъ ядовито обрѣзалъ, что именно ему „въ дурачка, сыграть можно".

Не менѣе колки были и другіе пріемы, если, напримѣръ, въ Полоцкѣ Смарагдъ намѣренно бралъ со ставленника деньги въ видѣ якобы взятки, и въ засѣданіи консисторіи самъ каялся въ этомъ, вынуждая къ публичному самобичеванію присяжныхъ промышленниковъ по этой части, какихъ было вездѣ достаточно въ ту эпоху.

Для его ревности—всякія званія и состоянія какъ будто совсѣмъ не существовали. Въ Могилевѣ во время крестнаго хода на Іордань онъ, завидѣвъ губернатора въ головномъ уборѣ, громко послалъ полицейскаго чиновника „снять шапку у этого дурака", а въ Орлѣ чопорную губернаторшу, княгиню Трубецкую, рожденную Витгенштейнъ, открыто называлъ „бусловною нѣмкой" и оказывалъ ей такія „замѣчательныя грубости", что та совершенно пасовала. Смарагдъ не стѣснялся даже въ проповѣдяхъ

*) „Смарагдъ Крыжановскій, архіепископъ рязанскій, его жизнь и дѣятельность". Спб. 1914.

рѣзко затрогивать этихъ сановныхъ лицъ и нпчуть не затруднялся торжественно ставить ихъ въ крайне неловкое положеніе".

Былъ, напр., такой случай — въ Орлѣ же. За архіерейскимъ служеніемъ упалъ случайно съ клироса на полъ образокъ къ ногамъ одного изъ богомольцевъ, лица почетнаго, — проѣзжаго губернатора. Сановникъ, вмѣсто того, чтобы поднять икону, отпихнулъ ее въ сторону. По окончаніи литургіи Смарагдъ высылаетъ на амвонъ протодьякона, и тотъ громовымъ басомъ торжественно провозглашаетъ анаѳему всѣмъ „попирающимъ святыню". „Урокъ" такъ подѣйствовалъ на губернатора, что онъ упалъ въ обморокъ и уже не самъ вышелъ изъ храма, а былъ вынесенъ на рукахъ...

„Будучи въ сн. синодѣ, гдѣ тогда членамъ его нельзя было свободно пошевелиться, Смарагдъ на самыхъ засѣданіяхъ дозволялъ иногда столь острую прямоту, что вызывалъ своего рода цѣлый соблазнъ, когда грозно расшумѣлся на пментѣйшаго іерарха, яко бы дьяконъ не смѣетъ жаловаться на архіерея, — и, давъ Александра Невскаго, синодалы поспѣшили отправить орловскаго владыку во свояси, какъ неприличнаго для высокосословной обстановки по недостатку тонкости, а равно по непосредственности и непреклонности въ безпримѣрной правдивости".

„А вотъ другая свѣтлая сторона личности грознаго владыки, — пишетъ Глубовскій". Чѣмъ ярче была вспышка гнѣва, тѣмъ сердечнѣе оказывалась теплота милости, овладѣвшей настолько, что теперь предъ нею смолкало холодное правосудіе. Эта черта подмѣчена было еще въ академіи и намѣренно эксплоатировалась въ теченіе всего архипастырскаго служенія Смарагда, котораго нарочито раздражали съ затаенною цѣлью получить отъ него особыя блага и льготы. Это было тенденціозное злоупотребленіе, и „пострадавшіе" сами искали, чтобы вспыльчивый владыка „поблагословлялъ костылемъ", а „опосля битья сдобрился". (Н. Лѣсковъ). Этимъ удостовѣряется, что основное настроеніе Смарагда было любовью по снисхожденію къ людямъ и желанію добра. Пріемы его были нерѣдко грубы и обидны, иногда даже и оскорбительны, но Смарагдъ вовсе не рисовался и не лгалъ, когда приговаривалъ, расправляясь съ виновниками: „я бью тебя, скотину, чтобы не отдавать водъ судъ и не сдѣлать несчастнымъ тебя и твое семейство". Тутъ его благость простиралась на всѣхъ — отъ мала до велика, сверху донизу. Для него архіерейскіе пѣвчіе всегда были дороги какъ „малыя дѣти". Вообще, положеніе ихъ въ то время было довольно ужасно, а Смарагдъ прямо лелѣялъ и баловалъ ихъ, старался снизойти до нихъ и приспособиться къ нимъ. И они сохранили о своемъ архипастырѣ трогательныя воспоминанія".

Много ходитъ легендъ о неправильномъ стяжательствѣ Смарагда. Разсказываютъ, напр., какъ онъ дѣлалъ видъ, что возмущается, „взяткой" — въ образѣ поднесенной ему шубы, однако же шубы не вернулъ, а недвусмысленно сталъ толкать ее ногою во внутренніе покои; или какъ отказывался онъ отъ дорогого сервиза, которымъ его хотѣли отблагодарить за архипастырское посѣщеніе и служеніе, — предпочитая, чтобы эта „благодарность" была выражена денежной суммой, и какъ затѣмъ оставлялъ при себѣ также и сервизъ: чтобы „не обидѣть хозяевъ"; или еще какъ онъ, подслушивая торгъ своего секретаря съ просителемъ, будто бы „подбздривалъ" его изъ-за перегородки: „Ванюха, не поддавайся! Ванюха, крѣпись!", а другой разъ, опасаясь, какъ бы не сорвалась взятка въ 300 руб. изъ-за упрямства того же секретаря, подалъ ему три листа чистой бумаги со словами: „Возьми три сія"...

Отношеніе Смарагда къ деньгамъ и „подаркамъ" лучше всего характеризуется тѣмъ юмористическимъ акаѳистомъ, которымъ честило его втихомолку подчиненное ему орловское духовенство, во время управленія имъ этой епархіей. Начало оригинальнаго „акаѳиста", приведенное у проф. Глубоковскаго, гласитъ:

Кондакъ 1-й: „Возбранной сребролюбче, и изрядный обиралище духовныхъ, міру всему назначаяй многоцѣнные дѣяти приносы, и неисчерпаемое сластей море, воспѣваемъ тя со скорбіею, грабителю Смарагде: ты же, яко имѣяй дерзновеніе ко Іудѣ, отъ всякихъ бѣдъ сицевыхъ удаленіемъ (удавленіемъ) своимъ свободи ны, да зовемъ ти: „Радуйся, Смарагде, великій сребролюбче!"

Икосъ 1-й: „Ананіе образомъ, каналіе существомъ, Іудеянина же суща естествомъ яви себѣ всея епархіи обиратель: сребролюбивую бо доброту души своея провидѣвъ, хитроестественне Смарагде, научи всѣхъ вопити тебѣ сице: „Радуйся, отъ утробы жидовинскія рожденный; радуйся, яко стебліе достойное древа бывый; радуйся, стяжаніемъ своимъ рождшихъ ты удививый; радуйся, сосуде златовливаніемъ ненаполняемый; радуйся, жаждущій ковчежецъ Искаріотовъ ненаполняемый; радуйся, кринне сребролюбія іудейскаго прозябаніе; радуйся, муро страстей благоуханія; радуйся, яко тобою дѣется грабленіе; радуйся, яко тобою приносится всея епархіи сѣтованіе. Радуйся, Смарагде, великій сребролюбче"!..

Подтверждается многое изъ того, что окружило имя легендарнаго владыки печальной репутаціей „сребролюбца“. Однако, новое освѣщеніе этихъ фактовъ служитъ къ нѣкоторому оправданію Смарагда. Послѣдняго, по объясненію проф. Глубоковскаго, „естественный долгъ простого благоразумія“ побуждалъ крѣпко позаботиться о „матеріальной независимости“,— на тотъ случай, если придется уйти на покой. А случайность такая постоянно угрожала своенравному архіерею—со стороны его могущественныхъ недоброжелателей. „Ниоткуда не усматривалъ онъ ни поддержки, ни утѣшенія, иногда же чувствовалъ себя столь одинокимъ и покинутымъ, что предъ отъѣздомъ изъ Харькова въ Астрахань позвалъ своего іеромонаха (Іероѳея) и бросился ему въ ноги со словами: „Не оставь меня“.

Губернаторъ-самодуръ.

„Про казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина,—читаемъ въ очеркѣ *С. П—ова* „Старыхъ временъ были“ (*„Ист. Вѣст.“*, февраль),—писалось много, а говорилось еще больше. Конецъ шестидесятыхъ и почти всѣ семидесятые годы на Волгѣ не было болѣе популярной личности.

И, странное дѣло, несмотря на крайнее его самодурство, грубость, забвеніе человѣческаго достоинства въ подчиненномъ, казанскіе старожилы до сихъ поръ вспоминаютъ его безъ всякаго озлобленія, даже, можно сказать, съ удовольствіемъ,—вотъ, молъ, какой губернаторъ былъ, теперь поищи такихъ!

Объясняется это тѣмъ, что вся лавина разноса падала на головы чиновничества и немногихъ изъ обывателей, несшихъ общественную службу, масса же была ему благодарна за образцовый, невиданный никогда прежде порядокъ въ городѣ и „геройскую“ дѣятельность при тушеніи пожаровъ, когда Н. Я., забывая часто про свой высокій постъ, принималъ на себя обязанности энергичнѣйшаго брандмайора, дѣйствуя при этомъ и руками, и ногами, и голосомъ, воздавая каждому по трудамъ и заслугамъ! Помню я слова одного пожарнаго, уже послѣ отставки Скарятина: „И бѣда была, ѣдешь на пожаръ, а душа дрожитъ: а ну, какъ пріѣдешь послѣ губернатора, зубовъ многіе не досчитаются!“ А пріѣхать раньше, чѣмъ пожарные, на пожаръ, Н. Я. могъ часто, такъ какъ у него всегда стоялъ, на случай тревоги, запряженнымъ отчаяннѣйшій иноходецъ, и онъ на немъ какъ ураганъ вылеталъ къ мѣсту пожарища.

Скарятинъ очень любилъ вызывать къ себѣ „для личныхъ объясненій“. Эти „личныя объясненія“ бывали весьма разнообразны. Такъ, узнавъ однажды, что становой получилъ взятку самоваромъ, губернаторъ вызвалъ этого станового очень издалека къ себѣ въ Казань, приказавъ захватить съ собой и злополучный самоваръ; велѣлъ доставить лично становому самоваръ въ пріемную своего дома и тамъ часа три продержалъ его, съ ведернымъ самоваромъ въ рукахъ, на глазахъ многочисленныхъ просителей и чиновничества. А потомъ, когда у станового отекли руки и онъ чуть не падалъ отъ усталости и стыда, подошелъ къ нему и сталъ разспрашивать, что это за самоваръ и почему онъ держитъ его въ рукахъ, не получилъ ли его въ наслѣдство отъ своей мамаши, и при этомъ неодобрительно отозвался о поведеніи послѣдней. На другомъ пріемѣ съ груди частнаго пристава Л—каго, хорошаго сыщика, но не брезгавшаго ничѣмъ, что въ руки идетъ, сорвалъ орденъ Станислава и растопталъ его ногами на глазахъ пораженныхъ зрителей. Необъяснимо, какъ все сходило ему съ рукъ благополучно. Вѣроятно, объектъ, подпавшій подъ разносъ Скарятина, обмиралъ, какъ говоритъ народъ, въ родѣ птицы передъ пастью удава. И не чиновная мелкота, а люди, казалось бы, совсѣмъ независимые отъ губернатора, сносили отъ него безъ протеста отборную дерзость. Зачаровывалъ жертву, да и только!

Черезъ Казань проѣзжалъ, по дорогѣ въ Ташкентъ, командированный изъ Петербурга министерствомъ ветеринаръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Остановившись въ лучшихъ номерахъ Комонена, ветеринарный генералъ почему-то вздумалъ потребовать отъ полицеймейстера Я. И. Мосолова присылки вѣстового. Мосоловъ ему отказалъ и посѣшилъ, чтобы предупредить жалобу къ Скарятину. Выслушавъ полицеймейстера, Скарятинъ вскипѣлъ, и, на бѣду, тутъ же докладываютъ ему о пріѣздѣ ветеринара. Тотъ не успѣлъ разинуть рта, какъ Скарятинъ всѣмъ своимъ арсеналомъ обрушился на неудачливаго посѣтителя. Растерялся, на глазахъ показались слезы, подъ носомъ тоже взмокло, и онъ, забывъ про носовой платокъ, какъ ребенокъ, сталъ утирать носъ рукавомъ своего петербургскаго фрака. А потомъ, всхлипывая, удалился восвояси, и на этомъ исторія и кончилась, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій для участвовавшихъ.

До какого потрясенія, физическаго и нравственнаго, могли довести скарятинскіе разносы, видно изъ случая съ городскимъ головой одного уѣзднаго города. Дѣло было еще до введенія „городового положенія о самоупра-

вленія", въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Явился голова во дворецъ, какъ называютъ въ Казани губернаторскій домъ, въ мундирѣ, съ треуголкой въ рукахъ. Былъ онъ изъ захолустныхъ купцовъ, стараго типа. Со страхомъ вошелъ въ переднюю, съ почтеніемъ къ мѣсту далъ снять съ себя шубу, — дѣло было зимой, — и, замирая духомъ: „что-то будетъ?" — поднялся по нѣсколькимъ ступенямъ вверхъ въ пріемную, гдѣ и застылъ въ ожиданіи. Ждать долго не заставили. Вскорѣ вышелъ „самъ" и началъ разговоръ. Сначала какъ-будто и ничего, а потомъ Скарятинъ, какъ боевой конь, сталъ разгораться болѣе и болѣе и подъ конецъ до того разгорѣлся, — усы ходятъ ходуномъ, глаза мечутъ искры, а языкъ—словеса непотребныя, — что захолустный голова ослабъ и почувствовалъ приступы „меднѣжьей болѣзни". Почуялъ носомъ и Скарятинъ что-то неладное и не закричалъ, а прямо заоралъ на голову. Тотъ, посрамленный, не помня себя, бросился бѣжать, кубаремъ скатился съ лѣстницы въ переднюю и, не надѣвая шубы, въ одномъ мундирѣ, съ треуголкой въ рукахъ, выскочилъ на улицу и пустился наутекъ, спасаясь отъ страшнаго человѣка. Скарятинъ, стоя у окна, съ хохотомъ, очень довольный произведеннымъ эффектомъ, приказалъ догнать его и надѣть оставленную во дворцѣ шубу. Вѣстовые мигомъ схватили шубу и бѣгомъ за головой! Тотъ, слыша погоню, еще поддалъ жару и настичь его удалось лишь за четверть версты отъ дворца. Не останавливается, да и только! Какъ заяцъ передъ собакой!

Одно время ходили упорные слухи о переводѣ его изъ Казани въ Нижній-Новгородъ, въ видахъ очищенія ярмарки отъ грабежей и разбоевъ, процвѣтавшихъ тамъ. Въ разгаръ этихъ слуховъ, когда нижегородское купечество съ тоскою и сердечной болью ждало этого перевода, Скарятинъ, проѣзжая изъ Петербурга въ Казань, остановился въ Нижнемъ и поѣхалъ навѣстить тамошняго губернатора. Пріѣхалъ. Входитъ въ пріемную. Народу много. У стола сидитъ дежурный чиновникъ, типа „чиновника особыхъ порученій", — олимпійство и неприступность! Скарятинъ, бывшій въ пиджакѣ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: „Дома ли губернаторъ"?. Олимпіецъ, оглядѣвъ старичка, пробурчалъ что-то непонятное. Скарятинъ снова спрашиваетъ, отъ олимпійца ни отвѣта, ни привѣта! Тогда Скарятинъ говоритъ раздѣльно: „Если губернаторъ дома, доложите ему, что его желаетъ видѣть казанскій губернаторъ Скарятинъ". Боже мой, что произошло тутъ съ олимпійцемъ! Срывается со стула и молніеносно исчезаетъ съ глазъ. Прошло нѣсколько минутъ, не возвращается олимпіецъ! Скарятинъ проявляетъ признаки нетерпѣнія, но, на счастье, является камердинеръ хозяина дома, и желаемое свиданіе устраивается. Кончивъ бесѣду, гость и хозяинъ вышли въ пріемную, но чиновника-олимпійца въ оной не нашли. Что за чудо? куда дѣвался? Вѣстовые принялись искать по всему дому, и о ужасъ! элегантнаго олимпійца обрѣли въ конюшнѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія отъ прибывшаго въ городъ Нижній Скарятина.

Въ частной жизни Скарятинъ былъ аристократъ и джентльменъ. Но избави Богъ, если въ частную жизнь врывалась струйка служебной! — куда пропадало все джентльменство! Многіе порывы Скарятина сдерживали добрая, любимая всѣми жена его П. И. и умный полицеймейстеръ Я. Н. Мосоловъ, прослужившій со Скарятинымъ все время его губернаторства. Мосоловъ сумѣлъ внушить къ себѣ со стороны Скарятина такое уваженіе, что часто предохранялъ его отъ опаснѣйшихъ выпадовъ, подавая своимъ густымъ баскомъ охлаждающія реплики, послѣ чего гнѣвъ Скарятина стихалъ. И будь вблизи Скарятина П. И. или Мосоловъ во время усмиренія въ концѣ его губернаторства какого-то пустячнаго волненія среди татаръ, онъ не перепоролъ бы злѣйшимъ образомъ множество татаръ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ говорили тогда въ городѣ, и умерли во время порки. Порка эта надѣлала большого шума; газеты, несмотря на цензуру и горячее заступничество за Скарятина „Московскихъ Вѣдомостей", печатали обличительные вопли; фамилія Скарятина стала извѣстна и за границей. Печатали, что турки не понимаютъ безпокойства русскихъ по поводу избіенія болгаръ, такъ какъ у нихъ самихъ процвѣталъ и процвѣтаетъ до сихъ поръ „Скарятъ-паша". И когда, послѣ сенаторской ревизіи Ковалевскаго, уже въ царствованіе Александра III, Скарятинъ палъ, газеты ликовали, глумились надъ нимъ, и я помню до сихъ поръ помѣщенные гдѣ-то стихи:

„Ты мощенъ былъ, ты грозенъ былъ
Но часъ расплаты наступилъ,
И мощь твоя, Скарятъ-паша,
Теперь не стоитъ ни гроша!"

Мощь Скарятина объясняли снисходительнымъ къ нему отношеніемъ высшихъ сферъ, вслѣдствіе нечаяннаго убійства его брата егермейстера на великосвѣтской охотѣ".

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Іюль — I. • № 21.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

436. Масловъ, С. 333.5:34

Новыя законы о крестьянской землѣ. Изд. „Живая Правда". М. 1914. Стр. 80 Ц. 20 к.

...Въ этой книжкѣ простымъ и яснымъ языкомъ излагается законъ 14 іюня 1910 г. (бывш. указъ 9 ноября 1906) о крестьянскомъ землевладѣніи. Авторъ весьма обстоятельно указываетъ, что новаго вноситъ этотъ законъ въ крестьянскую жизнь и что отмѣняетъ изъ стараго. Особенно цѣннымъ при разборѣ этого закона является указаніе способовъ *законной* борьбы съ земельнымъ хищничествомъ, для котораго законъ 14-го іюня открываетъ широкое поле. Затѣмъ авторомъ излагаются законы: о землеустройствѣ 29 мая 1911 года и залогѣ надѣльныхъ земель 5 іюля 1911 года. Эти законы о крестьянской землѣ, какъ справедливо указываетъ М., касаются исключительно земель, находящихся во владѣніи кр—нъ въ настоящее время, и ни на шагъ не приближаютъ аграрный вопросъ къ разрѣшенію. Наоборотъ, они скорѣе осложняютъ и обостряютъ и безъ того запутанное положеніе. Эти земельные законы явно благопріятствуютъ отдѣльнымъ лицамъ и слишкомъ пренебрежительно относятся къ интересамъ крестьянскихъ массъ, что дѣлаетъ для послѣднихъ необходимой самооборону. Для самообороны знаніе новыхъ законовъ о землѣ можетъ быть только полезно. Это знаніе даетъ книжка М., разъясняя и комментируя темный и невнятный текстъ законовъ. Поэтому мы настойчиво рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей эту книжку. Знакомство съ нею будетъ весьма полезнымъ. (*З. А. „Мысль Труда". 1914—8*).

...Брошюра отвѣчаетъ вполнѣ настоятельной потребности ориентировать крестьянство въ существѣ произведенныхъ измѣненій. Авторъ не ограничивается изложеніемъ самаго содержанія новыхъ законодательныхъ актовъ, но поясняетъ, какія именно измѣненія они вносятъ сравнительно съ прежнимъ положеніемъ, а также отмѣчаетъ то, какъ встрѣтила ихъ деревня, въ лицѣ различныхъ слоевъ и соціальныхъ элементовъ своихъ, какая установилась практика по части ускореннаго введенія въ жизнь тѣхъ заданій, которыя скрыты въ новыхъ законахъ, и т. п. Дешевизна книжки, простота и (въ общемъ) доступность изложенія дѣлаютъ ее очень полезнымъ и цѣннымъ пособіемъ для грамотной и сознательной части крестьянства, желающей серьезно вдуматься въ тотъ новый процессъ, въ который вовлечена нынѣ русская деревня (*„Совр. Сл." 1914—2307*).

...Языкъ книги очень простой, удобопонятный, что не мѣшаетъ, однако, ея содержательности; дешевизна книги въ 80 стр. мѣлкаго шрифта — дѣлаютъ ее вполнѣ доступной, и каждому кооператору необходимо ознакомиться съ нею, чтобы разобраться въ дѣлахъ жизни и сознательно работать надъ строительствомъ кооперации и земельнымъ обезпеченіемъ деревни. (*В. Вольскій. „Коop. Жиз.". 1914—9*).

Популярныя книжки по аграрному вопросу послѣ 1905—1906 г. стали большой рѣдкостью, хотя потребность въ нихъ, благодаря быстрому росту „крестьянской" интеллигенціи, должна значительно возрасти. Тѣмъ болѣе рѣдки и цѣнны *хорошія* книжки, написанныя живо, понятно и въ то же время достаточно основательно, что необходимо для читателя, не привычнаго къ научному чтенію, имѣющаго мало свободнаго времени и не желающаго его тратить по пустякамъ. Названная книжка обладаетъ всѣми требуемыми отъ нея качествами и безусловно заслуживаетъ широкаго распространенія... Вообще въ книжкѣ сконцентрировано много доказательствъ уже вполнѣ назрѣвшей необходимости въ радикальной переработкѣ новыхъ аграрныхъ законовъ, во многихъ случаяхъ тормозящихъ развитіе той самой сельскохозяйственной культуры, во имя которой они созданы, и это мы считаемъ важнѣйшимъ ея достоинствомъ. (*Н. Огановскій. „Рус. Вѣд." 1914—133*).

...Упрековъ заслуживаетъ главнымъ образомъ историческая часть „о крестьянскомъ земледѣліи до изданія новыхъ законовъ". Малознакомыхъ съ крестьянскимъ вопросомъ она ничему научить не можетъ... Есть недочеты и въ объясненіяхъ къ законамъ. — [Указ. — какіе именно недочеты]... Въ общемъ книга все же полезная и заслуживаетъ распространенія. (*А. Лучинская. „Съв. Зап.". 1914—5*).

437. Масловъ С. 334:352

Земство и кооперація. М. 1913. Стр. 47. Ц. 10.

...Бѣгло обрисовавъ дѣятельность земства въ прошломъ, выбравъ наиболѣе яркіе факты содѣйствія земства кооперации и причины неудачъ этого содѣйствія, М. переходитъ къ дѣятельности земства современнаго, обслуживающаго теперь почти всѣ виды кооперации, какъ въ области матеріальной, такъ и идейно-организаціонной. Въ заключеніе авторъ горячо настаиваетъ на автономности кооперации и на разныхъ путяхъ, предназначенныхъ земству и кооперации. Характеръ брошюры по преимуществу описа-

тельный. Недостаткомъ ея является слишкомъ ничтожное мѣсто, отведенное взаимоотношенію между земствомъ и потребительской кооперацiей. Въ общемъ же это единственная популярная брошюра, посвященная данному вопросу и для рядового читателя несомнѣнно полезная. (*Н. М—овъ. „Вѣст. Коопъ.“ 1914—3*).

Книжку эту мы считаемъ... удавшейся... Она содержательна и даетъ обстоятельный отвѣтъ на вопросъ: каково должно быть взаимоотношеніе земства и кооперацiи... Кромѣ встрѣчающихся повтореній къ недостаткамъ кн. надо отнести запоздалыя цифровыя свѣдѣнія. (*„Вѣст. Мелк. Кр.“ 1914—12*).

...[Брошюра М.] написана сухимъ языкомъ, факты плохо объяснены... (*„Отклики“ газ. „День“. 1914—11*).

(См. еще: *„Нов. Кол.“ 1914—5*).

438. Линдеманъ, Б. 55

Земля, ея жизнь и исторія. Общедоступная геологія. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ дополн. по геологіи Россіи А. П. Нечаева. Съ 8-ю табл., 2 карт. и 383 рис. въ текстѣ. Съ прилож. геолог. карты Евр. Россіи и таблицъ по исторіи земли, переработанныхъ для русскаго изданія Д. Н. Леманомъ. Спб. Изд. Девріена. 1914. X+562 стр. (въ два столбца). Ц. 7 р. 50 к.

Довольно обширное популярное изложеніе геологіи, соотвѣтствующее современному состоянію науки и составленное по иному плану, чѣмъ какому слѣдуютъ обыкновенно въ подобныхъ сочиненіяхъ. Авторъ начинаетъ съ краткаго очерка и торіи земли (114 стр., но въ обратномъ порядкѣ, т.-е. исходя отъ фактовъ современной ея жизни и постепенно удаляясь въ прошлое, до самыхъ древнѣйшихъ періодовъ и до гипотезъ о первоначальномъ состояніи и происхожденіи нашей планеты. Послѣ этого слѣдуетъ отдѣлъ, посвященный вулканизму, а за нимъ—содержащій въ себѣ изложеніе главнѣйшихъ вопросовъ петрографіи, которая поясняется на примѣрахъ гранитовъ, известняковъ, глинистыхъ сланцевъ, при чемъ дается понятіе о метаморфизмѣ горныхъ породъ и о вывѣтриваніи ихъ. Слѣдующіе отдѣлы относятся собственно къ области физической географіи; въ нихъ разсматривается борьба моря и суши, работа текущихъ водъ, подземныя воды и карстовыя явленія, ледники, дѣятельность вѣтра. Въ 9-мъ отдѣлѣ говорится о строеніи складчатыхъ горъ, при чемъ авторъ знакомитъ съ новымъ ученіемъ о перекрытіяхъ и фаціальныхъ областяхъ въ Альпахъ и съ теоріями складкообразованія вообще. 10-й отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію землетрясеній, ихъ происхожденія и распространія. Вторая часть сочиненія Линдемана заключаетъ въ себѣ спеціально геологію Германіи; въ русскомъ изданіи она осталась не пореведенной. Взамѣнъ ея сдѣланы многочисленныя вставки и дополненія, касающіяся геологіи Россіи, а въ концѣ прибавленъ еще особый отдѣлъ, подъ не совсѣмъ подходящимъ названіемъ „Ландшафты Россіи“; онъ состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) „Горныя области Россіи“; 2) „Равнины Россіи“; 3) „Европейская Россія“ и 4) „Почвы вообще и почвы Россіи въ частности“. Добавлено также много рисунковъ по геологіи Россіи, въ томъ числѣ изображенія скелетовъ парейазавровъ и другихъ пермскихъ ящеровъ (раскопокъ проф. Амалицкаго), геологическая карта Европейской Россіи и др.

Если прибавить, что умѣлый выборъ матеріала, сжатость изложенія и научная современность соединяются въ книгѣ Л. съ интересомъ и иногда даже художественностью разсказа, то станетъ понятнымъ выдающееся значеніе этого популярнаго сочиненія для русской публики. Можно, конечно, спорить о томъ, насколько правильно поступилъ авторъ, умолчавъ о нѣкоторыхъ геологическихъ вопросахъ, фактахъ и гипотезахъ; допустимо замѣчаніе, что и редакторъ перевода могъ бы нѣсколько умножить свои дополненія по геологіи Россіи, но и то, что дано, составляетъ уже цѣнный вкладъ въ русскую научно-популярную литературу. Русскій переводъ вообще хорошъ, хотя иногда въ разныхъ мѣстахъ одно и то же слово передается разно. [Указ. недочеты]. (*Д. Анучинъ. „Рус. Вѣд.“ 1914—35*).

...Г. Нечаевъ не ошибся, выбравъ для перевода на русскій языкъ книгу Л., обладающую дѣйствительно многими достоинствами и, прежде всего, живостью изложенія, соотвѣтствующаго современному состоянію науки... Но трудная задача приспособить нерусскую книгу къ условіямъ русской природы редактору не удалась. Вставки скудны по содержанію и часто даже не существенны и мало разъясняютъ читателю геологію Россіи. Большимъ промахомъ для книги является и то, что, ссылаясь лишь на свои статьи, редакторъ совсѣмъ не указываетъ литературы по геологіи Россіи... ...Изданa и иллюстрированa книга въ общемъ хорошо... (*К. Матвѣевъ. „Природа“. 1914 — 4*).

...Читатель получаетъ ясное, точное, обстоятельное представленіе объ исторіи земной коры и работѣ дѣйствовавшихъ при этомъ силъ... въ популярномъ, увлекательномъ, иногда картинномъ изложеніи. Книга вполнѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію науки... Можно пожелать самаго широкаго распространенія этой книги... (*М. Э—дтъ. „Нов. Жз.“ 1914—1*).

...Изложеніе живописное, увлекательное, часто художественное, совершенно чуждо сухости, и въ то же время въ книгу включены всѣ существеннѣйшія пріобрѣтенія науки за послѣднія 10—15 лѣтъ... Изданa книга тщательно и роскошно. ...Обращаемъ вниманіе читателей на эту увлекательно написанную и богато иллюстрированную книгу. Эта популярно-научная геологія составитъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу. (*В. Т. „Моск. Вѣд.“ 1913 — 293*).

439. Гернесъ, М., проф. 572

Культура доисторическаго прошлаго. Ч. I. Каменный вѣкъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. И. Дьякова. Изд. „Фаросъ“. М. 1913. Ц. 70 к.

...Книгъ, которыя въ простой и сжатой формѣ давали бы основныя положенія археологической науки о первобытномъ человѣкѣ и которыя были бы доступны возможно широкому кругу читателей и по цѣнѣ, у насъ не было совсѣмъ. Въ этомъ отношеніи кн. Г. заполняетъ одинъ изъ серьезныхъ пробѣловъ нашей популярной литературы. Книга состоитъ изъ введенія и двухъ главъ. Въ введеніи дается общее понятіе о первобытной культурѣ. Первая гл. посвящена обзору палеолита сравнительно съ первобытной куль-

турой современныхъ народовъ, во второй—дается обзоръ новаго каменнаго вѣка въ Европѣ параллельно съ культурой неолитическихъ племенъ какъ недавно исчезнувшихъ, такъ и понынѣ существующихъ въ Меланезіи и другихъ странахъ. Кн. снабжена значительнымъ количествомъ рисунковъ, въ концѣ помѣщенъ перечень нѣкоторыхъ иностр. источниковъ. Изложеніе и переводъ ея сдѣланы хорошимъ литературнымъ языкомъ, а потому она можетъ быть рекомендована, какъ очень доступное изложеніе предмота, для первоначальнаго ознакомленія. (*А. Калитинскій. „Природа". 1913—11*).

Г. рѣшительно выступаетъ противъ, такъ называемой, теоріи эволюціи, точнѣе говоря, противъ излишняго увлеченія этой теоріей, согласно которой „во всемъ болѣе древнемъ и раннемъ необходимо видѣть лишь простое переходное состояніе къ чему-то болѣе высшему и совершенному". Онъ, напротивъ того, проводитъ и отстаиваетъ ту мысль, по которой „доисторическія культуры являются зародышемъ культуры вообще только съ точки зрѣнія представителей болѣе высокихъ ступеней ея; на самомъ же дѣлѣ онѣ представляютъ собою прочно обусловленныя извѣстными причинами состоянія съ безспорнымъ правомъ на вполнѣ самостоятельное существованіе". (*М. Королицкій. „День". 1913—334*).

...Извѣстный австрійскій археологъ Г. мастерски комбинируетъ обильный матеріалъ старо и ново-каменнаго вѣка и даетъ отчетливую и выпуклую картину жизни и быта человѣка въ тѣ отдаленныя времена. Книжка иллюстрирована хорошо подобранными рисунками... (*И. Бороздинъ. „Совр. Міръ". 1914—3*).

Очень хорошая популярн. работа. Вызываютъ досаду только рисунки. Живопись нашихъ древнѣйшихъ предковъ преисполнена грубаго натурализма. Слѣдовало бы съ большей осторожностью воспроизводить продукты ихъ художественнаго творчества въ книгѣ, къ которой потянется каждый любознательный подростокъ.

...Художественная интуиція, переплетаясь съ научными данными, иной разъ хорошо освѣщаетъ потемки первобытныхъ ума и души. Въ этой области спеціализировался французъ Рони—младшій. Рекомендуемъ читателямъ всѣхъ возрастовъ его повѣсть „La guerre du feu" (Борьба за огонь"), недавно переведенную на русскій языкъ. Тутъ на фонѣ занимательной фабулы, авторъ пытается строго выдержать стиль первобытной психологіи. Эта французская беллетристика прекрасно дополнитъ трудъ вѣнскаго профессора Г. (*Евг. В. „Россія". 1913 — 2463*).

440. Сѣверцовъ, А. Н., проф. 575

Современная задачи эволюціонной теоріи. Подъ ред. прив.-доц. Моск. унив. В. С. Елпатьевскаго. Съ 41 рис. въ текстѣ. Изд. „Biос". М. 1914. Стр. 2+155. Ц. 80 к.

Книга проф. С. представляетъ особый интересъ уже потому, что, затрогивая такой общій вопросъ, какъ задачи эволюціонной теоріи, авторъ ея внимательно останавливается и на явленіяхъ чисто-морфологическихъ, обычно отпадающихъ въ популярной литературѣ. Многіе вопросы освѣщаются согласно съ результатами личныхъ талантливыхъ изслѣдованій автора, а въ главѣ объ эволюціи коррелятивныхъ измѣненій читатель найдетъ очень интересную собственную гипотезу С. которая придаетъ его книгѣ исключительную цѣнность.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что написанная живымъ, яснымъ и точнымъ языкомъ, порою съ несомнѣннымъ увлеченіемъ, книга будетъ вполнѣ доступна только тѣмъ, кто основательно знакомъ съ зоологіей не менѣе, чѣмъ въ объемѣ курса высшей школы, и вполнѣ владѣетъ научной біологической терминологіей. Для такого читателя она представляетъ несомнѣнный глубокій интересъ и поэтому заслуживаетъ самаго пристальнаго его вниманія. (*В. Муралевичъ. „Рус. Мысль" 1914—6*).

Излагая современное состояніе „дарвинизма", почтенный авторъ подробно останавливается на „корреляціи", т.-е. на вопросѣ о томъ, почему то или иное, достигнутое путемъ отбора, измѣненіе сопровождается измѣненіями и въ другихъ органахъ, необходимыми для того, чтобы то первое, достигнутое отборомъ, измѣненіе получило силу дѣятельной и полезной функціи. Объяснить такую согласованность тоже отборомъ, по мнѣнію автора, невозможно, и онъ излагаетъ собственную „гипотезу", по которой коррелятивныя измѣненія не наслѣдственны, слѣд., не являются результатомъ отбора, а происходитъ вслѣдствіе существующей въ организмѣ связности функцій. Однако, приходятъ въ голову вопросы: въ чемъ же здѣсь состоитъ новая „гипотеза?". Не говорили ли то же самое въ сущности и другіе авторы, отрицавшіе возможность происхожденія согласованныхъ функцій путемъ отбора? И, наконецъ, чѣмъ объяснить самую наличность этой согласованности? Разумѣется, тамъ, гдѣ она дана уже самою „натурою вещей", естественному отбору дѣлать нечего. Проф. С. приводитъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Напримѣръ, развитіе мускуловъ сопровождается развитіемъ и костныхъ бугровъ, къ которымъ эти мускулы прикрѣпляются: такая согласованность объясняется просто тѣмъ, что развитіе мускуловъ влечетъ за собою большій притокъ крови, которая попутно питаетъ усиленно также и костные бугры. Но дѣло въ томъ, что далеко не вездѣ дѣло объясняется такъ просто. Развитіе летательнаго аппарата у птицъ и—параллельно—сравнительная легкость ихъ костей, или приспособленіе легкаго для дыханія и приспособленность къ той же функціи мышцъ грудной клѣтки,—такія явленія (а ихъ несмѣтное количество) едва ли можно объяснить иначе, какъ дѣйствіемъ отбора. Пусть наслѣдуется только одинъ изъ группы согласованныхъ признаковъ, а прочіе уже развиваются, какъ слѣдствіе перваго, но самый-то этотъ неизвѣстный аппаратъ, устанавливающій данную причинную зависимость, не можетъ быть мыслимъ иначе, какъ въ видѣ переданнаго по наслѣдству качества. (*Ач. „Кіев. Мысль". 1914—1907*).

...Составлена, книга, повидимому, случайно и благодаря этому не даетъ вполнѣ цѣльнаго представленія о дѣйствительномъ положеніи разбираемыхъ авторомъ вопросовъ. У читателя остается впечатлѣніе, что книга представляетъ въ сущности только популяризацію собственныхъ воззрѣній автора и, главнымъ образомъ, двухъ его гипотезъ о происхожденіи позвоночныхъ и о корреляціяхъ въ организмѣ. Авторъ, повидимому, чрезвычайно высоко цѣнитъ эти свои гипотезы; первую, напримѣръ, онъ приравниваетъ

на стр. 16-й къ гипотезамъ о молекулахъ и къ теоріи спектральнаго анализа, что, намъ кажется, и по существу теоріи, и по ея значенію въ біологіи является до нѣкоторой степени авторскимъ увлеченіемъ. По крайней мѣрѣ намъ не приходилось встрѣчать въ литературѣ подобной оцѣнки этой гипотезы. Эти двѣ теоріи спаяны нѣкоторыми дополнительными вопросами, какъ вопросы о прогрессѣ и регрессѣ организмовъ и поли-и монофиліи. Обработка этихъ вопросовъ носитъ явно случайный характеръ, и мы позволили бы себѣ сказать, не носитъ характера изложенія современныхъ задачъ въ этихъ отдѣлахъ. (*Ю. Бѣлоголовый. „Рус. Вѣд.“ 1914—139*).

... Во всякомъ случаѣ, разбираемая нами книга, помимо заключеннаго въ ней фактическаго матеріала, возбуждаетъ рядъ новыхъ вопросовъ и безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя могутъ быть прочтены съ большой пользой и интересомъ. (*„Рус. Бог.“ 1914—7*).

... Съ особеннымъ интересомъ читается та часть кн. С. гдѣ онъ развиваетъ самостоятельный взглядъ... Богатая по содержанію кн. С. заслуживаетъ самаго широкаго распространенія... Издана книга хорошо. Къ сожалѣнію, встрѣчается не мало опечатокъ. (*В. Т. „Ежем. Журн.“ 1914—3*).

[Очерки интересные]. (*„Л. С. „Вѣст. Евр.“ 1914—5*).

441. Готье, Т. 84—1

Эмали и Камеи. Стихи. Перев. Н. Гумилева. Изд. М. В. Попова. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Трудно опредѣлить то колоссальное вліяніе, которое оказалъ Теофиль Готье на поэзію нашего времени. Десятки современныхъ поэтовъ, цѣлыя литературныя поколѣнія испытали это вліяніе, даже неподозрѣвая о немъ. Ихъ языкъ получилъ напѣвность и гибкость, ихъ рнемы сдѣлались такими звучными, ихъ великолѣпные образы пріобрѣли свою пышную позлащенность, только пройдя сквозь виртуозный словарь этого искуснаго мастера.

Потому что вся французская лирика, начиная съ 50-хъ годовъ, всѣ парнасцы и символисты, не только являются его учениками въ искусствѣ писать стихи, но всѣ они пропитаны стилемъ „Эмалей и Камей“ и непрерывно пользуются тѣмъ стихотворнымъ оружіемъ, который выковалъ для нихъ Г.

Впрочемъ, „оружіе“—черезчуръ тяжелое слово въ примѣненіи къ ажурной поэзіи Г. Это скорѣе — тонкое кружево, сплетенное изъ прелестныхъ оттѣнковъ, золотистыхъ узоровъ и бѣлоснѣжныхъ камелій. Свѣтъ, краски и ароматы этихъ прихотливо-плѣнительныхъ стиховъ съ блескомъ развертываются, какъ драгоцѣнное ожерелье, звенящее алмазными рнемами.

Г.—дѣйствительно неутомимый гранильщикъ слова. Вся его поэзія—цѣликомъ сотворенная. Онъ долго обтачиваетъ и раскрашиваетъ каждый стихъ, облекаетъ свои образы въ изысканнѣйшіе туалеты и почти никогда не описываетъ, а воспѣваетъ. Онъ внесъ и прославилъ искусственность въ поэзіи, и этимъ во многомъ напоминаетъ Оскара Уайльда.

„Поэзія,—любилъ повторять Г., — есть искусство, которому можно выучиться, у котораго есть свои методы, свои формулы, тайны, свой контрапунктъ и своя гармоническая работа“.

Эта формула была истолкована впослѣдствіи, будто вмѣсто вдохновенія Г. выдвигаетъ методъ. И многіе искренно повѣрили, что и въ поэзіи, какъ въ бухгалтеріи, можно обойтись безъ увлеченія и прирожденнаго дара. А наши отечественные эстеты съ легкимъ сердцемъ даже возвели эту безсмыслицу въ догматъ и, соревнуя съ французами, дошли до еще болѣе рѣшительнаго лозунга: вмѣсто вдохновенія—методъ и вмѣсто мыслей—слова.

Будучи геніальнымъ версификаторомъ и, если можно такъ выразиться, первоклассимъ гимнастомъ въ области рнемы, Г. никогда не сводилъ стихотворнаго искусства къ словесной татуировкѣ. Горделивая изысканность не убила въ немъ искренняго энтузіазма. Онъ съ упоеніемъ, въ чистѣйшемъ подъемѣ души, отдавался своей поэтической работѣ, и прекрасныя мысли имѣли надъ нимъ такую же привлекательную силу, какъ и красивыя формы.

Правда, въ упорномъ увлеченіи изысканной фразой, Г. проявлялъ какое-то ненасытное сладострастіе, какую-то всепожирающую настойчивость. И въ этомъ чувствуется намѣренно-гордая неприступность. Онъ выискивалъ утонченнѣйшіе оттѣнки, осѣнялъ себя красотой, какъ ореоломъ, чтобы отмежеваться отъ толпы и убрать подальше все то, что напоминаетъ собою будни. И мнѣ думается, что въ этомъ была горделивая месть поэта, обреченнаго равнодушными современниками на скучную прозаическую работу. Судьба, надѣлившая его такой нѣжной и воспріимчивой душой, не нашла ничего лучшаго, какъ превратить его въ литературнаго поденщика. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій онъ состоялъ театральнымъ рецензентомъ газеты „La Presse“ и считалъ для себя блестящимъ праздникомъ тотъ день, когда на сценѣ не было мелодрамы. И сверхъ того, на его обязанности лежалъ еще еженедѣльный литературно-критическій фельетонъ. Эта сѣрая подневольная работа, кровожадное рычаніе со сцены и тучи мелкихъ писакъ, отнимающихъ такъ много силъ своимъ вздоромъ, должны были внушить Г. тяжелое отвращеніе къ повседневности, и онъ постарался прикрыть ее узорнымъ плащомъ своей мечты.

...Для Г. жизнь была не только грубымъ, но и мучительно тягостнымъ усиліемъ. И оттого такъ влекла его къ себѣ далекая отъ жизни и не похожая на все повседневное экзотичность. Уже въ самыхъ заглавіяхъ его стихотвореній есть эта холодная замкнутость и фантастичность: „Загробное кокетство“, „Подвѣски для сердецъ“, „Ужинъ доспѣховъ“, „Свѣтъ жестокъ“, „Дворецъ воспоминаній“, „Ностальгія обелисковъ“, и т. п. Прекраснымъ, нѣжными руками беретъ поэтъ изуродованные образы жизни и черезъ владѣнія своей фантазіи ведетъ ихъ въ „Дворецъ воспоминаній“. ...Въ творческой фантазіи Г. соединились одновременно живописецъ, поэтъ и скульпторъ. Каждый образъ встаетъ передъ его глазами на гранитномъ подножіи и одѣтый въ самые яркіе цвѣта. Оттого въ немъ никогда не пасакаетъ даръ слова. Оттого описанія его отличаются такой дерзновенною выпуклостью. У него нѣтъ мыслей — безплотныхъ знаковъ. Каждая мысль рисуется ему во всей своей тѣлесной наготѣ, и даже каждое слово превращается въ его воображеніи въ богато-красочную поэму.

Онъ никогда не ищетъ темъ. Первый про-

мелькнувшій предметъ рождаетъ въ головѣ его множество нѣжныхъ образовъ, и этимъ случайнымъ созерцаніямъ мы обязаны появленіемъ такихъ прекрасныхъ стихотвореній, какъ „Чайная роза“, „Дроздъ“, „Тучка“, „Ключъ“, „Мансарда“, „Слѣпой“, и друг.

...Оттѣнокъ мягкаго юмора слышится также и въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя посвящены грѣхамъ и порокамъ человѣческой души. Онъ большой скептикъ — Г. Собственная судьба научила его относиться съ легкимъ сомнѣніемъ и затаенной обидой ко всему на землѣ. Многое рисуется ему въ глубокомъ туманѣ. И, то, что ходульныя фразы міра склонны считать незыблемымъ, онъ воспринимаетъ сквозь призму двойственности. Эти волнующіе обманы души и жизни переданы поэтомъ съ плѣнительной красотой въ замѣчательномъ символическомъ стихотвореніи „Контральто“.

...Въ стихотвореніяхъ Г. всегда есть много абстрактнаго. Чрезвычайно большое мѣсто отводитъ онъ всякимъ умственнымъ комбинаціямъ. Въ поэзіи его, какъ въ произведеніяхъ Леонида Андреева, постоянно присутствуетъ мысль. Но это абстракціи символическія, претворенныя въ сверкающіе образы. Таковы, напр., стихотворенія „Этюдъ рукъ“ или „Тайное средство“, въ которыхъ мечта, философія и символика таинственно сплетаются между собою въ неразрывномъ ритмѣ.

Самый большой недостатокъ Г. — это то, что онъ сознаетъ свою красоту и склоненъ любоваться самимъ собою. Для собственнаго удовольствія онъ усвоилъ свой стиль совершенно излишними метафорами, и оттого поэзія его не знаетъ простыхъ картинъ. Г. любитъ природу, но разсматриваетъ ее, какъ матеріалъ для красивыхъ сравненій. Подъ его перомъ деревья и птицы легко превращаются въ красивыя стихотворныя строчки, сами начинающія благоухать, какъ цвѣты, и звенѣть, какъ птицы. Очень хорошъ, напр., циклъ стихотвореній „Зимнія фантазіи“, но здѣсь каждое стихотвореніе—искусное, вычурное издѣліе, похожее на вылѣпленную изъ снѣга—красивую, но мертвую, холодную розу.

...Сборникъ „Эмали и Камеи“ заключаетъ въ себѣ лучшія стихотворенія Г. Переводъ ихъ сдѣланъ удачно. Конечно, встрѣчаются недочеты и вольности. Но сохранить ароматъ подлинника, блестящую красоту его образовъ и изысканный стиль задача чрезвычайно трудная, почти непосильная. Вѣдь до сихъ поръ у насъ еще не было переводовъ Г., если не считать отдѣльныхъ стихотвореній. Выпускъ „Эмалей и Камей“— большая заслуга со стороны г. Гумилева, за которую ему простится много литературныхъ грѣховъ. (*Л. Войтоловскій. „Кіев. Мысль“. 1914—103*).

...Войди Г. въ поэтическій обиходъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и бури нашего поэтическаго новаторства были бы лишены многихъ непріятныхъ крайностей, а неврастеническое декадентство не пустило бы такихъ корней. Въ настоящее время русской поэзіей самостоятельно выработаны качества, выработку которыхъ могъ бы облегчить ей Г.: твердость, закаленность, четкость, все, что придаетъ искусству „нетлѣнныя черты“, превращаетъ неуловимую мечту въ стойкую глыбу. Во многомъ, конечно, Г. устарѣлъ, его фабулизмъ скученъ, его композиція для насъ монотонна. Но все же онъ „непогрѣшимый“ въ своемъ родѣ мастеръ, и чтеніе его просто-на просто полезно...

...Переводъ Гумилева удовлетворяетъ элементарнымъ требованіямъ вполнѣ. Нерѣдко онъ поднимается до настоящей виртуозности... (*С. Городецкій. „Рѣчь“. 1914—127*).

...Знаменитый „укротитель и собиратель словъ“ нашелъ себѣ въ лицѣ Гумилева очень близкаго ему по артистичности отдѣлки стиха прекраснаго переводчика... (*„Рѣчь“. 1914—67*).

...Творчество Г., словесное и образное, носило вполнѣ *органическій* характеръ. Онъ былъ именно такимъ поэтомъ, о какомъ повѣствуютъ школьныя теоріи словесности: онъ мыслилъ образами. Форма не была для него, какъ это бываетъ у поэтовъ безъ истиннаго призванія, вторичнымъ явленіемъ, произвольно созданной оболочкой для идеологическаго остова стихотворенія. Поэзія Г.—почти непроизвольное выраженіе образнаго воспріятія міра; отсюда въ ней легкость и простота явленій природы, отсюда и трудность истолкованія ея на другомъ языкѣ... Переводъ „Эмалей и Камей“, сдѣланный Гумилевымъ, по праву можетъ счесться подвигомъ піэтета и великодушной любви къ памяти „добраго Тео“... (*„Отклики“ газ. „День“. 1914—14*).

...Г., съ его артистически точнымъ, сжатымъ словомъ, съ его чеканной отчетливостью, со всей его парнасскою строгостью, былъ и для опытнаго переводчика-поэта серьезнымъ испытаніемъ, но изъ этого испытанія Н. Гумилевъ вышелъ съ честью... (*„Нива“. 1914—4*).

...Широкая читающая русская публика плохо знаетъ прекрасные стихи Г., и новое изданіе цѣнно хотя бы уже потому, что сдѣлаетъ Г. не чужимъ поэтомъ въ средѣ тѣхъ, кто такъ увлекается сейчасъ каждой новой поэтической строчкой. (*М. „Ран. Утро“. 1914—84*).

...Къ сожалѣнію, переводъ Н. Гумилева нельзя считать вполнѣ удачнымъ. Отъ изящества стиха Г. и слѣдовъ не осталось. Вообще размѣръ у Г. однообразный. А временами стихъ совсѣмъ тяжелъ.

...И все-таки нельзя слишкомъ сурово отнестись къ переводчику. Перевести Г.—работа далеко нелегкая. Въ своемъ родѣ это подвигъ, за который многое можно простить. Если не съ формой, то съ содержаніемъ, съ духомъ творчества Г. мы все же, благодаря Н. Гумилеву, получили возможность познакомиться. (*Н. Н—скій. „Сар. Вѣст.“ 1914—92*).

442. де-Ренье, А. 84—3

Маркизъ д'Амеркеръ. Перев. Макс. Волошина. Изд. „Альціона“. М. 1914. Ц. 1 р.

Авторъ придумалъ маркиза д'Амеркеръ, дѣятеля неопредѣленной старо-французской эпохи, который прославился и любовными похожденіями, и щегольствомъ, и до дерзости отважными подвигами и который, какъ потомъ будто бы выяснилось, оказался и тайнымъ политическимъ руководителемъ цѣлой эпохи. О нѣсколькихъ, не связанныхъ между собою приключеніяхъ этого маркиза и повѣствуетъ книжка де-Р.

...Въ разсказахъ о приключеніяхъ маркиза, кромѣ чисто внѣшней занимательности, нѣтъ ничего другого. Это только разсказы для легкаго чтенія, облеченные, правда, въ довольно изящную форму.

По поводу же перевода г. М. Волошинымъ приходится сказать, что послѣдній не только,

вѣроятно, хорошо изучилъ французскій языкъ, но и хорошо разучился выражаться по-русски. (*Ив. Ан-овъ. „Новь“. 1914—40*).

Это—сборникъ во всякомъ случаѣ не шаблонныхъ и не заурядныхъ разсказовъ, изъ которыхъ иные могутъ даже захватить читателя. Связь отдѣльныхъ разсказовъ между собою — чисто внѣшняя, и, если имѣетъ все же нѣкоторое внутреннее единство, то оно создается лишь тѣмъ, что въ каждомъ изъ этихъ восьми небольшихъ произведеній чувствуется характерная для де-Р. манера письма вмѣстѣ съ его излюбленными художественными пріемами. Въ данномъ случаѣ нужно, конечно, имѣть въ виду не тѣ вещи французскаго писателя, въ которыхъ онъ изображаетъ современные нравы, свѣтскую жизнь, а тѣ его романы и повѣсти, гдѣ возсоздается прошлое со всѣмъ, что въ немъ было своеобразнаго, непохожаго на современную жизнь, красочнаго, иногда болѣзненно-причудливаго. Когда мы прочитываемъ отдѣльные разсказы, вошедшіе въ составъ настоящей книги, мы тотчасъ же встрѣчаемъ тамъ отголоски чего-то хорошо знакомаго по другимъ вещамъ Р. Чувствуется въ этихъ разсказахъ склонность автора описывать все необычайное, эксцентричное, пикантельное, иногда болѣзненное, съ живымъ интересомъ возсоздавать своеобразныя душевныя переживанія своихъ оригинальныхъ героевъ; мѣстами въ повѣствованіе вторгаются мелодраматическія ноты, вводятся бьющіе по нервамъ эффекты или опредѣленно сказывается примѣсь фантастическаго элемента. Немалонажную роль въ книгѣ играютъ различныя галантныя похожденія въ духѣ тѣхъ, которыя такъ охотно описывались въ повѣстяхъ и разсказахъ XVIII столѣтія. Передача старинной обстановки и бытовыхъ деталей, какъ всегда у Р., удачна и отличается стильностью. Что касается сюжетовъ то нѣкоторыя изъ нихъ во всякомъ случаѣ заинтересуютъ читателя. Переводъ сдѣланъ нѣсколько неровно: иногда онъ вполнѣ хорошъ; рядомъ съ этимъ попадаются нерѣдко и довольно странные обороты и выраженія. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1914—87*).

Небольшую книжку... можно было бы привѣтствовать вообще, и тѣмъ болѣе она заслуживаетъ вниманія въ прекрасномъ, передающемъ всю тонкую прелесть оригинала переводѣ М. Волошина... (*М. „Ран. Утро“. 1914—44*).

... Все творчество Р. орнаментально ...И жизнь для него—прихотливый орнаментъ, въ которомъ никакой глубокой, наполненной воздухомъ и свѣтомъ перспективы нѣтъ. Онъ всегда эклектикъ. онъ всегда только сочетаетъ и располагаетъ... ... Р. не символистъ и не реалистъ. Онъ—стилизаторъ, ему нужна линія, а не образъ, онъ схематизируетъ жизнь, онъ часто просто *выдумываетъ*, если этого требуетъ „орнаментальная перспектива“... Врядъ ли полюбятъ въ Россіи этого самаго *французскаго* изъ всѣхъ соврем. франц. писателей. Но переводъ сдѣланъ мастерски. (*Б. Эйхенбаумъ. „Спб. Зап.“ 1914—3*).

Необычайныя затѣйливыя приключенія маркиза д'Америкеръ написаны для любящихъ причудливую игру фантазіи, для мечтателей, для тѣхъ, кто въ надвигающихся сумеркахъ видитъ прозрачный, туманный садъ, по которому легковѣйно и быстро пролетаютъ легкокрылыя тѣни милыхъ и страшныхъ воспоминаній... Порою авторъ приближается къ фантастикѣ создавія Эдгара По, но ужасъ смягчается у него обаяніемъ побѣдительной красоты. Она всюду въ туманѣ, окружающемъ невѣдомый островъ, въ причудливомъ кабинетѣ капризнаго высочества и въ запутанныхъ переходахъ стариннаго отеля. Всѣ приключенія одѣты въ одежду изысканнаго, утонченнаго языка, въ которомъ чувствуется соленый прибой моря и томный ядъ цвѣточныхъ ароматовъ, и вольный просторъ луговинъ — великое очарованіе земли. Переводъ М. Волошина сдѣланъ тщательно, хорошо передаетъ неспѣшность разсказа и своеобразную прелесть старины; лишь мѣстами чувствуются досадная сухость и не совсѣмъ пріемлемые обороты рѣчи. Издана книга недурно, удобнаго формата, хотя для полной гармоніи съ содержаніемъ хотѣлось бы болѣе роскошнаго и изысканнаго изданія. (*Д.м. Крючковъ. „Отклики“ газ. „День“. 1914 — 12*).

443. Львовъ-Рогачевскій, В. Л. 891.7.09

Двѣ правды. Книга о Л. Андреевѣ. Изд. „Прометей“, Н. Н. Михайлова. Спб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Л.-Р. разсматриваетъ творчество Андреева съ точки зрѣнія извѣстнаго и вполнѣ безспорнаго принципа: „бытіе опредѣляетъ сознаніе“. Но, примѣняя этотъ безспорный принципъ, онъ сбрасываетъ съ поля зрѣнія цѣлый рядъ передаточныхъ звеньевъ, черезъ посредство которыхъ бытіе вліяетъ на сознаніе. Поэтому—реакція сознанія (художественное произведеніе) на измѣнившіяся формы бытія у него получаетъ характеръ непосредственнаго отклика; по этой же причинѣ чисто художественная критика нашего автора пронизывается нерѣдко мотивами злободневной публицистики. Такой методъ, весьма послѣдовательно проведенный, придаетъ его книгѣ извѣстную цѣльность, но лишаетъ ее въ то же время нѣкоторой доли убѣдительности. Трудно, напр., согласиться съ основной посылкой критика, гласящей, будто вся трагедія Андреева заключается въ томъ, что онъ занялъ неопредѣленную позицію между побѣдителями и побѣжденными, между сытыми и голодными (стр. 16). Если, вообще, умѣстно говорить здѣсь о „побѣжденныхъ“ и „побѣдителяхъ“, то Андреевъ цѣликомъ—на сторонѣ первыхъ, конечно. Глубокая, сердечная связь съ этимъ страдающимъ міромъ, въ сущности, и подогрѣваетъ бунтъ и протестъ Андреева. Ибо все его творчество,— съ первыхъ строкъ и до послѣднихъ,—мучительная и героическая попытка освѣтить вопросъ о *смыслѣ*. Андреевъ не проклинаетъ жизнь и не борется противъ нея,—какъ увѣряетъ Л.-Р., онъ не хочетъ лишь принять ее независимо отъ ея смысла, или, точнѣе, вопреки ея явной, на его взглядъ, безсмыслицѣ; онъ самъ признавался, что въ немъ живетъ смутная, но твердая увѣренность, что когда-нибудь ему *„удастся открыть начало жизни, подающей силы, и понять, почему жизнь есть радость, а не печаль“* (письмо Л.-Р. отъ 1908 г.). Быть можетъ, больше, чѣмъ многіе изъ насъ хочетъ его мятущаяся и сомнѣвающаяся душа придти къ утвержденію жизни,— но что жъ дѣлать, если къ этому утвержденію Андреевъ не можетъ,—да и не хочетъ—придти иначе, какъ, пройдя сквозь ея отрицаніе. Напомнимъ слова, съ которыми обратился писатель къ своимъ недовольнымъ слушателямъ послѣ чтенія „Такъ было“: *„пройдите сквозь невѣріе,—*

говорилъ онъ,—*преодолѣйте его, чтобъ остаться жить и вѣрить*".

Въ книгѣ много страницъ посвящено анализу главнѣйшихъ произведеній А. въ связи съ смѣной общественныхъ настроеній. Не лишней была бы заключительная глава, кратко резюмирующая содержаніе книги. Приложенные портреты исполнены удачно. Библіографія не полна. (*Вяч. Полонскій. „Отклики" газ. „День". 1914—13*).

...Л.-Р. не хочетъ представить автора „Василія Өивейскаго" и „Анатэмы" проповѣдникомъ какой-нибудь одной идеи или проводникомъ одного, опредѣленнаго пессимистическаго настроенія. Онъ стремится доказать, что все творчество А. расколото надвое и направлено на двѣ стороны, всегда выражая двѣ правды. „Двѣ правды „издерганнаго ума" и борьба ихъ,—говоритъ онъ въ первой главѣ,—психическая неспособность найти синтезъ — характерны для всего творчества А.: или разсказовъ, или драмъ. У этого художника крайности, всегда пытающагося достичь предѣла, полюса, нѣтъ полусвѣта, зато у него всегда два отвѣта, два рѣшенія, два полюса: Іуда и Христосъ,—Елизаръ и Августъ, раціоналистъ Савва и сатиръ козлоногій, послушникъ Васи; живущій мыслью Анатэма и живущій сердцемъ Давидъ Лейзеръ; Телемахинъ—грубый реалистъ и профессоръ Сторицынъ,—метафизикъ-мечтатель соловьевскаго типа; Хаггартъ—вонтавшій стихію океана, и Маріэтъ—представительница берега и береговыхъ настроеній и т. д. Двѣ правды художника вовсе не равнодушіе, вовсе не безразличіе и, конечно, не трусливое умываніе рукъ. Это несчастье, это—мука"...

Все это вѣрно и справедливо отмѣчено, и часто нашъ авторъ сравниваетъ А. съ Достоевскимъ. Въ этомъ тоже онъ во многомъ правъ. ...Конечно, въ этой книгѣ содержится очень много такого, что существенно выясняетъ характеръ творчества писателя (напр., біографія А. постепенный ходъ его писательства и т. п.). Но все же остается непонятной и не выясненной та сторона нашей жизни, которая создаетъ такихъ художниковъ, какъ А., въ пору нашихъ перемѣнъ. И хочется знать, почему не противопоставленъ ему теперь другой поэтъ и художникъ, какъ Толстой противостоялъ Достоевскому... Книга о А. интересна и своевременна. Въ ней нѣтъ болтовни и лишнихъ словъ, а читатель найдетъ въ ней много данныхъ для изученія и пониманія одного изъ крупныхъ и характерныхъ для нашего времени писателей. Книга украшена превосходными портретами и картинками (*Н. Г. „Одес. Нов." 1914—9344*).

Этюдъ Л.-Р. написанъ нѣсколько необычно. Авторъ пользуется не только произведеніями изучаемаго писателя, но привлекаетъ въ значительной мѣрѣ біографическій матеріалъ, всякаго рода жизненные документы. По отношенію къ здравствующему писателю можно спорить противъ примѣненія подобнаго рода пріемовъ, и хотя г. Л.-Р. остается все время въ предѣлахъ строго-литературнаго интереса, все же получается впечатлѣніе, что производится анализъ самой души и личности живого человѣка. Должно быть, мы просто мало привыкли къ этому.

Въ соотвѣтствіи съ такимъ характеромъ книжки (читающейся вообще очень легко и даже увлекательно) находится и помѣщеніе въ ней цѣлаго ряда портретовъ и иллюстрацій объ изучаемомъ писателѣ... (*„Совр. Сл." 1914—2222*).

... Оригинальные пріемы Л.-Р. интересны, но... не убѣдительны. Книга его, написанная страстно и убѣжденно читается съ неослабѣвающимъ интересомъ отъ первой страницы до послѣдней, но читатель остается при своемъ мнѣніи и легко замѣчаетъ, какъ авторъ, съ цѣлью сопоставленія притягиваетъ за волосы фактъ къ факту. (*Я. О. „Спб. Курьеръ". 1914 — 157*).

Безсильный нарисовать художественный портретъ писателя, Л.-Р. добросовѣстно фотографируетъ его видимый жизненный путь, поскольку онъ оказался доступнымъ неглубокому взору критика. Однако и „добросовѣстность": Л.-Р. необходимо понимать условно: какъ партійный человѣкъ, онъ и въ критику вноситъ свои партійные углы, одинаково далекіе и отъ „двухъ правдъ" А. и просто отъ одной художественной правды. При всемъ томъ книжка Л.-Р. является нелишней: въ ней собравъ богатый литературно-біографическій матеріалъ, дана библіографія; рисунки мы считаемъ неумѣстными, новаго въ нихъ ничего нѣтъ, а подборъ — самый безвкусный. Издана книга прекрасно. (*Ч. „У. Рос." 1914 — 62*).

444. Мишеевъ, Н. S91.7.(09)

Новѣйшая русская литература. Бѣлинскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Л. Толстой, Достоевскій. Изд. „Прометей". Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ этого руководства поставилъ себѣ цѣлью „выясненіе идеала жизни, начертаннаго въ лучшихъ произведеніяхъ этихъ писателей, въ связи съ доказательствомъ, что идеалъ, нашедшій себѣ мѣсто въ творчествѣ ихъ, въ дѣйствительности и всегда былъ идеаломъ русской литературы..." Итакъ, показать, чему училъ писатель, и примѣрить его идеалъ къ идеаламъ всѣхъ предыдущихъ писателей,—вотъ, по мнѣнію М., задача исторіи литературы. Относительно русской литературы авторъ думаетъ, что она всегда учила „праведному житію".—и въ этомъ ея отличительная черта. Взглядъ на задачи исторіи литературы—странный, взглядъ на русскую литературу — крайне неопредѣленный. Для того, чтобы выдержать эту линію, авторъ, конечно, обходитъ молчаніемъ поэтовъ чистаго искусства, не вводя ихъ въ русское руководство; въ самомъ дѣлѣ, какому же „праведному житію" учили Тютчевъ и Фетъ? Но почему въ руководствѣ отсутствуютъ Герценъ, Некрасовъ, Григоровичъ, которые отчасти тѣмъ путемъ все-таки рисовали идеалы жизни? Очевидно, подборъ писателей въ книгѣ случайный.

Но при разборѣ отдѣльныхъ писателей авторъ ищетъ у нихъ не только „идеаловъ", а добросовѣстно разбираетъ ихъ. Въ введеніи авторъ старается доказать, что всѣ писатели, отъ Владиміра Мономаха до Гоголя включительно, сходятся въ идеалахъ; онъ подчеркиваетъ *учительный* характеръ русской литературы, отмѣченный Венгеровымъ, при чемъ, говоря о Пушкинѣ, навязываетъ его поэзіи этотъ характеръ. Въ 1-й главѣ дается характеристика нѣмецкой философіи, повліявшей на Бѣлинскаго; дальнѣйшіе разборы отдѣльныхъ писателей, за исключеніемъ Достоевскаго, сводятся къ слѣдующему: излагается біографія писателя, дается общая

характеристика его таланта и разсматриваются его отдѣльныя произведенія. Къ сожалѣнію, эти элементы слабо связаны между собою: покончивъ съ біографіей и характеристикой таланта, авторъ какъ бы забываетъ о сказанномъ и разбираетъ произведенія независимо отъ личности автора; М. считаетъ свою задачу исполненной, если передастъ содержаніе произведенія и охарактеризуетъ два-три главныхъ типа. Какъ отразилась въ произведеніи личность автора, какъ выразилась въ немъ его специфическая писательская манера, какъ построено оно, какъ оно связано съ общимъ теченіемъ литературы и какое мѣсто оно занимаетъ въ творчествѣ писателя,—на эти вопросы М. не даетъ отвѣта. Это конечно происходитъ оттого, что М. интересуется тѣмъ, что говоритъ писатель, а не тѣмъ, какъ онъ это говоритъ. Между тѣмъ, отъ послѣдняго долженъ отправляться историкъ литературы. Литература, какъ эволюція формъ, для М. не существуетъ.

Вотъ почему руководство его ничего новаго не вноситъ въ нашу учебную литературу. Разборы писателей у Саводника не хуже, даже систематичнѣе, у Саводника нѣтъ и той предвзятости, которая губитъ книгу М., написанную съ любовью. Если что и прибавляетъ она къ даннымъ Саводника и Сиповскаго, то только общія характеристики талантовъ разбираемыхъ писателей, предпосланныя разборамъ отдѣльныхъ произведеній, но органически съ ними не связанныя. Послѣднія написаны живо, по новѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, но нѣкоторыя не чужды субъективности (Достоевскій), нѣкоторыя страдаютъ плоской шаблонностью (Тургеневъ). Книга вообще очень неровная и недостатка въ хорошемъ руководствѣ по литературѣ ничуть не восполняетъ. (*В. Ф. „Пед. Обозр.“ 1913—10*).

Книга М. принадлежитъ къ толщѣ того „средостѣнія“, которое стоитъ между читателемъ и художественной литературой подъ названіемъ „пособій“ и „руководствъ при чтеніи и разборѣ произведеній великихъ нашихъ писателей“. Къ этимъ „руководствамъ“ охотно прибѣгаютъ гимназисты при составленіи своихъ „домашнихъ сочиненій“. Для такого употребленія руководства въ родѣ рецензируемаго располагаютъ всѣми нужными качествами: на поляхъ книги подзаголовки, которые могутъ войти въ „планъ“, въ изложеніи—много умныхъ словъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отпечатокъ такой наивности и школьности, что преподаватель при своемъ скептицизмѣ можетъ признать оригинальность „домашняго сочиненія...“ [Рецензъ. иллюстрируетъ свою оцѣнку рядомъ примѣровъ изъ кн. М.] (*С. Золотаревъ. „Съвв. Зап.“ 1914—5*).

... Недостаточно сказать, что въ трудѣ М. есть ошибки; онъ весь, въ самой основѣ своей, ошибоченъ. Уже предисловіе заставляетъ недовѣрчиво насторожиться... Вмѣсто сжатаго, вводнаго очерка съ четкими, не оставляющими сомнѣнія характеристиками (позиція автора обязываетъ къ нимъ), читатель находитъ расплывчатое изложеніе темъ и настроеній въ русской литературѣ на протяженіи многихъ вѣковъ... Въ дальнѣйшемъ изложеніи, останавливаясь на разборѣ отдѣльныхъ писателей, авторъ также произволенъ въ своихъ выводахъ и опредѣленіяхъ. Ясность также не изъ числа достоинствъ М... (*Е. Шатовъ. „Завѣты“. 1914—5*).

... Суженная цѣль, имѣющая въ виду личное совершенствованіе безъ отношенія къ общественному идеалу очень уменьшаетъ цѣнность труда М., который, поневолѣ, только урывками, мимоходомъ, касается литературы, какъ обличительницы общественныхъ золъ и каѳедры для проповѣди соціальныхъ идеаловъ. А затѣмъ узкія, вообще, рамки книги позволяютъ автору коснуться далеко не всѣхъ произведеній всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые служатъ предметомъ его вниманія. Тѣмъ не менѣе, иныя детали содержанія въ книгѣ представляютъ интересъ независимо отъ общаго фона, отъ угла зрѣнія, съ какого авторъ разсматриваетъ русскую литературу, и потому книга небезполезна для начинающихъ изучать литературу. (*Н. П. „Вятск. Рѣчь. 1914—62*)..

445. Боратынскій, Е. А. 891. 7—1.

Полное собраніе сочиненій. Т. I. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Изд. Разряда изящной словесности Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1914. Ц. 1 р.

Редакторомъ собрано все, что вышло когда-либо изъ-подъ пера поэта и что можно было разыскать въ старыхъ журналахъ, изданіяхъ и рукописныхъ архивахъ. Такимъ образомъ, это изданіе Б. будетъ первымъ дѣйствительно полнымъ собраніемъ его сочиненій, при чемъ рядъ стихотвореній появляется въ печати впервые. Текстъ свѣренъ авторомъ съ автографами, авторитетными копіями и первыми собраніями сочиненій Б., имъ самимъ редактированными. Редакторъ въ основу изданія положилъ первоначальную редакцію стихотвореній, Б. такъ какъ послѣдній значительно ихъ измѣнилъ для каждаго новаго изданія. Наиболѣе существенные варіанты приводятся въ примѣчаніяхъ. Біографическій очеркъ составленъ редакторомъ на основаніи многихъ неопубликованныхъ матеріаловъ и писемъ Б. и по своей полнотѣ и новому освѣщенію различныхъ фактовъ изъ жизни Б. является, въ сущности, первой біографіей Б. Много любопытнаго и въ приложеніяхъ, къ которымъ отнесено дѣтское стихотвореніе Б. переводы на французскій языкъ его стихотвореній, имъ самимъ сдѣланные и впервые появляющіяся въ печати, стихотворенія, написанныя имъ въ сотрудничествѣ съ другими поэтами и, наконецъ, стихотворенія, приписываемыя Б. Портретъ Б. и его рисунки дополняютъ изданіе... (*„Отклики“ газ. „День“. 1914—13*).

...На основаніи [семейныхъ бумагъ Б.] Гофманъ написалъ біографическій очеркъ чисто внѣшняго характера, совсѣмъ не обрисовывающій фигуру поэта въ литературѣ и общественной жизни и не опредѣляющій то „небольшое выраженіе“ своеобразнаго поэтическаго облика, которымъ справедливо гордился Б. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно назвать этотъ очеркъ и простыми „матеріалами для біографіи“,—такъ слабо использованы въ немъ существующія біографическія данныя... Въ комментаторской части работы... Г. сообщаетъ скудныя и случайныя свѣдѣнія... высказываетъ рѣшительныя, но не мотивированныя заключенія о хронологіи. Въ другихъ случаяхъ онъ излишне подробенъ... Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ работъ, устраненіе которыхъ—дѣло будущихъ изданій, на ней лежитъ печать добросовѣстности, и она заслуживаетъ вниманія какъ обычнаго читателя, такъ

и ученаго работника. (*Н. Лернеръ. „Вѣст. Евр." 1914—5.*). [См. болѣе подробную рецензію того же автора въ *сборн. „Нива" 1914—6*].

Нѣкогда сказалъ о себѣ Б. такъ: „Судьба, которую я предвижу, будетъ подобна русскимъ однообразнымъ равнинамъ". Въ значительной степени сбылось это предсказаніе: Б. почтительно цѣнили, но не читали, о немъ говорили, какъ о „поэтѣ раздумья", но существа его творчества не знали. Такъ продолжалось десятилѣтіями—воистину поэтическая судьба, схожая по однообразію отношеній и сужденій о ней съ русскими равнинами... Надо надѣяться, что академическое изданіе—изданіе, во-первыхъ, научное, полное, и во-вторыхъ, доступное по цѣнѣ,—поможетъ Б. обрѣсти новый удѣлъ. Трудно, однако, предположить, что и теперь станетъ онъ достояніемъ толпы: слишкомъ обладалъ онъ, какъ художникъ, тѣмъ „необщимъ выраженіемъ", которое всегда чуждо людямъ, воспринимающимъ лишь общедоступное... Но должно *знать* Б. Вѣрно сказалъ о немъ Пушкинъ: „онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслитъ, чувствуетъ сильно и глубоко".

Редакторъ академическаго изданія свой нелегкій трудъ выполнилъ болѣе, чѣмъ добросовѣстно. (*Ю. Соболевъ. „Нов. Жз." 1914—5*).

Классикъ ли Б.?—Такова литературная традиція. Сложилась она прочно и до сей поры не сдается. Напротивъ, „акціи Б." поднимаются. Академія Наукъ только что „канонизировала" Б., издавъ его съ примѣчаніями и разночтеніями. Включеніе Б. въ „академическую библіотеку" наравнѣ съ Лермонтовымъ и Грибоѣдовымъ это ужъ „причисленіе къ лику безсмертныхъ" ...Но каковы литературныя основанія этого безсмертія? Неужели только „инерція"? Похвалы современниковъ и вниманіе изслѣдователей еще не непремѣнное условіе классическаго запоминанія. Классицизмъ провѣряется неумирающимъ интересомъ къ писателю ряда поколѣній, но живетъ ли въ обществѣ такой интересъ къ поэзіи Б.? Хорошо сохраненная мумія—все же „трупъ внѣгласный",—академизированный, комментированный писатель все же можетъ быть совершенно чуждъ и не нуженъ позднѣйшему поколѣнію. Канонизація Б. не можетъ имѣть прочныхъ основаній именно по этой причинѣ. Не живетъ его духъ въ насъ, не „будитъ отзыва" его дряхлая муза. Что въ немъ для насъ животворящаго, волнующаго, останавливающаго? Гдѣ и въ чемъ та неумирающая красота, тотъ вѣчно новый смыслъ, та психическая глубина, какія даетъ намъ образцовое творчество? Нашъ вѣкъ не имѣетъ съ Б. никакихъ психологическихъ касаній, не можетъ искать въ немъ никакого поученія и преемства. Отъ насъ отчуждились даже такія, какъ Тютчевъ, какъ Фетъ, что же намъ въ „необщемъ выраженіи" Б, въ его мелкой, тусклой и стершейся „исключительности"? Ничего, кромѣ странички въ исторіи литературы, одно историческое воспоминаніе. ...Академическая библіотека классиковъ точно необходима, этого требуютъ и жизнь и литература, но вмѣсто жизненнаго выполненія назрѣвшей потребности гг. „академики" устраиваютъ темныя и нудныя похороны „по разряду изящной словесности". Вмѣсто строго-провѣреннаго текста преподносится „милліонъ сомнѣній", въ безпорядочной разноголосицѣ которыхъ пропадаетъ живой интересъ къ творчеству и любованіе имъ. Обезображенный заплатами разночтеній, казуистикой и противорѣчіями рукописей и печатныхъ текстовъ, заваленный грудами мелкаго шрифта, писатель теряетъ цѣльность, физіономію, стильность, обезцѣнивается и внѣшне и внутренно. Его живой обликъ угашается, онъ распадается на противорѣчія, обращается въ унылую библіотечную пыль, красота и значеніе его творчества разлагаются и затемняются, его литературное наслѣдство пріобрѣтаетъ характеръ мусорной кучи. Такой „мусорный видъ" имѣетъ и академическое изданіе Б. Не оживленіе, а тусклыя похороны въ ворохѣ ненужнаго, пустого и праздная. Излишекъ научнаго вниманія прямо раздавливаетъ Б.

... Интимность, отчужденность и идиллизмъ—вотъ что дѣлаетъ образъ Б. единственнымъ и вдохновеннымъ. За изгородью же этихъ настроеній начинается обычная версификація въ стилѣ тогдашняго романтизма. И надо слишкомъ всматриваться, чтобы разглядѣть въ поэтѣ его неповторяемые признаки. Раньше, когда Б. просто считался оригинальнымъ поэтомъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, это было легче; теперь же, послѣ пышнаго погребенія по академическому чину подъ спудъ примѣчаній, только и остается, что переплести Б. и поставить на высокую полочку почетнаго забвенія. Конечно, любитель поэзіи вездѣ разыщетъ что ему надо, но обидно за поэта, погибающаго въ томъ мусорѣ, какой навалили на его забытую гробницу. И такъ его голосъ былъ слабъ и рѣчь блѣдна,—что же теперь разслышитъ наше торопливое время? Эпиграмму на Булгарина? Посланіе къ Делю?—Это въ нашъ-то утонченный вѣкъ, изнѣженный и капризный? Мы хотимъ только необычнаго, и есть это необычное въ Б., но кто откопаетъ заживо-погребеннаго? (*А. Бурнакинъ. „Нов. Вр." 1914—13719*).

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы выхода въ свѣтъ сочиненій этого самаго талантливаго изъ поэтовъ такъ называемой пушкинской плеяды. Но академическое изданіе принесло намъ одно горестное разочарованіе. Редакторъ его, г. Гофманъ, оказался редакторомъ-декадентомъ и внесъ въ свое дѣло субъективное начало, въ размѣрахъ, рѣшительно недопустимыхъ... (*Ал. Ивановъ. „Одес. Нов. 1914—9357*).

446. Моравская, М. 891. 7—1

На пристани. Стихи. Спб. 1914. Обложка Чехонина. Ц. 1 р.

... Всегда радостно почувствовать среди [женщинъ] новаго поэта, увидѣть ростъ большого или малаго, но подлиннаго творчества. Такого подлиннаго поэта вижу я въ М... Чрезъ школу [модернистовъ], очевидно, прошла начинающая „поэтесса"... Эту школу надо было пройти, но ее надо было и преодолѣть. Не всякому это дано; М. удалось найти свою дорогу и изъ модернистской „поэтессы" вырасти въ подающаго надежды поэта. Она нашла свой ритмъ, свой размѣръ, свою форму, тѣсно связанную съ внутреннимъ строеніемъ своей поэзіи, со своими переживаніями. Она овладѣла оружіемъ „свободнаго стиха", который далеко не всѣмъ дается... М. продолжаетъ пути А. Блока. Но, продолжая эти пути, она идетъ по собственной тропинкѣ, у нея въ поэзіи—свой голосъ, свое лицо, своя

манера, и всему этому за послѣднее время начинаютъ даже подражать болѣе молодые поэты...

... Три темы проходятъ, переплетаясь, чрезъ поэзію М., и всѣ три темы соединяются въ одномъ чувствѣ, въ одномъ порывѣ: въ *жаждѣ избавленія*... „На пристани"—первая тема этой поэзіи:—поэтъ говоритъ о своемъ стремленіи на югъ, къ солнцу, ему холодно подъ сѣвернымъ небомъ... Тоска о югѣ обращается въ тоску вѣчныхъ исканій, въ жажду избавленія отъ того, что есть... И понемногу поэтъ убѣждается въ томъ, что его „южная истерика"—только преходящее настроеніе, что никакимъ „югомъ", реальнымъ или иносказательнымъ, не погасится его жажда избавленія. Всегда *слишкомъ поздно* приходитъ человѣкъ туда, гдѣ ждалъ и жаждалъ онъ избавленія отъ того, что есть... И жажда избавленія попрежнему неутомима. Она отражается вновь и вновь на второй темѣ этой поэзіи—въ мечтѣ о Прекрасномъ Принцѣ... И еще разъ приходится повторить: Прекрасный Принцъ не спасетъ, ибо избавленіе никогда не приходитъ извнѣ. Есть мудрое сказаніе о томъ, какъ бросали крѣпкую веревку и соломенный жгутъ двумъ людямъ, тонувшимся въ ямѣ. И веревка оборвалась подъ тяжестью человѣка, слишкомъ увѣреннаго, что его спасутъ,—оборвалась подъ отяжелѣвшей его душою; и на соломенномъ жгутѣ поднялся изъ ямы другой человѣкъ, ибо легкимъ дѣлала его воля къ избавленію... Эта воля къ избавленію не одинъ разъ прорывается въ поэзіи М... Третья тема этой поэзіи...—жажда избавленія—себя и другихъ—избавленія отъ одиночества, отъ обиды, отъ всей боли земной...

... Поэзія М. построена на „подсознательномъ" чувствѣ любви къ жизни... Любить жизнь и вѣчно искать въ ней новыхъ путей—широкая это дорога для человѣка, для поэта. Конечно, поэту не помогутъ никакія „сущности", если у него нѣтъ таланта; но въ поэзіи М. я все время чувствую его присутствіе... Поэту надо еще много работать надъ собой, чтобы итти все время впередъ, помня свой же стихъ: „меня пугаютъ пристани свершеній"... (*Р. Ивановъ-Разумникъ. „Завѣты". 1913—10*).

... Можно отмѣтить, какъ фактъ, что молодыя наши женщины-поэты сняли съ женской русской литературы позоръ, наложенный на всѣ г-жи Вербицкой, Чарской и Нагродской. Въ наступленной правдивости женщинъ-поэтовъ есть настоящее противоядіе противъ бульварной лживости страшной тріады романистокъ. Сила М. въ томъ же, въ чемъ сила Ахматовой и Крандіевской, и Руднчъ, и даже нелѣпой Шретеръ, и ломаки Инберъ. Всѣ онѣ дали себѣ обѣтъ правды. Ихъ стихи—документы дней, настоящія клейма современности и по одному этому уже интересны. Переживанія М. типичны для одинокой личности. Ихъ неврастенія уже несовременна, но характерна для недавнихъ дней. Къ сожалѣнію, эта неврастенія разъѣдаетъ и форму стиховъ М., расшатываетъ ритмы и рнемы, не даетъ стихотвореніямъ развиться, какъ организмъ, и оставляетъ ихъ въ зачаточномъ состояніи. Но пріятно отмѣтить, что эти дурныя качества сильнѣе въ раннихъ стихахъ М., чѣмъ въ позднихъ. (*С. Городецкій. „Рѣчь". 1914—100*).

М.—писательница пріятная тѣмъ, что пишетъ съ рѣдкою для нынѣшнихъ дней „недѣланностью": у нея лицо, не умѣющее гримасничать. Это особенно хорошо еще потому, что лицо у нея умное, доброе, чуткое и въ то же время „свое", и жаль было бы увидѣть его искаженнымъ гримасами—подъ вкусъ современной литературщинѣ... Книга М... рѣшительно говоритъ о томъ, что въ молодой писательницѣ много глубокаго чувства, просящагося въ литературу, но литература эта должна быть не стихами, требующими искусства поэтическаго, а какой-то иной творческой формой, которую чуткой писательницѣ и надлежитъ поскорѣе найти. Ея тревожная фантазія, раненая остріемъ одиночества, ей, несомнѣнно, въ этомъ поможетъ. (*С. Борисовъ. „Нов. Жз." 1914—2*).

...Складываетъ М. [свои лирическія стихотворенія] свободно и естественно, не боясь прозаизмовъ и будничныхъ темъ... Авторъ хорошо знаетъ „земнуюболь". Стихотворенія: „Плѣнный", „Передъ ссылкой", „Шутки", „Четвертое измѣреніе", „Красныя гвоздики" и др. ясно говорятъ объ этомъ. (*А. В—скій. „Соврем." 1914—8*).

...Поэзія М. и безкровна, и безтѣлесна. Въ ней нѣтъ изобразительности, яркихъ поэтическихъ образовъ, „своихъ" яркихъ эпитетовъ, нѣтъ „тѣла". Тускло и плоско лежатъ на бумагѣ слова, усталыя и безсильныя, безъ трепета, безъ страсти, безъ той внутренней напряженности, которая и есть въ творчествѣ то, что въ старину у насъ называли хорошимъ и простымъ словомъ: „вдохновеніе"... Безкрасочность — вотъ и другой признакъ, роднящій поэзію М. со всей современной такъ наз. „модернистской" поэзіей...

...Но все-таки что-то трогаетъ читателя въ поэзіи М., волнуетъ. Не во всемъ есть нарочитость, чувствуется какая-то искренность, нѣчто „трагическое" за всѣми манерными и расхолаживающими вычурностями ея „кукольнаго",—или сказать яснѣе,—современнаго модернистскаго стиля. Ощущается эмоція, если не эстетическая,—которая только и имѣетъ право на существованіе въ искусствѣ,—то физіологическая—которая дѣлаетъ эту поэзію документомъ общественнаго интереса... Настроеніе стиховъ М. [рождаетъ] отзвукъ и сочувствіе въ насъ по своему практическому реальному смыслу: измученность души, страданіе подлинной жизни ощущается за ея маской. Но эта измученная, тонкая, нервная—можетъ быть и поэтическая—душа ребенка, ставшаго въ городѣ женщиной-человѣкомъ, еще не нашла себѣ равноцѣннаго выраженія въ поэзіи, своего художественнаго постиженія... (*Д. Тальниковъ. „Совр. Міръ". 1914—3*).

... За исключеніемъ двухъ-трехъ стихотвореній (напр., „Въ дни перелета". „Въ лоскутной лавкѣ", „Стеклянные колокольчики"), которые очень милы (именно милы, а не болѣе того), въ сборникѣ нѣтъ стихолюбу никакой радости. Но, отрѣшившись отъ художественныхъ претензій, въ стихахъ М. можно найти много занимательнаго. Читая ихъ, словно присутствуешь при любопытнѣйшемъ опытѣ: усыпленіи сознательнаго человѣческаго „я" и наводненіи интеллекта потокомъ подсознательнаго. Воображеніе, не стѣсненное сознаніемъ и, тѣмъ самымъ, ничѣмъ не защищенное, открыто рѣшительно всему; и непроизвольное воздѣйствіе внѣшняго міра на психику человѣка принимаетъ величественные размѣры. Каждый предметъ, каждое явленіе, какъ бы малы они ни были, затягиваетъ мысль узломъ ассоціацій: коробки съ чаемъ, почтовыя марки, географическія карты, обои комнаты

плакаты пароходныхъ компаній, бананы, продаваемые зимой на улицѣ, морозъ, вѣтеръ, дождь, жаръ—овладѣваютъ М. и, никакой властью не ограниченные, хозяйничаютъ въ ея воображеніи. То, что у людей нормальнаго воспитанія можетъ служить предметомъ бѣглаго разговора (напримѣръ, перемѣна погоды), и то (напримѣръ, скверное или хорошее настроеніе, въ зависимости отъ перемѣны погоды), что люди несдержанные использываютъ, какъ поводъ для всевозможныхъ душевныхъ изліяній, вырастаетъ въ глазахъ М. въ событія, достойныя быть матеріаломъ художественнаго творчества. И впечатлѣніе необычайной, болѣзненной суеты охватываетъ читателя при прочтеніи этой странной книги. Думается, съ спокойной совѣстью, можно утверждать, что эта книга стиховъ въ такой же степени любопытна для психолога и соціолога, въ какой степени она не интересна для любителя поэзіи. (*Андрей Полянинъ. „Съв. Зап." 1914—4*).

447. Потапенко, Наталія. 891.7—3

Отступница и др. разсказы. Изд. книгоизд. бывш. М. В. Попова. Спб. 1914. Ц. 1 р.

... Молодая писательница коснулась и попыталась разрѣшить очень больной вопросъ и разрѣшить такъ, какъ его до сихъ не рѣшали, по крайней мѣрѣ, теоретически. Это вопросъ о дѣтяхъ и дѣторожденіи. Помните, какъ говорилъ объ этомъ Толстой? Онъ полагалъ, что единственнымъ оправданіемъ „любви" между мужчиной и женщиной могутъ быть только дѣти.

Такъ говоритъ обыкновенно всѣ. Особенно женщины, которымъ присущъ инстинктъ материнства по преимуществу.

П. идетъ противъ этого инстинкта. Ея повѣсть полна страстныхъ филиппикъ противъ материнства.

— Возвышенная любовь матери къ своему ребенку,—говоритъ героиня г-жи П.—О, я представляю себѣ это чувство. Я даже вижу эту мать, смотрящую на своего ребенка... Ты всматривался когда-нибудь въ ея лицо? Ты замѣтилъ въ немъ хоть тѣнь мысли, духовной любви?

Противъ дѣтей героиня повѣсти еще и по другой причинѣ, едва ли не самой главной. Она видитъ въ дѣтяхъ сильное орудіе, которымъ мужчина порабощаетъ женщину больше, чѣмъ даже матеріальной зависимостью.

— Естественнаго, присущаго всякой женщинѣ чувства къ своему ребенку,—говоритъ мужу юная „отступница",—я даже боюсь, боюсь, какъ рабства. Ты конечно, желаешь этого, чтобы поработить меня, завладѣть мной, потому что тогда мы, дѣйствительно, были бы связаны. Но я не хочу, не хочу, не хочу. Моя любовь къ тебѣ причиняетъ мнѣ страданіе, но все-таки я хочу любить тебя. Любовь моя прекрасна, потому что она свободна, свободна и страстъ. Она вспыхнула, какъ священный огонь, который я готова поддерживать во имя любви, самой любви. Я люблю тебя, именно тебя, а не отца моего ребенка.

И вотъ на этой почвѣ разыгрывается драма. „Отступница" горячо, искренно любитъ мужа. Мужъ всей душой стремится сохранить свои отношенія, потому что и онъ любитъ жену не меньше, если не больше. Но... боясь имѣть ребенка, боязнь закабалить себя такъ, какъ закабалила себя, напримѣръ, сестра „отступницы", ставшая рабой не только мужа, деспотически съ ней обращавшагося, но даже собственнаго ребенка, все превозмогаетъ.

Искусственный абортъ, который дѣлаетъ себѣ „отступница", полагаетъ конецъ всему, и она уходитъ. Семья распадается.

„... Я,—пишетъ „отступница" мужу въ своемъ прощальномъ письмѣ,—чувствовала, что ты оттолкнешь меня. Ты сдѣлалъ это, потому что ты мужчина и не нашелъ во мнѣ женщины, которая нужна тебѣ. Женщины не поймутъ меня, потому что я не похожа на нихъ. Я останусь въ сторонѣ, одна. Мимо меня пройдетъ ихъ много, счастливыхъ и несчастныхъ. Я не могу указать имъ путь. Не могу повести ихъ впередъ. Мнѣ не дано создать новое. Я только отступница".

Конечно, по разному можно отнестись и отнесутся къ проповѣди такого отступничества и къ самому отступничеству молодой женщины, принесшей въ жертву свое чувство, себя и мужа этому страху передъ рабствомъ.

Когда-то Жоржъ Зандъ выступала съ протестомъ противъ мужского засилія... Но тогда времена были другія и мужское засиліе, дѣйствительно, было весьма ощутительно. Такъ мы думаемъ. Намъ кажется, что мы ушли впередъ и что женщина, жена теперь, наконецъ, раскрѣпощена.

„Отступница" г-жи П. говоритъ о другомъ. Оказывается, времена Жоржъ Занд ъ не такъ ужъ далеки. Оказывается, женщина еще и до сихъ поръ чувствуетъ себя рабой, попрежнему чувствуетъ на себѣ узы этого рабства, ищетъ ихъ причинъ и для того, чтобы избавиться отъ рабства, готова пожертвовать даже дѣтьми, даже материнскимъ чувствомъ. Сколь велика значитъ тягость этого рабства? (*Анчаръ. „Бирж. Вѣд." 1914 — 14013*).

... Повѣсть „Отступница" написана подъ Потапенко [писателя, отца автора], т.-е. легкимъ литературнымъ языкомъ, сжато, можетъ быть, даже въ ущербъ разработкѣ намѣченной темы,— естественный діалогъ персонажей, есть и выдумка, удаляющая событія повѣсти отъ прѣсныхъ фактовъ жизни. Однимъ словомъ, литературная наслѣдственность оказалась благопріятной для начинающей писательницы. ...Еще въ 1910 году въ 10, 11 и 12 книжкахъ „Совр. Міра" былъ напечатанъ романъ Даніеля Риша „Безплодная". Авторъ романа „Безплодная" затрогиваетъ вопросъ о женщинахъ, не желающихъ обзаводиться дѣтьми, еще глубже и шире, нежели это сдѣлала П. Даніель Ришъ переноситъ вопросъ даже въ область клиническую, а въ медицинѣ, какъ извѣстно, имѣется даже цѣлая отрасль, такъ сказать, прикладной медицины, которая носитъ названіе „оваріотомія", т.-е. оперативное удаленіе яичниковъ изъ организма женщины. Даніель Ришъ не ограничился одними клиническими подробностями, напротивъ, въ романѣ его выведены глубокія переживанія женщинъ-женъ и сложныя драмы мужчинъ-мужей, вынужденныхъ на утробное убійство своихъ дѣтей или въ силу бытовыхъ условій жизни французской буржуазіи или изъ соображеній чисто карьерныхъ. Даніель Ришъ выводитъ нѣсколько паръ мужей и женъ, подраздѣляя ихъ на жаждущихъ имѣть дѣтей и на желающихъ избавиться отъ нихъ. Есть въ романѣ мадамъ Жермэнъ которая похожа на Ксонію изъ романа „Отступница", но есть въ

романѣ „Безплодная" и молодая женщина, Ренэ Дарвильи, жена адвоката и будущаго депутата Марка Дарвильи. Юная Ренэ мечтала о „святомъ" материнствѣ, а мужъ ея, ради своихъ политическихъ цѣлей, склонилъ несчастную женщину къ операціи. Борьба Ренэ съ мужемъ—глубочайшая и кошмарная трагедія съ ужаснымъ финаломъ: операція надъ Ренэ была произведена безъ ея согласія и послѣ возмутительнаго обмана.

Мы умышленно остановились на романѣ Ришъ „Безплодная", чтобы показать, что вопросъ, затронутый П., уже не новый въ литературѣ, а романъ Риша въ художественномъ отношеніи далеко превосходитъ блѣдную беллетристическую попытку молодой писательницы. Повѣсть П. — работа на заданную тему, тенденціозна отъ начала до конца, и фигуры ея произведенія не живые люди, какъ въ романѣ Риша, а куклы изъ папье-маше... (*В. Брусянинъ. „Совр. Міръ". 1914—5*).

Въ поискахъ „новой женщины" уже немало истрачено чернилъ и бумаги, но таинственная незнакомка, словно заколдованный кладъ, все выскользаетъ изъ рукъ ищущихъ. Не можетъ похвалиться удачей и П., несмотря на всѣ свои старанья изобразить въ лицѣ „отступницы"— „какое-то странное, новое существо"... Чтобы открывать „новые міры", нуженъ крупный талантъ. При отсутствіи же его—гораздо благоразумнѣе держаться крѣпче за родную планету, т.-е., не мудрствуя лукаво, описывать жизнь ея обитателей. Но П. даже и это вридъ ли по силамъ. Остальные два разсказа вѣдь тоже очень слабы... (*А. Николаевъ. „Завѣты". 1914—4*).

Прочитавъ эту книжонку, впадаешь въ грустное раздумье, относительно злосчастныхъ судебъ «дамскаго» творчества—оно либо слезливо и умилительно, либо „революціовно"... но исключительно въ области эротической. По этому пути идетъ и героиня повѣсти П.—«демоническая» Ксенія; обольстительно-хорошая собой. Впрочемъ, и всѣ дамы въ этой повѣсти неыразимо прекрасны, мужчины же—грубы, ограничены, гадки и т. д. Протестъ Ксеніи лежитъ въ плоскости «дамскаго» бунта—онъ не идетъ дальше перемѣны мужа на истерическаго юношу Коленьку. О слѣдующемъ разсказѣ «Ея письма», говорить не стоитъ—это какой-то лубочный трафаретъ на тему пошлѣйшихъ бульварныхъ романовъ. Читая заключительную вещь «Кокотка», вспоминаешь чудесную «Дѣтвору» Чехова, и механическія, картонныя гимназистки П. дѣлаются все нетерпимѣе и хуже. Общій языкъ и наивная, придуманная психологія равняютъ П. съ «побѣдоносной» Вербицкой; про себя она можетъ сказать словами «обольстительной» Ксеніи: «Мнѣ не дано создать новое». (*Д.м. Крючковъ. „Отклики" газ. „День". 1914—9*).

448. Пришвинъ, Мих. 891.7—3

Собр. соч. Т. III. „Славны бубны" и др. разсказы. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

... Прежде всего бросается въ глаза излюбленная П. тема, начиная съ очерковъ, написанныхъ еще въ 1907 году, и кончая разсказами послѣднихъ дней. Тема эта—народная душа въ ея отношеніи къ вопросамъ вѣры. Народныя легенды переплетаются у П. съ его собственными образами-вымыслами, и онъ увлекаетъ читателя въ область полусказки — полудѣйствительности.

Второй отличительной чертой творчества П. является его языкъ. П. обладаетъ богатымъ запасомъ словъ, подслушанныхъ у народа, сливается съ народомъ въ творчествѣ новыхъ словъ и образовъ. Это стилистическое богатство характеризуетъ П. не извнѣ, а изнутри. Въ немъ сказывается та *симпатія* къ изображемымъ явленіямъ, которая, по удачному выраженію Бергсона, *богата откровеніями* и безъ которой подлинное проникновеніе въ народную душу невозможно. Среди разсказовъ третьяго тома сочиненій П. самые лучшіе: „Никонъ Староколѣнный" и „Звонъ", „Церковь невидимая" и „Согласіе Дмитрія Ивановича". Послѣдніе тутъ перепечатаны изъ книги „У стѣнъ града невидимаго", а „Никонъ Староколѣнный" былъ раньше напечатанъ въ сборникѣ. Критика давно уже отмѣтила ихъ съ одобреніемъ. Народныя исканія правильной вѣры — такова тема этихъ разсказовъ. Къ нимъ примыкаютъ по темѣ „Саморокъ" и „Бабья лужа". Но П. не только изобразитель народной вѣры. Его интересуетъ все оригинальное, близкое къ первобытности, особенно въ тѣ моменты, когда оно сталкивается съ послѣднимъ словомъ цивилизаціи въ лицѣ того или иного ея представителя. Такова тема разсказовъ: „Деревенскій ренессансъ", „Слуга времени", „Обыватели", „Мертвый городъ" и „Славны бубны". Въ первыхъ трехъ разсказахъ авторомъ представлены русскіе люди, въ четвертомъ — карамы, въ пятомъ — татары. При всей разности психикъ этихъ лицъ, П. ко всѣмъ имъ умѣетъ подойти просто и непринужденно и у всѣхъ подсмотрѣть самое главное, нутряное. Есть во всѣхъ этихъ разсказахъ и публистическій элементъ, роднящій П. съ Гл. Успенскимъ. Третья книжка разсказовъ П. является самой характерной среди его книгъ и показываетъ, что авторъ не сошелъ съ первоначальныхъ рельсовъ своего литературнаго пути, а сдѣлалъ по нимъ много шаговъ впередъ. Жаль, что въ книжку не вошелъ напечатанный въ прошломъ году въ „Завѣтахъ" разсказъ „Иванъ Осляничекъ", несомнѣнно, наилучшій изъ всѣхъ, написанныхъ П. (*А. Кратовъ. „Отклики" газ. „День". 1914—15*).

... Авторъ любитъ сочныя словечки изъ гущи природы и быта,—однако, еще больше любитъ онъ свое настроеніе, свои плывучія чувства, которыя при каждомъ впечатлѣніи спѣшатъ подняться надъ предметами и создать изъ словъ и звуковъ, закипающихъ въ воображеніи, свое, нѣсколько капризное, кокетливое, своеобразное отраженіе жизни. Это—не плоская фотографія, это неспокойное творчество, которое высоко поднимается надъ жизнью. Это близкое, поэтическое, торопливое преломленіе красокъ и звуковъ земли. Очерки Крыма въ этомъ смыслѣ интересны, привлекательны своей свѣжестью, чуточку напоминая Гамсуна и чуточку вызывая досаду нѣкоторой изломанностью стиля. (*И. Ж—нъ. „Вѣст. Евр." 1914—5*).

...Наиболѣе цѣнными произведеніями въ сборникѣ являются очерки полубеллетристическія, полуэтнографическія о раскольничьихъ сектахъ, отдѣльныхъ представителяхъ раскола. Авторъ, видимо, живо интересуется жизнью раскольниковъ и знаетъ ее. Всѣ эти очерки проникнуты чувствомъ симпатіи, важности и серьезности къ броженію народной души, къ ея стремленію

найти „правильную вѣру“. (*Изъ. „Омск. Вѣст.“ 1914—86*).

...Красочные разсказы П., несомнѣнно, доставятъ удовольствіе всякому любителю литературы. (*„Придн. Кр.“ 1914—5110*).

... П. занимаетъ особое мѣсто. Благодаря ли тому, что онъ, не мудрствуя лукаво, какъ многіе иные, съ глубокой простотой подходитъ къ неисчерпаемому богатству нашего быта, или оттого, что въ исконную бытописательскую манеру фотографировать онъ непроизвольно вноситъ элементъ яркой индивидуальной окраски,— но эта его новая книга, какъ и предыдущія двѣ, читается легко и свободно, не засоряя памяти многочисленными атрибутами быта, къ которымъ питаютъ слабость всѣ почти работники пера этой категоріи. (*М. К—овъ. „Утро Рос.“ 1914—148*).

... П. пишетъ сравнительно недавно, но то, что онъ далъ, заставляетъ ожидать отъ него очень и очень много, если онъ будетъ отдѣлывать свои разсказы. Его замѣтки, очерки и разсказы написаны какъ-то наспѣхъ, благодаря чему часто въ лучшихъ вещахъ его нѣтъ цѣльности, нѣтъ той внутренней логики, которая дороже жизненной правды. У П. новыя темы, новый подходъ къ нимъ, часто прекрасенъ и образенъ языкъ, но какая-то фельетонная спѣшка не даетъ ему времени такъ отшлифовать свое произведеніе, чтобы всѣ скрытыя красоты его проявились въ полномъ блескѣ. (*Н. Гиляровская. „Гол. Москвы“. 1914—148*).

Въ новой книжкѣ нѣтъ живой, рвущейся къ общенію души. При чтеніи этихъ унылыхъ, однообразныхъ, словно насильно написанныхъ страницъ, все время шевелится мысль: кому онѣ нужны? Тутъ все отрывки и наброски, психологическіе эскизы, чаще всего въ формѣ путевыхъ замѣтокъ, въ которыя безъ выбора и безъ плана заносилось все... Какъ всегда, наиболѣе интересны у П. русскій колоритъ, удачно схваченныя черты народной жизни и психологіи. Но использовать своихъ наблюденій авторъ не сумѣлъ. Изъ крохъ живыхъ, правдиво переданныхъ впечатлѣній мелькнутъ въ подавляющемъ туманѣ скуки, среди безсильныхъ творческихъ потугъ и мудрствованій автора. ...Небрежность, вообще, бросается въ глаза въ новой книжкѣ П. Его очерки собраны торопливой рукой, безъ всякой заботы о единствѣ цѣлаго. Они очень пестры по содержанію и отрывочны, написаны безъ той вдумчивости и проникновенности, которыми отличались этюды перваго сборника. Это лишаетъ книжку и того значенія, которое она могла бы имѣть—интереснаго документа-дневника. (*Е. К. „Рѣчь“. 1914—147*).

„Вокругъ насъ носятся въ свѣтѣ солнца невоплощенныя души цвѣтовъ“... („Коктебельскіе камешки“). Это и есть основное богатство третьяго тома разсказовъ П. Невоплощенныя души цвѣтовъ. Вся книга должна быть напоена разными цвѣтами: цвѣты мысли, цвѣты красоты, цвѣты любви къ природѣ и людямъ. Но всѣ эти цвѣты остались невоплощенными душами. Вмѣсто цвѣтовъ читатель получаетъ скучныя, хотя и замысловато написанныя страницы. Только нѣкоторыя разсказы въ родѣ „Коктебельскихъ камешковъ“ хранятъ ароматъ подлинной, живой поэзіи. Остальное сѣро и душитъ какой-то мелкой пылью, какъ то крымское шоссе, о которомъ не разъ идетъ рѣчь въ разсказахъ П. Эта пыль—всевозможныя мелочи и подробности, ни съ чѣмъ не связанныя и ни зачѣмъ не нужныя... (*„Рус. Бог.“ 1914—5*).

449. Серафимовичъ, А. 891.7—3

Разсказы. Т. V. Изд. „Книгоизд. Писателей въ Москвѣ“. 1914. Стр. Ц. 1 р. 25 к.

... Въ каждомъ произведеніи художника должна быть видна душа послѣдняго. Душа, погруженная во всѣ страданія и радости міра, одинаково умѣющая увлекаться и Мопассаномъ, и общечеловѣческимъ счастьемъ, и красивой сказкой, и интересными типами, и въ то же время возстанавливающая истинный смыслъ каждаго изъ этихъ явленій. Иными словами, эпизоды жизни, описанной художникомъ, должны быть также эпизодами его собственной души. Или, какъ образно выражались въ старину, писатель не долженъ извращать событій въ угоду своимъ желаніямъ—въ узко корпоративномъ смыслѣ,—но за право на счастье каждаго изъ своихъ героевъ онъ долженъ ратовать, какъ за свое. Таковъ С.

Кто-то изъ польскихъ критиковъ назвалъ Ст. Жеромскаго—тайновидцемъ благородной слезы. Это въ достаточной мѣрѣ приложимо и къ С., который въ сложномъ процессѣ жизни постоянно видитъ lacrimae rerum—незримыя слезы міра. Но въ то время, какъ скорбно настроенный польскій писатель считаетъ главнымъ достоинствомъ человѣка интимное сочувствіе чужому горю, ту тихую грусть, которая рождается въ глазахъ человѣческихъ при видѣ страданія, С. усматриваетъ интимную сущность человѣка въ другомъ. По словамъ Ж., слово „человѣкъ“ слѣдуетъ замѣнить описательнымъ выраженіемъ—„способный сострадать“. По мнѣнію С., человѣкъ—это существо, способное благородно желать и мыслить. Люди тщедушные, и крѣпкіе, веселые, и слезливые, люди, совершающіе крупныя дѣла и бьющіеся изо дня въ день изъ-за куска хлѣба, сытые и голодные—всѣ тоскуютъ и думаютъ о чемъ-то большомъ и свѣтломъ. Подъ ярмомъ нищеты и униженій не умираетъ инстинктъ свободы. Въ ихъ пепельно-сѣрыхъ сердцахъ горитъ какой-то идеалъ, какая-то смутная мечта о возрожденіи міра. ...Вотъ это желаніе вырваться, подняться, и высказать какое-то великое и справедливое слово жизни управляетъ всѣми дѣйствіями людей у С. и устанавливаетъ между послѣдними тайное сродство. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ единомъ образѣ мыслей или объ общихъ страданіяхъ и несчастіяхъ. Совершенно наоборотъ. Передъ нами проходятъ въ его разсказахъ совершенно непохожія лица—учителя, помѣщики, крестьяне, рабочіе, бродяги—во всемъ разнообразіи своихъ прирожденныхъ и пріобрѣтенныхъ чертъ. Но у каждаго тлѣетъ въ душѣ потребность стряхнуть съ себя оковы духовнаго рабства и такъ или иначе вступиться за правду...

...С. не боится захватанныхъ темъ. Это не столичный писатель, который черпаетъ свои образы изъ книгъ или изъ глубины измотавшихся и отравленныхъ нервовъ. Его фантазія прикована къ землѣ, и задумчивыми глазами изучаетъ онъ самыя будничныя событія. Онъ описываетъ жизнь сѣренькой мелкоты, странствуетъ по базарамъ, по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ, безъ стѣсненія говоритъ о скучныхъ занятіяхъ батраковъ, торговокъ, поденщиковъ, подбираетъ лоскутки и обрывки самыхъ обыкно-

венныхъ происшествій. И вотъ, хотя темы у С. все старыя, давно исчерпанныя, но люди новые. И новое въ нихъ то, что они не только голодаютъ и пьянствуютъ, а влекутся духомъ къ какой-то свѣжей мечтѣ. Мечта эта сдѣлалась близкой каждому сердцу и какъ-то легко соскальзываетъ съ языка, принимая часто нелѣпыя или дѣтскія формы.

... Разсказы С. не приковываютъ къ себѣ, не поражаютъ ни формой, ни глубиною чувства, но они всегда занимательны. Ясно, красиво и тепло описываетъ онъ иззябшихъ, голодныхъ и испачканныхъ дѣтей, грубые окрики сосѣдей, пьяныхъ крестьянъ. Глазъ у него внимательный, зоркій, и все, что онъ видитъ, дѣйствуетъ не только на его зрѣніе, но и на душу. Онъ любитъ усталыхъ, замученныхъ людей, лица которыхъ поблѣднѣли въ борьбѣ съ нуждой и неволей. Подъ мусоромъ обывательской лжи онъ постоянно ищетъ залежавшейся вѣры въ счастье, мечты о радостной жертвѣ; ищетъ—и находитъ. Гдѣ-то подъ всѣми страданіями всегда таится маленькая искра, которая бережно охраняетъ мечту о человѣкѣ.

Хорошо передаетъ С. наши степные пейзажи. Въ отличіе отъ того же Жеромскаго, который также очень любитъ природу, С. изображаетъ послѣднюю не бездушной и замкнутой, а смѣлой и ободряющей. Гудятъ вѣтры въ степи, разносятъ пряный запахъ цвѣтовъ и травъ. Безпрерывно движется міръ, сверкая небеснымъ огнями. И въ душѣ человѣка также загораются какіе-то свѣтлые лучи. Сговорчивые, любящіе, примиренные приходятъ люди, ставшіе вплотную къ природѣ, къ степи, къ ея краскамъ и звукамъ, и съ тихой вѣрой начинаютъ снова присматриваться къ каждому лицу и къ каждому дому:

„Вотъ тутъ, должно быть, что-то особенное, какая-то особенная, яркая, непохожая жизнь“...

Заслуга С. заключается въ томъ, что вѣра въ подобное обновленіе окружена въ его разсказахъ теплой любовью, которая обезпечиваетъ писателю расположеніе публики и ставитъ его въ ряды почетныхъ и симпатичныхъ авторовъ. (*Л. Войтоловскій. „Кіевъ. Мысль“. 1913—315*).

...Новые разсказы С. замѣтно отличаются отъ его первыхъ, раннихъ опытовъ. Особенно это бросается въ глаза въ языкѣ—гораздо болѣе прежняго выразительномъ и гибкомъ. Этотъ красивый и живой, настоящій русскій языкъ, на которомъ отдыхаютъ глаза послѣ всѣхъ его современныхъ извращеній и загрязненій, сразу заинтересовываетъ и подкупаетъ въ пользу автора. Большая зрѣлость чувствуется и въ умѣньѣ пользоваться матеріаломъ и развивать сюжетъ; нѣтъ прежней расплывчатости и излишней распространенности, меньше однообразія... У С. литературная честность доходитъ до высокой степени... Онъ органически неспособенъ разсказывать о томъ, что видѣлъ только мелькомъ и не успѣлъ почувствовать; при этомъ „натура“ въ немъ всегда очень чувствуется, иногда даже черезчуръ, господствуя надъ творчествомъ; онъ въ нѣкоторой отъ нея зависимости. Тѣсно связанъ съ этими благородными литературными свойствами и основной недостатокъ творчества С., нѣкоторая его разсудочность. Образы и эпитеты у него возникаютъ не стихійно-естественнымъ зрительнымъ путемъ, а раціоналистически; онъ ищетъ имъ оправданія въ мысляхъ, въ памяти... Творчество его отдается разными литературными вліяніями, иногда пестрыми и малосовмѣстимыми... Чеховъ и Андреевъ, есть и отголоски модернизма. Но самымъ прочнымъ все же является благотворное вліяніе родственнаго чеховскаго таланта. По содержанію творчество С. тоже близко подходитъ къ чеховскому... (*Е. Колтоновская. „Вѣст. Евр.“ 1914—1*).

Дарованіе С. за послѣдніе годы значительно выросло и окрѣпло. ...Какъ большое положительное качество С., намъ хочется отмѣтить его любовь къ бродяжничеству, „охоту къ перемѣнѣ мѣстъ“. Онъ не сочиняетъ разсказы въ своемъ кабинетѣ, а беретъ ихъ изъ гущи жизни, которую наблюдаетъ во время своихъ поѣздокъ, а послѣднія, разумѣется, значительно расширяютъ сферу его наблюденій, развиваютъ и освѣжаютъ вообще. Какъ чуткій и внимательный бытописатель, С. твердо стоитъ на вѣрномъ пути, и можно лишь пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія его симпатичному, здоровому таланту. (*Г. Вяткинъ. „Сиб. Жз.“ 1914—30*).

Всего девять разсказовъ—и цѣлый міръ самыхъ разнообразныхъ персонажей выведенъ яркимъ перомъ автора... Въ каждый уголокъ жизни авторъ заглядываетъ, м. б., очень бѣгло, мимоходомъ, но глазомъ художника умѣетъ уловить детали, которыя обычно ускользаютъ отъ нашего вниманія, бѣглыми штрихами набросалъ контуры, освѣтилъ и—вотъ передъ нами живой, пестрый, любопытный міръ, мимо котораго мы проходили, м. б., не догадываясь даже о его существованіи. Лица—несомнѣнно живыя, съ подлинными, не вымышленными интересами, заботами и печалями, съ своей, весьма правоподобной, убѣжденной психологіей, своимъ языкомъ. И надъ всѣмъ этимъ многоцвѣтнымъ, пестроязычнымъ міромъ звучитъ одинъ суровый и безрадостный мотивъ: жизнь жестока и безжалостна, жизнь трагически безсмысленна... Порой чувствуется, что автору просто хранится пугать. По всему видно, что онъ человѣкъ мягкій, добрый, ясный, а тутъ прикинулся мрачнымъ, взялъ низкую ноту...

...Въ умѣренномъ количествѣ это—ничего еще, но въ большомъ—черезчуръ удручительно. А между тѣмъ С. одинаково трагическимъ тономъ трактуетъ какъ подлинно трагическіе сюжеты, такъ и анекдотическіе,—такова ужъ у него неудержимая наклонность къ темному и пугающему... Въ отсутствіи чувства мѣры—основная слабость таланта С., несомнѣннаго художника, яркаго, красочнаго, постоянно ищущаго и, несомнѣнно, совершенствующагося... (*„Рус. Бог.“ 1913—12*).

... Живые, талантливые разсказы, но чѣмъ талантливѣе, тѣмъ впечатлѣніе безнадежнѣе. Какъ будто толпа людей разнаго званія подошла къ какой-то пропасти, куда не хочетъ свалиться, откуда не можетъ уйти,—и кричитъ безнадежнымъ крикомъ. Крестьяне, неопредѣленнаго званія люди, интеллигенты потеряли смыслъ жизни, не имѣютъ руля, не знаютъ пути.

Зачѣмъ и куда ѣдутъ, напримѣръ, герои перваго разсказа „Чибисъ“? По пыльной дорогѣ, вдоль высохшаго, покрытаго кочкарникомъ болота, плетется повозка. Въ ней—цѣлая крестьянская семья: полупьяный отецъ, бушующій и дерущійся изъ-за спрятанной отъ него водки, высохшая отъ побоевъ, голода, и безпокойствъ мать, старшая дочь и нѣсколько маленькихъ.

Случайно находитъ работу; работаютъ до одуренія,—до одуренія пьетъ и бьетъ отецъ семейства: жену—за пропавшую водку, дочь—за ухаживаніе пристающаго къ ней старика-хозяина. Каждый день съ утра до вечера тянется изнурительная работа, и каждый вечеръ и ночь раздаются вопли избиваемой дочери, которую отецъ колотитъ изступленно, „таская за косы по черной изсохшей, полопавшейся отъ бездождья землѣ"... И послѣ всей этой, неизвѣстно чѣмъ и зачѣмъ наполняемой „жизни", опять плетется повозка, неизвѣстно куда, по пыльной дорогѣ, около высохшаго болота, надъ которымъ жалобно пищитъ что-то потерявшій чибись.

Этотъ разсказъ открываетъ сборникъ и резюмируетъ его содержаніе. Человѣчество безсмысленно бредетъ куда-то, въ сущности тупо кружась на одномъ мѣстѣ; минутами сознаетъ свое нелѣпое круженіе, но не можетъ отъ него оторваться, опять начиная и продолжая безнадежную суетню. ...Безсмысленность дѣйствій, необъяснимая жестокость, отсутствіе жизненной цѣли, уныніе, безысходность—впечатлѣніе отъ всѣхъ разсказовъ. И нѣтъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Очевидно, даже стараясь найти отрадное, авторъ не можетъ увидѣть ничего, что не носило бы печати безнадежности, унынія, жестокости, безсмысленности, отчаянія. (*И. Игнатовъ. „Рус. Вѣд." 1914—123*).

С. оригиналевъ, покуда онъ изображаетъ „предметы предметнаго міра". Но онъ становится слабымъ и безцвѣтнымъ, лишь только коснется душевныхъ переживаній. „Психологія" его героевъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ по замыслу она должна быть глубже.

...Творчество С., вообще лишено той сосредоточенной углубленности, которая приковываетъ и волнуетъ. Даже пейзажи, которые ему удаются, иной разъ холодны и безжизненны. Это особенно ярко бросается въ глаза при чтеніи разсказа „Чибисъ", если и не навѣянного Буниным, то сильно все же напоминающаго этого художника. Если бы разсказъ былъ болѣе сосредоточенъ, написанъ съ большей концентрированной яркостью и сжатостью, онъ могъ бы быть потрисающимъ... (*Вяч. Полонскій. „День". 1913—299*).

450. Толстой, Ал. Н., гр. 891.7—3

Разсказы. Т. III. „Книгонзд. писателей въ Москвѣ". 1913. Ц. 1 р.

...Талантливый или посредственный писатель гр. Т.? Въ разсказахъ его такъ много противорѣчиваго, что трудно высказаться о его дарованіи совершенно опредѣленно, хотя нѣкоторые критики уже давно возвѣстили въ немъ новое свѣтило. Самая слабая сторона Ал. Т.—это страсть къ преувеличеннымъ краскамъ и особенно къ преувеличеннымъ чувствамъ. Онъ совершенно не знаетъ среднихъ волненій. О будничныхъ предметахъ и будничныхъ явленіяхъ жизни онъ даже не берется разсказывать. Его занимаетъ только то, чѣмъ поддерживается бурное движеніе крови, все равно, будетъ ли это звѣриный гнѣвъ или бѣшеные восторги, мольбы, сладострастіе или угрозы. Лишь бы въ конечномъ счетѣ это привело къ катастрофѣ... Въ этомъ есть извѣстнаго рода литературная извращенность. Герои его одержимы всевозможными странностями, попадаютъ въ необычайныя положенія и совершаютъ какіе-то непонятные поступки. „Такова ужъ темная воля человѣка,—говоритъ Ал. Т. въ разсказѣ „Американскій подводный житель",—живетъ человѣкъ, какъ въ полуснѣ, а воля его упорно ищетъ путей, ведущихъ вонъ изъ этой жизни, и, найдя, неожиданно толкаетъ растерявшагося человѣка на странные поступки". (Т. III, стр. 84).

...Необъяснимое, таинственное, волшебное обязательно входитъ во всѣ разсказы Ал. Т. и придаетъ жизни его героевъ безпорядочный и нелѣпый характеръ. Иногда это просто романтическій вздоръ въ духѣ Анны Радклифъ, а иногда передъ нами раскрываются фантастическія видѣнія, почти переходящія въ бредъ. Чтобы придать фантастическимъ страницамъ болѣе реальный характеръ, онъ облекаетъ ихъ въ форму старинныхъ преданій или тревожныхъ предчувствій. Таковы разсказы этого тома: „Синее покрывало", „Смерть Палымоныхъ", „Однажды ночью" и друг. Мѣстами въ этихъ разсказахъ чувствуется надуманная неловкость, какъ, напр., въ очеркѣ „Синее покрывало", гдѣ полному гордыхъ видѣній художнику снится каждую ночь образъ прекрасной незнакомки, закутанной въ нѣжное лазурное покрывало. Поддавшись очарованію своихъ сновъ, художникъ совершенно забываетъ объ окружающей жизни. Питается орѣхами и хлѣбомъ. Живетъ въ атмосферѣ болѣзненныхъ воспоминаній, среди шороховъ и шопотовъ чутко настороженныхъ стѣнъ своей парижской мансарды. ...Къ сожалѣнію, это не единственный разсказъ Ал. Т., который можно причислить къ категоріи бульварно-романтичныхъ. Въ томъ же духѣ напыщенной загадочности написаны и „Фавнъ", и „Американскій подводный житель", и мног. другіе очерки, претендующіе на какой-то полуироническій, полумистическій символизмъ.

... Всѣ эти привидѣнія вызваны не столько съ помощью тайной магіи, сколько при посредствѣ довольно тощаго воображенія. Цѣль ихъ—спутать дѣйствительность съ мечтой и придать даже самымъ незамѣтнымъ приключеніямъ таинственный, страшный колоритъ. Автору недостаетъ только одного: умѣнья заставить читателя повѣрить въ эти страхи. И чтобы сдѣлать свои описанія болѣе убѣдительными, Ал. Т. охотно пользуется яркими декораціями и аффектированнымъ стилемъ.

... Экзекуціи, призраки, катастрофы, убійства и самоубійства—все это образы и пріемы, быть можетъ, содѣйствующіе скорой популярности автора, но едва ли свидѣтельствующіе о высокихъ вкусахъ послѣдняго.

При всемъ томъ разсказы Ал. Т. читаются очень легко. Несмотря на великое множество ужасовъ, въ описаніяхъ его чувствуется веселое и задорное перо. Ал. Т. очень нравится то въ костюмѣ черкесскаго разбойника взбираться по скаламъ, нарываться на страшныя опасности, проявлять безумную смѣлость и бросаться по всякія рискованныя затѣи. („Эшеръ"). То подъ видомъ русскаго эмигранта колеситъ по Парижу, переходя отъ профессіи къ профессіи, отъ голода къ безпросыпному пьянству. Вотъ онъ показываетъ эмигранта въ позѣ натурщика, вотъ эмигрантъ становится каменьщикомъ, вотъ онъ женится на француженкѣ, вотъ дѣлается миссіонеромъ, вотъ превращается въ апаша. Точно это не безпомощный и малограмотный русскій солдатъ, неожиданно для себя оказавшійся вы-

брошеннымъ на парижскую мостовую, а какой-то переодѣтый кинематографъ („И на старуху бываетъ проруха").

...Своей улыбкой, переполненной радостью и довѣріемъ, своимъ громкимъ голосомъ и національною гордостью А. Т. напоминаетъ молодого новобранца, который немного выпилъ, немного куражится и, заломивши шапку, отгоняя тоску по дому, ухарски старается подчеркнуть свою бойкость и свое солдатское молодечество.

Но чтобы быть хорошимъ романистомъ, надо, кромѣ интереса въ жизни и врожденнаго молодечества, обладать еще значительной эрудиціей и широкимъ умственнымъ кругозоромъ.

Можетъ быть для этого понадобится много времени гр. Т. Но когда онъ перестанетъ быть новобранцемъ, когда онъ откажется отъ преувеличенныхъ красокъ, отъ декадентскаго хлама и научится больше интересоваться своими героями, чѣмъ собой, онъ будетъ близокъ къ завоеванію большихъ литературныхъ чиновъ. Ибо литературныя способности А. Т.— внѣ всякаго сомнѣнія. Въ его описаніяхъ много силы и живости, которымъ нельзя не подчиниться. Онъ надѣленъ психологической проницательностью, легко разгадываетъ характеры и, повидимому, крѣпко удерживаетъ въ памяти человѣческія лица и человѣческія фигуры. Языкъ его отличается мѣткостью, простотой, и хотя недостаточно сжатъ, но очень колоритенъ. Если прибавить къ этому, что А. Т. дебютировалъ дѣтскими виршами о Хлоѣ, въ теченіе короткаго промежутка перекопалъ всѣ свои литературныя грядки и теперь наливается соками здороваго реализма, то наши дальнѣйшія предсказанія должны быть очень благопріятны. Сейчасъ онъ накапунѣ крупныхъ успѣховъ. (*А. Войтоловскій. „Кіевъ. Мысль". 1913 — 313*).

Талантливый художникъ-реалистъ, быстро завоевавшій себѣ почетное мѣсто въ современной литературѣ, какъ бытописатель разрушенныхъ или полуразрушенныхъ помѣщичьихъ гнѣздъ, сохранившихся понынѣ послѣднихъ могиканъ стараго барства съ ихъ широкимъ размахомъ, дикой удалью и причудами,— гр. Т. съ теченіемъ времени перешелъ, къ сожалѣнію, къ другимъ темамъ и образамъ.

... Особенно слабъ отдѣлъ „Призраки", гдѣ авторъ пытается связать причудливость фантастики съ будними жизни большого города. Совершенно не на своемъ мѣстѣ поэтъ русскихъ степей и приволжскаго раздолья среди городскихъ стѣнъ; онъ не можетъ передать ни нервнаго темпа уличной суеты, ни тревожнаго иллюзіонерства души горожанина, самая фантастика разсказовъ неуклюжа, тяжеловѣсна и отсутствіемъ художественной правды сбивается порой почти на карикатуру („Фавнъ"). Лучшій отдѣлъ книги — „Минувшее"... (*Вл. Смѣльскій. „День". 1913 — 327*).

...Всѣ разсказы читаются одинаково легко: авторской боли въ нихъ почти нѣтъ, даже трагическіе штрихи Т. передаетъ спокойно, мягко, иногда съ легкой грустью, но часто весьма сдержанно, какъ будто даже скупо. Кое-чему изъ того, о чемъ онъ пишетъ, не вѣрится, но помогаетъ вѣрить его значительная художественная убѣдительность и полное отсутствіе какой-либо претенціозности или предвзятости. А когда прочтешь книгу—становится все-таки немного досадно: за отсутствіе въ авторѣ большой творческой мысли, этого основного стержня необходимаго каждому истинному художнику, (*Г. В. „Сиб. Жизнь". 1913 — 255*).

... Ал. Т. любитъ новизну, экстравагантныя встрѣчи и дерзновенныя положенія. Одного героя онъ заставляетъ гнаться съ ножомъ въ рукѣ за горячо любимой дѣвушкой. („Трагикъ"). Другого заставляетъ объясняться въ любви съ верхушки осины. („Дѣвушки"). Отъ него всегда ждешь самыхъ исключительныхъ впечатлѣній. Во всѣхъ его сюжетахъ и описаніяхъ много выдумки. Онъ не столько наблюдаетъ (хотя очень любитъ щеголять своей наблюдательностью и знаніемъ жизни), сколько выдумываетъ. Правда выдумка у него примитивная, мало убѣдительная, но очень смѣлая. И онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ торопится проявить свой боевой темпераментъ. Говоря другими словами, это писатель, полный здороваго восхищенія жизнью. Ему нравится ея стукъ и трескъ. Нравятся молодыя дѣвушки, живые цвѣты и маленькія радости, разлитыя въ природѣ. Онъ немного задумывается надъ жизнью. Но чтобы казаться глубокомысленнѣй, онъ воодушевляется нѣкоторыми старыми баснями, которыя дошли до него въ устныхъ разъясненіяхъ декадентовъ; мистики, балаганчики, прекрасныя незнакомки. По своему легкомыслію онъ даже не догадывается, къ чему обязываетъ его эта маленькая подачка. Во всякомъ случаѣ, къ тайнымъ пружинамъ, къ скрытому содержанію всего декадентскаго сценаріума онъ относится безразлично. Онъ мало интересуется тѣмъ, защитникомъ чьихъ теорій онъ является по должности, такъ сказать. Онъ знаетъ, что лично ему живется весело, и это веселье свободно струится во всѣхъ его разсказахъ.

Талантъ гр. Т.—главнымъ образомъ, талантъ словоохотливости. И не въ плодовитости разсказчика разителенъ этотъ талантъ, а въ пріемахъ творчества. Прочитавъ Т., мы прежде всего, чувствуемъ себя совсѣмъ неутомленными; мы не чувствуемъ той радости пробужденія, освобожденія отъ чужой воли, которая, какъ послѣ гипнотическаго сеанса, испытывается послѣ чтенія истиннаго художественнаго произведенія. Мы входили за авторомъ во множество жизней, познакомились со многими людьми, и ни разу психологическій рисунокъ героевъ, радуя насъ подчасъ своеобразіемъ и живостью, не обрѣталъ значительности формулы. На ту ступень, которая увѣнчиваетъ путь восхожденія художника— на ступень великаго синтеза,—слѣдуя за гр. Т. мы не вступали ни разу. Ни разу не разомкнулся кругъ случайнаго, чтобы пропустить насъ въ пространства основного. Ни одного мгновенія задумчивости хотя бы не дала намъ эта книга.— не есть ли это вѣрное свидѣтельство безцѣльности ея существованія? (*А. Полянинъ. „Съв. Зап." 1914—1*).

Въ этой небольшой книжкѣ—не мало интереснаго: во-первыхъ, въ ней съ особенной ясностью выступаютъ характерныя черты писательской физіономіи автора; во-вторыхъ, онаталкаетъ мысль на вопросы, съ перваго взгляда какъ будто и не затрогиваемые темами гр. Т. и ихъ трактовкой.

...Самое обычное чувство читателя произведеній гр. Т. это чувство недоумѣнія; самый обычный вопросъ, который все время вертится въ головѣ — это вопросъ о реальности образовъ

автора: гдѣ я нахожусь?—такъ можно формулировать это недоумѣніе; да существуютъ ли въ жизни такіе люди? — таковъ вопросъ читателя. Для него несомнѣнна склонность автора къ гиперболизму и къ нереальному... Въ странностяхъ и, такъ сказать, алогизмѣ героевъ гр. Т. самъ авторъ склоненъ видѣть болѣе, чѣмъ простыя случайности, отмѣчая „темную волю человѣка“: „живетъ онъ, какъ въ полуснѣ, а воля его упорно ищетъ путей, ведущихъ вонъ изъ этой жизни, и, найдя, неожиданно толкаетъ растерявшагося человѣка на странные поступки“.

Однако художнику—„виднѣе“, чѣмъ намъ, ибо онъ и художникъ постольку, постольку ему „виднѣе“. Жизнь богата сюрпризами—говоримъ мы,—но то, что для простого смертнаго — сюрпризъ, съ которымъ онъ случайно сталкивается,—это самое художникъ воспринимаетъ безъ всякаго чувства внезапности. И отсюда получаются недоразумѣнія между художникомъ и читателемъ. Городничіе и Шпекины были въ Россіи и даже командовали ею, но для читателя они явились сюрпризомъ, потому что онъ ихъ не видѣлъ, живя бокъ-о-бокъ. Не видѣли и Касьяновъ съ Красивой Мечи и Калиычей, не видѣли босяковъ и т. д., и т. д. А все это было. Въ частности то же и съ героями гр. Т. Жизнь русская, по всѣмъ видимостямъ, недвусмысленно становится на его сторону и обезоруживаетъ „скептиковъ“. Гр. Т., несомнѣнно, имѣетъ заслугу въ томъ, что въ своей, быть можетъ, нѣсколько однообразной, галлереѣ „зубровъ“ показалъ намъ „Призраки“ русской жизни, ея минувшее, умершее, разложившееся, но еще все-таки не схороненное. Въ книжкѣ, кромѣ „живыхъ мертвецовъ“, изображены и тѣ, что уже зарыты, и умирающіе, и, наконецъ, болѣющіе, кромѣ брезгливости, вызывающіе къ себѣ и жалость. Но, повидимому, общій признакъ персонажей гр. Т. это—позиція внѣ жизни. Художественная цѣнность разсказовъ очень неровна. (*„Рус. Бог.“ 1914—4*).

451. Ли, Вернонъ. 91(45)

Избранныя страницы. Перев. Е. Уреніусъ подъ ред. и съ предисл. П. Муратова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1914. Стр. 361. Ц. 1 р. 25 к.

У этой книги нѣтъ, къ ея счастью, цѣнныхъ свойствъ изслѣдованія, учебника и путеводителя; у нея есть безцѣнныя свойства духовнаго единенія съ читателемъ автора, который пишетъ о томъ, что онъ и чувствуетъ, и знаетъ. Можно разсказать о тосканскихъ Аппенинахъ,—разсказать подробно, обстоятельно и занятно; это—одно. Но можно какимъ-то особымъ подборомъ словъ и мыслей открыть читателю за ровными нитями строкъ живые пейзажи каштановыхъ лѣсовъ, виноградниковъ, горныхъ вершинъ, лучистыхъ далей; можно незамѣтно, не утомивъ, завести его на вершину горы и показать ему одну изъ тѣхъ картинъ, которыми расточительна только Италія: сразу, въ одномъ полѣ зрѣнія,—и голыя скалы, и кудри винограда, и море, и гнѣзда человѣческихъ жилищъ, и далекая, больше мыслимая, чѣмъ видная глазу, кампанила собора стариннаго города. Этимъ искусствомъ владѣетъ изящное перо Віолетты Паджетъ, принявшей псевдонимъ Вернонъ Ли, автора очерковъ „Италія XVIII вѣка“ и ряда другихъ книгъ объ Италіи. Л.—одна изъ жертвъ очарованія Италіей; ея перо иногда пристрастно, такъ какъ всегда дрожитъ влюбленностью, заражающей и читателя. Такъ пишутъ только объ Италіи и только иностранцы; сами итальянцы любятъ свою страну спокойно и увѣренно.

Центръ книги—Тоскана, ставшая второй родиной для Л. Геній Тосканы,—genius loci,—особенно близокъ автору и дружественъ ему. Но среди избранныхъ страницъ есть цѣлый отдѣлъ замѣтокъ,—листки записной книжки,—о Римѣ. ...Нельзя любить двоихъ разомъ и одной любовью. Л., очарованная геніемъ Тосканы, не въ каждый моментъ *принимаетъ* Римъ, но она въ немногихъ разбросанныхъ строкахъ дастъ доказательство мудраго его *пониманія*. *Принять* Римъ легче, чѣмъ *понять* Римъ. Пріятіе Рима есть „чувство Рима“. Но *понять* Римъ значитъ больше,—значитъ охватить его не во временномъ очарованіи, а въ его вѣчности.

... Книга Л. никѣмъ не можетъ быть прочтена со скукой, но тотъ, кто уже бывалъ въ Италіи и поддавался ея странному, такъ трудно объяснимому очарованію, прочтетъ эту книгу съ особымъ ощущеніемъ. И онъ самъ ровнымъ чувствомъ сумѣетъ отмѣтить нѣкоторыя ошибки, которыя не чужды субъективизму Л. Быть можетъ, онъ замѣтитъ, что Италія Л. не всегда—живая страна, а чаще—уснувшая въ краскахъ запечатлѣнная изящной кистью фантазіи на полотнѣ воображенія. Можетъ замѣтить и то, что порою „геній мѣста“ заслоняютъ отъ автора престолъ великаго „genius Italiae“.., (*М. Осоргинъ. „Рус. Вѣд.“ 1914—133*).

... Передъ нами талантливые очерки... Безпредѣльной любовью къ прекрасной Италіи дышитъ здѣсь каждая строка, каждое слово, и автору подчасъ нерѣдко удается увлечь и трезваго читателя. Нѣкоторыя главы звучатъ, какъ пѣсня гетевской Миньоны, пѣсня, которая будитъ въ насъ стремленіе скорѣй увидѣть тотъ „край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ“... Чувство Л.—„религія страны“, „культъ мѣста“... Первоподъ прекрасный. (*—ичъ. „Одес. Нов.“ 1914—9351*).

... Страницы Ли, какъ мѣтко указываетъ Муратовъ, напоминаютъ „свѣтлое зеркало, отражающее живой образъ Италіи“. Какъ и многіе ея соотчественники, писавшіе объ Италіи, Ли любила Италію крѣпкой и нѣжной любовью, и это чувство вѣетъ съ каждой страницы книги. Въ маленькомъ городкѣ, въ живописной долинѣ, въ заброшенной виллѣ, въ лѣсномъ источникѣ,—всюду живо чувствуетъ Ли „генія мѣста“, что превращаетъ географическій пунктъ въ нѣчто очень свое, рождаетъ „дружбу съ мѣстами“. Всего глубже эта дружба у Ли съ Тосканой, и очерки, посвященные тосканскимъ церквамъ, магіи тосканскаго лѣта, связи тосканскаго искусства со страной,—лучшіе въ книгѣ. (*Кн. „Кіев. Мысль“. 1914—107*).

452. Потресовъ А. Н. (Старовѣръ). 92(A):335(47)

П. Б. Аксельродъ. Изд. „Наканунѣ“. Спб. 1914. Ц. 25 к.

Въ противоположность европейцамъ, мы не умѣемъ чтить своихъ „героевъ“. И нигдѣ не погибаетъ для исторіи такъ много крупныхъ личностей, какъ въ Россіи. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать всякой остановки на пой-

денномъ пути. П. остановился на П. Б. Аксельродѣ. Имя это, конечно, всякій, интересующійся общественными движеніями, не разъ слышалъ, но мы увѣрены, что никто не представляетъ себѣ всего богатства мыслей П. Б., разбросанныхъ въ его литературныхъ трудахъ, начиная съ первой его статьи въ „Могил. Губ. Вѣд." въ защиту еврейской бѣдноты противъ еврейской олигархіи.

Передъ нами проходитъ весь путь, который продѣлалъ П. Б. съ начала участія его въ общественномъ движеніи до нашихъ дней. Въ 72 г. онъ, будучи студентомъ Нѣжинскаго Института, идетъ въ народъ. Только „народъ" Аксельрода былъ съ самого начала народомъ городовъ, промышленнымъ „рабочимъ людомъ". Аксельродъ въ это время анархистъ. Среди „впередовцевъ" и бунтарей Аксельродъ занимаетъ особую позицію. Въ 74 г. онъ въ Берлинѣ знакомится съ рабочимъ движеніемъ. „Анархистъ въ Аксельродѣ ведетъ еще много лѣтъ борьбу противъ потенціальнаго соціалъ-демократа", но какая-то безсознательная тяга у него къ марксизму, и его статья въ журналѣ „Работникъ" (76 годъ) и въ заграничныхъ журналахъ чаще всего касаются рабочаго движенія и соціалъ-демократіи. Въ 1877—8 гг. онъ редактируетъ соц.-рев. обозрѣніе въ „Общинѣ". Въ своихъ статьяхъ онъ полемизируетъ съ бунтарями. Онъ предвидѣлъ „Народную Волю" за годъ до ея появленія; въ это время передъ нимъ стоитъ во всей своей многозначительности вопросъ о взаимоотношеніяхъ соціализма и политической борьбы. Съ постановкой этого вопроса начинается процессъ высвобожденія его мысли отъ анархическаго міропоззрѣнія. Когда Аксельроду пришлось уѣхать за границу, онъ окончательно освобождается отъ него и участвуетъ въ 83 г. въ организаціи „Группа освобожденія Труда". Затѣмъ идетъ борьба уже марксиста Аксельрода съ народовольчествомъ и либерализмомъ. Въ 90-хъ годахъ Аксельродъ даетъ теоріи историческаго своеобразія положенія русской соціалъ-демократіи и вытекающихъ отсюда ея задачъ и тактики. Въ 1901 г. А. участвуетъ въ редакціи „Зари" и въ „Искрѣ", ставитъ вскорѣ вопросъ о буржуазной демократіи и о борьбѣ буржуазныхъ и соціалистическихъ тенденцій въ руск. рев. движеніи. Въ 55 и 57 №№ „Искры" А. пишетъ свою знаменитую ст. „Объединеніе росс. соц. и ея задачи", которая легла въ основу меньшевистскаго теченія. Передъ нами проходятъ затѣмъ взгляды А. на „земскую компанію", идея его о „рабочемъ съѣздѣ" и, наконецъ, послѣднія его работы въ „Нашей Зарѣ". (*М. Хейсинъ. „Соврем." 1914—8*).

Работа Старовѣра сначала была задумана, какъ очеркъ для имѣющаго быть изданнымъ критико-біографическаго словаря, но „стихійно" переросла „отведенныя ей границы"; зато осталась сжатость изложенія и скупость на біографическія данныя и характеристики отдѣльныхъ работъ П. Б-на. Жаль! Но читатель можетъ и долженъ покрыть невольную сжатость усиленнымъ изученіемъ этой интересной работы, этого „путеводителя по лабораторіи аксельродовскаго творчества".

...Хотѣлось бы только нѣсколько рѣзче подчеркнуть одну весьма важную сторону въ дѣятельности П. Б-ча, правда, отмѣчаемую и П.: постоянное личное и непосредственное вліяніе П. Б-чана окружающую его соціалъ-демократическую среду путемъ любимыхъ имъ „собесѣдованій съ передовыми рабочими" и пропаганды своихъ идей и мыслей въ „сферахъ" партіи. Для многихъ товарищей было бы большой неожиданностью узнать, что „полное собраніе сочиненій" П. Б-ча составило бы не менѣе 4 или 5 солидныхъ томовъ. Но если его „идейное богатство" и выразилось цѣликомъ въ его литературныхъ работахъ,—въ чемъ едва ли, впрочемъ, можно быть вполнѣ увѣреннымъ,—то „дѣятельность" его не только первыхъ, но и позднѣйшихъ періодовъ, во всякомъ случаѣ, не вмѣщается въ рамки одной только литературы. Аксельродъ—въ интересующихъ его областяхъ—дѣйствительно и „подлинно творческій умъ". Голова его всегда полна идеями и мыслями. И кто близко видѣлъ П. Б-ча, тому, быть можетъ, не покажется парадоксальнымъ, что если имъ сравнительно немного написано, то отчасти объясняется это именно кипучей работою политической мысли. Временами почти стихійная, эта работа можетъ найти себѣ выходъ только въ непосредственной личной пропагандѣ.

...Закончу свою замѣтку заключительными словами П.

„Передъ нами на протяженіи четырехъ десятилѣтій проходитъ непрестанная дѣятельность ума, всецѣло направленнаго на познаніе рабочаго движенія и его историческихъ путей. Предъ нами единственный въ своемъ родѣ русскій философъ тактики и европеизаторъ движенія... Въ этой области Аксельродъ подлинно творческій умъ, въ этой области онъ по знаетъ себѣ равнаго въ русской соціалъ-демократіи". Въ этой оцѣнкѣ П. Б. Аксельрода, какъ идеолога русской соціалъ-демократіи, нельзя ни одного слова ни убавить, ни прибавить. [Рецензія представляетъ сжатое изложеніе содержанія брошюры.] (*М. Панинъ. „Наша Заря". 1914—5*).

...Брошюра даетъ интересную картину того процесса, который изъ самоучки—сына еврейскаго пролетарія, выработалъ одного изъ основателей и вождей русской соціалъ-демократіи, одного изъ наиболѣе чтимыхъ въ Зап. Европѣ представителей стараго поколѣнія марксистовъ... Интересующіеся исторіей марксизма въ Россіи найдутъ въ книжкѣ П. чрезвычайно поучительный и цѣнный матеріалъ. (*Л. М. „Сѣв. Раб. Газ." 1914—29*).

Появленіе кн. талантливаго марксистскаго публициста П... слѣдуетъ привѣтствовать хотя бы уже потому, что передъ нами *первая* попытка дать цѣльную картину работы мысли лучшаго тактика россійской соціалъ-демократіи... Работа выполнена блестяще... (*Раф. Григорьевъ. „Отклики" газ. „День." 1914—17*).

Какъ разъ тамъ, гдѣ біографія П. Б. Аксельрода могла быть особенно интересна—годы его народничества, постепеннаго перехода къ марксизму, работы въ „Группѣ Освобожденія Труда" и борьбы съ „экономизмомъ"—изложены г. П. слишкомъ скупо, сжато, часто сбивчиво. Но это бы еще полбѣды. Авторъ вообще чрезвычайно странно понялъ свою задачу біографа. Вмѣсто того, чтобы дать подлинную картину идейнаго развитія и дѣятельности П. Б. Аксельрода, какъ одного изъ основателей первой марксистской группы въ Россіи, авторъ поставилъ себѣ цѣлью составить панегирикъ меньшевистскому теченію въ русской соціалъ-демократіи, и при томъ—въ его ликвидаторскомъ истолкованіи.

Если П. въ самомъ дѣлѣ считаетъ, что самой важной страницей въ 45-лѣтней общественной дѣятельности П. Б. Аксельрода являются его поддержка съ 1913 года оппортунизма и ликвидаторства, то онъ долженъ былъ дать, по крайней мѣрѣ, правдивое изложеніе взглядовъ Аксельрода за эти послѣдніе годы. Онъ не долженъ былъ замалчивать нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ въ выступленіяхъ Аксельрода за эти годы и особенно не долженъ былъ извращать взглядовъ идейныхъ противниковъ Аксельрода. Отъ П. мы, во всякомъ случаѣ, ожидали большей вѣры въ подлинные ликвидаторскіе взгляды и надѣялись, что онъ будетъ излагать ихъ такими, какими они были на самомъ дѣлѣ.

...Нѣтъ, П. оказалъ П. Б. Аксельроду явно медвѣжью услугу, объявивъ „философіей тактики" какъ разъ наиболѣе слабое изъ общественной дѣятельности Аксельрода. Первая глава, посвященная дѣтскимъ годамъ Аксельрода и разсказывающая, какъ сынъ бѣдной еврейской семьи изъ заброшенной дереаевской корчмы потянулся къ свѣту и идейной жизни,—не лишена интереса. Книжка написана довольно простымъ языкомъ, въ отличіе отъ обычной напыщенности потресовскаго стиля. Въ итогѣ приходится съ сожалѣніемъ отмѣтить, что тѣ стороны и та полоса въ дѣятельности П. Б. Аксельрода, которыя цѣнить всякій русскій марксистъ и которыя дѣйствительно войдутъ цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго марксизма, ждутъ еще своего біографа и послѣ книжки П. (*Гр. „Просвѣщ." 1914—5*).

453. Михайловъ, К. Н. 92 (А I: Ф. К.):9(47)

Императоръ Александръ I—старецъ Федоръ Кузьмичъ. Изд. „Прометей". Спб. 1914. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.

... Интересъ къ личности Федора Кузьмича и къ вопросу о возможности отождествленія этого старца съ императоромъ Александромъ I не перестаетъ интересовать многочисленныхъ любителей историческихъ ребусовъ. Не такъ давно кн. Барятинскій выступилъ съ брошюрой, въ которой постарался собрать все, что только возможно было бы сказать въ пользу признанія старца Федора Кузьмича императоромъ Александромъ I. Въ свое время мы подробно разобрали брошюру кн. Барятинскаго на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей" (см. нумеръ отъ 29 декабря 1912 г.) и пришли къ тому заключенію что доводы кн. Барятинскаго не имѣютъ никакой убѣдительности. Но мы должны все-таки сказать, что кн. Барятинскій представилъ хотя и совершенно неубѣдительную, но все же съ своей точки зрѣнія послѣдовательную попытку аргументаціи, и его брошюру мы готовы признать полезной въ томъ смыслѣ, что ея авторъ, самъ того не подозрѣвая, въ сущности раскрылъ, насколько правильность защищаемой имъ легенды исторически недоказуема. Теперь М. подарилъ публику новымъ трудомъ по тому же вопросу. Распространенно, повторяя неубѣдительные доводы кн. Барятинскаго, М. прибавляетъ къ этимъ доводамъ отъ себя такіе пріемы подкрѣпленія легенды, которые совершенно обезоруживаютъ критику и не могутъ не вызвать веселаго настроенія у самаго завзятаго ипохондрика... [Реценз. останавливается на нѣкоторыхъ доводахъ М., обнаруживая ихъ научную несостоятельность]. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1914—27*).

... Книга М. не доказываетъ ровно ничего и все ея значеніе сводится къ тому, что она можетъ послужить для желающихъ своего рода образцомъ, какъ не слѣдуетъ заниматься исторіей. [Реценз. иллюстрируетъ этотъ выводъ на рядѣ нѣсколькихъ утвержденій М., несостоятельныхъ въ научномъ отношеніи.] (*„Рус. Бог." 1914—6*).

... Кн. М. написана съ большимъ увлеченіемъ и подъемомъ. Тождество Александра I и Фед. К. для М. — предметъ вѣры, культа. Суть налицо всѣ признаки: „уповаемыхъ извѣщенія, вѣры въ невидимое, какъ бы въ видимое. Это, съ одной стороны, придало кн. М. увлекательный и творческій характеръ, а съ другой, увлекло его въ сторону недостаточно критическаго и осторожнаго отношенія къ свидѣтельскимъ показаніямъ различныхъ историческихъ дѣятелей... И послѣ работы М. исторія „живого трупа" Александра — какъ была, такъ и осталась легендой... (*П. Берлинъ. „Нов. Жз." 1914—3*).

Имп. Александръ I былъ человѣкъ, всю свою жизнь порывавшійся къ самовластію, чистымъ представителемъ котораго былъ отецъ его Павелъ I, и въ то же время, наученный исходомъ царствованія отца, вѣчно трепетавшій за свое существованіе и потому чутко прислушивавшійся къ требованіямъ, чаяніямъ и желаніямъ дворянства. Вмѣстѣ съ этимъ дворянствомъ онъ пережилъ великое потрясеніе двѣнадцатаго года когда, казалось, была неустранима опасность и отъ Наполеона съ его арміей и, главное, отъ крѣпостного крестьянства, которое—это хорошо сознавали господа положенія—имѣло достаточно причинъ воспользоваться обстоятельствами и открыто возстать противъ своихъ притѣснителей. И это то самое крестьянство, вслѣдствіе своего „землѣдскаго" фатализма, суевѣрной боязни „антихриста Аполліона" и больше всего подъ вліяніемъ наивной надежды получить желанную свободу въ награду за борьбу съ непріятелемъ не только не возстало, но и было главной причиной торжества надъ великимъ, непобѣдимымъ завоевателемъ. Это показалось чудомъ и Александру, и русскому дворянству. Отсюда мистицизмъ, скоро впрочемъ смѣнившійся самымъ откровеннымъ возвращеніемъ въ лоно господствующей церкви подъ эгидой Фотія и Серафима, безудержной реакціей и откровеннымъ мракобѣсіемъ (Магницкій, Руничъ и др.). Такова ясная, неприкрашенная, трезвая, прочно установленная дѣйствительность. Но въ наше время мистицизмъ и идеализація власть имущихъ обрѣтаются въ авантажѣ среди большинства нервно-разслабленной буржуазской публики. И на этой почвѣ расцвѣтаютъ и пользуются успѣхомъ псевдо-историческія сочиненія въ родѣ книжки М.

... Никакихъ новыхъ матеріаловъ у него нѣтъ, и хотя онъ и увѣряетъ, что имъ примѣнялся между прочимъ „историко-сравнительный и соціологическій" методъ, но это—не болѣе какъ фраза, на дѣлѣ же М. широко примѣняетъ простую, ни на чемъ не основанную выдумку, которую онъ называетъ „интуиціей" какъ методъ психологіи" и, ничтоже сумняся, обложно утверждаетъ, что этимъ „методомъ" пользовались „Бокль, Тэнъ, Момзенъ и ихъ школы" (стр. 61). Понятно, что въ результатѣ всего этого получается полумистическій, полунаціоналистическій романъ, сдобренный сильной примѣсью рабьихъ чувствъ и чисто-фантастическій. Опровергать

фантастическую „интуицію“ М. во всѣхъ подробностяхъ было бы трудомъ совершенно непроизводительнымъ. [Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ иллюстраціи, реценз. останавливается на нѣкоторыхъ деталяхъ работы М.]. (*Н. Рожковъ. „Совр. Міръ“. 1914—5*).

454. Альфіери, В 92(А)

Жизнь Витторіо Альфіери изъ Асти, разсказанная имъ самимъ. Перев. В. Г. Малахіевой-Мировичъ. Подъ ред. Б. Зайцева. Вступит. статья А. А. Андреевой. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

... Мы знаемъ XVIII вѣкъ лучше, чѣмъ какой-либо иной, и тѣмъ не менѣе въ „Жизни“ А. мы открываемъ новыя черты его, невѣдомыя и прекрасныя. Однако, помимо своего біографическаго и культурно-историческаго значенія, „Vita“ А. имѣетъ самостоятельную художественную цѣнность. Эта книга обладаетъ не только біографической правдивостью, но и художественной убѣдительностью. Величайшій итальянскій поэтъ XVIII вѣка, вліявшій своп трагедіями на Байрона и плѣнявшій Пушкина, имѣетъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, историко-литературное значеніе. Его напыщенныя трагедіи, построенныя по условно-классическому образцу, цѣнны лишь идейнымъ своимъ содержаніемъ. Только „Vita“ его—живая и близкая намъ книга.

... Происходя изъ знатнаго и богатаго рода, онъ рано потерялъ отца, и въ 17 лѣтъ, послѣ смерти своего опекуна, сдѣлался хозяиномъ большого состоянія. Не имѣя никакихъ стремленій и прочно устанавившихся взглядовъ, онъ начинаетъ вести безпорядочный образъ жизни. Вскорѣ имъ овладѣваетъ безумная страсть къ путешествіямъ. Онъ объѣздилъ всю Италію и дважды Европу, побывавъ даже на скандинавскомъ Сѣверѣ и въ Россіи. Во Франціи онъ увлекся доживавшей послѣдніе дни классической трагедіей; въ Англіи проникся преклоненіемъ предъ ея политическимъ устройствомъ; въ Пруссіи возненавидѣлъ тиранію и милитаризмъ; въ Россіи онъ былъ пораженъ варварствомъ вѣка Екатерины II. Несмотря на смѣну впечатлѣній, жизнь его остается пустою. При огромномъ честолюбіи и жаждѣ дѣятельности и славы, А. чувствуетъ себя несчастнымъ. „Лишь много лѣтъ спустя, — пишетъ онъ въ „Жизни“, — я понялъ, откуда проистекало мое несчастье: я убѣдился, что мое душевное равновѣсіе обезпечено лишь тогда, когда сердце полно возвышенной любовью, а умъ занятъ благороднымъ трудомъ. Всякій разъ, когда мнѣ не хватало одного изъ этихъ условій, я становился не способенъ къ другому и невыразимо тосковалъ и мучился“. На 28 году жизни онъ встрѣчается во Флоренціи съ графиней Альбани, и въ его жизни наступаетъ коренной переломъ. Графиня Альбани, жена претендента на англійскій престолъ—Карла Эдуарда, Стюарта, была во многихъ отношеніяхъ замѣчательная женщина. Въ ея салонѣ встрѣчались самые блестящіе представители литературы и искусства во главѣ съ Андрэ Шенье. Она сдѣлалась музой и вдохновительницей А. Это больше не безумная страсть, преслѣдовавшая его въ его скитаніяхъ. Чувства, которыя возбуждаетъ въ немъ графиня Альбани, проникнуты мистицизмомъ и средневѣковымъ преклоненіемъ Мадоннѣ. Это — Signora, наподобіе Беатриче и Лауры. Описанію этой любви, исключительной не только благодаря выдающейся личности ея героевъ, но и своимъ яркимъ бытовымъ и нравственно-психологическимъ содержаніемъ, посвящены лучшія страницы „Жизни“. „Наконецъ,— говоритъ онъ,—я обрѣлъ среди золотыхъ цѣпей, которыя незамѣтно опутали меня здѣсь (во Флоренціи) и ласково приковали, ту свободу литературнаго творчества, безъ которой я не создалъ бы ничего хорошаго, если и признать что я кое-что создалъ“. Рядомъ съ этой любовью, истинной жемчужиной является описаніе дружбы его съ Гари Гавделлини, длившейся до смерти друга и не омраченной ни единымъ облакомъ. Эта любовь и эта дружба, исканія, которыми проникнута жизнь А., и самоутвержденіе личности дѣлаютъ жизнь Альфіери такой интересной и близкой нашему времени. „Жизнь Витторіо А., написанная имъ самимъ“, поэтому, не только цѣнный человѣческій документъ, это—живая книга, раскрывающая передъ нами сложную и загадочную человѣческую психику. Переводъ и редакція книги безупречны. (*М. Ф. „Придн. Кр.“ 1914—102*).

... „Жизнь“ А. раскрываетъ намъ богато одаренную душу и разсказываетъ исторію этой души, не утаивая ни слабостей, ни паденій, не скрывая борьбы благородныхъ началъ съ тѣмъ, которыя самъ поэтъ считалъ низменными. „Жизнь“ А.—исторія человѣка, умъ котораго пораженъ типичнымъ рефлексомъ новаго времени,—тѣмъ рефлексомъ, который роднитъ его съ Байрономъ и вообще съ грядущими скорбниками, но который не разрушаетъ цѣльности и міропониманія.

Для Италіи XVIII вѣка дѣятельность А. было однимъ изъ первыхъ мавковъ, загорѣвшихся въ тяжеломъ туманѣ угнетенія и политическаго рабства. Черезъ всѣ разочарованія, въ которыя повергъ его французскій терроръ, А., почти чудомъ спасшійся отъ сентябрьскихъ избіеній, не потерялъ вѣры въ свободу. Ненависть къ террору стала ненавистью къ Франціи (Misogallo), а не къ революціи. Революціонный идеалъ онъ принесъ нетронутымъ на родину и сталъ проповѣдывать его образами своихъ трагедій. Исторію этой напряженной и плодотворной политической работы, которая вдохновлялась пылкой страстью къ „Дамѣ“, и разсказываетъ „Vita“. Переведена она хорошо. Статья А. А. Андреевой даетъ къ ней хорошій комментарій. (*А. Дживелеговъ. „Рус. Вѣд. 1914—145*).

. . . Документомъ большой исторической цѣнности является автобіографія А. Ярко встаетъ предъ читателемъ давно умершее прошлое, давшее намъ такъ много культурныхъ цѣнностей и потому оставшееся для насъ вѣчно живымъ. Интересному содержанію соотвѣтствуетъ вполнѣ удовлетворительный переводъ. Переводчику удалось сохранить своеобразный стиль автора. (*М. Инскій. „Утро“. 1914—2349*).

. . . Извѣстно, что слава и вліяніе А. превосходили цѣнность его произведеній. Его славѣ содѣйствовало, главнымъ образомъ, его личное обаяніе. Тѣмъ, слѣдовательно, интереснѣе для читателя исторія его жизни, написанная имъ самимъ. Но, увы! Приходится высказать сожалѣніе, что автобіографія была написана литераторомъ. Это лишило альфіеревскую „повѣсть о самомъ себѣ“ непосредственности и простоты. Умѣя создавать яркіе фигуры въ своихъ траге-

діяхъ, А. оказался безкрасочнымъ въ изображеніи самого себя, хотя многое онъ углублялъ, драматизировалъ, какъ это онъ сдѣлалъ съ исторіей своего нравственнаго искупленія... поэзіей. По его словамъ, поэзія спасла его отъ ложныхъ шаговъ и раньше всего отъ его любовныхъ приключеній, которыя впослѣдствіи вызывали въ немъ стыдъ. Разумѣется, совершенно отрицать за автобіографіей значенія психологическаго документа нельзя. (*В. Брецкій. „Рѣчь". 1914—88*).

Автобіографія... А. представляетъ собой одно изъ самыхъ выдающихся произведеній итальянской литературы. Не говоря уже о поразительно интересной личности героя „Жизни", А. отличается въ высшей степени своеобразнымъ стилемъ, оригинальной фразой, смѣлымъ словаремъ... Къ сожалѣнію, ближайшее ознакомленіе съ переводомъ... вызываетъ не радость, а разочарованіе и раздраженіе... Г-жа Малахіева-Мировичъ отнеслась къ своей трудной задачѣ, какъ обычно относятся къ переводамъ сотни переводчицъ: что потрудпѣе—выбросить, кое-что вставить, пересказать, а гл. обр. стремиться къ тому, чтобы переводъ былъ „гладкимъ" и книга читалась легко. Въ результатѣ получается не переводъ, а „пересказъ своими словами". [Рецензъ. иллюстрируетъ свое заявленіе нѣсколькими примѣрами]. (*И. Гливенко. „Отклики" газ. „День". 1914—15*).

. . . Книга написана просто. Она производитъ впечатлѣніе скорѣе всѣмъ своимъ содержаніемъ, чѣмъ частностями. И замѣчательно, что трудно опредѣлить, въ чемъ несомнѣнный интересъ этой книги. Люди, о которыхъ А. говоритъ, не проходятъ передъ нами, какъ живые; событія, о которыхъ онъ упоминаетъ, неотчетливы. Въ цѣлкѣ явленій онъ часто отличается почти обывательской близорукостью. Разыгрывается Великая Французская Революція на глазахъ у А., а онъ упоминаетъ только о своихъ личныхъ неудобствахъ. Когда онъ путешествуетъ, онъ не передаетъ впечатлѣній отъ природы и не можетъ охарактеризовать страны, гдѣ онъ бываетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ этого не дѣлаетъ. И тѣмъ не менѣе, книга читается съ несомнѣннымъ увлеченіемъ. Описывается богатая и разнообразная жизнь, а главное, всѣ строки проникнуты волевымъ импульсомъ. (*Г. Таниновъ. „Спб. Зап." 1914—4*).

„Жизнь А. представляетъ собой весьма цѣнный литературный документъ, свидѣтельствующій о личности XVIII вѣка. ... Книга издана съ тщательностью и стараніемъ, присущими всѣмъ изданіямъ К. Ф. Некрасова. Переводъ хорошъ, и чтеніе „Жизни" доставляетъ истинное удовольствіе неискаженной простотой и плавностью изложенія. (*А. Булгаковъ. „Утро Россіи". 1914—130*).

455. Юнге, Е. Ѳ. *) 92(47)(003).

Воспоминанія Е. Ѳ. Юнге, урожд. гр. Толстой. 1843—1863 г. 1914. М., кн-во „Сфинксъ". XV+488 стр. Съ 31 табл. иллюстр. гр. Ѳ. П. Толстого къ „Душенькѣ" Богдановича и съ иллюстр. въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

*) См. „Бюллет." № 13 „Изъ литерат. и художественнаго прошлаго".

Давно уже не появлялось въ русской мемуарной литературѣ такой свѣжей, такой полной интереса книги, какъ воспоминанія Ю. Пропущенныя сквозь призму хорошей, здоровой женской души, они бросаютъ яркій снопъ свѣта на 50 и 60-ые гг. и читаются какъ захватывающій романъ, написанный талантливою рукою. Цѣлыя вереницы полузабытыхъ и славныхъ лицъ воскресаютъ передъ авторомъ. Читая ихъ, вы увидите торжественнаго малевькаго, сморщеннаго старичка Ѳ. Гливку, автора „Таинственной капли", въ гостиной у котораго висѣла витрина съ его орденами, и шишки и остроумца Щербину, угрюмаго Мея, Т. Пассекъ, извѣстнаго по плѣну у кокандцевъ, изуродованнаго ими Сѣверцева и почти всѣхъ писателей тѣхъ временъ. Наибольшее количество страницъ воспоминаній отведено, конечно гр. Ѳ. Толстому и жизни ихъ семьи. Эти страницы такъ красочны и хороши, что нѣтъ сомнѣнія, — много изъ нихъ почерпнетъ тотъ, кто задумаетъ писать что-либо о бытѣ, психологіи, и вообще о тѣхъ временахъ. Весьма была дружна Ю. съ знаменитымъ трагикомъ Ольдриджемъ, Т. Шевченкой и Н. Костомаровымъ и свѣдѣнія о двухъ послѣднихъ во множествѣ разсыпаны въ ея книгѣ. Между прочимъ подробно описанъ ею публичный диспутъ между Костомаровымъ и Погодинымъ, по поводу происхожденія Руси, окончившійся пораженіемъ Погодина, а съ нимъ и „норманской" теоріи.

Къ книгѣ приложено множество плохо исполненныхъ портретовъ. (*С. Р. Минцловъ. „День". 1914—15*).

Авторъ—дочь одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей,—художника и художественнаго дѣятеля гр. Ѳ. Толстого. Домъ гр. Толстого былъ центромъ, гдѣ собирались выдающіеся представители науки, искусства, литературы. Въ этой рѣдкой средѣ выросла и развилась Е. Ф., ставшая сама потомъ художницей и художественной дѣятельницей. Богато одаренная, она не могла не относиться чутко къ окружавшимъ ее людямъ и средѣ. Ея воспоминанія, охватывающія ея дѣтство и юность, даютъ прекрасную и яркую картину того времени. Читатель встрѣтитъ въ нихъ превосходную характеристику гр. Ѳ. П. Толстого, описаніе его пятидесятилѣтняго юбилея, его заботъ о поэтѣ Шевченко. Съ живымъ интересомъ прочтутся страницы, гдѣ приводятся эпизоды изъ жизни того же Шевченко, Ольдриджа, Сѣверцева, Костомарова, Пассекъ. Понятно авторъ дѣлаетъ настолько цѣнныя о нихъ замѣчанія, что послѣднія могутъ служить рельефными штрихами для ихъ характеристики. Воспоминанія заканчиваются описаніемъ заграничной поѣздки Е. Ф. по Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи, совершенной въ 1861 и 1862 годахъ. Наблюдательность автора, его чуткость къ красотамъ природы, его заграничныя встрѣчи съ выдающимися людьми придаютъ большой интересъ самому описанію.

„Воспоминаніямъ" предпослано введеніе, составленное А. П. Нопшкимъ. Оно, раскрывая читателямъ внутренній міръ ихъ автора, невольно подымаетъ къ нимъ интересъ. (*Н. В. Некрасовъ. „У. Рос." 1914—44*).

Очень интересныя воспоминанія Ю. страшно вяло изданы. Въ книгѣ нѣтъ не только какихъ-либо указателей, нѣтъ даже простого оглавленія. Поясвительныя выноски обрываются чуть ли не на полуслове. (*„Путь". 1914—2*).

Новыя книги.

Общія сочиненія [0]

2348. Синяевскій и Цявловскій. 012(П)
1814—4 іюля—1914. Пушкинъ въ печати. 1814—1834. Хронологическій указатель произведеній Пушкина, напечатанныхъ при его жизни. М. 1914. Изд. Л. Э. Бухгеймъ. VII+191+9 нен. стр. Ц. 3 р.

2349. [. . . . . 02(071)(47.31)
Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. Курсы по библіотечному дѣлу (10 апрѣля—7 мая 1914 года). М. 1914. 12 стр. съ рис.

2350. Розенбергъ, Вл. 07:351.751](47)
Лѣтопись русской печати (1907—1914). М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 102 стр. Ц. 70 к.

2351. Андерсенъ, Г. Х. 087.1
Бронзовый кабанъ и др. Сказки. Пер. А. О. Гушка. „Общедост. библ." Спб. 1914. Изд. „Дѣятель". 16°. 70 стр. Ц. 20 к.

2352. Андерсенъ, Г. Х. 087.1
Бузинная матушка и др. Сказки. Перев. А. О. Гушка. „Общедоступная библ." Спб. 1914. Изд. „Дѣятель". 16°. 63 стр. Ц. 10 к.

2353. Тальма, А. 087.1:9(47)
Царскій сокольничій. Быль-сказка въ 5-ти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. Спб. 1914. Тип. Нов. Свѣтъ (Невскій, 136). 160 стр. Ц. 1 р.

Философія [1]

2354. Фихте, І. Г. 1(Ф)
І. Факты сознанія. Лекціи. II. Наукословіе, изложенное въ общихъ чертахъ. Перев. О. Давыдовой подъ ред. и съ предисл. Э. Л. Радлова. Труды Спб. Философскаго общества. Вып. X. Спб. 1914. XVII+152 стр. Ц. 1 р.

2355. Герверъ, А. В. проф. 134:616
Къ ученію о гипнозѣ и внушеніи и о примѣненіи ихъ въ лѣченіи нервныхъ болѣзней. Спб. 1914. Тип. С. Проппера (Галерная, 40). 10 стр.

2356. Буймистрова, И. 178.1
Народная творческая мысль—производительная мощь страны какъ замѣстительница винной монополіи и источникъ дохода, основаннаго не на подрывѣ и разложеніи физическихъ, духовныхъ и экономическихъ силъ народа, а на ихъ развитіи, укрѣпленіи и охранѣ. Спб. 1914. Тип. Алекс.-Невск. Общ. Трезв. (Обводный, 116). 18 стр.

2357. Михайловъ, А. Т. 178.1:334
Колонія народныхъ трезвенниковъ. Спб. 1914. Тип. П. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 16°. 31 стр. съ рис. Ц. 12 к.

Религія [2]

2358. Восторговъ, І. І., прот. 252
Полное собр. соч. Томъ І. Проповѣди и поучительныя статьи на религіозно-нравственныя темы. 1889—1900 гг. М. 1914. Изд. „Вѣрность". 390 стр. съ портр. Ц. 2 р. 50 к.

2359. Молоствова, Е. В. 289
Іеговисты. Жизнь и сочиненія кап. Н. С. Ильина. Возникновеніе секты и ея развитіе. Записки Русскаго географическаго общества. Т. XXXVIII. Спб. 1914. 298 стр. Съ 10 рис.

2360. Абхедананда, Суоми. 294
Какъ сдѣлаться іогомъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1914. Изд. „Новый Человѣкъ". 84 стр. Ц. 80 к.

2361. Рамачарака, іогъ. 294
Религіи и тайныя ученія Востока. Пер. съ англійск. Спб. 1914. Изд. „Новый Человѣкъ". 314+VII стр. Ц. 1 р. 20 к.
Содержаніе. Страна Ганга. Внутреннія ученія. Система Санкьи. Система Веданта. Система Іоги. Патанджали. Второстепенныя системы. Буддизмъ. Суфизмъ. Религіи Индіи—1 и 2 часть. Чудеса индусскихъ факировъ. Вѣды и словарь санскритскихъ терминовъ.

Соціальныя науки [3]

2362. Боровой, А. Глотовъ, Я. Лопатинскій, Б. Козловскій, Л. Семеновъ, Ю. 308(44)
Культурные центры Европы. Т. IV. Парижъ. М. 1914. Изд. „Образовательныя экскурсіи". 16°. 286 стр.+XXV табл. рис. Ц. 1 р. 50 к.

2363. Иванчинъ-Писаревъ. 329(47):92(И-П)
Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ". Спб. 1914. Изд. Ред. журн. „Завѣты". 244 стр. Ц. 1 р.

2364. [. . . . . 396(063):37
Труды 1-го Всероссійскаго Съѣзда по образованію женщинъ, организованнаго Россійской Лигой Равноправія Женщинъ въ Спб. Т. I. I. Секція Высшаго образованія. II. Секція Сельско-хозяйственнаго образованія. Спб. 1914. Изд. Россійской Лиги Равноправія Женщинъ. 4°. LVIII+324 стр. съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

2365. Чупровъ, А. И. 33(02)
Курсъ политической экономіи. Текстъ по изданію Императорскаго Московскаго Университета. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. IV+352 стр. Ц. 1 р. 20 к.

2366. Мари, А Ф. 331(47)
Практическое руководство для веденія больничныхъ кассъ рабочихъ и служащихъ, учреждаемыхъ на основаніи закона 23 іюня 1912 г. Елецъ. 1914. Тип. З. П. Залкинда. 41 стр. Ц. 30 к.

2367. Левицкій, В. 331.88
Какъ рабочіе добивались права коалиціи. Спб. 1914. 54 стр. Ц. 15 к.

2368. Гольдштейнъ, І. М. 331.88(43):382(47)
Германскіе синдикаты и русскій экспортъ. М. 1914. Тип. Т-ва Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 64 стр. Ц. 60 к.

2369. Бимманъ, А. Б. 332.1(09)
Исторія банковъ. Историческое развитіе банковъ въ Россіи и за границей съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Подъ ред. Мих. Птуха. Спб. 1914. Изд. „Кругъ Самообразованія" (Невскій, 72). 16°. 116 стр.

2370. [. 332
Новыя идеи въ экономикѣ. Подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Сборн. № 6. Теорія денегъ Кнапа. Спб. 1914. Изд. „Образованіе". 142 стр. Ц. 80 к.

2371. Левинъ, И. И. 332(43:47)
Германскіе капиталы въ Россіи. Спб. 1914. Тип. Ред. період. изд. Мин. Финансовъ. 85 стр.

2372. Богомоловъ, А. И. 332.7:352](47)
Система образованія запаснаго капитала въ городскихъ кредитныхъ обществахъ. М. 1914. Изд. Московск. губ. кред. о-ва. 17 стр.

2373. Кованько, П. 333.5:332](47)
Реформа 19-го февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія (Выкупная операція 1861 г.—1907 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов-ская, 6). III+484+81+1 нен. стр. Ц. 3 р. 60 к.

2374. [. . . . 334
Договорныя объединенія кооперативовъ. Со вступительной статьей кн. К. В. Кекуатова: „Союзы и договорныя объединенія кооперативовъ" и приложеніемъ текста договора, постановленія и довѣренности товарищества кооперативовъ по посредничеству. М. 1914. Тип. Ф. Я. Пригорина (Б. Дмитровка, 3). 12+2 нен. стр. Ц. 10 к.

2375. Кекуатовъ, К. В., кн. 334:34
Кооперація и право. Сборникъ заключеній юрисконсульта Моск. Нар. Банка. Издан. Комитета о сельскихъ ссудо-сберг. и промышл. т-вахъ при Моск. о-вѣ Сельск. Хоз. М. 1914. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ предисловія: „...Правленіе Моск. Нар. Банка... признало необходимымъ опубликовать заключенія юрисконсульта Банка по вопросамъ, возбужденнымъ правленіемъ, корреспондентами, клієнтами Банка и др. кооперативными учрежденіями или дѣятелями, полагая, что пользованіе ими можетъ облегчить дѣятельность корреспондентовъ и оказать пользу др. кооперативамъ, давая отвѣтъ на рядъ вопросовъ не только по вопросамъ банковой практики, но и по другимъ вопросамъ изъ области интересовъ кооперації..."

2376. Карафа-Корбутъ, К. І. 336.2
Уставъ объ акцизныхъ сборахъ. Т. III. Составилъ П. А. Нарденъ. Спб. 1914. Тип. И. Н. Зубкова (Загородный пр., 10). 572+124 стр.

2377. [. . . . 338:63(063)(47)
Труды 1-го Всероссійскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда въ Кіевѣ 1—10 сентября 1913 г. Вып. III. Журналы засѣданій соединенныхъ секцій (экономики, общественной агрономіи, животноводства и земледѣлія) и секціи экономики и организаціи сельскаго хозяйства и сельско-хоз. промышленности и доклады. Кіевъ 1914. Изд. Кіевск. Об-ва сельск. хоз. и сельско-хоз. промышл. V+436 стр.

2378. Малиновскій, І., проф. 34(09)(47)
Лекціи по исторіи русскаго права. Вып. I. Варшава. 1914. Тип. Русскаго Общества (пл. Св. Александра, 4). 293 стр.

Содержаніе: Введеніе. Литература. Источники. Исторія государственнаго права.

2379. Громовъ, Н. А. 345(47)
Законы о мѣстномъ судѣ. Высочайше утвержденный 15-го іюня 1912 года законъ о преобразованіи мѣстнаго суда, а также законъ 26 іюня 1913 года о введеніи въ дѣйствіе закона о преобразованіи мѣстнаго суда въ полномъ объемѣ въ 10 губерніяхъ первой очереди и о распространеніи нѣкоторыхъ постановленій этого закона на прочія мѣстности Имперіи. Съ извлеченіями изъ законодательныхъ мотивовъ, таксой 24 мая 1871 г. о вознагражденіи судебныхъ приставовъ и др. дополненіями, а также съ указателемъ измѣненій, внесенныхъ упомянутыми законами въ дѣйствующіе судебные уставы. Новые законы 12 марта 1914 г. М. 1914. Изд. Кн. маг. „Правовѣдѣніе". И. К. Голубева. 277+3 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: 1) О личныхъ и имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ и объ отношеніяхъ супруговъ между собою и къ дѣтямъ. 2) О назначеніи защитниковъ при исполненіи судебныхъ рѣшеній, касающихся отвѣтчиковъ, мѣсто жительства которыхъ неизвѣстно.

2380. Нюренбергъ, А. М. 347.9
Уставъ гражданскаго судопроизводства. Изданіе 1892 года, исправл. и дополн. по сводному продолженію 1911 года, закону 15-го іюня 1912 года и позднѣйшимъ узаконеніямъ, съ алфавитно-предметнымъ указателемъ. М. 1914. Изд. К. Голубева—„Правовѣдѣніе". 16°. XXIV+574 стр.

2381. Трепицынъ, И. Н., проф. 347(47:47.5)
Гражданское право губерній Царства Польскаго и русское въ связи съ проектомъ гражданскаго уложенія. Общая часть обязательственнаго права. Варшава. 1914. Тип. Учебнаго Округа. (Краковское Предм., 3) 345 стр. Ц. 2 р. 50 к.

2382. Поповъ, В. М. 351(47)
Алфавитъ полицейскихъ законовъ, разъясненій и циркуляровъ. Сборникъ необходимыхъ чинамъ полиціи извлеченій изъ дѣйствующаго свода законовъ со всѣми позднѣйшими приложеніями и дополненіями, разъясненій по рѣшеніямъ Правительств. Сената и Министерскихъ и Департамента Полиціи циркуляровъ. Кобеляки. 1914. Изд. автора. XV+623+123+95 стр. Ц. 2 р. 30 к.

2383. [. . . . 352(47)
За всесословное земство. Рѣчи, произнесенныя въ Государственномъ Совѣтѣ. А. В. Васильевымъ, Максимомъ Ковалевскимъ, гр. А. П. Толстымъ, Д. И. Багалѣемъ, Н. В. Мирвымъ и Е. Л. Зубашевымъ. Спб. 1914. Тип. Грамотность (5 Рождественская, 44.) 57 стр. Ц. 30 к.

2384. Оргисъ фонъ-Рутенбергъ, В. Д. 352(47)
Земство и земскіе выборы. Кіевъ. 1914. 8+4 нен. стр. Складъ: кн. маг. Л. Идзиковскаго. Ц. 5 к.

2385. Вѣселовскій, 352(47.33)„1864:1913"
Историческій очеркъ дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи (1864—1913 г.г.) Тверь 1914. Изд. Тверск. Губ. Земства. X+591 стр+13 лист. рис. и портр.+1 карта Ц. 3 р.

2386. Алпатовъ, Д. К. 355
Руководство для дѣлопроизводителей по хозяйственной части въ военномъ походѣ и при подготовкѣ къ нему по хозяйству, дѣлопроизводству, отчетности и всѣхъ видовъ денежнаго и матеріальнаго довольствій полевыхъ, резервныхъ и запасныхъ частей войскъ, штабовъ и управленій военнаго вѣдомства. Спб. 1914. Изд. 1-го Военно-Издат. Товарищ. XVIII+573 стр. Ц. 5 р.

2387. Аннинфіевъ, И. 371
Какъ устраивать экскурсіи съ учащимися. Изд. журн. „Шк. Экск. и Шк. Музей." Бендеръ. 1914. Стр. 24. Ц. 10 к.

2388. Мусинъ-Пушкинъ, А. А., гр. 371
Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи

и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на западѣ. Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 171 стр. Ц. 1 р.

2389. Рѣзникъ, Л. 371

Какъ обучать дѣтей. Краткое руководство для родителей и домашнихъ учителей. Васильковъ. 1914 Тип. И. Л. Дубовиса. 16⁰ 16 стр. Ц. 15 к.

2390. Тумимъ, Г. Г. 371

Уроки развитія рѣчи. Методическая хрестоматія. (Примѣрные уроки, планы и конспекты). Вып. I. Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина. 104 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

2391. Медвѣдковъ, А. П. 371(09)

Краткая исторія педагогики въ культурно-историческомъ освѣщеніи для школъ и самообразованія. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова. 2-е перераб. VI+328 стр. Ц. 1 р. 15 к.

2392. [. . . . 371:2](47)

Русская Религіозная Мысль. О воспитаніи. (П. Г. Рѣдкинъ). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 4 нен. стр. Ц. 2 к.

2393. [. 371.73

Къ вопросу о физическомъ воспитаніи учащихся въ начальныхъ училищахъ. Составили школьные врачи Кіевскихъ городск. учил. Кіевъ. 1914. Изд. Кіевск. Город. Училищной Комиссіи. 22 стр.

2394. Орлова, Е. 372

Школы „Лѣсныя“ и „Открытыя“ (на вольномъ воздухѣ). М. 1914. Тип. Городская. 8⁰. 17 стр.

2395. Розенъ, І. Б. 38(71+73)

Постановка хлѣбной торговли въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ. 2-е пересм. и дополн. изд. съ предисловіемъ Л. П. Сокальскаго, Харьк. О-ва Сельскаго Хозяйства. Харьковъ. 1914. Стр. 200+20. Ц 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Основныя черты организаціи хлѣбной торговли въ Сѣверной Америкѣ. Сбытъ хлѣба на мѣстахъ производства. Кооперативные хлѣбные элеваторы въ Соед. Штатахъ. Фермерскіе Союзы и кооперативный сбытъ хлѣба въ Канадѣ. Элеваторная сѣть. Инспекція зерна и регистрація элеваторныхъ свидѣтельствъ (варрантовъ). Хлѣбные рынки и хлѣбныя биржи. Пути сообщенія въ ихъ отношеніи къ хлѣбной торговлѣ. Финансированіе хлѣбныхъ компаній.—Приложенія.

2396. Слоновъ, И. А. 39(47.31)

Изъ жизни торговой Москвы (полнѣка назадъ). М. 1914. Изд. автора (Никольская). 247 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

2397 [. . . . . 396:2](47)

Русская религіозная мысль. Женскій вопросъ. I. (Н. В. Гоголь). II. (Н. И. Пироговъ). III. (В. С. Соловьевъ) № 42. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 8⁰ 4 нен. стр. Ц. 2 к.

2398. Швабъ, Г. 398.2(38)

Мины классической древности. Сказанія о Гераклѣ. Перев. съ нѣм. Л. Трауба. „Универс. библ.“ М. 1914. Изд. „Польза“, В. Антикъ и К⁰ 16⁰. 78 стр. Ц. 10 к.

2399. Симаковъ, В. И. 398.8(47.2/3)

Деревенскія пѣсни-частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Олонецкой, Новгородской, Петербургской, Псковской, Тверской и Ярославской губ. Вып. 5, 6 и 7 Спб. 1914. Изд. автора. 16⁰. 32+32+32 столб.

Филологія [4]

2400. Несмѣянов, Н. А. 41

Международный языкъ и мотивированная грамматика языка „Вива“. М. 1914. Изд. автора. Тип. А. Мамонтова (Леонтьевскій, 5). 16⁰. 7+402 стр. Ц. 2 р.

2401. Гаффаровъ, Мирза Абд. 49—3

Персидско-Русскій Словарь. Труды по Востоковѣдѣнію, издаваемые при Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ Языковъ. Вып. 42. Т. I. Подъ ред. Ѳ. Е. Корша. М. 1914. Изд. автора. VI+432 стр.

Чистыя науки [5]

2402. Лай, В. А., д-ръ. 5(07)

Методика естественно-историческаго преподаванія. Переводъ и предисл. М. М. Соловьева. Спб. 1914 Изд. Н. П. Карбасникова. VIII+194+III стр. Ц. 1 р.

2403. Буше, М. 51

Четвертое измѣреніе. Перев. Б. С. Бычковскаго. Спб. 1914. Изд. „Мысль“. 238 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2404. Жеховскій, Вен. 523.7

Полное солнечное затменіе 8-го августа (ст. ст.) 1914 г. Спб. 1913. Тип. Ш. Зархи (Клинскій пр., 28). 12 стр. съ рис., карт. и чертеж.

2405. Риги и Беккерель, проф-ра. 53(04)

Новыя основы физики. Двѣ статьи, перев. и примѣчанія Г. А. Гуревича. Новое въ естествознаніи. Вып. пятый. М. 1914. Изд. „Соврем. Проблемы“. 151+8 нен. стр. Ц. 60 к.

2406. [. . . . . 532(082)

Новыя идеи въ химіи. Подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. Сборн. № 7. Ученіе о растворахъ. Спб. 1914. Изд. „Образованіе“. 150 стр. Ц. 80 к.

2407. Ульянинскій, В. Ю. 551.4

Формы земной поверхности и ихъ изображеніе на планѣ и картѣ. М. 1914. Изд. І. Кнебель. 53 стр.

2408. [. 551.5

Таблица для вычисленія метеорологическихъ наблюденій. Комитетъ Николаевской Главной Физической Обсерваторіи. Спб. 1914. 4⁰. VIII+7 стр.

2409. Дмитріевъ, В. Н. 551.56(47.722)

Климатическія условія южнаго берега Крыма и ихъ лѣчебное значеніе. Спб. 1914. Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 56 стр. Ц. 50 к.

2410. Слѣпцова, М. 572(×94.4)

Съ весны до весны. (Изъ жизни русскихъ лопарей). „Книжка за кн.“, кн. 128-я. Спб. 1914. Изд. М. Слѣпцовой. 16⁰. 52 стр. съ рис. Ц. 15 к.

2411. [. . . . . 576(082)

Новыя идеи въ біологіи. Подъ ред. проф. В. А. Вагнера. Сборникъ № 7. Опредѣленіе пола. Спб. 1914. Изд. „Образованіе“. 146 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

2412. Дастръ, А., проф. 577.7

Жизнь и смерть. Переводъ съ франц. Б. С. Бычковскаго. Ч. 2. Спб. 1914. Изд. „Мысль“. 143 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2413. Кавтарадзе, И. П. 578

Первыя работы съ микроскопомъ по ботаникѣ и зоологіи. Практическое руководство для учителей начальныхъ школъ и городскихъ училищъ

Спб. 1914. Изд. Э. И. Блэкъ. 47 стр. съ рис. Ц. 30 к.

2414. Сырейщиковъ, Д. П. 581(47.31)

Иллюстрированная флора Московской губ. Ч. IV. Подъ ред. А. Н. Петунникова. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пр., с. д.) 2 нен.+191+111 стр. съ рис. Ц. 2 р.

2415. Пожарискій, І. Ф., проф. 581.2(02)

Основа патологической анатоміи. Вып. I. Варшава. 1914. Тип. Варшавск. Учебн. Округа (Краковское Предмѣстье, 3). 297×XLIV стр. съ рис. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Отд. I. Разстройство циркуляціи. Отд. II. Разстройства питанія регрессивнаго характера.

2416. Покровскій, С. 595.2(0:8)

Черная царица и ея народъ. (Исторія одного муравейника). Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтой и для юношества. № 304. М. 1914. 41+4 нен. стр. съ рис. Складъ: кн. маг. „Посредникъ". Ц. 25 к.

Прикладныя науки [6]

2417. [. . . . . 61(058)(47.31)

Вся медицинская Москва. Адресная и справочная книга съ приложеніемъ списка русскихъ и заграничныхъ курортовъ и санаторій М. 1914. Тип. Общественная Польза. 384 стр.

2418. Мокринскій, С. П., проф. 61:343

Медицина въ ея конфликтахъ съ уголовнымъ правомъ. Спб. 1914. Тип. Сенатская. П+104 стр. Ц. 75 к.

2419. Рамачарака, іогъ. 613:131

Наука о дыханіи индійскихъ іоговъ. Дыханіе по восточнымъ методамъ, какъ средство физическаго, умственнаго, душевнаго и духовнаго развитія. Спб. 1914. Изд. „Новый Человѣкъ" 94 стр. Ц. 60 к.

2420. Соловьевъ, А. Н. 616

Къ вопросу о лѣченіи сифилиса и главнымъ образомъ лѣченіе его Salvarsan'омъ и Neosalvarsan'омъ. Спб. 1914. Тип. Я. Трей (Разъѣзжая, 43). 4º 52 стр. съ рис.

2421. Землякъ, А. 621:63

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 3. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. М. 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 44 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Содержаніе: 1. Полезны ли сельско-хозяйственныя машины деревенской бѣднотѣ. 2. О сѣнокосахъ и сѣнокосилкахъ. 3. Серпъ или жатка? 4. Способъ удешевленія шпагата.

2422. Боголѣповъ, М. А. 621.3

Электрическіе провѣрительные приборы (гальванометры, вольтметры, амперометры, реостаты и пр.). Ихъ постройка и примѣненіе. М. 1914. Тип. Московск. Печатн. Произв-во В. Венгерова (Мясницкая, 10). 96+2 нен. стр. съ чертеж. Ц. 65 коп.

2423. Шейковскій, А. 629.12

Навигація. Спб. 1914. Тип. К. Биркенфельда (В. О., 8 л., 1) IX+327 стр. Съ чертеж. Ц. 2 р. 70 к.

2424. Макаровъ, А. С. 63(04)

Первая ступонь къ благополучію земледѣльца (Система земледѣлія Ив. Овсинскаго). М. 1914. Изд. комис. чтеній для рабоч. въ Москвѣ (Долгоруковская, 25). 32 стр. Съ рис. Ц. 15.

2425. Землякъ, А. 631

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 6. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. М. 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 32 стр. Ц. 5.

Содержаніе: 1. Что дѣлать съ лугами осенью? 2. Улучшенія луговъ осенью. 3. Опыты искусственнаго удобренія луговъ. 4. Какъ долго дѣйствуетъ удобреніе?

2426. Котельниковъ, В. Г. 631

О почвѣ и ея обработкѣ. Бесѣды по земледѣлію. Спб. 1914. Изд. А. Ф. Девріена. 85 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

2427. Николаевъ, Вл. 633

О разведеніи корнеплодовъ. Калязинъ. 1914. Изд. Калязинскаго уѣзднаго земства. 4 стр.

2428. Землякъ, А. 633

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 5. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. М. 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 31 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. Зачѣмъ разводить картофель въ огородѣ? 2. Полевая культура картофеля. 3. Картофель и минеральное удобреніе. 4. Что сказали опыты по примѣненію минеральныхъ удобреній подъ картофель?

2429. Гертопанъ, А. В. 633

Кукуруза. Какъ ее воздѣлывать и какую пользу отъ нея можно получать въ хозяйствѣ. Для крестьянъ. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина: 53+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 12 к.

2430. Громека, К. Е. 633:636

Сухой жомъ. Значеніе его при кормленіи и откормѣ домашнихъ животныхъ. Крыжополь. 1914. Тип. Горника и Бр. Шарапинъ. 40 стр.+1 табл.

2431. Землякъ, А. 633.4

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 9. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". М. 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. О доходности льноводства. 2. Ленъ долгунецъ. 3. Мочить или росить лонъ. 4. Механическая обработка льна. 5. Кооперативная льнообдѣльня.

2432. Вагнеръ, А. 634

Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Перев. съ нѣмецкаго. *Пузыревскій, И. И.* Обрѣзка деревьевъ въ плодовомъ саду. Псковъ. 1914. Изд. В. М. Гусева. 60 стр. Съ рис.

2433. Александровъ, Н. А. 634(02)

Промышленный сельскій садъ. Практическое руководство къ устройству доходнаго плодоводства въ средѣ сельскаго населенія среднихъ и сѣверныхъ губерній. Для крестьянъ. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 125 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

2434. Доброхотовъ, А. Ф. 636.3

Овцеводство въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Практическое наставленіе къ разведенію и содержанію овецъ примѣнительно къ условіямъ крестьянскихъ хозяйствъ. Спб. 1914. Изд. А. Ф. Девріена. 39 стр. съ 24 рис. Ц. 25 к.

2435. Коренева, Е. Ѳ. 636.5

Откормъ домашнихъ птицъ. Лекціи, составленныя и читанныя авторомъ на курсахъ птицеводства Петербургскаго отдѣла Россійск. О-ва С.-Х. Птицеводства „Птицеводный Листокъ", № 7. Изданіе второе подъ ред. Л. Л. Керкова

и В. П. Медвѣдева Имп. Росс. О-ва Сельско-Хоз. Птицеводства. М. 1914. 59+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

2436. Бѣдунковичъ, Г. 636.5

Выборъ и спариваніе производителей для вывода племенныхъ цыплятъ и ихъ скрещиваніе для производства продуктивныхъ метисовъ. Спб. 1914. Изд. Имп. Русскаго О-ва Птицеводства. 16 стр. съ 8 рис. Ц. 10 к.

2437. Шиловскій, К. В. 636.92

Серебристые кролики. Наставленіе къ разведенію породистыхъ кроликовъ. Переводъ съ нѣм. изд. М. 1914. Изд. В. П. Португалова. 16°. 109 стр. Ц. 10 к.

2438. Крючковъ, А. 657:352

Счетоводство уѣздныхъ земствъ. М. 1914. Тип. Ломоносовъ (Тверская-Ямская, 22). X+535 стр. Ц. 4 р.

Содержаніе: I. Теоретическая часть. Извлеченія изъ положеній о земскихъ учрежденіяхъ, смѣты и раскладки, организація книгъ и объяснительная записка къ практической части со всѣми необходимыми документами и приложеніями. II. Практическая часть. Практически разработанная тема по тройной и двойной системамъ. Счетоводство сельско-хозяйственныхъ складовъ К. Брекало.

2439. Ададуровъ, И. Е. 657/8

Основы кредитоспособности. Способы ея опредѣленія и провѣрки. Пособіе для завѣдующихъ отдѣлами кредитовъ въ банкахъ, торгово-промышленныхъ и фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. Спб. 1914. Изд. Кн. скл. Коммерч. Литература. 118 стр. Ц. 1 р.

2440. [. . . . . 658(05)

Извѣстія Московскаго Коммерческаго Института. Экономическое отдѣленіе. Кн. 2. М. 1914. Стр. 163. [Ц. не обозн.].

Содержаніе: Е. Н. Данилова. Юридическая природа операціи „спеціальнаго текущаго счета“ (предл. проф. А. Э. Вормсомъ).—Я Мамонтовъ. Преблема эстетическаго воспитанія (предл. проф. П. П. Соколовымъ).—П. А. Кирилловъ. Городскіе ломбарды (предл. проф. П. П. Гевзелемъ).—Н. Н. Шапошниковъ. Первый русскій экономистъ - математикъ В. К. Дмитріевъ.—П. А. Бурышкинъ. Банковые векселя (предл. проф. А. Э. Вормсомъ).

2441. Пермякъ, Л. 666

Какъ устроить небольшой кирпичный заводъ. Практическое руководство какъ дѣлать кирпичъ. „Деревенская библ.“ Спб. 1914. Изд. Н. П. Петрова (Екатерингофскій, 10—19). 16°. 23 стр. и 16 рис. Ц. 15 к.

Чистое искусство [7]

2442. Некрасовъ, А. 7(01+09)

Курсъ исторіи и теоріи искусствъ, читанный въ Московской консерваторіи въ 1913—14 академическомъ году. Вып. II. М. 1914. Тип. В. Н. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 33 стр.

2443. [. . . . . 7(×91.7/8)

Памятники искусства русскихъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII вѣка. Подъ ред. и съ объяснительнымъ текстомъ Н. Е. Макаренко. Спб. 1914. Изд Я. Башмакова и К°. Тип. 1-й Спб. Трудовой Артели (Лиговская, 34). 4°. 15 стр. съ 28 табл. рис.

2444. Шероцкій, К. 74(09)(47.7)

Очерки по исторіи декоративнаго искусства Украины. 1. Художественное убранство дома въ прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1914. Изд. журн. „Искусство“. 4°. 141 стр. Съ рис. Адр. склада: Кн. маг. Л. Идзиковскаго. Ц. 2 р. 50 к.

2445. Мутеръ, Р. 75„04:19“

Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней. Пер. В. Фриче. Нидерландское и нѣмецкое возрожденіе и эпоха Барокко. Т. II. Вып. I и II. М. 1914. Изд. „Печатникъ“. 162 стр.+11 лист. рис.

2446. Назаровъ, И. Т. 78(07)

Психо-физіологическій методъ изученія музыки. Кн. III. Музыкальность. Развитіе внѣшняго и внутренняго слуха и ритма, памяти и способности чтенія съ листа. Съ нотными примѣрами въ текстѣ. Спб. 1914. Тип. Импер. Уч. Глухонѣмыхъ. 69 стр. Ц. 75 к.

2447. [. . . . 78(082)

Золотая лира. Музыкальная хрестоматія. Подъ ред. М. А. Гольденблюма. Томъ II. Спб. 1914. Изд. Акц. Об-ва Самообразованіе. (Забалканскій пр., 75). 4°. 10+280 стр. Ц. 5 р.

2448. Бетсъ, Дж. 784(07)

Постановка голоса у дѣтей. Практическое руководство для воспитанія и предохраненія голосовъ у мальчиковъ и дѣвочекъ въ періодъ школьнаго обученія. Перев. съ англ. П. П. Мироносицкаго. М. 1914. Изд. 2-ое испр. и доп. Тип. Т-ва П. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 46 стр. съ рис. и діаграм. Ц. 40 к.

2449. Подгорбунскій, Н. З. 788

Практическое руководство для изученія игры на мѣдно-духовыхъ инструментахъ. Кіевъ. 1914. Тип. П. П. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 4°. 27 стр.

2450. [. . . . 792(47.31)

Московскій художественный театръ. Пьесы А. П. Чехова. Чайка, Дядя Ваня, Три сестры, Вишневый садъ, Ивановъ. Альбомъ „Солнца Россіи“. Спб. 1914. 53 листа съ рис.

2451. Бѣлая, С. 792.3

Блудница Митродора. Фарсъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М. 1914. Изд. „Театральной Библіотеки“ С. Разсохина. 16°. 32 стр. Ц. 1 р.

2452. Вагнеръ, Р. 792.4

Лоэнгринъ. Музыкальная драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Либретто). Варшава. Изд. Кн. маг. Г. Вайнера. 16°. 15+1 нен. стр.

2453. Гуно, Ш. 792.4

Ромео и Джульетта. Опера въ 3-хъ дѣйстіяхъ. Текстъ Ж. Барбье М. Карре (либретто). Варшава. Изд. кн. маг. Г. Вайнера. 16°. 16 стр.

2454. Свириденко, С. 792.4

Нюренбергскіе мейстерзингеры. Рихарда Вагнера. Общедоступный очеркъ. Спб. 1914. Изд. В. Бессель и К°. 52+9 стр. Ц. 40 к.

2455. Таберіо, Н. 792.4(09)

Парсифаль. Историческое происхожденіе сказаній о Парсифалѣ. Содержаніе и краткій музыкальный разборъ драмы-мистеріи того же названія Р. Вагнера. Спб. 1914. Изд. А. П. Воронецъ (Рыбацкая, 15). 66 стр. Ц. 75 к.

2456. Оффенбахъ, І. 792.5

Сказки Гофмана. Комическая опера въ 4 дѣйствіяхъ. (Либретто). Варшава. Изд. Кн. маг. Г. Вайнера. 16°. 15+1 нен. стр.

2457. Бончъ-Томашевскій, М. М. 792.8
Книга о танго. Искусство и сексуальность. М. 1914. Изд. В. Португалова. 44 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

2458. Андроновъ, А. Ф. 794
Живая работа изъ разноцвѣтной бумаги. Составленіе картинъ путемъ вырѣзыванія и наклеиванія Вып. I. Первый опытъ. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 40 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

2459. Муравьевъ, С. 794
Какъ научиться хорошо играть въ шашки. Практическое руководство со многими примѣрами, партіями и задачами. Подъ ред. П. И. Гроссъ. Спб. 1914. Изд. В. П. Петрова. 41 стр. Съ 10 рис. Ц. 20 к.

2450. Шварцъ, Ф. 796.3
Гольфъ. Новая игра въ мячъ. Спб. 1914. Изд. М. П. Петрова (Екатерингофскій, 10—19). 14 стр. Съ 15 рис. Ц. 20 к.

2461. Шеманскій, А. 797
Какъ стать хорошимъ пловцомъ. Старые и новые способы плавать. Руководство къ самообученію плаванію. Для арміи и школы. По французскимъ источникамъ. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго. 62 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Литература [8]

2462. [. . . . 8—8
Сборникъ пролетарскихъ писателей. Съ предисл. М. Горькаго. Подъ ред. Н. Сереброва. Спб. 1914. Изд. „Прибой“. 168 стр. 40 к.
Содержаніе: Отъ издательства.—М. Горькій. Предисловіе. — Самобытникъ. ***. Грезы. Гребцы. Послѣ работы. Зарницы.—Вал. Кичуйскій. Поэтъ.—С. Малышевъ. Утро въ деревнѣ.—Мих. Герасимовъ. Весеннее. Осень. Въ городѣ. Заводскій гудокъ. Зимній вечеръ, стих.—Дм. Одинцовъ. На пашнѣ. Впередъ, стих.—В. Торскій. На порубкѣ.—П. Стрѣлковъ. На заработки.—Д. Гордѣевъ. Ночью.—А. Поморскій, Фонарщикъ. Осенью.—С. К. Извозчикъ.—Рабочій М. Родивъ.—П. Ивановъ. Смерть Агаши.—А. Дикій. Любовь. На свиданіе. Лѣсные голоса. Машинистъ. Смѣна. Гребцы. Обездоленные братья.—А. Шляпниковъ. На фабрику.—Л. Зиловъ. Рабочіе.—М. Дозоровъ. Утренняя смѣна.—О. Лобановъ-Бѣльскій. Утро на фабрикѣ.—Мих. Артамоновъ. Забастовка.—Н. Чердынцевъ. Портные.—Ал. Колючій. ***.—Г. Шапиръ. ***.—А. Грибкинъ. За работой.—М. Карженинъ. Солнцу.—В. Н. Кузнецъ.—Н. Е. Додаевъ. Развѣ не слышите?..—С. Пожарскій. Солночки.—Медвѣдевъ. Тюремная весна.—Л. Котомка. ***.—Ив. Коробовъ. ***.—А. Ермаковъ. Но...—Ив. Филипченко. Привѣтъ вамъ.—Н. Рыбацкій—Ицн.

2463. [. . . . . 8—8
„Энергія“. Подъ ред. Ал. Амфитеатрова. Сборн. 3-й. Стихи: Голоса любви; Неволя; Memento; Ars; Времена и нравы; Сатирическій отдѣлъ. Спб. 1914. Изд. „Энергія“ (Загородный, 17). 380 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2464. Джеромъ К. Джеромъ. 82—3
Избранные разсказы. Кн. I. Пер. съ анг. З. Н. Журавской. Спб. 1914. Изд. „Шиповникъ“ 247 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2465. Робертсъ, Ч. 82—3
Коридорные. Пер. съ англ. В. Гатцука. „Дешевая библіотека для семьи и школы“. М. 1914. Изд. „Юная Россія“. 16°. 27 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

2466. Скоттъ, В. 82—3
Астрологъ или угадыватель будущаго по звѣздамъ. Романъ. М. 1914. Изд. П. Д. Сытина. 18°. 93 стр.

2467. Бокадоровъ, Н. К. 82/6(09)„15:16“
Исторія западно-европейской литературы XVI—XVII в.в. Сервантесъ и Шекспиръ. Лекціи, читанныя въ осенній семестръ 1912 г. Кіевъ. 1914. Изд. слушат. Кіевск. высш. жен. курсовъ. 480+III стр. Складъ: Кн. маг. Просвиничовку (Фундуклеевская, 6). Ц. 2 р. 75 к.

2468. Рильке, Р. М. 83—3
Жизнь Маріи. Переводъ В. Маккавейскаго. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 23 стр. Ц. 75 к.

2469. Розеггеръ, П. 83—3
Бракъ по расчету и др. разсказы. Переводъ съ нѣм. В. Александрова. „Общедост.библ“. Спб. 1914. Изд. „Дѣятель“. 16°. 66 стр. Ц. 20 к.

2470. Юркунъ, Юр. 839.7—8
Шведскія перчатки. Романъ въ 3 частяхъ съ продисл. М. Кузмина. Спб. 1914. Изд. М. И. Семенова. 210 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2471. Гюго, В. 84—3
Несчастные. Часть II. Козетта. Собр. соч. Т. IX. Редакція и критико-біографическій очеркъ И. Когана. Спб. 1914. Изд. „Просвѣщеніе“. VIII+416 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2472. Тагоръ, Р. 891.1—3
Лунный серпъ. Перев. М. Лакіардопуло М. 1914. Изд. В. Португалова. 90+2 нев. стр.+7 лист. рис. Ц. 50 к.
Содержаніе: Домъ. На морскомъ берегу. Источникъ. Какъ поступаетъ малютка. Невидимое. Крадущая сонъ. Начало. Міръ моего малютки. Когда и почему. Клевета. Судья. Игрушка. Астрономъ. Тучи и волны. Цвѣтокъ чампака. Сказочная страна. Страна изгнанія. Дождливый день. Бумажная ладья. Матросъ. Тотъ берегъ. Школа цвѣтовъ. Купецъ. Сочувствіе. Призваніе. Старшій. Маленькій взрослый. Двѣнадцать часовъ. Писатель. Злой почталіонъ. Герой. Купецъ. Призывъ. Первыя маслины. Смоковница. Благословеніе. Даръ. Моя пѣсня. Ребенокъ-ангелъ. Послѣдняя сдѣлка.

2473. Кадминъ, Н. (Н. Я. Абрамовичъ). 891.7(09)
Исторія русской поэзіи отъ древней народной поэзіи до нашихъ дней. Т. I. М. 1914. Изд. „Московскаго изд-ва“. 257+1 нев. стр. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Предисловіе. I. Древняя народная поэзія. Общія черты народнаго эпоса. Религія и міросозерцаніе славянъ. Былины. Историч. пѣсни. Малорусскія „думы“. Духовные стихи. Народная лирика.—II. Слово о полку Игоревѣ. Театръ XVII и первой полов. XVIII вв. Лирика XVII и перв. полов. XVIII в. Кн. Антіохъ Кантемиръ.—III. Эпоха ложно-классицизма въ русской литературѣ. Тредьяковскій. Ломоносовъ. Сумароковъ. Екатерининская эпоха. Державинъ. Херасковъ. Петровъ. Богдановичъ. Хемницеръ. Костровъ. Майковъ. Чулковъ. Княжнинъ. Капнистъ. Аблесимовъ. Барковъ. Новыя идейныя теченія. Радищевъ. Сковорода.—IV. Сантиментализмъ. Нелединскій-Мелецкій. Карамзинъ. Дмитріевъ. Цаликовъ. В. Пушкинъ. Нахимт-

и др.—V. Романтизмъ. Жуковскій. Жизнь. Поэзія.—VI. Реалистическія выступленія. Мотивы классической поэзіи. Крыловъ. Катенинъ. Кульманъ. Озеровъ. Мерзляковъ. Гнѣдичъ. Батюшковъ.—VII. Отзвуки романтизма. Козловъ. Глинка.—VIII. Поэты-декабристы. Рылѣевъ. Марлинскій-Бестужевъ. Одоевскій. Кюхельбекеръ.

2474. Семеновъ, Л. 891.7(09)

О „Хаджи Муратѣ" Л. Толстого. (Отд. оттискъ изъ V вып. „Вѣстника" Харьковскаго Историко-Филолог. О-ва). Стр. 10. [Ц. не обозн.].

2475. Анджелла. 891.7—1

Дневникъ дней моихъ и почей грани. Спб. 1914. Изд. „Прометей". 135 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2476. Бальмонтъ, К. 891.7—1

Бѣлый зодчій. Таинство четырехъ свѣтильниковъ. Спб. 1914. Изд. „Сиринъ". 324 стр. Ц. 2 р.

2477. Калининъ, В. А. 891.7—1

Поздніе цвѣточки. Стихотворенія. Спб. 1914. Тип. Родникъ (Невскій, 88). 128 стр. Ц. 75 к.

2478. Королевъ, Вл. 891.7—1

Лазурные прахи. Лирика. (1909—1913). Ялта. 1914. Стр. 57. Ц. 60 к.

2479. Кузнецовъ, А. 891.7—1

Самопѣвы. 2-я книга стиховъ. Съ предисловіемъ І. І. Ясинскаго (М. Бѣлинскаго). Спб. 1914. Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 16°. 110 стр. Ц. 50 к.

2480. Невскій, Вл. 891.7—1

Доля шахтера. Спб. 1914. Изд. „Прибой". 23 стр. Ц. 5 к.

2481. Трубецкая, М., кв. 891.7—1

„Мака". Стихотворенія. Полтава. 1914. Тип. И. Л. Фринштерга (ул. Котляревскаго). 180+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

2482. Ѳоминъ, С. 891. 7—1

Пѣсни Радости и Печали. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. М. 1914. Изд. Суриковскаго Литературно-Музыкальнаго Кружка (Новая Божедомка, 11). 16°. VI+43+1 нен. стр. Ц. 25 к.

2483. Ѳомичевъ, С. А. 891. 7—1

Пѣсни земли. Стихотворенія. М. 1914. 131+1 нен. стр. Складъ: Б. Харитоньевскій, 14. Ц. 1 р.

2484. Юделевичъ, Полина. 891. 7—1

О высокомъ, прекрасномъ, безсмертномъ. Стихи. Кіевъ. 1914. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 16°. 64+1 нен. стр. Ц. 50 к.

2485. Толстой, Ал. Н., гр. 891. 7—2

Молодой писатель. Арлекинада въ одномъ дѣйствіи М. 1914. Изд. В. Португалова. 24+2 нен. стр. Ц. 30 к.

2486. Славянова, З. М. 891. 7—2

На переломѣ (Грядущаго взыскуемъ). Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1914. Изд. Импер. Русскаго Театральн. О-ва. 45 стр. Ц. 25 к.

2487. Аверченко, А. 891.7—3

Разсказы. „Дешевая юморист. библ. „Новаго Сатирикона". Спб. 1914. 54 стр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Очередной разсказъ. Горе Профессіонала. Дурацкое Положеніе. Страшное дѣло. Освобожденіе Сербіи. Ликвидація. Мертвыя души.

2488. Аверченко, А. 891.7—3

Разсказы. „Дешевая юморист. библ. „Новаго Сатирикона" № 15. Спб. 1914. 58 стр. Ц. 10 к.

2489. Александровъ, П. 891.7—3

Доля тяжелая. Литературныя, сатирическія и юмористическія сочиненія. Вып. 1 и 2. М. 1914. Изд. автора. А. Д. Плещеева (Покровка, 43). 8+8 стр. съ рис. Ц. по 1 к.

2490. Амфитеатровъ, А. В. 891. 7—3

Русскія были. Собр. соч. Томъ 23. Спб. 1914. Изд. „Просвѣщеніе". 16°. 350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2491. Амфитеатровъ, А. В. 891. 7—3

Эзоповъ ликъ. Собр. соч. Т. XXVII. Спб. 1914. Изд. „Просвѣщеніе". 348 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2492. Волгинъ, В. 891.7—3

Утопленница. Повѣсть. М. 1914. Изд. И. Д. Сытина. 32 стр.

2493. Вучетичъ, Н. Г. 891.7—3

Переправа. Разсказъ М. 1914. Изд. А. Д. Ступина. 31 стр. съ рис. Ц. 30 к.

2494. Горькій, М. 891.7—3

Воздѣсущіе. Спб. 1914. Изд. „Прибой". 16°. 14 стр. Ц. 3 к.

2495. Гунъ, Ник., фонъ. 891.7—3

Власть плоти. Разсказъ. Спб. 1914. Изд. А. Ф. Можейко (Надеждинская, 3). 285 стр. 1 р. 50 к.

2496. Гусевъ-Оренбургскій. 891. 7—3

Курычанскіе прихожане. Собр. соч Томъ X. Спб. 1914. Изд. „Жизнь и Знаніе". 340+64 стр. Ц. 1 р.

2497. Елпатьевскій, С. 891. 7—3

Разсказы. Т. II. М. 1914. Изд. К-ва писателей. 344+8 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

2498. Ивановъ, Г. 891.7—1

Горница. Книга стиховъ. Спб. 1914. Изд. „Гиперборей". 62 стр. Ц. 1 р.

2499. Купринъ, И. А. 891.7—3

Собр. соч. Т. XI. Разсказы. Изд. „Моск. Книгоизд." М. 1914. Стр. 275. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Разсказы: Капитанъ. Тараканья щель. Марья Ивановна. Въ медвѣжьемъ углу. Удавъ. Заклятіе. Масленица въ Фивляндіи. Люція. Запечатанные младенцы. Фараоново племя. Нарцисъ. Безъ заглавія. Милліонеръ. Винная бочка. Пропасть. Ежъ. Наше оправданіе. Умеръ смѣхъ.—Лазурные берега.

2500. Львова, Л. 891.7—3

На своихъ ногахъ. „Кн. за кн.", кн. 136-я. Спб. 1914. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 16°. 72 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

2501. Михайловъ, М. Л. 891.7—3

Полное собр. соч. Подъ ред. П. В. Быкова. Томъ IV. Спб. 1914. Изд. А. Ф. Марксъ. 334 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Марья Ивановна. Святки. Кормилица. Дунаша. Деревни и городъ. Напраслина.

2502. Немировичъ-Данченко. 891. 7—3

Побѣдитель. „Библ. для семьи и школы" М. 1914. Изд. журн. „Юная Россія". 88 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

2503. Петровъ, Г., свящ. 891. 7—3:9(47).

Княжны-подвижницы. Разсказъ. Спб. 1914. Изд. Постоян. Ком. Народныхъ чтеній. 16°. 16 стр.

2504. Помяловскій, Н. Г. 891.7—3

Полное собраніе сочиненій. Томъ I и II. Варшава 1914. Изд. „Школа". 276+316 стр. Склад.:

книж. маг. Барабанова (Новый Свѣтъ, 70). П. 1 р. 50 к.

2505. Рукавишниковъ, Ив. 891.7—3

Близкое и далекое. Разсказы. Изд. „Моск. книгоизд.“ М. 1914. Стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: I. Близкое: Эврика. Я, ты, онъ... Ненависть. Романъ въ Крыму. Анна. Пасторальный триптихъ.—II. Далекое: Карма. Бѣлый слонъ. Тиранъ. Когда пали стѣны храма.

2506. Трубицына, Л. 891.7—3

Юристка. Изъ жизни парижской студентки. Спб. 1914. Тип. Главн. Упр. Удѣловъ. 218 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2507. Уйда. 891.7—3

Барчукъ. Изъ жизни англійскаго ребенка. „Книжка за книжкой“. кн. 17-ая. Спб. 1914. Изд. М. Слѣпцовой. 16⁰. 32 стр. Ц. 8 к.

2508. Фичъ-Перкинсъ, Л. 891.7—3

Маленькіе лапландцы. Повѣсть. Пер. съ анг. Л. и Ж. Караваевыхъ. „Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей № 296“. М. 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 96 стр. Съ рис. Ц. 70 к.

2509. Чириковъ, Евг. 891.7—3

Собр. соч. Т. XV. Возвращеніе. Романъ. Изд. „Моск. Книгоизд.“ М. 1914. Стр. 353, Ц. 1 р. 50 к.

2510. Ѳедоровъ, А. М. 891.7—3

Море. Повѣсть. Изд. „Моск. Книгоизд.“ М. 1914. Стр. 173 Ц. 1 р. 25 к.

2511. Смирновъ, Б. 891.7—4

Въ степяхъ Туркестава. Очерки. М. 1914. Изд. Кн. скл. М. В. Клюкина. 64 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

2512. Вано и Сандро, кв. 899.96—1 (0:78).

Аллаверды Кавказская застольная пѣсня. Слова Сологуба. Спб. 1914 Изд. Н. Х. Давингофа (Фонтанка, 88). 4⁰ (27×35.) 3 стр. Ц. 50 к.

Исторія и географія [9]

2513. Морэ, А. 9(32)

Цари и боги Египта. Пер. Е. Ю. Григоровичъ. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 16⁰. 324+3 нен. стр. съ рис.+1 карта+16 табл. рис. П. 1 р. 25 к.

2514. Корниловъ, А. 9(47)„18“

Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка. Часть III. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 330+1 нен. стр.+2 карты. Ц. 1 р. 50 к.

2515. Краскова, В. 9(47)(023)

Краткая исторія родной земли. Для народныхъ и начальныхъ училищъ. Подъ ред. проф. П. Г. Васевко. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова. 85 стр. Съ 32 рис. Ц. 20 к.

2516. Назаревскій, В. В. 9(47.31) „11:19“

Изъ исторіи Москвы 1147—1913. Иллюстрированные очерки. М. 1914. Тип. Т-ва Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 4⁰. VI+373 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

2517. Гнѣвушевъ, А. М. 9(57),„15“

Сибирскіе города въ смутное время. Кіевъ. 1914. Тип. 2-й артели (Владимірская, 43). 12 стр. Ц. 20 к.

2518. Борзовъ, А. А. 91(47)(0:7)

Картины по географіи Россіи. 1. Европейская Россія. Объяснительный текстъ. М. 1908. Изд. Гросманъ и Кнебель. 192 стр. Ц. 50 к.

2519. Ягодовскій, К. П. 91(47.21)

Къ странѣ полуночнаго солнца. Воспоминанія о Мурманской экспедиціи. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича. XII+212+16 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

2520. [. . . . 91(57)

Книжка о Сибири. Полтава. 1914. Изд. Бюро южно-русск. област. зем. пересел. организац. Тип. И. Л. Фришберга (ул. Котляревскаго). 85 стр.+1 карта.

2521. Берлейнъ, Г. 91(72)

Мексика (страна смутъ). Очерки. Переводъ съ англ. Спб. 1914. Изд. П. П. Пѣвцова. 140 стр. Ц. 50 к.

2522. Беккеръ, П. 92(B):78

Бетховенъ. Переводъ съ нѣм. Г. А. Ангертъ. Подъ ред. С. Д. Шоръ. Вып. II. М. 1914. Изд. „Бетховенской студіи“ Д. С. Шоръ. 4⁰. 106 стр+2 рис.+8 табл.

2523. Фохтъ, Ю. 92(P)

А. Франсуа Рабле, его жизнь и творчество. М. 1914. Тип. Я. Г. Сазонова (Никитскія ворота, 31). 67 стр.

2524. Липаевъ, Ив. 92(Ш)

Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ. Пѣвецъ-художникъ. Біографія-характеристика. Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 16⁰. 60 стр. Съ портр. Ц. 30 к.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ“ (1914—5) Г. Лукомскій. Нео-классицизмъ въ Архитектурѣ Петербурга. — Вс. Дмитріевъ. Китайская реальность. — М. Волошинъ. Чему учатъ иконы? — Силлартъ. Салонъ „Независимыхъ“.—Н. Гумилевъ. Письмо о русской поэзіи. Л. А. Р—въ, Р. Е. Выставки и художественныя дѣла.—Г. Лукомскій. Храмъ въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. — І. Русскій. худож. рывокъ. — Каратыгинъ. Музыка. — В. Чудовскій. Петербургскіе театры. — Litotes. Общество ревнителей худож. слова. — Е. Кузминъ. Письмо изъ Кіева. — М. Гершенфельдъ. Письмо изъ Одессы. — Arundel del Re. Письмо изъ Англіи.—М. Д. Calvocoressi. Музыка въ Парижѣ.—В. Дмитріевъ и др. Новые журналы и книги.—Я Тугенхольдъ. Письма изъ Лейпцига.—Худож. Вѣсти съ запада.

„Баянъ“. (1914—4). Ю. Шамуринъ. Очерки классической Москвы. — Б. П. Дунаевъ. Соловецкій монастырь.—П. Н. Столпянскій. Старая Москва.—Отзывы о книгахъ.

„Варшавскія Университетскія Извѣстія“ (1914—V). В. П. Вельминъ. О квадратичномъ законѣ взаимности въ произвольной квадратичной области.—Проф. Р. Зомъ. Очеркъ исторіи церкви. Перев. и предисл. проф. П. В. Верховскаго.

„Вольный Университетъ“. (1914—11/12). Н. Андреевъ. На зарѣ человѣческой культуры.—Н. Томилинъ. Телеграфированіе и телефонированіе безъ проводовъ. — А. Быковъ. Обезземеленіе крестьянъ въ Англіи. — Е. Смирновъ. Законопроектъ объ обществахъ и союзахъ.—К. Пажитновъ. Судьба рабочаго законодательства. — П. Коганъ. Первая ласточка.—Е. Кускова. Хроника

внутренней жизни.—А. Клепиковъ, А. Сиверковъ, В. Тихоновичъ и Д. Толбузинъ. Народный театръ, статьи.—В. К. Новое въ наукѣ и техникѣ.—С. Яковлевъ. Что читать по геологіи.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“. (1914—5). М. А. Захарченко. Къ семіотикѣ алкоголизма. (Объ отвращеніи къ винѣ у алкаголиковъ въ періодѣ воздержанія).—Рефераты.—Хроника.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“. (1914—6). Вл. Дзержинскій. Показанія къ хирургическому вмѣшательству при акромегаліи. — Рефераты: Неврологія.—Хроника.

„Вѣра и Разумъ“. (1914—11). Прот. Н. Стеллецкій. Опытъ нравственнаго богословія въ апологетич. освѣщеніи. (Продолж.).—Н. П. Н. Возрѣнія Вл. С. Соловьева на католичество. (Продолж.).—Ученіе Гегеля о государствѣ въ освѣщеніи Флоріана Рисъ. Перев. С. Дьякова.—Свящ. Н. Липскій. Вѣра и знаніе. (Продолж.). — L. Нравственныя идеи Гёте въ ихъ отношеніи къ христіанству.

„Вѣстникъ Знанія“. (1914—6). Проф. Н. Каракашъ. Эдуардъ Зюссъ.—Проф. Э. Абдергальденъ. Новѣйшія воззрѣнія на строеніе и обмѣнъ веществъ въ клѣткѣ.—Д-ръ М. Мюльманъ. О причинѣ смерти.—А. В. Португаловъ. Новыя культурныя задачи въ Россіи.—К. А. Пажитновъ. М. А. Бакунинъ.—Е. Носовъ. Бѣгство изъ деревни.—Пв. Ингуловъ. Новыя побѣды надъ пространствомъ.—В. Г. Голиковъ. Фрагменты Чехова.—Библіографія.— Научныя новости и хроника. — В. В. Битнеръ. Бесѣды съ молодежью. „Къ природѣ!“—К. Эвальдъ. Четыре друга.—Тайна жемчужины.—Р. Бодуэнъ-де Куртенэ. Вильямъ Шекспиръ.—Н. А. Рубакинъ. Въ помощь самообразованію.—Прив.-доц. А. Г. Генкель. Календарь природы.—А. А. Чикинъ. Іюньское небо.— Самовозгораніе сѣна.—Изъ нашей лабораторіи.—Вопросы науки и практики; задачи.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1914—6). I. Общественная жизнь: Борьба за гомруль и вопросы объ Ульстерѣ. Леди Лиліанъ Глентворсъ о мирной пропагандѣ суффражизма. Парижанка.—II. Историческія новости: Романтическій бракъ короля. Искатели кладовъ на днѣ морскомъ. Гостиница въ Барбизонѣ.—III. Литературная печать: Анатоль Франсъ. Къ 70-лѣтію со дня его рожденія.—IV. Изъ области науки: Исторія сигары.—Эд. Самакойсъ. На людяхъ. — К. Штробль. Чудесному вѣрь!—К. Перъ. Кади замужемъ.—Я. Буллъ. Месть свѣтила. — Х. Кэйнъ. Богомъ данная мнѣ женщина.—Л. Хирнъ. Душа.—Умирающій портретъ. — Р. Бракко. Новорожденный.—III Деревъ. Идиллія въ древнемъ стилѣ.—А. Чуро. Тайна нѣмого шоффера.

„Вѣстникъ Коопераціи“. (1914 — 5). Б. Фромметтъ. Безучастное отношеніе женщинъ къ коопераціи—наша вина.—В. Зюрюкинъ. Табаководство и кооперація.—Е. Петровъ. Формы кооперативнаго объединенія кустарей.—Н. А. Ульяновъ. Строительная кооперація въ Германіи. — К. Пажитновъ. Къ вопросу объ объединеніи кредита для строительныхъ товариществъ.—І. Шапиръ. Обзоръ кооперативнаго движенія на Западѣ. (Кооперація въ Царствѣ Польскомъ). — З. Кочеткова. Домъ Воспитанія бельгійской рабочей Партіи.—Н. Троцкій. Кооперативное движеніе въ Россіи. (Районные съѣзды и совѣщанія по мелкому кредиту въ Нижегородской губ. въ 1913 г.).—І. Лазаріанцъ. Кредитная кооперація на Закавказьѣ.—Н. Колесниковъ. Кооперативное совѣщаніе. (Письмо изъ Балашова). — В. Барыбинъ. Къ читателямъ „Вѣсти Коопер.“ — Литература о коопераціи.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики“. (1914—9 (609). Проф. І. К. Капштейнъ. Строеніе вселенной.—П. Фроловъ. Парадоксальный случай при отысканіи максимума.—Н. Габеръ. Первый Всерос. Съѣздъ преподавателей физики, химіи и космографіи. (Оконч.).—Н. Габеръ. Опыты и приборы, „Новый насосъ для высокаго разрѣженія В. Геде“. — Научная хроника.—Библіографія. — Задачи. — Рѣшенія задачъ.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1914—3). П. Егуновъ. Французское Фребелевское О-во и его дѣтскіе сады.—Л. Т. и А. Ц. Дневникъ нашего дѣтскаго сада.—Какъ изучать ребенка. Съ англ. пер. Л. Д.—Э. Эликъ. Какъ изучать ребенка. (Продолж.). — Ю. Бекъ. Праздникъ весны. — Опытъ устройства школы для малышей. Перев. съ фр. Л. Претро.—М. Петерсонъ. Планъ занятій въ дѣтскомъ саду.—Педагогическая хроника.—Критика и библіографія.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1914—4) Н. Алексѣева. Народный учитель и дѣти деревни.— Н. Румянцевъ. Новая система дошкольнаго воспитанія г-жи Монтессори въ оцѣнкѣ ея соотечественника проф. Саффіоти.—Л. Т. и А. Ц. Дневникъ нашего дѣтскаго сада. (Продолж.).— Э. Эликъ. Дитя и его рисунокъ. (Продолж.).— П. Златковская. Дѣтская площадка О-ва „Благо дѣтей“ въ портѣ Скадовскѣ.—М. Петерсонъ. Планъ занятій въ дѣтскомъ саду.—Педагогическая хроника.—Критика и библіографія.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1914—5). Врачъ Фр. Гинзбургъ. Нужны ли ясли въ деревнѣ?—В. Пото. Какъ мы устраивали ясли.—С. Кемницъ. Дѣтскій садъ въ деревнѣ.—Л. Т. и А. Ц. Дневникъ нашего дѣтскаго сада. (Продолж.).— О. М. Ламонова. Занятія съ дѣтьми дошкольнаго возраста, „по программѣ“.—Э. Эликъ. Дитя и его рисунокъ. (Оконч.).—М. Петерсонъ. Планъ занятій въ дѣтскомъ саду.—Педагогическая хроника.—Критика и библіографія.

„Ежемѣсячный Журналъ“. (1914—6). Ю. Зубовскій, П. Зоревъ, Г. Ваткинъ, Н. Клюевъ, М. Пожарова, Е. Л., О. Далькъ, П. Ширяевъ, С. Клычковъ, Ал. Ширяевецъ, Мих. Артамоновъ и Як. Годинъ. Стихотворенія.—Мих. Борецкій. При лунномъ свѣтѣ.—С. Подъячевъ. Въ трудное время.—Пв. Новиковъ. Неувядаемая.—Б. Винниченко. Божки, ром. (Продолж.).—Ф. Михельсонъ. Любовь въ лѣтнюю ночь.—А. Калининъ.—Въ Соловкахъ. Путевыя впечатлѣнія.—Ю. Филипченко. Старое и новое о наслѣдственности. II.—П. Ю. Шмидтъ. Оживленіе мертвыхъ.— В. Курбатовъ. О красотѣ и искусствѣ. Изображеніе мечты.—Л. Никифоровъ. Л. Н. Толстой о себѣ. Извлеченія.—А. Мейеръ. Платонъ. (Оконч.).—В. Потемкинъ. Предтеча современной демократіи.—А. Пресняковъ. Россія въ царствованіе имп. Николая I. (Оконч.).—В. Керженцевъ. Бурные года Ирландской исторіи.—Вен. Марковъ. Что даетъ крестьянамъ новый законъ о мѣстномъ судѣ.—В. Скороходовъ. Изъ воспоминаній стараго общинника.—В. Поздняковъ. Правда о духоборахъ.—Б. Черненковъ. „Пробужденіе“ деревни.—Б. Фроммоттъ. Хутора и культура.—Ан. Сел-въ. Еще объ общинѣ и хуторѣ.—В. Бронзовъ. Хроника рабочей жизни.— Гр. Голосовъ. На казенной службѣ. Положеніе

почт во-тел. служ.—С. Вольскій. Большіе и маленькіе. Письмо съ балтійской выставки.—Р. Стрѣлецовъ. Мексика.—Ш. Гермеръ. Борьба англійскихъ рабочихъ въ цифрахъ.—Д. Святскій. „Пророки". Н. Морозова предъ судомъ исторіи и астрономіи.—Д. Святскій. Непосредственное знакомство съ небомъ. Іюнь—іюль.—Библіографія.

„Естествознаніе и Географія.". (1914—4). Д-ръ А. В. Векстовъ. Радій и его свойство. (Оконч.).—С. Форфоровскій. У діаволопоклонниковъ.—Проф. А. Ф. Брандтъ. Праворучіе и лѣворучіе.—Б. Д. Мачаваріани. Городъ Сухумъ и Абхазія въ настоящемъ и прошломъ. (Оконч.). П. Карповскій. По „Польской Швейцаріи". (Изъ личныхъ впечатл.).—Н. Балашевъ. Въ горахъ западнаго Тянь-Шаня.—Критика и библіографія.—Смѣсь.—Хроника.

„Жизнь для Всѣхъ". (1914—5/6). О. Рупова. Нерѣшенное, разск.—Т. Шевченко. Изъ поэмы „Еретикъ".—В. Патекъ. У хлѣба, разск.—Ооома Мытарь. Генералъ Сильвинъ, разск.—А. Невѣровъ. Колькинъ табель, разск.—В. Миролюбова. Въ чемъ мое счастье.—Б. Фроммет. Дѣти улицы.—Р. Кумовъ. Игуменъ Іосафъ.—Р. Кумовъ. Въ стопи.—Пв. Власовъ. Очерки деревенской жизни.—Б. Лойко. Земля и человѣкъ.—Б. Яковлевъ-Орловъ. О трудовыхъ общинахъ.—Е. Милицина. Письмо изъ деревни.—К. Рейнбахъ. Примѣръ интенсивнаго производительнаго труда.—П. Шумиловъ. Пауки и мухи.—М. Богдановичъ. Новая интеллигенція.—Ф. Ивановъ. Забытая могила.—В. Поссе. Общественная жизнь. Отрадное.—П. Миролюбовъ. Кооперативное движеніе въ Россіи.—Т. П., М. А. Бакунинъ.—В. Поссе. Дневникъ читателя.—Текущая жизнь.—Товарищеская бесѣда.—Къ подписчикамъ.—Отчетъ издательства.—Вл. Носъ, Евг. Трифоновъ, Н. Залетный и Соболевъ, стихи.

„Завѣты". (1914—6). С. Клычковъ. „Дубровка", стихотвор.—К. Бальмонтъ. Океанія.—Мухамедъ Гавзъ-Исхаковъ. Брачный договоръ, драма. пер. съ татарск. Г. С.—Л. Добронравовъ. Профессоръ богословія, разск.—Г. Дм. Уэльса. Освобожденный міръ. (Продолж.).—Ал. Ремизовъ. Россія въ письмахъ.—П. Бунаковъ. О ближайшихъ путяхъ развитія Россіи. (По поводу статей кн. Е. Трубецкого).—Вл. Трутовскій. О муниципальной программѣ.—В. Евгеньевъ. Дѣло Каракозова и редакція „Современника".—М. Тахтамышевъ. Татарская литература и Исхаковъ.—Роно Гиль. Парижскія письма.—С. Закъ. Русская буржуазія и бюрократія.—Н. Кузьминъ. Неизбѣжное.—Б. Вороновъ. Новыя хозяева Московск. Нар. Банка.—Альбинъ. XXIX конгрессъ бельгійской соціалистической партіи.—Б. В. политика и выборы во Франціи.—Р. Балтрушайтисъ. О внутреннемъ пути К. Бальмонта.—Библіографія.—В. Черновъ. Упраздненіе народничества.

„Извѣстія по Народному Образованію". (1914—6), Правительственныя распоряженія.—Е. П. Тарасовъ. Къ исторіи русскаго общества второй половины XVIII ст.—Х. Ѳ. Вознесенская. Съѣзды по эстетическому воспитанію.—С. В. Фарфоровскій. Задачи русской школы въ Персіи.—Н. М. Петровскій. Дополненіе къ статьѣ Н. М. Петровскаго о хрестоматіяхъ по славянскимъ нарѣчіямъ.—Отзывы о книгахъ.

„Кооперативная Жизнь". (1914—10). О планѣ ближайшихъ работъ Моск. Комитета о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышл. товариществахъ.—В. К. Памятникъ Райфайзену.—С. Масловъ. Сберегательныя кассы и кредитная кооперація въ 1913 г.—Т. Мартюшинъ. Объединеніе закупочныхъ операцій сельскихъ кооператоровъ.—Е. П—въ. Какъ утверждаются иногда спеціальные уставы.—Кооперативная жизнь за границей.—Л. Каменецкій. Единогласіе.—Со страницъ печати.—Хроника.—О новыхъ книгахъ.—Консультаціонный отдѣлъ.—Къ свѣдѣнію читателей.—Хроника М. Н. Б.

„Наша Заря". (1914—6). Н. Тасинъ. Объ одной драмѣ. (Къ 10-лѣтію романовскаго протеста).—Арс. Кол. Этюдъ. (Посвящается друзьямъ).—П. Орѣшинъ. Лѣтомъ, стих.—В. Александровскій. Въ сумеркахъ, стих.—А. Сергѣевъ. Нарушевный совъ. Послѣ грозы, стих.—С. Давыдовъ. Хворый путь, стих.—С. Далинъ. Первые шаги рабочаго движенія.—К. Залевскій. Національный вопросъ въ Россіи. (Оконч.)—Б. И. Горевъ. Демагогія или марксизмъ. (Итоги и наблюденія).—Ф. Булкинъ. Расколъ фракціи и задачи рабочихъ.—С. Ф. Еще къ вопросу объ интеллигенціи.—Civis. Выборы во Франціи.—К. Оранскій. Единство.—Л. Дейчъ. Даніэлъ Деліонъ.—А. Мартыновъ. 1. Изъ современныхъ нравовъ буржуазной Германіи. 2. Всеобщая забастовка въ Италіи.—И. Череванинъ. Вторая сессія Думы.—Мировъ. Отклики.

„Наша Старина". (1914—2). Н. Мироновъ. Табакерка съ Псишей, историч. разск.—Н. Ф. Воротынскій. Женщина на престолѣ папы, историч. хроника. Н. Шаломытовъ. Исторія одной взятки. (По архивн. даннымъ Гл. Упр. Удѣловъ). Къ открытію памятника вел. кн. Николаю Николаевичу Старшему.—Б. В. Варнекс, проф. А. С. Суворинъ и театръ, очеркъ. К. Михайловъ. Адамъ Мицкевичъ, русское общество и Пушкинъ.—Н. Козыревъ. Эволюція взглядовъ на положеніе русской женщины, историческій очеркъ.—К. А. Максимовъ. Изъ прошлаго Петерб. стороны и ея обитателей. (Отрывки воспомин. старожила).—А. Дунинъ. Изъ жизни землевольца. (Л. Н. Гартманъ).—Ѳ. Апанш въ XVIII столѣтіи, историч. оч.—Библіографія—Некрологи.—Мелочи.

„Наша Старина". (1914—3). Мих. Эрзинъ. По завѣту отцовъ. (Изъ семейной хроники).—Н. Ф. Воротынскій. Женщина на престолѣ папы. (Продолж.).—Елизаветинецъ. Занятіе Парижа 19 марта 1914 г., историч. оч.—Гр. Марія де-Рошефоръ. Анна Ярославна, франц. королева, монографич. оч.—М. Поливановъ. Крестьяне-клаузники.—Н. Козыревъ. Три архіерея, очеркъ.—А. Евгеніевъ. Самозванцы.—А. Кауфманъ. Каморысты. (Изъ итальянск. впечатл.).—Библіографія.—Некрологи.—Мелочи.

„Наша Старина" (1914—4). Н. Сергіевскій. „То было раннею весной"... (Изъ семейной хроники).—Н. Ф. Воротынскій. Женщина на престолѣ папы. (Оконч.).—Свящ. Н. Рождественскій. Пасха въ Портъ-Артурѣ. (Изъ воспоминаній участн. Русско-Японской войны).—М. А. Соловьевъ. Мои встрѣчи съ адм. Макаровымъ, воспом.—М. Спасскій. Косы имп. Анны Іоанновны. (Легенда объ Измайловск. полку).—Елизаветинецъ. Домашній бытъ имп. Іоанна Антоновича, историч. оч.—Н. Козыревъ. Три архіерея. (Оконч.).—М. П. Какъ ѣли въ старину, историч. оч.—Библіографія.—Некрологи.

„Наша Старина". (1914—5). Ф. Е. Зарянъ

свицкій. Въ пріемной императора, историч. разск.—Н. Бережанскій. Люди легенды. (Изъ прошлаго).—В. Тимофеевъ. Женщина въ вѣкъ фижмъ и напильена. (Очеркъ нравовъ въ XVIII в.).—В. А. Алексѣевъ. Шагинъ-гирей, послѣдній ханъ крымскій, историч. оч.—К. П. Кубицкій. - Пётухъ. Наши старыя усадьбы, истор. оч,—А. Дунинъ. Новое о бѣгствѣ и поимкѣ Кюхельбекера. (По Моск. арх.).—Елизаветинецъ. Судьба принцевъ и принцессъ Брауншвейгъ-Люнебургскаго дома, историч. оч.—А. Кауфманъ. Тайны Шильдзъ-Кіоска. (Изъ константинопол. воспом.).—М. Спасскій. Парижскія прелестницы XVIII в. (Романъ Маріи-Анны де-Камарго).—М. П. Какъ ѣли въ старину. (Продолж.).—Н. Н. Оглобинъ. Изъ записной книжки. (Кольцовъ, Никитинъ, Олешинъ, Муравьевъ—Карскій губ. Ховенъ).—Библіографія.—Некрологи.—Сравнит. табл. чиновъ 1855 г.—Мелочи.

„Наша Старина". (1914—6). Ф. Е. Зарянъ-Несвицкій. Въ пріемной императора. (Оконч.).—Вс. Вазовъ. На ступеняхъ трона, историч. ром. Перев. съ болг.—Ч. Вердеревскій. Въ плѣну у Шамиля, невымышл. повѣсть.—Гр. М. де-Рошефоръ. „Русская и иностранная книга".—В. Тимофеевъ. Женщина въ вѣкъ фижмъ и напильена, оч.—Анелинъ. Изъ исторіи нашихъ парковъ и садовъ.—П. Васильковскій. Какъ и чему учились въ старину, очеркъ.—М. П. Какъ ѣли въ старину. (Продолж.).—Библіографія.—Некрологи.

„Новый Журналъ для Всѣхъ". (1914—5). Ал. Ширяевецъ. Д. Конокотинъ, А. Соколова, О. Далькъ и С. Родова. Стихотв.—А. Бѣлъ-Каменскій. Ночью томительной.—Петровъ С—ъ. Въ сумерки жизни.—А. Тритатовъ. Королева Августа.—Н. Столешниковъ. Герой.—Квей-Ли. Письма китаянки къ своему мужу.—Д. Рудинъ. Смѣхъ сквозь слезы. (Памяти М. Е. Щедрина).—С. Гамаловъ. Какъ быть.—П. Зекъ. Передъ картиной Рѣпина.—С. К. Исаковъ. Мысли объ искусствѣ.—Н. Козыревъ. Въ глухихъ мѣстахъ.—А. Новгородскій. Страна Черныхъ скалъ.—П. Че—рскій. На зарубежныя темы.—Н. Бережанскій. Внучка Краснаго Солнышка.—Г. Тригге. Научный обзоръ.—Библіографія.

„Обновленіе Школы". (1914—кн. XXV). М. Безобразова. Итоги одного опроса.—С. Фарфоровскій. Лѣсная школа и новый человѣкъ, какъ продуктъ воспитанія.—Авдій Суіи. Письменное дѣленіе.—Библіографія.

„Педагогическій Сборникъ". (1914—6). Фр. Гертель. Преподаваніе геометріи на основаніи самодѣятельности учащихся. Перев. съ рукописи автора Э. Лундбергъ.—А. Полторацкій. Международный конгрессъ по физическому воспитанію въ Даніи въ 1911 г.—А. Флеровъ. Замѣтки личнаго опыта. (Заучиваніе наизусть въ старшихъ классахъ).—Критика и библіографія.

„Просвѣщеніе". (1914—6). М. Герасимовъ. Христантемы, разск.—*_*. Почи въ телеграфной, стих.—Ю. Стекловъ. Марксъ и Бакунинъ. (Оконч.).—В. Степанюкъ. Изъ исторіи украинскаго марксизма.—В. Ильинъ. О правѣ націй на самоопредѣленіе. (Оконч.).—Артемъ. Классовая борьба въ Новой Зеландіи.—В. Ильинъ. Темы борьбы буржуазной интеллигенціи противъ рабочихъ.—В. П. О „впередовцахъ" и „Впередъ".—Д. Антошкинъ. Стачки приказчиковъ.—Путникъ. Въ бакинскомъ раіонѣ.—Библіографія.

„Русская Мысль". (1914—6). Ѳ. Сологубъ. Стихотв.—В. Брюсовъ. Рея Сильвія. Разсказъ изъ жизни VI в.—І. Бойеръ. Узникъ, который пѣлъ. Переводъ съ норвежск. З. І. Зеньковичъ. (Оконч.).—А. Ахматова. Стихотв.—Н. Т. Б. Кома, эскизъ.—Е. Волчанецкая. Стихотв.—Г. Штернъ. Хромой, ром. Переводъ съ нѣм. М. И. Розенфельдъ. (Продолж.).—С. Рафаловичъ. Судный день, поэма.—Б. Фромметтъ. Начало конца.—А. Марь. Тебѣ единому согрѣшила, повѣсть.—А. А. Корниловъ. Семейство Бакунинныхъ. (По неизданнымъ источникамъ).—А. М. Рыкачевъ. Новыя проблемы и новыя трудности въ рабочемъ движеніи.—Г. Э. Ланцъ. Памяти І. Г. Фихте.—А. Б. Дерманъ. И. А. Бунинъ.—П. А. Тверской. Рабочая смута и оздоровленіе жизни. Письмо изъ Америки.—С. А. Замѣтки о народномъ пьянствѣ. Изъ наблюденій провинціала—И. О. Левинъ. Національная проблема въ соціологической постановкѣ.—В. М. Гайдуковъ. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. М. Е. Салтыковъ, какъ администраторъ.—А. С. Изгоевъ. На перевалѣ. Новая партія.—А. Рыкачевъ. Дума и страна.—С. Ф. Ковалевскій. Къ біографіи Д. А. Кломенца.—Ст. Конъ. Ростъ благосостоянія и паденіе рождаемости.—І. Кулишеръ. Реклама и ея роль въ области завоеванія новыхъ рынковъ.—В. Брюсовъ. Годъ русской поэзіи. Порубежники.—А. Корниловъ. Письма Бѣлинскаго.—Р. Бернштейнъ-Вишницеръ. Двѣ книги о Марокко.—П. Эфрусси. Судьба новѣйшей психологіи.—А. Коральниковъ. Паѳосъ разума.—А. М. Обуховъ. Эволюція современной деревни и задачи сельской школы.—Пв. Каблуковъ. Американскіе запасы радія.—К. Частная инициатива и самодѣятельность въ военномъ дѣлѣ.—Н. Нордовъ. Морскія замѣтки.—Некрологи.—Критическое обозрѣніе.

„Русскій Архивъ". (1914—5). Письмо М. Н. Алисова къ супругѣ. Сообщ. гр. Соллогубъ.—Письма кн. Д. П. Долгорукаго къ отцу.—Н. С. Граве. Къ исторіи еврейства.—С. Фарфоровскій. Ногайцы въ русской исторіи.—Н. Кедровъ. Заботы митроп. Филарета о Моск. дух. семин.—Д-ръ И. Я. Брюль-Сербинъ. Д-ръ Э. Мукъ.—Л. В. М. Родословіе дворянъ Митусовыхъ.—Ѳ. Ѳ. Аристовъ. „Истинная исторія карпато-россовъ" А. Духновича.—О книгахъ.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство". (1914—6). Акад. В. В. Бартольдъ. Къ исторіи орошенія Туркестана.—Н. Л. Скалозубовъ. Опытныя учрежденія, селекціонныя поля, семянныя хозяйства.—А. П. Стебутъ. Массовый отборъ яровой пшеницы.—Инж. П. Н. Бѣляевъ. Результаты опытовъ машиннаго орошенія на Безенчукской и Костачевской опытныхъ станціяхъ.—Л. К. Васпишаковскій. Обзоръ польской с.-хоз. литературы по вопросамъ экономики и организаціи хозяйства за 1912 и 1913 г.—А. О. Фабрикантъ. Обзоръ земской агрономической дѣятельности.—Н. К. Н-въ. Работа по изслѣдованію торфа съ химической и агрономической точки зрѣнія.—Библіографія.—Приложеніе: Д. Х. Робинсонъ. Основы и практика разведенія домашней птицы.

„Сельско-Хозяйственное Образованіе". (1914—5). Я. П. Неклюдовъ. О вознагражденіи преподавательскаго персонала, по даннымъ Департ. Земледѣлія.—В. Джабагіевъ. Высшія народныя школы

...ндинавскихъ государствахъ.—П. П. Сувъ. Кинематографъ.—Н. Г. О воспитаніи въ ...шихъ с.-х. училищахъ.—В. П-ъ. Замѣтки ...подавателя.—Хроника.—За границей.—Библіографія.

„Современный Міръ“. (1914—6). В. Сѣрошевскій. Затишье, ром.—М. Врановъ. На чужбинѣ. Изъ записокъ эмигранта).—А. Рославлевъ. Стихотв.—Г. Мангъ. Вѣрноподданный, ром. Автор. перев. съ рукописи, А. Полоцкой. (Продолж.).—Вл. Ладыженскій. Памяти А. П. Чехова.—Б. Садовскій. Стихотв.—О. Аптекманъ. Изъ записокъ семидесятника.—Г. Цыперовичъ. Большіе магазины.—К. Пажитновъ. Земледѣльческій капитализмъ въ Америкѣ.—В. Переверзевъ. Возможный замокъ эстетики.—Д. Тальниковъ. Неразумѣніе въ стихахъ.—Г. Алексинскій. Изъ древней россійской въ „городъ ассирійской“.—Ю. Стокловъ. Парламентарскіе выборы во Франціи.—І. Ларскій. Вопросы текущей жизни. Мелкая прогрессивная единица.—А. Финнъ-Енотаевскій. Наши банки и биржа.—Демьянъ Бѣдный. І. Басни и сатиры: 1. Чижъ-трезвенникъ. 2. Мужики. 3. Администр. методика. II Эпиграммы: 1. Почему? 2. Администр. юморъ. 3. На своемъ мѣстѣ.—Е. Чириковъ. Провинціальныя картинки.—Критика и библіографія.

„Софія“ (1914—5). Переоцѣнки. Ал-дръ Анисимовъ. Этюды о новгородской иконописи. II.—W. Deonna. Искусство и дѣйствительность. Вопросы археологическаго метода.—П. Муратовъ. Молодость Повтормо.—Б. Грифцовъ. Послѣдній поэтъ.—Л. Гросманъ, Гофманъ. Бальзакъ, Достоевскій.—Н. „Вакхъ съ виноградной кистью“ Бруни.

„Сѣверныя Записки“. (1914—6). С. Сергѣевъ-Ценскій. Преображеніе, романъ. (Продолж.).—С. Парнокъ. Стихотв.: 1. Вечеромъ. 2. На закатѣ. 3. Я не люблю.—Э. Цанъ. Розы, разсказъ. Перев. съ нѣм. З. Зоньковичъ.—А. Ахматова. Стихотв.: 1. Дама въ лиловомъ. 2. Сталъ мнѣ рѣже сниться.—Р. Губеръ. Искушеніе, разск.—А. Л. Эльстремъ. Лейтенантъ Арміи Спасенія, разск. Пер. со шведск. М. Розенфельдъ.—П. Надинъ. Анна Загибалова. (Изъ прошлаго Сибири).—П. Торгашевъ. Стрѣльниковскій процессъ. (Воспоминанія народовольца).—Г. Ландау. Трагедія непротивленія.—А. Полянинъ. „Петербургъ“. (Романъ Андрея Бѣлаго). — П. Ю. Шмидтъ. Химія жизни.—Прив.-доц.—Е. Сталинскій. Профессіональное движеніе и организація демократіи.—В. Керженцевъ. Наканунѣ гомрууля. (Письмо изъ Англіи).—Д. Заславскій. Дѣло адвокатовъ.—С. Р. Школа и демократія во Франціи.—Библіографія.

„Украинская Жизнь“. (1914—5/6). С. А. Ефремовъ. Вокругъ львовскаго процесса. (Отклики русской печати).—К. П. Михальчукъ. Изъ украинскаго былого. (Къ воспоминаніямъ Б. С. Познанскаго).—М. Давько. Баянъ Буковинской Украйны. (Къ 25-лѣтію смерти Юрія Федьковича-Гордынскаго).—М. Кученко. Угорская Русь.—П. М. Хоткевичъ. Баодура и ея мѣсто среди современныхъ музыкальныхъ инструментовъ.—Е. Выровой. О „плевкахъ“ и „культурной невоспитанности“. — Къ. эволюціи проф. А. Л. Погодина: І. М. Лозинскій. Открытое письмо къ А. Л. Погодину. II. С. Ефремовъ. Своеобразная лѣтопись.—Л. Бурчакъ. Смерть сказки. (С. Черкасенко. „Казка стараго млина“).—С. Ф. Русова. Англичанинъ объ украинскомъ вопросѣ.—П. А. Бочковскій. Проф. Масарикъ объ украинскомъ вопросѣ.—Пр.-доц. В. П. Пичета. Новые труды польскихъ историковъ по исторіи Украйны.—На Украйнѣ и внѣ ея.—Библіографія.—Литературная лѣтопись.

„Учитель и Школа“. (1914—10). П. Горемыка. Чья вина,—С. Лыжинъ. Современные реформаторы воспитанія. (Отто Зейнигъ).—Н. Рубакинъ. Что и какъ читать учителю народной школы съ наименьшей затратой силъ и времени.—Е. Проскурикова. Къ вопросу объ организаціи школьной библіотеки.—В. Стремляновъ. Филаретовское общество. — Е. Чарнолуская. Церковь и школа въ Гамбургѣ.—А. Локтинъ. Сообщенія съ мѣстъ. Н.-Новгородъ. Новый видъ внѣшкольнаго образ. въ деревнѣ.—Библіографія.

Библіографія по отд. вопросамъ.

Частные вопросы педагогики [016:371].

1) Физическое воспитаніе. Игры. [371.73/5].

Александровскій, А., д-ръ. Первая помощь больному ребенку. Краткое популярное руководство для родителей. Спб. 1913. Изд. Вольфъ. 16 стр. 15 к.

Анисимовъ, Ф. Школьныя дачи-колоніи. „Жур. для Вс.“ 1913, 12.

Афанасьевъ, П. Объ усталости физической и умственной. „Для Нар. Уч.“ 1911, 9 и 10.

Бартрамъ, Н. Игрушка—радость дѣтей. Значеніе игрушки. Самодѣльныя игрушки. Описаніе игрушекъ, составл. по Брему, Афанасьеву, Костомарову и др. Кузьминской, Романовымъ и Соловьевымъ. М. 1912 144 стр. 1 р.

Бекарюковъ. Основныя начала школьной гигіены. 1906. 2 р.

Бидертъ, Ф., проф. Болѣзни дѣтей школьнаго возраста. Школьная гигіена. Перев. д-ра Г. Гордова, подъ ред. проф. Соколова. 1 р. [Есть указатель нѣмецкой литературы].

Б. М. Гигіена сна. „Восп. и Об.“ 1910, 6.

Бокинъ, П. Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Съ 81 го рис. 2-е. изд. Сбп. 1903. 2 р.

Бокъ. Сохраненіе здоровья дѣтей школьнаго возраста. (Совѣтъ родителямъ и педагогамъ) 40 к.

Боруцкій, В., Глаголь, С., Харузина, В. Малахіева-Мировичъ и Н. Бартрамъ. Игрушка, ея исторія и значеніе. Сборникъ статей подъ ред. Н. Бартрамъ. М. 1912. Изд. И. Сытина. 246 стр. 1 р. 25.

Брейтманъ, И., д-ръ. Школьная гигіена. (по Котельманну). 40 к.

Брюкке. Какъ охранить намъ жизнь и здоровье нашихъ дѣтей. Перев. со 2-го нѣм. изд. д-ра А. С. Аршавскаго. 1892. 1 р.

Бургерштейнъ к Нетолицкій. Руководство по школьной гигіенѣ. Пер. подъ ред. проф. Хлопина. Спб. 1908. 2 части. 470+627 стр. 7 р.

Бургерштейнъ, Л. Охрана здоровья учащагося юношества. Руководство для родителей и воспитателей. Перев. съ 10-го нѣм. изд. 1905. 15 к.

Вагнеръ, Вл. Біологическія воззрѣнія и вопросы жизни. (Воспитаніе и наслѣдственность „Рус. М.“ 1899, 5.

Ванъ—Путеренъ, М. Д. Нормальная дѣтская. „Энц. сем. восп.“ Вып. XIV. 20 к.

Вериго, М. Какъ занять дѣтей до-школьнаго возраста. Бесѣды, игры, занятія. Со многими рис. и черт. въ текстѣ. Перев. со 2-го польск. изд. Е. Троповской. Спб. 1912. 180 стр. 1 р.

Видеманъ, Ф. Полное практическое руководство для воспитанія здороваго ребенка. Книга практическихъ совѣтовъ для родителей, воспитателей и преподавателей. Перев. съ 10-го нѣм. изд., подъ ред. А. Грена. Изд. 1911 г. „Надежда“. II+318 стр. 2 р.

Вирeніусъ. Характеристика ребенка. „Энц. сем. восп.“ 2-й 30 к.

Его же. Характеристика учащагося. Тѣлосложеніе, характеръ, темпераментъ въ пору школьнаго возраста. Спб. 1904. 50 к.

Его же. Основныя положенія школьной гигіены. „Нар. Образ.“ 1897 г.

Его же. Сонъ ребенка. „Энц. сем. восп.“ Вып. XXXV. 30 к.

Его же. Исправленіе позвоночника. „Энц. сем. восп.“ Вып. XV. 30 к.

Владимирскій, А. Умственная работоспособность въ различные часы школьнаго дня. „Рус. Шк.“ 1909, 5/6, 7/8, 9 и 10.

Гариво и Пеллетье. Подвижныя игры на открытомъ воздухѣ и въ комнатѣ для дѣтей и взрослыхъ. Перев. съ фр., подъ ред. г. Наміота. Спб. 1912. Изд. к-ва „Сотрудникъ“ 80 стр. 75 к.

Гердъ. Практическое руководство къ раціональной педагогической гимнастикѣ. Съ 100 рис. 75 к.

Его же. Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ, съ предисловіемъ для родителей и воспитателей. Спб. 1912. Изд. „Шиповника“. 5-е. 324 стр. 2 р.

Гермоніусъ, А. Объ увеличеніи работоспособности учащихся. „Р. Шк.“. 1909, 5—6.

Гоксингеръ. Гигіена дѣтскаго возраста. 75 к.

Горбунова, Е. Подвижныя игры въ комнатѣ и на открытомъ воздухѣ. 1911 г. М. „Библ. И. Горбунова-Посадова“. 18 к.

Гориневскій, В. Физическое образованіе. Пособіе для воспитателей, преподавателей учебныхъ заведеній и лицъ, занимающихся физическимъ воспитаніемъ. Научно-попул. излож. Спб. изд. автора. 212 + VIII стр. съ рис. 2 р. 50 к.

Его же. Современныя задачи физическаго образованія. (Докладъ). „Рус. Шк.“. 1913, 5—7.

Его же. О закаливаніи человѣческаго тѣла, какъ средство вопитанія. Ч. I. Теорія закаливанія. — Ч. II. Практика закаливанія. „Энц. Сем. Восп.“ Вып. XX. и XXI. По 30 к.

Гроосъ, К. Игра и ея жизненная цѣнность.

Гундобинъ, Н. Школьная гигіена. 60 к.

Его же. Жизнь ребенка. [Огд. оттиски изъ журн. „Спутникъ Здоровья“]. 1901. 50 к.

Делобель. Школьная гигіена. Перев. подъ ред. д-ра Виреніуса. 1 р.

Демени, Г. Научныя основанія физическаго воспитанія. Перев. съ фр. подъ ред. прив.-доц. В. Е. Игнатьева. Съ рис. и діагр. 1895. 1 р.

Демени, Г. Филиппъ, Ж. и Расинъ, Г. Теоретическій и практическій курсъ физическаго воспитанія. Перев. съ 2-го нѣм. изд. М. Владимірскаго. М. 1912. Изд. Сабашниковыхъ. 348 . 1 р. 75. к.

[illegible]рнова-Ярмоленко, А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенкомъ. М. 191[illegible] изд. „Посредникъ“. 124 стр. 55 к.

Джунковская, Е. Воспитаніе жизнерадостнаго ребенка. Спб. 1913. Изд. М. О. Вольфъ. Стр. 15. 15 к.

Дитя. Уходъ и физическое воспитаніе отъ рожденія до зрѣлости. Подъ ред. П. Зелтера. Спб. 1912. Изд. „Новое въ медиц.“ 453 стр. 3 р. 75 к.

Долиновъ, С. Физическое образованіе на съѣздѣ по семейному воспитанію. „Пед. Обр.“ 1913, 2 и 3.

Дорнблитъ, Ф., д-ръ. Гигіена школьнаго возраста. Перев. съ нѣм. Изд. библ. „Нар. Здр.“, Спб. 1900. Стр. 80. 20 к.

Душечкинъ, Я. Сборникъ игръ съ указаніями, относящимися къ постановкѣ и воспитательному значенію ихъ. Съ 98-ю рис. 1903. 2 р.

Енько, П. Д. Уходь за глазами дитяти. Стр. 32. „Энц. сем. восп.“ Вып. XXVIII. 30 к.

Залѣсова, Е. Педагогическая гимнастика и дѣтскія игры для занятій въ школѣ и дома. 1898. 1 р.

Ивановскій, А. Объ антропологическихъ классификаціяхъ. „Вѣст. Восп.“ 1911, 3.

Ивановъ, М. Физическое воспитаніе въ школахъ Запада. Казань. 1911. Изд. Каз. Педаг. Музея. 25 к.

Игнатьевъ, В. Физическое развитіе дѣтей въ связи съ гигіеной. „Педаг. акад. въ оч. и моногр“. Изд. „Польза“, В. Антикъ и К°. М. 1913. 208, стр. 1 р. 60 к.

Его же. Физическое воспитаніе, гимнастика, спортъ, подвижныя игры. „Педагогич. академія въ очеркахъ и монографіяхъ. Подъ общей ред. А. Нечаева. т. X“. М. 1912. Изд. „Польза“. 207 стр. 1 р. 60. к.

Итоги работъ. Совѣщанія по физическому воспитанію дѣтей. „Нар. Обр.“ 1913, 12.

Каптеревъ П. Ф. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. „Энцикл. сем. восп.“ Вып. IV. 30 к.

Каринцевъ, Н. Физическое воспитаніе ребенка. „Восп. и Об“ 1910, 11.

Карсій, О. Лѣтнія колоніи для дѣтей во Франціи. „Пед. Л.“ 1913, 1.

Колоцца, Д. Дѣтскія игры, ихъ педагогическое и психологическое значеніе. Перев. съ итальянск. М. 1911. Изд. „Моск. книгоизд.“ XVII.+235 стр. 75 к.

Котельманъ, Л. Основы школьной гигіены. М. 1906. Стр 436. 1 р. 75 к.

Крамаренко, В. О физическомъ развитіи и воспитанія. Кіевъ. 1911. Изд. „Veritas“. 54 стр.

Крапелинъ. Гигіена труда, умственный трудъ. Спб. 1898. Стр. 100. 30 к.

Критъ, М. Физическое воспитаніе и физическое образованіе, ихъ цѣли, факторы и средства. (Опытъ изслѣд.) Спб. 1912. Изд. т. „Педаг. Сборн.“ 38 стр. 50. к.

Лагранжъ, Ф. Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Перев. Е. М. Дементьева. 2 е изд. Спб. 1896. 3 р.

Леогафтъ, Н. Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. Ч. I. Спб. 1912. Изд. 3-е. Спб. 1896. 3 р.

(*Продолж. въ слѣд. №*).

Издатели: В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій

4 р. въ годъ за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913—14 годъ (5-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюллетени“ вдутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и неперіод., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“— это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● О типѣ журнала „Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. ● *Библіографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.*

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Рос.: „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. Въ журн. сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. совр. жизни“... ● Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу“... ● Огни: „Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культур. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“... ● Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ● Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и познаній какъ отечественной, такъ и міровой мысли“. ● Ил. Обозр. Гол. М.: „Бюлл.“ безпристрастно и вполнѣ объективно дастъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ● Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекомен. книгъ“. ● Раз. Вѣст.: „Бюлл.“ умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журн. отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книж. рынокъ“... ● Сѣв. У.: „Журн. въ дѣльныхъ обзорн. статьяхъ даетъ хронику интересныхъ явленій всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго“... ● Рус. Вѣдом.: „Все то важное, что теряется въ гущѣ журн. и газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ несомнѣнно,—но и самые широкіе круги читателей“... ● Кіев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для тѣхъ, кто такой возможности лишенъ, въ особенности для провинц. читателя, руководителей библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ огромный“. ● Рам. Утро: „Не говоря уже о практич. значеніи журнала... главнымъ образ. для провинціи, нельзя не отмѣтить интереса его, какъ періодич. лѣтописи нашей духовной жизни. Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетенями“.

Просмотръ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.)—4 р. 50 к.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября.

Контора и ред. Москва, Мерзляковс. пер. д. 6. Тел. 5-02-06.

Издатели: *В. Крандіевскій и В. Носенковъ.*
Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца

4 руб. въ годъ. За 22 кн.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

съ 1-го сентября 1914 г.

НА 1914—15 Г.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Открыта подписка на 1914—15 г. 6-й годъ изд.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ НОВАГО ТИПА.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 6 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца. За годъ выйдетъ 22 книги, которыя составятъ два тома свыше 2000 страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 руб.; на 6 мѣс.—2 р. 50 к.; на 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежденіяхъ. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. Цѣна отд. №—30 к., на ставціяхъ ж. д. и въ провинціи—35 к. Пробный № высылается за три семикопѣечныхъ марки.

Имѣются полные комплекты „Бюллетеней“ за три предыдущихъ года. Цѣна безъ пересылки:

За 1911—12 г.—3 руб. безъ переплета;				4	руб.	въ	переплетѣ
„ 1912—13 г.—3	„	„	„	4	„	„	„
„ 1913—14 г.—4	„	„	„	5	„	„	„

Стоимость пересылки по разстоянію и вѣсу.

Книгоиздательства приглашаются присылать на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ подробн. библіографич. свѣдѣній.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются только послѣ текста и на обложкѣ: 1 страница—40 руб., 1/2 стр.—25 р., 1/4 стр.—16 р., 1/8 стр.—10 р.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: Москва, Хлѣбный пер., 1. Телеф. 5-02-06.

Издатели: *В. Брандіевскій и В. Носенковъ.*

Редакторъ: *В. Брандіевскій.*

Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При этомъ № гг. подписчикамъ разсылается переводный бланкъ конторы журнала и открытыя письма для рекомендаціи новыхъ подписчиковъ.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

AP
50
B54
g.5,no.20-21

Biulleteni literatury i zhizni.
g. 5, no. 20-21

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED